STUDIA ROSSICA GEDANENSIA

1/2014

Studia Rossica Gedanensia

1

Redakcja / Редакция / Edited by
Katarzyna Wojan & Żanna Sładkiewicz

REDAKTOR NACZELNA / EDITOR-IN-CHIEF
Dr hab. Katarzyna Wojan (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)

ZESPÓŁ REDAKCYJNY / EDITORIAL BOARD
Dr Wanda Stec (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — zastępca redaktora naczelnego / deputy editor-in-chief
Dr Ewa Konefał (Uniwersytet Gdański / University of Gdańsk, Poland) — sekretarz redakcji / secretary
Dr Anna Hau (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland)
Dr Radosław Kaleta (Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland)
Dr Michał Golubiewski (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — redaktor językowy, język angielski / language editor, English
Dr Tatiana Kopac (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — redaktor językowy, język rosyjski / language editor, Russian
Dr Sylwia Karpowicz-Słowikowska (Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland) — redaktor językowy, język polski / language editor, Polish

PROJEKT GRAFICZNY OKŁADKI / COVER DESIGN
Ekaterina Kaleta
Na okładce: fragment obrazu I.I. Szyszkina *Корабельная роща* (1898), olej, płótno, 165 x 252 cm, Państwowe Muzeum Rosyjskie w Petersburgu / On the cover: a detail of the painting *Mast-Tree Grove* by Ivan I. Shiskin (1898), oil on canvas, 165 x 252 cm, The State Russian Museum, St. Petersburg.

SKŁAD I ŁAMANIE / COMPUTER-AIDED COMPOSITION
Dorota Biniakiewicz

© Copyright by the Authors and Editorial Board

Publikacja finansowana ze środków na utrzymanie potencjału badawczego Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego. This journal is sponsored by the Faculty of Languages, University of Gdańsk, Poland.

ADRES REDAKCJI / EDITORIAL BOARD OFFICE
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, Wydział Filologiczny, Uniwersytet Gdański
ul. Wita Stwosza 55, PL 80-952 Gdańsk
E-mail: finkw@univ.gda.pl; filzs@ug.edu.pl

WYDAWCA / PUBLISHER
Wydział Filologiczny, Uniwersytet Gdański, Polska / Faculty of Languages, University of Gdańsk, Poland

Interdyscyplinarne czasopismo naukowe gdańskich rusycystów. Podejmuje zagadnienia związane z językiem, literaturą, kulturą i historią Rosji, a także komparatystyką. Do druku przyjmowane są teksty w języku polskim, rosyjskim i angielskim.
An interdisciplinary periodical published by scholars in Russian studies in Gdańsk. Devoted to issues connected with Russian language, literature, culture and history, as well as with comparative studies. Articles in Polish, Russian and English are accepted.
Studia Rossica Gedanensia is published in print and online (<http://cwf.ug.edu.pl/ojs/index.php/SRG>). The online version is primary.

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, Wydział Filologiczny
Uniwersytet Gdański, Polska

Институт восточнославянской филологии, Филологический факультет
Гданьский университет, Польша

Institute of East Slavic Philology, Faculty of Languages
University of Gdańsk, Poland

Studia Rossica Gedanensia

1

Redakcja / Редакция / Edited by
Katarzyna Wojan & Żanna Sładkiewicz

Gdańsk 2014

RADA NAUKOWA / ADVISORY EDITORIAL BOARD

Prof. UG, dr hab. Marcelina Grabska (*Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland*) — przewodnicząca / chair
Prof. dr hab. Franciszek Apanowicz (*Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland*)
Prof. dr hab. Valentina N. Avramova / Валентина Н. Аврамова (*Uniwersytet Konstantyna Presławskiego w Szumen, Bułgaria, Prezydium MAPRYAL / University of Shumen Episkop Konstantin Preslavski, Bulgaria, Presidium* of *MAPRYAL*)
Prof. dr hab. Jerzy Kaliszan (*Uniwersytet Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland*)
Prof. dr hab. Ludmiła Łucewicz (*Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland*)
Prof. dr hab. Valentina A. Maslova / Валентина А. Маслова (*Witebski Uniwersytet Państwowy im. Piotra Maszeraua, Białoruś / Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Belarus*)
Prof. UG, dr hab. Elżbieta Mikiciuk (*Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland*)
Prof. dr hab. Valerij M. Mokienko / Валерий М. Мокиенко (*Petersburski Uniwersytet Państwowy, Rosja / Saint Petersburg State University, Russia*)
Prof. dr hab. Zbigniew Opacki (*Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland*)
Prof. dr hab. Ludmila V. Rychkova / Людмила В. Рычкова (*Grodzieński Uniwersytet Państwowy im. Janki Kupały, Białoruś / Yanka Kupala Grodno State University, Belarus*)
Dr hab. Żanna Sładkiewicz (*Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland*)
Prof. dr hab. Tatiana Ye. Shapovalova / Татьяна Е. Шаповалова (*Państwowy Regionalny Uniwersytet Moskiewski, Rosja*) / *Moscow State Regional University, Russia*)
Prof. UW, dr hab. Dorota Urbanek (*Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland*)
Prof. dr hab. Jan Wawrzyńczyk *em. prof.* (*Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland*)

RECENZENCI / REVIEWERS

Prof. UKW, dr hab. Halina Bartwicka (*Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska / Kazimierz Wielki University, Poland*)
Prof. dr hab. Leszek Bednarczuk *em. prof.* (*Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie, Polska Akademia Umiejętności, Polska / Pedagogical University in Cracow, Polish Academy of Arts and Sciences, Poland*)
Prof. dr hab. Anna Bednarczyk (*Uniwersytet Łódzki, Polska / University of Lodz, Poland*)
Dr Alaxandr Brazgunou / Александр Бразгунов (*Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*)
Prof. UP, dr hab. Halina Chodurska (*Uniwersytet Pedagogiczny w Krakowie, Polska / Pedagogical University in Cracow, Poland*)
Prof. dr hab. Volodymyr V. Dubichynskyj / Владимир В. Дубичинский (*Narodowy Uniwersytet Techniczny, Charkowski Instytut Politechniczny, Ukraina / National Technical University, Kharkiv Polytechnic Institute, Ukraine*)
Dr Siarhej V. Hruntov / Сергей В. Грунтов (*Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*)

Doc. dr Valentin Geshev / Валентин Гешев (*Uniwersytet Sofijski im. Św. Klemensa z Ochrydy, Bułgaria / St. Kliment Ohridski University of Sofia, Bulgaria*)
Dr Siarhej L. Haranin / Сергей Л. Гаранин (*Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*)
Doc. dr Elena A. Kazantseva / Елена А. Казанцева (*Białoruski Uniwersytet Państwowy w Mińsku, Białoruś / Belarusian State University, Minsk, Belarus*)
Dr Igor L. Kopylov / Игорь Л. Копылов (*Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*)
Dr Veranika N. Kurtsova / Вероника Н. Курцова (*Narodowa Akademia Nauk Białorusi, Mińsk, Białoruś / National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*)
Prof. dr hab. Jolanta Mędelska (*Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy, Polska / Kazimierz Wielki University, Poland*)
Dr hab. Anna Jaroszewska (*Uniwersytet Warszawski, Polska / University of Warsaw, Poland*)
Dr Piotr Koprowski (*Uniwersytet Gdański, Polska / University of Gdańsk, Poland*)
Prof. UWM, dr hab. Iwona Anna NDiaye (*Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie, Polska / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland*)
Dr hab. Grzegorz Ojcewicz, *em. prof.* (*Uniwersytet Warmińsko-Mazurski, Olsztyn, Polska / University of Warmia and Mazury in Olsztyn, Poland*)
Prof. dr hab. dr h.c. Raimo Pullat, *em. prof.* (*Uniwersytet Talliński, Estonia, Polska Akademia Umiejętności, Polska / Tallin University, Estonia, Polish Academy of Arts and Sciences, Poland*)
Prof. UAM dr hab. Andrzej Sitarski (*Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, Polska / Adam Mickiewicz University, Poland*)
Doc. dr Regina Venckutė, *em.* (*Uniwersytet Wileński, Wilno, Litwa / Vilnius University, Vilnius, Lithuania*)
Prof. dr hab. Halina Waszkielewicz (*Uniwersytet Jagielloński w Krakowie, Polska / Jagiellonian University in Kraków, Poland*)

SPIS TREŚCI

STUDIA I ARTYKUŁY

JĘZYKOZNAWSTWO

Leyla Yu. Mirzoeva
EWOLUCJA NACECHOWANEJ ANTROPONIMIKI LITERACKIEJ W JĘZYKU ROSYJSKIM VII–XIX WIEKU 21

Alesia Narloch
O LATYNIZACJI PISMA ROSYJSKIEGO W XVIII–XIX WIEKU 38

Magdalena Rybczyńska
O SEMANTYCE DERYWATU *МЕЙНСТРИМОВЫЙ* W ROSYJSKIM JĘZYKU INTERNETOWYM 51

Inna Yu. Samoylova
INNOWACJE AUTORSKIE W JĘZYKU. JOSIF BRODSKI 60

Anna M. Melerowich, Valerij M. Mokienko
O SPECYFICE ADAPTACJI BIBLIZMÓW W JĘZYKACH EUROPEJSKICH (*SYN MARNOTRAWNY* I JEGO MODYFIKACJE) 76

KOMPARATYSTYKA JĘZYKOZNAWCZA

Krystyna Szcześniak
KADYK, CZYM JEST I NA JAKICH OBSZARACH JEST? 89

Katarzyna Wojan
JAŁOWIEC/KADYK W ŚWIETLE „ETYMOLOGII GLOBALNEJ" 100

Katarzyna Wojan
ANALIZA WSPÓLNOTY HOMONIMICZNEJ JĘZYKA FIŃSKIEGO I ROSYJSKIEGO 142

LINGWISTYKA KORPUSOWA

Jan Wawrzyńczyk
JĘZYK ROSYJSKI NA STRONIE WWW.NFJP.PL 159

GLOTTODYDAKTYKA

Tatiana V. Cherkes
PAMIĘTNIKI JAKO ŹRÓDŁO INFORMACJI LINGWOKULTUROWEJ W NAUCZANIU JĘZYKA ROSYJSKIEGO JAKO OBCEGO (NA MATERIALE *ЗАПИСКИ М.Н. ВОЛКОНСКОЙ*) 167

Yury Fedorushkov, Andrzej Narloch
PROLEGOMENA DO DYDAKTYCZNEJ PREZENTACJI KONCEPTU JĘZYKOWEGO W WIZUALIZACJI GRAFOWEJ (NA PRZYKŁADZIE ROSYJSKIEGO KONCEPTU *БЕЛЫЙ*) 179

Natalia G. Muzychenko
CZASOWNIKI Z SEMAMI STATYCZNOŚCI I DYNAMICZNOŚCI W PRAKTYCE NAUCZANIA JĘZYKA ROSYJSKIEGO JAKO OBCEGO 209

Ekaterina A. Rovba
PIOSENKI POPULARNE W NAUCZANIU JĘZYKA ROSYJSKIEGO JAKO OBCEGO 223

LITERATUROZNAWSTWO

Franciszek Apanowicz
MIĘDZY POETYKĄ A POEZJĄ. KILKA UWAG O WIERSZACH GLEBA GLINKI 239

Lyudmil I. Dimitrov
PÓŹNY GOGOL. WSZYSTKIE DROGI PROWADZĄ DO RZYMU 248

Tatiana M. Kolyadich
INTENCJE AUTORSKIE W POWIEŚCI W. AKSIONOWA *WOLTERIANIE I WOLTERIANKI* 262

Piotr Koprowski
MIĘDZY MIŁOŚCIĄ A ŚMIERCIĄ, CZYLI IWANA TURGIENIEWA KONCEPCJA LUDZKIEGO LOSU 278

Ludmiła Łucewicz
„ZAKAZANA RELIGIA SPRAWY POLSKIEJ" W *SPOWIEDZI* MICHAŁA BAKUNINA 290

Siarhei A. Padsasonny
MOTYW GRZECHU W POWIEŚCIACH F.M. DOSTOJEWSKIEGO 303

Neonila Pawluk
„JA JESTEM MOIM CIAŁEM (…)". O ROLI CIELESNOŚCI I RELACJI JA–TY W OPOWIADANIU *MASKA* IWANA BUNINA 319

Svetlana A. Vergeenko
KATEGORIA *MOTYWU* W NAUKACH FILOLOGICZNYCH 328

Maja Więckowska
ZARYSY PORTRETOWE POSTACI W CYKLU SZKICÓW PODRÓŻNICZYCH I. BUNINA *CIEŃ PTAKA* 342

Natalia V. Volodina
POJĘCIE AKTUALIZACJI W LITERATUROZNAWSTWIE ROSYJSKIM I EUROPEJSKIM 354

PRZEKŁADOZNAWSTWO

Ludmila V. Kushnina
O PODEJŚCIU ANTROPOCENTRYCZNYM WE WSPÓŁCZESNEJ TEORII PRZEKŁADU 369

Tatiana G. Shchedrina
ARCHIWUM EPOKI GUSTAWA SZPETA. O PRZEKŁADACH A. MICKIEWICZA W ROSJI RADZIECKIEJ 378

FILOLOGIA ŚLEDCZA

Grzegorz Ojcewicz
Z FILOLOGII ŚLEDCZEJ. O ALEKSANDRZE GILAREWSKIM, OBDUCENCIE ZWŁOK SIERGIEJA JESIENINA — RAZ JESZCZE 391

KULTUROZNAWSTWO

Svetlana A. Gorskaya
LEKSYKA ASTRONOMICZNA W GWARACH GRODZIEŃSZCZYZNY JAKO FRAGMENT BIAŁORUSKIEGO JĘZYKOWEGO OBRAZU ŚWIATA W KONFRONTACJI Z ROSYJSKIM 411

Olga F. Shatalova
„BÓG DAŁ WAM WSZYSTKIE DOBRA, WY JEGO NIE POZNALIŚCIE, A WSZYSTKO OD BIESÓW SWOICH MIEĆ CHCECIE...". RELIGIJNE WYOBRAŻENIA DZIEWIĘTNASTOWIECZNYCH BIAŁORUSKICH WŁOŚCIAN 421

Żanna Sładkiewicz
KUBUŚ PUCHATEK CZY DZIKA BESTIA — OBLICZA „ROSYJSKIEGO NIEDŹWIEDZIA" WE WSPÓŁCZESNEJ KARYKATURZE POLITYCZNEJ 431

HISTORIA

Viktor V. Hrybko
RÓD WOŁODKOWICZÓW W HISTORII BIAŁORUSI I CZAŚNIK 457

Bolesław Mrozewicz
PETERSBURSKIE LATA „MARSKIEGO" — MARSZAŁKA CARLA GUSTAFA EMILA MANNERHEIMA — W FIŃSKIEJ POWIEŚCI PAAVO RINTALI *MOJA BABCIA I MANNERHEIM* .. 474

RECENZJE

А.М. Подшивайлова. *Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе*. Киев: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет» 2013, 431 с. (*Antonina M. Grigorash*) 493

Жанна Сладкевич. *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, 522 ss. (*Andrzej Sitarski*) 497

Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej. Red. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, 318 ss. + tablice (*Grzegorz Ojcewicz*) 499

Rosja w krysztale. Rozważania, fakty, miraże. Россия в хрустале. Размышления, факты, миражи. Red. Diana Oboleńska, Urszula Patocka-Sigłowy, Katarzyna Arciszewska, Karolina Rutecka. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, 476 ss. (*Grzegorz Ojcewicz*) 502

Iwan Bunin. Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście... Red. Iwona Anna NDiaye i Grzegorz Ojcewicz. Seria Luminarze Rosyjskiej Emigracji. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej WUM, 2013, 471 ss. (*Anna Bednarczyk*) 506

BIBLIOGRAFIE

Bibliografia wybranych prac Profesora Franciszka Apanowicza (*oprac. Katarzyna Wojan*) 511
Bibliografia wybranych prac Profesor Janiny Bartoszewskiej (*oprac. Katarzyna Wojan*) 527
Bibliografia wybranych prac Profesor Marceliny Grabskiej (*oprac. Katarzyna Wojan*) 532
Bibliografia wybranych prac Magister Teresy Szymanik (*oprac. Katarzyna Wojan*) 538

KRONIKA

Jubileusz 70-lecia Profesora Franciszka Apanowicza (*Lucyna Kapała*) 543
Potrójny Jubileusz Profesor Janiny Bartoszewskiej (*Wanda Stec*) 547
Profesor Marcelina Grabska. Jubileusz 50-lecia pracy dydaktycznej oraz 40-lecia pracy naukowej (*Marian Szczodrowski*) 550
Jubileusz 40-lecia pracy dydaktycznej Magister Teresy Szymanik (*Katarzyna Wojan*) 555
Słowo o dyktandzie rosyjskim (*Tatiana Kopac*) 559

O Autorach (*oprac. Katarzyna Wojan*) 563

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лейла Ю. Мирзоева
ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОЧНОЙ АНТРОПОНИМИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII–XIX ВЕКОВ 21

Алеся Нарлох
О ЛАТИНИЗАЦИИ РУССКОГО ПИСЬМА В XVIII–XIX ВВ 38

Магдалена Рыбчиньска
О СЕМАНТИКЕ ДЕРИВАТА *МЕЙНСТРИМОВЫЙ* В РУССКОМ ИНТЕРНЕТ-ЯЗЫКЕ 51

Инна Ю. Самойлова
АВТОРСКИЕ ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ. ИОСИФ БРОДСКИЙ 60

Анна М. Мелерович, Валерий М. Мокиенко
О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ
В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ (*БЛУДНЫЙ СЫН* И ЕГО МОДИФИКАЦИИ) 76

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Кристина Щесняк
KADYK – ЧЕМ И В КАКИХ РЕГИОНАХ ЯВЛЯЕТСЯ? 89

Катажина Воян
JAŁOWIEC/KADYK В СВЕТЕ „ГЛОБАЛЬНОЙ ЭТИМОЛОГИИ” 100

Катажина Воян
АНАЛИЗ ОМОНИМИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ ФИНСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ 142

КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА

Ян Вавжинчик
РУССКИЙ ЯЗЫК НА САЙТЕ WWW.NFJP.PL 159

ЛИНГВОДИДАКТИКА

Татьяна В. Черкес
МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ПРЕПОДАВАНИИ РКИ (НА МАТЕРИАЛЕ «ЗАПИСОК М.Н. ВОЛКОНСКОЙ) 167

Юрий Федорушков, Анджей Нарлох
ПРОЛЕГОМЕНЫ К ДИДАКТИЧЕСКОЙ ПРЕЗЕНТАЦИИ ЯЗЫКОВОГО КОНЦЕПТА В ГРАФОВОЙ ВИЗУАЛИЗАЦИИ (НА ПРИМЕРЕ РУССКОГО КОНЦЕПТА *БЕЛЫЙ*) 179

Наталья Г. Музыченко
ГЛАГОЛЫ С СЕМАМИ СТАТИЧНОСТИ И ДИНАМИЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО 209

Екатерина А. Ровба
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОПУЛЯРНЫХ ПЕСЕН НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ 223

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Францишек Апанович
МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ И ПОЭЗИЕЙ. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СТИХАХ ГЛЕБА ГЛИНКИ 239

Людмил И. Димитров
ПОЗДНИЙ ГОГОЛЬ. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ 248

Татьяна М. Колядич
АВТОРСКИЕ ИНТЕНЦИИ В РОМАНЕ В. АКСЕНОВА *ВОЛЬТЕРЬЯНЦЫ И ВОЛЬТЕРЬЯНКИ* 262

Петр Копровски
МЕЖДУ ЛЮБОВЬЮ И СМЕРТЬЮ, ИЛИ КОНЦЕПЦИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ СУДЬБЫ ИВАНА ТУРГЕНЕВА 278

Людмила Луцевич
«ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕЛИГИЯ ПОЛЬСКОГО ДЕЛА» В *ИСПОВЕДИ* МИХАИЛА БАКУНИНА 290

Сергей А. Подсосонный
МОТИВ ГРЕХА В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО 303

Неонила Павлук
«Я — ЭТО МОЕ ТЕЛО (...)». О РОЛИ ТЕЛЕСНОСТИ И ОТНОШЕНИИ Я–ТЫ В РАССКАЗЕ ИВАНА БУНИНА *МАСКА* 319

Светлана А. Вергеенко
КАТЕГОРИЯ «МОТИВА» В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ 328

Мая Венцковска
ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ В ЦИКЛЕ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ И. БУНИНА *ТЕНЬ ПТИЦЫ* *342*

Наталья В. Володина
ПОНЯТИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ 354

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ

Людмила В. Кушнина
ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА 369

Татьяна Г. Щедрина
АРХИВ ЭПОХИ ГУСТАВА ШПЕТА. О ПЕРЕВОДАХ А. МИЦКЕВИЧА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 378

СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Гжегож Ойцевич
ИЗ СЛЕДСТВЕННОЙ ФИЛОЛОГИИ. ОБ АЛЕКСАНДРЕ ГИЛЯРЕВСКОМ, СУДЕБНОМ ВРАЧЕ, ПРОВОДЯЩЕМ ВСКРЫТИЕ ТРУПА СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА — ЕЩЁ РАЗ 391

КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ

Светлана А. Горская
АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ГРОДНЕНСКИХ ГОВОРАХ КАК ФРАГМЕНТ БЕЛОРУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ 411

Ольга Ф. Шаталова
«БОГ ДАЛ ВАМ ВСЯ БЛАГАЯ, ВЫ ЖЕ ЕГО НЕ ПОЗНАЛИ, А ВСЕ ОТ БЕСОВ СВОИХ ИМЕТЬ МНИТЕ…». РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БЕЛАРУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX ВЕКА 421

Жанна Сладкевич
ВИННИ-ПУХ ИЛИ СВИРЕПОЕ ЧУДОВИЩЕ — ИПОСТАСИ «РУССКОГО МЕДВЕДЯ» В СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КАРИКАТУРЕ 431

ИСТОРИЯ

Виктор В. Грибко
РОД ВОЛОДКОВИЧЕЙ В ИСТОРИИ БЕЛАРУСИ И ЧАШНИЧЧИНЫ 457

Болеслав Мрозевич
ПЕТЕРБУРГСКИЙ ПЕРИОД «МАРСКОГО» — МАРШАЛА КАРЛА ГУСТАВА ЭМИЛЯ МАННЕРГЕЙМА — В ФИНСКОМ РОМАНЕ ПААВО РИНТАЛЫ *БАБУШКА И МАННЕРГЕЙМ* 474

РЕЦЕНЗИИ

А.М. Подшивайлова. *Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе*. Киев: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет» 2013, 431 с. (*Антонина М. Григораш*) 493

Жанна Сладкевич. *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия.* Гданьск: Издательство Гданьского университета, 2013, 522 с. (*Анджей Ситарски*) 497

Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej. Red. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, 318 с. + таблицы (*Гжегож Ойцевич*) 499

Rosja w krysztale. Rozważania, fakty, miraże. Россия в хрустале. Размышления, факты, миражи. Red. Diana Oboleńska, Urszula Patocka-Sigłowy, Katarzyna Arciszewska, Karolina Rutecka. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, 476 с. (*Гжегож Ойцевич*) 502

Iwan Bunin. Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście... Red. Iwona Anna NDiaye i Grzegorz Ojcewicz. Seria Luminarze Rosyjskiej Emigracji. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej UWM, 2013, 471 с. (*Анна Беднарчик*) 506

БИБЛИОГРАФИИ

Библиография избранных трудов Профессора Францишка Апановича (*сост. Катажина Воян*) 511
Библиография избранных трудов Профессора Янины Бартошевской (*сост. Катажина Воян*) 527
Библиография избранных трудов Профессора Марцелины Грабской (*сост. Катажина Воян*) 532
Библиография избранных трудов Магистра Терезы Шиманик (*сост. Катажина Воян*) 538

ХРОНИКА

70-летний юбилей Профессора Францишка Апановича (*Люцина Капала*) 543
Тройной юбилей Профессора Янины Бартошевской (*Ванда Стец*) 547
Профессор Марцелина Грабска. Юбилей 50-летия трудовой и 40-летия научной деятельности (*Катажина Воян*) 550
Юбилей 40-летия профессиональной деятельности Магистра Терезы Шиманик (*Катажина Воян*) 555
Слово о русском диктанте (*Татьяна Копац*) 559

ОБ АВТОРАХ (*сост. Катажина Воян*) 563

CONTENTS

STUDIES AND ARTICLES

LINGUISTICS

Leyla Yu. Mirzoeva
THE EVOLUTION OF EMOTIVE PROPER NAMES IN THE RUSSIAN LANGUAGE FROM XVII TILL XIX C 21

Alesia Narloch
LATINISATION OF THE RUSSSIAN WRITING IN THE XVIII-TH – XIX-TH CENTURIES 38

Magdalena Rybczyńska
SEMANTICS OF *MAINSTREAM* VARIANTS IN RUSSIAN INTERNET LANGUAGE 51

Inna Yu. Samoylova
AN AUTHOR'S INNOVATIONS IN THE LANGUAGE. JOSIF BRODSKI 60

Anna M. Melerowich, Valerij M. Mokienko
ABOUT SPECIFIC LANGUAGE ADAPTATION OF BIBLICAL SUBJECTS IN EUROPEAN LANGUAGES (*PRODIGAL SON* AND ITS MODIFICATIONS 76

COMPARATIVE LINGUISTICS

Krystyna Szcześniak
KADYK: WHAT IS IT AND IN WHICH AREAS? 89

Katarzyna Wojan
JAŁOWIEC/KADYK IN THE LIGHT OF 'GLOBAL ETYMOLOGY' 100

Katarzyna Wojan
AN ANALYSIS OF THE HOMONEMIC COMMUNITY OF THE FINNISH AND RUSSIAN LANGUAGES 142

CORPUS LINGUISTICS

Jan Wawrzyńczyk
RUSSIAN LANGUAGE ON THE WEB SITE WWW.NFJP.PL 159

LANGUAGE EDUCATION

Tatiana V. Cherkes
MEMOIRS AS A SOURCE OF LINGUOCULTURAL INFORMATION IN TEACHING OF RFL (BASED ON THE *MEMOIRS OF PRINCESS M.N. VOLKONSKAYA*) 167

Yury Fedorushkov, Andrzej Narloch
PROLEGOMENA FOR DIDACTIC PRESENTATION OF A LINGUISTIC CONCEPT IN GRAPH VISUALIZATION (BASED ON THE RUSSIAN CONCEPT OF *БЕЛЫЙ*) 179

Natalya G. Muzychenko
VERBS WITH STATIC AND DYNAMIC SEMES IN PRACTICAL CLASSES OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE 209

Ekaterina A. Rovba
USING POPULAR SONGS IN TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE 223

LITERARY SCIENCE

Franciszek Apanowicz
BETWEEN POETICS AND POETRY. A FEW REMARKS ABOUT POEMS BY GLEB GLINKA 239

Lyudmil I. Dimitrov
LATE GOGOL. ALL ROADS LEAD TO ROME 248

Tatiana M. Kolyadich
AUTHOR'S INTENSIONS IN V. AKSENOV'S NOVEL *VOLTERYANTSY AND VOLTERYANKI* 262

Piotr Koprowski
BETWEEN LOVE AND DEATH, OR IVAN TURGENEV'S CONCEPTION OF HUMAN FATE 278

Ludmiła Łucewicz
„THE FORBIDDEN RELIGION OF THE POLISH CAUSE" IN *THE CONFESSION* BY M. BAKUNIN 290

Siarhei A. Padsasonny
THE MOTIF OF SIN IN F.M. DOSTOEVSKY'S NOVELS 303

Neonila Pawluk
„I AM MY BODY (...)". ON THE ROLE OF CORPOREALITY IN THE ME–YOU RELATIONSHIP IN IVAN BUNIN'S SHORT STORY *MASQUE* 319

Svetlana A. Vergeenko
THE CATEGORIES OF *MOTIFE* IN PHILOLOGY 328

Maja Więckowska
PORTRAIT SKETCHES IN TRAVEL ESSAYS *SHADOW OF A BIRD* BY I. BUNIN 342

Natalya V. Volodina
THE NOTION OF ACTUALIZATION IN THE RUSSIAN AND EUROPEAN LITERARY CRITICISM 354

TRANSLATION STUDIES

Ludmila V. Kushnina
ON THE ANTHROPOCENTRIC APPROACH TO CONTEMPORARY TRANSLATION THEORY 369

Tatiana G. Shchedrina
GUSTAV SHPET'S *EPOCH ARCHIVE*. OF THE TRANSLATION WORKS OF A. MICKIEWICZ IN SOVIET RUSSIA 378

INVESTIGATIVE PHILOLOGY

Grzegorz Ojcewicz
OF THE INVESTIGATIVE PHILOLOGY. ONCE AGAIN ON ALEXANDER GILAREVSKY, THE FORENSIC MEDICAL EXAMINER OF SERGEY YESIENIN 391

CULTURAL STUDIES

Svetlana A. Gorskaya
THE ASTRONOMICAL VOCABULARY IN GRODNO REGION ACCENTS AS PART OF BELARUSIAN LINGUISTIC WORLD IMAGE IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN ONE 411

Olga F. Shatalova
„GOD GAVE YOU ALL GOODS, YOU DID NOT RECOGNIZE HIM, AND WANT TO POSSESS EVERYTHING FROM YOUR DEMONS…" RELIGIOUS VIEWS OF BELARUSIAN PEASANTS OF THE 19TH CENTURY 421

Żanna Sładkiewicz
WINNIE THE POOH OR WILD BEAST — FACES OF „THE RUSSIAN BEAR" IN CONTEMPORARY POLITICAL CARICATURE 431

HISTORY

Viktor V. Hrybko
THE WOŁODKOWICZ FAMILY IN THE HISTORY OF BELARUS 457

Bolesław Mrozewicz
THE PETERSBURG YEARS OF „MARSKI" — MARSHALL CARL GUSTAF EMIL MANNERHEIM — IN THE FINNISH NOVEL OF PAAVO RINTALA *MY GRANDMOTHER AND MANNERHEIM* 474

REVIEWS

А.М. Подшивайлова. *Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе*. Киев: Издательско-полиграфический центр «Киевский университет», 2013, 431 pp. (*Antonina M. Grigorash*) 493

Жанна Сладкевич. *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, 522 pp. (*Andrzej Sitarski*) 497

Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej. Red. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, 318 pp. + tablice (*Grzegorz Ojcewicz*) 499

Rosja w krysztale. Rozważania, fakty, miraże. Россия в хрустале. Размышления, факты, миражи. Red. Diana Oboleńska, Urszula Patocka-Sigłowy, Katarzyna Arciszewska, Karolina Rutecka. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, 476 pp. (*Grzegorz Ojcewicz*) 502

Iwan Bunin. Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście... Red. Iwona Anna NDiaye i Grzegorz Ojcewicz. Seria Luminarze Rosyjskiej Emigracji. Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej WUM, 2013, 471 pp. (*Anna Bednarczyk*) 506

BIBLIOGRAPHIES

A bibliography of selected works of Prof. Franciszek Apanowicz (*comp. Katarzyna Wojan*) 511
A bibliography of selected works of Prof. Janina Bartoszewska (*comp. Katarzyna Wojan*) 527
A bibliography of selected works of Prof. Marcelina Grabska (*comp. Katarzyna Wojan*) 532
A bibliography of selected works of Teresa Szymanik, MA (*comp. Katarzyna Wojan*) 538

CHRONICLE

Celebration of the 70th Birthday of Professor Franciszek Apanowicz (*Lucyna Kapała*) 543
Professor Janina Bartoszewska: Triple Aniversary Celebration (*Wanda Stec*) 547
Profesor Marcelina Grabska: Celebration of 50 Years of Teaching and 40 Years of Research (*Marian Szczodrowski*) 550
Celebration of 40 Years of Teaching of Teresa Szymanik, MA (*Katarzyna Wojan*) 555
A word about a Russian dictation (*Tatiana Kopac*) 559

ABOUT AUTHORS (*comp. Katarzyna Wojan*) 563

STUDIA I ARTYKUŁY
ИССЛЕДОВАНИЯ И СТАТЬИ
STUDIES AND ARTICLES

JĘZYKOZNAWSTWO
ЯЗЫКОЗНАНИЕ
LINGUISTICS

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 31–37

ЭВОЛЮЦИЯ ОЦЕНОЧНОЙ АНТРОПОНИМИКИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ XVII–XIX ВЕКОВ

ЛЕЙЛА Ю. МИРЗОЕВА

Университет имени Сулеймана Демиреля
Факультет юриспруденции и социальных наук,
Кафедра педагогики и социальных дисциплин
пр. Абылай-хана 1/1, 040900, г. Каскелен, Карасай, Алматинская обл., Казахстан
e-mail: mirzoeva@list.ru
(получено 26.04.2014; принято 15.12.2014)

Abstract

The evolution of emotive proper names in Russian language from XVII till XIX c.

The article deals with a wide range of problems related to perception and interpretation of emotive proper names which existed in the Russian Language of 17–19 centuries. This type of language units requires special background knowledge in the sphere of emotive meanings which can be positive, negative or ambivalent. Emotive proper names are based on national stereotypes; that is why they are capable to render linguacultural information containing typical evaluations. In order to understand the evaluative system represented in Russian language, linguists should analyze emotive proper names from the aspects of space and time, and these principles of analysis enable us to expose evolutionary processes both in the range of emotive proper names and in the manner of their use.

Key words

Evaluation, proper name, stereotype, intensifying, emotive inversion, diachrony.

Резюме

В статье рассматриваются проблемы восприятия и понимания специфического разряда собственных имен, требующих знания закрепленных за ними оценочных смыслов (позитивных или негативных). Данные имена, ориентированные на квазистереотип, несут в себе заряд лингвокультурологической информации, поэтому очевидна необходимость анализа их в аспекте эволюции, в системе координат «пространство – время». В ходе исторического развития, как это показано в данной работе, существенно меняется и спектр этих оценочных средств, и принципы их использования.

Ключевые слова

Оценочность, антропоним, квазистереотип, интенсификация, оценочная инверсия, диахрония.

В процессе лингвистического анализа художественных текстов (а порой — даже при их прочтении) особые сложности связаны с восприятием и пониманием специфического разряда собственных имен, требующих знания закрепленных за ними оценочных смыслов (позитивных или негативных). Как указывает Е.Ю. Рубцова, «присущая языку кумулятивная функция определяет возможность накопления и отражения в антропонимах национально-культурной прагматической информации»[1]. Исследователи обозначают антропонимы такого рода по-разному. Так, Ю.А. Бельчиков[2] квалифицирует их как имена с культурным коннотативным компонентом, Р.А. Каримова[3]считает, что для адекватного их восприятия требуются специальные фоновые знания. В.Н. Телия[4] утверждает, что в них присутствует так называемый квазистереотип. Этим понятием мы и будем пользоваться в дальнейшем, так как, по нашему мнению, именно оно может прояснить те изменения, которые происходят в национальной языковой картине мира, процессе диахронического развития и находят свое отражение в оценочной антропонимике. Под *квазистереотипом* понимается символ, традиционный для данной языковой общности, отражающий видение мира данным народом. Квазистереотипы напрямую связаны с оценочной информацией, которая в большинстве случаев заложена в их семантике и не имеет иных

---

[1] Е.Ю. Рубцова. *Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону 2006, с. 5.

[2] Ю.А. Бельчиков. *О культурном коннотативном компоненте лексики.* [В:] *Язык: система и функционирование*. Москва: Наука, 1988, с. 30–35.

[3] Р.А. Каримова *Слова с фоновым оценочным значением.* «Русский язык в национальной школе», 1983, № 6, с. 13–17.

[4] В.Н. Телия. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты*. Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

способов эксплицитного выражения. Для носителей другого языка, иной культуры содержащиеся в них оценки могут показаться немотивированными и необоснованными. То же самое утверждение может оказаться справедливым и по отношению к разным срезам на диахронической оси развития одного конкретного языка (в частности, русского), так как зачастую передаваемые теми или иными средствами оценочные смыслы могут оказаться неактуализируемыми на ином этапе исторического развития языка и присущей ему системы оценочных средств. В свою очередь, то, что не является ясным для носителей языка на том или ином историческом срезе, становится и менее употребительным. Дело здесь не только в субъективных авторских интенциях или в специфике языка художественной прозы, но и в том, что автор ориентирован на реципиента, на его восприятие, на фоновые знания, которые позволяют декодировать содержащуюся в тексте информацию. Аксиологически ориентированная информация является достаточно сложным для декодирования видом информации; именно поэтому авторская оценка зачастую опирается на оценочные стереотипы, характерные для того или иного временного среза. Конечно, в данном случае речь не может идти о нормативности употребления в строгом смысле слова; речь идет лишь о тенденциях в употреблении той или иной оценочной антропонимики.

В рамках данной статьи мы опираемся на фактический материал, извлеченный методом сплошной выборки как из словарей (в числе которых — *Словарь русского языка XI–XVII веков*, *Словарь русского языка XVIII века*), так и из достаточно большого массива художественных текстов, которые соотносятся с рассматриваемым периодом. Привлекались также данные Национального корпуса русского языка (НКРЯ); но лишь в той части, где предпринимался анализ имен-квазистереотипов, бытовавших в литературном языке XVIII и XIX веков (более ранние данные в НКРЯ не представлены). В целом, нами было проанализировано 657 контекстов, содержащих аксиологически ориентированные имена; из них 142 представляют собой тексты XVII века; на долю текстов XVIII века приходится 226 случаев употребления оценочной антропонимики и, наконец, 289 случаев употребления имен, содержащих оценку, соотносятся с текстами XIX века. Безусловно, объем статьи не позволяет привести большую часть иллюстративного материала; поэтому ограничимся наиболее типичными и наиболее интересными случаями. Помимо этого, нами будет приведен ряд данных НКРЯ, отражающих употребительность оценочной антропонимики в XIX–XX веках.

По своей природе антропоним, казалось бы, не может иметь в своей семантике ни пейоративной, ни мелиоративной оценки. Более того, в собственных именах содержится минимум информации об их носителях: «имя собственное личное составляет класс немотивированный»[5]. Но в то же время, в силу двойственной природы данных имен, переосмысленное в итоге лингвокреативной мыслительной деятельности человека собственное имя несёт в себе ценностно-смысловую нагрузку. Процесс речевого активизирования этого содержания ведёт к появле-

---

[5] Н.И. Толстой. *Заметки о славянских именах собственных.* [В:] Н.И. Толстой. *Избранные труды*. Т. 1. Москва: «Языки русской культуры», 1997, с. 378–395.

нию знаков вторичной номинации. В целом на уровне языка происходит процесс перекатегоризации имён. Имя собственное переходит в категорию слов общей номинации с предметно-ценностной семантикой[6].

Выявить и интерпретировать оценочный смысл этих имен позволяют только имеющиеся у реципиента базовые, фоновые знания. В упомянутой выше работе А.Е. Бижкеновой подчеркивается, что «онтологическая сущность значения вообще выражается, как известно, в её кумулятивном характере. А эти словесные знаки являются носителем глубокой информации культурно-исторического, национально-этнического, географического содержания»[7]. По нашему мнению, восполнить вакуум информации такого рода может лишь грамотная и культурная работа со справочной литературой, предваряющая анализ, либо — при невозможности осуществления этого в данный момент, в частности, в ходе работы по лингвистическому анализу текста — комментирование и составление специальных мини-словарей, предваряющих текст. Необходимость этого очевидна, так как и на пространственной оси (для носителей иной культуры), и на оси временной, отражающей разные этапы исторического развития языка, культурный компонент данных языковых единиц является уникальным средством передачи аксиологической информации, без восприятия которой декодирование текста может оказаться весьма приблизительным.

Следующий за осмыслением этап работы с именами, ориентированными на квазистереотип, — определение их функций в художественном тексте. Нами были выявлены три функции:

- функция интенсификации оценки; она выполняется этими именами в том случае, если текст сам по себе содержит оценочную информацию, насыщен оценочными единицами разных уровней;
- функция инверсии оценки, имеет место в том случае, когда антропоним в контексте меняет присущий ему объективно оценочный знак (из положительно оценочного становится отрицательно характеризующим и наоборот);
- функция формирования целостности текста; проведенный нами анализ показал, что антропонимы, ориентированные на квазистереотип, чаще всего контактно расположены в тексте.

Представляется необходимым более подробно остановиться на интенсификации и инверсии оценки в аспекте их эволюции. Своеобразие имен-квазистереотипов как типа оценочных единиц состоит в том, что они, во-первых, национально ориентированы, во-вторых, отражают специфику эпохи и языковой картины мира применительно к определенному временному отрезку, и, в-третьих, дают оценочную информацию в имплицитной форме, представляя знания, имеющиеся в прецеденции. Как указывает Г.Б. Мадиева, национальная ономастика является «одной из универсалий фондовой лексики» и в ней «имплицитно заложена информация о духовной культуре различных этно-

---

[6] А.Е. Бижкенова. *Ономастическая оценка в языковой картине мира.* «Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия филологическая» 2005, 2, с. 68.

[7] Там же, с. 68.

сов. Следовательно, она заключает в себе этнокультурную семантику, необходимую для познания культуры народа — ее создателя — посредством языка»[8]. Ориентированные на квазистереотип имена собственные отражают закономерности формирования аксиологических коннотаций в тех случаях, когда в качестве исходного момента оценки выступает абсолютно объективная, безоценочная информация[9]. Они затрагивают и социолингвистический аспект оценочности, вызывая усиление эмоционального воздействия текста.

Оценочные смыслы, заложенные в именах-квазистереотипах, являются диахронически детерминированными. В нашем исследовании значительная часть имен-квазистереотипов генетически связана с христианской либо античной мифологией, что предопределяет их аксиологическую и этнолингвистическую специфику. То, что мифологичность является основой диалектичности, совершенно очевидно: именно миф сообщает ту энергию, которая питает этимологию, семантику и прагматику номинации, с ее динамическим равновесием денотации и коннотации[10].

Применительно к данным именам представляется правомерным говорить и о метафоричности и вытекающих из нее характеристиках; ср., например, утверждение В.Н. Телии[11]:

> В оценочно-экспрессивной метафоре подобие также преобладает над тождеством, как и в оценочной, что онтологически закономерно: основной объект метафоры — то, что есть в мире (некоторое свойство или положение дел), а вспомогательный комплекс — это образно-ассоциативные черты некоторого квазистереотипа, т.е. представления, имеющего в данном языковом коллективе статус национально-культурного эталона некоторого свойства (медведь — неуклюжести, лиса — хитрости), некоторой ситуации (плестись, тащиться — медленного и «вялого» движения) и т. д. В таком соположении не только гетерогенных сущностей, но к тому же и такого их подобия, которое создается за счет свойств квазистереотипа, реальное тождество не может иметь места. Именно по этой причине оценочно-экспрессивная метафора, как правило, не преобразуется в чисто оценочное значение даже при угасании образа, хотя и такое развитие возможно.

Подобные процессы свойственны и для развития ономастикона, который постепенно утрачивает внутреннюю форму и вместе с ней — метафоричность; однако на том этапе, когда она еще подвергается декодированию, она, по нашему мнению, может быть воспринята как оценочная метафора.

Исследование данных средств выражения оценки в диахроническом аспекте обусловлено и тем, что, как правило, оценочность вообще не статична, она исторически детерминирована; динамика выражаемой оценки непосредствен-

---

8 Г.Б. Мадиева. *Теория и практика ономастики. Учебное пособие.* Алматы: Казак университеті, 2003, с. 38.

9 Б.А. Кислов. *Проблемы оценки в философии. Вопросы теории и методологии.* Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985.

10 Р.Г. Погосян. *Концепт «судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск 2005.

11 В.Н. Телия. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц.* Москва: Наука, 1986, с. 26.

но связана с динамикой национальной картины мира, как уже говорилось выше. Поэтому, в частности, антропонимы с культурными коннотациями, значимые для оценочной картины мира в XVII веке, могут утратить свой аксиологический колорит для носителя современного русского языка. В то же время при исследовании имен с культурным компонентом невозможно не упомянуть о таком источнике, как тексты XVII века, так как в это время интенсифицируются процессы секуляризации духовной жизни, а это находит отражение в языке художественной литературы и, в частности, в изменении оценочных ориентаций. Отметим как наиболее часто употребляемые в оценочной функции такие антропонимы, ориентированные на квазистереотип, как *Иисус Навин*, *Иаков*, *Иосиф*, *Исав*. Известно, что, по Библии, Иисус Навин — один из великих полководцев Израиля, имена Иакова и Иосифа в сознании верующих (в особенности в эпоху господства религии в сфере духовной жизни) ассоциировались с такими добродетелями, как смирение и покорность божьей воле, а также с богоизбранностью. Напротив, имя Исава служило своеобразным символом гордыни («что плохо» — такова оценочная рамка, связанная с именем Исава и с этим качеством в сознании языковой личности XVII века). В то же время, большинство оценочных антропонимов и топонимов ориентированы на религиозную картину мира, и зафиксированные в них оценки служат косвенным отражением того, что в аксиологической системе человека XVII в. было положительным, а что — отрицательным. Так, антропонимы-квазистереотипы способствуют отражению антитез «покорность, смирение/гордыня» (*Иаков/Исав*), «мужество и кротость/ложное величие» (*Давид и Голиаф*): «И отпущает его, яко ангел божии *Гедеона на царей Мадиямских*, и яко *Самоил кроткаго Давида на силнаго исполина Голияда...*» [*Голиафа* — Л.М.]; «От праотец своих благословени была они же, от Измаила и *Исава* прегордаго... мы же есмя от кроткаго и смиреннаго праотца нашего *Иакова...*» и пр. Достаточно часто они включаются в состав оценочных сравнений: «Аще и *Иев* [*Иов* — Л.М.] говорил так, да он праведен, а се и Писания не разумел...» (*Житие протопопа Аввакума*). «Я-су, — простите! — своровал: яко *Раав блудная во Иерихоне Исуса Наввина* людей, спрятал ево, положа на дно в судне...» (Там же). Имена с закрепленным оценочным значением могут быть употреблены в составе обращений к конкретному корресподенту (адресату). В таких случаях мелиоративная оценочность, закрепленная за именами-квазистереотипами (как антропонимами, так и топонимами), перерастает в открытую похвалу и согласуется с иными положительно оценочными единицами в составе обращения. Ср., например, письмо протопопа Аввакума к его духовным дочерям, боярыне Морозовой и княгине Урусовой: «Два супруга нераспряженныя, две ластовицы сладкоглаголивыя, две маслины и два свешника, пред богом на земле стояще! Воистину подобны есте *Еноху и Илии*... Как вас нареку? *Вертоград едемский* именую и *Ноев славный ковчег*, спасший мир от потопления!» Антропонимы-квазистереотипы могут подчеркивать значимость исторической личности (как позитивную, так и негативную). Данная их функция отчетливее всего прослеживается в *Повести о смерти и о погребении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского*. Ср.: «Инии же яко новаго *Иисуса Навина* нарицаху его, инии же яко *Гедеона*

и Варака или Самсона, победителя иноплеменником, зваху его… Овие же, яко *Давида*, отмстителя врагом, зваху, или яко *Июду Маккавейскаго*, в толикое нужно время храбровавшего...». И там же: «Яко же плакашеся прежде по патриархе *Иякове Иосиф*, или, паки рещи, плакася по *Самоиле пророце* весь Израиль великим плачем...». Состав выявленных нами антропонимов с аксиологической ориентацией в данный период достаточно монолитен: из 142 проанализированных контекстов в 128 обнаружены квазистереотипы-библеизмы; оставшиеся 14 содержат либо имена исторических лиц, наделенные аксиологическими коннотациями (9 имен), либо отсылку к древнеславянской и античной мифологии (5 имен), ср.: «...и дани великие со Царяграда имал со благородных грек, победивше их древле Трою и прегордаго царя *Ксера*» (*Ксеркса*); Велми же возавиде *Владимиру Манамаху*...»; «Царь же князь великий приемлет святительское благословение.. вкупе же с ним храбрость и мужество *Александра, царя Македонскаго*... (*Сказание о царстве Казанском*); ...*Четвертый идол — Ладо. Сего имяху бога веселия и всякого благополучия. Жертвы ему приношаху готовящиеся ко браку, помощию Лада мнящи себе добро, веселие и любезно житие стяжати* (Иннокентий Гизель. *Киевский «Синопсис»*); *Афродитския дела — блудные дела* (*Алфавит сказующий толкование иностранных речей обретаемых во святых книгах руского языка имущий начало от аза.* Рукоп. БАН, 33.9.1, XVII в.).

Исходя из этого, можно утверждать, что характер и тип оценок, выраженных ориентированными на квазистереотип собственными именами, является одним из показателей состояния оценочной системы в данный исторический период.

Имена собственные, ориентированные на квазистереотип как на традиционный, характерный для данной лингвокультурной общности символ — хранитель информации, широко представлены также в литературном языке XVIII века. Однако при сопоставлении их с именами-квазистереотипами, которые зафиксированы в текстах XVII века, обнаруживается ряд весьма характерных отличий. Так, можно говорить о практически полной переориентации в использовании данных оценочных единиц. Если функции их в принципе сходны, то в характере самих имен произошли значительные изменения. Это связано, безусловно, с изменением самих оценочных ориентаций и дальнейшей секуляризацией сознания человека XVIII века: если в литературе XVI–XVII веков отмечаются имена-квазистереотипы, связанные с библейскими прецедентными текстами, то литература XVIII века, напротив, изобилует «отсылками» к таким прецедентным текстам, какими являются античные мифы (отметим, что речь здесь идет о светских памятниках). Конечно, аллюзии, порождаемые данными именами, намного проще поддаются декодированию современным реципиентом, нежели те оценочные ассоциации, которые сопровождают имена-квазистереотипы, соотносимые с религией и церковью. Более «прозрачны» для современного носителя русского языка и порождаемые ими оценочные смыслы. Такая резкая переориентация, т.е. использование совершенно иного пласта квазистереотипов, на наш взгляд, связана и с тем, что «русская литература этих лет — в немалой мере плод усвоения и национальной переработки поэтики и стилистики различных западноевропейских литературных направлений (ср.

кратковременный расцвет русского классицизма и его связи с классицизмом французским и немецким...)»[12]. Именно общекультурный фон и взаимодействие таких тенденций, как секуляризация и интернационализация культуры, подготовили почву для использования символов античной мифологии в качестве средства выражения оценки. Отметим, что в процессе исследования данных языковых единиц уже М.В. Ломоносов, иллюстрируя вводимое теоретическое положение, наряду с квазистереотипами-библеизмами приводит антропонимы с закрепленной за ними оценкой, отражащие высокую степень освоенности античной мифологии: «Ирония состоит иногда в одном слове, когда малого человека Атлантом или гигантом, бессильного Сампсоном, скаредного Авессаломом или Иосифом называем…»[13]. Подобный рефлексивный анализ имени собственного свидетельствует, во-первых, о том, что оно является полностью освоенным фактом аксиологической системы языка, и, во-вторых, о том, что именно процесс секуляризации обусловливает соотнесение первого из антропонимов с положительной частью шкалы оценок, наряду с оценочными антропонимами-библеизмами.

Обилие имен-квазистереотипов, используемых в качестве средств выражения оценки, — характерная черта сатирических диалогов как специфичного жанра литературы XVIII века. В то же время антропонимы и топонимы такого рода представлены и в иных жанрах достаточно широко. Ср., например, *Отрывок толкового словаря* Я.Б. Княжнина, где репрезентация квазистереотипов сопровождается комментариями, порой резко диссонирующими с устойчивыми, сложившимися в узусе и закрепленными за этими именами оценочными смыслами: «Эол — Бог ветров. Молодые вертопрахи с усердием поклоняются сему богу, и для того они так ветрены и непостоянны (-); Зефир. Скучный ветерок (-). Он всюды суется, и везде встречается; Пегас. Крылатая лошадка, которая таскает и хорошее, и дурное (-). В сознании реципиента XX века, уже освоившего такой прецедентный текст XIX в., каким является роман А.С. Пушкина *Евгений Онегин*, устойчивы ассоциации «летит, как пух из уст Эола». Заслуживает внимания и то, какие именно антропонимы и топонимы-квазистереотипы соотнесены в сознании персонажа (а вслед за ним — и автора, и читателя) с пейоративной, а какие — с мелиоративной зоной шкалы оценок:

> Вижу Стикс, Ахерон, Фурий, Медузу, Сфинкса, Гидру, Титанов, Гигантов и тому подобное (проекция на негативную часть оценочной шкалы и обрисовка соответствующего эмоционального состояния) — Видишь ли ты когда во сне Дияну, Ендимиона, Венеру, Адониса и прочее такое? (таким образом медик выясняет, бывают ли какие-то светлые видения у его «пациента», одновременно соотнося отмеченные имена с положительным полюсом оценочной шкалы и актуализируя семы красота, духовная чистота и пр.) — Никогда, господин доктор. А из дияниной истории видел я однажды себя в образе

---

[12] Е.Э. Биржакова, Л.А. Воинова, Л.Л. Кутина. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования*. Ленинград: Наука, 1972, с. 43.

[13] О.П. Ермакова. *Ирония и проблемы лексической семантики.* «Известия АН. Серия литературы и языка» 2002. Т. 61, № 4, с. 33.

Актеона, когда он бежал от собак своих.
(А.П. Сумароков. *Медик и стихотворец*)

Как общий принцип использования оценочных квазистереотипов в данном случае может быть отмечена инверсия оценочного знака (от возвышенного, приподнятого — а коннотации такого рода закреплены за всеми данными именами — до комически искаженного, пародируемого и потому негативно оценочного). Особенно отчетливо это выражено в содержащей пейоративно оценочные лексемы (*таскает, дурное*) «словарной дефиниции», соответствующей имени *Пегас*, с которым обычно связаны позитивно оценочные ассоциации — в поэзии он представлен как вестник вдохновения. Снижено и представление о *Парнасе* (*Ельник — Парнасские розги, которыми наказываются худые стихотворцы*). Важно подчеркнуть, что в данном *Словаре*, как и, впрочем, в других текстах такого рода (в частности, в *Опыте Российского сословника* Д.И. Фонвизина, а также в *Опыте вещественного Российского словаря* неизвестного автора) нами выявлено лишь одно имя-квазистереотип, отсылающее к библейским прецедентным текстам и к религиозной системе оценок вообще. Даже оно встречается в окружении имен иного плана, хотя это сопоставление и не содержит кощунства: *Вольтеровы письма наполнены остротою, грамота Филиппова к Аристотелю внимания достойна, послания святого Павла богодухновенны* (Д.И. Фонвизин. *Опыт Российского сословника*). Симптоматичен тот факт, что в литературном языке XVIII в. зафиксированы попытки возвращения к квазистереотипам времен язычества; но, поскольку такие имена нуждались в сопровождающих комментариях, очевидно, их оценочный потенциал поддавался декодированию с трудом, что свидетельствует о тщетности искусственного возрождения оценочного квазистереотипа: *В третий день моего путешествия, когда просыпалася Зимцерла, спускался я с превысокой горы…* (М.Д. Чулков. *Пересмешник или Славенские сказки*). Авторское примечание, нацеленное на «возрождение» вышедшего из активного употребления в речи квазистереотипа, гласит: *Зимцерла* — «славенская богиня, она была то же, что и Аврора, имела храм в Киеве…» Ср. также «Тогда отважный Знич, блистающ, весь извне; Вещал: намеренья сии ненравны мне. Я хижинам свещу и озаряю троны; Во существе огня я россам жизнь дарю, Питаю, грею их, их внутренности зрю; ...зрю огненного Ния; В нем ада судию быть чаяла Россия. Он пламенный держал в руках на грешных бич» (М. Херасков. *Владимириада*). Под первым божеством (Знич) славяне подразумевали начальный огонь, или животворящую теплоту, способствующую существованию всего на свете; Ний представляет собой божество преисподней, карающего бога древнеславянской мифологии. Однако подобные вкрапления требуют либо контекстуального раскрытия (как это видно из приведенных здесь случаев), либо комментария. В оценочной системе русского языка XVIII в. вновь обретают «права гражданства» имена древних славянских божеств: *Даждьбог, Стрибог* и пр.; «*Даждбог, Даждь или Дашуба*, Славенский, Киевский бог, почитали его богом подателем благ и также еще богом богатства» (М.Д. Чулков. *Краткий мифологический лексикон*). Однако, помимо приведенной здесь нейтральной дефиниции констатационного характера («имя данно-

го древнеславянского божества имело позитивные коннотации»), мы находим и употребление его в качестве оценочного квазистереотипа с позитивной квалификацией: «Летит дождь теплой вниз на нивы, … где *Даждь* благой и щедрый родил древа и злаки» (А.Н. Радищев. *Путешествие из Петербурга в Москву*). На наш взгляд, использование данных имен в качестве СВО с мелиоративно оценочным значением может послужить свидетельством того, что табуистическое отношение к языческому прошлому Руси, еще отчетливо проявляющееся в языке XVII в., так же, как и негативная оценка античной мифологии, уже являются для языка XVIII в. фактами прошлого, а не факторами, формирующими систему позитивных и негативных квалификаций носителей языка в рассматриваемый период.

Снижение мелиоративных коннотаций имен-квазистереотипов и, как следствие этого, инверсия оценочного знака — достаточно широко распространенный способ применения анализируемых СВО в текстах XVIII века. Ср. микроконтексты из *Портретов* А.И. Клушина, содержащие имена-квазистереотипы с закрепленным позитивно оценочным значением: *Пот лил с меня градом, и хотя я мог получить простуду, но не внимал детищам Эвскулаповым, которые имеют честь род человеческий отправлять на тот свет..*; *И теперь еще могут быть толь великие люди, ежели истребят ложных Меценатов, которые не покровительствуют, но подавляют науки...* Можно утверждать на основании данных случаев и подобных им, что именно закрепленная за именем-квазистереотипом оценка (в большинстве контекстов такого рода негативная) способствует трансформации топонима или антропонима в нарицательное имя.

Инверсия оценочного знака, связанная с именем богини *Авроры* (символа красоты, обычно эксплицирующего лишь позитивно-оценочные значения), также отмечена нами в текстах XVIII в. Интересно, что переориентация оценочного знака имеет травестийный характер, ср.: *Румяна утренняя* ***Аврора****, Взлезая в верх из-за забора Выглядывала мордой всей; Четверку лошадей впрягала, Путь Солнцу в мир приготовляла* (Н.П. Осипов. *Вергилиева Енейда, вывороченная наизнанку*). Однако травестийно сниженное употребление данного мелиоративно оценочного имени-квазистереотипа вовсе не свидетельствует о том, что обозначаемое им явление негативно оценивается носителями языка в рассматриваемую эпоху; напротив, по нашему мнению, подобная речевая реализация свидетельствует о том, что квазистереотип полностью освоен и воспринят языком и культурой. Развитие же контекстуальной амбивалентности также может быть показателем развития системы имен-квазистереотипов и языковой системы СВО в целом. Кроме того, употребление имени богини, пусть античной, а не христианской, в стилистически сниженном контексте (ср. контекстуально сопряженные лексические единицы, уже в языке данной эпохи имеющие просторечную стилистическую квалификацию — *взлезая*, *морда*), отражает предельно «земное» восприятие божественного, что также является косвенным показателем десакрализации оценочной системы.

Бесспорно, однако, что позитивный знак оценки в связи с данным именем-квазистереотипом фиксируется в лексической системе русского языка XVIII в.

значительно чаще. Это затрагивает как семантику, так и стилистическую квалификацию (обычно сопровождающуюся пометой ***поэт.***): *Аврора розами путь солнцу устилала, И утренней росой природу оживляла* (*Зритель*. 1792); *Ты, кое освещаешь последний день моего пленения, я могу на первые лучи твои ясным воззрети оком; я могу, не проливая слез, зрети тамо твое сияние, где ближние мои собранны. Приятная* ***Аврора****! ты не явишься более, не внемля моим песням.* (Д.И. Фонвизин. *Иосиф*).

Таким образом, употребление имен-квазистереотипов с характерными оценочными коннотациями и их способностью актуализировать в сознании реципиента связанную с ними цепь ассоциаций либо прецедентный текст в литературе XVIII века существенно расширяется как в плане выполняемых функций, так и в отношении выбора самих средств выражения оценки. Состав антропонимов-квазистереотипов с аксиологической ориентацией в текстах XVIII века уже не столь однороден; можно также говорить о проявлении следующей тенденции: из 226 проанализированных контекстов квазистереотипы-библеизмы обнаружены лишь в 49; имена языческих богов Древней Руси, наделенные оценочной функцией, представлены в 15 контекстах; оставшиеся 162 случая содержат имена античных богов (113) и исторических лиц (39), ср.: *…весь мир захотел покорить; что за* ***Александр Македонский****?* (Ф.В. Ростопчин. *Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева*); *Изображался в устрашенных умах их* ***Петр Великий****, в мужественной Своей Дщери живущий…* (М.В. Ломоносов. *Слово похвальное Ея величеству Государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице Всероссийской, говоренное ноября 26 дня 1749 года*).

В какой-то мере тексты XVIII века, содержащие оценочные имена-квазистереотипы, можно считать своего рода «мостиком» между актуализацией этих средств в произведениях XVII века, с одной стороны, и в литературе XIX века — с другой. Так, определенное место в системе тезауруса носителя литературного языка XIX века продолжают сохранять имена-квазистереотипы, ориентированные на христианскую религию, что и обусловливает оценочный знак, закрепленный за ними. Ср.: «И бог, видя таковую его преданность, воззрел на него. Через короткое время *Иов* был и здоров, и богат, и славен более прежнего» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Деревенский пожар*). «Поглядеть на тебя с бороды, как есть *Авраам*, а на деле сосновый чурбан» (П.И. Мельников. *В лесах*). «Это вот только такие бабники и тряпки, как Павлищев, свершив немало пакостей в молодости, после “мякнут” и изображают из себя *кающихся Магдалин*!» (К.М. Станюкович. *Откровение*). «— Ишь, *Искариот*, ошалел! — шепнул мне Изуверов, по-видимому, принимавший в старухе большое участие. И чтоб он, расподлец, хворости или старости на помощь пришел — ни в жизнь этому не бывать!» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Игрушечного дела людишки*). «Не верьте этим *Иудам*, хамелеонам! В наше время легче потерять веру, чем старую перчатку...» (А.П.Чехов. *Двое в одном*). «Глядя на него, забываешь, что он силен, как *Голиаф*» (А.П.Чехов. *Драма на охоте*). «Пусть дерзкий и наглый *Голиаф* от пределов Франции обносит на краях России смертоносные ужасы; кроткая вера, сия праща российского *Давида*, сразит внезапно главу кровожаждущей его гордыни.

Сей образ преподобного Сергия, древнего ревнителя о благе нашего отечества, приносится вашему императорскому величеству. Болезную, что слабеющие мои силы препятствуют мне насладиться любезнейшим вашим лицезрением. Теплые воссылаю к небесам молитвы, да всесильный возвеличит род правых и исполнит во благих желания вашего величества» (Л.Н. Толстой. *Война и мир*).

Небезынтересен тот факт, что антропонимы с закрепленной мелиоративной оценкой могут подвергнуться ироническому переосмыслению (ср. употребление имен ***Иов, Авраам, Магдалина***), могут как сохранить положительный смысл путем отсылки к основанию оценки, так и интенсифицировать способность к выражению негативно оценочного значения (случай с употреблением имени ***Голиаф).*** Ср. также: Сидел Егорушка по-турецки, поджав под себя ноги. Около него, на полу, лежала его приятельница Калерия Ивановна. Князь пил пиво, его *Дульцинея* — мадеру» (А.П. Чехов. *Цветы запоздалые*). И внутренняя форма антропонима ***Дульцинея*** (исп. «нежная, сладкая»), и закрепленные за ним мелиоративные коннотации явно не соответствуют приведенному описанию. Ср. также граничащее с пародийным снижением имен, ориентированных на античную мифологию: «Мимо нас проходит наш департаментский “отворяйло и запирайло”, наш *Аргус и Меркурий*, пирожник и рассыльный, Спевсип Макаров» (А.П. Чехов. *Добрый знакомый*), а также антропонимов, «вводящих в светлое поле сознания» (термин А.А. Потебни) представление о реальных личностях: «Когда подали шампанское, мы попросили нашего губернского секретаря Отлетаева, нашего *Ренана и Спинозу*, сказать речь» (А.П. Чехов. *Рассказ, которому трудно подобрать название*).

Имена-квазистереотипы с негативно оценочными коннотациями, напротив, зачастую трансформируются в инвективы, полностью утрачивая когнитивную функцию и закрепляя за собой эмотивную. Инвертированный знак оценки может являться следствием несоответствия (называемого в стилистике декодирования приемом обманутого ожидания). Акцентируем внимание на том, что наиболее часто подобная ситуация отмечается нами в случае употребления антропонима с так называемым «пустым» денотатом, ориентированным на определенные мифологические представления. Так, имя ***Прозерпина***, окруженное мифологическим ореолом таинственности (в античной мифологии — жена повелителя подземного царства Плутона) и вследствие этого амбивалентное в плане соотнесенности со шкалой оценок, может стать комически сниженным благодаря взаимодействию с СВО иного, морфологического уровня (диминутивом), а также с контекстуальным окружением, преднамеренно доведенным до абсурда: «...старшую дочь звали *Прозерпиночкой*: прилетят уланы-юнкера, прижмут Прозерпиночку к уголку и крутят усы» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Чижиково горе*). Эксплицированию иронии способствует и субъективно-оценочная форма имени-квазистереотипа, что отмечается и в приводимом далее текстовом отрезке: «С тех пор, как я стал молиться тебе, *Эраточка*, ни одно мое стихотворение не было похерено» (А.П. Чехов. *Современные молитвы*). (***Эрато*** — муза эротической поэзии, и неоднозначность восприятия данного явления, безусловно, усиливает амбивалентность оценки). По данным НКРЯ, пик упо-

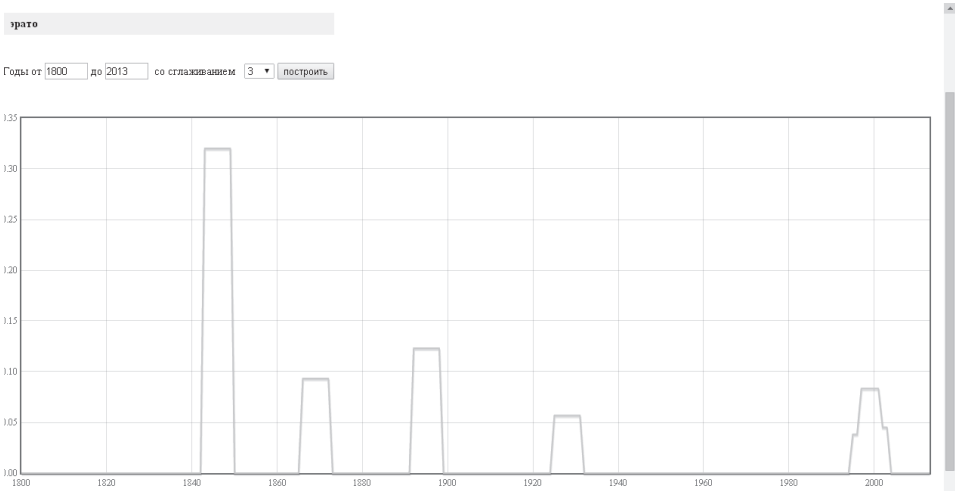


Рисунок 1. Распределение квазистереотипа *Эрато* по годам (на миллион словоформ)

требления данного имени-квазистереотипа приходится на середину XIX века (см. рис. 1).

Во многом сходна ситуация в следующих контекстах: «И надолбил он (дятел — Л.М.) целую охапку исторических исследований: “Родословная лешего”, “Была ли замужем *Баба-Яга*?”» (М.Е. Салтыков-Щедрин. *Орел-меценат*). «Один только я такой несчастный, что ты у меня *Ягой* на свет уродилась» (А.П. Чехов. *Невидимые миру слезы*).

В русском литературном языке XIX века с наибольшей яркостью проявляется диалектический характер оценочных смыслов, присущих именам-квазистереотипам: с одной стороны, они выступают как хранители аксиологически ориентированной информации, с другой — могут усложнять декодирование текста, отражающего стереотипы иного социума. На уровне допущения можно говорить также о том, что в истории языка ускоряется процесс закрепления за именем-символом оценочных смыслов, т.е. обретения им функций квазистереотипа. Приводимые нами ниже контексты свидетельствуют о том, что наиболее отчетливо такое ускорение наблюдается в сфере литературной антропонимики. Так, *Иудушке Головлеву* достаточно было нескольких лет, чтобы перешагнуть границы творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина и превратиться в антропоним-квазистереотип. Именно в таком качестве он предстает перед нами в одной из чеховских юморесок: *Мнение Иудушки. Хе-хе-хе! Обидели моих голубушек... И к чему это против характера делать? Вместо того, чтобы шляпы снимать, они бы так сделали: отдали бы мужчинам партер, а дамочкам — галерку — и шляпы целы, и всем видно! Хе-хе…* (А.П. Чехов. *Мнения по поводу шляпной катастрофы*). Данное утверждение подтверждается статистическими данными НКРЯ (см. рис. 2, где отражается пик употребления данного имени: 20–30 годы XX века, что иллюстрирует сравнительную быстроту его вхождения в фонд оценочной антропонимики).

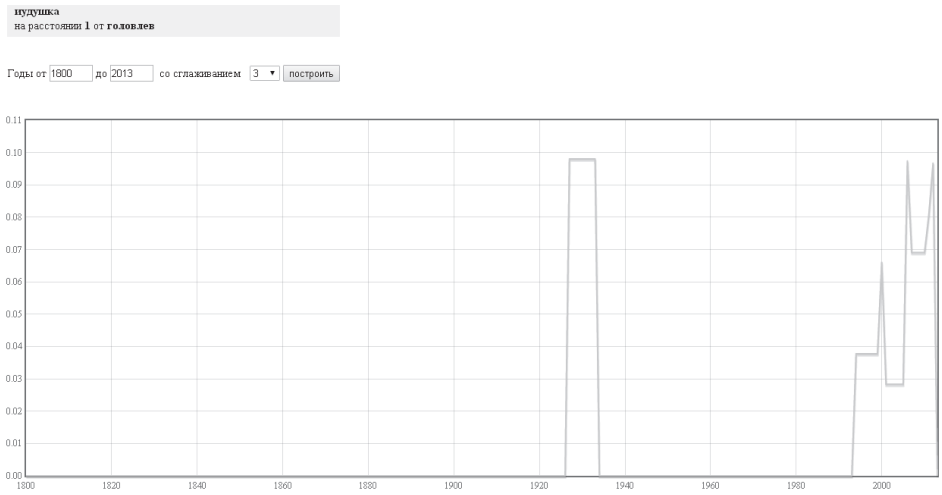


Рисунок 2. Распределение квазистереотипа *Иудушка Головлев* по годам (на миллион словоформ)

Это утверждение можно отнести и к гоголевскому *Ноздреву*: *Отталкивала меня от него настоящая ноздревщина... мне все так и казалось, что он мне дома у себя всучит либо борзую собаку, либо шарманку* (Н.С. Лесков. *Отборное зерно*). *Он отправился в Миргородский уезд, туда, «где неистовствовал* ***Ноздрев*** *и где Иван Иванович поссорился с Иваном Никифоровичем».* (М.П. Чехов. *Антон Чехов на каникулах*). Аналогичен процесс превращения в квазистереотип имени *Квазимодо*, которое, однако, требует определенного уровня апперцепционной базы. В то же время ядерной семой, служащей опорой для вхождения квазистереотипа в фонд оценочной лексики, является сема ‘безобразие’, т.е. основание оценки по преимуществу эстетическое, которое способно подвергаться различным трансформациям в контексте (в частности, оно может быть соотнесено с оценкой этического характера): *Как отвратительно мне было смотреть на его вечную насмешливую улыбку! Это было чудовище, нравственный Квазимодо* (Ф.М. Достоевский. *Записки из Мертвого дома*); *Отец, ввиду уродства спасенного…, хотел прозвать его Квазимодо* (Д.В. Григорович. *Город и деревня*). Отметим, что имя трансформировалось в квазистереотип, закрепленный в соответствующей лингвокультурной общности, благодаря тому, что оно представляет личность, наделенную специфичным лексиконом, тезаурусом и прагматиконом. Аналогичную картину, основанную, однако, более на внешнем сходстве, нежели на составляющих языковой личности, отмечаем и в следующих случаях: *В цилиндре, в шубе нараспашку, он напоминает мне на первых порах Репетилова; потом же, когда я всматриваюсь в его бледное лицо и необыкновенно острые, словно воспаленные глаза, сходство с Репетиловым исчезает* (А.П. Чехов. *Тапер*); *В сей день Собакевич наступил на ногу губернатору* (А.П. Чехов. *Календарь «Будильника»*); *Такие выражения, как индюк, Собакевич, пузан и пр. покоробили его самолюбие* (А.П.Чехов. *Месть*). В качестве исходного пункта для актуализации аксиологических смыслов антропонимики

этого рода можно отметить и особенности сюжета, порождающие соответствующее восприятие и оценку:

— Вы, Иван Иванович, будете дело делать?
— Где мне, Иван Никифорыч! Моя изба с краю: вот разве вы...
— Что вы! Что вы! Разве я об двух головах!

(М.Е. Салтыков-Щедрин. *Мала рыбка, а лучше большого таракана*).

Имена гоголевских персонажей в данном случае с большей степенью экспрессии эксплицируют пейоративное отношение к обывательской позиции, выраженной отсылкой к известным квазистереотипам.

В целом, характеризуя состав аксиологически ориентированных антропонимов в текстах XIX века, следует отметить отсутствие резкого превалирования какой-либо группы имен: из 289 проанализированных контекстов квазистереотипы-библеизмы представлены в 91 контексте; имена античных богов отмечены нами в 115 из проанализированных контекстов; имен, вошедших в фонд оценочной антропонимики, сравнительно немного (отмечены в 20 контекстах); наделенные аксиологическими коннотациями имена исторических лиц охватывают 64 контекста, и в 19 встречаются имена языческих богов Древней Руси, наделенные оценочной функцией. Отметим, однако, что неоднородность оценочных характеристик, их многоплановость касается прежде всего употребления библеизмов: из 91 случая в 64 нами отмечено сниженное, «обмирщенное» их употребление. Этот факт свидетельствует как о том, что они продолжают оставаться в светлом поле сознания и употребляющий их автор рассчитывает на адекватное декодирование реципиентом, так и о продолжающемся процессе десакрализации данных прецедентных имен.

Таким образом, в литературном языке XIX века нами отмечена дальнейшая эволюция имен-квазистереотипов, характер которой базируется на приоритетах прецедентных текстов, избираемых социумом в данный конкретный момент на диахронической оси: в корпусе текстов XVII в. преобладают квазистереотипы-библеизмы, так как это лишь начальный этап секуляризации мышления; литературный язык XVIII в. характеризуется сдвигом приоритетов в сторону квазистереотипов-мифологизмов, и, наконец, в корпусе текстов, хронологически соотносимых с XIX в., нами отмечено явное преобладание квазистереотипов, базирующихся на текстах художественных произведений отечественных и зарубежных авторов. Существенно меняется и спектр этих оценочных средств, и принципы их использования. Важно отметить, что возможность инверсии закрепленного за ними оценочного знака подчеркивает амбивалентный характер, присущий, по-видимому, большинству оценочных средств инвентаря языка, а также свидетельствует об осмыслении носителями языка наличествующих в квазистереотипах диалектических противоречий, о которых уже говорилось выше: во-первых, в системе языка имя как концепт наименее информативно — квазистереотип же в силу символичности актуализирует в сознании цепь ассоциаций; во-вторых, диалектической по природе является трансформация оценочного знака; в-третьих, в этих оценочных единицах нами отмечено противоречие когнитивной и эмотивной сторон значения. Все это служит показа-

телем развития имен-квазистереотипов как составляющих оценочной системы русского литературного языка.

Подводя итоги, заметим, что антропонимы с оценочным значением, ориентированные на квазистереотип, вносят значительный вклад в формирование оценочной полифонии текста и помогают воспринять его экспрессивные характеристики. В то же время восприятие художественного текста, содержащего их, требует своеобразного сотворчества читателя и, следовательно, наличия специальных знаний о знаке оценки и об аксиологических коннотациях, закрепленных за тем или иным антропонимом в той или иной лингвокультурной общности. А это подчеркивает необходимость предварения лингвистического анализа текста целым блоком информации культуроведческого характера, что обусловливает необходимость составления словаря оценочных квазистереотипов, отражающих специфику национального мировидения.

Литература

Бельчиков Ю.А. *О культурном коннотативном компоненте лексики.* «Язык: система и функционирование». Москва: Наука, 1988, с. 30–35.

Бижкенова А.Е. *Ономастическая оценка в языковой картине мира.* «Вестник Казахского национального университета имени аль-Фараби. Серия филологическая» 2005, 2, с. 67–70.

Биржакова Е.Э., Л.А. Воинова, Л.Л. Кутина. *Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования.* Ленинград: Наука, 1972.

Ермакова О.П. *Ирония и проблемы лексической семантики.* «Известия АН. Серия литературы и языка» 2002. Т. 61, № 4, с. 30–36.

Каримова Р.А.. *Слова с фоновым оценочным значением.* «Русский язык в национальной школе» 1983, № 6, с. 13–17.

Кислов Б.А. *Проблемы оценки в философии. Вопросы теории и методологии.* Иркутск: Издательство Иркутского университета, 1985.

Мадиева Г.Б. *Теория и практика ономастики. Учебное пособие.* Алматы: Казак университеті, 2003.

Погосян Р.Г. *Концепт «судьба» и его языковое выражение в поэтическом тексте Ф.К. Сологуба.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Пятигорский государственный лингвистический университет. Пятигорск 2005.

Рубцова Е.Ю. *Прагматическое содержание антропонимов (на материале русского и английского языков).* Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Ростовский государственный университет. Ростов-на-Дону 2006.

Телия В.Н. *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц.* Москва: Наука, 1986.

Телия В.Н. *Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты.* Москва: Школа «Языки русской культуры», 1996.

Толстой Н.И. *Заметки о славянских именах собственных.* [В:] Н.И. Толстой. *Избранные труды*. Т. 1. Москва: «Языки русской культуры», 1997, с. 378–395.

Список использованных источников

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс] <http://www.ruscorpora.ru/>.

Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. Москва: Наука, 1975–2008.

Словарь русского языка XVIII века. АН СССР. Институт русского языка. Гл. ред. Ю.С. Сорокин. — Вып. 1–6. Ленинград.: Наука. Ленинградское отделение, 1984–1991.

Словарь русского языка XVIII века. АН СССР. Институт русского языка. Гл. ред. Ю.С. Сорокин. Санкт-Петербург: Наука. Санкт-Петербургское отделение, 1992–2012.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 38–50

О ЛАТИНИЗАЦИИ РУССКОГО ПИСЬМА В XVIII–XIX ВВ.

ALESIA NARLOCH

Gdańsk, Polska
e-mail: okarpuk@mail.ru
(nadesłano 26.04.2014; zaakceptowano 15.12.2014)

Abstract

Latinisation of the Russsian writing in the XVIII-th–XIX-th centuries

The paper discusses the role of the Latin alphabet in Russian writing in the XVIII–XIX cent. The Old Russian language adopted the Cyrillic script during the 10-th century at about at the same time as the introduction of Eastern Christianity into the territories inhabited by the Eastern Slavs. The printed Russian alphabet began to assume its modern shape when Peter I introduced his civil script in 1708–1710. The reform eliminated several letters, all diacritics and accents from secular usage. Some of the Russian letters looked like the Latin letters. Throughout the 19-th century projects of introduction of Latin alphabet into Russian writing appeared. Pro-Western Russian intellectuals (V.G. Belinsky) considered that the adoption of the Latin script for the Russian language completed the reformation of the Russian society in a European manner. On the other side, the Slavophile elements considered that the logical result of Peter I's refom had to be the transliteration of all the languages of the peoples of the Russian Empire to the Cyrilic script.

Key words

Latinisation, Cyrillic script, Latin alphabet, civil script, writing.

Abstrakt

O latynizacji pisma rosyjskiego w XVIII–XIX wieku

Pismo rosyjskie oparte na cyrylicy służy nie tylko do zapisu języka rosyjskiego, lecz także wskazuje na ścisły związek z tradycją bizantyjsko-słowiańską (Słowianie prawosławni posługiwali się pismem greckim, przekształconym później w cyrylicę, a Słowianie, którzy zetknęli się z obrządkiem rzymskim, posługiwali się pismem łacińskim). Celem niniejszego artykułu jest prześledzenie wybranych faktów historycznych z XVIII–XIX wieku, dotyczących tzw. latynizacji pisma rosyjskiego. W wyniku reformy graficznej, przeprowadzonej w latach 1708–1710 przez cara Piotra I, pojawił się nowy typ pisma — *grażdanka*. Litery grażdanki były zbliżone formą do łacinki. Grażdanką drukowano księgi świeckie, cyrylicą — księgi cerkiewne. Rozwój języka rosyjskiego sprawił, że część liter starej cyrylicy stała się bezużyteczna. W XVIII wieku z rosyjskiej grażdanki wyeliminowano niektóre znaki, jednak część zbędnych liter (których użycie regulowały skomplikowane i przestarzałe zasady ortograficzne) pozostała. Jednym ze sposobów tzw. uproszczenia pisowni rosyjskiej było przejście na alfabet łaciński. Latynizacja pisma rosyjskiego w XIX wieku (projekty K.M. Kodinskiego i W.G. Bielinskiego) była ściśle związana z okcydentalizmem (zapadniczestwem) i w kręgach słowianofilskich spotkała się z dezaprobatą.

Słowa kluczowe

Latynizacja, cyrylica, łacinka, grażdanka, pismo.

Цель данной статьи — рассмотреть попытки латинизации русского письма XVIII–XIX вв., а также указать возможные причины движения за латинизацию. Русское письмо, разработанное на основе кириллицы[1], несет в себе информацию о древней церковнославянской первооснове письма, принадлежности русской культуры к византийской христианской традиции. Первые достоверные сведения о письме на Руси относятся к концу X — началу XI века, когда вос-

[1] Кирилловская азбука была составлена на основе новогреческого уставного письма IX–X веков. Первоначально кириллица насчитывала 38 букв. Затем количество кирилловских букв увеличилось до 44. Исследователи отмечают, что сравнение графем кириллицы и греческого уставного письма показывает, что 24 из 44 букв кирилловского алфавита заимствованы из греческого устава. Остальные же 20 букв, созданные для передачи звуков славянской речи, отсутствовавших в греческом языке, представляют собой или заимствования из других письменных систем, или графические видоизменения греческих букв, или лигатурные сочетания букв кириллицы. См. Н.А. Павленко. *История письма. Учебное пособие для филологических факультетов вузов*. 2-е изд., перераб. и доп. Минск: Вышэйшая школа, 1987, с. 189. Буквенный состав древней кириллицы в целом соответствовал древнеболгарской речи. «Родственность древнеболгарского языка языку Древней Руси несомненна, но тем не менее он не был его непосредственным предком». Т.М. Григорьева. *Три века русской орфографии (XVII–XX вв.)*. Москва: Элпис, 2004, с. 7.

точные славяне вместе с принятием христианства ввели у себя кирилловскую азбуку, которой были написаны богослужебные книги, принесенные из Болгарии и Византии[2].

Приспособление славянской кириллической азбуки к живому древнерусскому языку в конце X века носило не совсем последовательный характер. Как отмечает Т.М. Григорьева:

> Уже тогда, у самых истоков, русская азбука не была согласована с фонемами собственно русского языка и заключала в себе недостатки, которые с течением времени становились все более явными, потому что русский язык изменялся в живом употреблении носителей, а письмо продолжало хранить относительную неизменность. Дисбаланс в соотношении русского живого языка и его письменности очевидно отразился на буквенном составе — возникли «мертвые» буквы и знаки, и русское письмо постепенно, но неуклонно освобождалось от них[3].

Такими мертвыми буквами были греческие литеры *ω* (*омега)*, *ξ* (*кси*), *ψ* (*пси*), *ѳ* (*фита*), *ѵ* (*ижица*); в кириллице имелось по две буквы для обозначения звуков [*z*] и [*и*]: *ѕ (зело)* и *з (земля)*, *і* (и) и *и* (иже). Двойное обозначение одного и того же звука было излишним. Эти буквы были введены для произношения заимствованных греческих слов. Однако, даже в заимствованиях греческие звуки произносились на славянский лад. К примеру, буква *ω* (*омега*) обозначала у греков долгое [*ō*], в отличие от краткого греческого [*ŏ*], обозначаемого буквой *ο* (*омикрон*). В кириллице греческой букве *ο* (*омикрон*) соответствовала буква (*он*). Русский же язык не знает долготы и краткости гласных, поэтому *омега* и *он*, совпали в одном звуке (то же произошло с *і* (и) и *и* (иже)). По звуковому значению совпали *ѕ (зело)* и *з (земля)*, *ѳ* (*фита*) и *ф* (*ферт*), и одна буква из пары стала ненужной. Буквы *ξ* (*кси*) и *ψ* (*пси*) применялись в немногих греческих заимствованиях (*псалтырь*, *Ксеркс*)[4]. Буква *ѵ* (*ижица*) использовавлась для передачи греческой буквы *ипсилон* в заимствованных из греческого языка словах. В русском письме она стала смешиваться с буквами *и, оу, ю*. Вместо буквы *и ижицу* устойчиво писали только в слове *мѵро* (благовонная мазь)[5]. Фонетический процесс вторичного смягчения согласных в древнерусском языке привел к переосмыслению множества букв русской азбуки, хотя состав ее не претерпел заметных изменений[6]. Вследствие падения редуцированных (XII–XIII вв.) буквы *ъ* (*ер*) и *ь* (*ерь*), обозначавшие ранее особые гласные фонемы, превратились в *беззвучные* буквы, которые остались в алфавите (современные *твердый* и *мягкий знаки*).

---

[2] Н.А. Павленко. *История письма*..., с. 197.

[3] Т.М. Григорьева. *Три века русской орфографии*..., с. 8.

[4] J. Bartoszewska. *Графика восточнославянских и польского языков*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, s. 57.

[5] Ф.В. Иванова. *Современный русский язык. Графика и орфография*. Изд. 2-ое, перераб. и доп. Москва: Просвещение, 1976, с. 49.

[6] Т.М. Григорьева, Б.И. Осипов. *От старой азбуки до современного алфавита*. [В:] *Кириллица-латиница-гражданица.* Коллективная монография. Отв. ред Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородскй государственный университет имени Ярослава Мудрого, 2009, с. 12–20; с. 14.

Сам русский язык этого периода претерпевает ряд изменений. Начинает формироваться язык великорусской народности, что связано с формированием русской нации и государства. Процесс становления нации завершится, в основном, к XVIII веку. К этому же времени созреет необходимость реформирования русского письма.

В результате Петровской реформы 1708–1710 гг. из алфавитного состава были исключены некоторые устаревшие знаки (греческие буквы *пси*, *кси*, *омега*, *ижица*, *юс большой* и *юс малый*, лигатура *от*, знаки ударения, придыхания и сокращений — титлы). В азбуку 1710 года дополнительно были введены буква *э* (*оборотное*) для более резкого ее различения с буквой *есть* и вместо *юса малого — я*, которое существовало уже во второй половине XVII века в гражданской скорописи. Новым было и то, что в алфавите впервые устанавливаются строчные и прописные начертания букв, существующие вместе (в церковной кириллице были только заглавные буквы)[7]. Вместо лигатурных обозначений цифр были введены арабские цифры, которыми пользуются до сих пор[8]. Изменился также внешний облик букв. «Приближенные к латинским, начертания новой азбуки стали удобнее в скорописи»[9]. В результате нововведений прежние, угловатые очертания кириллических букв остались за церковными изданиями, а новые начертания так называемой гражданской азбуки (*гражданки*) закрепились за светским письмом. По воле государя «русский человек должен был одеться в платье иноземного покроя; подобно этому и русская азбука должна была измениться в своих начертаниях»[10]. Благодаря графическим новшествам русские буквы *а, о, е, і, у, м, р, с, х*, — т.е. почти треть русского алфавита — по своим начертаниям полностью совпали с латинскими буквами.

Как отмечают исследователи, «движение за создание взамен кириллицы латинизированной русской графики началось еще раньше, в XVII веке, и, по-видимому, пришло в петровскую Россию с запада, с Украины. Несомненно, переход на гражданский алфавит при Петре I был связан с западной ориентацией русского торгового капитала»[11], с введением в России начал европейской жизни и науки. Попытка приблизить русское письмо к европейским стандартам была встречена просвещенной общественностью первой половины XVIII века весьма положительно. В.К. Тредиаковский (1703–1769) писал:

> Прекрасна была сия самая первая печать: кругла, мерна, чиста – словом, совершенно уподоблена такой, какова во французских и голландских типографиях употребляется (...) Сие очам российским сперва было дико и делало некоторое затруднение в чтении, особливо таким, которые и старую московскую с превеликою запинкою читают[12].

---

[7] Ф.В. Иванова. *Современный русский язык...*, с. 260.

[8] J. Bartoszewska. *Графика восточнославянских и польского языков...*, с. 65.

[9] Т.М. Григорьева. *Три века русской орфографии...*, с. 10.

[10] Там же.

[11] Н. Яковлев. *За латинизацию русского алфавита*. «Культура и письменность Востока». Кн. 6. Баку 1930, с. 27. [Online] <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/Jakovlev30a.html> (26.05.2007).

[12] В.К. Тредиаковский. *Разговор между чужестранным человеком і Россійскім об ортографіі старінной і новой і о всем что прінадлежіт к сей матеріі*. СПб., 1748.

В своем трактате по орфографии В.К. Тредиаковский одним из руководящих принципов (или, по выражению автора, *оснований*) считал следующее: «Новая русская азбука должна, сколько возможно, походить своим внешним видом на латинскую, а не на греческую, так как именно ради этой цели она и была изобретена и введена в жизнь Петром I»[13].

Гражданская азбука на протяжении нескольких десятилетий продолжала утверждаться в правах, а свой окончательный вид приобрела после реформ Академии наук 1735, 1738 и 1758 гг[14].

В XVIII веке, когда, «церковнославянская азбука переставала быть нормой литературности»[15], новый тип письма требовал своих принципов правописания. В гражданской азбуке все еще сохранялись дублетные буквы, которые некогда служили для обозначения различных фонем (*е-ять*, *ферт-фита*, *и-ижица*), а также не обозначавшая звука буква *ъ* (*ер*) после согласных на конце слов. Писатели того времени жалуются на пестроту правописания. А.П. Сумароков (1717-1777) писал по этому поводу: «Но чем пособить, когда Россия никакого не имеет собрания, пекущегося о языке и словесных науках: да и в школах ни Российскому правописанию, ни грамматике Российской не учат. Это удивительно и достойно великого примечания»[16]. Поиск рациональных принципов русского письма занимал многие умы XVIII–XIX в. и начала XX века. Одна из возможностей упрощения орфографии виделась в переводе русской письменности на латинскую основу.

Латинский алфавит, по мнению ученых, восходит к греческому письму. Начало его формирования относится к VIII–VII вв. до н. э. (латинский алфавит этого периода состоял из 21 буквы)[17]. В латинском письме большинство западногреческих букв сохранило свое исконное значение и начертание[18]. Однако со временем происходило приспособление заимствованного алфавита к фонетическим особенностям латинского языка, что привело к переосмыслению звуко-

---

[13] Там же.

[14] Реформой 1735 г. были исключены из алфавита буквы кси, ижица, зело и была введена буква й. Реформа 1738 г. унифицировала написание і (и десятиричное) с одной точкой вместо двух и упорядочила применение этой буквы. Было рекомендовано писать ее перед гласными звуками, перед й и в слове мір ‘вселенная’. В результате реформы 1758 г. была восстановлена в своих правах ненужная ижица. См. В.А. Истрин. *1100 лет славянской азбуки*. Москва: Наука, 1963, с. 151.

[15] В.В. Виноградов. *Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков*. 3-е изд. Москва: Высшая школа, 1982, с. 90.

[16] А.П. Сумароков. *О правописании. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе*. Т. X., Москва, 1782, с. 38.

[17] Н.А. Павленко. *История письма...*, с. 175.

[18] *Лингвистический энциклопедический словарь*. Ред. В.Н. Ярцева, Москва: Советская энциклопедия, 1990, с. 254.

вых значений отдельных букв[19], добавлению новых знаков[20]. Классический латинский алфавит сложился ко II в. до н. э. и насчитывал 23 буквы (если считать *U–V* за одну букву[21]).

Латинское письмо развивалось также и в эпоху средневековья, когда латинский алфавит был приспособлен для национальных письменностей западноевропейских и некоторых славянских языков. Как отмечают исследователи,

> Это было связано с постепенным переходом в христианство европейских народов (…), а также обусловлено средоточием образования в эпоху средневековья в руках монастырей и соборных школ, являвшихся важнейшими центрами распространения грамотности. Благодаря всему этому латинский язык и письмо оставались на протяжении ряда веков международным языком и письмом европейского культурного мира[22].

Латинский язык был издавна знаком славянским книжникам как язык церковный[23]. На Руси, принявшей христианство от Византии, *латинский* — это не только *написанный на латинском языке*, не только *римский*, но и *свойственный чуждой вере — католический*[24]. Отсюда непринятие латинского языка для Руси: в православии использование латиницы считалось неприемлемым, непризнание богослужения на латинском языке — одно из основных обрядовых отличий православной церкви. Однако уже в XVII веке начинаются культурные преобразования в жизни Московского государства (как нами отмечалось выше, это было связано с ориентацией на Запад российского торгового капитала[25]), способствовавшие распространению латинского и других западноевропейских языков (использующих латинскую графику). Чистота национальных верований и образа жизни, по мнению Л.М. Козневой, все еще оберегается от иностранного влияния, хотя оно весьма заметно в отношении русской книжности и об-

---

[19] Например, знак *F*, который передавал ранее звук [*v*], стал обозначать звук [*f*], а знак *V* стал служить для передачи звуков [*v*] и [*u*]. Буквы *X* (икс), *Y* (игрек), *Z* (зет), возникшие из греческих *X* (хи), *Y* (ипселон) и *Z* (дзета), в латинском алфавите стали обозначать звуки [*кс*], [*u*], [*з* (*дз*)] Начертание буквы *K* постепенно трансформировалось в начертание *C* (знак передавал звук [*к*], а в позднеантичные времена — звук [*ц*] перед [*э*] и [*u*]). См. Н.А. Павленко. *История письма*..., с. 177.

[20] Была видоизменена греческая гамма (*C*) путем добавления к ней вертикальной черточки (*G*) и приспособлена для выражения звука [*g*] (Н.А. Павленко. *История письма*..., с. 177).

[21] Буквы *U*, *V* стали различаться только в средние века: знак *U* начал употребляться для передачи звука [*u*], а буква *V* — для обозначения звука [*v*]. В средние века латинский алфавит был пополнен также двумя новыми буквами *j* (йот) и *w* (дубль *ве*). Они стали применяться не в собственно латинском письме, а в некоторых сформировавшихся на его основе западноевропейских письменых системах. См. Н.А. Павленко. *История письма*..., с. 177.

[22] Н.А. Павленко. *История письма*..., с. 182.

[23] Л.М. Кознева. *Латиница и русское письмо*. [В:] *Кириллица-латиница-гражданица: Коллективная монография*. Отв. ред. Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009, с. 128–136.

[24] Там же.

[25] Приглашаются иноземцы – в самой Москве, по словам исследователей, появилось и осело много военных и торговых иностранцев.

разования[26]. Открываются греко-латинские школы (например, при патриархе Филарете при монастыре в Чудове была заведена патриаршая греко-латинская школа, которая уже в 1633 году подавала иностранцу-путешественнику Олеарию надежду на лучшую будущность. В 1648 году боярин Ф.М. Ртищев построил близ Воробьевых гор Андреевский монастырь, где также основал греко-латинскую школу), а в 80-х годах XVII века создается Славяно-греко-латинская академия[27]. Составляются словари и учебные книги. Издается целый ряд латинских грамматик. Показательно, что первая латинская грамматика, предназначенная для учеников, говорящих на русском языке, была составлена соратником Петра Первого И.Ф. Копиевичем (ок. 1651–1714), принявшим активное участие в преобразовании церковной печати и издательской деятельности конца XVII–начала XVIII вв.[28]. Активизируется деятельность переводчиков. Позже латинский язык используется и в государственных документах.

Одна из первых попыток латинизации русского письма была предпринята в 1833 году, когда вышла в свет брошюра *Новые усовершенствованные литеры для русского алфавита* неизвестного автора (об этом факте упоминает Я.К. Грот (1812–1893) в своей работе *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*[29]). Здесь следует отметить, что в попытках ввести в России латинизированную систему письма, по нашему мнению, нашло свое отражение *западничество* — одно из направлений (противоположное ему течение — *славянофильство*) в русской общественно-политической мысли, зародившееся в 30–40-е годы XIX века. Спор между западниками и славянофилами отражает осмысление вопроса об исторической судьбе России, особенностях ее культурно-цивилизационного развития в сопоставлении с опытом Европы и народов Востока. Западники ратовали за европеизацию России, преодоление культурно-исторической и политической отсталости по сравнению с *цивилизованным Западом*[30].

В 1842 году К.М. Кадинским (Кодинским) была предложена программа перехода на латиницу[31]. В декабре 1844 года журнал *Отечественные записки* опубликовал рецензию на сочинение Кадинского *Упрощение русской грамматики. Uproszenie ruscoi grammatichi*, написанную В.Г. Белинским[32] (1811–1848). Рецензент выявил ряд недостатков в программе Кадинского и выдвинул свой проект замены кириллицы латинским письмом. В частности, В.Г. Белинский[33] отмечает, что г-н Кодинский

---

26 Л.М. Кознева. *Латиница и русское письмо*..., с. 130.

27 Там же.

28 Там же, с. 131.

29 Я.К. Грот. *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. — [В:] Его же: *Филологические разыскания*. Санкт-Петербург, 1873, с. 459–668.

30 В.И. Ламанский. *Геополитика панславизма*. Сост., предисл., комментарии Ю.В. Климаков. Отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2010, с. 13.

31 К.М. Кадинский. *Отрывок из грамматических заметок*. «Маяк» 1842. Т. 1. Кн. 2, с. 124–126.

32 Известный критик выражал радикальные взгляды западничества.

33 В.Г. Белинский. *Упрощение русской грамматики. Uproscenie ruscoi grammatichi. Сочинения. К.М. Кодинского*. Санкт-Петербург 1842 [В:] Его же. *Полное собрание сочинений*. В 13 томах. Т. 9. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955, с. 339.

> (...) желает полного и совершенного заменения нашей азбуки латинскою. Это, по его мнению, единственное средство упростить русскую грамматику. Главное его требование состоит в том, чтоб каждый основной звук имел для своего выражения только одну букву, которая бы уже ни в каком случае не выражала другого звука. Прекрасно! Но достаточен ли латинский алфавит для выражения всех основных звуков русского языка? Г-н Кодинский совершенно убежден в этом, и это большая с его стороны ошибка. Но еще больше грешит он против духа русского языка, приноравливая его азбуку более к французскому, нежели к русскому языку.

Это, по мнению критика, скорее *затруднение*, чем *упрощение* грамматики. Далее Белинский[34] обосновывает свой проект латинизации русского письма:

> Главная и существенная трудность сделать нашу азбуку доселе вполовину и некрасиво латинскую, вполне латинскою заключается не столько в исключении старых букв и приеме новых, сколько в необходимости теми же знаками, которые уже есть в нашей азбуке, выражать другие звуки, нежели какие выражают они теперь.

Критик имеет в виду буквы *Рр (рцы)*, *В (веди)*, *ь(ерь)*, *Н (наш)*, *Сс (слово)*, *М (мыслите)*, *т (твердо в письме и курсиве)*, *п (строчной покой)*, совпадающие по начертанию с латинскими *Pp*, *Bb*, *H*, *Cc*, *Mm*, *n*. «Так как наши *ы* (*еры*)... вельми безобразны, — пишет он далее, — то их следует исключить, а выражаемый ими звук поручить представлять букве *Уу*, как в польском языке»[35]. Взамен некрасивых, по мнению Белинского, и неудобных в типографском отношении букв русской азбуки (*чудовищное 'добро'*, *широкое, кудрявое и некрасивое 'живете'*, *неудобное строчное 'твердо'* и др.) вводятся латинские литеры. Вся новая азбука состояла бы из 32 букв[36]:

> *Aa*, *Bb* (бе), *Cc* (це), *Dd* (де), *Ee*, *Ff* (эф), *Gg* (густое га), *Hh* (тонкое га), *Ii*, *Jj*, *Kk*, *Ll* (ла), *Mm*, *Nn*, *Oo*, *Pp* (пе), *Rr* (ре–рцы), *Ss* (эс-слово), ~~*Ss*~~ (ша), *Tt* (те–твердо), *Uu* (у), *Vv* (ве–вѣди), *Xx* (ха–хер), *Чч* (че–червь), *Цц* (ща), *Zz* (зет–земля), ~~*Zz*~~ (же–живете), *Ъ* (ер), *Ь* (ерь), *Уу* (еры), *Яя*, *Юю* (ю).

В.Г. Белинский в своем проекте учитывает не только эстетический, но и прагматический аспекты: замена широких русских букв более компактными латинскими, отсутствие «составных букв вроде *Ch*, *Sch*, обезображивающих немецкую и польскую азбуки»[37], — все это привело бы к тому, что «русская азбука не отличалась бы резко от других европейских алфавитов, а между тем не утратила бы своей оригинальности; тогда сделалось бы возможным печатать русские книги не только красиво, изящно и четко как крупным, так и мелким шрифтом, но еще и убористо, так что русский перевод французской книги не был бы в полтора или почти в два раза толще подлинника»[38]. В заключение автор говорит: «мы высказали свое мнение о пользе и возможности азбучной реформы не больше как мечту...»[39].

---

34 Там же, с. 342–343.

35 Там же, с. 343.

36 Там же, с. 344.

37 Там же.

38 Там же, с. 344-345.

39 Там же, с. 345.

Однако сама письменная практика с ее запутанным правописанием требовала графико-орфографической реформы. Мечта все более приближалась к реальности. В 1857 г. Кадинский вновь обратился к вопросу латинизации русского письма в своей работе *Преобразование и упрощение русского правописания*, обосновывая смену письменности следующими аргументами:

> Латинское письмо имеет неоспоримое преимущество перед нашим: оно чище, красивее, разборчивее и занимает меньше места, (...) а наша варварская азбука придает нам неприятный, скифский оттенок, который портит блеск нашей образованности[40].

> Латинское письмо более комкактно. К примеру, *История государства российского* из 10-ти томов в латинице могла бы занять всего 5 томов, поскольку всего одна русская буква *т* занимает 6% речи и 9% на письме. Кроме того — в результате введения латиницы письмо станет «разборчивее и красивее», письменное пространство сократится на 15% при том же почерке; печать станет «чище и красивее» и печатное пространство сократится вдвое и, как следствие, книги станут дешевле и доступнее для читателя. Кроме того, это станет одним из способов упрощения русского письма — будут устранены лишние буквы. И «если мы хотим считаться цивилизованным народом», то мы «должны употреблять азбуку образованных народов»[41].

В заключение автор утверждает, что латинская азбука выражает звуки русского языка «самым точным образом, на что не способна никакая другая азбука»[42].

Вопрос о переводе русской письменности на латинскую основу обсуждался (в числе прочих) на заседании петербургских педагогов в 1862 году (Орфографическая комиссия под руководством В.Я. Стоюнина), но не получил всеобщего одобрения[43].

Интерес к латинице как новой (возможной) графической оболочке русского языка вызвал волну противостояния. Защитники кириллицы выступали со своимим аргументами *за* утверждение ее в правах, и одной из спланированных контракций была программа внедрения кириллицы в польское письмо. Начало реализации данной программы положила книга *Образцы польскаго языка въ прозѣ и стихахъ для русскихъ, изданные П.Д. Wzory języka polskiego. Prozą i wierszem dla Rossyan*, *wydane przez P.D.* (Санкт-Петербург 1852). Ее автор — профессор Петр Павлович Дубровский — исходил из позиций панславизма, отводя России особую роль в славянском мире и пропагандируя кириллицу среди славян, использующих латиницу (в книге упоминается о предложении Пухмира внедрить в чешский язык гражданский алфавит[44]). В предисловии книги сообщается, что

---

[40] К.М. Кадинский. *Преобразование и упрощение руского правописания*. Санкт-Петербург, 1857, с. 6.

[41] Там же, с.16, 19.

[42] Там же, 31.

[43] Т.М. Григорьева. *Латиница против кириллицы и vice versa*. [В:] *Кириллица-латиница-гражданица: Коллективная монография*. Отв. ред Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009, с.138.

[44] M. Brzezina. *Propozycje zastosowania grażdanki do języka polskiego z drugiej połowy XIX wieku*.

замечательная богатством своих произведений польская литература, «может быть любопытным предметом просвещенных русских читателей, тем более, что она принадлежит народу нам соплеменному и нераздельно соединенному с нашим отечеством». Автор уверяет читателя, что «изучение польского языка для русских нетрудно, так же как для поляков изучение языка российского» — некоторым препятствием является лишь алфавитное различие[45]. Желая приблизить польский язык русскому читателю, автор передает польские слова графическими средствами русского языка. В 1853 году священник В. Гречулевич в рецензии на данную книгу писал, что этот опыт «замены чуждых латинских букв в письменном употреблении сродственного нам языка нашими» может принести «обильные плоды на почве общеславянских литератур»[46]. Как отмечает в этой связи современная польская исследовательница М. Бжезина,

> до тех пор, пока все сводится только к предложениям, которые можно принять либо отклонить, упомянутые факты составляют лишь главу в истории духовной жизни славян. Однако попытки подробной реконструкции польско-русских языковых контактов в Королевстве Польском показывают, что равно как научные достижения, так и утопические, на первый взгляд, идеи могут быть использованы в политических целях[47].

Как сообщает И.А. Бодуэн де Куртенэ, после событий 1863–1864 годов:

> русскіе устроители и «учредители» этого края, под вліяніем своеобразного «патріотизма», задались донкихотской цѣлью, из говорящих по польски подданных Россійской Имперіи сочинить два польских народа.
> На «чистую публику», т.е. на крамольную «интелигенцію» и «шляхту», они махнули рукой, дозволив ей милостиво печатать польскія книжки и повременныя изданія латино-польским алфавитом, только под непремѣнным условіем русификаціи польских мѣстных названій. За этим слѣдила цензура (...).
> За то на облюбованный польскій «народ» из «простонародья» «учредители-патріоты» смотрѣлі как на этнографическій матеріал для умноженія великорусской національности. (...) Стали появляться разные *Элементарˇи для дзеци вейских*, *Граматыки ęзыка польскего* и т.п. К сожалѣнію, всѣ эти попытки отошли в сферу несбыточных мечтаній и покушеній с негодными средствами, а израсходованные казенные деньги оказались безцѣльно и безполезно потраченными[48].

Вопрос о соотношении кириллицы и латиницы приобретает свою актуальность в связи с изданием в Галиции и Прикарпатской Руси украинских книг латиницей. Кириллица воспринималась как важный показатель православ-

---

[B:] *Słowianie wschodni. Między językiem a kulturą*. Red. A. Bolek, A. Fałowski, B. Zinkiewicz-Tomanek. Kraków: Wydawnictwo Bohdan Grell i córka s. c., 1997, c. 161–167, c. 161.

45 Т.М. Григорьева. *Латиница против кириллицы...*, с. 138.

46 В. Гречулевич. *Образцы польского языка в прозе и стихах для русских: Рец.* «Журнал Министерства народного просвещения» 1853. № 4, с. 1–23.

47 M. Brzezina. *Propozycje zastosowania grażdanki...*, c. 166. (Перевод — О.Н.).

48 И. Бодуэн де Куртенэ. *Польскій язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским: Пособіе для практических занятій по «сравнительной граматикѣ славянских языков» и для самообученія*. Санкт-Петербург 1912, с. V. [Online] <http://www.knigafund.ru/books/171384/read#page5> (23.11.2013).

ной культуры, и потому появляется ряд работ, доказывающих преимущество кириллицы перед латинским письмом (среди них — Рассуждение Богдана А.Д. *О неудобности латинской азбуки въ письменности руской*[49]. Въ книгопечатнѣ оо. Мехитаристовъ. Вѣдень 1859).

В публичных лекциях, прочитанных в Нежине и Киеве в 1877 г., профессор А.С. Будилович дает сравнительную характеристику истории русского и сербского письма, отмечает общее в развитии руского и сербского литературных языков в XVII–XVIII вв. и представляет кириллицу как средство общеславянского единения[50].

В 1873 году свою позицию по вопросу противостояния кириллицы и латиницы в русском письме занял академик Я.К. Грот, разбирая:

– изданную в 1833 году брошюру *Новые усовершенствованные литеры для русского алфавита* неизвестного автора,
– две работы К.М. Кадинского (1842, 1857),
– книгу Засядько *О русском алфавите* (Москва 1871).

Упоминает Я.К. Грот в этом контексте и В.Г. Белинского, ратовавшего за *улучшение* русского алфавита, т.е. придания ему более латинского характера. Я.К. Грот весьма критически оценил эти работы и дал ответ тем, кому русская азбука *кажется безобразною*, а русское письмо в целом оценивается как самое *неграциозное и неловкое отродье щеголеватого письма греков*. В защиту русского письма Я.К. Грот писал, что русские буквы не так резко отличаются от греческих или латинских, а некоторые совершенно тождественны, и лишь те немногие, которые обозначают особые звуки, имеют *своеобразное начертание*. Но, отмечает автор,

> (...) едва ли не труднее удержать в памяти фигуру, напр., нашего *ч* или *щ*, нежели при изучении хоть польского языка, употребляющего латинское письмо, запомнить значение соответствующих им сложных начертаний *cz* и *szcz*". Главная трудность, по его мнению, не в знаках, а в звуках, ими выражаемых.

Он отмечает также, что «попытки ввести у нас латинский алфавит никогда не будут иметь успеха, как не имели его до сих пор. Полуторавековое существование русского гражданского письма и довольно уже богатая литература, распространение в печати, навсегда обеспечивают сохранение нашей национальной азбуки»[51].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что в истории развития русского письма неоднократно предпринимались попытки полностью или частично заменить кириллические литеры латинскими. Азбучная реформа Петра Первого 1708–1710 гг. (в результате которой появился новый шрифт *гражданица*) была

---

[49] Примечательно само графическое оформление издания. Текст печатается церковнославянским полууставом, а слова «латинской азбуки» набраны гражданским (приближенным к латинскому) шрифтом.

[50] Т.М. Григорьева. *Латиница против кириллицы и vice versa*. [В:] *Кириллица-латиница-гражданица: Коллективная монография*. Отв. ред Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009, с. 136–151, с. 140.

[51] Я.К. Грот. *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. — [В:] Его же: *Филологические разыскания*. Санкт-Петербург, 1873, с. 459–668, с. 163.

направлена на латинизацию русского алфавита и тем самым на сближение России с Западной Европой. Попытки латинизации были связаны, в основном, с поиском путей упрощения русского правописания (устранения лишних букв), а также отражали идеологический спор западников и славянофилов об исторической судьбе России. Латинизаторы, отстаивая позицию западников, подчеркивали эстетическую и практическую значимость своих программ. Перевод письменности на латинскую основу означал бы переход на новый, европейский, *цивилизованный* уровень развития русского общества. Защитники русского письма весьма критически отнеслись к данным программам, авторитетно заявив о сохранении русского национального письма.

Литература

Bartoszewska J. *Графика восточнославянских и польского языков*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004.

Brzezina M. *Propozycje zastosowania grażdanki do języka polskiego z drugiej połowy XIX wieku*. [W:] *Słowianie wschodni. Między językiem a kulturą*. Red. A. Bolek, A. Fałowski, B. Zinkiewicz-Tomanek. Kraków: Wydawnictwo Bohdan Grell i córka, 1997, c. 161–167.

Белинский В.Г. *Упрощение русской грамматики. Uproscenie ruscoi grammatichi. Сочинения К.М. Кодинского.* Санкт-Петербург, 1842 [В:] Его же. *Полное собрание сочинений. В 13 томах.* Т. 9. Москва: Издательство АН СССР, 1955, с. 328–345.

Бодуэн де Куртенэ И. *Польскій язык сравнительно с русским и древне-церковно-славянским. Пособіе для практических занятій по «сравнительной граматикѣ славянских языков» и для самообученія*. Санкт-Петербург 1912, с. 118. [Online] <http://www.knigafund.ru/books/171384/read#page5> (23.11.2013).

Виноградов В.В. *Очерки по истории русского литературного языка XVII– XIX веков*. Изд. 3-е. Москва: Высшая школа, 1982.

Гречулевич В. *Образцы польского языка в прозе и стихах для русских: Рец.* «Журнал Министерства народного просвещения» 1853. № 4, с. 1–23.

Григорьева Т.М. *Три века русской орфографии (XVII–XX вв.)*. Москва: Элпис, 2004.

Григорьева Т.М. *Латиница против кириллицы и vice versa*. [В:] *Кириллица-латиница-гражданица: Коллективная монография*. Отв. ред Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009, с. 136–151.

Григорьева Т.М., Осипов Б.И. *От старой азбуки до современного алфавита*. [В:] *Кириллица-латиница-гражданица: Коллективная монография*. Отв. ред. Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009, с. 12–20.

Грот Я.К. *Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне*. — [В:] Его же: *Филологические разыскания*. Санкт-Петербург, 1873, с. 459–668.

Иванова Ф.В. *Современный русский язык. Графика и орфография*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Москва: Просвещение, 1976.

Истрин В.А. *1100 лет славянской азбуки*. Москва: Наука, 1963.

Кадинский К.М. *Отрывок из грамматических заметок.* «Маяк» 1842. Т. 1. Кн. 2, с. 124–126.

Кадинский К.М. *Преобразование и упрощение руского правописания*. Санкт-Петербург, 1857.

Кознева Л.М.. *Латиница и русское письмо*. [В:] *Кириллица-латиница-гражданица: Коллективная монография*. Отв. ред. Т.В. Шмелева. Великий Новгород: Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, 2009, с. 128–136.

Ламанский В.И. *Геополитика панславизма*. Сост., предисл., комментарии Ю.В. Климаков. Отв. ред. О.А. Платонов. Москва: Институт русской цивилизации, 2010.

Лингвистический энциклопедический словарь. Ред. В.Н. Ярцева. Москва: Советская энциклопедия, 1990.

Павленко Н.А. *История письма. Учебное пособие для филологического факультета вузов*. Изд. 2-е, перераб. и доп. Минск: Вышэйшая школа, 1987.

Сумароков А.П. *О правописании. Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе.* Т. X., Москва, 1782.

Тредиаковский В.К. *Разговор между чужестранным человеком і Россійскім об ортографіі старінной і новой і о всем что прінадлежіт к сей матерії*. СПб., 1748.

Яковлев Н. *За латинизацию русского алфавита*. «Культура и письменность Востока» 1930, т. 6, с. 27. [Online] <http://www2.unil.ch/slav/ling/textes/Jakovlev30a.html> (26.05.2007).

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 51–59

O SEMANTYCE DERYWATU *МЕЙНСТРИМОВЫЙ* W ROSYJSKIM JĘZYKU INTERNETOWYM

MAGDALENA RYBCZYŃSKA

Doktorantka, Uniwersytet Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy
Wydział Humanistyczny, Instytut Neofilologii i Lingwistyki Stosowanej
85-601 Bydgoszcz, ul. Grabowa 2 (Polska)
e-mail: rybczynska.mr@gmail.com
(nadesłano 10.04.2014; zaakceptowano 19.12.2014)

Abstract

Semantics of *mainstream* variants in Russian Internet language

The Internet creates new language rules which also influence vocabulary. The paper analyses the semantics of the word *mainstream* showing the differences in the meaning of the English word and its Russian equivalent. It also emphasizes the impact of connotation and context, which lead to meaning transformations. Comparing denotation of both words highlights the problem of semantic precision.

Key words

Mainstream, semantics, connotation, context, Internet.

Резюме

О семантике деривата *мейнстримовый* в русском интернет-языке

Интернет создает новые языковые правила, которые влияют, в частности, на семантику слова. В настоящей статье доказывается, что существуют семантические разницы между английским словом *mainstream* и русским дериватом *мейнстримовый*. Анализируются также коннотация и контекст, которые спо-

собствуют трансформациям значения рассматриваемого англицизма. Сопоставление плана содержания английской и русской лексических единиц позволяет поставить вопрос об их семантической точности.

Ключевые слова

Мейнстримовый, семантика, коннотация, контекст, Интернет.

W świecie Internetu obserwujemy nowe zachowania społeczne, co powoduje także dynamiczne zmiany w sferze komunikacji językowej. Brak sztywnych norm, szybkość, spontaniczność, łatwość odbioru komunikatu — to tylko kilka cech języka cyberprzestrzeni przeniesionych z języka codziennego. Jedną z najważniejszych właściwości komunikacji elektronicznej jest swoboda, która ma niemały wpływ na sam dobór słów, na ich semantykę, jak również na tworzenie konfiguracji znaczeń wyrazów. Internauta, szukając środków językowych, które z największą precyzją wyraziłyby jego intencje przedstawieniowe, sięga między innymi do zapożyczeń.

W niniejszym artykule przedmiotem analizy jest derywat anglicyzmu *mainstream*, zapożyczony i upowszechniony przez rosyjskich forumowiczów. Istnieją dwa warianty tej pożyczki — *мейнстримный* i *мейнстримовый*. Ze względu na powszechniejsze użycie drugiej formy materiał do analizy stanowią posty oraz komentarze z tym derywatem. Wypowiedzi pochodzą z forów i blogów dotyczących filmów, muzyki, gier i literatury. Celem artykułu jest ujawnienie semantyki opisywanego słowa za pomocą badania standardów semantycznych oraz scenariuszy przywołanych przez nie w różnych kontekstach.

Wprowadzając pojęcie standardów semantycznych, sięgamy do teorii gramatyki komunikacyjnej, która definiuje je następująco: „to takie konfiguracje treści, które są przechowywane w pamięci głębokiej jako szablony lub wzorce potrzebne do uchwycenia zjawisk otaczającej człowieka rzeczywistości oraz do segmentacji interpretowanych ciągów informacyjnych występujących w dyskursach”[1]. Obok standardów, odnoszących się do świata fizykalnego, dostrzegalnego, twórcy tej teorii wyodrębniają standardy dotyczące świata niematerialnego, duchowego, podkreślając ich związek z kulturą i obyczajami narodu. Drugi typ, do którego należy analizowana w artykule pożyczka *мейнстримовый*, często określa się mianem stereotypu. Pojęcie to w semantyce nawiązuje do powszechnej definicji stereotypów, przedstawiając je jako przyjęte wzorce lub obrazy pewnych zjawisk, które funkcjonują w świadomości społecznej. Według Grażyny Habrajskiej stereotyp to „zbiór konotowanych cech, wystarczających do rozpoznawania/identyfikowania obiektu w danej wspólnocie językowej. Służąc tej wspólnocie, zakładać musi różność i cząstkowość ‘obrazów’ w zależności od przyjętej perspektywy. Stereotyp kreowany z określonego punktu widzenia nie podlega falsyfikacji. Tak określony stereotyp wykorzystywany jest do tworzenia metafor i przy

[1] A. Awdiejew. *Standardy semantyczne a znaczenie leksykalne.* [W:] *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, standardy lingwistyczne.* Red. K. Anusiewicz, J. Bartmiński. Seria Język a kultura. T. 12. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 53.

nominacji językowej"[2]. Z kolei Renata Grzegorczykowa zauważa, iż w badaniach semantycznych pojęcie to łączono z badaniami konotacji wyrazów, czyli „cech, sądów (i przesądów) kojarzonych z obiektami (zjawiskami) nazwanymi przez leksemy"[3]. Jak wynika z przytoczonych definicji, standardy niematerialne mogą stanowić subiektywne, indywidualne reprezentacje obrazów, złożone z różnych opinii, odczuć i wrażeń nadawcy. Umożliwiają one przedstawianie złożonej rzeczywistości, tworząc podstawy semantyczne, które dopuszczają różnorodność konfiguracji pozwalających użytkownikowi języka wyrazić nawet najbardziej skomplikowane treści. Aleksy Awdiejew określa to jako przekazywanie „zupełnie nowych, niestereotypowych sensów za pomocą bazy standardowej"[4].

Odpowiedni dobór słownictwa i kształtowanie cech substancjalnych znaczeń jest ważnym elementem komunikacji międzyludzkiej. Jak wspomniano wyżej, komunikacja elektroniczna jest specyficznym medium, które rządzi się swoimi prawami. W związku z tym, że materiał dla poniższej analizy stanowią posty i komentarze z blogów i forów dyskusyjnych, skupimy się na cechach tego typu tekstów internetowych. Mimo braku pełnej charakterystyki języka cyberprzestrzeni, badacze coraz częściej podejmują próby jego opisu. Oceny są różne. Można się spotkać z negatywnymi opiniami języka używanego w sieci, które dotyczą między innymi ilości wulgaryzmów i stopnia niegrzeczności językowej. Jednak przy ocenie warto również wziąć pod uwagę cel i efekty komunikacji w sieci. Ludzie częściej i więcej piszą, bawią się językiem i słowem, chętniej wyrażają swoje uczucia i wdają się w dyskusje, wyrażając swoje zdanie, dzielą się osobistymi przemyśleniami. Komunikacja międzyludzka nabrała nowego wymiaru, a wraz z nią język nabiera nowych właściwości. Powszechność korzystania z sieci powoduje znaczący wpływ używanego w niej słownictwa oraz sposobu wyrażania się na język interakcji codziennej.

Warto zatem przyjrzeć się bliżej cechom języka internetowego. Blogi i fora dyskusyjne są stosunkowo nowymi narzędziami globalnej komunikacji masowej, które służą do wyrażania opinii, emocji lub dzielenia się wiedzą czy doświadczeniem. Jednak są pewne różnice między nimi pod względem pełnionych funkcji, a co za tym idzie, różnią się pod względem językowym. Blogi są pewnego rodzaju dziennikami, które charakteryzują personalny charakter treści, przeważają w nich środki stylistyczne, służące wzmocnieniu barwy uczuciowej opisywanych zjawisk i wydarzeń. Nadawca przedstawia swój stosunek emocjonalny, korzystając ze słownictwa nacechowanego ekspresywnie, z większej ilości przymiotników i przysłówków oraz stosując takie środki stylistyczne jak metafora, ironia, kolokwializmy, wykrzyknienia, anafory, eufemizmy itp. Blogi można zaliczyć do grupy tekstów publicystycznych, poruszają bowiem zazwyczaj kwestie życia codziennego. Fora dyskusyjne także można zaklasyfikować do

---

[2] G. Habrajska. *Prototyp – stereotyp – metafora.* [W:] *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, standardy lingwistyczne*. Red. K. Anusiewicz, J. Bartmiński. Seria Język a kultura. T. 12. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 117.

[3] R. Grzegorczykowa. *O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych.* [W:] *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, standardy lingwistyczne*. Red. K. Anusiewicz, J. Bartmiński. Seria Język a kultura. T. 12. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 113.

[4] A. Awdiejew. *Standardy semantyczne a znaczenie leksykalne*..., s. 60.

tekstów publicystycznych, opiniotwórczych. Jednak cechuje je zwięzłość formy. Język używany przez forumowiczów jest często potoczny, spontaniczny, z użyciem zwrotów slangowych. Teksty mają charakter komentarzy i opinii. Podobnie jak blogi, zawierają one środki stylistyczne o nacechowaniu ekspresywnym, jednak służą też do wysuwania konkretnych argumentów, stawiania pytań, przedstawiania zagadnień, które prowadzą do wymiany zdań i poglądów. Fora nie zawsze mają charakter personalny. Wprowadzając post, autor rozpoczyna dyskusję, do której mogą dołączyć się inni użytkownicy sieci, kontynuując rozpoczęty wątek. Charakter forum prowadzi niekiedy do zaciętej polemiki, przybierającej wyjątkowo ekspresywną postać, która przeważa nad elementami treściowymi czy formalnymi. Zjawisko niegrzeczności językowej dotyczy również blogów, w których można znaleźć przykłady użycia wulgaryzmów i obraźliwych epitetów. Jednak fora dyskusyjne wydają się bardziej narażone na brak stosowania etykiety językowej. Stanowią bowiem rodzaj narzędzia do debaty, dysputy lub po prostu rozmowy. Można zauważyć, iż zarówno blog, jak i forum dyskusyjne są internetowymi odpowiednikami typowego dla codziennej interakcji dialogu, służącego wyrażaniu uczuć i ekspresji.

Dynamizm i ekonomiczność, które są najczęściej przywoływanymi właściwościami porozumiewania się w sieci, są również widoczne w semantyce środków językowych używanych przez internautów. Wiąże się to z celem komunikacji internetowej jaką jest — podobnie jak w interakcji codziennej — szybka typologizacja otaczającego świata. Z punktu widzenia semantyki może to oznaczać dominację słów wieloznacznych, metafor, stosowanie rozszerzeń lub zawężeń semantycznych w zależności od sytuacji komunikacyjnej czy abstrakcyjnych konfiguracji sensu. Internauci, szukając odpowiednich środków językowych, sięgają również do języków obcych, zwłaszcza do angielskiego. Język ten jako „*lingua franca* ogarnia przede wszystkim sfery kultury masowej”[5], która w ostatnich latach korzysta z kanałów internetowych w większym stopniu niż z tradycyjnych komercyjnych narzędzi przekazu informacji typu radio, telewizja czy prasa. W związku z tym w językach słowiańskich wzrasta liczba wyrazów zapożyczonych z języka angielskiego. Według wielu językoznawców jest to kwestia mody czy nawet snobizmu. Jednak, analizując semantykę zapożyczonego słowa i jego rodzimego ekwiwalentu, odnotowujemy pewne różnice znaczeniowe, które mogą mieć wpływ na jego użycie w danym kontekście sytuacyjnym. Anna Wierzbicka, badając wyrażenia synonimiczne, zauważa, że „przy dostatecznie wyrobionej wrażliwości stylistycznej żadne wyrażenie nie będzie odczuwane jako idealnie ekwiwalentne w stosunku do drugiego”[6]. Analogicznie pożyczka może zawierać szereg innych cech semantycznych niż jej rodzimy odpowiednik podany w słowniku dwujęzycznym. Taka analiza semantyczna wymaga dokładnego zbadania nie tylko definicji słownikowych wyrazu, ale również konotacji semantycznych oraz kontekstu sytuacyjnego. Umożliwi to uchwycenie subtelnych odcieni znaczeniowych oraz elementów asocjacyjnych i potwierdzi, które słowo — zapożyczone czy rodzime — z większą precyzją wyraża intencje przedstawieniowe nadawcy.

---

[5] A. Grybosiowa. *Modern Polish?* „Poradnik Językowy” 2000, z. 8, s. 70.

[6] A. Wierzbicka. Dociekania semantyczne. Instytut Badań Literackich PAN. Seria Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej. T. 17. Wrocław: Ossolineum, 1969, s. 8.

Anglicyzm *mainstream* występuje w języku wyjściowym zarówno w roli rzeczownika, jak i przymiotnika. Materiał badawczy, pochodzący z najpopularniejszych blogów i forów dyskusyjnych, tj. www.diary.ru, www.livejournal.com, potwierdza, że pożyczka ta aktywnie występuje w rosyjskim języku internetowym. O jej aktywności świadczą nie tylko przytaczane w dalszej części artykułu wypowiedzi internautów. Wskaźnikiem jest również liczba wyników wyszukiwania w przeglądarkach obejmujących wszystkie typy tekstów elektronicznych, tj. około dwudziestu trzech tysięcy wyników dla przymiotnika *мейнстримовый*, ponad sześćset tysięcy – dla rzeczownika *м**е**йнстрим* i trzysta tysięcy dla zapisu słowa z twardą samogłoską (*мэйнстрим*). Podobną prawidłowość, dotyczącą popularności form anglicyzmu, można odnotować w tekstach publicystycznych, gdzie dominuje forma rzeczownika (*мейнстрим*). Korpus języka rosyjskiego *Ruscorpora* podaje piętnaście dokumentów dla rzeczownika i jeden dla przymiotnika (*мейнстримовый*).

O popularności tej pożyczki w języku rosyjskim świadczy nie tylko częstość jej występowania na stronach www, ale również stopień jej adaptacji. Trudno znaleźć przykłady użycia słowa *mainstream* w oryginalnej postaci graficznej, co jest typowe dla pierwszej fazy asymilacji. Wyraz ten jest zapisywany cyrylicą według postaci fonetycznej zapożyczonego leksemu. Z uwagi na brak ściśle określonych reguł transliteracji i transkrypcji anglicyzmów w języku rosyjskim można odnotować dwie wersje zapisu omawianej pożyczki, tj. *м**е**йнстрим* lub *мэйнстрим* w zależności od twardej (*э*) lub miękkiej (*е*) wymowy. Kolejnym poziomem, na którym słowo *mainstream* zostało zasymilowane, to etap adaptacji morfologicznej. Po określeniu kategorii i rodzaju anglicyzmu, co umożliwia jego znaczenie oraz zapis graficzny, zaczyna on funkcjonować jako samodzielny morfem, podlegając regułom gramatyki języka-biorcy. Z analizy omawianego zapożyczenia wynika, iż najbardziej powszechną formą jest przymiotnik, który został oswojony na płaszczyźnie formy fleksyjnej. Warto również wspomnieć o precyzji semantycznej, która charakteryzuje analizowany wyraz, gdyż zastępuje opisowy zwrot rosyjskiego odpowiednika. Pożyczka umożliwia więc użytkownikom Internetu bardziej zwięzłe pisanie. Przyspiesza komunikację w sieci poprzez mniejszą liczbę uderzeń w klawiaturę. W związku z powyższym ilość użyć pożyczki angielskiej jest znacząca.

Mainstream odnosi się do różnych dziedzin kultury i stosowany jest na oznaczenie głównego nurtu np. w muzyce, modzie, malarstwie czy kinematografii. Pojęcie to jest związane z działalnością artystyczną, rozrywkową oraz intelektualną powszechnie prezentowaną w mediach. Obserwuje się, że Rosjanie używają je wymiennie, czyli synonimicznie, z pojęciem kultury masowej:

> Я надеюсь, что она поменяется, что в **мейнстримовую** культуру попадут талантливые музыканты, как это было 15–20 лет назад, когда группы типа «Мумий Тролль» были радийными и востребованными. Сейчас такое невозможно. Для этого нам нужен протест, бунт и завоевание нового поля, на котором нам бы весело жилось.

> Ситуация в книжном мире России говорит о необходимости объединения усилий независимых издателей и распространителей. Массовая **мейнстримовая** культура уходит. Корпоративная культура, относящаяся к книге как к товару, напрочь убила гуманитарное понимание книги.

> Жизнь с телеэкрана задает некую моду на ее отрицание, что есть новая мода. выпадение из **мейнстрима**. и есть новая мода, только ее пропагандирует уже другое массмедиа-интернет.

> Мне иногда самой тошно от того как я пытаюсь себя перекроить в угоду... **мейнстриму** я бы сказала. Полюбить то в чем не слишком-то и разбираюсь, но все «крутышки» же любят, значит и мне надо! чтобы быть такой же «крутышкой».

Rosyjskim ekwiwalentem tego zapożyczenia jest opisowy zwrot *основное направление*. Jednak nie oddaje on w pełni sensu słowa *mainstream*. Wynika to z interpretacji i konceptualizacji świata, opartej w pierwszej kolejności na stereotypach kulturowych. Stanowią one ważny czynnik definiowania i postrzegania zjawisk, co znajduje odzwierciedlenie w objaśnieniach słów i ich użyciu. Stąd należy się spodziewać różnorodności semantyki nawet tych słów, które są podawane w słownikach dwujęzycznych jako ekwiwalenty. Poglądy, postawy, doświadczenia, wszelkiego rodzaju czynniki społeczne i psychologiczne wpływają na różną eksplikację tych samych z pozoru znaczeń.

Anglicyzm zawiera dodatkowy komponent znaczeniowy dotyczący normalności, typowości i akceptowalności: 'the ideas and opinions that are thought to be normal because they are shared by most people'. Ze względu na ten właśnie odcień znaczenia w niektórych wypadkach pożyczka *mainstream* nie mogłaby być zastąpiona rosyjskim ekwiwalentem bez zakłócenia przekazu. W poniższych komentarzach rosyjskich blogerów pewne zasady i postawy nie tylko górują nad innymi, ale również są typowe dla danego okresu historii:

> Не секрет, что у каждого времени, у каждого этапа, на котором находится общество, у каждого политического и идеологического момента есть какие-то **мейнстримовые** темы, **мейнстримовые** убеждения и **мейнстримовые** аргументы в их пользу (...). Сейчас кино, музыка, СМИ, государственная идеология, книги прививают другие **мейнстримовые** взгляды — верховенство идеализма, эгоизма, себялюбия, компромиссы с совестью, сказки про успешных и красивых, торжество потребления.

lub dla określonej grupy społecznej:

> Да, хипстеры выступают против мировых fashion тенденций, против модных брендов (Chanel, Louis Vuitton, Burberry и т.д.), против музыки. Но на самом деле, внутри их сообществ существуют тот же fashion, свои бренды и своя **мейнстримовая** музыка.

Można więc zauważyć, iż przekaz komunikacyjny z zastosowaniem zapożyczonego anglicyzmu jest w tych wypowiedziach bardziej precyzyjny. Relacje między omawianą pożyczką a sytuacjami i zjawiskami, do których nawiązuje, pozwalają wychwycić cechy charakterystyczne, esencjalne, czyli implikujące odcień typowości, którego brak w rosyjskim opisowym zwrocie. Komponent semantyczny zapożyczenia angielskiego pozwala więc na prawidłową identyfikację zjawiska, z większą precyzją niż wyrażenie основное направление.

Ważnym elementem analizy semantycznej jest konotacja znaczeniowa. Użytkownicy języka nie tylko znają definicje używanych wyrazów, ale kojarzą je z pewnymi właściwościami, wrażeniami lub sytuacjami. Jak zauważa Jurij Apresjan, konotacje to takie elementy, które „są odbiciem wyobrażeń kulturowych i tradycji związanych z da-

nym wyrazem, panującej w danym społeczeństwie praktyki wyzyskiwania odpowiedniej rzeczy i wielu innych czynników pozajęzykowych. Skojarzenia te mogą być bardzo nietypowe, „kapryśne", i różnią się znacznie dla tożsamych lub bliskich znaczeniowo wyrazów różnych języków, a nawet wyrazów jednego języka"[7]. Treści, które kojarzymy z danym leksemem, mogą mieć również różny stopień organizacji, czyli niektóre schematy mogą być konotowane jednoznacznie i w pierwszej kolejności. W wypadku omawianej w niniejszym artykule pożyczki główną konotacją powiązaną z desygnatem jest element typowości i popularności opisywanego zjawiska lub obiektu. W zdaniu „Аврил Лавин намерена выпустить не ***мейнстримовый*** альбом" pożyczka w postaci przymiotnika z rodzimym sufiksem dostarcza dodatkowej, szczegółowej informacji o nowej płycie piosenkarki, która będzie się różnić od pozostałych albumów, czyli będzie nietypowa, inna. W kolejnych wypowiedziach nadawcy wskazują na popularność marki przedmiotów, również używając anglicyzmu w funkcji atrybutywnej:

> Купила себе такие **мейнстримовые** сапоги, что чувство, что угги купила.
> Срочно нужен **мэйнстримовый** телефон.

Element popularności i typowości jest również wyrażany za pomocą pożyczki w formie rzeczownika, np.:

> но на какие-то чисто личные вещи, которые я или нашла реально ооооооооооочень закручеными путями, либо хранила в душе ещё до того, как это стало **мейнстримом**, можно было бы не посягать?

Cechy asocjacyjne analizowanego zapożyczenia są bardzo istotne, gdyż pozwalają na transformacje sensu tego anglicyzmu. Bazując na jego słownikowej definicji można również interpretować to znaczenie za pomocą takich czasowników jak dominować, górować, co z kolei może prowadzić do skojarzeń typu ogromny, znaczący, ważny. Taką interpretację semantyczną reprezentują poniższe posty:

> **Мэйнстримовый** успех настиг музыкантов Nickelback в 2001 году, когда вышел их третий альбом....

> Другими словами, чем ближе мы приближались к началу двадцать первого века, тем **мейнстримовые** композиторы использовали меньше нот для создания своих произведений, сообщает журналистам Джоан Серра.

> «Два дня»! Первая за долгое время качественная **мейнстримовая** кинолента, по словам режиссера.

Te właściwości konotacyjne nie wchodzą bezpośrednio do semantyki słowa, ale tworzą tzw. węzeł semantyczny, o którym wspomina Ryszard Tokarski, podkreślając, że „między znaczeniem podstawowym (...) i jego znaczeniami pochodnymi istnieje relacja derywacji semantycznej"[8]. Elementem wspólnym w tym wypadku będzie wielkość i oddziaływanie opisywanych zjawisk lub osób na rzeczywistość i życie społeczne,

---

[7] J.D. Apresjan. *Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka.* Przeł. Z. Kozłowska i A. Markowski. Wyd. 2 popr. i uzup. Przygot. Z. Kozłowska i E. Janus. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo, 2000, s. 76.

[8] R. Tokarski. *Poziomy konotacji semantycznej*. [W:] *Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*. Red. J. Puzynina i J. Bartmiński. Seria Język a kultura. Tom 2. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1991, s. 49.

co wskazuje na związek z podstawowym pojęciem słowa mainstream, czyli pojęciem dominacji i przynależności do głównego, najbardziej wpływowego nurtu.

Na uwagę zasługuje również kontekst sytuacyjny. Pewne znaczenia powstają i funkcjonują tylko w danym otoczeniu, stanowiąc jednocześnie jego element. Jak zauważa Aleksander Kiklewicz, „Sytuacja komunikacyjna wyrównuje braki w językowej strukturze zdania”[9]. Kontekst przyczynia się również do zmian semantycznych danej jednostki. Pod jego wpływem znaczenie może odzwierciedlać szereg nowych cech i właściwości mniej lub bardziej powiązanych z głównym sensem słowa. Przyjrzyjmy się bliżej zdaniu „В экспериментальный мэйнстримовый проект требуется”. Trudno byłoby zinterpretować je posługując się jedynie definicją słownikową anglicyzmu. Zaburzyłoby to przekaz komunikacyjny. Przymiotnik bowiem w tym tekście nie wskazuje na dominację projektu, ale na jego przeznaczenie dla szerszego grona ludzi. Zakodowana w tym zdaniu informacja pozwala na szerszą interpretację pożyczki *мэйнстримовый*. Odpowiednik rosyjski w tym wypadku również nie pozwoliłby na oddanie intencji nadawcy. Ponadto angielski ekwiwalent z poszerzeniem znaczenia wydaje się bardziej elastyczny niż wyrażenie rosyjskie, spełniając jednocześnie warunek ekonomiczności. Opisowy zwrot zostaje zastąpiony jednym przymiotnikiem z rodzimym sufiksem. Ten przykład potwierdza również sytuację wyjścia poza standardy semantyczne jakie przywołuje to słowo. Znaczenie zostało zmodyfikowane w sposób pozwalający na zrealizowanie innego, nieprzewidywalnego scenariusza. Rosyjscy internauci więc nie tylko zapożyczają odpowiadające im słowa, ale również tworzą konfiguracje znaczeń, dopasowując je do danego kontekstu komunikacyjnego.

Podsumowując, język internetowy jest specyficznym kodem komunikacyjnym, który rządzi się swoimi prawami, również w warstwie leksykalnej. Użycie zapożyczeń z języka angielskiego, któremu często przypisuje się wpływ mody językowej, nie wydaje się być tak jednoznaczne. Powyższa analiza pożyczki mainstream wskazuje na pewne różnice semantyczne między zapożyczonym słowem a jego odpowiednikiem podanym w słowniku dwujęzycznym oraz wyodrębnia odcienie znaczeniowe związane z cechami asocjacyjnymi i kontekstem sytuacyjnym. Kwestia użycia anglicyzmu w miejsce rosyjskiego ekwiwalentu może więc być podyktowana precyzją semantyczną, którą kieruje się nadawca w swoim przekazie komunikacyjnym. Może również świadczyć o świadomości użytkowników języka, którzy dokonując wyboru słownictwa kierują się potrzebą precyzyjnego wyrażenia stopnia natężenia cechy, odpowiedniością użytego słowa czy zakresem dopuszczalnych kontekstów. Ich intencją może być przywołanie innych scenariuszy, których nie ewokuje ekwiwalent rodzimy. Badania statystyczne potwierdzają, że większość internautów ma wykształcenie wyższe, że „Jest to środowisko ludzi o pozytywnym stosunku do rzeczywistości, w wielu wypadkach twórczych, co należy podkreślić, gdyż Internet stymuluje potrzeby i zdolności kreatywne”[10]. Analiza zaprezentowana w niniejszym artykule potwierdza fakt, że asymilacja pożyczek językowych, zwłaszcza ich przeobrażeń semantycznych, dokonuje się przez osoby oczytane, zorientowane w zagadnieniach kultury, zatem świadomie,

---

[9] A. Kiklewicz. *Model semiotyczny paradygmatów filozofii języka*. [Online] <http://litmisto.org.ua/?p=7488> (10.11.2013).

[10] J. Grzenia. *Komunikacja językowa w Inernecie.* Warszawa: PWN, 2008, s. 47.

w odpowiedni sposób wprowadzające nowe jednostki językowe do komunikacji społecznej, nie tylko w Internecie.

Bibliografia

Apresjan J.D. *Semantyka leksykalna. Synonimiczne środki języka.* Przeł. Z. Kozłowska i A. Markowski. Wyd. 2 popr. i uzup. Przygot. Z. Kozłowska i E. Janus. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo, 2000.

Awdiejew A. *Standardy semantyczne a znaczenie leksykalne.* [W:] *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, standardy lingwistyczne*. Red. K. Anusiewicz, J. Bartmiński. Seria Język a kultura. T. 12. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 53–62.

Habrajska G. *Prototyp — stereotyp — metafora.* [W:] *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, standardy lingwistyczne*. Red. K. Anusiewicz, J. Bartmiński. Seria Język a kultura. T. 12. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 116–123.

Grybosiowa A. *Modern Polish?* „Poradnik Językowy" 2000, z. 8, s. 70–73.

Grzegorczykowa R. *O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych.* [W:] *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, standardy lingwistyczne.* Red. K. Anusiewicz, J. Bartmiński. Seria Język a kultura. T. 12. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 109–115.

Grzenia J. *Komunikacja językowa w Inernecie.* Warszawa: PWN, 2008, s. 47.

Kiklewicz A. *Model semiotyczny paradygmatów filozofii języka*. [Online] <http://litmisto.org.ua/?p=7488> (10.11.2013).

Tokarski R. *Poziomy konotacji semantycznej*. [W:] *Zagadnienia leksykalne i aksjologiczne*. Red. J. Puzynina i J. Bartmiński. Seria Język a kultura. Tom 2. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1991, s. 45–49.

Wierzbicka A. *Dociekania semantyczne.* Instytut Badań Literackich PAN. Seria Z Dziejów Form Artystycznych w Literaturze Polskiej. T. 17. Wrocław: Ossolineum, 1969.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 60–75

АВТОРСКИЕ ИННОВАЦИИ В ЯЗЫКЕ. ИОСИФ БРОДСКИЙ

ИННА Ю. САМОЙЛОВА

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет довузовской подготовки
Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин
ул. Ожешко, 22, 230005 Гродно, Беларусь
e-mail: samina2004@mail.ru
(получено 8.08.2014; принято 1.12.2014)

Abstract

An author's innovations in the language. Josif Brodski

In this article the cases of Joseph Brodsky's creation and/or non-normative usage of words, idioms, phrases and sentences in poetic texts are considered. The analysis of the material makes it possible to distinguish morphological and lexical occasionalisms at the word level, semantic and syntactic devices used by the author at the word combination level, syntactic and phraseological occasionalisms at the sentence level.

Key words

Individual view of the world, morphological and lexical occasionalisms, semantic and syntactic author of forming words, phraseological occasionalisms.

Резюме

В статье рассматриваются случаи создания и/или ненормативного употребления Иосифом Бродским в поэтических текстах слов, словоформ, словосочетаний и предложений. Анализ материала дает возможность выделить на уровне *слова* морфологические и лексические окказионализмы, на уровне *словосочета-*

ния — семантические и синтаксические авторские образования, на уровне *предложения* — синтаксические и фразеологические окказионализмы.

Ключевые слова

Индивидуальная картина мира, морфологические и лексические окказионализмы, семантические и синтаксические авторские образования, фразеологические окказионализмы.

В современных лингвистических исследованиях акцентируется внимание на роли глагола в построении высказывания. По мнению С.М. Прохоровой[1], глагол, являясь свернутой пропозицией, содержит в себе макет предложения, а денотатом глагола является определенная ситуация.

Языковая картина мира, отражаясь в языке автора, может пополняться ситуациями, для именования которых художник слова создает новые глаголы, что отражает авторское видение мира, и выявляет особенности его мироощущения. Отражательная природа языка проявляется не только в том, что в ней закрепляется и аккумулируется вся познанная человеком и освоенная его сознанием часть реального мира. Язык коррелирует с миром действительности и в том, что он подвижен, динамичен — как сам мир. Динамизм языка проявляется в его соотнесенности с миром внеязыковых сущностей — с действительностью и сознанием, а также во взаимной коррелированности трех его планов: семантического, формально-грамматического и фонетического[2]. Динамический потенциал семантических признаков обнаруживает себя при лексико-семантической деривации, то есть при словообразовании. Формально-смысловые возможности корней, суффиксов, префиксов, флексий — это тот указатель, по которому ориентируется автор, создавая слово, вводя его в контекст. Специфика формально-семантического устройства лакун находится в зависимости от того, насколько соотносимы они в сознании субъекта со словами, их мотивирующими, насколько предсказуемы семантикой контекста, насколько «вообще стремление к парадигматическому идеалу, «парадигматический максимализм»[3] можно назвать одним из законов художественной речи. Следовательно, автор,

---

[1] С.М. Прохорова. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции.* [В:] *Die grammatischen Korrelationen*. Hrsg. B. Tošović. Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität. Graz: GraLiS, 1999, с. 293–294.

[2] В.Л. Ибрагимова. *Динамизм как универсальное свойство семантических систем*. [В:] *Лингвистический семинар. Межвузовский сборник статей*. Вып. 1: *Язык как многомерное явление*. Ред. В.А. Шаймиев. Санкт-Петербург. Бирск: Бриликс, 1996, с. 16.

[3] И.А. Ионова. *Морфологические системные источники формотворчества в поэтической речи*. [В:] *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Художественная литература как отражение национального и культурно-языкового развития*. Т. 2: *Русская литература в общекультурном и языковом контекстах*, Санкт-Петербург: Политехника, 2003, с. 150.

создавая новые (окказиональные) глаголы, стремится добавить и назвать отсутствующие, на его взгляд, ситуации в языковой картине мира.

Язык выполняет функцию объективации индивидуального человеческого сознания, так как является одним из элементов общей модели мира. «Анализ тезауруса, его семантики, системных связей — основной источник изучения созданной художником слова модели мира как следствие поиска адекватных номинаций для уникальных комплексов слов»[4]. Текст является материальным выражением мира автора, с помощью чего определяется авторская концепция мира.

Автор «творит *свое* выражение бытия, рядом с миром природы — *свой* второй измышленный мир» (выделено — И.С.)[5]. Именно поэтому индивидуальное авторское словотворчество издавна привлекало внимание исследователей. Оно интересно тем, что добавляет нечто новое к языковой картине мира, является отражением текстовой картины мира и, конечно же, придает динамизм картине мира, так как дает названия новым ситуациям, не названным в языковой картине мира.

Традиционно в лингвистической литературе авторские художественные новообразования называют термином «окказионализм», так как «это речевая реализация возможностей языковой системы, противоречащая традиции и норме употребления»[6]. Наряду с ним используются также и другие общепринятые обозначения: неузуальные, авторские слова, авторские неологизмы и т.д. А.Г. Лыков указывал: «Окказиональность — это языковое проявление того, что могло бы быть в языке, но чего нет во всеобщем употреблении»[7]. Окказиональность связана с ненормативностью, нарушением в речи. Так, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой понятие «окказиональный» трактуется как «не узуальный, не соответствующий общепринятому употреблению, характеризующийся индивидуальным вкусом, обусловленный специфическим контекстом употребления». Вместе с тем такая трактовка окказионализма явно недостаточна, ибо в числе языковых средств, используемых автором, выступают «неправильности» в самом широком смысле[8]. При этом речь идет не только о словообразовательных новшествах, но и об окказиональной сочетаемости. На наш взгляд, это явления разных языковых стратумов, но одной природы, так как в тексте соединяются системно несовместимые единицы.

Процесс создания таких индивидуально-авторских инноваций является процессом уникального словотворчества, или «словопроизводства», если исполь-

---

[4] Н.А. Туранина. *Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре*. Белгород: Издательство Белгородского университета, 2001, с. 4.

[5] М.Б. Храпченко. *Художественное творчество, действительность, человек*. Москва: Советский писатель, 1978, с. 17.

[6] А.Г. Лыков. *Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово*. Москва: Высшая школа, 1976, с. 78.

[7] Там же, с. 78.

[8] Подробно см. Э. Ханпира. *Окказиональные элементы в современной речи*. [В:] *Стилистические исследования: на материале современного русского языка*. Москва: Наука, 1972, с. 245–317.

зовать терминологию Н.М. Шанского[9], который различал «словообразование» как создание новых слов «языкового стандарта, возникших на базе различных слов или словосочетаний слов того же языкового стандарта», и «словопроизводство» как образование новых слов «языкового стандарта, возникших на базе вербоидов, словных окказионализмов, лексических индивидуально-авторских новообразований, прикрепленных первоначально к определенной ситуации и контексту». Выявленные в текстах новообразования можно назвать авторскими словами, так как они неразрывно связаны со своим контекстуальным окружением[10] и не существуют вне его, не вошли в лексическую систему языка и не зафиксированы в *Словаре эпитетов*, *Словаре ассоциативных норм* или *Словаре сочетаемости слов русского языка*. Такие новообразования не обладают известной самостоятельностью, воспроизводимостью, которые Н.М. Шанский признавал «одними из важнейших признаков слова»[11]. Поэтому окказиональные новообразования трудно отнести к той или иной лексико-семантической группе или можно сделать это лишь условно.

Е.А. Земская[12], классифицируя авторские образования, отличающиеся от узуальных, предлагает различать их по следующим критериям: а) по форме; б) по содержанию; в) по форме и содержанию.

Анализируя частотный словарь глаголов поэзии И. Бродского, мы обратили внимание, что большинство «неправильностей» автора отражают динамику языка, которая прослеживается на уровне слова, словосочетания и предложения. Такой подход дает нам возможность среди новообразований поэта выделить окказиональные глаголы и окказиональные глагольные фреймы. На уровне *слова* мы различаем формо- и словотворчество, то есть выделяем морфологические и лексические окказионализмы, на уровне *словосочетания* — семантические и синтаксические авторские образования, на уровне *предложения* — синтаксические и фразеологические окказионализмы. При этом, вслед за Э. Ханпира[13], под морфологическими окказионализмами мы понимаем такие словоформы, которые не зафиксированы в языке и обладают низким уровнем потенциальности. Лексические окказионализмы — новые окказиональные слова, которые являются результатом авторского словообразования. Встречаются случаи замены И. Бродским нормативных глаголов авторской формой (ср.: *воспрясть* вместо *воспрянуть*). Их мы тоже относим к лексическим окказионализ-

---

[9] Н.М. Шанский. *Лексическая деривация в русском языке*. «Русский язык в школе» 1977, № 3, с. 10.

[10] См. подробнее: В.М. Аринштейн. *Лексическая семантика глагола и способ представления ситуации («сцены»)*. [В:] *Лексическая семантика и части речи. Межвузовский сборник научных трудов*. Редкол. В.М. Аринштейн, В.В. Кабакчи, Э.М. Гжанянц. Ленинград: Ленинградский государственный недагогический институт им. А.И. Герцена, 1986, с. 15–23.

[11] Н.М. Шанский. *Лексическая деривация в русском языке...*, с. 11.

[12] Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.* Москва: Наука, 1983, с. 172–214.

[13] Э. Ханпира. *Окказиональные элементы в современной речи*. [В:] *Стилистические исследования: на материале современного русского языка*. Москва: Наука, 1972, с. 245–317.

мам, а не морфологическим, так как инфинитив в русском языке признан словарной формой глагола.

Семантические окказионализмы — такие лексические единицы, в которых присутствует изменение или расширение значения слова. Синтаксические окказионализмы — авторское образование с окказиональным управлением, которое есть факт увеличения синтаксической валентности (напр. *маятник раскачивался мальчиком во сне*). Фразеологические окказионализмы — авторское преобразование и создание собственных фразеологизмов (напр. *волка питают ноги*). Методом сплошной выборки из русскоязычных поэтических текстов автора нами выделены окказиональные глагольные единицы. Речь идет о слово- и формообразовательных единицах, то есть И. Бродский ввел в текст ситуации, отсутствующих в русской языковой картине мира. Огромное количество синтаксических и фразеологических авторских образований не поддается счету (например, Сергей Николаев[14] рассматривает 700 конкретных модификаций идиом, представленных в издании: *Сочинения Иосифа Бродского*[15]). Составив частотный словарь глаголов поэзии И. Бродского, мы обратили внимание на то, что автор, создавая окказиональные глаголы, стремиться добавить и назвать отсутствующие, на его взгляд, ситуации в картине мира. Так, необходимость назвать неназванное действие, заполнить пустую клеточку в системе вынуждает поэта образовать видовую пару узуальным глаголам *зажевать* и *задремать*. При этом в первом случае обращает на себя внимание и окказиональная сочетаемость — *зажевывать тьму* (весьма интересным, на наш взгляд, является тот факт, что в поэтических текстах И. Бродского присутствует словосочетание *разжевывать тьму*):

Благословил меня коньяк
на риск признаний.
Вы все претензии — к нему.
Нехватка хлеба,
и я зажевываю тьму.
Храни Вас небо.
(Румянцевой победам)

При помощи суффикса *-ева(ть)* И. Бродский образует видовую пару узуальному глаголу *забуреть*:

Так пьянствуют в Сиаме близнецы,
где пьет один, *забуревают* — оба.
(*Двадцать сонетов к Марии Стюарт*)

---

[14] С. Николаев. *Русская идиоматика как элемент поэтического языка Иосифа Бродского (стилистический аспект). К 60-летию со дня рождения поэта*. «Культура» 2000, № 16 (46). [Online] <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1465&level1=main&level2=articles> (10.09.2014).

[15] И. Бродский. *Сочинения Иосифа Бродского*. Т. I–IV. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998.

В толковом словаре под редакцией А.П. Евгеньевой[16] глагол *забуреть* имеет значение ‘начать буреть, становиться бурым’. Как видно из контекста, И. Бродским данный глагол употреблен в значении ‘пьянеть’. Полагаем, что подобное значение у глагола возможно через перенос цветового признака. При употреблении алкогольных напитков большинство людей краснеют. Если учесть, что речь идет о представителях желтой расы, то, вероятно, они приобретают бурый, то есть красно-коричневый цвет. Суффикс *-ева(ть)*, имея значение переходного состояния, подчеркивает новое значение. Налицо лексико-семантическое образование. Такая тенденция к употреблению глаголов *забуреть/забуревать* намечена и в разговорной речи. Следует отметить, что во всех указанных случаях поэт создает видовые пары по цепям С. Карцевского[17]:

жевать — зажевать — *зажевывать* (у И. Бродского)
буреть — забуреть — *забуревать* (у И. Бродского)
дремать — задремать — *задремывать* (у И. Бродского),

согласно которым образуются глаголы, относящиеся ко вторичной имперфективации, результаты которой не всегда представлены в кодифицированном языке (такая тенденция отмечаетсся сегодня в разговорной речи).

Префиксация является также распространённым способом в авторском глагольном словообразовании, его можно назвать «внутричастеречным». Анализ внутриглагольных словообразований осложняется тем, что префикс, присоединяясь к мотивирующему глаголу, привносит не только изменение в лексическое значение слова, но и формирует новые лексико-грамматические характеристики его, такие, как видовое значение и способ глагольного действия. И. Бродский создаёт большинство новообразований путём прибавления префикса к беспрификсной основе глагола.

Что ей стоит нас любить и лелеять.
Что ей стоит поберечь нас немного.
Кто ей, сильной,
заперечить посмеет.
(*Крик в Шереметьево*)

Ср.: *перечить — заперечить*. И только однажды — путём замены префиксальной морфемы:

И сердце пусть из пурпурных глубин…
возгонит свой густой гемоглобин.
(*Неоконченный отрывок*)

Ср.: *гнать – возгнать*. Данный пример — еще одно доказательство стремления автора к образованию видовых пар глаголов. Видовую пару глаголу И. Бродский образует как суффиксальным, так и префиксальным способами. Глагол *гнать*

---

16 *Словарь русского языка*. В 4-х томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. АН СССР. Институт русского языка. Москва: Русский язык, 1981–1984.

17 С.О. Карцевский. *Система русского глагола. Опыт синхронического лингвистического описания.* [В:] *Вопросы глагольного вида.* Ред. Ю.С. Маслов. Москва: Издательство иностранной литературы, 1962, с. 68–147.

употребляется с различными префиксами, имеющими, по В.Г. Гаку[18], значение направления движения: *выгнать*, *догнать*, *разогнать* и т.д. Во всех случаях предполагается движение по горизонтали. И. Бродский, говоря о движении вверх, ввиду отсутствия в языке глагола такой семантики, создает свой. Наличие в поэтических текстах и 17-томном *Словаре русского литературного языка* с пометой (техн., хим.) глагольной пары *возгонять/возгнать* мы считаем лишь случайным совпадением, ибо, с одной стороны, нет совпадения в значении (в *Словаре* — 'превращать твердое тело в газообразное состояние'[19], у Бродского — 'поднимать вверх'): С другой стороны, нет никаких сведений о том, что Бродский интересовался химией. Поэтому эти глаголы мы считаем окказиональными, тем более известно, что в процессе словообразования могут быть образованы и омонимы. Подтверждением авторской потребности в подобной номинации является тот факт, что поэт образует видовую пару глаголов при помощи префикса с единым значением —'движение вверх':

Ну, время песен о любви, начнем
раскачивать венозные деревья
и *возгонять* дыхание по плевре.
(*Неоконченный отрывок*)

Кроме того, данный пример можно рассматривать и с другой стороны — как явление вторичной имперфективации, особенно учитывая факт употребления поэтом данной пары в одном произведении, т.е. *гнать* → *возгнать* → *возгонять*.

Исследуя глагольные лексемы поэтического языка Иосифа Бродского, мы убедились, что в числе языковых средств его поэзии присутствуют не только формо- и словообразовательные новшества, но и окказиональная сочетаемость. Способность глагола управлять определенным количеством актантов была определена Л. Теньером как валентность глагола. Понятие актанта тесно связано с понятием актантной рамки, или фрейма. «Актантная рамка, — как отмечал Л. Теньер, — включает в себя несколько актантов: первый актант — тот, который осуществляет действие (субъект), второй актант — тот, который испытывает действие (прямое дополнение), третий актант — в чью пользу или в ущерб которому совершается действие»[20]. Каждый глагол предполагает знание всей ситуации, именует ее и активизирует при употреблении соответствующий когнитивный фрейм, который мы называем стандартным. Фрейм мы принимаем в трактовке Ч. Филлмора[21]: «Фреймом (…) можно считать набор слов, каждое из которых обозначает определенную часть или аспект некоторого концептуального или акционального целого». Центральной лексемой во фрейме является глагол, так как определяет содержание и взаимоотношения актантов.

---

[18] В.Г. Гак. *Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков*. Москва: Международные отношения, 1966.

[19] *Словарь современного русского литературного языка*. В 17 томах. Под. ред. В.И. Чернышева. Москва — Ленинград: Издательство Академии Наук СССР, 1948–1965, т. 2, с. 547.

[20] Л. Теньер. *Основы структурного синтаксиса.* Москва: Прогресс, 1988, с. 123–124 .

[21] Ч. Филлмор. *Основные проблемы лексической семантики.* [В:] *Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика*. Вып. 12. Москва: Прогресс, 1983, с. 49.

Нарушение стандартного фрейма глагола (который мы принимаем в трактовке Ч. Филлмора) приводит к возникновению синтаксических окказиональных новообразований, то есть окказиональных фреймов. Иосиф Бродский изменяет стандартные ситуации, существующие в языковой картине мира, тем самым демонстрируя индивидуальное их видение.

Попытка классифицировать эти нарушения привела к следующим результатам.

I. Фрейм подвергается наибольшей трансформации при замене автором первого актанта. Как правило, это ведет к изменению значения глагола.

Так, при глаголе *щебетать* в качестве первого актанта Бродский использует существительные *мыши* и *кровь*. Такое изменение актантной рамки, несомненно, окказионально:

Четверть листа. Свечи трещат. Тени перечут.
Смотрит звезда в полный ушат.
Мыши щебечут.
(*Подражание сатирам, сочинённым Кантемиром*)

Или

Ну, время песен о любви, ты вновь
склоняешь сердце к тикающей лире,
и всё слышней в разноголосном клире
щебечет силлабическая *кровь*.
Из всех стихослагателей, со мной
столь грозно обращаешься ты с первым
и бьешь календарем своим по нервам,
споласкивая легкие слюной.
(*Неоконченный отрывок*)

Полагаем, что в первом случае замена первого актанта осуществляется автором через общий компонент семы звучания. Второй случай намного сложнее, ибо понимание значения глагола требует рассмотрения всего контекста. Начнем с того, что первый актант имеет определительный маркер *силлабический*, что соотносит актант со стихосложением. В словарях данное прилагательное имеет толкование ‘спец. О стихе: основанный на определенном количестве слогов независимо от расположения ударения в словах’. В результате прилагательное становится не зависимым, а семантически главным, вбирая в себя значения тех слов, с которыми ему предписывает сочетаться система. Ю.Д. Апресян[22] называет это «семантическим компонентом первичного партнера». Если появление в роли первого актанта слов типа *мышь* дает неожиданный эффект, то слова типа *кровь* в контексте автора — это те слова, при помощи которых создаются сложные поэтические тексты, имеющие (согласно герменевтике) *n*-прочтений. В тексте И. Бродского глагол звучания, перемещаясь по вертикальным синтаксическим полям (согласно С.М. Прохоровой) попадает на периферию поля глагола

[22] Ю.Д. Апресян. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола*. Москва: Наука, 1967, с.65.

писать, получая сему творчества. Глагол *щебетать* используется И. Бродским в значении ‘пульсировать, двигаться толчками’. Это дает нам возможность утверждать, что в данном случае глагол звучания переходит на периферию поля глаголов движения, получая вместе с тем значение ‚писать стихи’.

Нарушение стандартного фрейма при замене первого актанта ведет также к метафоричности. Ср.: свет падал (*Сретенье*), на ощупь и слух наколол ты свои полюса (*На смерть друга*) или

В паутине углов
микрофоны спецслужбы в квартире певца
пишут скрежет матраца и всплески мотива
общей песни без слов.
Здесь *панует* стыдливость.
(*Литовский ноктюрн*)

Примечательно, что глагол *пановать* употребляется поэтом трижды. Данную глагольную единицу можно рассматривать как влияние польского языка, тем более что у И. Бродского встречаются полонизмы. Однако окказионально глагол используется поэтом лишь в сочетании с существительным *стыдливость*. В польском языке для глагола *panować* такая сочетаемость также окказиональна. Подтверждением мысли о нарушении стандартного фрейма глагола *пановать* является то, что речь в стихотворении идет не о Польше, Беларуси или Украине, а о Литве.

Подчас окказиональность в текстах Иосифа Бродского подчеркивается тем, что в качестве первого актанта выступает междометие:

И в гортани моей, где положен смех
или речь, или горячий чай,
все отчетливей раздается снег
и *чернеет*, что твой Седов, *прощай*.
(*Север крошит металл, но щадит стекло*)

Замена поэтом в стандартном фрейме второго актанта ведет к изменению или расширению значения глагола, на что уже обращали внимание лингвисты, называя это синтаксической парадигмой глагола[23]:

Вам *глаза скормить* суждено воронам..
(*Мексиканский дивертисмент*)

Хотя глагол *скормить* имеет значение ‘пустить на корм’, т.е. дать пищу для поддержания жизни, автор использует его в значении ‘умереть’. Ставя знак равенства между жизнью и смертью, поэт указывает на цикличность времени. При этом реализуется оппозиция **жизнь — смерть.** Или:

Я вообще отношусь с недоверьем к ближним.
Оскорбляю кухню желудком лишним.
В довершенье всего досаждаю личным взглядом
на роль человека в жизни.

[23] См. работы Б. Уорфа.

Они считают меня бандитом,
издеваются над моим аппетитом.
Я не пользуюсь у них кредитом.
(*Речь о пролитом молоке*)

Вероятно, существительное *кухня* употреблено И. Бродским в основном значении — ‘место для приготовления пищи’. Но в коммунальной квартире, в которой проживал в свое время поэт, кухня являлась местом, где собирались жильцы не только для того, чтобы приготовить пищу. Там велись разговоры, люди спорили, доказывали свою правоту, ругались из-за расширения жилплощади и т.п. Даже редкое присутствие на ней «опального» поэта вызывало, мы полагаем, негативную реакцию. Глагол *оскорбить* используется в своем прямом значении ‘тяжело обидеть, унизить’. В сочетании со вторым актантом актуализируется периферийная сема ‘нежелательный для других’. Наше предположение подтверждается наличием синтаксического маркера *лишний желудок*, который в сознании соотносится с фразеологическим сочетанием *лишний рот*. С помощью прилагательного *лишний* Бродский обыгрывает значение ‘ненужный’.

Во фрейме могут быть заменены первый и второй актанты одновременно:

Два глаза источают *крик.*
Лишь веки, издавая шорох,
во мраке защищают их
собою наподобье створок.
(*Загадка ангелу*)

Или

Плывет в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льется мед огней вечерних, и пахнет сладкою халвою;
ночной *пирог* несет *сочельник* над головой.
(*Рождественский романс*)

В стихах Бродского окказиональность может усиливаться еще и тем, что первым актантом (субъектом действия) и вторым (объектом действия) становятся глаголы:

Один *сказал* другой *сказал струит.*
(*Горбунов и Горчаков*)

Глагол движения *струить* под влиянием актантов приобретает дополнительное значение ‘стимулировать речевую деятельность’. Можно предположить, что *сказалы* — люди, ведущие разговор. Но возможно иное прочтение: *сказалы* есть слова, реплики, сказанные в ответ друг другу. В таком контексте глагол движения переходит на периферию поля глаголов говорения.

Еще один тип изменения поэтом стандартного фрейма — введение в актантную рамку дополнительного актанта, который задает дополнительные смыслы всей ситуации.

Наместник, босиком, собственноручно
Кровавит морду местному царю.
(*Post aetatem nostram*)

Согласно словарям, глагол *кровавить* в кодифицированном языке имеет значение ‘незначительно пачкать кровью’. При появлении второго актанта данный глагол переходит в поле глаголов воздействия, приобретая значение ‘бить сильно, в кровь’.

В результате преобразования актантной рамки посредством введения в нее дополнительного актанта текст, как правило, предполагает *n*-прочтений.

Я бежал от судьбы, из-под низких небес,
от распластанных дней,
из квартир, где я умер и где я воскрес
из чужих простыней;
от сжимавших рассудок махровым венцом
откровений, от рук,
припадал я к которым и *выпал лицом*
из которых на Юг.
(*Ночной полет*)

См. также:

«Лежит он озера тише,
ниже всякой травы.
Его я *венчаю мглою.*
Корона ему под стать».
«Как ему там под землею?»
«Так, что уже не встать.
Там он лежит с короной,
там я его забыл».
(*Диалог*)

И. Бродский обыгрывает оба значения глагола *венчать*: 1) ‚соединять в браке’; 2) ‚накладывать венок в знак возведения в какое-либо достоинство’. Ко второму значению глагола отсылает маркер *корона.* Мгла и есть та корона, которой венчают, соединяя для совместной жизни. Но жизнь уже по *ту сторону*, ибо мгла есть тьма. В тропе автор выходит на универсальную оппозицию **там — тут,** которую можно рассматривать и как оппозицию **ЖИЗНЬ — СМЕРТЬ.**

Стремлением к особой выразительности можно объяснить случаи нарушения поэтом семантической сочетаемости глагола со своими актантами:

И *сердце* пусть из пурпурных глубин
на помощь воспаленному рассудку
— артерии пожарные враскрутку! —
возгонит свой густой *гемоглобин.*
(*Неоконченный отрывок*)

Перед нами — «анатомический театр», где в главной роли (первый актант) выступает существительное *сердце* — основной жизненно важный орган человека. В наивном сознании сердце — средоточие внутреннего мира — противо-

поставляется разуму, рассудку. Маркирует рассудок прилагательное *воспаленный*, то есть не совсем здоровый. Роль второго плана играет *гемоглобин* — та часть крови, задачей которой является перенос кислорода по всему организму и чьей работой руководит сердце. Именно оно может заставить кровь работать-действовать по своему усмотрению. Это действие глагола означается окказиональным глаголом *возгнать* в значении 'поднять', то есть активизировать свою деятельность для оказания помощи.

И. Бродский усиливает окказиональность обыгрыванием семантической диффузности, то есть совмещением нескольких лексических значений слова в одном контексте. Как правило, это происходит в результате оживления стершейся метафоры, на что уже обращали внимание исследователи творчества И. Бродского (в частности, Д. Ахапкин). Например:

Призрак *задает*
от петуха, конечно, деру. *Дать*
его легко от петуха. И ждать
он начинает. Корму *задает*
кобыле. Отправляется достать
воды, чтоб телятам *дать*.
(*Мужчина, засыпающий один*)

Нами зафиксирован случай, когда с введением дополнительного актанта во фрейм поэт изменяет не только ситуацию:

Он с Краковом простился без надрыва
и *покатил* на дрожках торопливо
за кафедрой и честной кружкой пива.
(*Два часа в резервуаре*)

Глагол *покатить* в сочетании с существительным в *предложном падеже* с предлогом *на* указывает на способ перемещения. Уточняя скорость перемещения, автор вводит наречие *торопливо*. В нашем сознании такой отъезд ассоциируется с погоней*: кто-то очень быстро движется за кем-то*. И здесь срабатывает «эффект несбывшегося (неоправданного) ожидания»[24]. Автор, обыгрывая значения предлога *за*, вводит дополнительный актант, благодаря которому ситуация превращается из «погони» в «новое место работы».

В избыточном фрейме нарушение сочетаемости между его членами порой ведет к нагромождению смыслов:

Не хочу умирать.
Мне не выдержать смерти уму.
(*Письма к стене*)

Данный контекст возможно «прочесть» следующим образом:
а) *мне* не выдержать смерти;
б) не выдержать смерти *уму;*
в) *моему уму* не выдержать смерти;

---

[24] См. работы Ю.Д. Апресяна.

г) *мне умом* не выдержать (‚понять, принять’) смерти.

И. Бродский расширяет типы языковых преобразований и за счет размывания границ между языковой и авторской идиомами. Мы обнаружили несколько вариантов таких преобразований.

1. Возвращение к исходному значению фразеологизма.

Ты *сложила руки* на зелень платья.
(*Прощайте, мадемуазель Вероника*)

Или

И, как дятел-краснодеревец,
забирается на сосну,
чтоб *расширить свой кругозор*,
разглядев получше узор,
оттеняющий белизну.
(*Орфей и Артемида*)

См. также:

По горбу его плачет в лесах осина,
Если кто-то плачет о нем вообще.
(*Лагуна*)

2. Авторские замены/дополнения элементов во фразеологизме:

Волка *питают ноги* (вместо *волка кормят ноги*)
(*А здесь жил Мельц*)

Они тебе *заделали свинью* (вместо *подложить свинью*)
за то, чему не видели конца
в те времена: за красоту лица.
(*20 сонетов к Марии Стюарт*)

Забрел я как-то после ресторана
Взглянуть глазами старого *барана*
На новые ворота и пруды… (вместо *смотреть как баран на новые ворота)*
(*20 сонетов к Марии Стюарт*)

Мы будем *в карты воевать* (вместо *играть в карты)*,
и вот
нас вместе с козырями отнесет
от берега извилистость отлива.
(*Пророчество*)

…теперь на воре
уже не шапка – лысина горит (вместо *на воре шапка горит*)
(*Одной поэтессе*)

3. Наиболее сложные случаи работы с фразеологизмами представляет собой «затекстовая» идиоматика[25]. Понимание фразеологизмов, присутствующих

[25] Термин и пример С. Николаева. См. С. Николаев. *Русская идиоматика как элемент поэтического языка...*

в тексте аллюзивно, требует не только языковых, но и фоновых знаний, ибо «техника понимания имплицитности как раз и состоит в установлении того, что же недовложено и как следует восполнить этот пробел, опираясь на сам текст, на обстоятельства его восприятия»[26]:

…да лежится тебе, как в большом оренбургском платке,
в нашей бурой земле, местных труб проходимцу и дыма,
понимавшему жизнь, как пчела на горячем цветке,
и замерзшему насмерть в параднике Третьего Рима.
(*На смерть друга*)

Лексика первой и второй строк ассоциируется с эпитафией или обычной для поминания усопших формулой «пусть земля ему будет пухом», хотя сама эта фраза не выражена в тексте эксплицитно. Единственной «ассоциирующей» лексемой является существительное *земля.* Но между лексемами *пух* исходной идиомы и сочетанием *оренбургский платок* существует смысловая связь, поскольку оренбургские шали вяжутся из тонкого козьего пуха. Кроме того, словосочетание *местных труб проходимцу и дыма* семантически связано, а потому вызывает ассоциацию с фразеологизмом *проходить огонь, воду и медные трубы.* Действительно, существительное *проходимец,* мотивировано глаголом *проходить,* определение *медные* заменяется на *местные*, а лексема *дым* связана со словом *огонь* идеографически, то есть на основе заложенного в них общего инвариантного значения. Единственное пропущенное слово *вода* не мешает восприятию текста как «затекстовой» идиомы.

Известно, что наивная картина мира отражается во фразеологизмах, а авторы, используя их, тем самым выражают свое отношение к наивной картине мира. Но И. Бродский этим не ограничивается. Он стремится к пополнению наивной картины мира, поэтому сам создает фразеологизмы:

Вижу в регалии убранный труп:
В смерть уезжает пламенный Жуков.
(На смерть Жукова)

В наивной картине мира смерть ассоциируется с уходом, а выражение уходить из жизни соотносится с глаголом умереть. В индивидуальной картине мира И. Бродского маршал Жуков, человек, спасший Родину, не уходит, а уезжает в иной мир. Отъезд Жукова вызывает ассоциацию с известным фразеологизмом быть на коне, то есть оставаться победителем. Жуков уходит из жизни, но уходит непобежденным, непокоренным. Таким образом, авторский фразеологизм уезжать в смерть аккумулирует две идиомы: быть на коне и уходить из жизни. Налицо изменение в наивной картине мира поэта. Трудно сказать, выходит ли за рамки наивной картины мира авторская фразеология, но факт, что здесь встретились авторская и наивная картины мира, сомнению не под-

---

[26] В.З. Демьянков. *О техниках понимания имплицитности речи.* [В:] *Семантико-дискурсивные исследования языка. Эксплицитность/имплицитность выражения смыслов. Материалы международной научной конференции*. Ред. С.С. Ваулина. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. И. Канта, 2006, с. 36.

лежит. Мы обратили внимание на то, что семантика глагольной лексемы при нарушении стандартного фрейма либо полностью изменяется, либо изменяется частично, расширяется по одной из причин, указанных выше. Надо отметить, что потребность к парадоксам свойственна И. Бродскому. Парадоксы И. Бродского — разрушение стереотипа. Например, зеркало не отражает, а поглощает. В этом проявляется «эгоцентричность поэтической речи, ее принципиально личностный характер»[27].

Таким образом, большинство окказиональных образований Иосифа Бродского отражают динамику языка, которая прослеживается на уровне слова, словосочетания и предложения.

Зависимость формально-семантического устройства и сочетаемостных перспектив лакун выводится автором из того, насколько соотносимы они со словами, их мотивирующими, а также насколько предсказуемы семантикой текста.

Большинство глагольных окказионализмов Бродского — это акциональные глаголы, обладающие, в первую очередь, признаком активности действия. Это свидетельствует о значимости для автора динамики изменений.

Если окказиональные глаголы дополняют картину мира, то окказиональные фреймы отражают необычные изменения автором ситуации. При этом семантика глагольной лексемы при нарушении стандартного фрейма либо полностью изменяется, либо изменяется частично. Это происходит в результате:

– замены автором первого или второго актанта;
– замены первого и второго актантов одновременно;
– введения в актантную рамку дополнительного актанта;
– нарушения семантической сочетаемости;
– обыгрывания семантической диффузности;
– нестандартного использования фразеологизмов или создания авторских фразеологизмов.

Литература

Апресян Ю.Д. *Экспериментальное исследование семантики русского глагола.* Москва: Наука, 1967.

Аринштейн В.М. *Лексическая семантика глагола и способ представления ситуации («сцены»).* [В:] *Лексическая семантика и части речи.* Межвузовский сборник научных трудов. Редкол. В.М. Аринштейн, В.В. Кабакчи, Э.М. Гжанянц. Ленинград: Ленинградский государственный недагогический институт им. А.И. Герцена, 1986, с. 15–23.

Бродский И. *Сочинения Иосифа Бродского*. Тома I–IV. Санкт-Петербург: Пушкинский фонд, 1998.

Гак В.Г. *Беседы о французском слове (Из сравнительной лексикологии французского и русского языков).* Москва: Международные отношения, 1966.

---

[27] В.И. Калашников. *Методика лингвоэстетического анализа неологизмов и окказиональных слов в тексте стихотворного произведения. (На материале лирики Андрея Вознесенского).* [В:] *Взаимодействие лексических и грамматических категорий в предложении и тексте. Сборник статей*. Ред. А.К. Чудинов. Иркутск: Глория, 1989, с. 49–57.

Демьянков В.З. *О техниках понимания имплицитности речи.* [В:] *Семантико-дискурсивные исследования языка. Эксплицитность / имплицитность выражения смыслов. Материалы международной научной конференции.* Ред. С.С. Ваулина. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. И. Канта, 2006, с. 34–52.

Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. *Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест.* Москва: Наука, 1983.

Ибрагимова В.Л. *Динамизм как универсальное свойство семантических систем.* [В:] *Лингвистический семинар. Межвузовский сборник статей*. Вып. 1: *Язык как многомерное явление*. Ред. В.А. Шаймиев. Санкт-Петербург. Бирск: Бриликс, 1996, с. 16–22.

Ионова И.А. *Морфологические системные источники формотворчества в поэтической речи*. [В:] *Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса МАПРЯЛ. Художественная литература как отражение национального и культурно-языкового развития*. Т. 2: *Русская литература в общекультурном и языковом контекстах*, Санкт-Петербург: Политехника, 2003, с. 144–153.

Калашников В.И. *Методика лингвоэстетического анализа неологизмов и окказиональных слов в тексте стихотворного произведения. (На материале лирики Андрея Вознесенского).* [В:] *Взаимодействие лексических и грамматических категорий в предложении и тексте. Сборник статей*. Ред. А.К. Чудинов. Иркутск: Глория, 1989, с. 49–57.

Карцевский С.О. *Система русского глагола. Опыт синхронического лингвистического описания.* [В:] *Вопросы глагольного вида.* Ред. Ю.С. Маслов. Москва: Издательство иностранной литературы, 1962, с. 68–147.

Лыков А.Г. *Современная русская лексикология. Русское окказиональное слово*. Москва: Высшая школа, 1976.

Николаев С. *Русская идиоматика как элемент поэтического языка Иосифа Бродского (стилистический аспект). К 60-летию со дня рождения поэта*. «Культура» 2000, № 16 (46). [Online] <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=1465&level1=main&level2=articles> (10.09.2014).

Прохорова С.М. *Вертикальное синтаксическое поле как разновидность корреляции.* [В:] *Die grammatischen Korrelationen*. Hrsg. B. Tošović. Institut für Slawistik der Karl-Franzens-Universität. Graz: GraLiS, 1999, с. 291–298.

Словарь русского языка. В 4-х томах. Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Академия Наук СССР. Институт русского языка. Москва: Русский язык, 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка. В 17 томах. Под. ред. В.И. Чернышева. Москва — Ленинрад: Издательство Академии Наук СССР, 1948–1965 Л.

Теньер Л. *Основы структурного синтаксиса.* Москва: Прогресс, 1988.

Туранина Н.А. *Индивидуально-авторская метафора в контексте и словаре*. Белгород: Издательство Белгородского университета, 2001.

Филлмор Ч. *Основные проблемы лексической семантики.* [В:] *Новое в зарубежной лингвистике. Прикладная лингвистика*. Вып. 12. Москва: Прогресс, 1983, с. 74–122.

Ханпира Э. *Окказиональные элементы в современной речи.* [В:] *Стилистические исследования: на материале современного русского языка*. Москва: Наука, 1972, с. 245–317.

Храпченко М.Б. *Художественное творчество, действительность, человек.* Москва: Советский писатель, 1978.

Шанский Н.М. *Лексическая деривация в русском языке*. «Русский язык в школе» 1977, № 3, с. 10–15.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 76–87

О СПЕЦИФИКЕ ЯЗЫКОВОЙ АДАПТАЦИИ БИБЛЕЙСКИХ СЮЖЕТОВ В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ (*БЛУДНЫЙ СЫН* И ЕГО МОДИФИКАЦИИ)

АЛИНА М. МЕЛЕРОВИЧ

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
Кафедра русского языка
ул. 1 Мая, д.14, 156961 г. Кострома, Россия
e-mail: melerovich@mail.ru

ВАЛЕРИЙ М. МОКИЕНКО

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет, Кафедра славянской филологии,
Межкафедральный словарный кабинет имени проф. Б.А. Ларина
Университетская наб., д. 11, 199034 Санкт-Петербург, Россия
e-mail: mokienko40@mail.ru
(получено 19.11.2014; принято 20.11.2014)

Abstract

About specific language adaptation of Biblical subjects in European languages (*prodigal son* and its modifications)

The article deals with the problem of specificity of language adaptation of the Biblical words and expressions. Despite of the generality of the sacred text, on the basis of which in many European languages are born Biblicisms each language treats them according to the peculiarities of its own linguistic system. Hence the semantic and stylistic differences of Biblicisms, which have a common source. This process is demonstrated by authors with the example of the biblical expression the *блудный сын (prodigal son).*

Key words

Biblicisms, winged words, idioms, language adaptation, equivalent.

Резюме

В статье рассматривается проблема специфики языковой адаптации библейских слов и выражений. Несмотря на общность сакрального текста, на основе которого в европейских языках рождены многие библеизмы, каждый конкретный язык по-своему воспринимает их сообразно особенностям своей собственной языковой системой. Отсюда — семантические и стилистические различия библеизмов, имеющих общий источник. Этот процесс демонстрируется авторами на примере библейского выражения *блудный сын*.

Ключевые слова

Библеизмы, крылатые слова, фразеологизмы, языковая адаптация, эквивалент.

Библия, как известно, стала одним из мощных культурных факторов, способствующих интернационализации европейских языков. Библейские крылатые слова и выражения обогатили лексико-фразеологические фонды этих языков и создали их общий образный ресурс, постоянно обновляющийся на каждой национальной почве. Лингвистическое изучение славянских библеизмов убедительно демонстрирует интегрирующие свойства этих выражений, но вместе с тем вскрывает и достаточно большие пласты национальной специфики в каждом из конкретных языков[1]. Особенно рельефно сходства и различия такого рода отражаются в сопоставительных словарях библеизмов[2].

---

[1] Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. *Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках.* «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение» 1993. Вып. 3, с. 51–59; Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкина. *Толковый словарь библейских выражений и слов. Около 2000 единиц.* Москва: АСТ — Астрель, 2010; W. Chlebda. *Biblizmy języka polskiego i rosyjskiego. Koncepcje opisu leksykograficznego*. [B:] *Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa*. Red. A. Bogusławski, J. Mędelska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra Lingwistyki Formalnej, 1997, c. 23–66; S. Koziara. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Prace Monograficzne. Akademia Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie. Nr 320. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001; H. Walter, E. Komorowska, A. Krzanowska et al. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Szczecin — Greifswald, 2010; H. Walter, P. Fojtů. *Schwarzes Chaf, falscher Proplet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2012.

[2] H. Walter, E. Komorowska, A. Krzanowska et al. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen...*; H. Walter, P. Fojtů. *Schwarzes Chaf, falscher Proplet, barmherziger Samariter...*

Феномен адаптации каждым из языков того или иного библейского сюжета требует специального изучения уже потому, что именно такая адаптация порождает эффект «ложных друзей переводчика», вынуждая составителей словарей и переводчиков сглаживать весьма существенные стилистические нюансы, а нередко и довольно значимые семантические различия в передаче структурно тождественных выражений.

Типичен в этом отношении «классический» библеизм *блудный сын*. История его прозрачна и хорошо известна. Выражение возникло на основе евангельской притчи о блудном сыне. В *Евангелии от Луки* рассказывается о том, что однажды некий человек разделил своё имущество между двумя своими сыновьями; младший, забрав свою долю, ушёл из дома и, скитаясь в чужих краях, расточил доставшуюся ему часть отцовского имения (*Лука*, 15, 11–32). После нужды и лишений он решил вернуться к отцу в раскаянии:

> встану, пойду к отцу моему и скажу ему: Отче! Я согрешил против неба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим; прими меня в число наемников твоих. Встал и пошел к отцу своему. И когда он был еще далеко, увидел его отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: Отче! Я согрешил против еба и пред тобою и уже недостоин называться сыном твоим.
> (*Лука* 15, 18–21).

Отец, видя его искреннее раскаяние, велел одеть его в лучшие одежды и устроил для него пир, и сказал:

> Станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мертв и ожил, пропал и нашелся. И начали веселиться.
> (*Лука* 15, 24).

Мотив, характеризующий неопытность, необдуманность поступков или даже глупость молодёжи, известен в европейской культуре издревле и стал основой многих литературных сюжетов. Так, уже в 1270 году Вернер дер Гэртнер [Wernher der Gärtner] описывает похожую историю, повествуемую ещё в античных сагах. На библейский же сюжет создан ряд художественных произведений самых известных художников, например, картина Рембрандта *Возвращение блудного сына*[3].

В русском языке слово *блудный* отразило две ассоциации: первая связана со словом *блуждать* ‘скитаться, сбившись с пути’ и поэтому *блудный сын* — ‘блуждающий, скитающийся по белу свету, ищущий свой путь (в том числе и духовный)’, вторая же восходит к глаголу *блудить* — ‘распутничать, развратничать’, следовательно, *блудный* — это и ‘ведущий распутный образ жизни, потерявший нравственные ориентиры’. Именно эти значения в русском языке являются внутренней формой (мотивирующим образом) оборота *блудный сын*. Мотив «блуждания» (но не обязательно «блуда») отражен многими славянскими языками: укр. *блудний син*; бел. *блудны сын*; болг. *блудният син*; макед. *блудниот син*; хорв. *bludni (zalutali) sin* и др.

---

[3] Картина хранится в петербургском Эрмитаже.

В других же европейских языках этот сюжет манифестируется иными прилагательными и ассоциациями. В одних закрепился образ — «*потерянного*» сына, что прямо отражено фразеологизмами: нем. *verlorener Sohn*; латыш. *pazudušais dēls;* словен. *izgubljeni sin*; хорв. *izgubljeni sin* и др.

В третьих же акцент был сделан на «транжирстве» блудного сына: англ. *prodigal son*; фр. *enfant prodigue*; итал. *figliol prodigo*; исп. *hijo pródigo*; португ. *filho pródigo*; румын. *fiul risipitor*; лит. *sūnus palaidūnus*; пол. *syn marnotrawny*; чеш. *marnotratný syn*; словацк. *márnotratný syn*; хорв. *razmetni sin*; серб. *продигал сон* и др.

Как видим, эти возможные образные интерпретации библейского выражения демонстрируют различные ориентации в переводе соответствующего фрагмента *Библии* и вместе с тем отражают чисто языковые способы его адаптации в конкретном ассоциативно-образном пространстве. Любопытно, что даже столь близкие генетически языки, как литовский и латышский, здесь передают разные переводческие ориентации —— возможно, зависимые от источника калькирования. А в словацком языке отражены 2 эквивалента, объединяющие два различных направления перевода, что особенно явственно просвечивается на фоне русского *блудный сын* и немецкого *der verlorene Sohn* в нашем трёхъязычном словаре[4].

Отмеченные различия, уходящие корнями во внутреннюю форму выражения, естественно, отражаются на его семантике в каждом конкретном языке. Так, немецкий фразеологизм толкуется в нашем двуязычном словаре[5] таким образом:

> **der verlorene Sohn** (книжн. ирон.)**: 1.** *о беспутных, нравственно нестойких детях (обычно сыновьях), раскаявшихся и вернувшихся в свою семью; о людях, порвавших с семьей (каким-л. коллективом, группой, сообществом) в поисках иных занятий, новой среды и т. п.* **2.** (шутл.) *о человеке, которого давно не видели, от кого давно не было сообщений или вестей.* **3.** *о ком-л., долго отсутствующем и наконец вернувшемся* (букв.: потерянный сын).

Как видим, сема «потерянности» доминирует в этом трехзначном толковании.

В русском же языке она хотя и присутствует, но тем не менее не является доминирующей. Любопытно, что даже в народном узусе оборот *блудный сын* тяготеет к семантике «блуда», греховности, что нашло отражение в наших толкованиях *Большого словаря русских поговорок*[6]:

---

[4] Д. Балакова, Х. Вальтер, В.М. Мокиенко. *Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов*. Ружомберок — Грайфсвальд — Санкт-Петербург. Greifswald: Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2012, с. 111–112.

[5] H. Walter, V.M. Mokienko. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009, с. 143.

[6] В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Под общей ред. проф. В.М. Мокиенко. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008, с. 654.

Блудный сын. *Разг.* 1. *Пск.* О том, кто покинул свой дом, а затем вернулся после неудачных скитаний. ПОС 2, 46. 2. О том, кто раскаялся в чем-л. после постигших его неудач. 3. *Арх. Неодобр.* О человеке, нарушающем общепринятые нормы поведения[7].

Не случайно «соседями» этого выражения в нашем словаре оказываются бранные обороты *олон.*[8] **блудов сын**[9] и *вульг.-прост.* **блядин (блядский) сын** ‘то же, что **сукин сын**’[10], что не только усиливает «греховную» акцентовку его семантики, но и значительно увеличивает её экспрессивность. Процесс отмеченного семантического развития русского библеизма убедительно отражается в его контекстуальном функционировании, зафиксированном нашим *Толковом словаре библейских выражений и слов*[11]. В произведениях классиков можно найти и прямые апелляции к евангельской притче и её художественным воплощениям:

[Картинки] изображали историю *блудного сына.*
А. Пушкин. *Станционный смотритель.*

Я не хотел входить в город, потому что не хотел явиться перед родителями, *как блудный сын в Евангелии*, нищим и несчастным.
В. Брюсов. *Огненный ангел.*

Вот я от матери и от отца ушёл. И не жалею. И никаких раскаяний *блудного сына* не испытываю. Приведётся свиным кормом питаться, и тогда не возвращусь.
И. Рукавишников. *Проклятый род.*

Они воспроизводятся и с помощью сравнений, прямо указывающих на библейский сюжет:

— *Как блудный сын,* когда он вернулся в отчий дом, мы с тобою тоже вольны вернуться. С повинной головой. Повинную голову не рубят.
К. Федин, *Необыкновенное лето.*

Прощай, приют родной <…>
Меня отсюда мчит иное назначенье
И ждут иные небеса.
А если, жизнью смят, обманутый мечтами,
К тебе, *как блудный сын,* я снова возвращусь, –
Кого ещё найду меж старыми друзьями
И так ли с новыми сойдусь?
А. Апухтин. *Прощание с деревней.*

---

[7] *Архангельский областной словарь*. Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 15. Москва: Издательство Московского государственного университета. Филологический факультет — Наука, 2013, с. 116.

[8] Сокр. *олон.* = олонецкий.

[9] *Словарь русских народных говоров*. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Вып. 35. Санкт-Петербург: Российская академия наук. Институт лингвистических исследований — Издательство «Наука», 2001, с. 131.

[10] В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина. *Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы)*. Санкт-Петербург: Норинт, 2003, с. 318.

[11] Г.А. Лилич, В.М. Мокиенко, О.И. Трофимкина. *Толковый словарь библейских выражений и слов*.... с. 465.

Несколько опосредованная связь с евангельским сюжетом отражается и в контекстах, где выражение используется уже переносно — в значении ‘о том, кто покинул свой круг, привычные занятия в поисках лучшей жизни, но после неудач и разочарований снова вернулся обратно’:

Нужно было искать новую «зацепку за жизнь», но не «роковую», «страстную», а вечную, незыблемую, независимую от плотских страстей, и *блудный сын*, нарушая и вместе с тем как бы обновляя библейскую традицию, возвращается не к отцу, а к матери, создавая её иконописный и одновременно по-русски живой национальный образ.
С. Куняев. *Божья дудка (жизнеописание С. Есенина).*

Не настанет же такой момент, когда исчезнут в одночасье «прожорливое телевидение», зловещий кинематограф и прочее, а актёр, этот *блудный сын* Мельпомены, вернётся в родной дом, в театр!
«Известия» 19 сентября 1983.

...Мы не просто ждали *сына* [после армии] после долгой разлуки. Нетерпением наше состояние никак не назовешь. Все последние годы судьба сына висела над нами, как пресловутый дамоклов меч. Мы ждали затянувшейся развязки. Мы ждали приговора. Куда мог исчезнуть наш *блудный сын,* в какую свернул сторону?
В. Тендряков. *Покушение на миражи.*

Родина-мать! я душою смирился,
Любящим сыном к тебе воротился. <…>
Дай мне отраду объятий родных,
Дай мне забвенье страданий моих!
Жизнью помят я… и скоро я сгину…
Мать не враждебна и к *блудному сыну*…
Н. Некрасов. *Саша.*

Именно в таком ключе употребляет выражение Б. Пастернак, инкрустируя его в структуру сравнения со значением ‘скиталец, не находящий пристанища, своего места в жизни’:

А немного спустя
И светя, *точно блудному сыну.*
Чтобы шеи себе
Этот день не сломал на шоссе,
Выйдут с лампами в ночь
И с небес
Будут бить ему в спину
Фонари корпусов
Сквозь туман,
Полоса к полосе.
Б. Пастернак. *Девятьсот пятый год.*

«Греховная» семантика нарастает в поэтических контекстах, на что мы с А.М. Мелерович обратили особое внимание при составлении пока не изданного словаря *Фразеологизмы в русской поэзии*. Характерно, что это «наращение», а точнее — «приращение» происходит к традиционной переносной семантике библеизма, где основной акцент делается на возвращении в отчий дом. Типично

в этом отношении стихотворение И. Бродского, где семантика ‘кто-л., долго отсутствовавший и наконец вернувшийся (раскаявшись в своих грехах и заблуждениях)’ окрашивается олицетворением в контексте сравнения:

Кто-то
среди развалин бродит, вороша
листву запрошлогоднюю. То — ветер,
как *блудный сын, вернулся в отчий дом*
и сразу получил все письма.
И. Бродский. *Открытка из города К.*

В некоторых поэтических текстах движение к «греховной» семантике может стать столь диалектичным, что она превращается в свою противоположность, т.е. характеризует лирических героев положительно. Так, в стихотворении Т. Бек библейский оборот трансформируется в сочетание *блудные дети голодных и гордых небес* со значением ‘люди, стремящиеся к высокой цели, живущие в поисках своего предназначенья’:

Давайте не прятаться в норы,
Давайте не строить заборы,
А верить, что мы — *сыновья*
И дочери — блудные дети

Голодных и гордых небес,
И стало быть, жизнь — не собес,
А воля — моя и твоя.

Мы — *дочери, мы — сыновья*,
И есть ещё звёзды на свете!
Т. Бек. *«Состарился почерк почтовый…».*

У этой же поэтессы фразеологизм гендерный «пандан» выражения *блудный сын — блудная дочь* употребляется в однозначно греховном значении ‘беспутный, нравственно не стойкий человек’:

Эти ели в лесу многолапы
И зловещи на фоне берёз…
«Я могла бы…» Но я не могла бы
Обойти ни одну из угроз!

Ни одну из помоек и рытвин,
И приманок, кидающих в жар.
Да и стих-то мой был не молитвен.
А рыдал, и кичился, и ржал.

Вот и думаю на перевале,
Как неюная блудная дочь:
— А почто вы меня не изъяли,
Не отвергли, не выгнали прочь?
Т. Бек. *Эти ели в лесу многолапы…*

Подтверждение отмеченной тенденции развития «греховной» семантики у нашего библеизма можно найти у многих современных поэтов. В некоторых из них она специально эксплицируется различными способами:

Чтоб чувства, промелькнувшие сквозь ночь,
укрыли *блудных сыновей и дочь*
прекрасную и, адрес изменив,
чтоб чувства не усиливали миф,
не следовало в ночь под Рождество
выскакивать из дома своего……
И. Бродский. *Зофья.*

Нет, с тобой, дружочек чудный,
Не делиться мне досугом.
Я сдружилась с новым другом,
С новым другом, с сыном блудным.
У тебя дворцы-палаты,
У него леса-пустыни,
У тебя войска-солдаты,
У него пески морские.
Нынче в море с ним гуляем,
Завтра по лесу с волками.
Что ни ночь — постель иная:
Нынче щебень, завтра — камень.
И уж любит он, сударик,
Чтобы светло, как на Пасху:
Нынче месяц нам фонарик,
Завтра звезды нам лампадка.
Был он всадником завидным,
Милым гостем, царским сыном,
— Да глаза мои увидел
— И войска свои покинул.
М. Цветаева. *Нет, с тобой, дружочек чудный…*

На рынке, ребята, главенствует Спрос,
Как только появится он,
Ему предлагают любое добро,
И это на рынке — закон.

И Родину-Мать *блудный сын* продаёт,
А девушка — девичью честь,
А, если заплатишь сполна и вперёд,
И честь офицерская есть.

Без лишних вопросов вам скидку дадут.
Повсюду бардак, кутерьма.
Там душу за четверть цены продадут
И совесть дешевле дерьма.

Суть рынка пытался я вам передать,
Но как объяснить вам, друзья,
Что всё это можно, конечно, продать,
Но выкупить после нельзя.
М. Катран. *Урок маркетинга. «Опрокинутые города»*. Кострома 2002.

Прорицатели, гадалки
Напророчили бедлам.
Ну, так мы — уже на свалке —
В колесо фортуны палки
Ставим с горем пополам.

Так идите к нам, Мак-Кинли,
В наш разгневанный содом.
Вы и сам — *не блудный сын ли?*
Будет больше нас, Мак-Кинли...
Нет? Мы сами к вам придем.
В. Высоцкий. *Мистерия хиппи.*

Развитие семантики «греховности» ещё более усиливается в случаях индивидуально-авторских трансформаций нашего библеизма, отталкивающихся от производных корня *блуд-* — например, в варианте *заблудший сын:*

Каких дворцов
Он господин,
Каких отцов
Заблудший сын?
В. Высоцкий. *Песня Билла Сиггера.*

Как бы далеко ни уводило в сторону «греховности» под давлением переносной христианской семантики слов *блуд*, *блудный* библеизм *блудный сын*, его исходный сюжет тем не менее и в русском языке не даёт ему полностью оторваться от назидательного смысла евангельской притчи. Характерно в этом отношении стихотворение А. Тарковского, где наш оборот хотя и маркирован «греховностью», эксплицированной словом *порок,* но «срывание с плеч сорочки» уже предвещает возвращение в отчий дом, т.е. освобождение от грехов, их искупление:

Я кончил книгу и поставил точку
И рукопись перечитать не мог.
Судьба моя сгорела между строк,
Пока душа меняла оболочку.
Так *блудный сын* срывает с плеч сорочку,
Так соль морей и пыль земных дорог
Благословляет и клянет порок,
На ангелов ходивший в одиночку.
А. Тарковский. *Рукопись*, 165 (*Собеседник*, 2003).

Такая внутренняя смысловая диалектика библеизма *блудный сын* может даже привести к «эффекту бумеранга», т.е. превратить грешника в раскаявше-

гося в своих грехах и заблуждениях человека и вернувшегося после цивилизационных сует и блужданий в свой отчий дом — царство Природы:

Мой друг, беги от суеты,
Горячки и текучки,
Беги куда-нибудь в кусты,
В листочки и колючки,
И там припомни наконец,
Узрев леса и воды,
Что ни какой ты не венец,
А *блудный сын природы.*
Ю. Ким. *Элегия.*

Как видим, круг блужданий евангельского сына замыкается даже в русском языке, где греховность *блудного сына* подчёркнута самой его эксплицитной характеристикой. Замыкается в исходный сюжет, где сын возвращается в отчий дом. Тем не менее, благодаря эпитету *блудный* семантика русского выражения и его стилистика отличается от семантики его параллелей в английском, французском, польском или чешском языках, где оно переведено с помощью прилагательных, характеризующих мотовство (*prodigal*, *prodigue*, *marnotrawny*, *marnotratný*), или от семантики немецкого, латышского, словенского или хорватского, характеризующих «потерянность» (*verlorener*, *pazudušais*, *izgublljeni*).

Описанная семантическая динамика выражения *блудный сын* в русском языке может показаться достаточно экзотической и индивидуальной, навеянной конкретным переводом библеизма. Однако опыт лингвистического анализа подобных библейских крылатых выражений и их словарного описания показывает, что такого рода «приращения смысла» к исходному словосочетанию достаточно типичны. Именно своеобразие языковой адаптации универсального сакрального текста *Библии* порождает семантические и стилистические различия библеизмов, которые далеко не всегда учитываются переводчиками и лексикографами. А ведь именно эти различия и составляют национальную специфику такого общего кода человеческой культуры, как Священное Писание.

Литература

Архангельский областной словарь. Под ред. О.Г. Гецовой. Вып. 1–15. Москва: Издательство Московского государственного университета. Филологический факультет — Наука, 1980–2013[12].

Балакова Д., Вальтер Х., Мокиенко В.М. *Лепта библейской мудрости. Краткий русско-словацко-немецкий словарь крылатых слов*. Ружомберок — Грайфсвальд — Санкт-Петербург. Greifswald: Moritz-Arndt-Universität Greifswald, 2012.

Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. *Библеизмы в русском, чешском и словацком литературных языках.* «Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История, языкознание, литературоведение» 1993. Вып. 3, с. 51–59.

[12] Издание продолжается.

Лилич Г.А., Мокиенко В.М., Трофимкина О.И. *Толковый словарь библейских выражений и слов. Около 2000 единиц*. Москва: АСТ — Астрель, 2010.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Словарь русской брани (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы)*. Санкт-Петербург: Норинт, 2003.

Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. *Большой словарь русских поговорок. Более 40 000 образных выражений*. Под общей ред. проф. В.М. Мокиенко. Москва: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008.

Псковский областной словарь с историческими данными. Основан Б.А. Лариным. Вып. 1–23. Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина — Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 1967–2012[13].

Словарь русских народных говоров. Под ред. Ф.П. Филина и Ф.П. Сороколетова. Вып. 1–46. Ленинград — Санкт-Петербург: Российская академия наук. Институт лингвистических исследований — Издательство «Наука», 1965–2013[14].

Chlebda W. *Biblizmy języka polskiego i rosyjskiego. Koncepcje opisu leksykograficznego*. [B:] *Współczesny język polski i rosyjski. Konfrontacja przekładowa*. Red. A. Bogusławski, J. Mędelska. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Katedra Lingwistyki Formalnej, 1997, c. 23–66.

Koziara S. *Frazeologia biblijna w języku polskim*. Prace Monograficzne. Akademia Pedagogiczna im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie. Nr 320. Kraków: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej, 2001.

Walter H., Mokienko V.M. *Deutsch-russisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen. Mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2009.

Walter H., Komorowska E., Krzanowska A. i zespół. *Deutsch-polnisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Szczecin — Greifswald, 2010.

Walter H., Fojtů P. *Schwarzes Chaf, falscher Proplet, barmherziger Samariter. Deutsch-tschechisches Wörterbuch biblischer Phraseologismen mit historisch-etymologischen Kommentaren*. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Philosophische Fakultät, 2012.

[13] Издание продолжается.

[14] Издание продолжается.

KOMPARATYSTYKA JĘZYKOZNAWCZA

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

COMPARATIVE LINGUISTICS

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 89–99

KADYK, CZYM JEST I NA JAKICH OBSZARACH JEST?

KRYSTYNA SZCZEŚNIAK

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny, Katedra Slawistyki
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: kry.szczesniak@gmail.com
(nadesłano 15.09.2014; zaakceptowano 24.11.2014)

Abstract

Kadyk: what is it and in which areas?

The article refers to the presence and origin of the Masurian dialect token kadyk. It can be found in literary texts written in German (relating to the Masuria region, such as Siegfried Lenz novels and Gunter Schiwy tales), as well as south German dialects and the language of German inhabitants of Gdansk and also in the central and northern region of Kaszuby. The author, comparing the dictionary, literary and onomastic sources argues that this token (or perhaps only the core, though) is a very early loan word (probably done already in the Balto-Slavic era) from the Finno-Ugric languages. The author uses the *Grammar of the Lithuanian Language* of Jan Otrębski who stated that the Finnish language contains many loans from the Baltic languages and drew attention to the fact that they date back to the period when the Finns created very a diverse tribal unity, and their dialects were very close. He continues further, that during this period also the languages called by linguists as Baltic were dialects of one language, not very different from each other[1].

Since then, taking into account the above statement, author of the article notes, there were loan words, including very early ones, from the Baltic languages, it can be assumed that a similar process could happen also in the other way. The early time of this loan can be proved by by the fact that the same root ***kad** / iti* remained in all Slavic languages. Although the *kadyk* token is currently known (outside of the area from which it was borrowed) only in the Baltic languages, and in the area of Baltic settlements (particularly the area of the so-called Lithuania Minor), and in the German dia-

lects of Gdansk and through South German dialects (or not, as the worth-mentioning theory of Hanna Popowska-Taborska and Witold Cienkowski of a direct loan token from Old-Prussian language) was transferred to northern and central Kaszuby (where it is existing among other forms: *iglena, jiglica, heifer, Jodłowiec*). It seems that it might be assumed that that it had been transferred to these areas by the German inhabitants of Gdansk to whom it was known from the area of East Prussia. In such case it would be a phenomenon of secondary assimilation to the new area.

Key words

Kadyk, juniper, etymology, origin lexeme.

Abstrakt

Artykuł dotyczy obecności i pochodzenia leksemu *kadyk* w gwarze mazurskiej. Można go spotkać w tekstach literackich pisanych po niemiecku (dotyczących regionu mazurskiego, jak na przykład powieści Siegfrieda Lenza i baśnie Güntera Schiwego), a także w dialektach dolnoniemieckich, języku niemieckich mieszkańców Gdańska oraz na Kaszubach środkowych i północnych.

Autorka, porównując dane słownikowe, literackie i onomastyczne, stawia tezę, iż leksem ten (choć być może tylko sam rdzeń) jest bardzo wczesną pożyczką (prawdopodobnie dokonaną już w epoce bałtosłowiańskiej) z języków ugrofińskich. Korzysta przy tym z *Gramatyki języka litewskiego* Jana Otrębskiego, który pisał, że w językach fińskich istnieje wiele pożyczek z języków bałtyckich i zwrócił przy tym uwagę na to, że „datują się one z okresu, kiedy Finowie tworzyli niezbyt zróżnicowaną plemiennie jedność, a ich dialekty były sobie bardzo bliskie. Ale, kontynuuje tenże badacz dalej, w tym okresie i języki nazywane przez językoznawców bałtyckimi były mało różniącymi się od siebie dialektami jednego języka”[1].

Skoro zatem, uwzględniając powyższy sąd, zauważa autorka artykułu, istniały pożyczki z języków bałtyckich i to tak wczesne, to można założyć, że mogły one również zachodzić i w drugą stronę. A o wczesności tej pożyczki świadczyć może to, iż sam rdzeń ***kad**/iti* pozostał wszak we wszystkich językach słowiańskich, choć leksem *kadyk* (poza obszarem, z którego go zapożyczano) znany jest obecnie tylko w językach bałtyckich, a także na terenie osadnictwa bałtyckiego (szczególnie tak zwanej Małej Litwy), w dialektach niemieckich Gdańska i poprzez dialekty dolnoniemieckie (lub nie, tu warto wspomnieć o teorii Hanny Popowskiej-Taborskiej i Witolda Cienkowskiego o bezpośredniej pożyczce leksemu z języka staropruskiego) przedostał się na Kaszuby północne i środkowe, gdzie jest on znany obok innych form: *jiglena*, *jiglica*, *jałowić*, *jodłowiec*. Wydaje się, że równie dobrze można założyć, że przenieśli go być może na te obszary niemieccy mieszkańcy Gdańska, którzy znali go z obszaru Prus Wschodnich,

[1] J. Otrębski. *Gramatyka języka litewskiego*, T. 1: *Wiadomości wstępne, nauka o głoskach*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958, s. 70–71.

a w takim razie mielibyśmy do czynienia ze zjawiskiem wtórnej asymilacji na nowym obszarze.

Słowa kluczowe

Kadyk, jałowiec, etymologia, geneza leksemu.

Gdy przygotowywałam tekst referatu dotyczący fitonimów w *Słodkich Sulejkach* na pierwszą konferencję poświęconą Siegfriedowi Lenzowi, która odbywała się w ubiegłym roku w Ełku, uwagę moją zwrócił leksem pojawiający się wprawdzie w oryginale tekstu, ale wolą tłumaczki pominięty w tłumaczeniu. Tymczasem właśnie on, moim zdaniem decyduje (uwzględniając wszystkie obecne w tym tekście fitonimy), że początkowe mniemanie, iż taka wieś mogłaby znajdować się wszędzie... okazuje się nieprawdziwe. Pomijając bowiem dane toponimiczne (nazwa Sulejki powstać mogła tylko na pograniczu dawnego osadnictwa polsko-litewskiego, a zapis *Sulleiken* sugerował, że był raczej to obszar Prus Wschodnich; zresztą taka nazwa funkcjonuje do dziś w powiecie oleckim) w tłumaczeniu pojawił się jeden apelatyw (*laska*[2]), który w oryginale występuje jako *Kadick-Stock* 'kij, laska z kadyku'.

Ciekawie o problemie przekładu *Muzeum ziemi ojczystej*, innego tekstu Siegfrieda Lenza, wspomina Eliza Borg, na stronach Goethe-Institut, w dziale „Kultura". Mówi ona mianowicie, iż tekst ten był bardzo trudny do tłumaczenia „ze względu na język pełen wschodniopruskich regionalizmów i miałyśmy wtedy (mowa jest o pierwszym wydaniu powieści, czyli ponad 20 lat temu — przyp. K.Sz.) ogromne kłopoty z dotarciem do słowników (...). Gdy w zeszłym roku dokonywałyśmy poprawek do 2. wydania, do dyspozycji miałyśmy już internetowe niemieckie słowniki czy *Mały słownik gwary mazurskiej* zestawiony przez Erwina Kruka. Pamiętam, ile zachodu kosztowało nas choćby rozszyfrowanie słowa „Kadik" — czyli po prostu jałowiec. Zabawne, że w polskim tłumaczeniu zdecydowałyśmy się na wersję „kadyk", bo jak okazało się z rozmów z miejscowymi, najczęściej napływowymi, nowymi mieszkańcami Mazur, to słowo jest do dziś tam znane i używane"[3]. Wspomniany wyżej *Mały słownik gwary mazurskiej* pod redakcją Erwina Kruka można znaleźć między innymi w Internecie na

[2] „(...) zawołany wyszedł gdzieś z zaplecza szopy, położył **laskę** na klepisko i stanął w pogotowiu" (S. Lenz. *Słodkie Sulejki*. Przeł. M. Świętek. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1988, s. 40). W oryginale ten fragment brzmi: „und der Gerufene trat aus dem Hintergrund des Schuppens, legte den **Kadick-Stock** auf dem Lehmboden und hielt sich bereit" (S. Lenz. *So zärtlich war Suleyken. Masurische Geschichten.* Zeichnungen im Text und Initiale von E. Behrendt. Aufl. 2. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1955, s. 39).

[3] Wspomniany tekst Lenza tłumaczyły Eliza Borg i Maria Przybyłowska. W wydaniu z roku 2010 tłumaczki używają jednakże naprzemiennie określenia *kadyk* i *jałowiec*. Na pierwszych 100 stronach powieści *kadyk* występuje dwukrotnie (na stronie 22, gdzie po użyciu tego słowa w tekście w przypisie podano, iż *kadyk* jest mazurskim określeniem jałowca i na stronie 51 — *kadyk* stanowił osłonę dla chłopców), a także dwukrotnie *jałowiec* (s. 45, gdzie jest mowa o wódce z jałowca; s.71 — jagody jałowca). Zob. S. Lenz. *Muzeum ziemi ojczystej*. Przeł. E. Borg i M. Przybyłowska. Biblioteka Borussii, nr 45. Olsztyn: Stowarzyszenie Wspólnota Kulturowa „Borussia", 2010.

stronach luterańskiej diecezji mazurskiej. Na stronie dziewiątej znajduje się tam hasło *kadyk* z odniesieniem do *jałowca*, a także sformułowanie *kadykowe psiwo*[4].

Warto byłoby przypomnieć, iż jałowiec jest gatunkiem bardzo rozpowszechnionym (różne źródła wymieniają od 40 do 70 jego różnych odmian), z rodziny cyprysowatych, a jednocześnie może być on drzewem sięgającym najczęściej do 10 metrów[5] wysokości, lub krzewem (dorastającym do wysokości 3–4 metrów, choć również bardzo niskim, bo płożącym). Polska nazwa (*jałowiec, jadłowiec*, gw. *jałowieć*) określa najprawdopodobniej skromne wymagania tego drzewa ('rośnie na jałowych glebach'). Jednym z najbardziej znanych skupisk jałowca na Mazurach jest wieś Lipowiec w powiecie szczycieńskim[6]. Warto też dodać, że na Mazurach i Warmii do smagania (dyngowania) w 1. dzień Wielkiejnocy wieczorem, albo od samego rana w 2. dzień używano gałązek jałowca (rzadziej wierzby lub brzozy), a podobny zwyczaj znany jest również na Kaszubach, i przejęli go nawet przesiedleńcy w ramach akcji „Wisła" w Jantarze[7].

Interesujący mnie leksem pojawia się również w zbiorze bajek, legend i baśni mazurskich, który opublikowany został pierwotnie (podobnie jak wspomniane wcześniej teksty Lenza) w języku niemieckim na Mazurach (ale dotyczył Krzywego, miejscowości znajdującej się nad jeziorem Nidzkim). Tłumaczył go przed laty najpierw fragmentami dyrektor Muzeum Ziemi Piskiej — Dietmar Serafin[8], zaś ostatecznie pełen tekst dwujęzyczny tego ciekawego zbioru baśni ukazał się w 2007 roku w Olsztynie pod dwujęzycznym tytułem: *Der grosse Schatz masurischer Marchen, Sagen, und Legenden. Wielki skarbiec mazurskich bajek, legend i podań.* Podtytuł książki brzmi: *18 ludowych gawęd z mazurskiej krainy o ludziach, demonach, bóstwach oraz innych przemijających sprawach opisanych przez Güntera Schiwy'ego* [9].

---

[4] Zob. też: Diecezja Mazurska Kościoła Ewangelicko-Augsburskiego w Rzeczpospolitej Polskiej. [Online] <www.diec.mazurska.luteranie.pl> (20.05.2014). Tam znajduje się uzupełniona wersja słownika.

[5] Strona *Wikipedii* podaje, iż drzewo może sięgać do 40 metrów, ale w żadnym z dostępnych mi źródeł fitonimicznych nie znalazłam potwierdzenia tej informacji. Zob. *Jałowiec*. [Online] <http://pl.wikipedia.org/wiki/Ja%C5%82owiec> (20.05.2014).

[6] „Jeden z największych okazów tego gatunku w Europie, ma 13,7 metra wysokości i 2.05 metra obwodu. Niestety, od roku 1990 jest martwy, obumarł prawdopodobnie w wieku 225 lat (...). Łącznie, na niewielkim obszarze podziwiać można 24 okazałe jałowce. Wszystkie są objęte ochroną jako pomnik przyrody". Zob. *Mazury. Słownik stronniczy, ilustrowany*. Red. W. Mierzwa. Moja Biblioteka Mazurska, nr 13. Dąbrówno: Retman — Warszawa: Baobab, 2008, s. 95–96.

[7] K. Stech. *Drzewa w obrzędowości słowiańskiej*. Praca magisterska napisana pod kierunkiem prof. dr hab. K. Szcześniak. Wydział Filologiczny. Uniwersytet Gdański.

[8] Potwierdza to Waldemar Brenda pisząc, iż kilkanaście tekstów opublikowano w czasopiśmie regionalnym „Znad Pisy" (zob. nr 6/1997), zaś inne z niewielkim komentarzem zamieściła znana wówczas nie tylko w tym regionie „Jaćwież"(nr 9/2000).

[9] Oprócz wstępu (*od Autora*) i wspomnianych 18 tekstów do książki włączono również dwujęzyczny dodatek pt. *Ulubione potrawy Güntera Schiwy'ego*, a także *Posłowie* i *Notę* o samym autorze. Tłumaczem całości jest wspomniany już wyżej Dietmar Serafin, zaś autorką czarno-białych ilustracji — wspomniana wcześniej Zofia Góralczyk-Markuszewska, która ponadto ozdobiła dwie wewnętrzne karty okładek w tonacji biało-zielono-czarnej. Całość oprawiono w szare płótno. Ze względów oczywistych dla lingwisty (Schiwy, to nazwisko Siwy, gdzie zmiękczenie zapisano w typowy sposób dla terenów ówczesnej mazurskiej administracji) dalej będę posługiwać się odmianą tego antropo-

W tymże właśnie zbiorze baśni wspomniany fitonim, nazwa krzewu, znanego bardziej w języku polskim jako jałowiec, zachowała się w oryginale, choć zgubiono ją w większości przykładów w tłumaczeniu. I tak na przykład leksem *Kaddigstrauch* (s. 18), zastąpiono *kijem pasterskim* (s. 19), podczas gdy ów leksem oznacza w istocie 'kij zrobiony z *kadyka*', zaś w innym miejscu tekstu (bajka *Dwaj chciwi bracia*, s. 27) niemiecki leksem *Kaddigstock* (s. 26; 34) tłumacz zastąpił *kijem z jałowca* (s. 25), *jałowcowym kijem* (s. 35). Używając ogólnopolskiego zastępstwa — tłumacz przełożył również *den Kaddigs* (s. 42) — poprzez: *za jałowcami* (s. 41). Tylko w jednym miejscu w omawianym zbiorze baśni i legend mazurskich, a konkretnie w części poświęconej przepisom kuchni mazurskiej, jako zastępstwa *Walcholder- // Kaddickbeeren* (s. 99) Dietmar Serafin użył sformułowania: *kilka ziaren jagód jałowca (potocznie zwanego kadykiem)* (s. 101), ale już w następnym przepisie (s. 107) tłumacząc *Kaddickbeeren (Wacholderbeeren* (s. 112 — tylko *Kaddickbeeren*), ponownie powrócił do formy ogólnopolskiej: *jagody jałowca* (s. 109; 115).

Warto byłoby zastanowić się głębiej nad tytułowym leksemem. Był on rzeczywiście powszechnie znany na Mazurach, o czym świadczy chociażby fakt, że używał go żyjący tu w dziewiętnastym wieku (akcja *Sulejek* tego czasu właśnie dotyczy) Marcin Giersz. Wymienia on go w jednym ze swych listów dotyczącym osobliwości języka Mazurów, a znajdującym się obecnie w *Tece toruńskiej*[10]. *Wyraz kadyk* zna też Erwin Kruk, jeden z najbardziej rozpoznawalnych Mazurów, żyjący dziś w Olsztynie. Cytuje również ów fitonim leksykon — *Mazury. Słownik stronniczy, ilustrowany* (używając nazw: *jałowiec* i *kadyk* wymiennie), wydany pod redakcją Waldemara Mierzwy, gdzie ponadto mówiąc o pochodzeniu staropruskim tej nazwy *oznaczającej świętą roślinę Staroprusów* — wspomina się, o jego zastosowaniu w rzemiośle i życiu codziennym[11].

---

nimu bez apostrofu, tak jak to czyni zresztą i Waldemar Brenda), czyli Schiwy — Schiwego. Günter Schiwy urodził się w roku 1928 w Krzyżach, dzisiejszym powiecie piskim — dla niego był to wówczas Kreuzofen im Kreis Johannisburg — jako najstarszy syn spośród pięciorga dzieci. Jego dziadek Friedrich Sayk był wiejskim kowalem (zob. *Stara kuźnia wiejska* w Krzyżach), zaś babcia Henriette Sayk (zwana Zajckową) *często siadała* [zimą] *naprzeciw otwartego paleniska na małej ławeczce* (…) *i zaczynała opowiadać swoje mazurskie bajki* (…).

[10] Zachowała również w nazwach własnych wiele cech dialektalnych zapisanych przez pastorów ewangelickich. Zob. szerzej K. Szcześniak. *Teka toruńska Marcina Giersza. Analiza materiału nazewniczego.* Rozprawy i Monografie. Uniwersytet Gdański, nr 201. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1994.

[11] „Z jego drewna wyrabiano fajki i lufki do papierosów oraz rękojeści do batów. Owoców używano jako przyprawy, szczególnie do kiszonej kapusty, dodawano ich także do wędzenia mięsa i wędlin oraz wyrobu piwa. Największe zastosowanie znalazł **jałowiec** jednak w mazurskiej medycynie ludowej. Powszechnie żuto jagody, wierząc, że zwiększa to odporność na choroby i przedłuża życie. **Kadyk** stosowano także na reumatyzm, astmę, artretyzm, kaszel, ból żołądka i pęcherza, kolkę, drapanie w płucach, liszaje, ospałość, melancholię a nawet głupkowatość. Aplikowano go w zależności od choroby i tradycji jako dym, wywar lub olejek, a nawet popiół, który uchodził gdzie niegdzie za najlepszy środek do moczenia stóp. Koniom dawano go do karmy, co miało je uodpornić na parch. Popiołu, który powstał po spaleniu **jagód jałowca** z chlebem używali rybacy jako skutecznej przynęty na ryby. Dymem odkażano pomieszczenia po zakaźnej chorobie domownika". Za: *Mazury. Słownik stronniczy, ilustrowany...*, s. 64. W cytatach zachowuję pisownię oryginału.

Z kolei w książce *Smak Mazur. Kuchnia dawnych Prus Wschodnich*[12] wśród przypraw, nie znajdziemy co prawda *kadyku*, ale podano tam informację, iż domowe piwo *warzono z dodatkiem jagód jałowca — kadyka, toteż i napój ten nazywano piwem kadykowym. Kirst ironizuje w tym kontekście, że Wschodni prusacy nie oszczędzali swym żołądkom niczego*[13].

Niestety, choć *kadyk*, jaki jest (po podstawieniu ogólnopolskiego leksemu *jałowiec*), wie prawie każdy, to próba odpowiedzi na pytania: skąd ten fitonim przywędrował na Mazury i jakie później były jego losy, stanowi problem odrębny i trudny do rozstrzygnięcia. Teorie na temat pochodzenia tej konkretnej nazwy oraz jej rozprzestrzeniania są różne i niejednokrotnie sprzeczne ze sobą.

I tak w czwartym tomie słownika onomastycznego pod redakcją Kazimierza Rymuta[14] odnotowano tylko jedną miejscowość o nazwie *Kadyki*, znajdującą się 15 km na południowy zachód od Nidzicy, w województwie warmińsko-mazurskim[15]. Kolejne zapisy nazwy od roku 1820 przybierają formę: *Kadiki*, *Kadicki*, *Kadyki*, *Kadyk*, *Kadyczki*. Jako wyjaśnienie etymologii podano tam informację, iż powyższy onim „pochodzi od gw. wyrazu *kadyk* 'jałowiec' (niem. dial. *Kaddick* 'jałowiec') w liczbie mnogiej", zauważając przy tym, iż „ap. *kaddick*, *kaddig* występuje też w dialektach niemieckich Prus Wschodnich, Pomorza Zachodniego oraz polskich gwarach płn. wsch. Polski". Pomijam tu podane w tym samym źródle wyjaśnienie pochodzenia od *kadyczka* 'wódka' wobec wersji tej nazwy *Kadyczki*, zapisanej przez Chojnackiego, gdyż polonizacja tego typu nazw była (zwłaszcza na obszarze Mazur) bardzo popularna, szczególnie w pierwszych latach po wojnie, chyba że zapytalibyśmy: wódka z czego (różne źródła wspominają bowiem o piwie i winie pędzonym z jagód *kadyku*, więc może i była kiedyś pędzona zeń wódka). Powyższy leksykon nie wspomina o genezie, pochodzeniu leksemu, choć przytacza jego dialektalny niemiecki odpowiednik, co mogłoby sugerować pożyczkę z niemieckiego do gwary mazurskiej lub odwrotnie: z gwary mazurskiej do dialektalnej postaci niemieckiego, bo w języku literackim leksemowi temu odpowiada *Wachholder*.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego wymienia trzy miejscowości, których nazwy można wiązać z interesującym mnie rdzeniem: *Kadagina* (wieś, powiat rossieński,

---

[12] *Smak Mazur. Kuchnia dawnych Prus Wschodnich.* Wyboru dokonał Tadeusz Ostojski. Opracował i wstępem opatrzył Rafał Wolski. Moja Biblioteka Mazurska, nr 7. Dąbrówno: Retman — Warszawa: Baobab, 2006.

[13] „I ja (wspomina zmarły niedawno Tadeusz Ostojski, który do tego tomiku przygotował informacje) gotów byłem traktować opowieść o *kadykowym piwie* jako jedną z legend krążących wokół codziennego życia na Mazurach. Okazuje się jednak, (…) że na Kaszubach, które pod względem żywieniowym mocno przypominają Mazury Wschodnie, z owoców jałowca przygotowywano bardzo smaczne piwo. Trzeba było mieć, bagatela, pisze dalej Ostojski, tylko pięć kilo jagód jałowca, dwudziestolitrową drewnianą kadź i piwnicę z kamienną posadzką. Cyt. z *Smak Mazur*..., s. 27.

[14] *Nazwy miejscowe Polski. Historia. Pochodzenie. Zmiany.* Red. K. Rymut. T. IV. Polska Akademia Nauk. Instytut Języka Polskiego. Pracownia Toponomastyczna. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN: 2001, s. 247.

[15] W protokołach z posiedzeń Komisji Onomastycznej wynotowałam skreślenie (z powodu nieistnienia już wcześniejszej, samodzielnej osady) nazwy Kadyki, pierwotnie leżącej w gminie Bartoszyce.

parafia szyłelska), *Kadicki* (niem., wś pow. niborski, st. poczt. Kozłówko) i *Kadgiehnen* (niem., wś, pow. labiewski, st. poczt. Wulfshoefen)[16].

W pracy Viliusa Peteraitisa — *Mažiosios Lietuvos ir Tvanktos, Vietovardžiai* (*Die Ortsnamen von Kleinlitauen und Twanksta. Ihre Herkunft und Bedeutung*)[17] wymieniono z kolei tylko ostatnią osadę (*Kadkiehnen*), ale pod inną, już zlituanizowaną nazwą *Kadagynai* (niem. *Kadgiehnen*, po roku 1945), obecnie funkcjonującą w rejonie kaliningradzkim[18] jako *Prudy*. Autor wspomnianego opracowania wyprowadza interesujący nas onim od apelatywu *kadagynas*, plur. *kadgyns* (liet. *kadagys: kadagys* 'ėglis'; stąd *Kadaygynas* 'vieta, kur kadagiai auga' (s. 162). Trzeba tu koniecznie przypomnieć, iż lit. *egle*, pruskie *addle* oznaczało nie tyle 'jodłę', która notabene na tych terenach wszak nigdy w środowisku naturalnym nie rosła, ani też konkretnie 'świerk' czy 'sosnę', ale każde drzewo (krzew) iglaste (iglasty).

W leksykonie Nesselmanna[19] pod hasłem *kadyk* zamieszczono następujący zapis: (eynoholz, NPBl XI 362; AMS VII 309 eynbernstruch), Wachholder, juniperus communis, Voc. 608 oraz informację „hier provinciel allgemain *kaddig* genannt und Räuchern benutzt (litt. *kadagýs* von kslav. *kaditi*, russ. *kadit'*, poln. *kadzić*, räuchern, kslav. *kadilo*, poln. *kadzidło*, Räucherwerk, Weihrauch, und dieses wiederum ins litt. übertragen *kodylas*, russ. *kadilo*, Rauchpfanne); hierher wohl die Ortsnamen *kadigiehnen* (*kadegienen* Kr. Labiau und *Kaddig-haus* Kr. Wehlau.

Na Kaszubach, jak zorientowałam się z rozmów z autorką dwóch książek o nazwach roślin — Ewą Rogowską-Cybulską[20], a także ze słownika Sychty[21], *kadyk / kadek* (ze szwą) występuje w ich części środkowej i północnej, co potwierdza też w swych rękopisach, przechowywanych w Muzeum Piśmiennictwa i Muzyki Kaszubsko-Pomorskiej w Wejherowie — Leon Roppel[22]. Oprócz wspomnianego leksemu, w odnie-

---

16 *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. Wydany pod redakcyą Filipa Sulimierskiego, Bronisława Chlebowskiego, Władysława Walewskiego. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1882, t. 2, s. 637.

17 V. Peteraitis. *Mažiosios Lietuvos ir Tvanktos, Vietovardžiai* (*Die Ortsnamen von Kleinlitauen und Twanksta. Ihre Herkunft und Bedeutung*). Mažosios Lietuvos Fondas. Nr 6. Vilnius: Mažosios Lietuvos fondas — Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997, s. 162.

18 Leszek Bednarczuk w czasie rozmowy ze mną parę lat temu w Rydze zwrócił mi uwagę na to, że w rejonie tym w sposób wyjątkowo barbarzyński potraktowano przeszłość zapisaną w nazwach własnych: z mapy starto wszelkie nazwy miejscowości oraz obiektów niezamieszkanych (w tym rzek, cieków wodnych itp., zostawiając zaledwie 2 nazwy z przeszłości: Niemen i Pregołę, a na miejsce pozostałych onimów wprowadzono nowe, radzieckie nazwy.

19 *Thesaurus Linguae Prussicae. Der Preussische Vocabelvorrath, soweit derselbe bis jetzt ermittelt worden ist, nebst Zugabe einer Sammlung urkundlich beglaubigter zusammengestellt.* Von G.H.F. Nesselmann. Berlin: F. Dümmler, 1873, s. 60.

20 E. Rogowska-Cybulska. *Kaszubskie nazwy roślin uprawnych.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998; E. Rogowska Cybulska. *Gwarowy obraz roślin w świetle aktywności nominacyjnej ich nazw (na przykładzie gwary wsi Wagi w powiecie łomżyńskim).* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005.

21 B. Sychta. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1967–1976.

22 Badania własne.

sieniu do *Juniperus communis / sabina*, na tym obszarze notowane są jeszcze *jiglinka / jaglinka, jałówc / jałowiec / jałówiec*, *jeglena*, *jeglin* oraz *brzewik*.

Justyna Garczyńska, pisząc o gwarach ostródzko-warmińsko-mazurskich, podkreśla, iż „ostateczna forma gwar (...) jest efektem oddziaływania różnych systemów językowych. Na płaszczyźnie słownictwa są to: a. wpływy dialektów staropruskich. Zapożyczenia tego typu zostały zaadaptowane w okresie tworzenia się gwar ostródzko-warmińsko-mazurskich"[23], i tu między innymi (bo przykładów podaje niewiele) wymienia *kadyk*. Halina Karaś, powołując się na artykuł Mieczysława Karasia — *Z problemów gwar przejściowych*"[24], pisze (niezależnie od wspomnianej wyżej autorki) o pożyczce pruskiej na tym obszarze (zalicza doń jeszcze *jeglę*, która jej zdaniem może tu oznaczać zarówno sosnę jak i świerk). Z dokładniejszych badań własnych wiem jednak, że w istocie litewskie *egle*, pruskie *addle* oznaczało 'każde drzewo iglaste' rosnące na tym obszarze.

W leksykonie polsko-litewskim, którego autorami są: A. Kalėda, B. Kalėdienė, M. Niedzviecka[25], znajdziemy hasła *kadagýnas, kadagìnis i kadagŷs* w znaczeniu (kolejno): 'krzaki jałowca, jałowcowy, jałowiec', ale z kolei *kadzić* ma tam litewski odpowiednik *smilkýti*, zaś *kadzidło* to *smilkalai*[26].

W słowniku etymologicznym języka pruskiego, autorstwa Vytautasa Mažiulisa[27], zanotowano kilka ciekawych teorii dotyczących pochodzenia tego leksemu. Sam autor, reasumując swoje kilkustronicowe rozważania, stwierdza, że „zach. bałt. *kadagys* jest wyrazem bałtyckim i jednocześnie nie całkowicie bałtyckim (powstałym w wyniku oddziaływania fin. *kadagys*); wyraz rozpowszechniony jest z północy (z pogranicza zachodniobałtyckiego i fińskiego) aż na południe. W podobnym kierunku migrował w dobie późniejszej zachodniobałtycki *kadagys* — już jako zapożyczenie bałtyckie — do dialektów słowiańskich i niemieckich: pruskiego pochodzenia; wyraz przedostał się z Prus na bardziej oddalone tereny dialektów niemieckich"[28]. Cytowany również we wspomnianym leksykonie Thomsen widziałby, podobnie jak Mažiulis, pokrewieństwo z fińskim *kadagi*, stąd liwskie *kadāg* w znaczeniu 'jałowiec' i estońskie *kadak* ('t.s'). Autor wspomnianego wyżej słownika etymologicznego wspomina jednakże, iż Trautmann dopatrywałby się tu przypuszczalnie substratu bałtyckiego, ale niekoniecznie dialektalnego[29].

Co ciekawe, Maks Vasmer uwzględniający również *kadyk* w swoim słowniku etymologicznym języka rosyjskiego, wiąże go z pochodzeniem tatarskim (*kadyk* 'mocny,

---

[23] J. Garczyńska. *Zapożyczenia niemieckie w gwarach Warmii i Mazur.* [W:] *Dialekty i gwary polskie. Kompendium internetowe.* Red. H. Karaś. [Online] <http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?l1=mapa-serwisu&l2=&l3=&l4=zapozyczenia-niemieckie-warmia-mazury> (20.07.2014).

[24] Tekst publikowany był w „Języku Polskim" z roku 1958, na stronach 286–296.

[25] A. Kalėda, B. Kalėdienė, M. Niedzviecka. *Lietuvių-lenkų kalbų žodynas*. Vilnius: Mokslas, 1991, s. 194.

[26] Tamże, s. 433.

[27] V. Mažiulis. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. T. 2: *I–K*. Vilnius: Mokslo ir Enciklopedijų Leidykla, 1993, s. 65–67.

[28] Tłumaczenie z języka litewskiego Kristiny Rutkovskiej, której w tym miejscu bardzo za ten trud dziękuję.

[29] V. Mažiulis. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas...*, s. 65–67.

twardy), zaś dopiero ros. *кадить, кажу* 'kadzić' łączy z prasłowiańskim rdzeniem **kaditi* (podaje tu odpowiedniki polski, czeski, słowacki, słoweński itp.). Dalsze powiązania Vasmer widzi z gr. *kedr*, lit. *kadagys* 'jałowiec', staropruskim *kadegis* 't.s.'. Ten sam badacz wyklucza jednakże pożyczkę z litewskiego (łotewskiego) do fińskiego (*kataja* 't.s.') i twierdzi, że ostatnio udowodniono rdzenne pochodzenie ugrofińskie omawianego rdzenia (cytuje gwary Saamów itp.), wobec czego widziałby tu raczej drogę odwrotną: leksem przeszedł z tych języków (grupa ugrofińska) do bałtyckich[30]. Swoistym potwierdzeniem tej tezy mogłaby być obecność leksemu w języku serbskim[31], w rejonie Wojwodiny, który zamieszkuje liczna mniejszość węgierską.

Wydaje się, że ten akurat leksem (podobnie jak ostatnio badany przez prof. Ewę Siatkowską *majdan*) ma za sobą bardzo ciekawą drogę wędrowcy, bo stamtąd (z terenów ugrofińskich, to już moje dywagacje, poprzez obszar osadnictwa staropruskiego i litewskiego na Małej Litwie, a później Państwa Wschodniopruskiego) przedostałby się do gwary mazurskiej i warmińskiej oraz dolnoniemieckich dialektów tegoż państwa. Z niemieckimi osadnikami *kadyk* przewędrował do Gdańska (i innych, bardziej odeń oddalonych miejsc), skąd prawdopodobnie zapożyczyli go Kaszubi (nie można też wykluczyć pożyczki bezpośrednio od Prusów, wszak osadnictwo to sięgało terenów dzisiejszych północnych Kaszub, które znają ten leksem). Zarysowaną tu wędrówkę w jakimś stopniu potwierdzają zapisy ze *Słownika języka niemieckiego* autorstwa Jakuba i Wilhelma Grimmów[32], gdzie czytamy: „*KADDIG, KADDIK*, m. im nordosten, *wachholder.* Dähnert 213[a], s. aus Königsberg Hermes *Sophiens reise* 2, 514; ohne herrn Puff müszte ich jetzt mit *kaddik* in den gassen umherschreien (handelnd). 6, 669; auch in Danzig, Liefland, Esthland *(kaddak).* litt. *kadagys,* esthn. *kaddakas*, finn. *kataju;* auch böhm. *kadík,* und da findet es wol seine heimat in *kaditi* räuchern (*s.* DWB *kadel*). Dazu *kaddigbaum, kaddigbrandwein* Frisch; spielsachen von wachholder, hier *kaddigholz* genannt. Bog. Goltz jug. 1, 75. hd. gemacht *kattich, kaddich* Nemnich: (brennen) dem kattichfeuer gleich. S. Dach bei W. Müller bibl. 5, 5. m. im nordosten, wachholder. – mundartlich: dialekt na północnym wschodzie, Dähnert 213".

Inaczej mówiąc, stawiam tu tezę, iż omawiany leksem (a może tylko sam jego rdzeń) jest pożyczką bardzo wczesną (prawdopodobnie dokonaną jeszcze w epoce bałtosłowiańskiej) z języków ugrofińskich. Jan Otrębski w swej *Gramatyce języka litewskiego* pisał, że w językach fińskich istnieje wiele pożyczek z języków bałtyckich i zwracał uwagę na fakt, że „datują się one z okresu, kiedy Finowie tworzyli niezbyt zróżnicowaną plemiennie jedność, a ich dialekty były sobie bardzo bliskie". Ale, kontynuuje tenże badacz „w tym okresie i języki nazywane przez językoznawców bałtyckimi były mało różniącymi się od siebie dialektami jednego języka"[33]. Skoro zatem istniały pożyczki

[30] М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. Wyd. 2. Москва: Прогресс, 1986, s. 156–157.

[31] Na powyższy fakt zwrócił mi uwagę Marek Włodkowski, były lektor języka serbskiego, a obecnie wykładowca w Katedrze Slawistyki Uniwersytetu Gdańskiego.

[32] *Deutsches Wörterbuch* von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. 11 = Bd. 5: *K*. Bearb. von Rudolf Hildebrand. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1873. Fotomechanischer Nachdruck: München 1999. Sp. 17.

[33] J. Otrębski. *Gramatyka języka litewskiego*, T. 1: *Wiadomości wstępne, nauka o głoskach*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958, s. 70–71.

z języków bałtyckich i to tak wczesne, to z dużym prawdopodobieństwem można założyć, że i mogły one zachodzić również w drugą stronę. A o wczesności tej konkretnej pożyczki świadczyć zapewne fakt, iż sam rdzeń **kad/iti* zachował się we wszystkich językach słowiańskich, choć leksem *kadyk* obecnie jest znany (poza obszarem, z którego go zapożyczano) tylko w językach bałtyckich, a także na terenie osadnictwa bałtyckiego (szczególnie teren tak zwanej Małej Litwy), w dialektach niemieckich Gdańska i poprzez dialekty dolnoniemieckie (lub nie, tu warto wspomnieć o teorii Hanny Popowskiej-Taborskiej i Witolda Cienkowskiego o bezpośredniej pożyczce leksemu z języka staropruskiego) przedostał się na Kaszuby północne i środkowe (gdzie jest on używany obok innych form: *jiglena*, *jiglica*, *jałowić*, *jodłowiec*). Wydaje się, że równie dobrze można założyć, tak jak o tym wspomniałam wcześniej (i co potwierdzają wspomniane wyżej źródła), że być może przenieśli go na te obszary niemieccy mieszkańcy Gdańska, którym znany był z obszaru Prus Wschodnich, a w takim razie byłoby to zjawisko wtórnej asymilacji na nowym obszarze.

Dziś leksem *kadyk* pozostał tylko w słowniczku gwary mazurskiej (choć zdarza się, że nowi mieszkańcy tego obszaru, którzy przybyli z różnych stron, również słowo to znają, o czym wyraźnie wspomina tłumaczka tekstów Lenza), fitonimii części Kaszub i w jednej nazwie miejscowości z obszaru dzisiejszej Polski oraz w starej nazwie miejscowości w rejonie kaliningradzkim, obecnie nazywanej Prudy. Mamy także jego ślady w nazwiskach — i co ciekawe, nazwisko *Kadyk* notowane jest na obszarze Polski, Niemiec, Kanady oraz (co może zaskakiwać) ... Stanów Zjednoczonych i dalekiej Australii, a to z kolei odzwierciedla trasy wędrówek ludzi zamieszkałych na wspomnianych terenach przed II wojną światową i zaraz po niej.

Bibliografia

Deutsches Wörterbuch. Von Jacob und Wilhelm Grimm. Bd. 11 = Bd. 5: *K*. Bearb. von Rudolf Hildebrand. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1873. Fotomechanischer Nachdruck: München 1999.

Garczyńska J. *Zapożyczenia niemieckie w gwarach Warmii i Mazur.* [W:] *Dialekty i gwary polskie. Kompendium internetowe.* Red. H. Karaś. [Online] <http://www.dialektologia.uw.edu.pl/index.php?l1=mapa-serwisu&l2=&l3=&l4=zapozyczenia-niemieckie-warmia-mazury> (20.07.2014).

Jałowiec. [Online] <http://pl.wikipedia.org/wiki/Ja%C5%82owiec> (20.05.2014).

Kalėda A., Kalėdienė B., Niedzviecka M. *Lietuvių-lenkų kalbų žodynas*. Vilnius: Mokslas, 1991, s. 194.

Karaś M. *Z problemów gwar przejściowych.* „Język Polski" 1958, nr 3, s. 286–296.

Lenz S. *So zärtlich war Suleyken. Masurische Geschichten.* Zeichnungen im Text und Initiale von E. Behrendt. Aufl. 2. Hamburg: Hoffmann und Campe, 1955.

Lenz S. *Słodkie Sulejki*. Przeł. M. Świętek. Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 1988.

Lenz S. *Muzeum ziemi ojczystej*. Przeł. E. Borg i M. Przybyłowska. Biblioteka Borussii, nr 45. Olsztyn: Stowarzyszenie Wspólnota Kulturowa „Borussia", 2010.

Mały słownik gwary mazurskiej. Red. Erwin Kruk. Nowa wersja, poszerzona w listopadzie 2011 r. Mazurskie Towarzystwo Ewangelickie. [W:] *Diecezja Mazurska Kościoła Ewangelicko-Augsburskiego w Rzeczpospolitej Polskiej*. [Online] <http://www.diec.mazurska.luteranie.pl/pl/biuletyn/msgwarymazur.htm> (20.05.2014).

Mazury. Słownik stronniczy, ilustrowany. Red. W. Mierzwa. Moja Biblioteka Mazurska. Nr 13. Dąbrówno: Retman — Warszawa: Baobab, 2008.

Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. T. 2: *I–K*. Vilnius: Mokslo ir Enciklopedijų Leidykla, 1993, s. 65–67.

Nazwy miejscowe Polski. Historia. Pochodzenie. Zmiany. Red. K. Rymut. Polska Akademia Nauk. Instytut Języka Polskiego. Pracownia Toponomastyczna. T. 4. Kraków: Wydawnictwo Instytutu Języka Polskiego PAN, 2001.

Otrębski J. *Gramatyka języka litewskiego*. T. 1: *Wiadomości wstępne, nauka o głoskach*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958.

Peteraitis V. *Mažiosios Lietuvos ir Tvanktos, Vietovardžiai* (*Die Ortsnamen von Kleinlitauen und Twanksta. Ihre Herkunft und Bedeutung*). Mažosios Lietuvos Fondas. Nr 6. Vilnius: Mažosios Lietuvos fondas — Mokslo ir enciklopedijų leidybos institutas, 1997.

Rogowska-Cybulska E. *Kaszubskie nazwy roślin uprawnych*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998.

Rogowska Cybulska E. *Gwarowy obraz roślin w świetle aktywności nominacyjnej ich nazw (na przykładzie gwary wsi Wagi w powiecie łomżyńskim)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005.

Schiwy G. *Mazurska wież Krzyże w dawnych bajkach i sagach ludowych*. „Znad Pisy". Wydawnictwo Poświęcone Ziemi Piskiej, 1997, nr 6.

Schiwy G. *Bajki i legendy*. Przeł. D. Serafin. „Jaćwież" 2000, nr 9.

Schiwy G. *Der grosse Schatz masurischer Märchen, Sagen und Legenden. Wielki skarbiec mazurskich bajek, legend i podań.* Przeł. na jęz. pol. D. Serafin. Il. Z. Góralczyk-Markuszewska. Biblioteka „Borussii". Nr 38. Olsztyn: Stowarzyszenie Wspólnota Kulturowa „Borussia", 2007.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. Wydany pod redakcyą Filipa Sulimierskiego, Bronisława Chlebowskiego, Władysława Walewskiego. T. 2. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1882.

Smak Mazur. Kuchnia dawnych Prus Wschodnich. Wyboru dokonał Tadeusz Ostojski. Opracował i wstępem opatrzył R. Wolski. Moja Biblioteka Mazurska. Nr 7. Dąbrówno: Retman — Warszawa: Baobab, 2006.

Stech K. *Drzewa w obrzędowości słowiańskiej*. Praca magisterska napisana pod kierunkiem prof. dr hab. K. Szcześniak. Uniwersytet Gdański.

Sychta B. *Słownik gwar kaszubskich na tle kultury ludowej.* Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo PAN, 1967–1976.

Szcześniak K. *Teka toruńska Marcina Giersza. Analiza materiału nazewniczego.* Rozprawy i Monografie. Uniwersytet Gdański, nr 201. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1994.

Thesaurus Linguae Prussicae. Der Preussische Vocabelvorrath, soweit derselbe bis jetzt ermittelt worden ist, nebst Zugabe einer Sammlung urkundlich beglaubigter zusammengestellt. Von G.H.F. Nesselmann. Berlin: F. Dümmler, 1873.

Vasmer M. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. Изд. 2-е. Москва: Прогресс, 1986.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 100–141

JAŁOWIEC/KADYK W ŚWIETLE „ETYMOLOGII GLOBALNEJ"

KATARZYNA WOJAN

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Języków Wschodniosłowiańskich i Translatoryki
Pracownia Języka Fińskiego
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl
(nadesłano 30.10.2014; zaakceptowano 27.11.2014)

Abstract

Jałowiec/kadyk in the light of 'global etymology'

The article describes the etymology of the words *jałowiec/kadyk* in the aspect of global etymology. The description supports the thesis of a West-Finnish transfer of the word *kadyk* to Baltic, Germanic and Slavic languages. The Author presents different sources of these words, taking into consideration Slavic, Ugro-Finnish, Turkish and Altay lexis. She quotes a series of lexicosemantic analogies in various related and unrelated languages and dialects. She expresses her belief in the necessity of further research in the field of Nostratics.

Key words

Etymology, juniper, *jałowiec*, *kadyk*, comparative linguistics, Nostratic hypothesis.

Abstrakt

Artykuł opisuje pochodzenie słów *jałowiec/kadyk* w aspekcie etymologii globalnej. Jest potwierdzeniem tezy o zachodniofińskim transferze słowa *kadyk* do języków bałtyckich, germańskich i słowiańskich. Autorka prezentuje różne źródłosłowy tych nazw, uwzględniając leksykę słowiańską, ugrofińską, turkijską i ałtajską. Przytacza szereg

analogii leksykalno-semantycznych w różnych językach, zarówno w genetycznie spokrewnionych, jak i niespokrewnionych. Wyraża przekonanie o celowości prowadzenia szerszych badań w ramach nostratyki.

Słowa kluczowe

Etymologia, jałowiec, kadyk, komparatystyka językowa, hipoteza nostratyczna.

Kilka słów wprowadzenia

Niniejszy tekst powstał jako wynik językoznawczej refleksji nad lekturą artykułu poświęconego rozważaniom: *Kadyk, czym jest i na jakich obszarach jest?*[1] autorstwa znanej gdańskiej badaczki — Profesor Krystyny Szcześniak, od lat zajmującej się tak nazwami roślin, jak i samymi roślinami, obecnością ich w wierzeniach, zwyczajach oraz zamowach, a także lecznictwie ludowym. Uczona udowadnia tezę wywodzącą nazwę *kadyk* ‘jałowiec’ z języków fińskich regionu Balticum, co pozostaje w zgodzie z większością[2] zarówno wcześniejszych (m.in. Diefenbach[3], Setälä[4], Mikkola[5], Kalima[6], Vasmer[7]), jak i współcześnie lansowanych teorii (m.in. Bednarczuk[8], Andersen[9]). Dokonuje ona, co znaczące, przesunięcia samego momentu pożyczki z języków bałtyckofińskich z ich wczesnego okresu wspólnotowego (gdy tworzyły w odległej przeszłości swoiste kontinuum etnolektalne[10]) do wspólnoty bałtosłowiańskiej, skąd przedostały się do języków bałtyckich, północnych gwar polskich, w tym kaszubszczyny, oraz dolnoniemieckiego. Być może stamtąd zawędrowały także do chorwackiego (w

---

[1] Artykuł zamieszczony jest w niniejszym numerze „Studia Rossica Gedanensia”.

[2] Wiele też źródeł mówi o drodze odwrotnej transferu — z języków bałtyckich do ugrofińskich.

[3] L. Diefenbach. *Völkerkunde Osteuropas insbesondere der Haemoshalbinsel und der unteren Donaugebiete*. Zweiter Band. Darmstadt: Verlag von L. Brill, 1880, s. 225; 230.

[4] E.N. Setälä. *Fi. kataja ‘wachholder’*. [W:] *Beiträge zur finnisch-ugrischen Wortkunde*. Finnisch--ugrische Forschungen 9. Helsingfors, 1909, s. 126–128.

[5] J.J. Mikkola. *Paikannimien alalta III*. „Virittäjä” 1932, nr 36, Kotikielen Seura, Helsinki, s. 399–400.

[6] J.L. Kalima. *Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat*. Suomalaisen kirjallisuuden seuran tomituksia 202. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1936.

[7] М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Изд. 2. Москва: Прогресс, 1986–1987.

[8] L. Bednarczuk. *Zapożyczenia ugrofińskie w językach bałtosłowiańskich*. „Acta Baltico-Slavica” 1976, nr 9, s. 39–63; L. Bednarczuk. *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Kraków: Oficyna Wydawnicza Edukacja, 1999, s. 84; 91; 96.

[9] H. Andersen. *Slavic and the Indo-european migrations*. [W:] *Language contacts in prehistory. Studies in stratygraphy*. Ed. by. H. Andersen. Los Angeles: University of California, 2003.

[10] O tym K. Wojan. *Nowogrodzkie gramoty brzozowe jako najstarsze bałtyckofińskie zabytki językowe*, „Przegląd Rusycystyczny” 2013, nr 3 (143), s. 99–117. Por. J. Otrębski. *Gramatyka języka litewskiego.* T. 1: *Wiadomości wstępne, nauka o głoskach*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958, s. 70–71.

postaci *kadik*) i serbskiego (jako *клека*), pozostających w orbicie wpływów madziarskich (węg. ***gyalog****fenyö*[11] 'jałowiec'), oraz bułgarskiego (też w formie *клека*), na który nieprzerwanie oddziaływały języki turkijskie.

Etymologia słowa *kadyk* ma głębszy wymiar. Etymonów i jego pochodnych dopatrzeć się można w językach uralskich, a nawet w ałtajskich.

Ciekawej perspektywy badawczej dostarcza nostratyka — będąca wciąż jeszcze, niestety, kontrowersyjną, acz wielce obiecującą dziedziną lingwistyki. Współczesna metoda multilateralnej komparacji[12], zmierzająca do ustalenia *global etymologies*, pozwala przedstawić nie tylko poszczególne etapy modyfikacji formalno-semantycznej rdzenia/słowa i objaśnić przesunięcia semantyczne w obrębie danej jednostki, ale też dotrzeć do protoleksykonu, a być może nawet do (co na razie pozostaje w sferze marzeń wielu lingwistów-komparatystów) zrekonstruowania protojęzyka ludzkości (*Proto-Human language*) — intelektualnie i empirycznie odległego od nas bytu, nienamacalnego, istniejącego w abstrakcji.

Autorka niniejszego tekstu, dostrzegając pewne zbieżności formalne i semantyczne w szerszym aspekcie relacji międzyjęzykowych form leksykalnych *kadyk/jałowiec*, podejmuje próbę zebrania i usystematyzowania materiału nazewniczego, dostępnego w leksykonach, źródłosłownikach i najnowszej (obcojęzycznej) literaturze przedmiotu, który postanowiła przybliżyć polskiemu odbiorcy. Niniejszy artykuł jest jedynie przyczynkiem do rozważań, nie wnosi radykalnych ustaleń w kwestii etymologii. Jest głosem w sprawie zasadności prowadzenia badań porównawczych w ramach współczesnej nostratyki, a zatem w szerszej (globalnej) perspektywie.

O jałowcu i jego symbolice

Na początek kilka słów na temat omawianej rośliny, będącej ważnym symbolem w większości znanych nam kultur.

Jałowiec (*Juniperus*) — rodzaj drzew lub krzewów z rodziny cyprysowatych (*Cupressaceae*) — należy do najbardziej rozpowszechnionych, mało wymagających, przedstawicieli iglastych na kuli ziemskiej, zarówno w strefie klimatu umiarkowanego, subpolarnego, jak i w strefie międzyzwrotnikowej w partiach górskich[13]. Rośnie na

---

[11] Miano *gyalog fenyö* pojawia się w *Compendium historiae naturalis* autorstwa węgierskiego botanika, entomologa, zoologa i agronoma, profesora historii naturalnej — Lajosa (Ludwiga) Mitterpachera z 1799 roku (*Conscriptum a Ludovico Mitterpacher*. Budae: Sumptibus et Typis Typographiae Regiae Universitatis Pesthiensis, Anno 1799, s. 340–341).

[12] Zob. np. *The Tower of Babel. An International Etymological Database Project (Evolution of Human Language Project)*. Participants: The Russian State Univeristy of the Humanities (Center of Comparative Linguistics) — The Moscow Jewish University — The Russian Academy of Sciences (Dept. of History and Philology) — The Santa Fe Institute (New Mexico, USA) — The City University of Hong Kong — The Leiden University. [Online] <http://starling.rinet.ru/babel.php?lan=en> (1.10.2013).

[13] Na temat rośliny patrz Н.А. Михеева. *Морфолого-анатомические и кариологические особенности можжевельника обыкновенного (Juniperus communis L.) в гидроморфных и суходольных условиях произрастания*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. ВАК 03.00.05. Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН. Красноярск 2005. [Online] <http://www.dissercat.com/content/morfologo-anatomicheskie-i-kariologicheskie-osobennosti-mo

bardzo różnych siedliskach — od bagien, poprzez lasy, po murawy, odłogi i tereny skaliste. Jest jedynym drzewem iglastym Arktyki. Takson *Juniperus*, zadomowiony od ponad 50 milionów lat na półkuli północnej, zarówno w Eurazji, jak i Ameryce, posiada 70 gatunków i należy do roślin iście długowiecznych, dożywających nawet 3500 lat[14].

Ryc. 1. Szyszkojagody jałowca pospolitego (*Juniperus communis L.*).
Źródło: <http://www.taivaannaula.org/2012/08/puiden-juurilla/> (1.09.2014).

Jałowiec jest silnie zakorzeniony w kulturze wielu narodów[15]. Uchodzi za drzewo symboliczne, biblijne, magiczne, roślinę leczniczą, ze wszech miar użyteczną, jest emblematem życia. Pojawia się w *Biblii*[16] — w *Księdze Hioba*, w okolicznościach, gdy Hiob uskarża się na szyderstwa podłych ludzi:

> A teraz śmieją się ze mnie wiekiem ode mnie młodsi. Ich ojców umieścić nie chciałem z psami przy mojej trzodzie, bo cóż mi po pracy ich rąk, gdy siły ich opuściły, wynędzniali z biedy i głodu? Zrywają rośliny pustyni, ziemi od dawna jałowej. Żywią się malwą i liśćmi krzewów.

---

zhzhevelnika-obyknovennogo-juniper> (20.10.2014).

[14] Н. Константинова. *Заморское чудо. Можжевельники в ландшафтном дизайне*. Konstanta Park, 2010. [Online] <http://konstanta-park.ru/stati/landshaftnyi-dizain/zamorskoe-chudo-mozhzhevelniki-v-landshaftnom-dizaine> (1.10.2014). Zob. też Z. Sztabert. *Juniperus*. [Online] <http://wojciech2004.republika.pl/juniperus_jalowiec_gatunki.htm> (1.10.2014).

[15] Na ten temat pisze m.in. Izabela B. Błaziak w artykule pt. *Jałowiec (Juniperus communis) w ujęciu kulturowym*. [W:] *Kontakty językowe i kulturowe w Europie. Sprach- und Kulturkontake in Europa*. Red. A. Kątny. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006, s. 119–128.

[16] Za M. Ciaciura, M. Umiastowska. *Rośliny biblijne ogrodu dendrologicznego w Przelewicach*. „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Acta Biologica” 2006, 13 (449), s. 72. Zob. też J. Pick *W świecie Biblii — flora*. Pelplin: Bernardinum, 1998.

> Chlebem ich korzeń jałowca [pokreśl. — K.W.]. (...) A teraz jestem przedmiotem ich fraszek i tematem wesołych ich pieśni, brzydzą się, omijają z dala, nie wstydzą się pluć mi we twarz...
> (Hb 30, 1–10)17

Na Rusi z aromatycznego i niepodatnego na gnicie drewna jałowca wyrabiano krzyżyki i rozmaite przedmioty powszechnego użytku, w tym kije karbowane (ros. *birka* od szw. *björk* 'brzoza'), niezwykle ważne dla rozwoju kultury piśmienniczej[18]. W wielu cywilizacjach jałowiec stanowił symbol życia wiecznego i zwycięstwa nad śmiercią. Zdobiono nim ikony podczas świąt religijnych, a jego drewna używano do kultowych pochówków. Był szeroko wykorzystywany w medycynie ludowej (m.in. z uwagi na zawartość fitoncydów o właściwościach antybiotycznych). W *De materia medica* autorstwa greckiego botanika, medyka i farmakologa działającego w Rzymie w czasach Nerona — Pedianiosa Dioskuridesa (ca 40 — ca 90), w księdze będącej pierwszą encyklopedią medyczną i prekursorem farmakopei, napisanej w latach 50–70, zawarta jest informacja o szyszkojagodach jałowca pospolitego (*Juniperus communis L.*), używanych w charakterze środka antykoncepcyjnego[19]. W średniowieczu jałowiec pospolity uważany był za lek uniwersalny. Święta Hildegarda z Bingen (1098–1179)[20], frankońska uczona, mistyczka i uzdrowicielka — zwana „Sybillą znad Renu", zalecała go w chorobach płuc, wątroby i nerek.

W Holandii i Flandrii tradycyjnym napojem alkoholowym, stosowanym w medycynie od XVI wieku, był gin o gęstej konsystencji, produkowany z melasy z dodatkiem szyszkojagód jałowca pospolitego, o nazwie *Jenever* (*Geniewre*, z franc. *genièvre*). Z kolei na Słowacji od XVI wieku spożywa się tradycyjny regionalny napój alkoholowy, zawierający jagody jałowca, macerowany z dodatkiem ziół leśnych lub górskich („wódka lasu"), nazywany po słowacku i czesku *borovička*, po czesku także *jalovcová*, po węgiersku — *borovicska* (por. też *borókapálinka*[21]), po słoweńsku — *brinjevec*, po serbsku — *klekovača*, po polsku — *jałowcówka*. W nieodległych od nas krajach bałtyckofińskich jagody jałowca, a także jego gałązki, są odwiecznie cenionym dodatkiem nadającym wyrobom piwnym swoisty aromat. Od IX wieku w Finlandii popularne jest dojrzewające, niskoalkoholowe, tradycyjnie warzone, gęste piwo o nazwie *sahti* nalewane chochlą, zawierające w swym składzie gałązki i szyszkojagody jałowca; jednym z jego ergonimów jest *savukataja* 'jałowiec dymny'. Również w wielu regionach

---

[17] *Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu* (1980), w przekładzie z języków oryginalnych, oprac. zespół biblistów polskich z inicjatywy Benedyktynów Tynieckich, Biblia Tysiąclecia, wyd. 3 popr., Pallotinum, Poznań – Warszawa.

[18] Zob. K. Wojan. *Zrozumieć język fiński*. „Speculum Linguisticum". Vol. II. Red. tomu M.A. Iwanowski. Warszawa: Bel Studio, 2014, s. 207–208; M. Kuckenburg. *Pierwsze słowo*. Przeł. B. Nowacki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2006, s. 106–108.

[19] J.M. Riddle. *Contraception and abortion from the ancient world to the Renaissance*. London: Harvard University Press, 1992, s. 31.

[20] Zob. K. Wojan. *Języki sztuczne — zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek?* [W:] *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów*. Red. nauk. K. Wojan, Ż. Sładkiewicz, A. Hau. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego (w druku).

[21] Zob. *Compendium historiae naturalis*. Conscriptum a Ludovico Mitterpacher. Budae: Sumptibus et Typis Typographiae Regiae Universitatis Pesthiensis, Anno 1799, s. 340–341.

Słowiańszczyzny[22], w tym na naszych rdzennych terenach, upajano się *kadykowym/jałowcowym psiwem*, zwanym też *kozicowym* (*kozice* oznaczają 'młode pędy jałowca'). W Szwecji zaś z owoców jałowca robiono aromatyczną kawę[23].

Jałowiec jest ważnym (i wielokrotnie wymienianym) drzewem w *Kalevali*, w poemacie znaczącym dla kształtowania się tożsamości narodowej Finów i Karelów[24].

W tradycji ustnej Ingrów istnieje piękna i poruszająca legenda o jałowcu porastającym wzgórze nieopodal wioski i otaczanym czcią przez jej mieszkańców. Wskutek złych języków został on zrównany z ziemią przez niegodziwego wikariusza. Dla starego pokolenia jałowiec jest drzewem znaczącym, dającym siłę większą niż jakiekolwiek inne[25].

Według wierzeń ludowych drzewo jałowcowe jest wyjątkowe i postrzega się je wyłącznie jako „dobre" i zapewniające ludziom bezpieczeństwo. Wiązane jest ono z ogniem i smołą — złe duchy miał odstraszać aromatyczny dym kadzonego jałowca oraz dym z dziegciu (być może od tego właśnie wywodzi się rozpowszechnione w Słowiańszczyźnie słowo *kadzić/czadzić*). Miękką, aromatyczną żywicę jałowca pospolitego, a także niektórych gatunków cyprysów, określa się umiędzynarodowionym mianem *sandarak* (z arabskiego *sandarūs*[26]). W dawnej polszczyźnie posługiwano się wymiennie nazwami: *żywica jałowcowa* i *sandraka niemiecka*[27].

Finowie, nasi bezpośredni sąsiedzi zza Bałtyku, określają siebie samych jako „jałowcowy naród" (fiń. *katajakansa*, *katajainen kansa*). Ta metafora należy do fińskiego pisarza i dziennikarza, czołowego reprezentanta patriotycznego nurtu realistycznego i naturalistycznego w literaturze Finlandii — Juhaniego Aho (1861–1921), którego utwór *Katajainen kansani*[28] [Mój jałowcowy naród — tłum. KW] ukazał się w latach 1899–1900, w okresie wzmożonej rusyfikacji. Jałowiec miał symbolizować wytrzymałość Finów (czyli fińskie *sisu*). Przytoczmy wymowny urywek tej znaczącej noweli (przekład własny — KW):

> Potrafimy ze spokojem wsłuchać się w szum niebiańskiego wiatru niczym jałowiec na kamienistym pagórze. Grom z jasnego nieba rozdziera znienacka świerk na puszczy, lecz w jałowcowy zagajnik bezsilnie uderza. Ponad nim przemykają rycerze, zaś armaty usiłują

---

22 K. Moszyński. *Kultura ludowa Słowian*. T. 1: *Kultura materialna*. Wyd. 2 powojenne. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967, s. 33–34.

23 M. Szubert. *Opisanie drzew i krzewów leśnych Królestwa Polskiego*. Warszawa: s.n., 1827, s. 355–356.

24 *Kalevala*. Z fińskiego przełożył i komentarzem opatrzył J. Litwiniuk. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1998.

25 H. Relve. *Puiden juurilla. Puut ja pensaat luonnossa ja kansanperinteessä*. Jyväskylä: Atena, 1997.

26 Słowo *sandarūs* pojawiło się w znaczeniu 'żywicy' w średniowiecznym piśmiennictwie uczonych arabskich — Awicenny (Ibn Sina, 980–1037) i Ibn al-Baitara (1197–1248), skąd w XVI wieku przeniknęło do języków kręgu współczesnej cywilizacji europejskiej. Zob. *AlWaraq.net*. [Online] <http://www.alwaraq.net/Core/SearchServlet/searchall?book=-1&option=1&offset=1&searchtext=2LPZhtiv2LHZiNiz&WordForm=1&RangeOp=-1> (1.10.2014).

27 I.R. Czerwiakowski. *Botanika lekarska do wykładów oraz dla użytku lekarzów i aptekarzów skreślona*. Kraków: Nakładem autora, druk. Uniwersytetu, 1861, s. 71.

28 J. Aho. *Katajainen kansani. Ja muita uusia ja vanhoja lastuja vuosilta 1891 ja 1899*. Helsinki: WSOY, 1899. [Online] Project Gutenberg eBooks of *Katajainen Kansani* by Juhani Aho. <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13768/pg13768.html> (18.10.2014).

skłonić go ku ziemi. Lecz jałowiec nie upada. Nie powstaje krwawiąca rana, nie trzaska kość. Kiedy już wrzawa przeminie, wyciąga drzewko swój krótki, rozłożysty pień i skrzypi gałąź do gałęzi: — Rośnijże mi dotąd, ja taka urosnę. — I zanim się obejrzysz, będzie przez stopy i koła wycięta bruzda w poszyciu. A kiedy jeździec nazajutrz wyruszy w poszukiwaniu wczorajszych śladów, już ich nie znajdzie. Droga obrośnie, a jałowcowy młodnik będzie jak nietknięty.

(Juhani Aho, *Katajainen kansani*)

W kwestii internacjonalnego terminu *Juniperus*

Łacińska nazwa rodzajowa *Juniperus* występuje już u Pliniusza i Wergiliusza. Jedna z upowszechnionych w lingwistyce wersji przypisuje jej źródłosłów **joini-parus* 'dostarczający gałęzi do wyplatania'[29] lub 'dostarczający jagód jałowca' (**yoi-ni* 'jagoda jałowca')[30]; stanowi element połączenia **pau-paros*[31] bądź też **wwo-paros*[32]. Niewykluczone też, że pierwsza część kompozytu związana jest z rodzajem *Juncus* 'sit', *iunco* 'trzcina'[33]. Julius Pokorny w swym (użytecznym do dziś) dziele *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*[34] hasłuje rdzeń *i̯oi-ni-* przydając mu znaczenie 'sitowie' i ilustrując następującym materiałem leksykalnym:

(...) Lat. *iuncus* 'Binse' (**i̯oini-ko-s*) gehört zu mir. *aín* ‚Binse' (**i̯oini-*), Gen. *aíne*; über lat. *iūniperus* `Wacholderstrauch'; (...) aisl. *einir*, schwed. *en* 'Wacholder', ndd. *ēn(e)ke* ds. falls aus **jainia-*, wodurch der Bedeutungswechsel Binse : Wacholder (s. oben) als alt gesichert würde. Doch ist dann bei mnd. *eynholz* und nhd. *Einbeerbaum* (aus aisl. *einiber* ‚Wacholderbeere') Einfluß von *ein* ‚ein' anzunehmen.

Inna hipoteza zakłada pochodzenie celtyckie — *jeneprus* 'szorstki, drażliwy, kłujący'[35]. Współcześnie dostrzega się wspólność pól semantycznych obu nazw, przejawiając się w cesze: 'igłowy, kłujący', opisującej typ liści rośliny[36].

---

[29] Hasło **moždževelь*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 20: **morzatъiь *mъrsknǫti*. Ред. О.Н. Трубачев. Российская академия наук. Институт русского языка. Москва: Наука, 1994, s. 107–109. [Online] <http://etymolog.ruslang.ru/doc/essja20.pdf> (1.10.2014).

[30] Hasło **per-1*. [W:] *The American Heritage ® Dictionary od Indo-European Roots*. Rev. and ed. by C. Watkins. 2nd edition. Boston – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2000. [Online] <http://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-p.htm> (1.10.2014).

[31] Tamże.

[32] Tamże.

[33] Hasło *Juniper*. [W:] D. Harper. *Online Etymology Dictionary*. Programming by D.C. Buglione. Sponsored Words. 2001–2014. [Online] <http://www.etymonline.com/index.php?term=juniper> (31.10.2014).

[34] J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* 2 Bände. Bern und München: Francke Verlag, 1958.

[35] Zob. Г.Н. Чимитдоржиева. *Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)*. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2012, s. 112; J. Townsend Mackay M.R.I.A. *Flora hibernica*. Dublin: William Curry Jun and Company, 1892, s. 259.

[36] Zob. Г.Н. Чимитдоржиева. *Исторические связи бурятского и эвенкийского....*, s. 112.

Z kolei Owidiusz w sposób „obrazowy" wywodził pochodzenie *Juniperus* od jałowca sabińskiego (sawiny) (łac. *Juniperus sabina*), wykorzystywanego jako środek poronny (łac. *iuvenis* 'młoda kobieta', *parere* 'rodzić')[37].

W *Biblii* nazwa *Juniper* interpretowana jest jako hebrajskie słowo *rethem*, oznaczające pustynny 'krzew o białych kwiatach', którego drewna użyto do budowy świątyni Salomona[38]. Nie wykazuje ono tam jednak żadnego powiązania z wiecznie zielonym drzewem/krzewem europejskim.

Nomenklatura naukowa *Juniperus* została wprowadzona do obiegu literaturowego przez uppsalskiego przyrodnika — Karola Linneusza w 1753 roku w dziele *Species Plantarum*[39].

Pierwsze użycie dwuczłonowej nazwy *Juniperus communis* w polskim piśmiennictwie botanicznym, określającym roślinę jako gatunek, miało miejsce w pracy z roku 1841 o tytule: *Gromady przyrodzone królestwa roślinnego* podług układu francuskiego botanika, dyrektora paryskiego ogrodu botanicznego — Antoniego Wawrzyńca (Antoina Laurenta) de Jussieu'a w wydaniu Szymona Pisulewskiego[40]; nazwa zwyczajowa gatunku w funkcji hiperonimicznej została odniesiona do rodzaju *Juniperus*[41]. Wcześniej gatunek ten był opisywany jako *Juniperus baccifera*, *J. minor*, *J. montana*, *J. vulgaris*, *J. foliis sessilibus* w drugim tomie dzieła przyrodnika, księdza Krzysztofa Kluka[42] — *Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe, dzikie, pożyteczne albo szkodliwe...* z 1787 roku.

Podstawa łacińska odzwierciedliła się w nazwach określających rodzaj *Juniperus* w większości języków i etnolektów europejskich[43], m.in. we włoskim *ginepro*, hiszpańskim *enebro* (daw. *ginebro*), katalońskim *ginebre*, prowansalskim *genèbre*, francuskim *genévrier*, *genièvre*, rumuńskim *ienupăr*, galicyjskim *zimbro*, baskijskim *ipar-ipurua*, *ipar-orrea*, w portugalskim krzew ten jest powszechnie określany jako *cedro*, *genebreiro*, *junípero*, *junípero-comum*, *zimbrão*, *zimbro*, *zimbro-anão*, *zimbro-comum*, *zimbro-rasteiro*, *zimbro-vulgar*; w piemonckim *zenèiver*, *genèiver*, niderlandzkim *jene-*

---

[37] Dociekania etymologiczne (przegląd stanowisk starożytnych, średniowiecznych uczonych etc.), dotyczące nazwy rodzajowej *Juniperus* zawarte są w artykule M. Vogtherr. *Juniperus*. [Online] <http://www.volkoomen.nl/I,%20J,%20K/Juniperus.htm> (31.10.2014). Zob. też M. Rejewski. *Pochodzenie łacińskich nazw roślin polskich*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1996, s. 91.

[38] Hasło *Juniper*. [W:] D. Harper. *Online Etymology Dictionary...*

[39] Caroli Linnaei. *Species Plantarum*. Holmiae: Impensis Laurentii Salvii, 1753.

[40] *Gromady przyrodzone królestwa roślinnego*. Podług układu Ant. Wawrz. de Jussieu wyd. przez S. Pisulewskiego. Warszawa: W Drukarni Juljana Kaczanowskiego, 1841, s. 261; 263. [Online] <http://reader.digitale-sammlungen.de/en/fs1/object/display/bsb10304294_00265.html> (31.10.2014).

[41] E. Majewski. *Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych...*, s. 415.

[42] K. Kluk. *Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe, dzikie, pożyteczne albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeriach utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, które by w kraju pożyteczne być mogły albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby etc., albo które jakową nadzwyczajność w sobie mają: ich zdatności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczół etc. utrzymywanie, z poprzedzającym wykładem słów botanicznych i kilkorakim na końcu regestrem*. T. II. Warszawa: Drukarnia Xięży Piiarów, 1787, s. 66–67.

[43] Ekwiwalenty przekładowe zaczerpnięte zostały z dostępnych, popularnych słowników dwujęzycznych.

verbes, szwedzkim *en*, duńskim *ene*[*bær*], islandzkim *einir*[44], *einer*[45], norweskim *eine*, *einer*. Odcisnęła ślad także w językach pozaeuropejskich, na przykład w hebrajskim רפינו'ג[wym. *juniper*], gudżarati જુનિપર [wym. *yunipara*], hindi जुनिपर [wym. *junipara*], jawajskim *jintan saru* etc. W etnolekcie walońskim spotyka się natomiast nazwy: *franc pectî*, *djneuve*, *peton*, z czego jedna zdaje się mieć źródłosłów łaciński. W języku angielskim utrwaliła się nazwa *juniper*, będąca pożyczką francuską, zaś nazwa staroangielska — co ciekawe — ma postać kompozytu: *cwicbēam* 'drzewo życia'[46]. *Dictionary of Old English Plant Name* przy haśle *cwicbēam-rind* wylicza znaczenia: 1) kora jarzęba pospolitego (jarzębiny) (*Sorbi aucupariae cortex*), 2) kora wiązu górskiego (*Ulmi glabrae cortex*), 3) ? kora krzewu jałowca pospolitego (*Juniperi cortex*)[47]. Nie wszystkie języki z kręgu europejskiego adaptowały postać słowną *Juniper*. W części współczesnych etnolektów utrwaliły się własne nazwy zwyczajowe, np. w niemieckim *Wacholder* (od starogermań. *wachal* 'przebudzenie' i *tar* 'drzewo'[48]), a dla *Juniperus communis* — *Machandel*, *Kranawitt*, bawarskim *Kranawitt*, *Kranawittn*, farerskim *baraldur*.

Nowogrecka nazwa zwyczajowa jałowca to *άρκευθος*, jednak w użyciu są jeszcze dwie inne, a mianowicie: *γιουνίπερος* i *κέδρος*, zaś w odmianie cypryjskiej funkcjonuje termin *αόρατος*.

W charakterze uzupełnienia można jeszcze dodać, iż nazwa naukowa glikozydu *juniperyna*, występującego w jałowcu, należy niewątpliwie do kategorii zapożyczeń sztucznych o rdzeniu łacińskim.

Rekonstruowana etymologia nostratycka nazwy *Juniperus* na obecnym etapie dociekań komparatystycznych przedstawiana jest następująco[49]:

Eurazjatycka: **ńajŋV*
Znaczenie: 'drzewo iglaste'
Indoeuropejska: **i̯oi̯ni̯ā* 'jałowiec'[50]
Ałtajska: **ŋi̯ā̀ŋe* 'jodła'
Uralska: **näŋV* 'modrzew; Larix sibirica'[51]

---

[44] Wyraz *einir* jako przymiotnik oznacza 'samotny', jako liczebnik zaś znaczy 'jeden'.

[45] Synonimicznymi leksemami są *brake* i *brisk*. Zob. *ISLEX. Ordboka*. Árni Magnússon-instituttet for islandske studier. Reykjavík. [Online] <http://islex.lexis.hi.is/islex/no?ord=9577&dict=NO&samleit=einir&nlo=1&nlj=1&fuzz=1&mal=NO> (1.10.2014).

[46] Jałowiec jest drzewem wiecznie zielonym, stąd być może wynikają takie konotacje. Por. nazwę drzewa (także z rodziny cyprysowatych) **żywotnik** (tuja, biota, *Thuja L.*), będącą kalką jako 'drzewo życia' (z łac. *arbovitae*) w licznych językach europejskich: niem. *Lebensbaum*, niderl. *levensboom*, portug. *árvore-da-vida*, ros. *жизненное дерево*, est. *elupuu*, łuż. *dušan* itd.

[47] Hasło *Cwicbēam-rind*. [W:] *Dictionary of Old English Plant Name*. Ed. by P. Biermaumer, H. Klug, H. Sauer, U. Krischke. University of Graz (Austria) — University of Munich. [Online] <http://oldenglish-plantnames.org/about/latest_entries/875-cwicb-am-rind?page=91> (1.10.2014).

[48] F. Hageneder. *Magia drzew*. Przeł. M. Czekański, Warszawa: Świat Książki, 2006, s. 118.

[49] Etymologie wyekscerpowano z bazy: *The Tower of Babel. An International Etymological Database Project...* [Online] <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?single=1&basename=%2Fdata%2Fnostr%2Fnostret&text_number=1100&root=config> (1.10.2014).

[50] J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch...* Bd. 1, s. 208.

[51] K. Rédei et al. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Bd. 1: *Uralische und finnisch-ugrische Schicht*. Lieferung 3. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986, s. 302.

Drawidyjska: ? **van-i* ‘rodzaj drzewa iglastego’[52]
Komentarz: zob.[53] **ńAyŋ[i]* ‘drzewo iglaste’.

Poniżej przytoczone zostały rekonstruowane przez komparatystów nostratyków protoformy[54]: protoindouropejska (**yoin-*), protogermańska (**jainia-z*, **jain=*), protoałtajska (**ŋi̯ä̀ŋe*), prototungusko-mandżurska (**ŋiāŋ-ta*), protojapońska (**mə̀mì (~-ua-)*), protouralska (**näŋV*) oraz protodrawidyjska (**van-i*).

Protoindoeuropejska[55]**:** **yoin-*
Znaczenie: ‚jałowiec’
Germańska: **jain-ia-* m., **jain=*
Łaciński: *iūniperus*, gen. *-ī* f. ‘krzew jałowca’

Protogermańska: **jainia-z*, **jain=*
Znaczenie: ‘jałowiec (*Juniperus*)’
Staronordyjski: *eini-r* m. ‘jałowiec, Juniperus’
Norweski: *eone(r)*
Szwedzki: *ēn*
Duński: *ene(-ber)*
Średnio-dolno-niemiecki: *eyne-beren-holt*
Dolnoniemiecki: *ēn-bere*, *ēn(e)ke*; *ein-beren-bōm*, *eyn-holt*
Staro-wysoko-niemiecki: { *einbere* ‘Paris quadrifolia’ }
Średnio-wysoko-niemiecki: { *einbere* ‘Paris quadrifolia’ }

Protoałtajska: **ŋi̯ä̀ŋe*
Znaczenie: ‘jodła’
Tungusko-mandżurska: **ŋiāŋ-ta*
Japoński: **mə̀mì (~-ua-)*
Komentarz: Izoglosa tungusko-japońska[56]

Prototungusko-mandżurska: **ŋiāŋ-ta*
Znaczenie: ‚jodła’
Ewenkijski: *ŋāŋte*
Eweński (lamucki): *ŋāŋtɵ*
Negidalski: *ŋāŋta*
Literacki mandżurski: *wantaχa*
Ulczski: *waŋta*

---

52 T. Burrow, M. B. Emeneau. *A Dravidian etymological dictionary.* 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1984.

53 A. Dolgopolski. *Nostratic Dictionary*. *Long-range etymologies*. Unpublished, s. 606. [Online] <http://starling.rinet.ru/descrip.php?lan=en#bases> (1.10.2014).

54 Tamże.

55 J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*... T. 1. s. 208.

56 С.А. Старостин. *Алтайская проблема и происхождение японского языка*. Москва: Наука, 1991, s. 81.

Orok (uilta): *waŋta / waŋiṭa*
Nanajski (goldyjski): *waŋta*, dial. *ŋaŋta*
Udehejski: *ŋaŋta*
Komentarz: Języki południowe ujawniają tu *w*-refleks, typowy dla **ŋ-* przed dyftongiem i samogłoską tylną, zatem *-ā-* w podgrupie północnej musi być sekundarne (prawdopodobnie ślad tego pozostał w dialekcie tompońskim języka eweńskiego, w którym odnotowuje się formę *ńaŋta*)[57].

Protojapońska: **mə̀mì (~-ua-)*
Znaczenie: 'jodła'
Średniojapoński: *mòmì*
Tokyo: *mómi*
Kyoto: *mómí*
Kagoshima: *momí*
Komentarz: Rekonstrukcje akcentu są niepewne[58]: odmiana Kyoto i Kagoshima wykazują nienormalnie wysoki ton i dwa akcenty (*mòmì* i *mómì* są poświadczone w słowniku Ikuko hen Mochizuki[59]).

Protouralska: **näŋV*
Znaczenie 'modrzew'
Komi (zyriański): *ńia* (Ud. I), *nia-pu* (S), *ńeja-pu* (Lu.) 'modrzew; Larix sibirica'
Chantyjski (ostiacki): *näŋk* (V), *naŋk* (DN O) 'modrzew' (> Mansi So. LO *nāŋk*)
Mansyjski (wogulski): *ńik* (KM P), *ńiχjiw* (KU) 'modrzew'

Protodrawidyjski: **van-i*
Znaczenie: 'rodzaj drzewa iglastego'
Protopołudniowodrawidyjski: **van-i*
Prototelugu: **van-i*

Skąd się wzięło słowo *jałowiec*?

Na terenie Słowiańszczyzny daje się zauważyć brak homogenicznej nomenklatury dotyczącej jałowca. Zdaniem niektórych spośród slawistów miałoby to wynikać z faktu, iż Prasłowianie byli mało zainteresowani drzewem, nieprzedstawiającym większej wartości budulcowej[60]. Należy tu przypomnieć, iż pradawne ludy, zarówno słowiańskie, jak i niesłowiańskie, często nie rozróżniały poszczególnych gatunków drzew, co znalazło przejaw m.in. w użyciu nazw o charakterze hiperonimicznym w stosunku do

---

57 В. Цинциус и др. *Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Т. 1. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1975, s. 657–658.
58 S.E. Martin. *The Japanese Language Through Time*. New Haven — London: Yale University Press 1987, s. 484.
59 Ikuko hen Mochizuki. *Ruiju myōgi shō, yonshu shōtentsuki wakun shūsei* [類聚名義抄四種声点付和訓集成]. Tōkyō Kasama Shoin Shōwa 49. Tōkyō 1974.
60 Za W. Budziszewska. *Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej*. Wrocław: Ossolineum, 1965.

odrębnych zbiorów nomenklaturowych. Starożytni Grecy i Rzymianie nazywali cedry i jałowce tym samym słowem (grec. *κέδρος*, łac. *cedrus*). W handlu prowadzonym ze Starym Światem *drewnem cedrowym* określano wonne, żywiczne drewno zarówno cedru i jałowca, jak i cisa (podobieństwo słojów i czerwonobrunatnego zabarwienia)[61].

Prasłowiańska praforma **alovьcь / *jalovьcь* w odpowiednio zaadaptowanej postaci ma swoje kontynuanty we wszystkich słowiańskich systemach lingwalnych, zarówno w językach ogólnonarodowych, jak i w regionalnych etnolektach, m.in.:

- w grupie wschodniosłowiańskiej: w rosyjskim *яловец*, ros. reg. *еленец* (Dal[62]), *яленец* (Vasmer[63]), białoruskim *ядловец*, *еленец*, *ядленец*, *яленец*, ukraińskim *ялівець*, *яловець*, ukr. reg. *ялинець*, *ялувець*;
- w grupie zachodniosłowiańskiej: w polskim *jałowiec*, pol. gwar. *jadłowiec*, *jodłowiec* (od *jodła* ‘sosna; świerk’), *jałowz*, *jałowe*, *jiglena* i in., górnołużyckim *jałorc*, przest. *jalorc*, *jawolc*, dolnołużyckim *jałowc*, *jałowjeńc*, *jałońc*, przest. *jaloycz*, czeskim *jalovec*, *jalovčinky*, *galowec* (Linde)[64], słowackim gwar. *jalovec*, także w zn. ‘cierń’;
- w grupie południowosłowiańskiej: w słoweńskim *jálovəc* ‘pnącze winorośli’, dolnoserbskim *jałowjeńc*, bułgarskim reg. *яловник*.

W polszczyźnie funkcjonuje wiele ekwiwalentów regionalnych i ludowych nazwy zwyczajowej *jałowiec*, a mianowicie: *kadyk / kadek* (ze szwą[65]) i *kadykowe jagody* (w etnolekcie kaszubskim i gwarach: mazurskiej oraz warmińskiej)[66], *jiglena*, *jałowc* i *jałowz* (w kaszubskim), *brzewik* (na Pomorzu), *jadłowiec* (dialekty wileńskie)[67]. Inne nazwy używane w Polsce to *brewik*, *cedr*, *cupok*, *jagłowiec*, *jedłowiec*, *jelowiec*, *jałosz*, *jałycie*, *jiglena*, *jiglina*, *jałowić*, *jodłowiec*[68], *jaglinka*, *jałowec*, *jałowieć*, *jałówc*, *jałówiec*, *jeglena*, *jeglin*, *jiglinka*, *jodłowiec*, *kadykowe drzewo* itd.[69]. W dokumentach piśmienni-

---

[61] F. Hageneder. *Magia drzew...*

[62] В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1. Изд. испр. С-Петербург — Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа 1880. Zob. [Online] <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc2p/233318> (18.10.2014).

[63] М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 2. Изд. 2. Москва: Прогресс, 1986, s. 14.

[64] S.B. Linde. *Słownik języka polskiego*. T. 1. Cz. 2: *G–L*. Warszawa: u autora, 1807, s. 198. [Online] <http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=54870> (1.10.2014).

[65] Za K. Szcześniak. *Kadyk, czym jest...*

[66] Zob. E. Majewski. *Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich*. Warszawa: nakładem autora, 1894, s. 415.

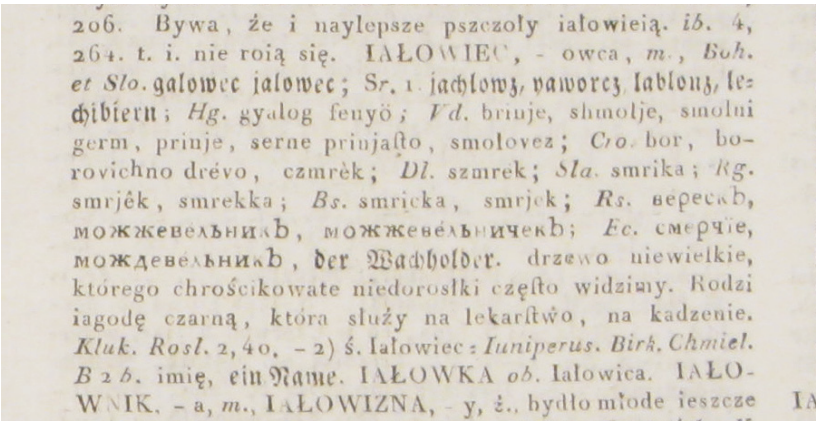
[67] Tamże.

[68] Nazwy powyższego ciągu synonimicznego od *cedr* po *jodłowiec* wymieniane są w pracach: L. Antkowiak. *Rośliny lecznicze*. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej im. Augusta Cieszkowskiego w Poznaniu, 1998, s. 116; A. Paluch. *Świat roślin w tradycyjnych praktykach leczniczych wsi polskiej*. Acta Universitatis Wratislaviensis, 752. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984, s. 60–61. Dodatkowo wyliczenie uzupełniono o formacje: *brewik*, *cupok*, *jałosz*, umieszczone w wykazie zawartym na stronie *Fotografie roślin. Photographs of plants*. [W:] *Galeria Buki / Beech Gallery*. [Online] <http://www.fitofoto.eu/> (5.11.2014).

[69] *Jałowiec pospolity*. [W:] *ForumKwiatowe.pl. Portal polskich florystów*. Zespół pracowników Uniwersytetu Rzeszowskiego w ramach projektu „Traditional and wild” realizowanego przez Stowarzyszenie Pro Carpathia w Rzeszowie, współfinansowanego ze środków EFRR. [Online] <http://www.forumkwiatowe.pl/jalowiec-pospolity/> (20.10.2014). Por. też pracę prof. K. Szcześniak.

czych polskich, począwszy od XVI wieku, przeważa nazwa *jałowiec*; przeszła ona do uzusu ogólnopolskiego. Jednakże mniej „swojska" forma *kadyk* również bywa spotykana w piśmiennictwie; jej wystąpienie odnotowuje m.in. „Pamiętnik Fizjograficzny" (t. V) z roku 1885.

Samuel Bogumił Linde w swym dziele *Słownik języka polskiego* (Warszawa 1807) wylicza szereg międzyjęzykowych odpowiedników dla słowa *jałowiec* (ryc. 2).


206. Bywa, że i naylepsze pszczoły iałowieią. *ib.* 4, 264. t. i. nie roią się. IAŁOWIEC, - owca, *m.*, *Boh. et Slo.* galowec jalowec; *Sr.* i jachlowz, vaworcz, Iablonz, lechibiern; *Hg.* gyalog fenyö; *Vd.* brinje, shmotje, smolni germ, prinje, serne prinjasto, smolovez; *Cro.* bor, borovichno drévo, czmrèk; *Dl.* szmrek; *Sla.* smrika; *Rg.* smrjêk, smrekka; *Bs.* smricka, smrjek; *Rs.* вересъ, можжевельникъ, можжевельничекъ; *Ec.* смерчіе, мождевельникъ, der Wachholder. drzewo niewielkie, którego chrościkowate niedorosłki często widzimy. Rodzi iagodę czarną, która służy na lekarstwo, na kadzenie. *Kluk. Rosl.* 2, 40. – 2) ś. Iałowiec: *Iuniperus. Birk. Chmiel. B 2 b.* imię, ein Name. IAŁOWKA *ob.* Iałowica. IAŁOWNIK, - a, *m.*, IAŁOWIZNA, - y, *ż.*, bydło młode ieszcze IA

Ryc. 2. Artykuł hasłowy *IAŁOWIEC* w *Słowniku języka polskiego* S.B. Lindego.
T. 1. Cz. 2: *G–L*. Warszawa 1807, s. 198.
Źródło: <http://www.pbi.edu.pl/book_reader.php?p=54870> (1.10.2014).

W ogólnym leksykonie języka bułgarskiego nie przytoczono żadnej modyfikacji ogólnosłowiańskiej formy **(j)alovьcь*. W bułgarszczyźnie jałowiec określa się słowem *хвойна*, zatem w nazwie tej zakodowana została *choina*, biorąca swój rodowód z prasłowiańszczyźny, a mianowicie z **xvoja* od i.e. **sku(o)i-eh*$_2$, mającego słowną reprezentację w litewskim i łotewskim w postaci *skuja* 'sosnowa igła'. Istnieją oczywiście także liczne synonimy ludowe i regionalne: *андръч*, *ардъч* (por. turecki *ardıç*)[70], *боровица* (por. pol. *bór*), *елховник*, *клека*, *кацарка*, *овина*, *свина*, *сеховник*, *смрика*, *смърч*, *увина*, *фунда*, *хвоя*, ***яловник***[71]. Jak widać, alfabetyczny ciąg przytoczonych określeń synonimicznych słowa *хвойна* zamyka — posiadający piętno słowiańszczyzny — *яловник*. Pojawia się również „swojski", znajomo brzmiący *елховник*.

Warto też zwrócić uwagę na słowo *ігліца* występujące w gwarze grodzieńskiej języka białoruskiego i oznaczające 'igłę (szpilkę)'. Z kolei podobnie brzmiące rosyjskie *иглица* desygnuje 'myszopłoch, ruszczyk' (*Ruscus*), z rodzaju szparagowatych; na obszarze Słowiańszczyzny występuje jego reprezentant — myszopłoch kolczasty (*Ruscus aculeatus*), ros. *иглица колючая*, posiadający czerwone jagody.

---

[70] Na temat etymologii turkijskiej wyrazu *ardıç* zob. szerzej w pracy: Г.Н. Чимитдоржиева. *Исторические связи бурятского и эвенкийского...*, s. 112.

[71] *Хвойна синя — Juniperus Communis*. L. [W:] *Енциклопедия на билките*. [Online] <http://www.bilkitebg.eu/%D1%85%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B0-%D1%81%D0%B8%D0%B-D%D1%8F-juniperus-communis-l/> (20.10.2014). Zob. też *Хвойна (боровица, клека, кацарка, овина, фунда, яловник)*. [W:] *Zdrav.slovno.com*. [Online] <http://www.zdravoslovno.com/juniper/> (20.10.2014).

W języku czeskim igła (szpilka) drzewa nosi zaś nazwę *jehlice*.

Występujące z kolei w języku rosyjskim słowo *яловник* odnosi się nie do jałowca, lecz do ...ruty (*Ruta graveolens*); termin ten chociażby rejestruje słownik Dala. Ruta jest równie jak jałowiec cenioną rośliną ziołoleczniczą, ponadto w tradycji ludowej przypisywano jej moc odwracania czarów i odpędzania zła[72]. Obydwie rośliny — i jałowiec, i ruta — od czasów starożytnych uchodziły w medycynie naturalnej za popularny środek antykoncepcyjny[73]. Ciekawe, iż w ludowych przyśpiewkach weselnych, zebranych przez etnografa i kompozytora, prekursora antropologii kultury — Oskara Kolberga, jałowiec pojawiał się obok ruty („Zielona ruta, jałowiec, lepszy młodzieniec niż wdowiec")[74].

W języku ukraińskim jodła (*Abies*) nosi nazwę *ялиця*, zaś świerk (*Picea*) to *ялина*; obydwie rośliny prezentują rodzinę sosnowatych (por. pol. *jedlina*), na co wskazuje ich nomenklaturowa postać. Często nazwa *ялиця* określa również świerk. W pierwiastkach obu form dostrzec można zbieżność nagłosową zgłoski z formą ogólnosłowiańską. W ukraińskim jodła pospolita (j. biała, *Abies alba*) to *ялиця біла*, a także *смерека біла* i *єліче* (ta ostatnia nazwa występuje m.in. na Łemkowszczyźnie). Z kolei świerk pospolity (*Picea albies*) ma swoje ukraińskie odpowiedniki: *ялина європейська* (*звичайна*) oraz *смерека*. Mowa ukraińska szczególnie bogata jest w nazewnictwo regionalne i gwarowe odnoszące się do świerku pospolitego[75]. W rejonie dykańskim obwodu połtawskiego funkcjonuje nazwa *єль*, w rejonie sławuckim obwodu chmielnickiego roślina ta znana jest jako *смеречина*, na Łemkowszczyźnie — *смерека*.

Zwraca uwagę nazwa *яглиця* (< **jagъlica*) w kolokacji *яглиця звичайна*, która desygnuje podagrycznik zwyczajny (*Aegopodium podagraria L.*) Sama forma rośliny asocjuje z formami opisanymi powyżej, odnoszącymi się do zupełnie innych taksonów. Wśród tych gwarowych określeń jadalnego podagrycznika pojawiają się *снитка*, *борщівка*, *насерник*. W gwarach ruskich występują też formalnie zbliżone formy *ягель*, *ягила* i *ягала* oznaczające 'mech reniferowy' używany jako pożywienie[76], wyprowadzane z od fińskiego *jäkälä* 'mech' (por. karel. *jägälä*, saamsk. *jiegel*). Słowiańskie słowa *jagъla* w zn. 'jakaś roślina jadalna; ziarno prosa', *jaglъ* w zn. 'jakieś warzywo' oraz polskie *jagło* (*Lappago racemosa*) — podobnie w ukraińskim i serbskochorwackim — zdają się wywodzić od tej samej podstawy bałtyckofińskiej (bądź uralskiej). Dodać należy, iż jagło jest ostrą, kłującą trawą o czerwonej barwie[77].

---

72 Zob. T. Wielgosz. *Wielka księga ziół polskich*. Poznań: Publicat S.A., 2008.

73 Por. K. Stebnicka. *Jak to robiły kobiety w starożytności*... [Online] *Historia. Focus.pl*. <http://historia.focus.pl/swiat/jak-to-robily-kobiety-w-starozytnosci-398> (20.10.2014).

74 O. Kolberg. *Dzieła wszystkie*. T. 67: *Pieśni i melodie ludowe w opracowaniu fortepianowym*. Cz. 1. Z druków i rękopisów opracował J. Pawlak. Red. D. Pawlakowa. Kraków: Polskie Towarzystwo Muzyczne — Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986, s. 58; 480; 510–511; 641.

75 Н. Яната. *Українські народні назви рослин*. Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1973, s. 49.

76 L. Bednarczuk. *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego*..., s. 104.

77 Hasło *красный*. [W:] В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 2: *И–О*. Изд. испр. С-Петербург — Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа 1881 s. 187.

W kwestii mian stosowanych w odniesieniu do jałowca to w ukraińskim istnieją regionalne formy nazewnicze: *верес*, *божевельник*, *боровиця*, *джанєпіна*, *джарап*, *джарапин*, *дженяпіна*, *можевел*.

Po słowacku jałowiec zwie się *borievka* (od *bor* 'sosna', pot. też pol. *borówka* 'jagoda', słow. *borovica*), prócz tego w gwarach spotyka się też postać *borievča* .

W makrojęzyku serbskochorwackim jałowiec określa się mianem *клёка*, *клечица* (*klečica*). W etnoleckie chorwackim ciąg synonimiczny kleki tworzą: *боровица*, *вења*, *смрека*[78]. Zaznaczyć należy, iż słowo *смрека* w tym makrojęzyku oznacza 'świerk'. Z kolei termin desygnujący jodłę pospolitą ma postać *obična jela*. W chorwackim termin *obična borovica* (*Juniperus communis*), oznaczający 'jałowiec pospolity', posiada szereg ludowych synonimów, m.in. *borovica*, *brin*, *brinje*, *brinj*, *fenja*, ***kadik***, *kleka*, *resnica*, *smrek*, *smreka*, *smrekovica*, *smrekva*, *smrekva crna*, *smrekva črna*, *smrič*, *smrička*, *smriška*, *smrkovina*, *smrkva*, *šmrč*, *šmreka*, *šmrika*[79]. Można tu zaobserwować także ciekawe (przypadkowe?) podobieństwo formalne: chorwackiego słowa *resnica* oraz słów wywodzących się z różnych (genealogicznie diametralnie oddalonych) odmian etnolektów saamskich — *reatka*, *riätká*, *rátká*.

W bośniackim jałowiec to *kleka* lub *smreka*. Jałowiec pospolity określają natomiast nazwy: *borovac*, *brin*, *brina*, *crna smreka*, *crna smrekinja*, *kleka*, *klekinja*, *smrčika*, *smrča*, *venja*.

Po słoweńsku jałowiec zwie się *brina*. Funkcjonująca w tym języku nazwa *jálovəc* oznacza natomiast 'pnącze winorośli', nie zaś omawiane tu drzewo. Tę ostatnią nazwę — *jalovec* spotyka się też w onomastyce słoweńskiej — w Alpach Julijskich mianowicie istnieje góra zwana *Jalovec* (2645 m n.p.m.).

W języku macedońskim jałowiec określany jest dwiema nazwami rodzajowymi: *смрека*[80] (np. *модра смрека* dla *Juniperus communis* 'jałowiec pospolity') i *фоја*[81] (np. *дива фоя* dla *Juniperus excelsa* 'jałowiec grecki, j. wyniosły').

Wypadałoby podkreślić, iż w etnolekcie wilamowickim (mowie wilamowskiej), uznawanym za odrębny język wysokoniemiecki, który rozwijał się pod silnymi wpływami dialektów fryzyjskich, funkcjonuje postać *jałuøwjec*, będąca bez wątpienia transferem słowiańskim (polskim?).

W języku jidysz odnotowano dwie paralelne formy słowne: קידאַק [wym. *kadik*] oraz יעוואָלאַי [wym. *jalovec*]. Polszczyzna była źródłem obu pożyczek do języków reprezentujących etnosy od wieków egzystujące na ziemiach polskich.

W nauce wysuwano różne hipotezy[82] na temat pochodzenia wspólnej Słowianom prasłowiańskiej formy **(j)alovьcь*. Jedna z nich przypisuje jej pokrewieństwo ze sło-

---

[78] Zob. *Glosbe*. [Online] <https://hr.glosbe.com/sr/hr/%D0%BA%D0%BB%D0%B5%D0%BA-%D0%B0> (20.10.2014).

[79] *Hobi bonsai forum. HBF — javna zona. Hortikultura: Vrstte pinusa, juniperua i picea u HR*. [Online] <http://www.hobibonsai.com/index.php?PHPSESSID=549d19a92acd53fe238c119cd4a2659a&action=printpage;topic=1501.0> (1.10.2014).

[80] Hasło *смрека*. [W:] *Македонска енциклопедија*. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 2005.

[81] Hasło *фоја*. [W:] *Македонска енциклопедија*...

[82] Hasło **alovьcь / *jalovьcь*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 1: *A — *besědьlivъ*. Ред. О.Н. Трубачев. Российская академия

wem *jałowy* ‘bezpłodny’, ‘nieurodzajny’, ‘suchy, postny’, wywodzącym się z praformy **alovъjь*, **alovaja* / **jalovъjь, jalovaja*[83], a to z uwagi na obecność u rośliny rozdzielnopłciowych kwiatów, co może uzasadniać określenie *jałowy* (‘bezpłodny’) dla osobników o kwiatach męskich[84]. Jałowiec jest rośliną nagonasienną. Nie można w rozważaniach etymologicznych nie uwzględnić cechy odnoszącej się do miejsca porastania. Roślina ta zadomowiła się mianowicie na obszarach jałowych, suchych, pustych i kamienistych[85]. Jałowiec jest gatunkiem podszytowym i biocenotycznym. Dominuje także w drzewostanach borów bagiennych suchych, świeżych. Jeśli chodzi o gleby, to preferuje ziemie ubogie w substancje odżywcze, często wapienne i piaszczyste oraz torfowe, jednak w miejscach niezalewanych lub wręcz podsychających (nawożenie gleby eliminuje jałowiec). Stąd być może wspomniana wyżej oronimia w językach południowosłowiańskich. W etymologizacji jałowca uwzględnić zatem należy cechę semantyczną ‘jałowość’, odnoszącą się zarówno do ziemi, drzewa, zwierząt, jak i ludzi.

Praforma **(j)alovъjь*, **(j)alovaja* ma swoje fonetyczno-semantyczne kontynuanty w wielu językach słowiańskich, m.in. bułg. *ялов*, serskochorw. *jälов* ‘bezpłodny: o ziemi, bydle’, dial. *jälав* ‘ts.’, słoweń. *jálov* ‘jałowy, bezpłodny’, ‘pusty’, *jâl* ‘ts.’, dial. *ávow* ‘jałowy, bezpłodny (o bydle)’, czes. *jalový* ‘bezpłodny’, dial. *jałový* ‘niedojny (o bydle), postny’, słowac. *jalový* ‘bezpłodny, jałowy’, górnołuż. *jałowy* ‘jałowy (tylko o krowie)’, dolnołuż. *jałowy* ‘jałowy, bezpłodny (głównie o krowach)’, połab. *jolüövâ* ‘jałowy’, słowiński *jalùo̯vï* ‘jałowy, bezpłodny’, ros. *яловый* ‘bezpłodny (o bydle)’, ‘pusty, próżny’, ‘niepoddający się orce’, ukr. *яловий* ‘jałowy (o krowie, ziemi, roślinach)’[86].

Wydaje się zwracać uwagę słowo *jolüövâ* ‘jałowy’, egzystujące niegdyś w języku połabskim, wykazujące znaczne podobieństwo fonetyczne z *jałowcem*. Wyraz *jolüövâ* przytacza Vasmer w charakterze synonimu międzyjęzykowego dla objaśnianych etymologicznie leksemów: *яловый*, *ялый*[87], jednak nie zamieszcza on stosownego komentarza. Należy, jak się wydaje, wziąć pod uwagę fakt, iż plemiona Drzewian połabskich od około VIII wieku zasiedlały zachodnio-północny skraj Słowiańszczyzny[88]. Zbieżność fonetyczna i semantyczna pozwala domniemywać, iż w przeszłości plemiona te miały kontakt z ludami bałtyckimi, a być może także i bałtyckofińskimi, które w swoim czasie przebywały na terenach dzisiejszej Polski północnej[89].

наук. Институт русского языка. Москва: Наука, 1974, s. 69–70.

83 Hasło **alovъjь*, **alovaja* / **jalovъjь, jalovaja*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский...*, s. 67–69.

84 Hasło *яловец*. [W:] М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка...*. T. 4, s. 554. Zob. też hasło **alovьcь* / **jalovьcь*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский...*, s. 69–70.

85 *Jałowiec pospolity*. [W:] Cz. Trąba, K. Rogut, P. Wolański. *Rośliny dziko występujące i ich oznakowanie. Przewodnik po wybranych gatunkach*. Rzeszów: ProCarpathia, 2012, s. 62.

86 Hasło **alovъjь*, **alovaja* / **jalovъjь, jalovaja*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков...*, s. 67–69.

87 Hasło *яловый, ялый*. [W:] М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка...* T. 4, s. 554–555.

88 E. Rzetelska-Feleszko. *Polabisch*. [W:] *Wiener Enzyklopädie des Europäischen Ostens. Bd. 10: Lexikon der Sprachen des Europäischen Ostens*. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002, s. 363.

89 Zob. M. Jagodziński. *Truso. Między Weonodlandem a Witlandem*. Elbląg: Muzeum Archeologicz-

W etnolektach słowiańskich słownictwo dotyczące ‘jałowości’, ‘nieużyteczności’ znajduje odzwierciedlenie w leksyce desygnującej młodą samicę, nieposiadającą jeszcze potomstwa lub bezpłodną (wg Lindego[90] — *nieużyteczną*). Są to postaci słowne m.in.[91] pol. *jałówka* ‘krowa przed wycieleniem’, ‘samica zwierzęca nieposiadająca potomstwa’, dial. *jałowica*, dial. *jałojca*, serskochorw. *jалóвац*, słoweń. *jalovec* ‘bezpłodne zwierzę’, ‘bezpłodny pień’, czes. *jalovec* ‘bezpłodna owca’. W językach bułgarskim i rosyjskim funkcjonuje słowo *яловица* oznaczające ‘bezpłodną kobietę’, bułg. dial. *йеловица* ‘gliniasty grunt’, dial. *еловица* ‘rodzaj gruntu o czerwonawym zabarwieniu’, ‘bezpłodna kobieta’, *елувицъ* ‘gliniasty, jałowy, mało użyteczny grunt, trudny do orania’, maced. *јаловица* ‘jałowe zwierzę (krowa, koza itd.)’, ‘niepłodna ziemia’, serbskochorw. *jäловица* ‘bezpłodna krowa, owca’, ‘nieorane pole’, ‘cielę’, dial. *јаловица* ‘owca lub koza, która „przenosi się” jeden rok’, słoweń. *jálovica* ‘bezpłodna samica, zwłaszcza krowa’, ‘niepłodna ziemia’, st.czes. *jalovicě* ‘jałówka’, słowac. *jalovica* ‘ts.’, górn.łuż. *jałojca* ‘jałówka’, doln.łuż. *jałowica* ‘jałówka’, połab. *jalüvaića* ‘jałówka’, słowiń. *jalò·i̯că* ‘jałówka’, st.rus. *ньяловица* ‘krowa niecielna’, *яловица* ‘niezapłodniona maciorka (o owcy)’, ‘jałówka’, ros. *яловка* ‘ts.’, ukr. *яловиця* ‘młoda krowa’, błrus. *ялавіца* ‘jałówka’. Jeśli chodzi o określenia samców, odnotowano m.in. określenia: bułg. *яловак*, *ялъвак* ‘wytrzebiony baran’, maced. *яловак* ‘wytrzebione zwierzę (o samcu)’, serbskochorw. *jalovak* ‘kapłon’.

Można też znaleźć paralelę leksykalną w łotewskim w postaci przymiotnika *ālava* w zn. ‘jałowy, bezpłodny (o krowie, owcy, świni)’. E. Fraenkel w swoim *Litauisches etymologisches Wörtebuch*[92] podaje formę litewską *olaus* < **olavas* ‘pusty, jałowy’; jednakże w rzeczywistości forma taka nie istnieje[93]. *Lietuvių kalbos žodynas*[94] zaświadcza wprawdzie *oliavas* w zn. ‘nieżonaty’, *oliava* w zn. ‘niezamężna’, jednak nie jest to zdecydowanie słowo pochodzenia litewskiego. Ów przymiotnik został wykreowany (być może pod wpływem języka łotewskiego) i okazjonalnie używany przez żmudzkiego pisarza Szymona Dowkonta (Simonas Daukantas, ps. Jakyb Łaukys, 1793–1864), zwolennika odrodzenia piśmiennictwa w języku litewskim[95].

Jak widać, słowiański pierwiastek **alov-* jest w słowiańszczyźnie dość mocno zakorzeniony. Autorzy artykułu **alovьcь / *jalovьcь* w słowniku etymologicznym pod redakcją Trubaczowa zwracają uwagę na zbieżność z walijskim *ial* w zn. ‘miejsce w lesie, ogołocone z drzew, pole’[96]. W języku fińskim *jalo* oznacza natomiast ‘szlachetny’. Prawdopodobnie z pierwotnego sensu ‘pusty, jałowy’ rozwinęły się kolejne znaczenia, przeniesione na zwierzęta itd. W toponimii pruskiej i gwarach niemieckich (Prusy Wschodnie) zachowało się słowo *palwe* ‘nieużytki; bagnisty teren porosły **jałowcem**’, por. litew. *palvė* ‘nizina nadmorska’ i ‘moroszka (*Rubus chamaemorus*)’, a także *palvas*

---

no-Historyczne w Elblągu, 2010.

90 S.B. Linde. *Słownik języka polskiego*..., s. 198.

91 Hasło **alovica, *jalovica*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков*..., s. 66.

92 E. Fraenkel *Litauisches etymologisches Wörtebuch.* Heidelberg: C. Winter, 1962–1965.

93 Jest to uwaga Reginy Venckutė, udzielona mi podczas konsultacji.

94 *Lietuvių kalbos žodynas*. Elektroninis variantas. Red. G. Naktinienė et al. T. VIII, s. 1001. [Online] <http://www.lkz.lt/dzl.php?12> (1.10.2014).

95 Komentarz należy do Reginy Venckutė.

96 Hasło **alovьcь / *jalovьcь*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков*..., s. 69–70.

‘płowy’. W językach fińskich funkcjonują formy pokrewne: w estońskim *palu* ‘polana’, ‘piaszczysty las iglasty’, ‘sucha równina, porośnięta krzakami’, karelskim *palvi* ‘miejsce zamieszkałe’, wogulskim *påwl* ‘wieś’, węgierskim *falu* ‘ts.’[97]. Por. też saamskie *gálva* ‘suche drzewo’ (< **kālvę*), *gálvat* ‘wysychać (o drzewie)’, ewenkijski *gar* ‘sucha gałąź’.

Można zaryzykować twierdzenie, iż rosyjskie słowa *ялань* i *елань*, na zasadzie antynomii (enantiosemia?) oznaczające ‘bezleśne miejsce, leśną polanę’, są związane genetycznie z ogólnosłowiańską formą **(j)alovьcь*. Owe postaci słowne[98] pojawiają się w różnych regionalnych odmianach językowych, funkcjonujących w obwodach południowo-zachodnich, m.in. woroneskim, tambowskim, samarskim, a także w okręgu sybirskim. Według Vasmera[99] obydwa leksemy — *ялань* i *елань* stanowią pożyczkę turecką, motywowaną przez baszkirską i tatarską formę *jalan*, ałtajską, teleucką (dialektalną języka górnoałtajskiego), lebedińską (dialektalną języka górnoałtajskiego), kiuerycką (dialektalną języka Tatarów, podgrupy chakaskiej, grupy ujgurskiej[100]) — *jalaŋ* w zn. ‘pole, dolina, równina’, barabińską (dialektalną języka tatarskiego), ujgurską — *jalaŋ* w zn. ‘nagi, goły’, szorską — *čalaŋ* ‘równina’, por. koreań. 골짜기 [wym. *goljjagi*]. W języku fińskim nizinę określa się jako *alanko* oraz *alanne*; są to stare derywaty od *ala-*, *alas-*. Człon *ala-* odzwierciedla semantykę ‘coś, co jest niżej, na dole’. Obecnie *ala-*[101] w swym pierwotnym znaczeniu występuje w złożeniach (np. *alahuuli* ‘dolna warga’, *alahammas* ‘dolny ząb’ itp., por. *alas* ‘niżej’, *ali-* np. w słowie *aliarvioida* ‘poniżać’). Z kolei *jalka* po fińsku znaczy ‘noga’, lm *jalat* ‘nogi’, *jalan* ‘pieszo’ i wywodzi się od protougrofińskiego **jalka* lub **jilka* (est. *jalg* ‘noga’, Gen. Sg. *jala*, ter saamski *jill’ke* ‘ts.’, por. węg. *gyalog* ‘pieszo’ oraz złożenie *gyalogfenyö* ‘jałowiec’). Te ostatnie przykłady bywają przytaczane w charakterze odpowiedniości leksykalno-semantycznych z koreańskimi słowami 다리 [wym. *dali*] ‘noga’ i 발 [wym. *bal*] ‘pieszo’[102].

Nie można nie dostrzec przy tym podobieństwa brzmieniowego słów: tureckiego *jalak* ‘drewniana misa dla psa, koryto’ i czagatajskiego (starouzbeckiego) *jalaγ* ‘miska’, które znajdują odzwierciedlenie w ruszczyźnie w postaci *елаха*, *алаха*, *елашка*[103] w zn. ‘braga, piwo’ i funkcjonują w regionach: władimirskim, jarosławskim, twerskim i in. Podobieństwo fonetyczne przytoczonych jednostek posiada, jak sie wydaje, również motywację semantyczną.

Celowe byłoby chyba rozpatrzenie powiązania formy **(j)alovьcь* ze słowem ros. *алый* ‘szkarłatny’, st.rus. *алъ* ‘ts.’, którego źródłosłów przypisywany jest językom turkijskim, por. krym.tat. *al* ‘jasnoróżowy’, tat., kipcz., kazach., czagatajski, ujgurski *al* ‘szkarłatny’[104], bułg. *ален*, azerbejdż. *al*, *al-qırmızı* itd. Do takich przypuszczeń skłania

---

97 O tym zob. L. Bednarczuk. *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego...*, s. 99.

98 Hasło *елань, ялань* [W:]. M. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка...* T. 2, s. 13.

99 Tamże.

100 Klasyfikacja N.A. Baskakova. Zob. C.A. Бурлак, C.A. Старостин. *Сравнительно-историческое языкознание*. Москва: Академия, 2005, s. 336–337. Por. *Классификация тюркских языков*. [Online] <http://linguodiversity.narod.ru/Links/Altaic/turkclas.htm> (1.10.2014).

101 Z kolei fiń. *ala* w zn. ‘przestrzeń, obszar’ nie ma pierwotnego znaczenia. Por. K. Häkkinen. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Helsinki:WSOY, 2004.

102 Przykład zapamiętany z wykładów na studiach fennistycznych w Uniwersytecie w Turku.

103 Hasło *елаха*, *алаха*, *елашка*. [W:] M. Фасмер. *Этимологический словарь русского...* T. 2, s. 13.

104 Hasło *алый*. [W:] M. Фасмер. *Этимологический словарь...* T. 1, s. 73.

spostrzeżenie dotyczące czerwonobrunatnego zabarwienia słojów drewna cedrowego (cenione czerwone drewno cedrowe jałowca wirginijskiego [*Juniperus virginiana*]). Jałowiec pospolity wyróżnia się także czerwonawo-brunatną korą na młodych pędach; ponadto niektóre gatunki jałowca posiadają czerwone owoce. Przywodzi to na myśl także skojarzenie z polskim (słowiańskim), wyżej wspomnianym, słowem *jagło* (*Lappago racemosa*) — dla tej bowiem rośliny charakterystyczna jest również barwa czerwona. Być może czerwień zakodowana w prapostaci **alovьcь / *jalovьcь* wypływała też z barwy rdzawych gleb czy gliny, z drugiej strony mogło też nastąpić przeniesienie semantyki pierwiastka *al-* na serię form wyrażających 'jałowość, bezużyteczność, bezpłodność'. Zwróćmy uwagę, iż w pratureckim *(?)*altun*, czuwaskim *yltan* oznaczają 'złoto'; słowa te stanowią prawdopodobnie złożenia, w których element **a:l* znaczy 'czerwony' (zaś **tun* jest sinicyzmem 銅 , por. współczesny chiń. *tong2*, śr.chiń. *dug*, st.chiń. *Log* 'miedź, mosiądz, brąz')[105].

Słowo *еленец* wiązane bywa niekiedy także z „reniferową jagodą" (ros. *оленья ягода*). Vasmer dopuszcza w tym przypadku nawet transfer z języka polskiego, być może z uwagi na obecność nagłosowego *-e* oraz przycisku artykulacyjnego na przedostatniej zgłosce. Można przy okazji wspomnieć, iż określenie *оленья ягода* odnoszone jest przez użytkowników języka rosyjskiego również do *bażyny* (*Empetrum*) z rodzaju krzewinek, należących do rodziny *Ericacea.* Czy należy to tłumaczyć podobieństwem wizualnym? Prezentowanym naiwnym obrazem świata?

Inni uczeni separują leksemy: *яловец* i *яловый*, pierwszemu przypisując ormiański źródłosłów *ełevin* 'cedr; jodła; świerk'[106]. Jak widać, ekwiwalenty tłumaczeniowe formy *ełevin*, wedle Vasmera, obejmują pewien podzbiór klasy drzew szpilkowych. Zwróćmy też uwagę na element *cedrus*, pojawiający się w łacińskiej nazwie taksonu *Juniperus cedrus*, czyli jałowca kanaryjskiego. W taksonomii rosyjskojęzycznej ma on dualną postać: *можжевельник древесный*[107] i *можжевельник кедровый*[108].

Jałowiec w systemie języka rosyjskiego posiada utartą nazwę zwyczajową — *можжевельник* oraz (u Dala) *можжевел*; obydwie formy mają przy tym nieprzejrzystą etymologię[109]. Jałowiec występuje także jako *верес* i (rzadziej) jako *яловец*, regionalnie zaś używa się jeszcze form *еленец* i *яленец.* Wyrazami synonimicznymi, zarejestrowanymi w słowniku Dala są: *бруждевельник*, *мозжуха*, *можжуха*, *арса*. W gwarach i dialektach rosyjskich używa się też wyrażeń: *можжина*, *мужжуха*, *мождюха*, *можжеевль*, *мажживель*, *можееела*, *мужеела*[110] itd. Co ciekawe, w dialekcie czeskim znaj-

---

105 А.В. Дыбо. *Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков*. Москва: Академия, 2004 s. 768. [Online]<http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/Dybo_2007LingivistContactsOfEarlyTurksRu.htm> (1.10.2014).

106 Hasło *яловый, ялый*. [W:] М. Фасмер. *Этимологический словарь*... Т. 4, s. 554.

107 Odpowiednik terminologiczny za *Растения. Новейшая иллюстрированная энциклопедия по зелёному царству планеты*. Ред. Дж. Маринелли. Перевод с англ. Москва: АСТ, Астрель, 2006, с. 144.

108 Zob. *Juniperus cedrus*. [Online] <http://www.plantarium.ru/page/image/id/189134.html> (1.10.2014).

109 H. Andersen. *Slavic and the Indo-european migrations*..., s. 71.

110 Zob. *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Вып. 20: **morzatъiь *mъrsknǫti*. Ред. О.Н. Трубачев. Российская академия наук. Институт рус-

dujemy analog leksykalny — *možucha*, odnoszący się do *Juniperus sabina*. Nasuwa to u niektórych etymologów skojarzenia z rdzeniem **mozgъ*[111], u innych zaś z p.i.e **mezgъ-* ‘wiązać, pleść’ (por. litew. *mezgù*, *mègzti* ‘wiązać, zawiązywać’, *mãzgas* ‘węzeł’, st.-g.niem. *masca* ‘pętla’, przy rekonstrukcji pierwotnego znaczenia ‘guzowate drzewo-’)[112]. W języku staroruskim (1486 rok) istniała nazwa uroczyska — *Можжоельникъ*[113]. W staroruszczyźnie funkcjonowały ponadto (wraz z wariantami) *можжевельникъ / мождевельникъ / можжевенникъ*, *можжеельникъ / мозжеельникъ / можеельникъ / можщеельникъ*[114]. Inną oficjalną nazwą rosyjską, mającą pochodzenie tureckie i obejmującą różnorodne gatunki dużych drzew rodzaju *Juniperus*, która weszła na stałe do literatury naukowej, jest *арча*. Mamy zatem do czynienia z różnorodnością postaci słownej desygnatu. Max Vasmer wywodzi słowo *еленец* od *яловец*, a to ostatnie miałoby z kolei pochodzić od greckiego *ἐλάτη* ‘świerk’ (por. ros. *ель*) z **elnątā*[115]. Zwróćmy uwagę, iż w wielu kulturach słowo oznaczające jodłę bądź świerk rozciągano na całą klasę drzew iglastych (szpilkowych). Szpilka (igła) składa się z kolei na semantykę słów fińskich desygnujących kadyk/jałowiec, można byłoby zatem powiedzieć, że stanowi specyficzny semantem paraleli leksykalno-semantycznych odnajdywany w niektórych nazwach jałowca, funkcjonujących w językach podrodziny ugrofińskiej.

Z badań leksykalno-etymologicznych[116] wynika, iż w gruncie rzeczy litewskie *eglė*, pruskie *addle*[117] znaczyło ‘każde drzewo iglaste’ rosnące na tym obszarze. Krystyna Szcześniak zauważa: „Trzeba tu przypomnieć, iż lit. *eglė*, pruskie *addle* oznaczało nie tyle ‘jodłę’, która na tych terenach wszak nigdy w środowisku naturalnym nie rosła, ani też konkretnie ‘świerk’ czy ‘sosnę’, ale każde drzewo (krzew) iglaste (iglasty)”[118]. Dopełnieniem powyższego stwierdzenia jest żmudzki termin *eglė* i łotewski *egle*, określający zarówno ‘świerk’, jak i ‘sosnę’. W etnolekcie żmudzkim blisko brzmiące słowo *ieglis* oznacza natomiast ‘jałowiec’. W łotewskim takson *jałowiec pospolity* oznaczany jest dwiema nazwami: *parastais kadiķis* i *paeglis*; podobnie jest w litewskim — *paprastasis kadagys* i *ėglius*.

Poniżej zaprezentowano urywek ze słownika etymologicznego hasłującego *eglė*, umieszczonego w bazie Uniwersytetu Wileńskiego[119].

ского языка. Москва: Наука, 1994, s. 108–111.

111 Tamże, s. 111.

112 Tamże, s. 108.

113 Hasło **Moždževelьnikъ*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков…*, s. 109.

114 Tamże, s. 109.

115 Zob. *Еленец*. [W:] M. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка…*. T. 2, s. 14.

116 Zob. K. Szcześniak. *Kadyk, czym jest i na jakich obszarach jest?* „Studia Rossica Gedanensia” 2014.

117 Zob. V. Blažek. *Old Prussian arboreal terminology*. „Linguistica Baltica” 2001, IX, s. 29–61; V. Mažiulis. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras, 2013. [Online] <http://www.prusistika.flf.vu.lt> (hasła: *addle*, s. 9; *kadegis.*, s. 326–328).

118 K. Szcześniak. *Kadyk…*.

119 *Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė*. [Vilnius]: Vilniaus Universiteto. Filologijos Fakultetas, 2012. [Online] <http://etimologija.baltnexus.lt/?w=egl%C4%97> (7.11.2014).

Antraštė:
ẽglė
Reikšmė:
Tanne
Straipsnelis:
Bl. **edlii̯ā* > lie. *ẽglė*, trm. *ãglė* 'Tanne', la. *egle* 'Fichte, Rottanne' (Fraenkel 1962-65, 117–118), jotv. *egłe* 'jodłowica' (Zinkevičius 1984, 12; plg. NL *Jeglinec*); pr. *addle* 'Tanne' (EV 596) = 'fir/Picea excelsa' (Trautmann 1910, 296) < nom. sg. f. **adlē* (Mažiulis 1, 48), kurį Smoczyński (2000, 29, 25 išn.) laiko skoliniu iš le. *jodłla*. Greta jų minėtini lie. *ẽ̃glius* 'Wacholder, (beertragende) Eibe', lie. *paėglis*, la. *paeg̃le* 'Wacholder', kuršių *Egel*, *Eglinen*, sl. **edlь* f. > slov. *jêl*, slovk. *jedl'a* ir pan., sl. **edla* f. > le. trm. *jegla*, *jagla*, *jaglija* = kašubų *jaglija*, r. trm. *ëgla*, greta r. *ëlka* 'Pinus abies' ir kt. (žr. Trubačev 6, 14–15, Toporov 1, 56–57; Boryś & Popowska-Taborska II, 325–326). Vid. kornų *adlen* 'abies' (Zeus 1871, 1077), bretonų *aedlen* & *édlen*'sapin' ir kt.
Šaltinis:
Blažek 2001b, 32–33

Ryc. 3. Hasło *eglė* [w:] *Lietuvių kalbos etimologinio žodyno duomenų bazė.*
Źródło: <http://etimologija.baltnexus.lt/?w=egl%C4%97> (7.11.2014).

H. Karaś, występujące w nowszych dialektach mieszanych słowa typu *jegla* 'jodła, sosna, świerk' oraz *kadyk* 'jałowiec', *jewa* 'czeremcha,' objaśnia wpływami pruskimi[120]. Dodajmy też, iż z litewskim *eglė* związane są polskie gwarowe formacje *jaglija* (kociewski, kaszubski, mazurski i in.), *jagła* (kaszubski) i *leglija* 'świerk'. Przy okazji wypadałoby nadmienić, iż w języku polskim funkcjonuje cały szereg nazw określających świerk[121], m.in. *aglija*, *choina*, *dana*, *eglija*, *fiżel*, *gleglija*, *iglina*, *jaglija*, *jagielina*, *jagła*, *jegiel*, *jegla*, *jeglasa*, *jeglaska*, *jeglij*, *jeglija*, *jeglijasa*, *jeglijina*, *jeglina*, *jiglija*, *jegliwina*, *leglija*, *rsiok*, *skrzek*, *smerek*, *smrek*, *smreka*, *smroczyna*, *smrok*, *świer*, *świrek*, *śrok*, *tana*.

Warto zwrócić uwagę na postać odpowiednika albańskiego, a mianowicie: *dëllinjë* znaczącego konkretnie 'jałowiec', a który wywodzony jest od rdzenia *dhuľ-* 'kwitnąć, być zielonym' (alb. **dalīni̯ü*)[122].

Ciekawe określenie jałowca pospolitego — *cétiná* funkcjonowało w dialektach wołoskich, a poświadczenie znalazło w leksykonie wołosko-łacińsko-węgiersko-niemieckim z 1825 roku transylwańskiego filologa, teologa i duchownego — Petru Maiora[123]. W dziele tym autor przytacza także postać starocerkiewnosłowiańską nazwy, tj.

---

120 H. Karaś. *Słownictwo gwarowe — zróżnicowanie terytorialne*. [W:] *Gwary polskie. Przewodnik multimedialny pod redakcją Haliny Karaś. Leksykon*. [Online] <http://www.gwarypolskie.uw.edu.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=102> (1.10.2014).

121 Nazwy przytoczone za E. Pajewska. *Opisanie lasu. Polskie słownictwo związane z lasem do roku 1939*. Szczecin: Wydawnictwo Fagus, 2002.

122 *Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch*. Indo-European Language Revival Association. Scanned and recognized by George Starostin (Moscow), who has also added the meanings. Revised and Published by the Dnghu Association. 2007, s. 648; 713. [Online] <http://marciorenato.files.wordpress.com/2012/01/pokorny-julius-proto-indo-european-etymological-dictionary.pdf> (1.10.2014).

123 P. Maior. *Lexicon Valachico-Latino-Hungarico-Germanicum, quod a pluribus auctoribus decursu*

чѣтинъ. Zauważmy, że w bułgarskim słowo *четина* tłumaczy się jako ‘jeżyć’. W leksykonie Maiora zarejestrowane zostały nadto hasła (miana): *Brádişoru*, scs. *Бръдишор*[124] oraz *Architu*, scs. *Архитъ*.

W językach genetycznie odległych, i po części także geograficznie, ujawniają się postaci słowne wykazujące pewien stopień podobieństwa formalnego z powyższymi nazwami. Chodzi o współczesny ormiański, w którym jodła ma nazwę եղեւնի [wym. *yeghevni*], zaś cedr — եղենապիայտ [wym. *yeghenap'ayt*]. Współczesna turecka nazwa jodły to zaś *köknar*. W mongolskim świerk to *гацуур*, a jodła — *гацуурын* (ta druga nazwa zdaje się pochodzić od pierwszej, co może implikować konkretne zbieżności w sposobie widzenia otaczającego świata). Przyjrzyjmy się z kolei, jaką postać używaną współcześnie mają powyższe terminy w izolowanym koreańskim, któremu suponuje się przynależność do ałtajskiej ligi językowej. W dzisiejszym koreańskim jodła nazywana jest 전나무 [wym. *jeonnamu*], zaś świerk — 가문비 [wym. *gamunbi*]. Człon pierwszy (nagłosowy) postaci wymawianiowej *jeonnamu* to *jeon-*, wykazujący — na pierwszy rzut oka — podobieństwo brzmieniowe (transkrypcyjne) z przytoczonymi powyżej słowami bałtyckimi (por. sosna to 소나무 [wym. *sonamu*], cedr zaś — 삼나무의 [wym. *samnamuui*]). W wyrazie drugim, czyli desygnującym świerk, sylaba nagłosowa zawiera głoskę *g*. W chińskim tradycyjnym jodła to 冷杉 [wym. *lěngshān*], zaś świerk to 云杉 [wym. *yún shān*]. Jak widać, wyrazy te różnią się pierwszym kompozytem. Można dopuścić, iż w przykładach tych ujawnia się pewien stopień podobieństwa słów z wyżej przytoczonymi. W aspekcie ałtajskim: ewenkijskie słowo *н'ерми* oznacza ‘modrzew’, a *н'иргуки* — ‘chrust, suche gałęzie drzewa cedrowego’[125]. W języku fińskim młodą sosnę zwie się *karahka*.

Istotne różnice w warstwie fonetycznej i morfologicznej przywołanych tu międzyjęzykowych odpowiedniości słownych dokładniej objaśnić mógłby jedynie ałtaista, a ściślej: komparatysta, najlepiej nostratyk. Autorka przyznaje się, że jest laikiem w tej materii i daleka byłaby od wysuwania arbitralnych sądów na temat etymologii tych konkretnych terminów, jednakże pewna intuicja językoznawcza, a także posiadane niejakie obycie literaturowe (fennistyczne i slawistyczne) nie pozwalają jej pozostawać obojętną wobec powyższego materiału faktograficznego i ignorować zebraną leksykę, która nasuwa przecież konkretne skojarzenia, dotyczące zarówno warstwy względnej akustycznej, jak i semantycznej.

O etymologii słowa **klęka/*klękъ*

Jedną z powtarzających się paralelnie w językach słowiańskich nazw, stosowanych do jałowca, jest *kleka*. W pierwszym odruchu przywołuje ona na myśl semantykę zakodowaną w czasowniku *klękać*. Czy słusznie?

Rekonstruowane prasłowiańskie słowo **k1ęka/*k1ękъ* ma dość ciekawą przeszłość. *Klękać* w polszczyźnie to nic innego, jak ‘zginać kolana, przybierając określoną pozy-

---

triginta et amplius annorum elaboratum est. Budae: Typis et Sumptibus Typographiae Universitatis Hungaricae, 1825, s. 113.

124 P. Maior. *Lexicon Valachico-Latino-Hungarico-Germanicum...*, s. 65.

125 Г.Н. Чимитдоржиева. *Исторические связи бурятского и эвенкийского языков...*, s. 112.

cję'. Natomiast lasy jałowcowe, a szczególnie formacje jałowców sabińskich, charakteryzują powykręcane kształty, uformowane na skutek gwałtownych wiatrów występujących w danej strefie klimatycznej.

Znane mazurskie przysłowie głosi: „Przed czarnym bzem zdejm kapelusz, przed kadykiem zegnij kolano".

Funkcjonujące w języku bułgarskim słowo *клек*[126] oznacza *Pinus montana*, czyli gatunek sosny górskiej, tłumaczonej jako 'jałowiec'[127]. Formą męską i żeńską, zakończoną na *-а* — *кле́ка* w bułgarskim określa się m.in. 'schorowanego, słabego człowieka'. Inne znaczenia, w tym użycia dialektalne, słowa *кле́ка/клекъ* określają różnego typu choroby, m.in. '*Enteroxaemia infectiosa ovium* (paraliż nóg) u przeżuwaczy', *клёка* zaś to 'choroba, epidemia'.

Z kolei serbskochorwacka postać słowna *клёка* oznacza 'jałowiec', o czym wspomniano już wcześniej, zaś w dialektach odnosi się ono do 'słabego, wątłego człowieka', a także oznacza 'krótką, wygiętą łyżkę, zrobioną przez pastuszka z twardego drewna'. Podobne pod względem formalnym słowo *клака* odnosi się natomiast do 'skaleczonej kończyny'. Warto zauważyć, iż w Chorwacji występuje oronim *Клёк* (nazwa kamienistej góry), zaś rzeczownik pospolity *клёк* desygnuje gatunek pospolitego jałowca halnego (górskiego), znanego jako *Juniperus nana*. Pokrewne słowo *клек* oznacza 'rodzaj kukurydzy', zaś wyrazem *kleka* określa się hiperonimicznie 'jakąkolwiek roślinę'.

W języku słoweńskim *kleka* ma zupełnie odmienne znaczenia, a mianowicie: 'klacz' lub 'wychudzona krowa', a *klek* oznacza 'wykrzywioną gałązkę'. Nasuwa to skojarzenie z czeskim dialektalnym słowem *klek*, deskrybującym 'krzywe drzewo'.

W polszczyźnie słowo *klek* oznacza — podobnie jak w blisko spokrewnionym czeskim — 'krzywe drzewo', a w dialektach także 'lemiesz'. Większość sensów semantyki modyfikacji praformy **k1ęka/*k1ękъ*, tj. pol. *kleki/klęka*, górnołuż. *klak*, słowińskie *kląka*, ros. *кляка*, ukr. *кляк*, łączy wspólne pole semantyczne — 'krzywizna'. Śledząc rozwój etymonu nie sposób nie zwrócić uwagi na jedno ze znaczeń słowińskiej postaci *klëka*, oznaczającej 'zakrzywioną, zwykle **jałowcową** pałkę', a także 'jarzmo (drewnianą uprząż)'.

Wobec powyższego nieuchronnie nasuwa się skojarzenie z fińskim homonimicznym słowem *kalikka*, które oznacza m.in. I 'pałkę' (< **kalvu* = saamsk. norw. *gálvu*, por. słow. **palъka*)[128], II 'żebraka' (pod wpływem ros. *калека*, *калика*)[129].

---

[126] Hasło **klęka/*klękъ*. [W:] *Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд*. Выпуск 10: (**к1ерась* — **копь*). Ред. О.Н. Трубачев. Академия наук СССР. Институт русского языка. Москва: Наука, 1983, s. 31–32.

[127] Tamże, s. 31.

[128] Zob. *Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja*. 1–3. Toim. Erkki Itkonen, Ulla–Maija Kulonen. 2. pain. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. Jyväskylä–Helsinki: Gummerus, 2001. Zob. też J. Saarikivi. *Itamerensuomalais-slaavilaisten kontaktien tutkimuksen nykytilasta*. [W:] *The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Suomalais-ugrilaisen seuran tutkimuksia. No 258, Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2009, s. 109–160.

[129] Zob. K. Wojan. *The Genesis of Homonymy of the Finnish Language*. "Fenno-Ugristica" 25: *Uurali keelte intra- ja interlingvistilised ühisjooned (Intra- and Interlinguistic Common Features of Uralic Languages)*. Ed. by P. Klesment. Tartu: Tartu Ülikool. Uurali keelte haaru (University of Tartu. Division of Uralic Languages), 2003, p. 180–187.

Polskie słowo *kadyk* i fińskie *kataja*

We wszystkich językach, konstytuujących rodzinę uralską, fińskie słowo *kataja*[130] ma swe paralele formalno-semantyczne, które przyjmują postać/postaci:

- w językach podgrupy bałtyckofińskiej: w karelskim *kataja*, *katava*, w ingryjskim *kattaja*, lüdyckim *kadai*, wepskim *kadag(i)*, wockim *kataga*, estońskim *kadagas*, *kadak*, *kataj*, *kadajas*, *kadajane*, w liwskim *gadag*;
- w językach podgrupy (fińsko)saamskiej: *kotse* (*kotse* ‘igła, szpilka’), *goacce*, *kohttse*, *kiohkev*, *kuohkev*, *gasgas*, *kaska*, *kasnas*, *kosnas*, w północnosaamskim w jednej z gwar *gaskkas*, w innej zaś jałowiec znany jest jako *reatka*, a w saamskim inarijskim (okolicy Inari w Finlandii) *riätká* ~ *rátká*;
- w językach podgrupy permskiej: w komiackim *kats*, *kats-pomel*, *kats-ponel*, *kac*, *kac-pomel* (*pomel* ‘młode drzewo/krzew’);
- w językach podgrupy fińskowołżańskiej: w maryjskim (czeremiskim) *lüme-gož*;
- w językach grupy ugryjskiej: w mansyjskim (wogulskim) *kos* (*kos* ‘igła’, *kospjiw* ‘drzewo iglaste’), *kospojuw*, *xus ulpa*, *kospjiw*, *kasäpjuw*, *käsepiw*, *koca*, *käc*, *kącne* (praforma), w węgierskim m.in. pot. *gyalogfenyő*, *gúzsfenyő*.

Odstaje od tej makrogrupy język węgierski, którego system leksykalny wykazuje stosunkowo mało odpowiedniości z językami genealogicznie spokrewnionymi. Po węgiersku jałowiec to przede wszystkim *boróka* (por. w czeskim i słowackim). Gatunek jałowca pospolitego określa w węgierszczyźnie *közönséges boróka*, a nazwy potoczne i ludowe tworzą ciąg: *apró fenyő*, *borostyántüske*, *borosán*, *borovicska*, *fenyőtüske*, *borsikafenyő*, *borsfenyő*, *fenyőmag*, *gyalogfenyő*, *törpeboróka*, *töviskés fenyő*, *borókafenyő*, *gúzsfenyő*, *pattanófenyő*, *komkék*[131]. Zwraca tu uwagę szczególnie człon *fenyő* znaczący ‘sosna’ (por. macedońskie *фоја*, bośniackie *venja* i in.).

Przy założeniu transferu w kierunku odwrotnym, a mianowicie z języków turkijskich (w szerszym kontekście: z ałtajskich) do węgierskiego, słowo *boróka* miałoby za podstawę *bor* ‘wino’, które wywodziłoby się od staroujgurskiego **bay* ‘sad’ (pierwotnie: ‘winnica’, por. *bag borluk*, gdzie *bor* ‘wino’). W rzeczywistości jest to być może paralela bułgarska (z języka turkijskich Bułgarów), pochodząca od ogólnoturkijskiego **böza* ‘wytłoczyny z trzciny cukrowej’ (pot. tat., tobol. *boza*, czuwas. *peraqua* > nowogrec. *τειπθρο*, tur. *bor* ‘wino’ > tur. *bay* ‘winnica’ > tur. *bay* ‘ogród’ > tur. *baycha* ‘sad’ > tur. *baycha* ‘sad melonowy i arbuzowy’, czuwas. *pax* ‘ogród’, pahlawi, śr.perski, nowoperski *bay* ‘ogród’[132]).

W nagłosie zgromadzonego leksykonu zachodniofińskiego, desygnującego ‘jałowiec’, dominantą jest spółgłoska *k/g*. Ujawnia się ona również w kolejnej zgłosce, niekiedy alternując jako półsamogłoska *j* (w językach bałtyckofińskich). Niewątpliwie właściwie przeprowadzona komparacja powyższej grupy słów, wyekscerpowanych z dostępnych materiałów leksykograficznych, przyniosłaby pożądane rezultaty. Podo-

---

130 Część odpowiedników ugrofińskich słowa *kataja* zebranych zostało w portalu: *Huojuvaiset*. Sunnuntai. 5. elokuuta 2012. [Online] <http://huojuvaiset.blogspot.com/2012/08/kataja-kataja-katava--kattaja-kadai.html> (1.09.2014).

131 Hasło *Boróka*. [W:] *A Pallas nagy lexikona*. Magyar Elektronikus Könyvtár. 2000. [Online] <http://mek.oszk.hu/00000/00060/html/015/pc001509.html> (1.10.2014).

132 Przykłady za A.B. Дыбо. *Хронология тюркских языков*..., s. 790.

bieństwo brzmieniowe słów uszeregowanych według występowania w podgrupach językowych nie może budzić istotnych zastrzeżeń. Języki fińskie, a szerzej: ugrofińskie, musiały z pewnością pełnić rolę leksemodawców wobec języków słowiańskich (prasłowiańszczyzny?) oraz bałtyckich, wchodzących z nimi w bezpośredni kontakt językowo-kulturowy. Drugą kwestią jest także zachodniofiński substrat, na jaki natknęły się pierwsze fale ludów bałtyckich. W efekcie języki przyjęły transfer w postaci słowa *kadyk*. Szerzej o transferze, odbywającym się w kierunku języków indoeuropejskich, których reprezentantami są etnolekty słowiańskie, bałtyckie i niemieckie, pisała Krystyna Szcześniak. Jednak wypowiedź slawistki można uzupełnić kilkoma drobnymi faktami. Wiadomo, iż pochodne form fińskojęzycznych (dla ułatwienia rozważań przyjmijmy tu uogólnioną praformę fińską **kataga*), oznaczających *jałowiec/kadyk*, trwają w językach bliskich nam geograficznie: litewskim *kadagys*, łotewskim *kadiķis*, żmudzkim *kada/ugỹs*, niemieckim dial. *Kaddick* (por. niem. dial. *kaddick*, *kaddig*). W pruskim występowała nazwa *Kaddik*[*strauch*].

Szerszy kontekst etymologiczny paralelnych słów: pol. *kadyk* i fiń. *kataja* pozwala dostrzec analogie leksykalne występujące w wielu genalogicznie odległych językach, przynależnych do rodzin niespokrewnionych (tj. ani do indoeuropejskiej, ani do uralskiej). A zatem w języku jakuckim jałowiec to *кытыан*, w ormiańskim to qḫh [wym. *gih*] (por. świerk w ormiańskim qnıqված [wym. *zugvats*]), gruzińskim — ღვიის [wym. *ghviis*]. W chińskim jałowiec z kolei ma postać 栝 [wym. *guā*], w tajskim *cū ni pexr'*. Być może tylko przypadkowa zbieżność głoski *g* cechuje słowo *gad* 'jałowiec' w języku nawaho (jakże odległym geograficznie i genealogicznie!), ale być może jest to trop na drodze dalszych dociekań leksykalno-etymologicznych, zmierzających do zrekonstruowania globalnej etymologii *kadyka* i *jałowca*.

K. Szcześniak udowodniła swego czasu prezentowaną w bałtologii i fennistyce tezę kierunku transferu słowa *kadyk*, wskazując na zachodniofińską etymologię tego ostatniego. Obecnie w językoznawstwie panuje przekonanie, iż fińskie słowo *kataja* i jemu podobne warianty funkcjonujące w etnolektach bałtyckofińskich weszły do systemów języków bałtyckich i dalej, poprzez pruski, do etnolektów słowiańskich i germańskich. Kierunek wędrówki tego leksemu bywał różnie przedstawiany w literaturze.

Wybitny uralista — Björn Collinder[133], który w pewnym stopniu przyczynił się do przygotowania gruntu pod dzisiejszą teorię nostratyczną, zakładał dla słowa *kataja* importację z języków bałtyckich, co miało powodować modyfikację fonetyczną pierwszej zgłoski. Jako wyjściowy badacz podaje saamski wyraz *gâskâs*, przytaczając odpowiedniki: zyriański *kač-pomel'* 'małe drzewo jałowcowe', wogulski *kɛɛšepiw*, *köæspjiw* (*jiw* 'drzewo').

Badaczem, który najprawdopodobniej jako pierwszy w dziejach ugrofennistyki zestawił odpowiedniki bałtyckie dla słowa *kataja*, był Lorenz Diefenbach[134]. W dziele *Völkerkunde Osteuropas* z 1880 roku zawarł on liczne komparacje uralsko-indoeuropejskie, usiłując na ich podstawie wysnuć szersze wnioski.

---

133 B. Collinder. *Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages*. T. 1. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1955, s. 95.

134 L. Diefenbach. *Völkerkunde Osteuropas insbesondere der Haemoshalbinsel und der unteren Donaugebiete*. Zweiter Band. Darmstadt: Verlag von L. Brill, 1880, s. 220, 225, 230.

lpKola *gâr'gâ-* to fall (repeatedly); rain strongly; *gâr'gâdâ-* to fall, tumble | [? vg *keeril-* stumble | os *kõrəg-* to fall, tumble down].

lp *gâskâs* juniper, Juniperus communis; S *gâs'ŋĕsĕ* | zr *kač-pomel'* (*p.* small coniferous tree) | vg *kɛɛšepiw*, *kõæspjiw* (*jiw* tree).

fi *kataja*, if it belongs here, must have been modified as to the vowel of the first syllable; probably, it is a Baltic loan-word.

Rys. 4. Hasło *kataja* w słowniku B. Collindera[135].

Otto Donner w artykule *Über den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen*[136] z 1884 roku wylicza 100 uprawdopodobnionych pożyczek litewskich w językach bałtyckofińskich; w grupie owej znalazło się między innymi słowo *kataja*.

Dla Vilhelma Thomsena[137] *kataja* stanowi natomiast dawną pożyczkę bałtycką o pewnej etymologii, zaadaptowaną przez zachodniofińskie systemy językowe. Lingwista ustalił łącznie 104 tzw. transfery bałtyckie pewne, 63 niepewne i 33 bardzo niepewne. Podobnego zdania był Emil Nestor Setälä[138], który dla *kataja* doszukał się odpowiedników w odległych językach fińskich (komi i mansyjskim), jednak był skłonny traktować je raczej jako słowo litewskie przejęte z języków bałtyckofińskich niż odwrotnie.

Eemil Aukusti Tunkelo[139], rozprawiając o etymologii słów *karsina* i *luoma*, doszedł do wniosku, iż identyczna odpowiedniość, jak między deminutywną formą litewską *gardinys* ‘ogrodzenie’ a fińską *karsina* (**karsinias*), nieposiadającą w wygłosie cech fonetyczno-morfologicznych typowych dla języków bałtyckofińskich, zachodzi w parze słów: litew. *kadagys* i fiń. *kataja*.

Dla Jooseppiego Juliusa Mikkoli[140] *kataja* (podobnie jak *kypärä* ‘hełm’, *maja* ‘chata’, *purje* ‘żagiel’, *laiva* ‘łódź’) w językach bałtyckich stanowi zapożyczenie bałtyckofińskie, a nie odwrotnie, jak przypuszczał Thomsen. Dla poparcia swojej tezy Mikkola wskazuje odpowiedniki saamskojęzyczne dla słów *kypärä* ‘hełm’ i *maja* ‘chata’, zaś w słowie *kata**ja*** ujawnia się w jego przekonaniu fiński formant *-ja* (por. *pihla**ja*** ‘jarzębina’, *petä**jä*** ‘sosna’).

W 1936 roku Jalo Kalima w pracy *Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat* rozważył zagadnienia najstarszych kontaktów fińsko-bałtyckich. Kalima, doceniając trud Thomsena, dokonał pewnych modyfikacji jego etymologii, uznawszy je za

135 Tamże.

136 O. Donner. *Über den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen*. „Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft”. Bd. I. Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1884, s. 257–271.

137 V. Thomsen. *Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) sprog. En sproghistorisk undersøgelse*. København: Blanco Lunos, 1890.

138 E.N. Setälä. *Fi. kataja ‘Wachholder’*. [W:] *Beiträge zur finnisch-ugrischen Wortkunde*. Finnisch-ugrische Forschungen 9. Helsingfors, 1909, s. 126–128.

139 E.A. Tunkelo. *Pari balttilaisperäiseltä näyttävää suomen sanaa*. [W:] *Juhlakirja Yrjö Wichmannin kuusikymmenvuotispäiväksi*. Suomalais-ugrilasen seuran tomituksia. 58. Helsinki: Suomalais-ugrilanen seura, 1928, s. 273–302.

140 J.J. Mikkola. *Paikannimien alalta III*. „Virittäjä” 1932, nr 36. Helsinki: Kotikielen Seura, s. 442–443.

mało wiarygodne. Przedmiotem oceny był m.in. wyraz *kataja*. Kalima ustalił, iż litewskie słowa typu *kadagys* 'jałowiec', *laivas* 'łódka', *šeškas* 'norka' i in. mają pochodzenie zachodniofińskie.

L. Bednarczuk[141], dokonując analizy serii analogii słów zachodniofińskich, bałtyckich i słowiańskich, utwierdza czytelnika w przekonaniu co do generalnego kierunku wędrówki i geografii pożyczki *kadyk*.

Warto przyjrzeć się bliżej złożonej semantyce leksemu *kadyk*. Unikatowy *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa. Сравнительные словари всех языков и наречий собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II* w opracowaniu rosyjsko-niemieckiego encyklopedysty, przyrodnika i podróżnika — Piotra Simona Pallasa (Peter Simon Pallas, 1741–1811), wydany w latach 1787–1789 w Petersburgu z polecenia carycy Katarzyny II[142], uwzględnia w swych zestawieniach odpowiedniki słów z ponad dwustu języków i narzeczy — m.in. osetyjskiego, w którym używano słowa *кадыкъ* w zn. 'łąka'[143].

Co ma wspólnego *kadyk* z *kadzeniem*?

W nazwach słowiańskich jałowca odzwierciedlone zostały również takie sensy, jak 'pachnieć', 'wydawać woń', 'dymić', 'kadzić', 'czadzić' itp. Reprezentacją leksykalną tych znaczeń jest nazwa *smreka*, sprawiająca wrażenie kalki semantycznej. Praformą słowiańską jest tu **kaditi* (**каждж*), mające kontynuanty werbalne we wszystkich językach słowiańskich: ros. *кади́ть*, ukr. *кади́ти*, bułg. *кадя́*, sersbkochorw. *ка̏дити*, *кадѝм*, słoweń. *kadíti*, czes. *kaditi*, słowac. *kadit'*, pol. *kadzić / czadzić*, gónołuż. *kadźić*, dolnołuż. *kaźiś*. Drugim stopniem alternacji jest w tym wypadku *czad-*, ujawniający się w st.prus. *accodis* 'komin' (< **at-codis* 'otwór na dym; dymnik').

W albańskim *kém* oznacza 'kadzidło', zaś w hebrajskim również w zn. 'kadzidło' istnieje słowo *ketoret*. Max Vasmer w charakterze analogii przytacza także greckie słowo *κέδρος* 'cedr'[144]. Julius Pokorný z kolei jako pierwsze znaczenie greckiego *κέδρος* podaje 'jałowiec', a jako późniejsze: '*Pinus cedrus*', wymieniając przy tym grec. *κεδρίς* 'owoce jałowca'[145].

W świetle rekonstrukcji etymologii praindoeuropejskiej, zaprezentowanej w *The Tower of Babel. An International Etymological Database Project*, słowiańskie praformy **kādī́tī*, **čādъ*, **čādītī* wywodzą się od p.i.e. **k(ʷ)ed-* 'dym', słowiań. 'czad'. Formą staroindyjską jest z kolei *kádru-* 'brązowy, czerwono-brązowy'.

---

141 L. Bednarczuk. *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego...*, s. 84; 91; 96.

142 Katarzynę II fascynowały oryginalne poglądy Courta de Gébelina (1719/1725–1784) na temat wspólnego pochodzenia języków i gramatyki uniwersalnej oraz komparacyjnej.

143 P.S. Pallas. *Linguarum totius orbis vocabularia comparativa = Сравнительные словари всех языков и наречий собранные десницей Всевысочайшей особы императрицы Екатерины II.* Petropoli: Typis Johannis Caroli Schnoor, 1791, s. 290.

144 Hasło *кади́ть*. [W:] M. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка...* T. 2, s. 156.

145 *Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorny's...*, s. 1479.

Słownik Juliusa Pokornego, zrewidowany przez George'a Starostina[146], przedstawia rdzeń **ked-* w zn. 'dym; opar; palić; przysparzać sadzy'. Starostin dopuszcza jego pochodzenie od słowa *kadamba* 'Nauclea cadamba' (drzewo kadamba o żółtych i pomarańczowych kwiatach).

Poniżej przytoczono etymologię nostratyczną protopostaci eurazjatyckiej **ḳE(n) dV* 'mgła':

Eurazjatycka: **ḳE(n)dV*
Znaczenie: 'mgła'
Indoeuropejska: **k(ʷ)ed-*
Ałtajska: **k`ĕdò*
Uralska: **kintV (*küntV) (cf. also *kuδV ?)*
Drawidyjska: ? tamilski *kūtir* 'zimno, zimny wiatr'
Eskimosko-aleucka: **qitə-*

W następnej kolejności przedstawione zostały etymologie poszczególnych protoform: ałtajskiej **k`ĕdò* 'wiatr, mgła, chmura', turkijskiej **Kad* 'wiatr, trąba powietrzna", protomongolskiej **küdeŋ* 'mgła', tungusko-mandżurskiej **xedü-n* 'wiatr', japońskiej **kəti (~ -ua-)* 'wiatr od wschodu', protouralskiej **kintV (*küntV)* / **künti* 'mgła; para, parować; dym', protoeskimoskiej **qitə-* 'mgła, mżawka, deszcz'.

Protoałtajska: **k`ĕdò*
Znaczenie: 'wiatr, mgła, chmura'
Prototurkijska: **Kad*
Protomongolska: **küdeŋ*
Prototungusko-Mandżurska: **xedün*
Protojapońska: **kəti (~ -ua-)*
Protouralska: **kintV (*küntV)* / **künti*
Komentarz: zob. С.А. Старостин[147], А.В. Дыбо[148]

Prototurkijska: **kad*
Znaczenie: 'wiatr, trąba powietrzna'
Karachanidzki (ujgursko-karachanidzki): *qaδ*[149]
Turecki: *kaj* 'słota'
Średnioturecki: *qaj*
Turkmeński: *Gaj*
Chakaski: *xas*
Jakucki: *xatā-* 'być zimno wiosną'
Tuwiński: *xat, xadɨ-* 'być zamarzniętym, zmrożonym'
Tofa (tofalarski): *qat*

---

146 Tamże, s. 1479.
147 С.А. Старостин. *Алтайская проблема и происхождение японского...*, s. 289.
148 А.В. Дыбо и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских...*, s. 11.
149 G. Clauson. *Etymological Dictionary of PreThirteenth Century*. Oxford: University Press, 1972.

Kirgiski: *qaji-* 'być zamarzniętym, zmrożonym'
Komentarz: zob. Clauson[150], Севортян [151], А.В. Дыбо[152]; zapożyczenie z samodyjskiego **kacu* 'trąba powietrzna' jest, wbrew Helimskiemu[153], mało prawdopodobne.

Protomongolska: **küdeŋ*
Znaczenie: 'mgła'
Pisany mongolski: *küdeŋ*
Chalchaski (dialekt): *xüden*
Kałmucki: *küdŋ*
Ordoski (dialekt): *küde*, *küdük*
Komentarz: zob. Ramstedt 1935[154]

Prototungusko-mandżurska: **xedü-n*
Znaczenie: 'wiatr'
Ewenkijski: *edin*
Eweński: *edɔn*
Negidalski: *edin*
Potoczny mandżurski: *udun*
Literacki mandżurski: *edun*
Dżurdżeński: *hedu-un*
Ulczski: *xedu(n)*
Orok (ulta): *xedu(n)*
Nanajski: *xedu(n)*
Oroczański: *edi(n)*
Udejski: *edi(n)*
Soloński: *edĩ*
Komentarz: zob. Цинциус [155]

Protojapońska: **kəti (~ -ua-)*
Znaczenie: 'wiatr od wschodu'
Starojapoński: *k(w)oti*
Średniojapoński: *koti*
Tokyo: *kochi* (arch.)
Komentarz: zob. Martin[156]

---

150 Tamże, s. 593.
151 Э.В. Севортян и др. *Этимологический словарь тюркских языков*. Т. 5: *Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «Ḳ»*. Москва: Наука, 1997, s. 193–194.
152 А.В. Дыбо и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских...*, s. 46.
153 Ye. Helimski. *Samoyedic loans in Turkic. Checklist of etymologies*. [W:] *Laut und Wortgeschichte der Türksprachen*. Hrsg. von B. Kellner-Heinkele, M. Stachowski. Wiesbaden: Harrasowitz, 1995.
154 G.J. Ramstedt. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1935, s. 244.
155 В. Цинциус и др. *Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю.* Т. 2: *О–Э*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1977, s. 438–439.
156 S.E. Martin. *The Japanese Language Through Time...*, s. 458.

Protouralska: **kintV (*küntV)*; alternatywa **künti* (wg Janhunena[157] i Sammallahti[158])
Znaczenie: ‘mgła; para, parować; dym’
Udmurcki: *kiḑ* ‘mgła’; ‘umysł, zmysł’ ?
Komi: *miḷ-kiḑ* (zyriański), *mə̑l-kə̑d* (komi) ‘umysł; chęć, życzenie’ ?
Węgierski: *köd* ‘mgła’
Nieniecki (juracki): *śun* ‘para, dym’
Eniecki (jenisej-samojedzki): *śuddo* ‘powstający dym’
Nganasański (tawgi-samojedzki): *kinta* ‘dym’
Selkupski (ostiak-samojedzki): *symdə* (Sg. *syndim*)
Kojbalski: *siunö*, matorski: *kiundu*, tajgijski: *kündo*

Protoeskimoska: **qitə-*
Znaczenie: ‘mgła, mżawka, deszcz’
Protojupik: **qitə-*
Protoinupik: **qitə-ʁ-, (~ *-c-)*
Komentarz: Ten rdzeń został zmieniony w wyniku kontaminacji **qəci-ʁ* ‘pluć’ w inupik (w niektórych językach nastąpił rozwój fonetyczny **-it-* > **-ic-*).

Czy można mówić o pokrewieństwie *kadyka* z *grdyką* lub *krtanią*?

Analizując semantykę jednostki leksemów *jałowiec/kadyk* można pójść jeszcze krok dalej. W systemach języków wschodniosłowiańskich występuje słowo *kadyk*, lecz ma ono inną wartość semantyczną aniżeli omawiane powyżej. Znaczenie jego dotyczy bowiem części anatomicznej, zwanej *jabłkiem Adama* (*wyniosłość krtaniowa*, łac. *prominentia laryngea*). W języku rosyjskim przyjmuje ono formę *кадык* (*выступ гортани*, *адамово яблоко*), w ukraińskim — *кадик* (*виступ гортані*, *адамове яблуко*), w białoruskim — *кадык* (*Адамаў яблык*). W tym konkretnym znaczeniu wschodniosłowiańska forma *кадык ~ кадик* najprawdopodobniej przejęta została z języka tureckiego, gdzie wiąże się ona ze znaczeniem ‘twardy, mocny, wystający’[159]. W dzisiejszym tureckim skała to *kaya*, góra zaś to *dağ*, a zatem specjalista od historii języka z pewnością odnajdzie bez trudu i wyjaśni stosowne analogie fonetyczno-morfologiczne obu form.

Wprawdzie we współczesnym języku tureckim funkcjonuje również obrazowa kalka biblijna *Âdem elması*, ale krtań po turecku to *gırtlak*, a policzek — *yanak*. W polszczyźnie *jabłko Adama* posiada synonim *grdyka*. W bułgarszczyźnie używa się słowa *гръклян*, będącego zapewne transferem z języków turkijskich, na co wskazuje chociażby sama postać brzmieniowa. Jak brzmi słowo oznaczające krtań w dalekich językach

---

157 J. Janhunen. *Uralilaisen kantakielen sanastosta*. Suomalais-Ugrilaisen Seuran Aikakauskirja 77. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1981, s. 219–271.

158 P. Sammallahti. *Historical phonology of the Uralic Languages*. [W:] *The Uralic languages*. Ed. by D. Sinor. Leiden: Brill, 1988, s. 478–554.

159 А.В. Семёнов. *Этимологический словарь русского языка*. Москва: Юнвес, 2003. [Online] <http://evartist.narod.ru/text15/001.htm> (1.10.2014).

azjatyckich? W koreańskim grdyka to 결후 [wym. *gyeolhu*], bengalskim — কণ্ঠা [wym. *kaṇṭhā*] itd.

W języku węgierskim *gyanta* oznacza ‘żywicę’.

W słowniku etymologicznym Vasmera *кады́к* zapisane zostało pod hasłem połączenie wyrazowe *закадычный друг* ‘serdeczny przyjaciel’ (dial. *кондык*). Uczony motywuje pochodzenie słowa pożyczką tatarską (patrz wyżej). Przytacza także pejoratywnie nacechowany oraz mający ograniczony terytorialnie zasięg użycia wyraz *кадка* ‘gardło’, który w świetle etymologii ludowej wiąże się z wyrazami *кадка*, *кадь* ‘kadź’[160] (podobieństwo kształtu?).

W *The Tower of Babel. An International Etymological Database Project* odnajdujemy praałtajską formę **găte* ‘mocno; twardy’.

Protoałtajska: **găte*
Znaczenie: ‘silny; mocno, bardzo’
Turkijska: **ged*
Mongolska: **küdür*
Tungusko-mandżurska: **gata- / *kada-*
Japońska: **kətə*
Komentarz: Rdzeń ujawnia pewne nieregularności fonetyczne — prawdopodobwnie z uwagi na kontaminację **két ʿo* ‘dużo, wiele’ i **kádì(rV)* ‘silny, twardy’.

Z powyższą prapostacią kojarzy się jeszcze inna, a mianowicie: **Kádì(rV)* oznaczająca ‘silny, twardy, uciążliwy’.

Protoałtajska: **Kádì(rV)*
Znaczenie: ‘silny, twardy, uciążliwy’
Turkijska: **Kadɨr*
Mongolska: **keder*
Tungusko-mandżurska: **kadara-ku*
Japońska: **kítú-*
Komentarz: Forma sufiksalna **Kádì-rV* znajduje odzwierciedlenie w większości wyżej wymienionych podgrup.

Dla porównania przytacza się też protopostaci[161] nostratyckie i boreańskie związane z semantyką ‘gryźć’:

Protoałtajska: **keŋV*
Znaczenie: ‘gryźć’
Turkijska: **KEŋdi-*
Tungussko-mandżurska: **keŋi-*

---

[160] Hasło *Кадь, кадка*. [W:] М. Фасмер. *Этимологический словарь*..., T. 2, s. 157.

[161] Więcej na ten temat zob. *The Tower of Babel. An International Etymological Database Project*... <http://starling.rinet.ru/cgi-bin/etymology.cgi?single=1&basename=%2fdata%2fesq%2fesqet&text_number=+640&root=config> (1.11.2014).

Komentarz: izoglosa turkijsko-tunguska

Eurazjatycka: **kVngV*
Znaczenie: ‘gryźć’
Indoeuropejska: **ghnagh- / -e-*
Ałtajska: **keŋV*
Eskimo-aleucka: **qanəʁ(-)*
Komentarz: por. **kenV*

Protoindoeuropejska: **ghnēgh-*
Znaczenie: ‘gryźć’
Tocharski: *B nāsk-* (< **gnāg-sk-*) ‘jeść, gryźć’
Awestyjski: *aiwi-ɣnixta* ‘żuty, gryziony’
Bałtycka: **gnē̂g-ā̂*
Germańska: **knag-a-*, **gnag-a-*, **gnag-ō-*
Odniesienie: Pokorny[162]

Boreańska (approx.): *KVNV*
Znaczenie: ‘podbródek’
Eurazjatycka: **kenV* (por. **kVngV*)
Afroazjatycka: **gVn(Vn)-*
Sinokaukaski: **q̀wănʔū́*
Austrycka: PAA **ka:ŋ* ‘szczęka, twarz’, tajski *ga:ŋ* ‘podbródek ‘

Eurazjatycka: **kenV*
Znaczenie: ‘podbródek’
Indoeuropejska: **g’enew-*, **g’nē(w)-* (Indoir. **g’henu-*)
Uralska: FV **kōńa* ‘paszcza, pysk, podbródek’
Drawidyjski: **ken-* (SDr **kan_n_am* ‘policzek, twarz, szczęka, żuchwa, czeluść’)
Komentarz: por. **kVngV*
Odniesienia: Dolgopolski[163] **genu* ‘ szczęka, żuchwa, czeluść, policzek, twarz’[164], **kanȳu* ‘policzek, twarz, strona twarzy’ (trudno odróżnić)[165]

Protoeskimoska: **qanəʁ(-)*
Znaczenie: ‘usta, mówić’
Protojupik: **qanəʁ(-)*
Protoinupik: **qanə-ʁ*
Odniesienia: Comparative Eskimo Dictionary[166]

---

162 J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*.... T. 1, s. 584
163 A. Dolgopolski. *Nostratic Dictionary*...
164 Tamże, s. 637.
165 Tamże, s. 902.
166 M.D. Fortescue, S.A. Jacobson, L.D. Kaplan. *Comparative Eskimo Dictionary. With Aleut Cognates.* Alaska Native Language Cente. Research Paper. No 9. Fairbanks: University of Alaska, 1994, s. 283.

Co mówią komparatyści o wędrówce słów desygnujących drzewo iglaste?

Wśród etymologii, które weszły do pratureckiego i ogólnotureckiego, Eugene A. Helimski[167], nieżyjący już rosyjsko-niemiecki komparatysta językowy, zajmujący się zagadnieniami pokrewieństwa języków nostratycznego i uralskiego, wymieniał m.in. przytoczone niżej przypadki leksykalne: 1. prasamodyjski (prasamojedzki) **kaətyə* 'świerk' > pratur. **kady* 'sosna', 2. prasamod. **tyteg* 'sosna syberyjska (Pinus sibirica)' > og.tur. **tyt* 'modrzew', 3. prasam. **koəjə* 'góra, dział wód' > ogólnotur. **k(i)aja* 'skała, góra', 4. prasamod. **kasa* 'kora' > og.tur. **kās* 'kora', 5. prasam. **kacu* 'zamieć' > og.tur. **kād* 'zamieć, niepogoda, burza'. Glottochronologiczna datacja rozpadu prasamodyjskiego szacowana jest na 410 rok p.n.e., co — zdaniem uczonego — pozostaje w zgodzie z potencjalnymi kierunkami transferów leksykalnych do pratureckiego z prasamodyjskiego (przypuszczalna lokalizacja ok. I tysiąclecia p.n.e. — wschodnia część obszaru położonego nad rzekami: Ob i Irtysz) lub prapołudniowosamodyjskiego.

Anna Dybo, lingwistka rosyjska, turkolog i komparatysta (córka Władimira A. Dybo), neguje kierunek powyższych zapożyczeń, uzasadniając swą tezę ałtajskimi osnowami etymologii[168], tj. 1. praałtajski **ke(n)da* 'rodzaj iglastego drzewa' : pratur. **kady* 'sosna', pratur.mong. **kende-* 'tuja', 2. praałt. **cā~kte* 'sosna, modrzew' : pratur. **III* 'modrzew', pratur.mong. **jagda* 'sosna', 3. praałt. **kadV* 'skała, góra' : pratur. **k(i)aja(?)* 'skała', pramong. **kada* 'skała', 4. praałt. **k'iose-* 'drapać, ściąć' : pratur. **kas* 'kora, obdzierać', pramong. **kisu-* 'drapać, ciąć', pratur.mong. **xusi/*kusi* 'nóż', prajap. **kusa /*kasa-i* 'egzema', 5. praałt. **k'edo* 'wiatr, tuman' : pratur. **kad* 'plucha, burza', pramong. **küdeg* 'tuman', pratur.mong. **xedün* 'wiatr', prajap. **kəti* 'wschodni wiatr'[169].

W związku z niektórymi spośród wymienionych słów nasuwają się analogie leksykalne ze współczesną fińszczyzną, por. fiń. *kuusi* 'świerk; sosna' względem pratur. mong. **xusi/*kusi* oraz fiń. *kisu* 'kotek', *kissa* 'kot' względem pramong. **kisu-* 'drapać, ciąć'. Wydaje się, że słowa te dziedziczone zostały z najstarszej warstwy leksyki, nazwijmy ją *protoleksyką*, wchodzącej jednocześnie w skład pewnej *siatki protopojęć*. W mojej ocenie słowa te można byłoby rozważyć również w kategoriach podłoża onomatopeiczno-deskryptywnego (głoska *k*, ujawniająca się w nagłosie, jako reakcja np. na ból, nieprzyjemne doznanie).

Lingwiści zauważają również, iż ludy tureckie nie dysponowały wystarczającą wiedzą o gatunkach drzew iglastych, skutkiem czego dokonywały adaptacji nazw nieznanych drzew dla zupełnie innych desygnatów roślinnych. Przypadek taki miał miejsce m.in. we wskazanej wyżej nazwie 1. prasamod. **kaəty* 'sosna' > pratur. **kady* 'sosna' i 2. prasamod. **tyteg* 'sosna syberyjska' > og.tur. **tyt* 'sosna syberyjska'[170].

---

167 Za A.B. Дыбо. *Хронология тюркских языков...*, s. 779.

168 Zob. S.A. Starostin, A.V. Dybo, O.A. Mudrak. With assistance of I. Gruntov and V. Glumov. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Vol. 1–3. Leiden — Boston: Brill 2003.

169 A.B. Дыбо. *Хронология тюркских языков...*, s. 779.

170 Tamże.

Nietrudno dostrzec też pewną zbieżność odzwierciedloną we współczesnym języku węgierskim, w którym ‘igła, szpilka’ zwie się *tű*. Zaś we współczesnym tureckim kadzidło określa się jako *tütsü*.

Niektóre przypadki pożyczek samodyjskich Anna Dybo[171] uznaje za bardziej prawdopodobne pod względem formalnym niż etymologię ałtajską. Chodzi m.in. o 3. prasamod. **koəjə* ‘góra, dział wód’ > og.tur. **k(i)aja* ‘skała, góra’. Samodyjskie słowo posiada etymologię uralską (choćby ogólnie przyjętą: praural. **kaδ'a* > węg. *hegy* ‘szczyt, góra’), turecki zaś narusza standardowy schemat rozwoju praałt. **d* > pratur. **d*, demonstrując **j* zamiast **d*. 4. prasamod. **kāsa* ‘kora’ > og.tur. **kā~s* ‘góra’. Wyraz turecki w aspekcie semantyki „bije” etymologię ałtajską, samodyjski posiada „normalną” etymologię uralską (praugrofiński **ко(в)скз* ‘kora’; zauważmy[172]: fiń. *kauha* ‘łyżka drewniana’, por. ros. *ковш* ‘łyżka drewniana’, st.rus. *ковць* ‘rodzaj naczynia’, st.rus. *ковнъ* ‘naczynie’, śr.-d.-niem. *kouwesse*, st.ind. *kṓṣas* ‘naczynie, beczka’, osetyń. *ḱūs/ḱos* ‘miska’, ałt. *köš*, jakuc. *küös* ‘garnuszek, czasza’, czan. *ḱuzi*, gruz. *ḱovzi* ‘łyżka’, pers. kūza ‘małe naczynie’, arm. *kuž* ‘małe naczynie’, a także osetyń. *kusinæ* ‘dzban’[173]). Dwa przypadki, tj. 1. prasamod. **kaətyə* ‘świerk’ > pratur. **kady* ‘sosna’ i 2. prasamod. **tyteg* ‘sosna syberyjska’ > og.tur. **tyt* ‘modrzew’, prócz — negującego hipotezę zapożyczenia — faktu obecności etymologii ałtajskich wśród wyrazów tureckich, prezentują tę samą semantyczną (i kulturową) osobliwość, mimo istnienia pary międzyjęzykowej poprawnej fonetycznie i semantycznie. W wypadku przyjęcia hipotezy o zapożyczeniu samodyjskim okazuje się, że ludy tureckie, z jakiegoś powodu przysposabiając nazwę wcześniej nieznanego im drzewa, zapożyczali dla niego nazwę zupełnie innego drzewa. Jeśli zaś chodzi o geografię rozpowszechnienia omawianych drzew, to wypadałoby zauważyć, że cedr zaświadczony jest na południowych stokach Ałtaju Mongolskiego (i jest to skrajnie południowa granica jego występowania), ekspansja zaś modrzewia posunięta jest dużo dalej na wschód i na południe, a zwłaszcza, w paśmie Tienszanu i na wyżynie Ordos, tj. o wiele bliżej niż przypuszczalne miejsca bytowania Praturków, więc zapewne był im lepiej znany niż sosna i świerk. W świetle powyższego zapożyczenie nazwy cedru do oznaczenia modrzewia, bądź świerku dla oznaczenia sosny, staje się — w ocenie Anny Dybo — mało prawdopodobne[174].

Etymologie nostratyckie

Przedstawmy na koniec przedkładane przez zespół światowych uczonych-nostratyków koncepcje rekonstrukcji wybranych form protoałtajskich, opracowanych w ramach międzynarodowego projektu *The Tower of Babel. Evolution of Human Language Project*[175], zainicjowanego przez Sergeja Starostina w 1998 roku. Uwzględnione zostaną przy tym formy protoałtajskie **kə̆daŋV (~ k`-)* ‘drzewo liściste’, **kadV* ‘skała, góra’,

---

171 Tamże.

172 Uwagi moje — KW.

173 Analogie wybrano ze słownika etymologicznego Vasmera. Zob. hasło: *ковш*. [W:] М. Фасмер. *Этимологический словарь русского языка*... T. 1, s. 273.

174 Tamże.

175 *The Tower of Babel. An International Etymological Database Project*...

**ke(n)da (~ -o)* 'drzewo iglaste', prototunguska **kende-* 'tuja', **kā̀nt`V* 'dotrzeć, osiągać', *\*k`ědò* 'wiatr, mgła, chmura', **k`ě̀ta* 'pokonać, walczyć', *\*k`et[o]* 'rozrywać, rozdzierać'. Jeśli etymologie opatrzone były komentarzami, zostaną one poniżej przytoczone.

Protoałtajska: **kǎdaŋV (~ k`-)*
Znaczenie: 'rodzaj drzewa liściastego'
Turkijska: **Kadɨŋ*
Mongolska: **kaduŋ*
Japońska: **kání-pà*
Komentarz: zob. Ramstedt[176], Doerfer[177] („niejasne"). W japońskim prawdopodobnie ma związek z **pa* 'liść'; **kání* < **kadV-N* z regularną asymilacją nosową. Stara forma **kadiNpa* znajduje potwierdzenie w pożyczce ajnuskiej *karinpa* 'brzoza lub wiśnia'.

Protoałtajska: **kadV*
Znaczenie: 'skała, góra'
Turkijska: **K(i)aja* (?)
Mongolska: **kada*
Tungusko-mandżurska- **kada-*
Komentarz: zob. Ramstedt 1952[178], Ramstedt 1935[179], Poppe[180], Räsänen[181], Старостин[182], А.В. Дыбо[183]. Izoglosa zachodnia. Zaskakuje *-j-* zamiast spodziewanego *-d-* (por. G. Doerfer[184]); być może st.turk. *qaja* stanowi zapożyczenie z jakiegoś archaicznego *j*-dialektu? Helimski[185] dla tureckiego słowa sugeruje etymologię samodyjską (protosamod. **koəjə* 'góra'), czego nie można całkowicie wykluczać. Ale oczywiście mong. nie jest < tur. (mimo Щербак[186]). Por. toponim: st.turk. *Ezgenti qadaz* = mong. *Ergenetü qada*.

---

176 G.J. Ramstedt. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1935, s. 159.

177 G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. 3: *Türkische Elemente im Neupersischen, gĭm bis kāf*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967, s. 184.

178 G.J. Ramstedt. *Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft*. I: *Lautlehre*. II: *Formenlehre*. Helsinki: Suomalais-urgilainen seura, 1952–1957, s. 146.

179 G.J. Ramstedt. *Kalmückisches Wörterbuch...*, s. 158.

180 N. Poppe. *Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen*. Teil 1: *Vergleichende Lautlehre*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1960, s. 95.

181 M. Räsänen. *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Lexica Societas Fenno-Ugricae, 1969, s. 221.

182 С.А. Старостин. *Алтайская проблема и происхождение японского языка*. Москва: Наука, 1991, s. 288.

183 А.В. Дыбо и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*. Москва: Наука, 1997, s. 96–97.

184 G. Doerfer. *Türkische und mongolische Elemente...* T. 1, s. 394; T. 3, s. 566.

185 Ye. Helimski. *Samoyedic loans in Turkic. Checklist of etymologies*. [W:] *Laut und Wortgeschichte der Türksprachen*. Hrsg. von B. Kellner-Heinkele, M. Stachowski. Wiesbaden: Harrasowitz, 1995, s. 75–96.

186 А.М. Щербак. *Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.)*. [W:] *Early Turko-Mongolian Language Contacts (VIII–XIV centuries)*. Институт лингвистических исследований

Protoałtajska: **ke(n)da (~ -o)*
Znaczenie: ‘rodzaj drzewa iglastego’
Turkijska: **Kạdɨ* ‘sosna’
Chakaski: *xara-xazɨ*
Czuwaski: *xɨrъ*
Jakucki: *kɨtɨan* ‘jałowiec’
Tuwiński: *xadɨ*
Tofalarski: *xadɨ*
Komentarz: zob. Севортян[187], Мудрак[188]. Większość języków odzwierciedla połączenie **Kara-kạdɨ* (zapożyczenie z mong. jako *qaraɣai* ‘modrzew’).

Prototungusko-mandżurska: **kende-*
Nanajska: *kendele(n)*, *kendelē(n)* ‘tuja’[189]
Oroczański: *kēndēlē* ‘nazwa drzewa’
Udehejski: *kendele* ‘czerwone drzewo’[190]
Komentarz: Nie do końca pewna izoglosa turkijsko-tunguska; Helimski[191] sugeruje dla tureckiego pożyczkę samodyjską **kaətɨ̯ə*.

Protoałtajska: **kā̀nt`V*
Znaczenie: ‘dotrzeć, osiągać’
Mongolska: **kan[t]u-*
Tungusko-mandżurska: **kānta-*
Komentarz: Izoglosa mongolsko-tunguska. Por. możliwe czuwaskie *xondъ* ‘chronić, osłaniać’, ‘oddziaływanie, wpływ’ itd. (o ile nie z mongolskiego). Por też st.jap. *katug-* ‘nieść, wieźć, dźwigać’ (choć może to być wariant ***kataga-***, może być też połączeniem ***kata*** ‘ramię, krawędź’ + *aga-* ‘podnieść, podnośnik’)

Protoałtajska: **k`ẹ̀ta*
Znaczenie: ‘pokonać, walczyć’
Turkijska: **Katar-*
Mongolska: **kadagala-*
Tungusko-mandżurska: **xete-*
Japońska: **kàt-*
Komentarz: japońsko-tungusko-mandżurska; zob. Martin[192]

Protoałtajska: **k`et[o]*

РАН. Санкт-Петербург: Наука, 1997, s. 132.

187 Э.В. Севортян и др. *Этимологический словарь тюркских языков*. Т. 5: *Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К»*, «Қ». Москва: Наука, 1997, s. 291–292.

188 О.А. Мудрак. *Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва 1994, s. 179.

189 С.Н. Оненко. *Нанайско-русский словарь*. Москва: Русский язык, 1980.

190 И.В. Кормушин. *Удыхейский язык*. Москва: Наука, 1998, s. 154.

191 Ye. Helimski. *Samoyedic loans in Turkic...*

192 S.E. Martin. *The Japanese Language Through Time...*, s. 75.

Znaczenie: ‘rozrywać, rozdzierać’
Turkijska: **Kotar-*
Mongolska: **kadu-*
Tungusko-mandżurska: **xetü-*
Komentarz: wyraźna izoglosa zachodnia; por. **k`àd[ú]*, z możliwą kontaminacją.

Wydaje się ponadto, iż rozwój znaczeń w poszczególnych systemach leksykalno--semantycznych analizowanych porównawczo etnolektów charakteryzują podobne tendencje. Świadczyć to może o pewnym stopniu zbieżności w zakresie kreowania siatek pojęciowych przez różne etnosy, o podobnym *obrazie świata*, a także o paralelnym rozwoju językowo-kulturowym odrębnych etnosów. W gruncie rzeczy znaczenia, które uległy specjacji, musiały rozwinąć się z jakiejś wspólnej protopraformy. Jednak odtworzyć ją mogą jedynie nostratycy. Zapewne część ujawnionych paraleli formalno-semantycznych jest wynikiem przypadkowych zbieżności. Dokonując pogłębionej analizy etymologiczno-leksykologicznej należałoby bez wątpienia ustalić swoiste *tertium comparationis*.

Podsumowanie

Przeanalizowaszy, siłą rzeczy dość jeszcze powierzchownie, szereg źródłosłowów, paraleli form leksykalnych, zbieżności brzmieniowo-leksykalnych, ujawniających się w językach, które wywodzą się z genealogicznie i typologicznie różnych rodzin, wypadałoby skonstatować, iż słowo *kadyk/jałowiec* ma pochodzenie o wiele dawniejsze niż to opisywane przez europejskich uczonych jako uralskie. W większości języków, składających się na postulowaną rodzinę/ligę uralo-ałtajską, polski wyraz *kadyk* oraz fińska praforma **kataga* mają swoje analogi zarówno akustyczno-fonetyczne, jak i semantyczno-leksykalne. Na obecnym etapie świadomości lingwistycznej oraz posiadanej wiedzy z zakresu gramatyk historycznych poszczególnych języków (a nawet rodzin językowych), autorka powyższego tekstu jeszcze nie jest w stanie wskazać, od której z postulowanych protoform ałtajskich należy wywodzić analizowane formy językowe. Jeśli przyjrzymy się semantyce przytoczonych powyżej protopostaci nostratyckich, skonstatujemy, iż wszystkie ich sensy są w jakiś sposób ze sobą powiązane. Wybór rekonstruowanych postaci (hipotetycznych protoform) z bazy danych *The Tower of Babel*, wykreowanej przez Sergeja Starostina, zdeterminowany był zarówno kryterium formalnym, jak i semantycznym.

Autorka ma świadomość, iż w przedstawionym wywodzie brakuje spoiwa —szczegółowej wiedzy historycznojęzykowej na temat zmian fonetyczno-morfologicznych, jakie zachodziły w językach na przestrzeni stuleci, a nawet tysiącleci. Prezentowany powyżej obszerny materiał leksykalny przyrównać więc można do zgromadzonych cegiełek, które należałoby dopiero odpowiednio ułożyć i połączyć, a część z nich być może odrzucić.

Powyższe rozważania stanowią jedynie asumpt do przeprowadzenia poważniejszych, pogłębionych badań w kontekście nostratyki, wiążących jej ustalenia z najnowszymi osiągnięciami genetyki lingwistycznej, zapowiadającej istotny przełom w nauce.

Bibliografia

A Pallas nagy lexikona. Magyar Elektronikus Könyvtár. 2000. [Online] <http://mek.oszk.hu/00000/00060/html/015/pc001509.html> (1.10.2014).

Aho J. *Katajainen kansani. Ja muita uusia ja vanhoja lastuja vuosilta 1891 ja 1899*. Helsinki: WSOY, 1899.

Aho J. *Katajainen kansani*. [Online] Project Gutenberg eBooks of *Katajainen Kansani* by Juhani Aho. <http://www.gutenberg.org/cache/epub/13768/pg13768.html> (18.10.2014).

AlWaraq.net. [Online] <http://www.alwaraq.net/Core/SearchServlet/searchall?book=-1&option=1&offset=1&searchtext=2LPZhtiv2LHZiNiz&WordForm=1&RangeOp=-1> (1.10.2014).

Andersen H. *Slavic and the Indo-european migrations*. [W:] *Language contacts in prehistory. Studies in stratygraphy*. Ed. by. H. Andersen. Los Angeles: University of California, 2003.

Antkowiak L. *Rośliny lecznicze*. Poznań: Wydawnictwo Akademii Rolniczej im. Augusta Cieszkowskiego w Poznaniu, 1998.

Aspects of Altaic civilization III. Proceedings of the thirtieth meeting of the Permanent International Altaistic Conference. Indiana University, Bloomington, Indiana, June 19–25, 1987. Ed. by. D. Sinor. Indiana University. Research Institute for Inner Asian Studies. Bloomington: Indiana University, 1990.

Blažek V. *Old Prussian arboreal terminology*. „Linguistica Baltica” 2001, IX, s. 29–61.

Błaziak I.B. *Jałowiec (Juniperus communis) w ujęciu kulturowym*. [W:] *Kontakty językowe i kulturowe w Europie. Sprach- und Kulturkontake in Europa*. Red. A. Kątny. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006, s. 119–128.

Bednarczuk L. *Zapożyczenia ugrofińskie w językach bałtosłowiańskich*. „Acta Baltico-Slavica” 1976, nr 9, s. 39–63.

Bednarczuk L. *Stosunki językowe na ziemiach Wielkiego Księstwa Litewskiego*. Kraków: Oficyna Wydawnicza Edukacja, 1999.

Budziszewska W. *Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody żywej*. Wrocław: Ossolineum, 1965.

Burrow T., Emeneau M.B. *A Dravidian Etymological Dictionary.* 2nd ed. Oxford: Clarendon Press, 1984.

Ciaciura M., Umiastowska M. *Rośliny biblijne ogrodu dendrologicznego w Przelewicach*. „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego. Acta Biologica” 2006, 13 (449), s. 51–96.

Clauson G. *Etymological Dictionary of PreThirteenth Century*. Oxford: Oxford University Press, 1972.

Collinder B. *Fenno-Ugric Vocabulary. An Etymological Dictionary of the Uralic Languages.* T. 1. Stockholm: Almqvist & Wiksell, 1955.

Cwicbēam-rind. [W:] *Dictionary of Old English Plant Name*. Ed. by P. Biermaumer, H. Klug, H. Sauer, U. Krischke. University of Graz (Austria) — University of Munich. [Online] <http://oldenglish-plantnames.org/about/latest_entries/875-cwicb-am-rind?page=91> (1.10.2014).

Czerwiakowski I.R. *Botanika lekarska do wykładów oraz dla użytku lekarzów i aptekarzów skreślona*. Kraków: Nakładem autora, druk. Uniwersytetu, 1861.

Diefenbach L. *Völkerkunde Osteuropas insbesondere der Haemoshalbinsel und der unteren Donaugebiete*. Zweiter Band. Darmstadt: Verlag von L. Brill, 1880.

Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen*. Bd. I–IV. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1963–1975.

Dolgopolski A. *Nostratic Dictionary*. *Long-range etymologies*. Unpublished, s. 606. [Online] <http://starling.rinet.ru/descrip.php?lan=en#bases> (1.10.2014).

Donner O. *Über den Einfluss des Litauischen auf die finnischen Sprachen*. „Internationale Zeitschrift für allgemeine Sprachwissenschaft”. Bd. I. Leipzig: Johann Ambrosius Barth, 1884, s. 257–271.

Fraenkel E. *Litauisches etymologisches Wörtebuch.* Heidelberg: C. Winter, 1962–1965.

Gromady przyrodzone królestwa roślinnego. Podług układu Ant. Wawrz. de Jussieu wyd. przez S. Pisulewskiego. Warszawa: W Drukarni Juljana Kaczanowskiego, 1841. [Online] <http://reader.digitale-sammlungen.de/en/fs1/object/display/bsb10304294_00265.html> (31.10.2014).

Hageneder F. *Magia drzew*. Przeł. M. Czekański. Warszawa: Świat Książki, 2005.

Häkkinen K. *Nykysuomen etymologinen sanakirja*. Helsinki:WSOY, 2004.

Harper D. *Online Etymology Dictionary*. Programming by D.C. Buglione. Sponsored Words. 2001–2014. [Online] <http://www.etymonline.com/index.php?term=juniper> (31.10.2014).

Helimski Ye. *Samoyedic loans in Turkic. Checklist of etymologies*. [W:] *Laut und Wortgeschichte der Türksprachen*. Hrsg. von B. Kellner-Heinkele, M. Stachowski. Wiesbaden: Harrasowitz, 1995, s. 75–96.

Huojuvaiset. Sunnuntai. 5. elokuuta 2012. [Online] <http://huojuvaiset.blogspot.com/2012/08/kataja-kataja-katava-kattaja-kadai.html> (1.09.2014).

ISLEX. Ordboka. Árni Magnússon-instituttet for islandske studier. Reykjavík. [Online] <http://islex.lexis.hi.is/islex/no?ord=9577&dict=NO&samleit=einir&nlo=1&nlj=1&fuzz=1&mal=NO> (1.10.2014).

Jagodziński M. *Truso. Między Weonodlandem a Witlandem*. Elbląg: Muzeum Archeologiczno-Historyczne w Elblągu, 2010.

Jałowiec pospolity. [W:] *ForumKwiatowe.pl. Portal polskich florystów*. Zespół pracowników Uniwersytetu Rzeszowskiego w ramach projektu „Traditional and wild" realizowanego przez Stowarzyszenie Pro Carpathia w Rzeszowie, współfinansowanego ze środków EFRR. [Online] <http://www.forumkwiatowe.pl/jalowiec-pospolity/> (20.10.2014).*Kalevala*. Z fińskiego przełożył i komentarzem opatrzył J. Litwiniuk. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1998.

Janhunen J. *Uralilaisen kantakielen sanastosta*. Suomalais-ugrilaisen seuran aikakauskirja 77. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1981, s. 219–271.

Juniperus cedrus. [Online] <http://www.plantarium.ru/page/image/id/189134.html> (1.10.2014).

Kalima J. *Itämerensuomalaisten kielten balttilaiset lainasanat*. Suomalaisen kirjallisuuden seuran tomituksia 202. Helsinki: Suomalaisen kirjallisuuden seura, 1936.

Karaś H. *Słownictwo gwarowe — zróżnicowanie terytorialne*. [W:] *Gwary polskie. Przewodnik multimedialny pod redakcją Haliny Karaś. Leksykon*. [Online] <http://www.gwarypolskie.uw.edu.pl/index.php?option=com_content&task=view&id=102> (1.10.2014).

Kluk K. *Dykcyonarz roślinny, w którym podług układu Linneusza są opisane rośliny nie tylko krajowe, dzikie, pożyteczne albo szkodliwe: na roli, w ogrodach, oranżeriach utrzymywane: ale oraz i cudzoziemskie, które by w kraju pożyteczne być mogły albo z których mamy lekarstwa, korzenie, farby etc., albo które jakową nadzwyczajność w sobie mają: ich zdatności lekarskie, ekonomiczne, dla ludzi, koni, bydła, owiec, pszczół etc. utrzymywanie, z poprzedzającym wykładem słów botanicznych i kilkorakim na końcu regestrem.* T. II. Warszawa: Drukarnia Xięży Piiarów, 1787.

Kolberg O. *Dzieła wszystkie.* T. 67: *Pieśni i melodie ludowe w opracowaniu fortepianowym*. Cz. 1. Z druków i rękopisów opracował J. Pawlak. Red. D. Pawlakowa. Kraków: Polskie Towarzystwo Muzyczne — Warszawa: Ludowa Spółdzielnia Wydawnicza, 1986.

Kuckenburg M. *Pierwsze słowo*. Przeł. B. Nowacki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 2006.

Lietuvių kalbos žodynas. Elektroninis variantas. Red. G. Naktinienė et al. T. VIII, s. 1001. [Online] <http://www.lkz.lt/dzl.php?12> (1.10.2014).

Linde S.B. *Słownik języka polskiego*. T. 1. Cz. 2: *G–L*. Warszawa: u autora, 1807.

Linnaei Caroli. *Species Plantarum.* Holmiae: Impensis Laurentii Salvii, 1753.

Maior P. *Lexicon Valachico-Latino-Hungarico-Germanicum, quod a pluribus auctoribus decursu triginta et amplius annorum elaboratum est*. Budae: Typis et Sumptibus Typographiae Universitatis Hungaricae, 1825.

Majewski E. *Słownik nazwisk zoologicznych i botanicznych polskich*. Warszawa: Nakładem autora, 1894.

Martin S.E. *The Japanese Language Through Time*. New Haven — London: Yale University Press 1987.

Mažiulis V. *Prūsų kalbos etimologijos žodynas*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijų leidybos centras, 2013. [Online] <http://www.prusistika.flf.vu.lt> (1.10.2014).

Mikkola J.J. *Paikannimien alalta III*. „Virittäjä” 1932, nr 36, Kotikielen Seura, Helsinki, s. 399–400.

Mitterpacher L. *Compendium historiae naturalis.* Conscriptum a Ludovico Mitterpacher. Budae: Sumptibus et Typis Typographiae Regiae Universitatis Pesthiensis, Anno 1799.

Mochizuki Ikuko hen. *Ruiju myōgi shō, yonshu shōtentsuki wakun shūsei* [類聚名義抄四種声点付和訓集成]. Tōkyō Kasama Shoin Shōwa 49. Tōkyō 1974.

Moszyński K. *Kultura ludowa Słowian*. T. 1: *Kultura materialna*. Wyd. 2 [powojenne]. Warszawa: Książka i Wiedza, 1967.

Otrębski J. *Gramatyka języka litewskiego.* T. 1: *Wiadomości wstępne, nauka o głoskach*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1958.

Pajewska E. *Opisanie lasu. Polskie słownictwo związane z lasem do roku 1939*. Szczecin: Wydawnictwo Fagus, 2002.

Paluch A. *Świat roślin w tradycyjnych praktykach leczniczych wsi polskiej*. Acta Universitatis Wratislaviensis, 752. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1984.

Pick J. *W świecie Biblii — flora*. Pelplin: Bernardinum, 1998.

Pismo Święte Starego i Nowego Testamentu (1980), w przekładzie z języków oryginalnych, oprac. zespół biblistów polskich z inicjatywy Benedyktynów Tynieckich, Biblia Tysiąclecia, wyd. 3 popr., Pallotinum, Poznań — Warszawa.

Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch.* 2 Bände. Bern und München: Francke Verlag, 1958.

Poppe N. *Vergleichende Grammatik der Altaischen Sprachen.* Teil 1: *Vergleichende Lautlehre*. Wiesbaden: Otto Harrasowitz, 1960.

Proto-Indo-European Etymological Dictionary. A Revised Edition of Julius Pokorný's Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. Indo-European Language Revival Association. Snanned and recognized by George Starostin (Moscow), who has also added the meanings. Revised and Published by the Dnghu Association. 2007, s. 1479. [Online] <http://marciorenato.files.wordpress.com/2012/01/pokorny-julius-proto-indo-european-etymological-dictionary.pdf> (1.10.2014).

Ramstedt G.J. *Kalmückisches Wörterbuch*. Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1935.

Ramstedt G.J. *Einführung in die Altaische Sprachwissenschaft*. I: *Lautlehre*. II: *Formenlehre*. Helsinki: Suomalais-urgilainen seura, 1952–1957.

Räsänen M. *Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Türksprachen*. Helsinki: Lexica Societas Fenno-Ugricae, 1969.

Rédei K. et al. *Uralisches Etymologisches Wörterbuch*. Lieferung 3. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986–1991.

Rejewski M. *Pochodzenie łacińskich nazw roślin polskich*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1996.

Relve H. *Puiden juurilla. Puut ja pensaat luonnossa ja kansanperinteessä*. Jyväskylä: Atena, 1997.

Riddle J.M. *Contraception and abortion from the ancient world to the Renaissance.* London: Harvard University Press, 1992.

Rzetelska-Feleszko E. *Polabisch*. [W:] *Wiener Enzyklopädie des Europäischen Ostens*. Bd. 10: *Lexikon der Sprachen des Europäischen Ostens*. Klagenfurt: Wieser Verlag, 2002.

Saarikivi J. *Itamerensuomalais-slaavilaisten kontaktien tutkimuksen nykytilasta*. [W:] *The Quasquicentennial of the Finno-Ugrian Society*. Suomalais-ugrilaisen seuran tutkimuksia. No 258, Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 2009, s. 109–160.

Sammallahti P. *Historical phonology of the Uralic Languages*. [W:] *The Uralic languages*. Ed. by D. Sinor. Leiden: Brill, 1988, s. 478–554.

Setälä E.N. *Fi. kataja 'Wachholder'*. [W:] *Beiträge zur finnisch-ugrischen Wortkunde*. Finnisch-Ugrische Forschungen 9. Helsingfors, 1909, s. 126–128.

Starostin S.A., Dybo A.V., Mudrak O.A. With assistance of I. Gruntov and V. Glumov. *Etymological Dictionary of the Altaic Languages*. Vol. 1–3. Leiden — Boston: Brill 2003.

Stebnicka K. *Jak to robiły kobiety w starożytności...* [Online] *Historia. Focus.pl*. <http://historia.focus.pl/swiat/jak-to-robily-kobiety-w-starozytnosci-398> (20.10.2014).

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Toim. Erkki Itkonen, Ulla–Maija Kulonen. 2. pain. Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Jyväskylä — Helsinki: Gummerus, 2001.

Szcześniak K. *Kadyk, czym jest i na jakim obszarze jest?* „Studia Rossica Gedanensia" I. Gdańsk 2014.

Sztabert Z. *Juniperus*. [Online] <http://wojciech2004.republika.pl/juniperus_jalowiec_gatunki.htm> (1.10.2014).

Szubert M. *Opisanie drzew i krzewów leśnych Królestwa Polskiego*. Warszawa: [s.n.], 1827.

The American Heritage ® Dictionary od Indo-European Roots. Rev. and ed. by C. Watkins. 2nd edition. Boston – New York: Houghton Mifflin Harcourt, 2000. [Online] <http://www.proto-indo-european.ru/dic-watkins/ier-p.htm> (1.10.2014).

The Tower of Babel. An International Etymological Database Project (Evolution of Human Language Project). Participants: The Russian State Univeristy of the Humanities (Center of Comparative Linguistics) — The Moscow Jewish University — The Russian Academy of Sciences (Dept. of History and Philology) — The Santa Fe Institute (New Mexico, USA) — The City University of Hong Kong — The Leiden University. [Online] <http://starling.rinet.ru/babel.php?lan=en> (1.10.2013).

Thomsen V. *Beröringer mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) sprog. En sproghistorisk undersøgelse*. København: Blanco Lunos, 1890.

Townsend Mackay J. M.R.I.A. *Flora hibernica*. Dublin: William Curry Jun and Company, 1892.

Trąba Cz., Rogut K., Wolański P. *Rośliny dziko wystepujące i ich oznakowanie. Przewodnik po wybranych gatunkach. Materiały dydaktyczne*. Rzeszów: ProCarpathia, 2012.

Tunkelo E.A. *Pari balttilaisperäiseltä näyttävää suomen sanaa*. [W:] *Juhlakirja Yrjö Wichmannin kuusikymmenvuotispäiväksi*. Suomalais-ugrilasen seuran tomituksia 58. Helsinki: Suomalais-ugrilanen seura, 1928, s. 273–302.

Wielgosz T. *Wielka księga ziół polskich*. Poznań: Publicat S.A., 2008.

Wojan K. *The Genesis of Homonymy of the Finnish Language*. "Fenno-Ugristica" 25: *Uurali keelte intra- ja interlingvistilised ühisjooned (Intra- and Interlinguistic Common Features of Uralic Languages)*. Ed. by Piret Klesment. Tartu: Tartu Ülikool. Uurali keelte haaru (University of Tartu. Division of Uralic Languages), 2003, s. 180–187.

Wojan K. *Zrozumieć język fiński*. „Speculum Linguisticum" Vol. II. Red. tomu M.A. Iwanowski. Warszawa: Bel Studio, 2014, s. 147–244.

Wojan K., *Nowogrodzkie gramoty brzozowe jako najstarsze bałtyckofińskie zabytki językowe*, „Przegląd Rusycystyczny" 3 (143), 2013, s. 99–117.

Wojan K. *Języki sztuczne — zapotrzebowanie społeczeństw czy fantazja jednostek?* [W:] *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów*. Red. nauk. K. Wojan, Ż. Sładkiewicz, A. Hau. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego (w druku).

Бурлак С.А., Старостин С.А. *Сравнительно-историческое языкознание*. Москва: Академия, 2005.

Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т. 1–4. Изд. испр. С-Петербург — Москва: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа 1880–1882.

Дыбо А.В. и др. *Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика*. Москва: Наука, 1997.

Дыбо А.В. *Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков*. Москва: Академия, 2004. [Online] <http://s155239215.onlinehome.us/turkic/40_Language/Dybo_2007LingivistContactsOfEarlyTurksRu.htm> (1.10.2014).

Константинова Н. *Заморское чудо. Можжевельники в ландшафтном дизайне*. Konstanta Park, 2010. [Online] <http://konstanta-park.ru/stati/landshaftnyi-dizain/zamorskoe-chudo-mozhzhevelniki-v-landshaftnom-dizaine> (1.10.2014).

Кормушин И.В. *Удыхейский язык*. Москва: Наука, 1998.

Македонска енциклопедија. Скопје: Македонска Академија на науките и уметностите, 2005

Михеева Н.А. *Морфолого-анатомические и кариологические особенности можжевельника обыкновенного (Juniperus communis L.) в гидроморфных и суходольных условиях произрастания*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата биологических наук. ВАК 03.00.05. Институт леса им. В.Н. Сукачева СО РАН. Красноярск 2005. [Online] <http://www.dissercat.com/content/morfologo-anatomicheskie-i-kariologicheskie-osobennosti-mozhzhevelnika-obyknovennogo-juniper> (20.10.2014).

Мудрак О.А. *Обособленный язык и проблема реконструкции праязыка*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Москва 1994.

Оненко С.Н. *Нанайско-русский словарь*. Москва: Русский язык, 1980.

Растения. Новейшая иллюстрированная энциклопедия по зелёному царству планеты. Ред. Дж. Маринелли. Перевод с английского. Москва: АСТ, Астрель, 2006.

Севортян Э.В. и др. *Этимологический словарь тюркских языков*. Москва: Наука, 1974–2000.

Старостин С.А. *Алтайская проблема и происхождение японского языка*. Москва: Наука, 1991.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. 1–4. Изд. 2. Москва: Прогресс, 1986–1987.

Цинциус В. и др. *Сравнительный словарь тунгусоманьчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю*. Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1975–1977.

Чимитдоржиева Г.Н. *Исторические связи бурятского и эвенкийского языков (на примере лексики)*. Улан-Удэ: Издательство БНЦ СО РАН, 2012.

Щербак А.М. *Ранние тюркско-монгольские языковые связи (VIII–XIV вв.)*. [W:] *Early Turko-Mongolian Language Contacts (VIII–XIV centuries)*. Институт лингвистических исследований РАН. Санкт-Петербург: Наука, 1997.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1: (*A – *besědьlivь*). Ред. О.Н. Трубачев. Российская академия наук. Институт русского языка. Москва: Наука, 1974.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Выпуск 10: (**к1ерась — *копь*). Ред. О.Н. Трубачев. Академия наук СССР. Институт русского языка. Москва: Наука, 1983.

Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 20: *(*morzatъiь — *mъrsknǫti*). Ред. О.Н. Трубачев. Российская академия наук. Институт русского языка. Москва: Наука, 1994.

Яната Н. *Українські народні назви рослин*. Нью-Йорк: Українська Вільна Академія Наук у США, 1973.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 142–155

AN ANALYSIS OF THE HOMONYMIC COMMUNITY OF THE FINNISH AND RUSSIAN LANGUAGES

KATARZYNA WOJAN

University of Gdańsk
Faculty of Languages, Institute of East Slavic Philology
Division of Eastern-Slavic Languages and Translation Studies,
Finnish Language Laboratory
Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Poland
e-mail: finkw@univ.gda.pl
(received 7.05.2014; accepted 17.11.2014)

Abstract

The subject of the analysis is the phenomenon of parallel presence of lexemes which fulfill the criteria of formal identicalness of sound (or its record) and are, at the same time, interlingual homonyms of two linguistic systems. The phenomenon is known as *interlingual homonemy* ('homonymy of homonyms'). Those are complete sets of interlingual homonyms, obtained after the formal classification of lexical sets of the two languages. The structural unit is a linguistic homonem, the complete set of interlingual homonymic pairs which have the origins in the formal convergence of two interlingual homonymic sets. Formal criteria are treated flexibly, although they are superordinate to the issues connected with homonymy.

The article contains the results of quantitative analysis concerning the homonymic community of the Finnish and Russian languages — up till now 295 converging sets have been recognized. From the presented quantitative data of relations between semantic homonymic Finnish and Russian sets, the medium values of convergent and non-convergent meanings will be calculated.

Key words

Lexical homonymy, Finnish and Russian languages, comparative analyses, interlingual classification.

Abstrakt

Analiza wspólnoty homonimicznej języka fińskiego i rosyjskiego

Przedmiotem opisu jest zjawisko paralelnego występowania w dwóch odmiennych systemach językowych leksemowych zbiorów homonimów wewnątrzjęzykowych. Zjawisko to określane jest mianem homonemii międzyjęzykowej ('homonimii homonimów'). Stanowią ją międzyjęzykowe zbiory homonimów leksemowych, spełniających kryteria formalne (wymóg identyczności / podobieństwa fonetyczno-graficznego). Jednostką nadrzędną (strukturalną) zbioru jest homonem wewnątrzjęzykowy, którym określa się pełny zbiór homonimów danego systemu języka o wspólnej formie. Z kolei pełny zbiór par homonimów międzyjęzykowych, powstałych w wyniku konfrontacji zgodnych formalnie leksemów lub/i homonemów wewnątrzjęzykowych dwóch systemów języka, nazwano homonemem międzyjęzykowym o krotności par będącej iloczynem krotności znaczeń obu homonemów (lub/i leksemów) wewnątrzjęzykowych.

Artykuł prezentuje dane analizy ilościowej wyłonionej wspólnoty homonenowej pary języków: fińskiego i rosyjskiego. Na obecnym etapie wyekstrahowano 295 całkowitych homonemów międzyjęzykowych. W oparciu o rezultaty klasyfikacji formalnej oraz semantycznej wyliczono średnią znaczeń zbieżnych i niezbieżnych dla danej międzyjęzykowej wspólnoty homonimicznej.

Słowa kluczowe

Homonimia leksykalna, język fiński i rosyjski, analiza porównawcza, klasyfikacja międzyjęzykowa.

Introduction

An growing interest in the issues connected with the relations between different languages as well as with some specific processes and the convergence of the phenomena which are present in lexicons can recently be observed. Lexical homonymy has gained a strong position in this research area.

The phenomenon of homonymy (from Greek *homos* 'identical' and *onoma* 'name') is present in most natural languages. Researchers have carried out numerous comparative analyses of the semantic level of pairs of words that represented either related languages or languages of different families. These analyses enable to form conclusions based on a wide area of relationships between these languages, also as regards the phenomenon of homonymy. Lexical and semantic relationships between entire language families or groups, for example, Slavonic and Finno-Ugric languages, are — on the other hand — very rare. A thorough investigation of the phenomenon is difficult due to the large number and the diversity of the languages in each family as well as due to the mental and cultural differences.

Most researchers are interested in the parallel presence of formally identical lexical forms in different languages. The research material can be illustrated with the following

example: the form *matka* is present both in Russian and Finnish. In Finnish, the lexeme *matka* means 'road, cruise; ride, journey', in Russian (*матка*), 'female; a woman who has a child; queen bee; womb'. Both these lexemes are polysemes of a narrow semantic area. The only reason why researchers are interested in this phenomenon is the fact that lexemes from different languages are identical in form. Other issues, such as the convergence of meanings, interlingual migrations of lexemes or linguistic and cultural relations between nations, are analysed after selecting common sets of forms. Linguists also concentrate on the phenomenon of correspondence of forms of the lexemes belonging to the language systems under analysis which, at the same time, are parts of the homonymic sets in their own languages. The research material is quite different in this case.

A contrastive analysis of the homonymic resources of Finnish and Russian leads to distinction of the phenomenon of identicalness or convergence of lexemes on the interlingual level, while the lexemes enter homonymic relations with other lexemes inside a given language system[1]. For example, *aura* in Finnish may have the following meanings:

I *aura* 1. 'weather', 2. 'climate, mood',
II *aura* 1.'neuro-psychological state', 2. 'in spiritualism: part of astral body',
III *aura* 1. 'plough', 2. 'snow-plough',
IV *aura* 'tax paid by peasant'.

Finnish *aura* has the identical phonic form with Russian homonyms:

I *аура* 1. 'weather', 2. 'climate, mood',
II *аура* 1. 'neuro-psychological state', 2. 'in spiritualism: part of astral body'.

Another example is the form *kara* which has following meanings in Finnish:

I *kara* 1. 'thorn; spine', 2. 'mandrel',
II *kara* 'Cinclus cinclus, dipper',

and has the identical phonic form with Russian homonyms meaning:

I *кара* 1. 'a bay in a river or a lake', 2. 'rectangular board with a cavity for fish or meat' (from Veps *kar* 'sea transgression, hole'),

[1] K. Wojan. *The Genesis of Homonymy of the Finnish Language*. "Fenno-Ugristica" 2003, No 25, p. 180–187; K. Wojan. *The Lexical Homonymy of the Finnish Language*. [In:] *Grammatika és kontextus. Új szempontok az uráli nyelvek kutatásában (= Grammatika ja kontekst. Uued vaatenurgad uurali keelte uurimises. = Grammar and Context. New Approaches to the Uralic Languages)*. Eds. by M. Csepregi, V. Masonen. Budapest: Urálisztikai Tanulmányok 17, 2007, p. 348–358; K. Wojan. *Wspólnota homonimiki języków europejskich (na przykładzie polskiego, rosyjskiego i fińskiego* [*The homonymic community of the European languages (on the material of Polish, Russian and Finnish)*]. Vol. 1–3. Unpublished Doctor Dissertation. Poznań: Adam Mickiewicz University, 2007; K. Wojan, Z. Wojan. *Сравннительно-сопоставительный анализ цифровой репрзентации лексем с дифференцированной акцентуацией*. [In:] *Congreso International «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional. Estado actual y perspectivas. Granada, 7–9 mayo 2007». Ponencias y comunicaciones*. Vol. 2. Ed. by R. Guzmán Tirado et al. Sankt-Peterburg – Granada: MIRS, 2007, p. 1243–1249.

II *кара* 1. 'low wooden trough for fish', 2. 'bulkhead of fishing boat', 3. (dialect) 'bowl (sailor´s)' (from Finnish *kara* 'bowl, trough' or Saamic *kārre* 'ts.'),
III *кара* 'penalty, revenge'.

Complex research into the homonymic community of different languages is carried out mainly to show the gradual, mutual process of penetration of differentiated linguistic influences, especially concerning the consolidation of the perception of the world among users of these languages. For practical reasons, the formal criteria are applied with considerable flexibility (the Russian lexemes are transcribed in the Roman alphabet)[2].

The main purpose of this paper is to present the results of the research on the lexical material which is the homonymic community of Russian and Finnish, the representatives of two different language families but the same *European language league*[3]. The selected languages are those of the nearest neighbours. The aim of the research is to prove existence of semantic convergences and divergences between the homonymic communities, which is achieved by comparing homonymy in each of the linguistic systems.

An overview of publications

So far, the phenomenon of the *homonymy of homonyms* has not been extensively investigated in comparative linguistics. It was first described by Danuta Buttler[4] who used the term *homonymy of homonyms* in reference to the occurrence of pairs of homonyms in different languages; in the pairs, one element or both had the same or different meanings. Buttler drew attention to the presence of homonyms common to Polish and Russian, claiming that they were examples representing a specific subset of the lexicon, namely terminology. Buttler carried out her analysis basing on selected homonyms listed in the dictionaries of Russian and Polish homonyms[5]. She distinguished three types of homonymic pairs and sets: (1) convergent, (2) partially convergent and (3) divergent. However, the scope of Buttler's analysis was limited, and therefore, it may only be treated as an introduction to broader interlexicological research.

---

[2] K. Wojan, Z. Wojan. *Сравннительно-сопоставительный анализ цифровой репрзентации лексем...*

[3] J. Maćkiewicz. *Wyrazy międzynarodowe (internacjonalizmy) we współczesnym języku polskim*. [In:] *Encyklopedia kultury polskiej 2. Współczesny język polski*. Ed. by J. Bartmiński. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1993, pp. 555–562; J. Maćkiewicz. *Polszczyzna w europejskiej lidze językowej*. [In:] *Symbioza kultur słowiańskich i niesłowiańskich w Europie Środkowej*. Ed. by M. Bobrownicka. Kraków: Universitas, 1996, pp. 197–202.

[4] D. Buttler. *Polskie i rosyjskie homonimy rzeczownikowe*. [In:] *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich*. Wrocław: Ossolineum, 1989, pp. 95–103.

[5] Н.П. Колесников. *Словарь омонимов русского языка*. 2-е изд. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1976; D. Buttler. *Słownik polskich homonimów całkowitych*. Wrocław: Ossolineum, 1988.

The scope of the research conducted by Vladimir V. Dubichynsky[6] is much broader as he analyses homonymic sets found in several European languages. Dubichynsky introduced the term *international interlingual homonymy* to refer to the phenomenon of convergent and semantically parallel oppositions in two (or more) related languages, which yields a structure with a minimal number of four elements. According to Dubichynsky[7], investigating homonymy requires comparing homonymic parallels (which may be full, partial and false). Dubichynsky proposes two types of classification of homonyms, taking semantic and formal criteria into consideration. As regards the semantic criteria, he distinguishes the following types of homonymy: (1) correlative interlingual lexical homonymy in which all the elements are convergent, (2) partially correlative interlingual lexical homonymy in which not all the elements of a homonymic set are convergent and (3) non-correlative interlingual lexical homonymy in which the elements of a homonymic set have different meanings.

A similar approach to the classification of homonyms is found in numerous works by the present author, especially in her unpublished doctoral dissertation entitled *The Homonymic Community of the European Languages (On the Material of Polish, Russian and Finnish)*[8] in which, apart from theoretical foundations, the results of the pioneering investigation of homonymic pairs in the three languages are discussed. The present author also analyses the directions of borrowing in each pair of the languages (Russian and Finnish, Finnish and Polish, Polish and Russian)[9] as well as selected semantic issues connected with homonyms (e.g. homonymy v. polysemy)[10].

Terminology

As has already been mentioned, the theoretical foundations of the research into homonymy across languages are presented in the unpublished doctoral dissertation[11], in which (and in several other papers) the present author proposes a number of definitions of terms which — according to her — may be universally used. These terms will be employed below.

The subject of the analysis is the phenomenon of parallel presence of lexemes which fulfill the criteria of formal identicalness of sound (or its record) and are, at the same time, interlingual homonyms of the each linguistic system. The phenomenon is known as "interlingual homonemy" (i.e. homonymy of homonyms). Those are complete sets

---

6 В.В. Дубичинский. *Лексические параллели*. Харьков: 1993.

7 Ibidem.

8 K. Wojan. *The Homonymic Community of the European Languages (On the Material of Polish, Russian and Finnish)*. 1–3. Unpublished Doctor Dissertation. Poznań: Adam Mickiewicz University, 2007.

9 K. Wojan. *The homonymic community of the European languages...*; K. Wojan. *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010.

10 K. Wojan. *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010.

11 K. Wojan. *The homonymic community of the European languages...*

of interlingual homonyms, obtained after the formal classification of lexical sets of the two languages.

Table 1. Interlingual homonemy

Finnish	Convergence of meaning	Russian
Homonem *LAMA*		Homonem *ЛАМА*
1. 'buddhist priest'	convergence	1. 'buddhist priest'
2. 'depression, fall, stagnation'	no convergence	2. 'animal from family of camels'

Table 2. Interlingual homonemy

Finnish	Convergence of meaning	Russian
Homonem *KOKKI*		Homonem *КОК*
1. 'cook'	convergence	1. 'cook'
2. 'a type of bacteria'	convergence	2. 'a type of bacteria'
3. 'attic'	no convergence	3. 'iron hook for nets'
Ø	no convergence	4. 'bob; bun; chignon'
Ø	no convergence	5. jarg. 'cocaine'

A ***homonem*** is a complete set of homonyms of a given language. Lexemes must be formally identical. This is a set of homonyms of identical form, recorded as H_n, which means that this homonem includes the *n*-product of homonyms (according to definition 2), for example, a set of three Finnish lexemes of J-form = *alpakka* (1. 'Lama pacos, alpaka', 2. 'kind of wool', 3. 'nickel silver').

An interlingual homonem, as a structural unit, is a complete set of pairs of interlingual homonyms which have resulted from the formal convergence of two intralingual homonems; thus an interlingual homonem is characterized by the product of pairs, i.e. the ratio of meanings of both intralingual homonems. We distinguish ***complete interlingual homonems*** and ***incomplete interlingual homonems*** of the same product -n of pairs of homonyms being part of homonems belonging to two linguistic systems. For example, the Finnish and Russian interlingual homonem of A-representation *filee/file* can be symbolically recorded as $M^{A1,2}H_2C$. The ***incomplete interlingual homonem*** with a different product of sets of homonymic meanings, which is a part of homonems of both languages, for example Finnish and Russian B = *bitti/бит*, is symbolically recorded as $M^{B2,3}H_2N_{1.}$ The record gives us information about the product of pairs of meanings p=2 (1. 'binary digit', 2. 'basic indissoluble information unit'), and about the total number of meanings of both languages which do not make pairs of homonems, q=1 (music 'big-beat').

Method

The first stage was to create primary lexical resources for Finnish and Russian separately. The present author compiled sets of homonyms, found in monolingual dic-

tionaries of the Finnish language[12] and monolingual dictionaries of the Russian language[13], a bilingual dictionary[14], and dictionaries of Russian homonyms[15]. As a result, two works containing intralingual homonyms were published: a dictionary of Finnish homonyms[16] and a dictionary of Russian homonyms[17]. The meanings of homonyms were analysed on the basis of the definitions found in the source dictionaries. It is worth stressing that Finnish homonymy had not been extensively investigated before[18].

The lexical basis of Finnish included 3435 lexical homonyms, further arranged by the present author into 1578 intralingual homonems, present in modern Finnish; for the Russian language there were 5951 lexical homonyms, arranged into 2757 intralingual homonems. The selection of the sets was made in accordance with the following criteria:

(1) formal criteria,

(2) semantic criteria,

(3) linguistic consciousness (intuition) of the users.

The next stage was the comparison of intralingual homonems of Finnish and Russian. This process was reduced to two classifications on the interlingual level — formal and semantic ones, which implied the recognition of ***interlingual homonems*** of the specific product of sets of meanings.

After the formal analysis (which made use of phonetic and phonological, graphic and morphological parameters), the sets of interlingual homonems were recognized for this pair of languages. The grade of identicalness of formal homonems, specified as "identicalness" or "convergence" was also established. The criterion of convergence is

---

12 K. Koukkunen. *Atomi ja missi. Vierassanojen etymologinen sanakirja*. Porvoo: WSOY, 1990; *Nykysuomen sanakirja.* 1–4. Toim. M. Sadeniemi. Porvoo — Helsinki — Juva: WSOY, 1992; *Sivistyssanasto. Joka kodin suomen kielen opas*. Toim. K. Turtia. Helsinki: Otava, 1995, pp. 437–669; T. Nurmi. *Uusi suomen kielen sanakirja ulkomaalaisille*. Helsinki: Gummerus, 1999; Terho Itkonen. *Uusi kieliopas*. Uudistanut S. Maamies. Helsinki: Tammi, 2002.

13 *Словарь русского языка*. 1–4. Под. ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. Москва: Русский яык, 1981; С.И. Ожегов, Н.Ю Шведова. *Толковый словарь русскоо языка*. Москва: Русский яык, 1993; Н.Г. Комлев. *Словарь иностранных слов*. Москва: Издательство Московского университета, 1995; *Большой толковый словарь русского языка*. Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.

14 *Uusi venäläis-suomalainen suursanakirja*. 1–2. Toim. M. Kuusinen. 2. pain. Porvoo — Helsinki — Moskova: WSOY, 2000.

15 Н.П. Колесников. *Словарь омонимов русского языка*. Ред. Н.М. Шанский. 2-е изд. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1976; О. Ахманова. *Словарь омонимов русского языка*. Москва: Русский язык, 1986; А. Окунева. *Словарь омонимов современного русского языка*. Москва: Русский язык, 2002.

16 K. Wojan. *Homonimika leksemowa języka fińskiego (= Suomen kielen leksikaalisia homonyymejä)*. Unpublished dictionary (in typescript).

17 K. Wojan, E. Skupińska-Dybek. *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi (= Словарь лексемных омонимов русского языка с польскими переводными эквивалентами)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2011.

18 K. Laalo. *Homonymiasta ja polysemiasta*. "Virittäjä" 1989, No 2, pp. 220–235; K. Laalo. *Säkeistä patoihin. Suomen kielen monitulkintaiset sananmuodot*. Vaasa: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990.

more important in the classification of the sets. As a result, two basic groups of homonyms were specified:

(1) interlingual, formally identical homonems, and

(2) interlingual, formally convergent homonems.

The latter group had three subgroups, depending on the grade of convergence:

(1) interlingual convergent homonems (grade one convergence),

(2) interlingual convergent homonems (grade two convergence),

(3) interlingual convergent homonems (grade three convergence).

The semantic classification led to the recognition of semantic commonness, convergence and divergence of the semantic structures of specified interlingual homonemic sets. Next, three types of interlingual homonems were specified:

(1) complete homonems (complete convergence of meanings),

(2) incomplete homonems (partly convergent meanings),

(3) zero homonems (complete divergence of meanings).

For the zero homonems, the resemblance is solely formal.

After the addition of all the products of meanings of, first, the complete and, then, the incomplete interlingual homonems typical of the microsystems, the general number of convergent and divergent meanings was established, thus enabling a comparison of the given pair of languages.

The results of interlingual formal classification

The formal classification of the lexical resources of Finnish and Russian led to the recognition of 295 interlingual homonems, of which 41 were formally identical (14%) and 254 were formally convergent (86%) (see Table 3).

Table 3. The total number of interlingual homonems of Finnish and Russian recognized after the formal analysis

Lang. pair	NUMBER OF INTERLINGUAL HOMONYMS				
	TOTAL	FORMALLY IDENTICAL		FORMALLY CONVERGENT	
Finnish – Russian	295	41	13.89%	254 Grade 1 – 34 Grade 2 – 106 Grade 3 – 114	86.10 % 13.38 % 41.73 % 44.88 %

In the set of the complete interlingual homonyms only 9 were morphologically identical (e.g. *allegro*, *bolero*, *boston*, *domino*, *lori*, *sambo*), which was approx. 16% (see Table 4). The other 48 (84%) complete homonyms were classified as formally convergent. Of those, 11 were defined as representing grade one convergence (e.g. Fin. *autonomia* — Rus. *автономия*, Fin. *aristokratia* — Rus. *аристократия*, Fin. *kiivi* — Rus. *киви*, Fin. *logistiikka* — Rus. *логистика*, Fin. *menu* — Rus. *меню* etc.); grade two convergence was found in 32 interlingual homonems (e.g. Fin. *bergamotti* — Rus. *бергамот*, Fin. *granaatti* — Rus. *гранат*, Fin. *delfiini* — Rus. *дельфин*, Fin. *divaani* — Rus. *диван*, Fin. *fregatti* — Rus. *фрегат* etc.); and grade three convergence — in

5 homonems (e.g. Fin. *trapetsi* — Rus. *трапеция*, Fin. *tryffeli* — Rus. *трюфель*, Fin. *kondriitti* — Rus. *хондрит*, Fin. *sahrami* — Rus. *шафран*).

Table 4. Results of the formal interlingual classification of homonems

Type MH^{r-f}	MH^{r-f} complete		MH^{r-f} incomplete		MH^{r-f} zero	
Unit	Number	%	Number	%	Number	%
Total	57	100%	128	100%	110	100%
Formally identical	9	15.78%	24	18.7%	8	7.27%
Formal convergence:	48	84.21%	104	81.25%	102	92.72%
grade one convergence	11	22.91%	16	15.38%	7	6.86%
grade two convergence	32	66.66%	48	46.15%	26	25.49%
grade three convergence	5	10.41%	40	38.46%	69	67.64%

In the group of incomplete interlingual homonems, 24 formally identical units were recognised (Fin. *kivi* — Rus. *киви*, Fin. *lama* — Rus. *лама*, Fin. *manna* — Rus. *манн*, Fin. *pas* — Rus. *пас*, Fin. *pora* — Rus. *пора* etc.). Most of them are interlingual formally convergent homonems — 104 units, of which 16 are characterised by grade one convergence (e.g. Fin. *alpakka* — Rus. *альпака*, Fin. *iiris* — Rus. *ирис*, Fin. *kartta* — Rus. *карта*, Fin. *miina* — Rus. *мина*. Fin. *saikka* – Rus. *сайка*); 48 units are characterised by grade two convergence (e.g. Fin. *banketti* — Rus. *банкет*, Fin. *baari* — Rus. *бар*, Fin. *boksi* — Rus. *бокс*, Fin. *voltti* — Rus. *вольт*, Fin. *haka* — Rus. *гак*) and 40 units — by grade three convergence (e.g. Fin. *pakka* — Rus. *бак*, Fin. *pora* — Rus. *пора*, Fin. *paatti* — Rus. *бот*, Fin. *kalikka* — Rus. *калитка*, Fin. *patti* — Rus. *шпат*). In the subset of interlingual zero homonems, we find only 8 formally identical homonems (e.g. Fin. *kara* — Rus. *кара*, Fin. *karta* — Rus. *карта*, Fin. *maija* — Rus. *майя*, Fin. *runo* — Rus. *руно*, Fin. *sila* — Rus. *сила*) and 102 homonems that are characterised by formal convergence (e.g. Fin. *kasa* — Rus. *касса*, Fin. *mana* — Rus. *манна*, Fin. *pilkka* — Rus. *пилка*, Fin. *polkka* — Rus. *полька*, Fin. *talja* — Rus. *талия*).

Interlingual semantic classification

As a result of interlingual semantic classification of homonems, the semantic community was recognised in the interlingual homonemy of Finnish and Russian. The ultimate product of the analysis was the identification of 57 complete interlingual homonems (approx. 20% of compared lexical sets), 128 incomplete interlingual homonems (approx. 43.4%), interlingual units characterized by partial convergence of meanings and 110 zero interlingual homonems (approx. 37.3%), of excluded meanings (see Table 5).

Table 5. Results of the interlingual semantic classification of homonems

Type $MH^{r\text{-}f}$	Number $MH^{r\text{-}f}$	%
$MH^{r\text{-}f}$ complete	57	19.32 %
$MH^{r\text{-}f}$ incomplete	128	43.38 %
$MH^{r\text{-}f}$ zero	110	37.28 %
Total	295	100%

The **complete** interlingual homonems which are formally identical, with all of the common meanings, are represented by units such as *allegro/аллегро* MH_3C, *bolero/болеро* MH_6C, *domino/домино* MH_2C, *lori/лори* MH_2C, *sambo/самбо* MH_2C etc.; formally convergent interlingual complete homonems of grade one convergence which are semantically identical are the following: *autonomia/автономия* MH_3C, *apollo/аполлон* MH_3C, *baccara/баккара* MH_2C, *kiivi/киви* MH_3C, *logistiikka/логистика* MH_4C; those of grade two convergence include *kurssi/курс* MH_6C, *moduuli/модуль* MH_6C, *motiivi/мотив* MH_4C, *kutteri/куттер* MH_3C, *šeriffi/шериф* MH_5C etc.; and those of grade three convergence include *trapetsi/трапеция* MH_2C, *tryffeli/трюфель* MH_2C, *kondriitti/хондрит* MH_2C, *sahrami/шафран* MH_3C. The formally identical **incomplete** interlingual homonems with partly common meanings are the following: *aura/аура* MH_3N_5, *iiris/ирис* MH_2N_2, *massa/масса* MH_5N_3, *panama/панама* MH_4N_1, *sol/соль* MH_3N_4. The formally convergent incomplete interlingual homonems of grade one convergence, with some common meanings, are the following: *alpakka/альпака* MH_3N_1, *laama/лама* MH_2N_4, *metriikka/метрика* MH_3N_3, *miina/мина* MH_4N_5, *saikka/сайка* MH_1N_2; those of grade two convergence include *friisi/фриз* MH_3N_4, *halssi/галс* MH_2N_3, *poliisi/полис* MH_3N_1, *posti/пост* MH_2N_{11}, *sireeni/сирена* MH_4N_2; and those of grade three convergence include *kruunu/крона* MH_3N_5, *lakka/лак* MH_2N_7, *ruusu/роза* MH_2N_2, *punta/фунт* MH_2N_4, *talentti/талант* MH_3N_1.

The cases of formally identical interlingual zero homonems, with divergent meanings are the following: *kara/кара* MH_0N_9, *karta/карта* MH_0N_7, *runo/руно* MH_0N_7, *sila/сила* MH_0N_{10}, *top/топ* MH_0N_9; whereas the formally convergent interlingual zero homonems, with divergent meanings, include *vintti/винт* MH_0N_7, *lasta/ласт* MH_0N_9, *paali/пал* MH_0N_7, *piki/пик* MH_0N_9, *sakki/сак* MH_0N_5.

Synonymic sets of homonems representing the two languages

The analysis of the lexical sets has proved that some homonymic sets present in the different linguistic systems do not obey the rules of classification of formal "identicalness" but that they follow the rules of formal "convergence", creating the sets of interlingual homonems which cannot be included in interlingual homonymy; in the analysed sets of pairs of Finnish and Russian homonems, we observe some convergences of sets of meanings accompanying lexemes. This phenomenon is described as *interlingual synosemy* in this paper and can be illustrated with the example presented in Table 6.

Table 6. Interlingual synosemy

Finnish language	Semantic relations Convergence	Russian language
Homonem *ANKKA*		Homonem *UTKA*
1. 'bird from the family of ducks'	convergence	1. 'bird from a group '
2. 'rumour, gossip'	convergence	2. 'rumour, gossip'
3. 'to play at ducks and drakes'	no convergence	3. 'urinal'
Ø	no convergence	4. 'part of a plane"

The analysis allowed us to distinguish 25 sets representing semantic relations. Those were the semantic relations of *interlingual synosemy* (7.81% of all analysed interlingual sets). Here are some examples of interlingual synosemy: *akka/баба* $MH_4N_{10}S$, *kieli/jazyk* MH_6N_6S, *lehti/лист* MH_3N_8, *lukko/замок* MH_2N_2S, *sihteeri/секретарь* MH_4N_2S, *sika/свинка* MH_3N_1S.

The results of the analysis of the homonymic community in Finnish and Russian

1660 meanings of interlingual homonems of Finnish and Russian were analysed, of which 167 meanings proved complete homonems, 698 — incomplete homonems and 795 — zero homonems. The analysis revealed 416 common meanings of interlingual homonems (25.06%), 167 (10.06%) complete homonems and 249 (15%) incomplete homonems. The number of dissimilar meanings of incomplete and zero interlingual homonems was 1244 (74.93%), whereas 449 (27,04%) were incomplete homonems (see Table 7).

Table 7. Community of meanings

Pair of languages	CONVERGENCE OF MEANINGS				
	Total	Common meanings		Uncommon meanings	
Finnish–Russian	1660 [167] [698] [795]	416 [167] [249] [–]	25.06% [10.06] [15.00] [–]	1244 [–] [449] [795]	74.93 % [–] [27.04] [47.89]

It was found out that in the set of interlingual homonems there were 79 (4.75%) formally identical common meanings and 143 dissimilar meanings (8.61%), whereas in the set of formally convergent interlingual homonems — 337 (20.3%) common meanings. In the group of formally convergent interlingual homonems the predominant group among those with divergent meanings was that with dissimilar meanings 1101 (66.32%).

The average value for the common meanings of interlingual homonems of Finnish and Russian is 1.41; the average value for the dissimilar meanings is 4.21. The average for all the analysed homonymic meanings is 5.62. If the semantic analysis includes

synosemic interlingual sets, the average will increase: for the common meanings up to 1.49; for dissimilar meanings up to 4.22 and the overall average — up to 5.72.

It should be explained that establishing the average of meanings makes sense only if we compare homonymic sets of different languages. The research made by the present author includes a wide range of contrastive research in the field of the community of such language pairs as Finnish and Russian, Finnish and Polish, Russian and Polish.

Summary

The analysis of the gathered material shows some systematic formal and semantic convergences between homonemic sets of Finnish and Russian as well as a convergence of linguistic phenomena. It can be stated on this basis that Finnish-Russian homonymy mainly concerns internationalisms. Lexical Europeisms or internationalisms present in homonymic sets of the different languages are factors that serve the gradual integration of languages, and enable international communication and exchange of ideas of the modern world. The results of the research are valuable not only from the scholarly point of view, but also socially, as they can be conducive to a better understanding and communication between people speaking different languages living in the same geographical area. The homonymic community which has developed during the ages in different linguistic systems and the dynamics of modern, conscious acquisition of complete homonyms formed in one language by another language may be seen as a measure of the degree of common mentality of the nations. The account of the mental relationship of users of different languages may become a key to defining proper criteria in the process of translation.

References

Buttler D. *Słownik polskich homonimów całkowitych*. Wrocław: Ossolineum, 1988.

Buttler D. *Polskie i rosyjskie homonimy rzeczownikowe*. [In:] *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich*. Wrocław: Ossolineum, 1989, pp. 95–103.

CD-Perussanakirja. Uusin tieto nykysuomen sanoista. CD-ROM PC/Windows. Helsinki: Edita, 1996.

Handke K. *Perspektywa paraleli, czyli sposób badania zjawisk językowych*. [W:] *Paralele w rozwoju słownictwa języków słowiańskich*. Wrocław: Ossolineum, 1989. pp. 7–17.

Itkonen Terho. *Uusi kieliopas*. Uudistanut Sari Maamies. Helsinki: Tammi, 2002.

Koukkunen K. *Atomi ja missi. Vierassanojen etymologinen sanakirja*. Porvoo: WSOY, 1990.

Kudzinowski Cz. *Słownik fińsko-polski (Suomalais-puolalainen sanakirja)*. 1–2. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Adama Mickiewicza, 1988.

Uusi venäläis-suomalainen suursanakirja. 1–2. Toim. M. Kuusinen. 2. pain. Porvoo — Helsinki — Moskova: WSOY, 2000.

Laalo K. *Homonymiasta ja polysemiasta*. "Virittäjä" 1989, No 2, pp. 220–235.

Laalo K. *Säkeistä patoihin. Suomen kielen monitulkintaiset sananmuodot*. Vaasa: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1990.

Laalo K. *Huvitav lugu — kiinnostava juttu. Suomen ja viron välinen sanaston riskiryhmä ja sen taustaa*. Tampere: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1992.

Leino P. *Polysemia — kielen moniselitteisyys*. Kieli 7. Helsinki: Helsingin yliopiston suomen kielen laitos, 1993.

Maćkiewicz J. *Wyrazy międzynarodowe (internacjonalizmy) we współczesnym języku polskim*. [In:] *Encyklopedia kultury polskiej*. 2: *Współczesny język polski*. Ed. by J. Bartmiński. Wrocław: Wiedza o Kulturze, 1993, pp. 555–562.

Maćkiewicz J. *Polszczyzna w europejskiej lidze językowej*. [In:] *Symbioza kultur słowiańskich i niesłowiańskich w Europie Środkowej*. Ed. by M. Bobrownicka. Kraków: Universitas, 1996, pp. 197–202.

Majewska M. *Homonimia i homonimy w opisie językoznawczym*. Warszawa: Elipsa, 2002.

Nurmi T. *Uusi suomen kielen sanakirja ulkomaalaisille*. Helsinki: Gummerus, 1999.

Nykysuomen sanakirja. 1–4. Toim. M. Sadeniemi. Porvoo — Helsinki — Juva: WSOY, 1992.

Saukkonen P. et. al. *Suomen kielen homonyymejä*. [In:] *Språkhistoria och språkkontakt i Finland och Nord-Skandinavien. Studier tillägnade Tryggve Sköld den 2 november 1982*. Stockholm: Kungliga Skytteanska samfundets handlingar 26, 1982, pp. 255–272.

Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Toim. Erkki Itkonen, U.-M. Kulonen 2. pain. Jyväskylä: Gummerus. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2001.

Sivistyssanasto. [In:] *Joka kodin suomen kielen opas*. Toim. K. Turtia. Helsinki: Otava, 1995, pp. 437–669.

Weinreich U. *Languages in Contact. Findings and Problems*. Mouton: The Hague, 1963.

Wojan K. *The Genesis of Homonymy of the Finnish Language*. "Fenno-Ugristica" 2003, No 25, pp. 180–187.

Wojan K. *The Lexical Homonymy of the Finnish Language*. [In:] *Grammatika és kontextus. Új szempontok az uráli nyelvek kutatásában (= Grammatika ja kontekst. Uued vaatenurgad uurali keelte uurimises = Grammar and Context. New Approaches to the Uralic Languages)*. Eds. by M. Csepregi, V. Masonen. Budapest: Urálisztikai Tanulmányok 17, 2007, pp. 348–358.

Wojan K. *The Homonymic Community of the European Languages (On the Material of Polish, Russian and Finnish)*. 1–3. Unpublished Doctor Dissertation. Poznań: Adam Mickiewicz University, 2007.

Wojan K., Wojan Z. *Сравнительно-сопоставительный анализ цифровой репрезентации лексем с дифференцированной акцентуацией*. [In:] *Congreso International «La lengua y literatura rusas en el espacio educativo internacional: estado actual y perspectivas. Granada, 7–9 mayo 2007»*. Ponencias y comunicaciones. Tomo II. Ed. R. G. Tirado et al. Sankt-Peterburg — Granada: MIRS, 2007, pp. 1243–1249.

Wojan K. *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010.

Wojan K. *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2010.

Wojan K. przy udziale E. Skupińskiej-Dybek. *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi (= Словарь лексемных омонимов русского языка с польскими переводными эквивалентами)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2011.

Wojan K. *Homonimika leksemowa języka rosyjskiego*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2011.

Wojan K. *Homonimika leksemowa języka fińskiego (= Suomen kielen leksikaalisia homonyymejä)*. Unpublished dictionary (in typescript).

Ахманова О. *Словарь омонимов русского языка*. Москва: Русский язык, 1986.

Большой толковый словарь русского языка. Под ред. С.А. Кузнецова. Санкт-Петербург: Норинт, 2000.

Воян К. *Явление омонимии и сравнительное языкознание (на материалш русского, польского и финского языков)*. "Съпоставително езикознание" 2004, No 1, XXIX, pp. 24–35.

Дубичинский В.В. *Лексические параллели*. Харьков 1993.

Дубичинский В.В. *Лексические параллели украинского, польского и немецкого языков*. [In:] *Język, tożsamość i komunikacja międzykulturowa. Księga Pamiątkowa ofiarowana Doktor Bożenie Zinkiewicz-Tomanek*. Eds. by E. Komorowska, D. Stanulewicz. Szczecin: Volumina.pl Daniel Krzanowski, 2011, pp. 75–86.

Колесников Н.П. *Словарь омонимов русского языка*. Ред. Н.М. Шанский. 2-е изд. Тбилиси: Тбилисский государственный университет, 1976.

Комлев Н.Г. *Словарь иностранных слов*. Москва: Издательство Московского университета, 1995.

Малаховский Л.В. *Теория лексической и грамматической омонимии*. Ленинград: Наука, 1990.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русскоо языка*. Москва: Русский яык, 1993.

Окунева А. *Словарь омонимов современного русского языка*. Москва: Русский язык, 2002.

Словарь иностранных слов. 11. изд. Москва: Русский язык, 1984.

Словарь русского языка. 1–4. Под. ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд. Москва: Русский яык, 1981.

Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. 1–4. Москва: Прогресс, 1986–1987.

LINGWISTYKA KORPUSOWA
КОРПУСНАЯ ЛИНГВИСТИКА
CORPUS LINGUISTICS

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 159–163

РУССКИЙ ЯЗЫК НА САЙТЕ www.nfjp.pl

JAN WAWRZYŃCZYK

Profesor Emeritus, Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej, Instytut Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: j.wawrzynczyk@uw.edu.pl
(nadesłano 10.11.2014; zaakceptowano 19.11.2014)

Abstract

Russian language on the web site www.nfjp.pl

The Author presents a project of an Internet page of the national Corpus of the Polish Language, which in its final version is to contain a photodocumentation of lexical units the Polish language from the end of the 18-th to the end of the 21-st century (in the first phase of the project: the period between 1901–2000). The exceptionally vast textual data, more than 300 000 entries, refers partly to the Russian language; it shows in details the Polish-Russian language contacts in that period and borrowings from Russian (including onomastic vocabulary) which were not previously accounted for. The source of new data are not only dictionaries of the Polish language, Polish encyclopaedias and lexicons, but also dictionaries of translation and, which is very important, translations of Russian literature into Polish (of works by Gogol, Pushkin, Lermontov, Dostoyevsky, Turgenev, Tolstoy, Chekhov, Solzhenitsyn etc.)

Key words

Corpus linguistics, photolexicography, National Photocorpus of the Polish Language, Russian borrowings.

Abstrakt

Język rosyjski na stronie www.nfjp.pl

Autor prezentuje projekt strony internetowej Narodowego Fotokorpusu Języka Polskiego, który docelowo będzie zawierał fotodokumentację jednostek leksykalnych polszczyzny końca XVIII — pocz. XXI wieku (w I fazie prac: okresu 1901–2000). Wyjątkowo obszerny materiał tekstowy, ponad 300 000 haseł, dotyczy m.in. języka rosyjskiego, ukazuje szczegółowo rosyjsko-polskie kontakty językowe we wskazanym okresie, rusycyzmy (w tym słownictwo onomastyczne i odonomastyczne) nie notowane dotychczas w literaturze przedmiotu. Źródłem nowych danych są nie tylko słowniki języka polskiego, polskie encyklopedie i leksykony, ale też słowniki przekładowe i — co nadzwyczaj istotne — tłumaczenia rosyjskiej literatury, zwłaszcza pięknej i publicystycznej, na język polski (Gogola, Puszkina, Lermontowa, Dostojewskiego, Turgieniewa, Tołstoja, Czechowa, Sołżenicyna itp.).

Słowa kluczowe

Lingwistyka korpusowa, fotoleksykografia, Narodowy Fotokorpus Języka Polskiego, zapożyczenia rosyjskie.

Варшавское научное издательство BEL Studio публикует с 2010 года две серии словарей фотоцитат: «Depozytorium leksykalne języka polskiego» (*Лексический депозитарий польского языка*) и «Fotocytatografia polska» (*Польская фотоцитатография*). Издание является продолжающимся, к 2016 году оно будет насчитывать не менее 60 томов сборников; они подготовлены разными авторами, однако подавляющее большинство выпусков данного собрания составлено Петром Вежхонем и Яном Вавжинчиком. Сборники предоставляют лингвистам-полонистам уникальную информацию: фотоцитаты, пригодные для составления полного объяснительного словаря польского языка конца XVIII — начала XXI вв.

Разумеется, обилие лексикографических данных, собираемых обоими авторами, означает, что немалая часть из них так или иначе касается русского языка, связи которого с польским языком хорошо известны не только специалистам (основные исследования польских русизмов см. в Библиографии[1]); общеизвестно, что языков без заимствований не существует.

В недалеком будущем в Интернете появится сайт www.nfjp.pl; за этим названием скрывается оним Narodowy Fotokorpus Języka Polskiego [= Национальный

[1] Ю.Л. Яворская. *Очерки по русско-польским языковым взаимодействиям*. Szczecin: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1983; J. Bielecka-Latkowska. *Rosyjskie zapożyczenia leksykalne we współczesnym języku polskim w świetle materiałów słownikowych i prasy powojennej (1945–1985)*. Kielce: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1987; H. Karaś. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów*. Warszawa: Elipsa, 1996 и др. См. статью **русизм** в библиографии: J. Wawrzyńczyk, E. Małek. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 1–2. Warszawa: BEL Studio, 2010–2012.

Фотокорпус Польского Языка, далее, сокращенно: НФПЯ]. Это крупное начинание[2], на первом этапе реализации которого станет общедоступной обширная **фотодокументация**[3] словарных единиц польского языка, зафиксированных в печатных текстах, опубликованных в Польше и за рубежом в 1901–2000 гг. Некоторые исследователи указывают, что в этот период появилось 200 000 новых слов и фразеологизмов[4], в действительности же — если учесть новые источники, еще не подвергшиеся выпискам — приращение лексического состава польского языка значительно, возможно, двоекратно больше (показать реальный прирост польской лексики мы и постараемся на сайте www.nfjp.pl). Отсюда и количество русских элементов в этом составе фактически больше, чем это представляется исследователям польско-русских языковых связей.

НФПЯ отражает лексикографическую информацию, содержащуюся в целом ряде текстов, которых нет в списках источников авторитетных словарей польского языка, составленных в XIX–XX вв.

Основной тип таких текстов — переводы художественной литературы. Эта категория текстов практически до сих пор не выступает в составе источников польской лексемодокументации. Мы забываем, что перевод является тем видом языковой деятельности, который непосредственно демонстрирует языковые, культурные и, в конце концов, исторические связи между языками, поэтому в НФПЯ широко используются переводы сочинений таких писателей, как Н. Гоголь, Ф. Достоевский, М. Лермонтов, А. Пушкин, А. Солженицын, И. Тургенев, Л. Толстой, А. Чехов, и многих других, менее известных авторов. Не игнорируется и публицистика, мемуаристика, эпистолярный жанр, научная литература (В. Белинский, А. Герцен, А. Достоевская, А. Зиновьев, Д. Лихачев и др.). Польские переводы названных и не названных авторов содержат многие сотни словарных единиц, не попавших ни в какие польские словари иностранных слов; этот пробел восполняет НФПЯ.

Русский язык отражен, притом своеобразно, и в мемуарных текстах, а также письмах поляков, проживших часть своей жизни в России и Советском Союзе (дореволюционная ссылка, годы Второй мировой войны, описанные в лагерной литературе). Лингвистические, текстовые свидетельства их контактов с русским языком чрезвычайно интересны и почти не изучены. Соответствующие данные также содержатся в НФПЯ.

За новым материалом необходимо обращаться также ко всякого рода польским энциклопедиям, энциклопедическим словарям и двуязычным словарям — они также являются важным источником данных о русском языке; эта тема

---

[2] Имеется более детальное описание указанного корпусологического проекта, но пока только на японском языке. См. P. Wierzchoń. 現代ポーランド語コーパス （原文画像閲覧機能付）プロジェクト目標について. [B:] *Opuscula Iaponica et Slavica*. Vol. I. Warszawa: BEL STUDIO, 2014, c. 23–33.

[3] Собираемая совместно П. Вежхонем и Я. Вавжинчиком; из наших помощников (необходимых для решения столь большого задания) нельзя не упомянуть самого активного — Михала Янковского.

[4] S. Dubisz. *„Życie" wyrazów*. «Poradnik Językowy» 2014, № 6, c. 132.

отчасти изучена[5], в то же время ждет детальной обработки ряд других, к тому же крупных по объему источников, среди которых следует указать прежде всего 28-томную энциклопедию С. Оргельбранда[6]. Из публикаций XXI в., крупных по объему и важных в общественном, пользовательском плане, хочется назвать популярный сборник крылатых слов и выражений польского языка, составленный Х. Маркевичем и А. Романовским[7]; в этой книге цитат и выражений много интереснейшего русского материала, но он подан, к сожалению, не всегда безошибочно и последовательно в транскрипционном отношении.

Эксцерпционная обработка словарей иностранных слов и выражений польского языка для нужд НФПЯ включает наряду с другими и оригинальный труд Владислава Копалиньского[8], изобилующий русскими элементами, в том числе ономастической лексикой[9], но эти источники требуют исправления ряда погрешностей такого же характера, как в книге Х. Маркевича и А. Романовского.

Литература

Bielecka-Latkowska J. *Rosyjskie zapożyczenia leksykalne we współczesnym języku polskim w świetle materiałów słownikowych i prasy powojennej (1945–1985)*. Kielce: Wyższa Szkoła Pedagogiczna im. Jana Kochanowskiego, 1987.

Fedus Z. *Syberia wryta w pamięć dziecka*. Seria Biblioteka Zesłańca. 17. Warszawa: Urząd ds. Kombatantów i Osób Represjonowanych — Wrocław: Polskie Towarzystwo Ludoznawcze, 1997.

Karaś H. *Rusycyzmy słownikowe w polszczyźnie okresu zaborów*. Instytut Języka Polskiego. Uniwersytet Warszawski. Warszawa: Elipsa, 1996.

Kopaliński W. *Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych z almanachem*. Wyd. 22. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1994.

Krzysztoporska M. *Ze wspomnień tułaczych*. Londyn: Katolicki Ośrodek Wydawniczy Veritas, 1981.

Małek E. *Rossica i sovietica w «Słowniku Doroszewskiego»*. [B:] Czterdzieści lat minęło... *nad «Słownikiem Doroszewskiego»*. Red. J. Wawrzyńczyk. Warszawa: Takt, 2009, c. 37–49.

Małek E., Wawrzyńczyk J. *Kultura rosyjska w polskich słownikach i encyklopediach ostatniego dziesięciolecia*. [B:] *Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków. (= Поляки глазами русских — русские глазами поляков)*. Seria Wizerunek Sąsiadów. 1. Red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2000, c. 353–360.

---

[5] См. Ю.Л. Яворская. *Очерки по русско-польским языковым взаимодействиям...*; J. Wawrzyńczyk. *Nota o ruszczyźnie w* Słowniku terminów literackich. «Opuscula Polonica et Russica». T. 6. Łódź, 1999, c. 114–118; E. Małek, J. Wawrzyńczyk. *Kultura rosyjska w polskich słownikach i encyklopediach ostatniego dziesięciolecia.* [B:] *Polacy w oczach Rosjan — Rosjanie w oczach Polaków (= Поляки глазами русских —русские глазами поляков)*. Red. R. Bobryk, J. Faryno. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 2000, c. 353–360.

[6] S. Orgelbrand. *Encyklopedyja powszechna*. T. 1–28. Warszawa: S. Orgelbrand, 1859–1868.

[7] H. Markiewicz, A. Romanowski. *Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych*. Wydanie nowe, poprawione i znacznie rozszerzone. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.

[8] W. Kopaliński. *Słownik wyrazów obcych i zwrotów obcojęzycznych z almanachem*. Wyd. 22. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1994.

[9] Без которой немыслимо начертать русскую картину мира. НФПЯ, разумеется, изобилует онимами и отонимическими дериватами (чем он резко отличается от традиционных словарей польского языка).

Markiewicz H., Romanowski A. *Skrzydlate słowa. Wielki słownik cytatów polskich i obcych*. Wydanie nowe, poprawione i znacznie rozszerzone. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 2005.

Orgelbrand S. *Encyklopedyja powszechna*. T. 1–28. Warszawa: S. Orgelbrand, 1859–1868.

Wawrzyńczyk J. *Rossica w* Słowniku poprawnej polszczyzny PWN. «Slavia Orientalis» 1974, № 2, c. 203–206.

Wawrzyńczyk J. *O rusycyzmach w polszczyźnie współczesnej*. «Język Rosyjski» 1978, № 5, c. 206–207.

Wawrzyńczyk J. *Wschodniosłowiańskie nazwiska w Łodzi*. «Acta Universitatis Lodziensis. Seria I. Zeszyt 51. Folia Rossica». Łódź, 1979, c. 75–79.

Wawrzyńczyk J. *Język rosyjski w słownikach polsko-rosyjskich powojennego czterdziestolecia*. [B:] *Z aktualnych studiów rusycystycznych. Językoznawstwo i glottodydaktyka. Materiały z międzynarodowej konferencji naukowej, Olsztyn 30.V–1.VI. 1985*. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Olsztynie. Red. W. Zmarzer. Olsztyn: Wydawnictwa Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1987, c. 163–171.

Wawrzyńczyk J. *Nota o ruszczyźnie w* Słowniku terminów literackich. «Opuscula Polonica et Russica». T. 6. Łódź, 1999, c. 114–118.

Wawrzyńczyk J., Małek E. *Mały słownik bibliograficzny języka rosyjskiego*. T. 1–2. Warszawa: BEL Studio, 2010–2012.

Wierzchoń P. 現代ポーランド語コーパス（原文画像閲覧機能付）プロジェクト目標について. [B:] *Opuscula Iaponica et Slavica*. Vol. I. Warszawa: BEL STUDIO, 2014, c. 23–33.

Wołczuk J. *Znajomość i nauczanie języka rosyjskiego w Polsce do roku 1832*. Seria Slavica Wratislaviensia. 59. Acta Universitatis Wratislaviensis. 1149. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 1992.

Яворская Ю.Л. *Очерки по русско-польским языковым взаимодействиям*. Szczecin: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1983.

GLOTTODYDAKTYKA
ЛИНГВОДИДАКТИКА
LANGUAGE EDUCATION

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 167–178

МЕМУАРЫ КАК ИСТОЧНИК ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

(НА МАТЕРИАЛЕ *ЗАПИСОК М.Н. ВОЛКОНСКОЙ*)

ТАТЬЯНА В. ЧЕРКЕС

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет довузовской подготовки
Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин
ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь
e-mail: t_koteleva@mail.ru
(получено 30.06.2014; принято 12.12.2014)

Abstract

Memoirs as a source of linguocultural information in teaching of Russian as a foreign language (based on the *Memoirs of Princess M.N. Volkonskaya*)

The article examines the RFL classroom work with memoir literature as a rich source of culturological and sociocultural information for foreign students of intermediate and advanced levels. An adapted version of the *Memoirs of Princess M.N. Volkonskaya* is proposed for a methodologically developed lesson within the theme "Human Biography in literature and art". The material of this work, in addition to *broadening* of students' vocabulary and improvement of speech competence, acquaints the audience with the problems of the Russian society in the first half of the nineteenth century, thus increasing the interest in history, literature and cultural traditions of Russian people.

Key words

Russian as a foreign language, non-fiction text, memoirs, culturology, socio-culturology, Decembrists, M.N. Volkonskaya.

Резюме

В статье рассматривается работа на занятиях по русскому языку как иностранному (РКИ) с мемуарной литературой, как с богатым источником культурологической и социокультурной информации для студентов-иностранцев среднего и продвинутого уровней владения языком. Предлагается вариант методической разработки урока по адаптированному варианту *Записок М.Н. Волконской* в рамках темы «Биография человека в художественной литературе и искусстве». На материале этого произведения, помимо пополнения лексического запаса учащихся и повышения уровня их речевой компетенции, происходит знакомство слушателей с проблемами российского общества первой половины XIX в., что повышает интерес к истории, литературе, культурным традициям русского народа.

Ключевые слова

Русский язык как иностранный, художественный текст, мемуары, культурология, социокультура, декабристы, М.Н. Волконская.

При выборе произведений русской классической литературы для работы с иностранными слушателями следует обращать особое внимание, в первую очередь, на их познавательную ценность, национально-культурную значимость, а также на тот воспитательный компонент, который несет в себе данное произведение для развития и формирования личности учащихся. Как говорится в *Хрестоматии по методике преподавания русского языка как иностранного:* «Художественный текст можно считать вершиной в обучении языку и одновременно средством, ведущим к полному овладению языком, которое предполагает наличие обширного словаря и умение пользоваться им в разных сферах коммуникации и разных видах речевой деятельности»[1]. Поэтому в данной статье речь пойдет о занятиях со студентами-иностранцами, изучающими русский язык на среднем и продвинутом этапах.

Хотелось бы рассмотреть работу с художественным произведением на примере *Записок М.Н. Волконской* в рамках темы: «Биография человека в художественной литературе и искусстве». Сразу же скажу, что пользовалась адаптированным вариантом, представленном в учебнике *Перспектива,* при занятиях со студентами-филологами. Виды заданий, которые предлагаются вашему вни-

[1] *Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного*. Сост. Л.В. Московкин, А.Н. Щукин. Москва: Русский язык, 2010, с. 438.

манию, разработаны с помощью методической литературы для преподавателей РКИ А.А. Акишиной, О.Е. Коган *Учимся учить*[2] и *Методики преподавания русского языка как иностранного* А.Н. Щукина[3].

Выбор данного литературного материала неслучаен. В течение работы с этим художественным произведением можно совершить увлекательный познавательный экскурс в дореволюционную Россию начала XIX века, вспомнить (или рассказать) об участии русского народа в Отечественной войне 1812 года, о значении победы над Наполеоном, о ситуации в государстве послевоенной поры. Это даст возможность перейти к причинам появления в России тайных обществ, объяснить иностранным слушателям, что побудило военных офицеров, дворян из благородных семей, восстать против самодержавия… События на Сенатской площади, казнь пяти революционеров, реакционные меры правительства, влияние декабристов на жизнь и судьбу Пушкина — такая богатая историческая и социокультурная информация не может не вызвать живой интерес аудитории, одновременно готовя учащихся к последующему восприятию художественного произведения и постепенно вводя их в атмосферу России начала девятнадцатого века. Нужно отметить, что формы подачи данного материала могут быть различными (это может быть презентация, аудирование, лекция и пр.) в зависимости от целей занятий, от контингента учащихся, от их уровня образования, психологического склада и т.д.

Для снятия лексических трудностей перед чтением *Записок М.Н. Волконской* уместным будет предтекстовое введение новых слов и словосочетаний. Задание должно быть сформулировано так, чтобы учащиеся постарались понять их значение, не пользуясь словарем. Во время семантизации лексики преподаватель может обратиться к толковым словарям, к примеру, таким, как словарь С.И. Ожегова. При объяснении новых слов желательна адаптация их толкования с учетом уровня владения языком иностранных слушателей:

достойный, благородный — человек высоких моральных, нравственных принципов, честный и открытый;

сопровождать/сопроводить — идти или ехать вместе, рядом с кем-то либо с чем-то;
дивизия — военное соединение, которое включает в себя несколько полков;
супружество — созданная семья, брак, жизнь в браке;
тайное общество — общество, где собирались будущие декабристы с целью подготовки восстания;
крепость — здание, которое построено с хорошей защитной (крепкой) системой вокруг. Иногда крепость была одновременно и тюрьмой, где содержались преступники;
обнадеживать/обнадежить — дать надежду на лучшее будущее;
приговаривать/приговорить — вынести судебное решение по делу, дать наказание;
каторга — тяжелые работы для людей в тюрьмах, часто проводились во вредных и опасных для жизни условиях;

---

[2] А.А. Акишина, О.Е. Коган. *Учимся учить*. Москва: Русский язык, 2002, с. 34–108.

[3] А.Н. Щукин. *Методика преподавания русского языка как иностранного.* Москва: Высшая школа, 2003, с. 290–293.

ссылать/сослать — в целях наказания отправить, переселить человека в другое место без права возвращения на какой-либо срок (срок определялся судебным решением);
следовать/последовать — отправляться, идти или ехать за кем-то вслед, следом;
благословлять/благословить — перекрестить, пожелать счастья, удачи в начинаниях;
великолепный — прекрасный, отличный, чудесный, очень красивый;
одобрять/одобрить — признать хорошим, правильным, верным;
рудник — промышленное предприятие, где добывают (извлекают из недр земли) руду (горную породу, в которой содержатся металлы);
казарма — помещение для проживания военных, рабочих, в тексте — ссыльных;
кандалы — тяжелые железные кольца, соединенные цепями, которые надевались на руки и ноги опасных преступников. Сейчас не используются.[4]

Также для лучшего усвоения новой лексики предлагается задание на словообразование. Например, заполнить (в классе или в виде домашнего задания) таблицу и составить предложения, используя новые слова (слова выбираются преподавателем):

Что?	Кто?	Какой?	Что (с)делать?
сопровождение	сопровождающий	сопроводительный	сопровождать
			приговаривать
	ссыльный		
		следующий	
смерть			
	житель		
			одобрять
		арестованный	

Перед тем, как приступить к чтению текста, следует рассказать учащимся о Марии Николаевне Волконской (в девичестве Раевской), о ее отце, знаменитом генерале Николае Николаевиче Раевском, герое войны с Наполеоном, «живой легенде» тех времен, знакомством с которым гордился великий русский поэт А.С. Пушкин для того, чтобы они лучше поняли характер героини и мотивы ее поступков. Перед прочтением первой части текста для активации внимания и памяти учащихся даются притекстовые задания-вопросы:

— Прочитайте первую часть мемуаров и скажите, почему Сергей Григорьевич Волконский не посвящал свою жену в планы тайного общества?
— По какой причине Волконская должна была расстаться со своим сыном Николаем навсегда?
— Кому принадлежали слова: «Я счастлив, что дважды за Отечество умираю?»
— Объясните странную реакцию отца-генерала на поступок дочери (благословение и угроза проклятия)?

[4] С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1978, с. 19–846.

Следующей этап работы — ознакомление учащихся с художественным произведением.

Из Записок М.Н. Волконской

Миша мой, ты просишь записать рассказы, которыми я развлекала тебя и Нелли в дни вашего детства.
(…) Я вышла замуж в 1825 году за князя Сергея Григорьевича Волконского, вашего отца, достойнейшего и благороднейшего из людей.
Вскоре после свадьбы я заболела, и меня вместе с матерью, с сестрой Софьей отправили в Одессу. Сергей не мог нас сопровождать, так как должен был остаться при своей дивизии. До свадьбы я его почти не знала и провела с ним только три месяца в первый год нашего супружества; я не имела понятия о тайном обществе, членом которого он был. Он был старше меня на двадцать лет и потому не мог иметь ко мне доверия в столь важном деле.
Первый год нашего супружества еще не кончился, Сергей уже сидел в Алексеевском равелине.
Я родила своего маленького Николая, с которым мне было суждено расстаться навсегда.
Когда я спрашивала о муже, мне отвечали, что он в Молдавии. Я стала требовать, чтобы мне сказали правду… Сергей арестован!
(…) Граф Сергей Орлов сам повез меня в крепость.
Мы вошли к коменданту; сейчас же привели моего мужа. Мы старались обнадежить друг друга.
(…) Пестель, Сергей Муравьев, Рылеев, Бестужев-Рюмин и Каховский были повешены, но трое из них сорвались, и их снова ввели на эшафот. Рылеев сказал: «Я счастлив, что дважды за Отечество умираю».
Моего мужа лишили титула, состояния, всех прав и приговорили к двадцатилетним каторжным работам и к пожизненной ссылке. 26 июля его отправили в Сибирь.
Когда я узнала об этом от брата, я ему объявила, что последую за мужем. Мой бедный отец закричал: «Я тебя прокляну, если ты через год не вернешься».
С отцом мы расстались молча: он меня благословил и отвернулся.[5]

После прочтения текста преподаватель дает студентом разъяснение, что, согласно указу царя России Николая I, женщины, которые уезжали за своими мужьями, чтобы разделить с ними все тяготы и лишения каторги и ссылки, обязаны были отказаться от своих детей, рожденных ранее в браке, расстаться со всеми, кто был им близок и дорог. Но даже такие суровые меры не остановили мужественных русских женщин, считавших, что их главный долг состоит в том, чтобы находиться рядом с супругами и в радости, и в горе. Еще раз мы вернемся к этой теме при ознакомлении со второй частью *Мемуаров М.Н. Волконской*.

После прочтения текста, на послетекстовой стадии, необходима проверка понимания учащимися основной идеи текста, развития сюжетной линии, характеров и мотивации поступков героев. Для этого используются такие формы контроля, как:

---

[5] И.С. Костина и др. *Перспектива*. Основная часть. Вып. 1. Пособие для иностранных слушателей краткосрочных курсов русского языка. Санкт-Петербург: Златоуст, 1994, с. 16.

а) установление истинных или ложных фактов, примером чего может стать такое задание, как прочитать утверждение и ответить, соответствует ли оно информации, находящейся в тексте. Если информация является неточной или неверной, необходимо дать правильный вариант ответа:

1) Мария Николаевна Раевская пишет мемуары, обращаясь к своим детям, Нелли и Мише;
2) Героиня рассказа вышла замуж за Сергея Волконского в 1824 году;
3) Сразу же после свадьбы героиня заболела, и ее вместе с братом отправили в Одессу;
4) До свадьбы Мария Раевская почти не знала своего супруга;
5) Сергей Волконский был старше жены на 10 лет;
6) Мария Николаевна Волконская состояла в тайном обществе…
7) Она родила своего маленького сына Никифора, с которым ей суждено было расстаться навсегда;
8) Когда она спрашивала о муже, ей отвечали, что он в Молдавии;
9) Она узнала правду — Сергея казнили;
10) Шестеро декабристов были повешены;
11) Мужа лишили титула, всех прав, состояния и приговорили к десяти годам ссылки;
12) Его отправили на Кавказ;
13) Мария Волконская сказала, что будет ждать мужа;
14) Отец сказал ей вернуться через год;
15) Отец отказался благословлять дочь.

б) ответы на вопросы по тексту:

1) Кому адресованы мемуары?
2) Сколько детей было у Сергея и Марии Волконской?
3) Когда и за кого вышла замуж Мария Николаевна Раевская?
4) Как описывает своего мужа Мария Николаевна?
5) Что случилось вскоре после свадьбы?
6) Почему супруг не смог сопровождать молодую жену в Одессу?
7) Когда произошло восстание декабристов?
8) Знала ли М.Н. Волконская о существовании тайного общества?
9) Что случилось с Сергеем Волконским сразу после восстания?
10) Почему она вынуждена была расстаться с новорожденным сыном Николаем навсегда?
11) Что пишет Волконская о казни руководителей восстания?
12) Какое решение было принято царем в отношении С.Г. Волконского?
13) Что объявила своим близким Волконская?
14) Как рассталась с отцом Волконская?
15) Почему герой Отечественной войны сказал, что проклянет свою дочь?

в) тестовые задания; к примеру, студентам нужно выбрать правильный вариант ответа:

1) Вскоре после свадьбы Мария Николаевна вместе с матерью и сестрой уехала:

а) в Одессу;
б) в Москву;
в) в Петербург.

2) Ее отправили туда:
а) из-за занятости мужа в дивизии;
б) из-за восстания;
в) из-за болезни.

3) Восстание декабристов произошло:
а) в Москве в 1824 году;
б) в Петербурге в 1824 году;
в) в Москве в 1825 году;
г) в Петербурге в 1825 году;

4) Сергея Волконского арестовали во время:
а) первого года супружества;
б) третьего года супружества;
в) пятого года супружества.

5) К смертной казни через повешение были приговорены:
а) трое дворян-декабристов;
б) четверо декабристов;
в) пятеро декабристов.

6) Мужа Марии Николаевны Волконской сослали:
а) на Кавказ;
б) на юг России;
в) в Сибирь…

Дополнительно могут использоваться такие виды заданий, как выстраивание событий из текста в логической последовательности, к примеру, такое, как расположить факты и события, содержащиеся в первой части *Записок М.Н. Волконской*, по порядку:

1) Мария родила своего маленького сына Николая, с которым ей было суждено расстаться навсегда через год после замужества;
2) Героиня вышла замуж в 1825 году за князя Сергея Григорьевича Волконского, достойнейшего и благороднейшего из людей;
3) После восстания героиня узнала, что мужа посадили в Алексеевский равелин;
4) Встретившись в крепости, супруги старались обнадежить друг друга;
5) Вскоре после свадьбы Мария заболела, поэтому супругам пришлось расстаться, так как Сергей, находясь на военной службе, не мог сопровождать молодую жену;
6) Мария Волконская, узнав, что муж лишен титула, состояния и приговорен к каторжным работам и к пожизненной ссылке, решила последовать за мужем;
7) Пестель, Сергей Муравьев, Рылеев, Бестужев-Рюмин и Каховский были повешены, но трое из них сорвались. И их снова ввели на эшафот;

8) Отец Марии Волконской закричал: «Я тебя прокляну, если ты через год не вернешься!»

После выполнения заданий учащимся предлагается познакомиться со вторым отрывком воспоминаний Марии Николаевны Волконской. Чтобы учащимся стали более понятными последствия выбора, сделанного героиней мемуаров и многими другими женами декабристов, решивших последовать за своими мужьями в ссылку, предлагается еще раз напомнить и дополнить информацию об условиях, поставленных перед ними императором Николаем I. По его указу, если жена следовала за мужем в Сибирь, она становилась только женой государственного преступника и лишалась титула, звания, а также всех дворянских привилегий. Ни денег, ни ценных вещей при себе иметь не разрешалось. Никакой помощи и защиты со стороны местного губернатора женам государственных преступников не полагалось. Если в ссылке у них рождались дети, они становились простыми крестьянами. Следует еще раз подчеркнуть тот факт, что, несмотря на такие жесточайшие условия, многие женщины из благородных семей оставили свои дома, детей, родных и близких людей, чтобы поддержать своих мужей в самый тяжелый период их жизни. Именно поэтому здесь особенно уместным является слово «подвиг».

Также перед прочтением второй части *Записок Марии Николаевны Волконской* необходимо введение незнакомой лексики. Здесь также дается объяснение слов, основанное на *Толковом словаре* С.И. Ожегова, в несколько адаптированном варианте:

покидать — оставить кого-то, что-то, уйти (уехать) от кого-то, чего-то.
живописный — красивый, прекрасный, чудесный, яркий, выразительный, достойный кисти художника.
великолепный — прекрасный, чудесный, очень красивый.
уговаривать/уговорить — с помощью весомых аргументов прийти к взаимному согласию, убедить человека принять мнение собеседника.
условие — обстоятельство, от которого что-то зависит, требование, соглашение в устной или письменной форме, договорённость.
жестокий, жесточайший — безжалостный, беспощадный, бессердечный, очень сильный (в тексте — мороз).
верста — старинная русская мера длины, которая равна 1,06 км.
бросаться/броситься — стремительно подбежать к кому-то (к чему-то) ≠ убежать от кого-то (от чего-то).
цепь (ж.р.) — ряд металлических звеньев овальной формы, продетых одно в другое (ср. цепочка — украшение на шее)[6].

После работы с новым лексическим материалом для более внимательного восприятия текста рекомендуется такое притекстовое задание, как после прочтения текста ответить на вопросы:

---

[6] С.И. Ожегов. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1978, с. 19–846.

1) Кем для героини была Зинаида Волконская?
2) Кого в Москве встретила Мария Николаевна?
3) В какой местности находился на каторге Сергей Волконский?
4) Почему губернатор уговаривал Марию Николаевну Волконскую вернуться назад в Россию?
5) Каковы были условия, поставленные перед героиней произведения?
6) Что до глубины души поразило Марию Николаевну при встрече с мужем?

Затем иностранные учащиеся могут приступить к знакомству со второй частью мемуаров.

Из Записок М.Н. Волконской

В Москве я остановилась у Зинаиды Волконской; она приняла меня с нежностью и добротой. Она пригласила всех итальянских певцов, бывших тогда в Москве. Тут был и Пушкин, наш великий поэт; я давно его знала. Я покидала Москву… Я ехала день и ночь, не останавливаясь и не обедая нигде.
Приехав в Иркутск, главный город Восточной Сибири, я нашла его красивым, местность живописною, реку великолепною.
Гражданский губернатор Цейдлер, старый немец, тотчас же приехал ко мне, чтобы уговорить возвратиться в Россию. Царь не одобрял следования молодых жён за мужьями. Губернатор сказал мне: «Подумайте же, какие условия вы должны будете подписать».
— «Я их подпишу, не читая».
(…) Я переехала Байкал ночью, при жесточайшем морозе.
Я узнала, что мой муж находится в Благодатском руднике.
Начальник рудников дал мне подписать бумагу, по которой я могла видеться с мужем только два раза в неделю в присутствии офицера. И это после того, как я покинула своих родителей, своего ребёнка, свою родину, после того, как я проехала шесть тысяч верст.
(…) Тюрьма находилась у высокой горы; раньше это была казарма. В первую минуту я ничего не разглядела, так как там было темно; открыли маленькую дверь налево, и я поднялась в отделение мужа. Сергей бросился ко мне; его цепи поразили меня: я не знала, что он был в кандалах. Я бросилась перед ним на колени и поцеловала его самого[7].

В целях усвоения нового языкового материала, а также для закрепления грамматических навыков можно предложить несколько послетекстовых лексико-грамматических упражнений. Во время их выполнения учащиеся, помимо решения основных задач (повторение и закрепление ранее изученного грамматического материала и усвоение новой лексики), работают с информацией, содержащейся в тексте, что способствует более глубокому восприятию прочитанного материала. Задания могут быть такими, как:

а) раскрыть скобки, поставив слова (словосочетания) в правильной грамматической форме. Если нужно, заменить имеющиеся в предложениях притяжательные местоимения местоимением свой:

1) Зинаида Волконская встретила Марию Николаевну (нежность и доброта).
2) Героиня приехала в Иркутск, главный город (Восточная Сибирь).

[7] И.С. Костина и др. *Перспектива*..., 1994, с. 17.

3) Губернатор уговаривал (молодая женщина), чтобы она вернулась (Россия, её родные края).
4) Царь не хотел, чтобы жёны ехали вслед (их мужья).
5) Мария Волконская переехала Байкал (сильный мороз).
6) Героиня могла видеться (её муж) только два раза в неделю.
7) Она покинула (её родители, её родина, её ребенок).
8) Сергей бросился (его жена).
9) Она не знала, что муж был (кандалы).

б) заменить деепричастные обороты придаточной частью сложного предложения:
1) Я ехала день и ночь, не останавливаясь и не обедая нигде.
2) Приехав в Иркутск, я нашла его красивым.
3) Она подписала все документы, не читая.
4) Поднявшись в отделение мужа, Мария увидела Сергея.
5) Бросившись перед мужем на колени, она поцеловала его.

в) закончить предложения, используя союзное слово который:
1) Мария Николаевна приехала в Москву к родственнице своего мужа, у которой…
2) Тут был и известный русский поэт А.С. Пушкин, которого…
3) Мария Николаевна приехала в Иркутск, который…
4) Был жесточайший мороз, при котором…
5) Гражданский губернатор Цейдлер, который…, уговаривал героиню вернуться в Россию.
6) Начальник рудников, к которому…, дал ей подписать бумагу.
7) Это была бумага, по которой…
8) Раньше в тюрьме, в которой…, находилась казарма.
9) Марию Николаевну поразили кандалы, которые…

г) Выбрать правильный ответ на вопрос: Почему гражданский губернатор Цейдлер уговаривал Марию Николаевну вернуться назад?
1) потому что она оставила своих родителей, своего ребёнка, свою родину.
2) потому что в Восточной Сибири стоял жесточайший мороз.
3) потому что царю не нравилось, когда молодые жёны следуют за мужьями в ссылку.

д) найти высказывание, которое соответствует содержанию текста:
1) Героиня приехала в Петербург к Зинаиде Волконской.
2) Там Мария Николаевна Волконская встретила известных деятелей искусства, среди которых был и Александр Сергеевич Пушкин, которого она увидела впервые.
3) Молодая женщина очень спешила встретиться со своим мужем, поэтому ехала очень быстро, не останавливаясь, не обедая и не отдыхая.
4) Несмотря на суровую зиму, Марии Николаевне понравилась природа Восточной Сибири и город Иркутск.

5) Губернатор приехал к Марии Николаевне, чтобы уговорить ее вернуться домой, на родину, так как царь не одобрял следования жён за своими мужьями.
6) Прочитав внимательно документ, она подписала его.
7) Мария Николаевна узнала, что муж находится в Благодатском руднике.
8) Героиня узнала, что, согласно документам, она может видеть мужа каждый день в присутствии офицера.
9) Тюрьма находилась недалеко от озера Байкал.
10) При встрече с мужем Мария Николаевна была поражена, так как не знала, что на ногах мужа кандалы.

е) Ответить на вопросы:
1) Как встретили Марию Николаевну в Москве?
2) Каково было содержание документов, которые должна была подписать героиня мемуаров?
3) По какой причине гражданский губернатор пытался сделать все для того, чтобы молодая женщина вернулась на родину?
4) Какое расстояние пришлось преодолеть Марии Николаевне Волконской для того, чтобы встретиться со своим мужем?
5) При каких условиях увиделись князь Сергей Волконский и его жена?
6) Почему Мария Николаевна Волконская преклонила колени перед своим мужем?

После выполнения перечисленных выше упражнений можно дать обобщающее задание ко всему художественному произведению, например, такое:
а) трансформировать текст, рассказав сюжет от имени:
1) Марии Николаевны Волконской;
2) её отца — генерала Николая Николаевича Раевского;
3) её мужа — Сергея Григорьевича Волконского;
4) родственницы мужа — Зинаиды Волконской;
5) гражданского губернатора Цейдлера;
6) детей Волконских, для которых написаны эти воспоминания.

Кроме того, еще одним из возможных вариантов является беседа-обсуждение художественного произведения, оценка прочитанного с последующей ее аргументацией. Можно обратить внимание учащихся на то, какова была ситуация в русском обществе того времени: Россия оставалась единственной европейской страной, в которой продолжало существовать крепостное право, поэтому все прогрессивное общество надеялось на его отмену после победы над наполеоновской армией. И результатом несбывшихся надежд стали тайные общества, появившиеся по всей России. Еще одной интересной темой для обсуждения может быть разговор о системе ценностей в русском обществе, о положении женщин в России первой половины XIX в. Возможно также обсуждение такой темы, как «Положение в семье и в обществе русской женщины XIX в. и женщин в ваших странах». Еще одним вариантом для беседы может стать дискуссия

о том, как иностранные слушатели понимают, что значило в XIX веке и значит сейчас, в современном обществе, словосочетание «жена (жены) декабристов».

На итоговом, завершающем этапе работы целесообразным будет написание домашнего сочинения на предложенные преподавателем (а возможно, и слушателями) темы, к примеру, такие, как «Образ Натальи Николаевны Волконской», «Характер русской женщины», «Долг или любовь?», «Одобряете ли вы поступок главной героини?» и пр., либо это будет пересказ художественного произведения с комментариями. В дополнение к этим заданиям рекомендуется предложить учащимся самостоятельный поиск информации о декабристах, о жёнах декабристов в интернете для того, чтобы подготовить сообщение, реферат или слайд-презентацию. Это могут быть материалы о М.Н. Волконской, ее семье, а также, возможно, сведения о жизни и судьбе других русских женщин, не побоявшихся разделить трудную участь своих мужей-декабристов. Безусловно, на выбор обобщающих заданий будут оказывать влияние многие факторы, начиная от целей и задач урока (уроков), времени, отведенного преподавателем на работу с данным художественным произведением, а также от уровня подготовленности слушателей данного курса (группы), их языковой компетенции, интеллектуального склада, направленности их интересов и многое другое.

Таким образом, можно сказать, что работа с мемуарной литературой, как с одним из видов художественного текста, является дидактически целесообразной и действенной, так как, помимо пополнения лексического запаса и повышения речевой компетенции учащихся, мемуарная литература служит богатым источником культурологической информации. Работа с художественными произведениями подобного типа повышает интерес аудитории к прошлому русского народа, развивает творческие способности иностранных слушателей, формирует их познавательную активность, стимулирует мыслительную деятельность, делая занятия более разнообразными и увлекательными и, одновременно, расширяет кругозор учащихся и повышает мотивацию к изучению русского языка, русской литературы, русской истории и культуры.

Литература

Акишина А.А., Коган О.Е. *Учимся учить*. Москва: Русский язык, 2002.

Костина И.С. и др. *Перспектива*. Основная часть. Вып. 1: *Пособие для иностранных слушателей краткосрочных курсов русского языка.* Санкт-Петербург: Златоуст, 1994.

Ожегов С.И. *Словарь русского языка*. Москва: Русский язык, 1978.

Хрестоматия по методике преподавания русского языка как иностранного. Сост. Л.В. Московкин, А.Н. Щукин. Москва: Русский язык, 2010.

Щукин А.Н. *Методика преподавания русского языка как иностранного*. Москва: Высшая школа, 2003.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 179–208

PROLEGOMENA DO DYDAKTYCZNEJ PREZENTACJI KONCEPTU JĘZYKOWEGO W WIZUALIZACJI GRAFOWEJ
(NA PRZYKŁADZIE ROSYJSKIEGO KONCEPTU *БЕЛЫЙ*)

YURY FEDORUSHKOV*
ANDRZEJ NARLOCH**

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Wydział Neofilologii, Instytut Filologii Rosyjskiej
Collegium Novum, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska
e-mail: jerfed@amu.edu.pl*; e-mail: endrisz@amu.edu.pl**
(nadesłano 15.04.2014; zaakceptowano 18.11.2014)

Abstract

Prolegomena for didactic presentation of a linguistic concept in graph visualization
(based on the Russian concept of *БЕЛЫЙ*)

The paper aims at presenting the problems of how color concepts function in a graphic spatial model and using these concepts in foreign language didactics. The material has been presented on the basis of the Russian word *белый*, with the use of Russian-language lexicographic data. The paper is comprised of two integral parts. Part I features a theoretical presentation of the problems of the meaning of a lexical field with the inclusion of semantic center and peripheries. Part II presents the methods of the concept's graphic representation based on the technology of linguistic data visualization with the use of the so called directed graph, taking into account the graph's colorization and geometrization for the purpose of a clear demonstration of linguistic data in the didactic process. Visualization may serve as a material that enriches and supplements the teaching of foreign languages. The paper also discusses the concept of realization of a simplified, though — we believe — didactically accurate visualization of the lexeme polysemy. Moreover, we included the description of research, which complete lexicographic methodology with special computer software.

Key words

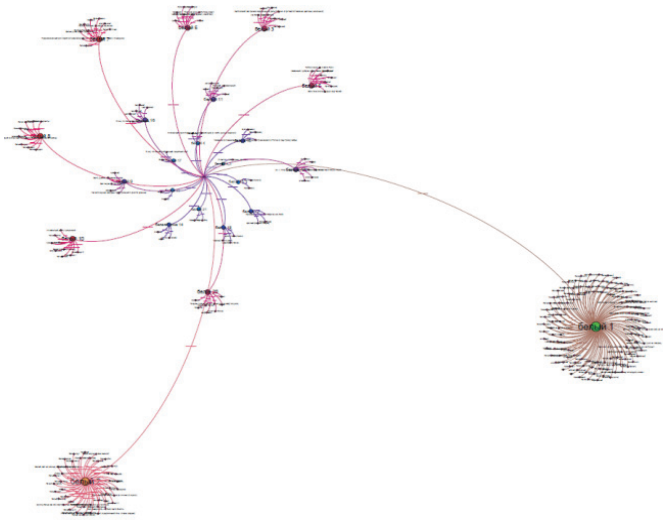
Lexical meaning, connotation, language concept, semantic of color, graph visualization of language objects, graph, mind map.

Abstrakt

Artykuł jest próbą zilustrowania problematyki funkcjonowania konceptów kolorystycznych w graficznym modelu przestrzennym oraz ich zastosowania w dydaktyce języków obcych. Podstawę materiałową stanowią dane leksykograficzne dotyczące rosyjskiego wyrazu *белый* zaczerpnięte ze słowników języka rosyjskiego. W pierwszej części artykułu skupiono się na problemie znaczenia pola leksykalnego, obejmującego pole semantyczne składające się z centrum i peryferii. W drugiej części poruszono zagadnienie metod graficznej prezentacji konceptu, które sprowadzają się do wizualizacji danych językowych za pomocą tzw. *grafu skierowanego* z uwzględnieniem koloryzacji oraz geometryzacji przestrzennej grafu, wykorzystywanych w procesie dydaktycznym. Wizualizacja może posłużyć jako materiał wzbogacający proces nauczania języków obcych. Omówiono koncepcję realizacji uproszczonej, dydaktycznie trafnej wizualizacji polisemii leksemów. Ponadto przedstawiono opis badań uzupełniających metodologię leksykograficzną wykorzystującą specjalistyczne oprogramowanie komputerowe.

Słowa kluczowe

Znaczenie leksykalne, konotacja, koncept językowy, semantyka barwy, wizualizacja grafowa obiektów językowych, graf, mapa myślowa.



Ryc. 0. Graf konceptu БЕЛЫЙ.
Źródło: opracowanie własne.

Wprowadzenie

Znaczenie leksykalne wyrazu *белый* jest zjawiskiem kolektywnym, istniejącym w świadomości indywiduum w postaci serii możliwych obiektów, pozostających w związku z semem barwy białej. Owa seria rozrzucona jest w najróżniejszych słownikach: od objaśniających po techniczne, od frekwencyjnych po asocjacyjne. Kumuluje ona wiedzę wokół danego uniwersalnego obrazu dźwiękowego ([ˈbʲelɨi̯][1]). „Biełym" nazywane są różne rodzaje obiektów, tj. taki obraz dotyczy taksonomicznie różnych klas obiektów: od nazwy barwy (*белый мел*) po nazwę jasnych figur szachowych (*играть белыми*). Z uwagi na polisemię leksykalną słownik tezauryzuje definicje dla różnych *de facto* definiensów (*белый* 1, *белый* 2, *белый* 3) pod jednym „parasolem", tzw. *prototypem*[2], a mianowicie: hasłem **белый** w jednym, niekiedy kilkustronicowym artykule hasłowym, którego odczytanie jest czasochłonne. Owa technika nie pozwala osobie uczącej się języka obcego na uzmysłowienie w krótkim czasie (np. w trakcie lekcji) szerokiej gamy znaczeń jednego takiego obrazu dźwiękowego — [ˈbʲelɨi̯], np. w aspekcie diachronicznym. Na przykład w XIX wieku wyraz *белый*, oprócz znaczenia podstawowego, miał także sensy: 'барский', 'привилегированный', 'богатый', 'парадный', 'праздничный', 'опрятный'[3]. W czasie rewolucji październikowej pojawiło się inne znaczenie tego wyrazu, np. w zdaniu *Этот солдат — белый* wyraz *белый* wskazuje na przynależność do tzw. *białego ruchu*, walczącego z władzą bolszewicką. Z kolei w zdaniu *Выпей с нами белого* odnajdujemy wskazanie na białe wino, zaś w „Выпей с нами белую" — na wódkę. Mając na myśli przejrzystość powietrza, posłużymy się frazą *Бело сегодня*. W młodzieżowym slangu leningradzkim w latach 80. minionego stulecia zdanie *Белого будешь?* wyrażało propozycję zażycia kokainy. W świetle powyższego zarówno dla użytkownika języka, jak i uczącego się języka jako obcego, wielce przydatne wydaje się być całe spektrum „separowanych quantum wiedzy"[4], wspólne dla jednego wyrazu w ramach szeroko pojmowanej diachronii, jednak wiedzy aktualnej, aktywnej, skoncentrowanej w jednym zasobie, tj. w jednym miejscu, „na jednej kartce", w sposób wizualnie uproszczony, wąsko nominalny, dydaktycznie trafny, np.

W nawiązaniu do powyższego wyjaśniamy, że niniejszy tekst jest wynikiem przeprowadzonych eksperymentów autorskich, polegających na wizualizowaniu pola leksykalnego wokół jednego hasła — rosyjskiego leksemu *белый*. Termin *pole leksykalno-*

---

[1] Zapis w Międzynarodowym alfabecie fonetycznym (IPA). Zob. [Online] <wiktionary.org/wiki/белый> (1.09.2014).

[2] Por. rozdział *Różne rozumienia pojęcia prototypu* w pracy Renaty Grzegorczykowej pt. *O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych*. [W:] *Język a kultura*. T. XII: *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne*. Red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 110–112; por. także E. Rosch. *Zasady kategoryzacji*. [W:] *Psychologia poznawcza w trzech ostatnich dekadach XX wieku*. Red. Z. Chlewiński. Gdańsk: GWP, 2007, s. 409–430.

[3] В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*: В 4 т. Москва: Русский язык, 1978.

[4] Ł. Karpiński. *Zarys leksykografii terminologicznej*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Wydział Lingwistyki Stosowanej i Filologii Wschodniosłowiańskich. Katedra Języków Specjalistycznych, 2008, s. 178.

Ryc. 1. Przykładowy graf o uproszczonych definicjach nominalnych
Źródło: opracowanie własne.

-*semantyczne*, z uwagi na rozwiniętą polisemię oraz sporą liczebność obiektów wokół każdego ze znaczeń wyrazu *белый*, został rozszerzony do pojęcia *koncept*[5]. Nie zdecydowaliśmy się jednak na ujęcie holistyczne, polegające na rejestracji wszystkich obiektów i relacji w bazie, zawierającej znaczenia leksykalne, synonimy, antonimy, idiomy, poszczególne konotacyjne semy kontekstowe i inne dane. Początkowym celem eksperymentów była idea realizacji uproszczonej, lecz — w naszej ocenie — dydaktycznie trafnej wizualizacji rozległej polisemii leksemu *белый* oraz jej substantywowanych form: *белый*, *белая*, *белое*, *белые*, zawartych najczęściej w jednym artykule hasłowym

[5] W sprawie terminu — por. Е.А. Пименов. *Исследование концепта Trauer «печаль» посредством синонимического ряда*. [W:] *Ethnohermeneutik und Antropologie*. Hrsg. von E.A. Pimenov, M.V. Pimenova. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004, s. 90; З.Д. Попова, И.А. Стернин. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Издательство «Истоки», 2001, s. 54; Г.В. Приходько. *Концепт «огонь» в картине мира русского народа*. [W:] *Материалы шестой научной конференции*. Новосибирск: Наука — Университет, 2005, s. 86–89; Ю.Г. Панкрац. *Пропозициональная форма представления знаний*. [W:] *Язык и структуры представления знаний. Сборник научно-аналитических обзоров*. Ред. Л.Г. Лузина, Г.Д. Стрельцова. Москва: Институт научной информации по общественным наукам, 1992, s. 83; Ю.С. Степанов. *Константы. Словарь русской культуры*, Москва: Академический проект, 2004, s. 57–59; 60; 75–76; Е.В. Дзюба. *Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Монография*, Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011, ss. 9; 16. Prezentujemy jedynie wybrane definicje tego terminu. Koncept to 1). «мыслительная структура, которая концентрирует знания о соответствующем денотате, но сущность этой структуры не сводится только к значению слова (…). Этот концепт имеет многочисленные добавочные смыслы, связанные с различными знаниями и ассоциациями человека" — zob. Г.В. Приходько, s. 86–89; 2). «(...) в общем виде концепт можно представить как «пучок» понятий, знаний, представлений, ассоциаций, переживаний, которые возникают в сознании человека в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации" — zob. З.Д. Попова, И.А. Стернин, s. 54.

słownika objaśniającego[6]. Dlatego charakter prowadzonej pracy można określić jako eksperymentalny — nie przedstawiamy bowiem wszystkich rezultatów związanych ze środowiskiem grafowym, wyników porównań leksykograficznych (hasło **белый**), które wymagałyby odrębnego opracowania.

Informacje zebrane w dalszej części składają się z pięciu zasadniczych części:

1. barwa jako fenomen kulturowy;
2. struktura pola znaczeniowego wyrazu *белый*;
3. uporządkowanie materiału badawczego;
4. wizualizacja konceptu БЕЛЫЙ za pomocą architektury grafowej;
5. dydaktyczna reprezentacja konceptu umieszczonego w grafie; mikrocele dydaktyczne.

W ramach teoretycznej analizy konceptu БЕЛЫЙ zawężamy krąg poszukiwań do obszaru leksykografii rosyjskiej oraz literatury przedmiotu dotyczącej symboliki kulturowej danego koloru. W zakresie symboliki kulturowej ograniczymy się do wyników rosyjskiej badaczki — Natalii Złydniewej, rozpatrującej koncept w ramach analizy interakcji kodów: werbalnego oraz wizualnego epoki XX wieku[7]. Przedmiotem jej rozważań jest semantyka koloru białego w kulturze rosyjskiej. N. Złydniewa wyraża przekonanie, że jest to koncept istotny dla kultury rosyjskiej, który odzwierciedla „przesunięcia semantyczne w «tekście» kultury i naświetla niektóre globalne ideologemy epoki”[8]. Przeprowadzona analiza leksykograficzna wykazała, że konceptosfery, które funkcjonują wokół nazw kolorów, leksykalnie są wysoce nasycone. Dlatego wielce pożądana, w naszym przekonaniu, byłaby wizualizacja wiedzy utrwalonej w słownikach; chodzi o przedstawienie zależności pomiędzy konkretnymi obiektami (swoistą mapę myślową). Na przykład substantywizowany przymiotnik *белый* jest synonimem zarówno dla: *солдат белой армии* lub *контрреволюционер* (antonimem jest natomiast rzeczownik *красный*), jak i dla wyrazu *кокаин* (brak antonimii). Z kolei przymiotnik *белый* jest synonimem zarówno dla *чистый* (antonim: *грязный*), jak i dla *бледный* (antonim: *яркий*), bądź też m. in. *привелегированный* (antonimy to np. *холопский*, *крестьянский*, *неимущий*). Jaka zatem jest gama znaczeń słowa *белый*? W jaki sposób „wypełnione” są takie znaczenia, np. jaki jest sem dominujący? W jakim stopniu polisemia „obciążona” jest poszczególnymi relacjami (np. relacją synonimii), np. ile synonimów ma przymiotnik *белый* w znaczeniu ‚moralny’, ‚czysty’, albo ‚ja-

---

[6] Np.: В.И. Даль, *op. cit.*; *Словарь современного русского литературного языка*. Ред. К.С. Горбачевич. Т. 1: *А–Бишь*, Москва — Санкт-Петербург: Наука, 2004; *Большой толковый словарь русского языка*. Ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998; С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. *Толковый словарь русского языка. 41 089 словарных статей.* Москва: Издательство Азъ, 1992.

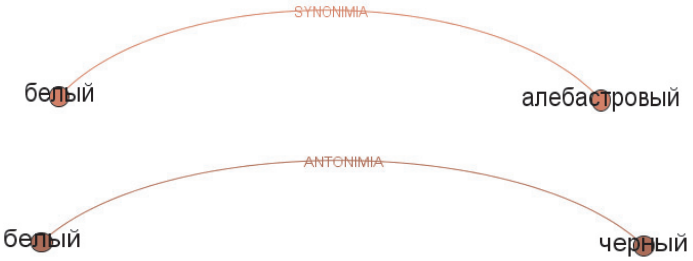
[7] Por. Н.Н. Злыднева. *Белый цвет в русской культуре XX века*. [W:] *Признаковое пространство культуры*. Ред. С.М. Толстая. Москва: Индрик, 2002, s. 424–431.

[8] Zakres znaczeniowy rosyjskiego terminu *идеологема* opisuje G. Gusiejnow: «В широком смысле слова к идеологемам следует отнести и несловесные формы представления идеологии — традиционные символы (серп и молот, щит и меч), изобразительные и архитектурно-скульптурные комплексы (мавзолеи, памятники, плакаты, портреты, географические карты, карикатуры, татуировки), а также символы музыкальные (гимны, позывные)” — Г. Гусейнов. *Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х*. Москва: Три квадрата, 2003, s. 12.

sny'? Jakie zastosować narzędzia, aby zwizualizować bogactwo takiej synonimii dla poszczególnych znaczeń?

Celem niniejszego tekstu jest prezentacja uporządkowania konceptu w kodzie wizualno-optycznym[9] za pomocą tzw. *grafu*, tj. demonstracja technicznej wizualizacji konceptu BIAŁY (БЕЛЫЙ) w postaci wzorów mieszczących obiekty:

1. węzły (punkty);
2. krawędzie: relacje łączące węzły między sobą (zob. niżej — linie między punktami):



Ryc. 2. Przykładowe krawędzie pomiędzy węzłami
Źródło: opracowanie własne.

Powtórzmy: nie dążymy do holizmu, lecz do redukcjonistycznej wizualnej obserwacji polisemii słowa — obserwacji, która może posłużyć do celów dydaktycznych, przekładoznawczych itd. Niniejszy artykuł jest wynikiem serii eksperymentów; zawiera propozycję metody, którą leksykografowie oraz dydaktycy języków obcych mogą poddawać nieustannemu doskonaleniu i modyfikacjom.

Zasadniczym problemem procesu wizualizacji jest rozmieszczenie elementów. W tym przypadku graf to uporządkowany zbiór faktów leksykograficznych, ograniczonych m.in. do węzłów, w którym umieszczone są *definiendum*, słowa, kolokacje, zdania, wybrane *definiensy*, oraz do krawędzi, tj. relacji pomiędzy węzłami skupionymi wokół jednej dominanty — БЕЛЫЙ (ryc. 7). Zbiór owych faktów zawiera jedynie dane leksykograficzne na temat wyrazów *белый*$_1$, *белый*$_2$, *белый*$_3$ (por. ryc. 3). Każdy element takiego zasobu „obrasta" w indywidualne relacje: synonimię, antonimię, peryfrazę itd. Temu zasobowi nadajemy nazwę *konceptu językowego*.

Barwa jako fenomen kulturowy

Barwa jako fenomen kulturowy stała się obiektem zainteresowań wielu dyscyplin naukowych. Analiza miejsca barwy w przestrzeni kulturowej i społecznej stanowi ważny składnik funkcjonowania człowieka i jego relacji z otaczającą rzeczywistością.

[9] Wyrazy: „wizualny" i „optyczny" mogą na pierwszy rzut oka wydawać się synonimami. Celowo zastosowaliśmy taką kondensację. Termin „wizualno-optyczny" jest zatem terminem technicznym na potrzeby niniejszego tekstu. W naszym rozumieniu obiekt w kodzie wizualno-optycznym to obiekt możliwy do obserwacji za pomocą wzroku i jednocześnie poddający się jakościowym modyfikacjom (np. zmiana formy obiektu), a także modyfikacjom o charakterze optycznym, np. pozycjonowanie, oddalanie, zbliżanie (tzw. „zoomowanie").

Barwa powiązana jest siecią wzajemnych relacji z różnymi dziedzinami nauki, w tym z językoznawstwem, kulturologią, etnografią, psychologią. W szczególności leksyka kolorystyczna rozpatrywana jest obecnie przez pryzmat współzależności języka i kultury[10]. We współczesnych badaniach kognitywistycznych w centrum uwagi znalazł się językowy obraz świata barw. Jak słusznie zauważa Szolpan Żarkynbekowa, „problem barwy i nazw barw nie jest kwestią *stricte* lingwistyczną i nie dziwi fakt, że powrót do niej w kontekście lingwistyki staje się aktualny na obecnym etapie, związanym z pojawieniem się kognitologii wykorzystującej w badaniach systemu posiadaną przez człowieka wiedzę z różnych dziedzin"[11] (tłum. Y.F. i A.N.).

Na poziomie międzykulturowym i międzyjęzykowym różnice pomiędzy poszczególnymi społecznościami językowymi uwypuklają specyfikę myślenia, kultury materialnej i konceptualizację faktów rzeczywistości pozajęzykowej. Zróżnicowanie sposobów myślenia danej społeczności jest z kolei odbiciem wyboru różnych punktów referencji czy też typowych prototypów jakiegoś konceptu. W związku z tym nazwy barw stanowią bezsprzecznie dobry przykład semantycznej typologii językowej, świadczą o różnych sposobach konceptualizacji świata zawartej w poszczególnych językach[12].

Struktura pola znaczeniowego wyrazu *белый*

Punktem wyjścia opisywanej metody wizualizacji znaczenia jest teza: znaczenie wyrazu jako realnie istniejący byt. Postawił ją, wbrew panującej w nauce radzieckiej ideologizacji, w 1954 roku Aleksandr Smirnickij w niewielkiej pracy — *Объективность существования языка*. Metodologiczny spór o znaczenie „znaczenia leksykalnego" trwa od dawien dawna, podobnie jak spór o istotę języka. Język to przede wszystkim akt świadomościowy, same zaś korzenie świadomości tkwią w systemie neuronalnym:

> (…) значение слова, не как абстрактная отнесенность к предмету (…), а как некоторое реальное явление в сознании, и представляет собой функцию мозга. Отсюда следует, что **язык**, отражаясь своей материальной, звуковой стороной в сознании говорящих,

[10] Zob. prace: A. Wierzbicka. *The meaning of color terms. Semantics, culture, and cognition*. "Cognitive Linguistics" 1990, Vol. 1 (1); Tokarski R. *Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1995; В.Г. Кульпина. *Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках*. Москва: Издательство Московский лицей, 2001; Т.И. Вендина. *Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков*, «Славянский альманах 1998". Москва: Индрик, 1999; Р.М. Фрумкина. *Цвет, смысл, сходство. Аспекты лингвистического анализа*. Москва: Наука 1984; А.П. Василевич. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте*. Москва: Наука, 1987; Ш. К. Жаркынбекова. *Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание*. «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология" 2003, № 1.

[11] Ш. К. Жаркынбекова, s. 109.

[12] Por. K. Waszakowa. *Podstawowe nazwy barw i ich prototypowe odniesienia. Metodologia opisu porównawczego*. [W:] *Studia z semantyki porównawczej. Nazwy barw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*. Cz. 1. Red. R. Grzegorczykowa, K. Waszakowa. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2000, s. 17.

> как определенная система «звуковых образов», и отличаясь, как объективное явление, от этого своего отражения, вместе с тем своей смысловой стороной **непосредственно существует в сознании, и здесь его подлинное существование и его отражение совпадают друг с другом**[13] (podkr. — Y.F. i A.N.).

Jednocześnie znaczenie jest zjawiskiem socjalnie wspólnym, aktywnym:

> (…) **значение**, как определяемое явление в сознании, **складывается в результате обобщения** в нем отдельных конкретных отражений предметов, явлений и отношений действительности, заключающих в себе реально общее, причем этот процесс обобщения **протекает под направляющим воздействием общества**, осуществляемым через посредство реального звучания, отождествляемого в различных случаях его воспроизведения[14] (podkr. — Y.F. i A.N.).

Według zacytowanej wyżej wypowiedzi jest to tzw. aktywna wiedza językowa (*действующее знание языка*), czyli:

> такая форма его знания, в которой его единицы действительно выступают в сознании как «звуковые образы" в соединении со значениями (…). Понятно, что в **этой форме знание языка всегда проявляется по частям**, но при регулярном пользовании данным языком знание почти каждой из единиц языка, вообще известных данному лицу, более или менее часто активизируется, делается действующим, и в таком случае, имея в виду некоторый незначительный промежуток времени в целом, можно говорить о действующем знании данного языка как такового (т. е. не только о таком знании отдельных его единиц)[15] (podkr. — Y.F. i A.N.).

Powyższe założenia, uwzględniające zarówno synchroniczne, jak i diachroniczne aspekty znaczenia słowa, odpowiadają koncepcji *definicji otwartej*[16] — „koncepcji rozszerzonego znaczenia nazwy w powiązaniu z pojęciem konotacji"[17]. Formuła definicji otwartej „pozwala na pokazanie całościowej ramy pojęciowej słowa, zawierającej cechy inwariantne, tworzące jądro semantyczne, oraz szeroką gamę cech semantycznych — tzw. *konotacji semantycznych*"[18]. Zatem pole leksykalno-znaczeniowe podlega regule wewnętrznej motywacji — „model pojęciowy słowa jest strukturą wielopoziomową, wewnętrznie uporządkowaną, składającą się z ciągów konotacyjnych wywodzących się z semantycznego jądra i obejmujących wzajemnie motywujące się konotacje o różnym stopniu utrwalenia i uszczegółowienia"[19]. Rzecz jasna, materiał leksykalny, który będziemy uporządkowywać wokół naszej ramy pojęciowej — reprezentantów konceptu grafowego — ma składać się z leksykograficznie zarejestrowanych obiektów. Nale-

---

13 А.И. Смирницкий. *Объективность существования языка*. Москва: Издательство Московского университета, 1954, s. 24.

14 Tamże, s. 24.

15 Tamże, s. 28.

16 J. Bartmiński, R. Tokarski. *Definicja semantyczna: czego i dla kogo?* [W:] *O definicjach i definiowaniu*. Red. J. Bartmiński, R. Tokarski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1993; R. Tokarski. *Semantyka barw...*

17 B. Kuryłowicz. *Konotacje tekstowe a pojęciowy model słowa (na przykładzie wyrazu* bluszcz *w poezji młodopolskiej)*. „Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza" 2009, 17 (37), s. 81.

18 Tamże.

19 Tamże.

ży zaznaczyć, że hipotetyczne konotacje, „dla których nie można znaleźć motywacji w obrębie całościowego modelu słowa, są błędne”[20].

Wiedza jednostki o klasie obiektów przypominających jeden konkretny obiekt, mających centralną, denotującą, kryterialną cechę semantyczną reprezentatywnej nazwy owego obiektu i noszących jego nazwę bądź jej nie noszących, ostatecznie podporządkowana jest wiedzy zbiorowej. We wprowadzeniu wspomniano, że terminologicznie owa aktualnie funkcjonująca wiedza zbiorowa o owym obiekcie skupia się wokół takich pojęć, jak *pole semantyczne* i *koncept językowy*. W związku z tym stwierdza się, że koncept rozpatrywany jako kolektywna, aktualnie funkcjonująca, unikatowa, a zarazem uniwersalna wiedza językowa skoncentrowana wokół jednego obrazu dźwiękowego o poszerzonej polisemii, nie jest zjawiskiem efemerycznym, metafizycznym — jest zjawiskiem realnym, tak jak realne są znaczenia wyrazów, które podporządkowują się konkretnym jednostkom językowym: słowom, kolokacjom (połączeniom luźnym oraz swobodnym) oraz sensom kontekstualnym, frazeologizmom i innym formom. Koncept składa się z bytów materialnych. Dlatego sformułowanie: jeden wyraz gromadzi wokół siebie inne wyrazy należy uzupełnić następująco: jedno znaczenie może gromadzić „wokół siebie” setki bytów (wyrazów, kolokacji) na podstawie przynajmniej jednej relacji synonimii. Na podstawie danych leksykograficznych w relacje synonimii z leksemem *белый*, w znaczeniu jakości barwy, wchodzi 26 leksemów: *алебастровый*, *алюминиевый*, *белёсый*, *белоснежный*, *бельмастый*, *ватный*, *жемчужный*, *кипенный*, *лебединый*, *лилейный*, *лунный*, *меловой*, *молочный*, *мраморный*, *мучнистый*, *опаловый*, *перламутровый*, *платиновый*, *ртутный*, *сахарный*, *серебряный*, *седой*, *снежный*, *фарфоровый*, *экрю*, *ярый*.

Pole znaczeniowe jest częścią systemu znaczeń. W pracach językoznawczych pojęcie pola znaczeniowego jest nierozerwalnie związane z systemowością języka w ogóle. Zgodnie z twierdzeniem Ryszarda Tokarskiego polem leksykalno-znaczeniowym jest grupa wyrazów powiązanych wspólnym znaczeniem, między którymi istnieją określone relacje znaczeniowe, mające dawać w konsekwencji system zwarty i hierarchiczny[21].

W strukturze semantycznej analizowanego w niniejszym artykule wyrazu *белый*, będącego przymiotnikiem bądź rzeczownikiem substantywizowanym, znajdują odbicie nie tylko relacje systemowe, lecz również te właściwości, które bezpośrednio związane są z funkcjonowaniem wyrazu w systemie języka w ogóle. W podejściu systemowym należy uwzględnić poziom parataktyczny i syntagmatyczny badanej jednostki. Poziom parataktyczny znajduje odbicie m.in. w relacjach semantycznych polisemii. Badany wyraz, według słownika pod redakcją S.A. Kuzniecowa[22], ma sześć znaczeń odnoszących się do leksemu *белый*. Podajmy wszystkie wymienione znaczenia słownikowe:

1. цвета снега, молока, мела (противоп.: чёрный);

---

[20] B. Kuryłowicz, *op. cit.*, s. 81. Za R. Tokarski. *Konotacja a problemy kategoryzacji*. [W:] „Język a Kultura”. T. 20: *Tom jubileuszowy*. Red. A. Dąbrowska. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008, s. 154.

[21] R. Tokarski. *Struktura pola znaczeniowego (Studium językoznawcze)*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984, s. 20.

[22] *Большой толковый словарь русского языка*, s. 70–71.

2. очень светлый; светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет;
3. лишённый интенсивности, дополнительной окраски или необычайно яркий, слепящий (о свете, освещении или источнике такого цвета, освещения);
4. *трад.-нар.* чистый;
5. принадлежащий к европеоидной расе; светлокожий (обычно в противопоставлении цветному населению);
6. в первые годы Советской власти: действующий или направленный против Советской власти, контрреволюционный (противоп.: красный; революционный).

Już na podstawie pobieżnego oglądu można zauważyć, że definicje niektórych znaczeń (mamy na myśli pierwsze znaczenie) odnoszą się do sfery konceptualizacji koloru poprzez wskazywanie na grupy desygnatów będące nośnikiem wymienionej cechy. Pozajęzykowym nośnikiem takiej barwy wydają się być w języku rosyjskim *śnieg*, *mleko*, *kreda*. Biała barwa przeciwstawiana jest na podstawie relacji antonimii barwie *чёрный*, z którą jak potwierdzają liczne dane językowe, tworzy dość wyraźną parę antonimiczną[23]. W takim przypadku mamy do czynienia z określeniem jakości barwnej, czyli w rozumieniu R. Tokarskiego — tzw. *bieli kwalitatywnej*[24]. Biel kwalitatywna ma, oprócz składnika znaczeniowego tonacji barwnej, również składnik jasności barwy. Ilustracją tego typu rozumienia bieli mogą być wyrażenia: *белый флаг*, *белый лебедь*, *белый мрамор*, *белый цветок*. W ścisłym związku z tonacją barwną bieli pozostają również konstrukcje porównawcze, np. *белый как полотно*, *белый как мел*, *белый как стена* i in.

Pozostałe znaczenia przymiotnika *белый* wydają się nie wskazywać na jakość barwną, lecz są odzwierciedleniem ilości światła (jasności) w znaczeniu leksemu. Tokarski określa taką biel mianem *kwantytatywnej*[25]. Weźmy dla przykładu wyrażenia *белый липовый мёд, белое вино*, *белое мясо*, *белый хлеб*, *белая кожа*, *белый день*, *средь бела дня*, *белое солнце пустыни*, będące odbiciem 2. i 3. znaczenia w słowniku Kuzniecowa. Leksem *белый* jest tu semantycznym nośnikiem informacji o jasności obiektu, nie wskazuje zaś jednoznacznie na tonację barwną.

Kolejne znaczenie przymiotnika *белый*, będące rezultatem metaforyzacji, opiera się na diadzie metaforycznej *biały* 'czysty' — *czarny* 'brudny', co stanowi kolejne potwierdzenie antonimicznych relacji na płaszczyźnie przenośnej pomiędzy barwami. Znaczenie 'czysty' nawiązuje niewątpliwie do pierwotnego (wyjściowego) koloru obiektu. Potwierdzeniem tej tezy może być wyrażenie *белая баня*, której komin z pieca jest wyprowadzony na zewnątrz przez dach, w odróżnieniu od *чёрная баня*, która nie miała komina, czego efektem było zaciemnienie i poczernienie ścian wraz z sufitem pomieszczenia.

---

[23] Por. przeciwstawienie przymiotników we frazeologizmach i kolokacjach: *чёрным по белому*; *рубаха черна, да совесть бела* (посл.); *белая/чёрная магия*; *называть черное белым*; *принимать черное за белое*.

[24] R. Tokarski. *Semantyka barw...*, s. 40–41.

[25] Tamże, s. 36–40

Pozostałe znaczenia leksemu również nawiązują do bezpośredniej ilości światła i jasności w strukturze semantycznej, co potwierdza również definicja określająca człowieka rasy białej — 'светлокожий'. Ostatnie znaczenie leksemu *белый* nawiązuje z kolei do sytuacji politycznej w pierwszych latach panowania władzy radzieckiej — 'kontrrewolucyjny, przeciwstawiający się władzy radzieckiej'. Również w związek antonimiczny z przymiotnikiem *белый* wchodzi przymiotnik *красный* 'rewolucyjny'. Wydaje się, że w tym znaczeniu mamy do czynienia z pierwotnym odniesieniem bieli do czystości, z dalszą konotacją niesplamienia się pracą bądź też odniesienia do ludzi z uprzywilejowanych warstw, co mogą potwierdzać przykłady *белая кость* 'o człowieku dobrego pochodzenia' w przeciwieństwie do *чёрная кость* 'o człowieku niższego pochodzenia, nie szlacheckiego' (por. również *белоручка* 'ten, kto unika pracy fizycznej, trudnej lub brudnej pracy')[26]. Wysoka pozycja w społeczeństwie konotuje jednocześnie dostatnie życie człowieka, co — jak podkreśla N.W. Szesterkina — znajduje odbicie w następujących paremiach: *Белая деньга про черный день*; *Работа черна, да денежка бела*; *Черны ручки, да бела копеечка*; *Полюби-ка нас вчерне, в беле-то и всяк полюбит*; *Белый, или вкрасне, в чистом, опрятном виде, в холе и довольстве*[27].

Z przedstawionej analizy wynika, że kwalitatywna biel znajduje swoje bezpośrednie odbicie w pierwszym znaczeniu leksemu, nawiązując do prototypowych odniesień, którymi stał się śnieg, mleko, kreda. Pozostałe definicje znaczenia przymiotnika *белый* odwołują się do ilości światła, jasności określanego obiektu, przywołując biel kwantytatywną. Należy zaznaczyć, że im dalej jesteśmy przy analizie poszczególnych znaczeń leksemu od centrum znaczeniowego bieli (jako jakości barwnej), tym trudniej w sposób jednoznaczny i nie podlegający wątpliwości wyznaczyć charakter bieli kwalitatywnej i kwantytatywnej tkwiącej u podstaw przeniesienia znaczenia.

W obszarze pojęciowym bieli kwantytatywnej można — naszym zdaniem — wyznaczyć obszar pojęciowy odnoszący się nie tylko do ilości światła (jasności) danego przedmiotu, ale również innej cechy, związanej z brakiem zabarwienia (bezbarwności), co w wymiarze przestrzennym dotyczy pojęcia przejrzystości. Umownie dla tego rodzaju bieli przyjęliśmy określenie — *biel transparentna*. Tego typu biel znajduje swoje odbicie, nawiązując z reguły do opisu różnego rodzaju cieczy bądź też zbiorników wodnych. Przejawy funkcjonowania bieli transparentnej można zauważyć w przykładach, w których obiektom nadaje się cechę 'bezbarwny, przejrzysty'; por. *белая головка* — прост. 'o водке', lub *белая* (сущ.) прост. 'то же, что водка', *белое* (сущ.) 'белое вино'. Za inny przykład, tym razem z zakresu leksyki terminologicznej, może posłużyć wyrażenie *белые масла* 'бесцветные, прозрачные нефтяные масла, получаемые каталитическим гидрированием нефтяных фракций или очисткой масляных дестиллятов'.

Istnienie bieli transparentnej zaświadczone jest w zabytkach piśmiennictwa z XVII i XVIII wieku. Jak uważa Irina Kuzniecowa, specyficzne było użycie przymiotnika *бе-*

---

[26] Nazwa *белые* w znaczeniu rzeczownika (l. m.) mogła zostać przejęta od białego koloru flag zwolenników króla w okresie Wielkiej Rewolucji Francuskiej w XVIII wieku.

[27] Н.В. Шестеркина. *Концепт «цвет» (белый). На материале русских и немецких паремий.* «Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта" 2011. Вып. 2, s. 62–70. [Online] <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/c90/nbuvxlgbdrpvkcjprvro.pdf> (06.11.2013).

лый w znaczeniach enantiosemicznych: 'przezroczysty, bezbarwny' i 'mętny', 'ciemny'. Znaczenie 'przeźroczysty' pojawiało się już od najdawniejszych czasów. Trudno dokładnie powiedzieć, ile w Rosji jest jezior, rzek i innych akwenów z komponentem *Белая*, *Белое*. Według wstępnych obserwacji samych rzek ze wspomnianym komponentem jest blisko 50. „Biała woda", jak twierdzi Kuzniecowa, wiązała się u Słowian z określaniem źródeł wodnych z przeźroczystą wodą[28]. Analizując strukturę semantyczną nazw barw w języku staroruskim, Ekaterina Kożemiakowa poświadcza funkcjonowanie znaczenia 'przeźroczysty' na wczesnym etapie rozwoju struktury semantycznej nazw barw, przypisując tę cechę wodzie i powietrzu[29].

Poziom parataktyczny nie ogranicza się jednak do opisu relacji polisemii. Główne znaczenie jednostki językowej może ulegać modyfikacjom i transformacjom dzięki derywacji słowotwórczej; por. *белоснежный*, *белопогонник*, *белеть*, *белизна*, *белобилетник* i in. Struktura semantyczna pola *белый* byłaby niepełna bez uwzględnienia dodatkowych treści nieprzywoływanych w znaczeniu leksykalnym, lecz tkwiących potencjalnie w strukturze semantycznej wyrazu. Dlatego też słownikowe znaczenie jednostki leksykalnej nie wyczerpuje w całości płaszczyzny treściowej leksemu.

W języku istnieją również cechy peryferyjne (konotacyjne), uzupełniające cechy kryterialne, poniekąd nakładające się na właściwy komponent znaczeniowy. Jednakże, jak zauważa Jurij Apresjan, konotacja odzwierciedla — powiązane z wyrazem kulturowe wyobrażenia i tradycje — panującą w danej wspólnocie praktykę wykorzystywania konkretnej rzeczy[30]. Elementy konotacyjne nierozerwalnie łączą się z symbolicznym „widzeniem" wyrazu, obejmują elementy aksjologiczne, cechy wartościujące nadawane przedmiotom przez człowieka. Krystyna Pisarkowa mówi tu o „stereotypie"[31]. W tym wypadku barwa tworzy model świata, który niesie w sobie bogatą siatkę symboli. Liubinko Radenkowicz mówi o kodzie kolorystycznym realizowanym w tradycyjnych tekstach[32]. Elementy konotacyjne leksemu aktualizowane są w odpowiednim kontekście, dopełniając i wzbogacając obraz odpowiedniego obiektu.

Według Tokarskiego pod konotacją należy rozumieć „potencjalnie tkwiące w jednostce leksykalnej cechy nieistotne, przywoływane w niektórych tylko kontekstach"[33].

---

[28] И.С. Кузнецова. *История переносных употреблений цветообозначений в памятниках русской письменности XVII-XVIII веков*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва: Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1989, s. 6.

[29] Е.А. Кожемякова. *Семантическая структура цветообозначений в индоевропейском, общеславянском и древнерусском языках*. [W:] *Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры*. Ред. Г.Е. Корнилов. Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2000, s. 204.

[30] Ю.Д. Апресян. *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. Москва: Наука, 1974, s. 67.

[31] K. Pisarkowa. *Konotacje semantyczne nazw narodowości*. „Zeszyty Prasoznawcze" XVII, 1976, nr 1, s. 5–26.

[32] Л. Раденкович. *Символика цвета в славянских заговорах*. [W:] *Славянский и балканский фольклор. Реконструкция древней славянской духовной культуры. Источники и методы*. Ред. Н.И. Толстой. Москва: Наука 1989, s. 122–148.

[33] R. Tokarski. *Struktura pola...*, s. 14.

Cechy te osadzone są w kulturze i tradycjach danego narodu i bezpośrednio związane z wartościowaniem jednostki leksykalnej. Niekiedy cechy potencjalne stają się na tyle mocno utrwalone w języku, że podlegają obiektywizacji w formie oddzielnych znaczeń słownikowych, np. *osioł*: „zwierzę podobne do konia, ale mniejsze, o dużej głowie, szarej lub brunatnej sierści, długich uszach i krótkiej grzywie". W kulturze języka polskiego zwierzę to obarczone jest konotacją 'uparty, głupi', co poświadcza kolejne znaczenie leksykalne: pot. „o człowieku głupim lub upartym". Do językowych przejawów konotacji, notowanych przez system języka, odnoszą się znaczenia przenośne, typowe porównania, znaczenia derywatów, znaczenia frazeologizmów[34]. Dlatego konotacja jest problemem złożonym wchodzącym w zakres semiotyczny wyrazu.

Jak się wydaje, wszystkie znaczenia leksemu *белый* są w mniejszym lub większym stopniu obciążone konotacyjnie. Szczególnie w grupie znaczeń przenośnych, które wyodrębniły się na podstawie różnych procesów przeniesienia znaczenia (np. różne modele metaforyzacji, obciążenia dodatkowymi semami, subsemami itd.), można wykryć istnienie różnych konotacji, mających źródła w kulturze i tradycjach. Konotacje czystości niosą ze sobą na przykład czwarte znaczenie leksemu według słownika Kuzniecowa; por. *трад.-нар*. 'чистый', jak również szóste znaczenie, konotujące postawę kontrrewolucyjną w okresie władzy radzieckiej, stając się równocześnie antonimem do znaczenia konotacyjnego leksemu *красный*, czyli 'революционный'.

Konotacje mogą zmieniać się, podlegać modyfikacjom w zależności od ewoluującej wiedzy o przedmiotach, które również nie są statyczne w czasie. Implikuje to nowe kolokacje i utworzenie rozgałęzionej siatki znaczeń. Bogate konotacje nieujęte w słowniku Kuzniecowa zostały przedstawione na grafie. Wśród nich należy wymienić: 'związany z dobrem, nienaganny moralnie' (*белая магия*), 'szlachecki' (*белая кухарка, Белые ручки чужие труды любят* (посл.)), 'piękny' (*Красавица румяна и бела*), 'niebezpieczny' (*белая вода*), 'dobrej jakości' (*белая сборка*). Konotacje tego typu rozwijają się z reguły w utartych wyrażeniach, peryfrazach, przysłowiach, frazeologizmach.

Uporządkowanie materiału badawczego

Hasło БЕЛЫЙ to jedynie reprezentant poszczególnych sfer leksykalno-tematycznych, tj. całego semantycznego obszaru konceptu. Źródła leksykograficzne wykazały 22 podstawowe znaczenia leksykalne, dzielone dla formy przymiotnikowej oraz formy substantywizowanej. Kolejność podstawowych znaczeń w artykułach hasłowych dla wyrazu *белый* różni się nieznacznie. Przeważnie leksykografowie wyróżniają 5–6 podstawowych znaczeń. Poniżej przedstawiono przykład kolejności znaczeń w słowniku Kuzniecowa[35] w stosunku do kolejności w słowniku Ożegowa, Szwedowej[36] oraz БАС 2004[37] (tabela 1):

---

34 И.М. Кобозева. *Лингвистическая семантика*. Москва: Издательство ЛКИ, 2000, s. 92.

35 *Большой толковый словарь русского языка*...

36 С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова...

37 *Словарь современного русского литературного языка*...

Tabela 1.

Кузнецов 1998		Ожегов, Шведова 1992		БАС 2004, t. 1, s. 530–535	
белый 1	1. Цвета снега, молока, мела (противоп.: чёрный). (...) / Символ нравственной чистоты, невинности (...)	белый 1	1. Цвета снега или мела. (...)	белый 1	1. Имеющий цвет снега, молока, мела (противоп. черный). (...)
белый 2	2. Очень светлый; светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет. (...) / Близкий по оттенку к молоку; матово-бледный (...)	белый 2	2. полн. Светлый, в противоположность чему-н. более тёмному, именуемому чёрным. (...)	белый 3	3. Ясный, светлый (о времени суток). (...)
белый 3	3. Лишённый интенсивности, дополнительной окраски или необычайно яркий, слепящий (о свете, освещении или источнике такого света, освещения). (...) // *Трад.-нар.* Ясный, светлый. (...)	BRAK	BRAK	BRAK	BRAK
белый 4	4. *только полн. Трад.-нар.* Чистый. (...) // Связанный с добром; нравственно безупречный. (...)	BRAK	BRAK	белый 4	4. *Устар.* и *обл.* Чисто. (...)
белый 5	5. Принадлежащий к европеоидной расе; светлокожий (обычно в противопоставлении цветному населению). (...)	белый 5	5. полн. Со светлой кожей (как признак расы). (...)	белый 2	2. *Только полн. ф.* Светлокожий (как признак европеоидной расы). (...)
белый 6	6. *только полн.* В первые годы Советской власти: действующий или направленный против Советской власти, контрреволюционный (противоп.: кра́сный; революцио́нный). (...)	белый 3	3. полн. В первые годы гражданской войны: относящийся к вооружённой борьбе за восстановление законной власти в России. (...)	белый 5	5. *Только полн. ф.* Во время Гражданской войны и военной интервенции 1918-1922 гг. в России – боровшийся против советской власти, контрреволюционный (...)

BRAK	BRAK	BRAK	4. белый**, -ого**, муж. То же, что белогвардеец.	BRAK	BRAK

Źródło: opracowanie własne.

Jak już wspomniano, w powyższych słownikach kolejność znaczeń leksykalnych nieznacznie różni się. Dla nas „pierwotnymi" znaczeniami pozostają: znaczenie kwalitatywne (pierwsze znaczenie) oraz kwantytatywne (drugie znacznie). Pozostałe znaczenia (np. *белый* 'белогвардеец', *белый* 'европеоид') są obciążone semami konotacyjnymi i/lub modelami metaforycznymi oraz funkcjonują na bazie tych dwóch „naczelnych" semów: „biel kwalitatywna" oraz „biel kwantytatywna" (odpowiada im znaczenie 1 oraz 2 ze słowników w powyższej tabeli. Można dopuścić, że klasyfikacja znaczeń, tj. ich kolejność, opiera się na liczbie obiektów (np. synonimów, antonimów), skupiających się wokół poszczególnych znaczeń. Ekscerptor danych leksykograficznych zmuszony jest sam dokonać wyboru kolejności znaczeń na podstawie kolejności w poszczególnych słownikach.

Posiłkując się danymi słownikowymi[38], wyróżniamy następujące obiekty, dołączane do dominanty БЕЛЫЙ, oraz klasyfikujemy poszczególne znaczenia. Ze względu na wysoki stopień metaforyzacji niektórych znaczeń (od 3 do 22), możemy się jedynie domyślać, do jakiego rodzaju znaczenia (kwalitatywnego, kwantytatywnego bądź transparentnego) należy je odnieść (tabela 2):

Tabela 2.

Numeracja znaczeń	Dominanta grafu oraz znaczenia PD[1] grafu (od 1 do 22)	Rodzaj znaczenia
0. БЕЛЫЙ	DOMINANTA: krawędzie ku *белый*$_1$ po *белый*$_{22}$	–
1. белый	Цвета снега, молока, мела (противоп.: чёрный);	kwalitatywne
2. белый	Очень светлый; светлее, чем обычно бывает определяемый этим словом предмет;	kwantytatywne
3. белый	*только полн. ф.*, светлокожий, как признак европеоидной расы (обычно в противопоставлении цветному населению);	kwantytatywne
4. белый	Испеченный, приготовленный из пшеничной муки (о хлебе, мучных изделиях);	kwantytatywne
5. белый	*устар. трад.-нар.*, *только пол. форма.* чистый, парадный (о части здания, хозяйства);	kwantytatywne
6. белый	*трад.-нар.*, *только пол. форма.* связанный с добром; нравственно безупречный;	kwantytatywne (?)
7. белый	Предназначенный для людей из привилегированного сословия; барский. Также о помещении;	kwantytatywne (?)

[38] Znaczenia są zebrane na podstawie tzw. słownika БАС — *Словарь современного русского литературного языка*... Wykorzystano także dane m.in. ze źródeł: *Большой толковый словарь русского языка*...; С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова...; В.И. Даль....

8. белый	Действующий против советской власти в период гражданской войны;	kwalitatywne (?)
9. белый	*нар.-поэт.*; Как воплощение народных представлений о красоте девушки; Красавица румяна и бела;	kwantytatywne
10. белый	не имеющий цвета, прозрачный;	transparentne
11. белый	опасный, экстремальный;	kwalitatywne (?)
12. белый	*комп.* Производства Западной Европы или США;	kwalitatywne (?)
13. белый	*субстантивир.*, *только ср. р.* 1) то же, что белое вино; 2) О светлых алкогольных напитках;	transparentne (?)
14. белый	*субстантивир.*, *только ж. р. и ср.р. Прост.* то же, что водка;	transparentne (?)
15. белый	*субстантивир., истор. мн.ч.* название (от цвета знамени сторонников короля во время Франц. Революции конца 18 в.) противников советской власти, распространившееся в России в годы Гражд. войны.	kwantytatywne (?)
16. белый	*субстантивир.* То же, что белый человек, европеоид;	kwantytatywne
17. белый	*субстантивир.* то же, что белый гриб, ценный съедобный гриб; боровик;	kwantytatywne (?)
18. белый	*мн. ч. спорт. субстантивир.* В шахматах — одна из противостоящих сторон;	kwalitatywne
19. белый	*только ср. р. субстантивир.* Одежда такого цвета;	kwalitatywne
20. белый	*субстантивир. нарк. только ср.* Наркотик: кокаин, героин; амфетамин или фенамин;	kwalitatywne
21. белый	*субстантивир. жар. разг.* Один рубль;	kwantytatywne (?)
22. белый	*субстантивир. угол. только ср. р.* серебро;	kwantytatywne

Źródło: opracowanie własne.

Każde znaczenie ujęte w powyższej tabeli uzupełniamy dodatkowymi danymi: synonimami, antonimami, idiomami itd.

Wizualizacja konceptu БЕЛЫЙ za pomocą architektury grafowej. Eksperyment

Etapy eksperymentu:

1) Ekscerpcja danych ze źródeł leksykograficznych (polisemia, synonimia, antonimia i inne relacje oraz związane z nimi obiekty leksykalne). Uporządkowanie materiału leksykalnego.
2) Manualny import materiału do programu Gephi i automatyczne generowanie grafów na podstawie zaimportowanych danych[39].

[39] Dane językowe w takiej bazie danych przechowywane są w węzłach oraz w krawędziach, którym nadawany jest identyfikator: *id*. Krawędzie mają dodatkowy atrybut *weight* (określający wartość względną relacji) oraz *type* (określający typ relacji).

3) Edycja otrzymanego grafu w celu nadania jej odpowiedniej przejrzystości i czytelności. Tworzenie czytelnej mapy konceptu językowego.

Dla każdego szerokiego opisu znaczenia wyrazu niezbędna jest reprezentatywna baza leksykograficzna. W przypadku każdego opisu dowolnego leksemu jest to zadanie holistyczne, warstw bowiem użyć leksemu: specjalistycznych, idiolektalnych, profesjolektalnych oraz potocznych i kontekstowych — jest tak wiele, że leksykografia nie nadąża za „ogólnojęzykowym" opisem, zawężonym stylistycznie do grupy znaczeń obciążonych konotacją. W rzeczy samej każda wizualizacja leksykograficzna wymaga mocnej podbudowy teoretycznej, wyzyskującej ustalone informacje leksykograficzne, a także ogólnojęzykoznawcze. Innymi słowy, graf stworzony dla celów dydaktycznych (np. bazujący jedynie na słowniku synonimów) oraz graf powstały na podstawie bogatszych danych oraz badania językoznawcze i leksykograficzne — to dwie różne kwestie. Pierwszy (dydaktyczny) winien zazębiać się z drugim — pogłębionym. Wcześniej wspomniano, że wizualizacja danych może zostać uproszczona, jeśli weźmie się pod uwagę zadanie i dydaktyczną trafność (por. ryc. 1). Wizualizacja może zostać wzbogacona oczywiście o inne elementy, takie jak: zdjęcia poglądowe, grafiki, rysunki i inne elementy, podnoszące atrakcyjność prezentowanego konceptu i wspomagające szybsze zapamiętanie i opanowanie materiału. Ten sam graf może ulec modyfikacjom graficznym w zależności od mikrocelów dydaktycznych, np. w dydaktyce języków obcych (DJO).

Dzięki funkcjonalnemu zastosowaniu odpowiednich filtrów, związanych z płaszczyzną funkcjonowania wyrazu w różnych obszarach rejestru języka, czy też wybranych elementów systemu (np. synonimii, antonimii) możemy płynnie prezentować ich poszczególne warstwy, uwypuklając niezbędne obszary na danym etapie procesu dydaktycznego. Nie sposób nie wspomnieć o grafach, liczących dziesiątki tysięcy obiektów oraz współzależności (zob. ryc. 3 i 4). Nawigacja po takim „megagrafie"[40]

Ryc. 3. Megagraf synonimii czasowników rosyjskich (MSCR) na podstawie słownika synonimów języka rosyjskiego N. Abramowa (por. Bibliografia – Абрамов 1999)
Źródło: opracowanie własne.

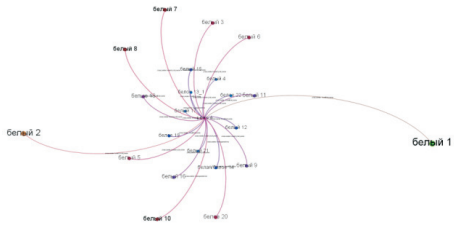
Ryc. 4. MSCR. Zbliżenie
Źródło: opracowanie własne.

[40] Zob. termin *multigraph* w pracy: M. Barthélemy, Ch. Edmond, T. Eliassi-Rad. *Knowledge Representation Issues in Semantic Graphs for Relationship Detection*. [W:] *AI Technologies for Homeland Security: Papers from the 2005 AAAI Spring Symposium*. Eds. by J. Yen, R. Popp'a. Menlo Park: AAAI Press, 2005, s. 92. [Online] <http://www.edmondchow.com/pubs/SS105ChowE.pdf> (22.12.2013).

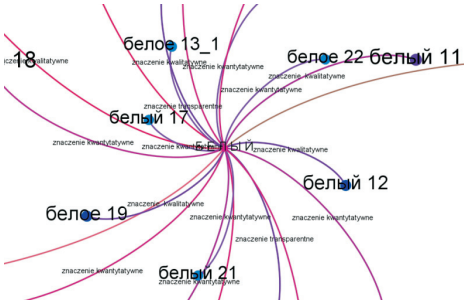
Ryc. 5. MSCR. Zbliżenie. Zastosowanie filtru ograniczającego treść
Źródło: opracowanie własne.

w środowisku GEPHI jest wówczas złożona. Oczywiście przy konstruowaniu takiego grafu istnieje możliwość odpowiedniego pogrupowania potrzebnych obiektów i pozostawienia na ekranie, przy pomocy odpowiednich filtrów, ograniczonej treści, np. tylko jednego szeregu synonimicznego dla jednego wyrazu-dominanty (por. ryc. 5).

Stosując odpowiednie filtry, ograniczające treść, możemy przedstawiać graf (ryc. 6), zawierający jedynie dominantę oraz PD-y od *белый* 1 do *белый* 22:



Ryc. 6. Polisemia wyrazu *белый* w grafie.
W centrum dominanta — БЕЛЫЙ
Źródło: opracowanie własne.



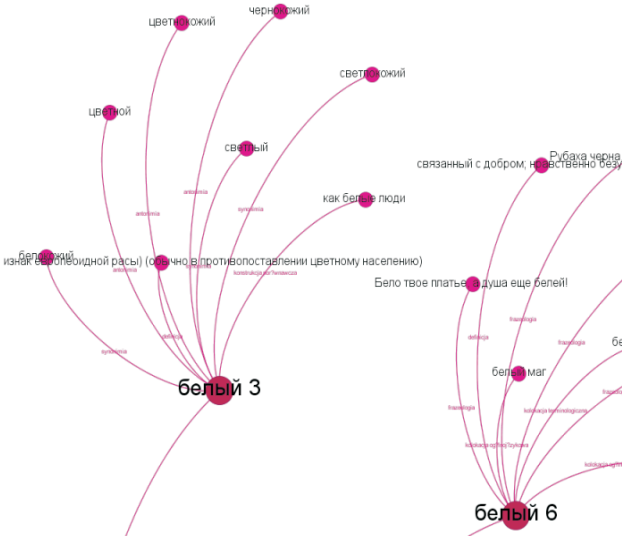
Ryc. 7. Polisemia wyrazu *белый* w grafie.
W centrum dominanta — БЕЛЫЙ. Zbliżenie
Źródło: opracowanie własne.

Wielkość czcionki poszczególnych PD oraz ich rozmieszczenie (oddalenie od dominanty) również zależy od liczby elementów, które je otaczają (ryc. 7). Relacje wyjściowe, umieszczone w tytułach krawędzi biegnących od dominanty БЕЛЫЙ, określiliśmy mianem *znaczenie kwantytatywne*, *znaczenie kwalitatywne*, *znaczenie transparentne*.

Nazwy relacji, które wzbogacają poszczególne PD (*белый* 1, *белый* 2, *белый* 3 itd.), zawarte są w tytułach następujących krawędzi: znaczenie kwalitatywne, kwantytatywne, transparentne; skrócona definicja; synonimia; antonimia; kolokacje; derywaty; konstrukcje porównawcze; frazeologia; parafraza. Przykładowo: dla znaczenia kwantytatywnego *белый* 3 (znaczenie: ‘Принадлежащий к европеоидной расе;

светлокожий — обычно в противопоставлении цветному населению’[41]) liczba krawędzi wynosi 8 (por. ryc. 8):

1. definicja (1);
2. synonimia (3);
3. antonimia (3);
4. konstrukcja porównawcza (1).



Ryc. 8. Obszar grafu dla PD *белый* 3 oraz *белый* 6. Zbliżenie
Źródło: opracowanie własne.

Liczbę elementów przy poszczególnej PD określić można jako obciążenie takiej PD.

W niniejszym artykule pominiemy opis kolejności wprowadzania danych do środowiska Gephi[42]. Wszystko zależy bowiem od celu: Jaki efekt wizualny chcemy osiągnąć? Czy zamierzamy przedstawić w pierwszej kolejności poszczególne znaczenia leksykalne oraz konotacyjne (polisemia), czy np. relacje leksykalne typu synonimia, antonimia i in.? Dodajmy, że kolejność wprowadzania danych nie ma znaczenia w sensie ostatecznej postaci grafu. Dla konkretnej poddominanty dominanty БЕЛЫЙ, np. dla znaczenia ‘белый 1’ (‘цвета снега, молока, мела’), wprowadzamy bądź uwypuklamy (tj. wizualizujemy wybrane obszary znaczeń za pomocą odpowiedniego filtru) same synonimy i definicję. Warto wprowadzić parametr wizualizacyjno-statystyczny — *Betweenness Centrality*. Pozwala to uniknąć miksowania, nakładania się elementów.

41 Por. *Большой толковый словарь русского языка*....

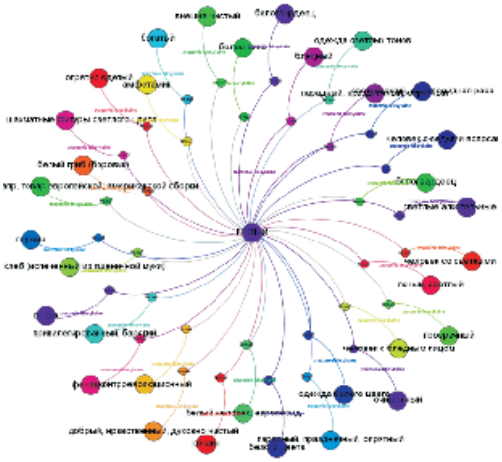
42 Instrukcja wprowadzenia danych znajduje się na oficjalnej stronie środowiska Gephi w prezentacji *Gephi Quick Start Tutorial*. [Online] <https://gephi.org/2010/quick-start-tutorial/> (1.09.2014).

Dydaktyczna reprezentacja konceptu umieszczonego w grafie. Wybrane możliwości

Pojęcie mapy myślowej zostało szeroko opisane w literaturze przedmiotu. Tworzenie map myślowych[43] urozmaica lekcje języków obcych[44]. W niektórych oprogramowaniach, służących do manualnego tworzenia prezentacji bądź mapy myśli w postaci grafów (m.in. *SimpleMind Desktop*, *Neo4j*, *Gephi* i in.), do poszczególnych obiektów grafu można dołączać linki, pliki audiowizualne, tj. dodawać do wierzchołków grafu dodatkowe informacje. Niewątpliwie podnosi to poziom akwizycji wiedzy.

Dydaktycznie ukierunkowana wizualizacja danych zależy od konkretnego celu oraz mikrocelów dydaktycznych. Podstawowymi zadaniami dydaktycznymi w obrębie nawigacji po ujednoliconym, sporządzonym już grafie są: 1) umiejętność zbliżenia wizualno-optycznego do poszczególnych obiektów oraz grup obiektów; 2) umiejętność modyfikacji graficznej grafu w konkretnym celu dydaktycznym; 3) umiejętność uwypuklania danych za pomocą odpowiednich parametrów oraz układów; 4) umiejętność ograniczania oraz wzbogacania treści. Niżej przedstawiamy poszczególne ryciny, realizujące opisane zadania.

a) Do PD (por. ryc. 9) możemy dołączać jedynie definicje, dla odróżnienia zmieniając kolory węzłów, na których są umieszczone są PD-y:

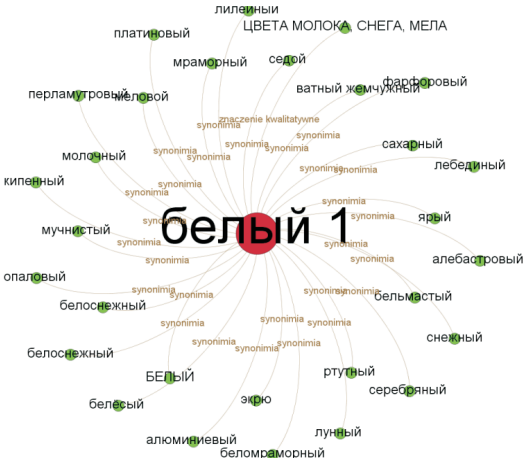


Ryc. 9. Polisemia wyrazu *белый* w grafie. W centrum dominanta — БЕЛЫЙ, wokół — PD (белый 1–22) z dołączonymi definicjami
Źródło: opracowanie własne.

[43] T. Buzan, B. Buzan. *Mapy Twoich myśli. Mindmapping, czyli notowanie interaktywne*. Tekst polski oprac. D. Rossowski na podst. przekł. M. Stefaniak. Łódź: AHA, 2007; M. Janowicz. *Wykorzystanie map myśli w dydaktyce*. „Oeconomica. Folia Pomeranae Universitatis Technologiae Stetinensis" 2011, 287 (63), s. 65–72. [Online] <http://www.wydawnictwo.zut.edu.pl/fileadmin/pliki/wydawnictwo/Folia/Oeconomica/287/Janowicz.pdf> (03.12.2013); A. Brinkmann. *Graphical Knowledge Display – Mind Mapping and Concept Mapping as Efficient Tools in Mathematics Education*. "Mathematics Education Review" 2003, No 16, s. 35–48. [Online] <http://www.marccouture.com/formations/cartes_mentales/LinkedDocuments/mereview-16-Apr-2003-4.pdf> (23.12.2013).

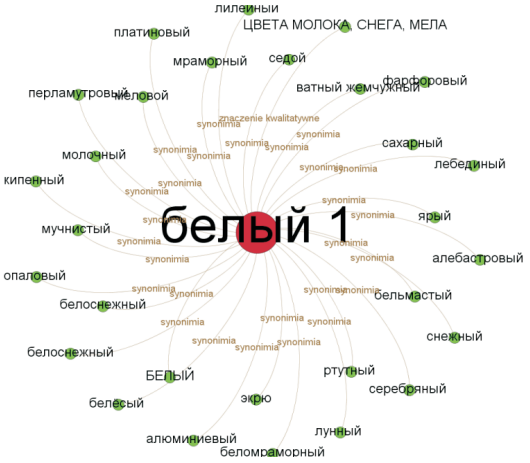
[44] H. Komorowska. *Metodyka nauczania języków obcych*. Warszawa: Fraszka Edukacyjna, 2002.

b) W obrębie jednej PD (oprócz definicji) możemy zaprezentować jedynie synonimy:



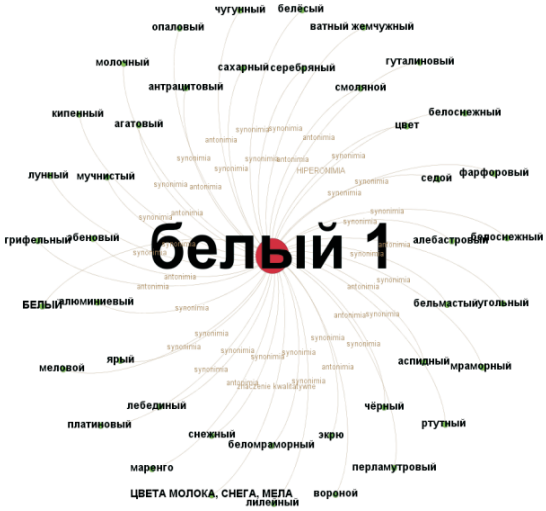
Ryc. 10. Synonimia dla PD ‘белый 1’ (‘цвета снега, молока, мела’). Układ *Force Atlas 2*
Źródło: opracowanie własne.

c) Osobno można uwypuklić jedynie antonimy:



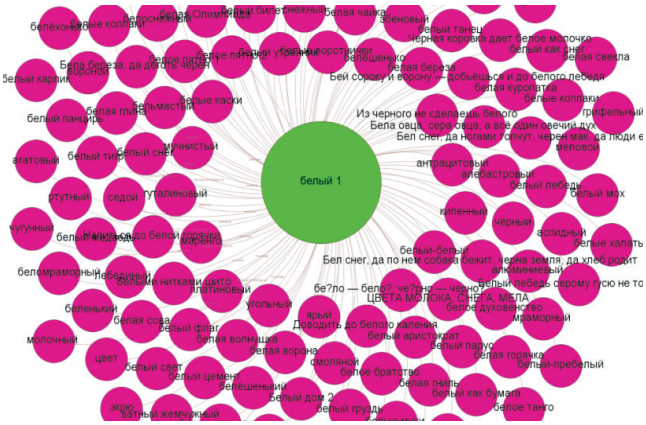
Ryc. 11. Antonimia dla PD ‘белый 1’ (цвета снега, молока, мела). Układ *Force Atlas 2*
Źródło: opracowanie własne.

d) Połączenie antonimii oraz synonimii może wyglądać w sposób następujący:



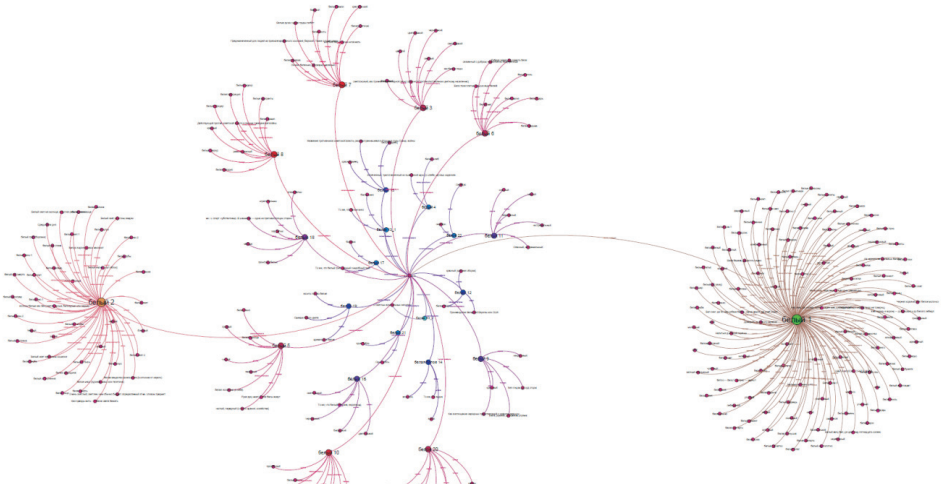
Ryc. 12. Synonimia oraz antonimia dla znaczenia ‘белый 1’ (цвета снега, молока, мела). Układ *Force Atlas 2*
Źródło: opracowanie własne.

e) Do jednej PD oprócz antonimii oraz synonimii dołączamy peryfrazy, idiomy, kolokacje i in. obiekty. Przy zbliżeniu oraz nieznacznej graficznej obróbce można odczytywać poszczególne obiekty, np.



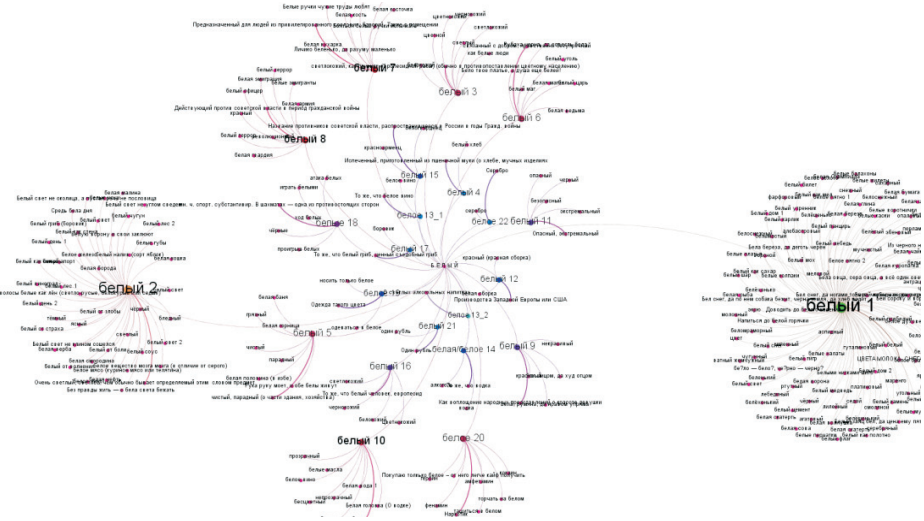
Ryc. 13. Obciążenie obiektami PD *белый* 1. Przy zbliżeniu można uniknąć nakładania się obiektów na siebie. Układ *Force Atlas 2*. Podwyższona proporcja wielkości pomiędzy dominantą oraz PD
Źródło: opracowanie własne.

f) Graf w całości: 1 dominanta oraz 22 PD, każda jest obciążona obiektami. Zbliżenie daje możliwość przyglądaniu się każdej PD oraz jej elementom z osobna.



Ryc. 14. Obciążenie obiektami PD *белый* 1 do *белый* 22. Układ *Force Atlas 2*. Oddalenie
Źródło: opracowanie własne.

g) Pogrubienie krawędzi „znaczenie" z obiektem: tekstem definicji.

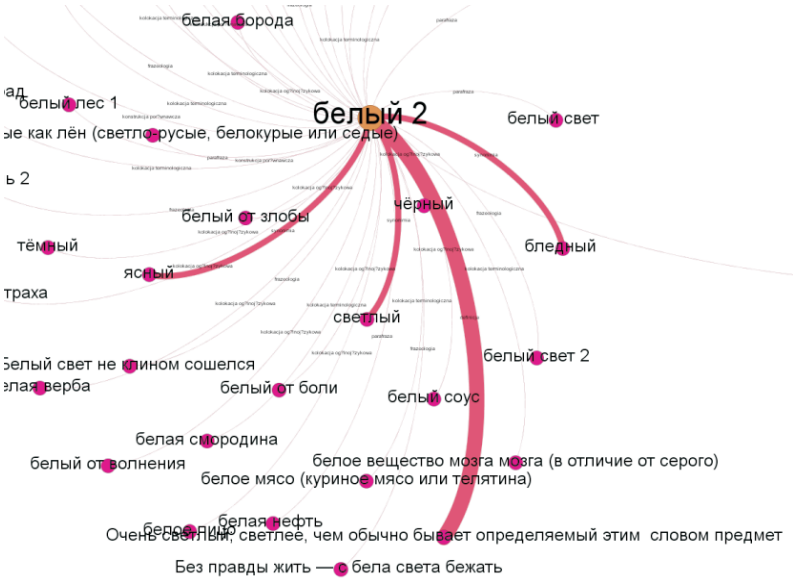


Ryc. 15. Pogrubienie krawędzi „znaczenie" z tekstem definicji PD
Źródło: opracowanie własne.

h) Pogrubienie krawędzi „znaczenie” z obiektem: tekстем definicji.

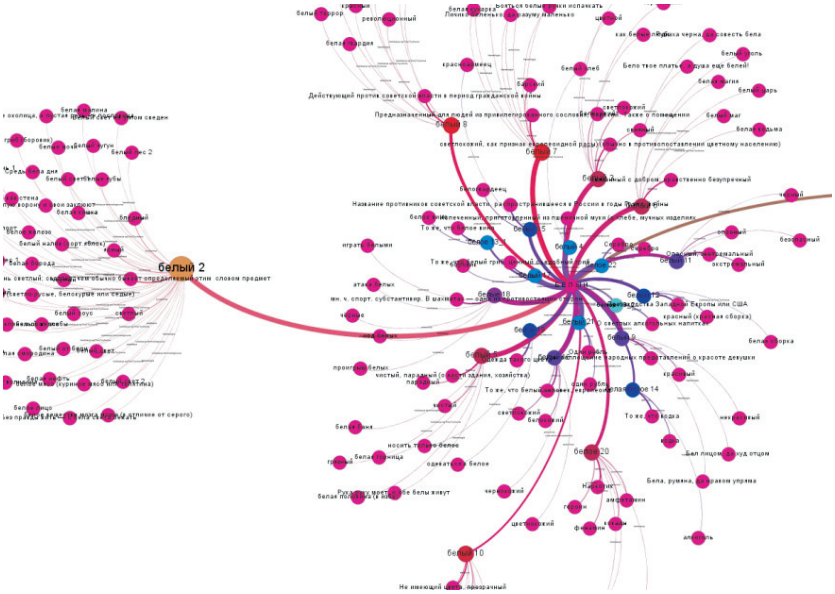
Ryc. 16. Pogrubienie krawędzi „znaczenie” z tekstem definicji PD. Zbliżenie
Źródło: opracowanie własne.

i) Pogrubienie krawędzi „znaczenie” z obiektem: tekстем definicji oraz pogrubienie krawędzi „synonimia” z obiektami: synonimami.



Ryc. 17. Pogrubienie krawędzi „znaczenie” oraz „synonimia” dla PD *белый* 2
Źródło: opracowanie własne.

j) Pogrubienie krawędzi „znaczenie” z obiektem: tekstem definicji oraz pogrubienie krawędzi „synonimia” z obiektami: synonimami.



Ryc. 18. Pogrubienie krawędzi „znaczenie” oraz „synonimia”
Źródło: opracowanie własne.

k) Pogrubienie krawędzi „znaczenie” w obrębie całego grafu. Zbliżenie.

Ryc. 19. Pogrubienie krawędzi „znaczenie”. Zbliżenie
Źródło: opracowanie własne.

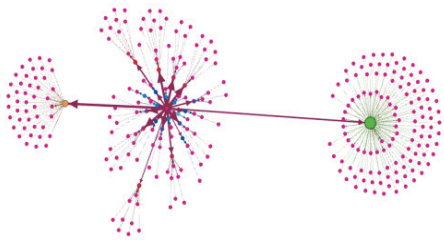
.

Podsumowanie

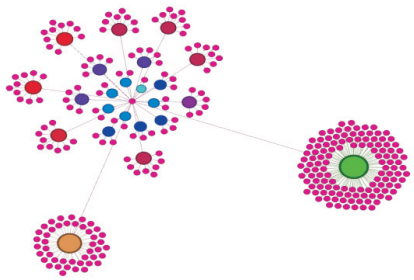
Warto zwrócić uwagę, że grafowa struktura mapy konceptu językowego БЕЛЫЙ (zob. ryc. 20, 21) ma cechy samopodobieństwa. Jeśli dana struktura może przypominać inne struktury, to – jak przypuszczamy – oznacza to, że inne podobne polisemiczne koncepty językowe także mają struktury przypominające struktury fraktalne.

Zastosowania opisanej metody:

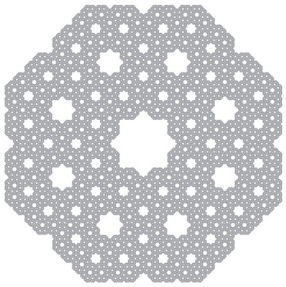
1. W leksykologii: rozpracowanie poszczególnych pól leksykalnych, np. stworzenie grafu konceptu ЦВЕТ (relacyjnie powiązane grafy wizualizujące koncepty różnych kolorów) lub innych konceptów (niekolorystycznych), ЗЕМЛЯ, ЛЮБОВЬ.
2. W przekładoznawstwie: np. dane dwujęzyczne dla wybranych obszarów wiedzy językowej.
3. W dydaktyce językowej: szybka, wyrazista prezentacja polisemii, synonimii (i in. relacji). Ponadto opisana metoda może posłużyć do przygotowania studentów w zakresie przedmiotów, w których w większym lub mniejszym stopniu konieczne jest unaocznienie taksonomii konkretnych obiektów badawczych oraz zależności w obrębie ich zasobu, np.:



Ryc. 20. Moduł *Preview* w środowisku Gephi: konstruowanie grafu
Źródło: opracowanie własne.

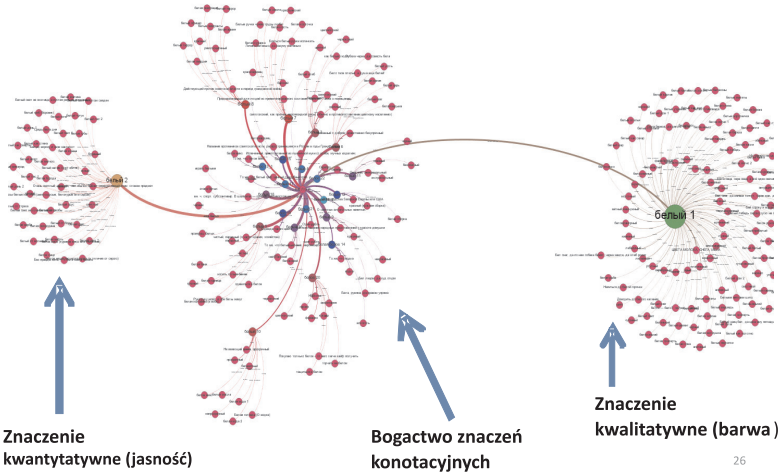


Ryc. 21. Moduł Overview w środowisku Gephi: konstruowanie grafu
Źródło: opracowanie własne.

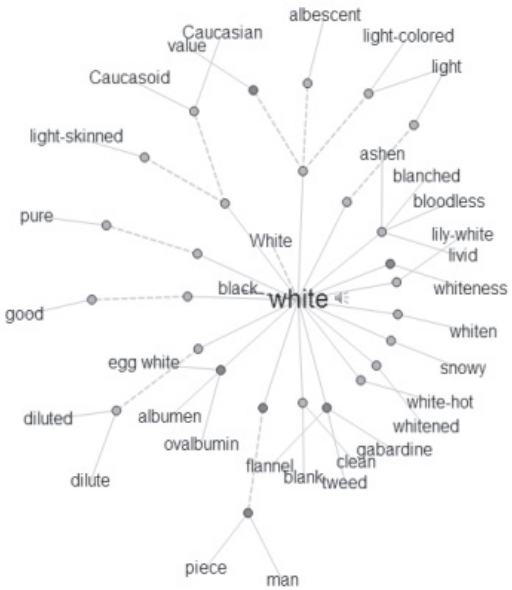


Ryc. 22. Fraktal Piotra Wirkusa.
Źródło: <http://wirkus8.pl/piotr/fraktal/fraktal.php> (12.11.2013)

4. W leksykografii ogólnej potrzebne są metody automatyzacji wizualizacji danych językowych. W świetle koncepcji *definicji otwartej* Ryszarda Tokarskiego[45] istnieje możliwość zastosowania opisanej metody także w leksykografii, uzyskiwana bowiem forma wizualizacji grafowej może posłużyć jako wyjściowy model



Ryc. 23. Koncept БЕЛЫЙ w wizualizacji układu graficznego pt. *Force Atlas*. Moduł Preview: dominacja znaczenia kwalitatywnego
Źródło: opracowanie własne.



Ryc. 24. Rozproszona synonimia oraz antonimia wyrazu *white*.
Źródło: https://www.visualthesaurus.com/ (22.10.2013).

45 R. Tokarski. *Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013; J. Bartmiński, R. Tokarski...; R. Tokarski. *Semantyka barw...*

do stworzenia oryginalnych „artykułów hasłowych", map leksykalnych itp. Wizualizacja słowa ma szerokie zastosowanie we współczesnej leksykografii komputerowej (por. np. strona *online* tezaurusa języka angielskiego <https://www.visualthesaurus.com/ wykorzystująca technologie grafowe>).

Autorzy przedstawionego eksperymentu dotyczącego wizualizacji konceptu БЕЛЫЙ zmierzali do wskazania nowych perspektyw badawczych w językoznawstwie stosowanym, głównie w dziedzinie semantyki. Badania tego rodzaju z pewnością wymagają doprecyzowania i dalszych poszukiwań doskonalszych rozwiązań wizualizacji faktów językowych. Prezentowany artykuł stanowi propozycję nakreślenia zasadniczych założeń metodycznych, połączonych z próbą rozwiązania założonego problemu.

Bibliografia

Barthélemy M., Edmond Ch., Eliassi-Rad T. *Knowledge Representation Issues in Semantic Graphs for Relationship Detection.*, [W:] *AI Technologies for Homeland Security: Papers from the 2005 AAAI Spring Symposium*. Ed. by J. Yen, R. Popp. Menlo Park: AAAI Press, 2005, s. 91–98. [Online] <http://www.edmondchow.com/pubs/SS105ChowE.pdf> (22.12.2013).

Bartmiński J., Tokarski R. *Definicja semantyczna: czego i dla kogo?* [W:] *O definicjach i definiowaniu*. Red. J. Bartmiński, R. Tokarski, Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 1993.

Brinkmann A. *Graphical Knowledge Display — Mind Mapping and Concept Mapping as Efficient Tools in Mathematics Education*. „Mathematics Education Review" 2003, Vol. 16, s. 35–48. [Online] <http://www.marccouture.com/formations/cartes_mentales/LinkedDocuments/mereview-16-Apr-2003-4.pdf> (23.12.2013).

Buzan T., Buzan B. *Mapy Twoich myśli. Mindmapping, czyli notowanie interaktywne.* Tekst polski oprac. D. Rossowski na podst. przekł. M. Stefaniak. Łódź: AHA, 2007.

Fedorushkov Y. *Analiza semantyczna pojęcia „Kpacoma" (na podstawie tekstów „Żywej Etyki")*. [W:] *Etos piękna w nauce, sztuce i kulturze. Materiały Humanistycznego Centrum Badań „Dyskurs Wielokulturowy"*. Red. H. Chałacińska, S. Puppel, B. Waligórska-Olejniczak. „Scripta Neophilologica Posnaniensia" 2012, Vol. XII, s. 209–229.

Grzegorczykowa R. *O rozumieniu prototypu i stereotypu we współczesnych teoriach semantycznych*. [W:] *Język a kultura*. T. XII: *Stereotyp jako przedmiot lingwistyki. Teoria, metodologia, analizy empiryczne*. Red. J. Anusiewicz, J. Bartmiński. Wrocław: Towarzystwo Przyjaciół Polonistyki Wrocławskiej, 1998, s. 109–115.

Haraldsson S.Ó. *Semi-Automatic Analysis of Large Textle Datasets for Forensic Investigation*. M.Sc. thesis. Reykjavik: Faculty of Industrial Engineering, Mechanical Engineering and Computer Science, University of Iceland, 2012. [Online] <http://skemman.is/en/stream/get/1946/12785/31096/1/SALTeD_soh9_2012.pdf> (23.08.2013).

Janowicz M. *Wykorzystanie map myśli w dydaktyce*. „Oeconomica. Folia Pomeranae Universitatis Technologiae Stetinensis" 2011, nr 287 (63), s. 65–72. [Online] <http://wydawnictwo.zut.edu.pl/files/magazines/2/30/304.pdf >(03.12.2013).

Karpiński Ł. *Zarys leksykografii terminologicznej*. Warszawa: Uniwersytet Warszawski. Wydział Lingwistyki Stosowanej i Filologii Wschodniosłowiańskich. Katedra Języków Specjalistycznych, 2008.

Komorowska H. *Metodyka nauczania języków obcych*. Warszawa: Fraszka Edukacyjna, 2002.

Kuryłowicz B. *Konotacje tekstowe a pojęciowy model słowa (na przykładzie wyrazu* bluszcz *w poezji młodopolskiej)*. „Poznańskie Studia Polonistyczne. Seria Językoznawcza" 2009, nr 17 (37), s. 81–100.

Pietrzak-Porwisz G. *Semantyka bieli w języku polskim i szwedzkim*. „Studia Linguistica" 2006, nr 12, s. 135–154.

Pisarkowa K. *Konotacje semantyczne nazw narodowości*. „Zeszyty Prasoznawcze XVII" 1976, nr 1, s. 5–26.

Rosch E. *Zasady kategoryzacji*. [W:] *Psychologia poznawcza w trzech ostatnich dekadach XX wieku*. Red. Z. Chlewiński. Gdańsk: Gdańskie Wydawnictwo Psychologiczne, 2007, s. 409–430.

Tokarski R. *Semantyka barw we współczesnej polszczyźnie*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004.

Tokarski R. *Struktura pola znaczeniowego (studium językoznawcze)*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1984.

Tokarski R. *Światy za słowami. Wykłady z semantyki leksykalnej*. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2013.

Tokarski R. *Konotacja a problemy kategoryzacji*. „Język a Kultura". T. 20: *Tom jubileuszowy*. Red. A. Dąbrowska, Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2008, s. 143–161.

Waszakowa K. *Podstawowe nazwy barw i ich prototypowe odniesienia. Metodologia opisu porównawczego*. [W:] *Studia z semantyki porównawczej, nazwy braw, nazwy wymiarów, predykaty mentalne*, Red. R. Grzegorczykowa, K. Waszakowa. Warszawa: Wydawnictwo Uniwersytetu Warszawskiego, 2000, s. 7–10.

Wierzbicka A. *The meaning of color terms. Semantics, culture, and cognition*, „Cognitive Linguistics" 1990, Vol. 1 (1), s. 99–150.

Абрамов Н. *Словарь синонимов и сходных по смыслу выражений*. Москва: Русские словари, 1999.

Александрова З.Е. *Словарь синонимов русского языка. Практический справочник*. Москва: Русский язык, 2011.

Апресян Ю.Д. *Лексическая семантика: синонимические средства языка*. Москва: Наука, 1974.

Большой толковый словарь русского языка. Ред С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург: Норинт, 1998.

Бронник Л.В. *Природа концепта: «ментализм — дуализм — физикализм» или новый взгляд на проблему?* «Вопросы когнитивной лингвистики" 2009, № 1, s. 13–20.

Василевич А.П. *Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте*. Москва: Наука, 1987.

Вендина Т.И. *Цвет в этнокультурной системе русского, старославянского и древнерусского языков*, „Славянский альманах 1998". Москва: Индрик, 1999.

Гусейнов Г. *Д.С.П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х*. Москва: Три квадрата, 2003.

Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Москва: Русский язык, 1978.

Дзюба Е.В. *Концепт «ум» в русской лингвокультуре. Монография*. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2011.

Злыднева Н.Н. *Белый цвет в русской культуре XX века*. [W:] *Признаковое пространство культуры*. Ред. С.М. Толстая. Москва: Индрик, 2002.

Жаркынбекова Ш.К. *Ассоциативные признаки цветообозначений и языковое сознание*. [W:] «Вестник Московского университета. Серия 9. Филология" 2003, № 1, s. 109–116.

Караулов Ю.Н. и др. *Русский ассоциативный словарь. От стимула к реакции*. Т. 1. Москва: АСТ, Астрель, 2002.

Кобозева И.М. *Лингвистическая семантика*. Москва: Издательство ЛКИ, 2000.

Кожемякова Е.А. *Семантическая структура цветообозначений в индоевропейском, общеславянском и древнерусском языках*. [W:] *Чтения, посвященные дням славянской письменности и культуры*. Ред. Г.Е. Корнилова, Чебоксары: Издательство Чувашского университета, 2000.

Колшанский Г.В. *Объективная картина мира в познании и языке*. Москва: Наука, 1990.

Комплексный словарь русского языка. Ред. А.Н. Тихонов. Москва: Русский язык, 2001.

Кузнецова И.С. *История переносных употреблений цветообозначений в памятниках русской письменности XVII–XVIII веков*. Автореферат на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва: Московский государственный педагогический институт им. В. И. Ленина, 1989.

Кульпина В.Г. *Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках*. Москва: Издательство „Московский лицей", 2001.

Никитина Т.Г. *Словарь молодёжного сленга 1980–2000 гг*. Санкт-Петербург: Фолио-Пресс, 2003.

Никитина Т.Г. *Толковый словарь. Молодежный сленг. Более 12000 слов. Свыше 3000 фразеологизмов*. Москва: Астрель, АСТ, 2007.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. *Толковый словарь русского языка. 41089 словарных статей*. Москва: Издательство „Азъ", 1992.

Пименов Е.А. *Исследование концепта* Trauer *«печаль» посредством синонимического ряда*. [W:] *Ethnohermeneutik und Antropologie*. Hrsg. Е.А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Padagogik, 2004.

Попова З.Д., Стернин И.А. *Очерки по когнитивной лингвистике*. Воронеж: Издательство „Истоки", 2001.

Приходько Г.В. *Концепт ‚огонь' в картине мира русского народа*. [W:] *Материалы шестой научной конференции*. Новосибирск: Наука — Университет, 2005, s. 86–89. [Online] <http://www.philology.ru/linguistics2/prikhodko-05.htm> (23.08. 2012).

Панкрац Ю.Г. *Пропозициональная форма представления знаний*. [W:] *Язык и структуры представления знаний. Сборник научно-аналитических обзоров*. Ред. Л.Г.Лузина, Г.Д. Стрельцова. Москва: Институт научной информации по общественным наукам, 1992.

Раденкович Л. *Символика цвета в славянских заговорах*. [W:] *Славянский и балканский фольклор: Реконструкция древней славянской духовной культуры: источники и методы*. Ред. Н.И. Толстой. Москва: Наука, 1989.

Словарь русского языка: В 4-х т. Ред. А.П. Евгеньева. 2-е изд., испр. и доп. Москва: Русский язык, 1981–1984.

Словарь современного русского литературного языка, Т. 1: *А–Бишь*. Ред. К.С. Горбачевич. Москва — Санкт-Петербург: Наука, 2004.

Смирницкий А.И. *Объективность существования языка*. Москва: Издательство Московского университета, 1954.

Степанов Ю.С. 2004. *Константы. Словарь русской культуры*. Москва: Академический проект.

Тришин В.Н. *Словарь синонимов ASIS для Lingvo 8/9*. Версия 3.19. Москва 2010. [Online] <http://synonims.narod.ru/> (23.09.2013).

Фрумкина Р.М. *Цвет, смысл, сходство. Аспекты лингвистического анализа*. Москва: Наука 1984.

Шестеркина Н.В. *Концепт «цвет» (белый). На материале русских и немецких паремий*. «Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта" 2011. Вып. 2, s. 62–70. [Online] <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/c90/nbuvxlgbdrpvkcjprvro.pdf> (06.11.2013).

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 209–222

ГЛАГОЛЫ С СЕМАМИ СТАТИЧНОСТИ И ДИНАМИЧНОСТИ В ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

НАТАЛЬЯ Г. МУЗЫЧЕНКО

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет довузовской подготовки
Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин
ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь
e-mail: muzychenkonata@mail.ru
(получено 13.09.2014; принято 12.12.2014)

Abstract

Verbs with static and dynamic semes in practical classes of Russian as a foreign language

The article deals with static and dynamic semes, which are the subject of study in practice classes of Russian as a foreign language. A detailed semantic description of these verbs is given along with examples of exercises that help foreigners to assimilate with these lexems in language, speech and communication.

Key words

Russian as a foreign language, dynamic, sema, static, verb.

Резюме

В статье рассматриваются глаголы с семами статичности и динамичности, являющиеся объектом изучения в практике преподавания русского языка как иностранного. Дается подробное семантическое описание этих глаголов, приводятся примеры упражнений, способствующих усвоению этих лексем иностранцами в языковом, речевом и коммуникативном аспектах.

Ключевые слова

Глагол, сема, статичность, динамичность, русский язык как иностранный.

В практике преподавания русского языка как иностранного (РКИ) наибольшие трудности связаны с глаголами. Это одна из наиболее значимых частей речи в процессе коммуникации и одна из наиболее трудных частей речи в лексико-грамматическом плане, что существенно осложняет процесс изучения русских глаголов иностранцами.

Семантика глагольных лексем в русском языке отличается многообразием и высокой степенью детализации. Наибольшую трудность для иностранцев представляют глаголы, семантически противопоставленные друг другу по семам статичности и динамичности. Глаголы, имеющие в составе значений семы статичности или динамичности, сочетаются с существительными, местоимениями или наречиями, характеризующими положение предметов в пространстве и отвечающими на вопросы: *где?/ куда? /откуда?*

Рассмотрим лексико-грамматические особенности этих лексем. Для описания их значений за основу мы взяли классификацию, предложенную лингвистами Екатеринбурга в идеографическом толковом словаре русских глаголов под редакцией Л.Г. Бабенко[1]. Мы скорректировали и детализировали эту классификацию, учитывая особенности процесса изучения данных глаголов иностранцами.

Согласно идеографическому словарю, все глаголы делятся на 3 лексико-семантических поля: «Действие и деятельность», «Бытие. Состояние. Качество», «Отношение». Внутри каждого поля выделяются подполя, которые включают в себя соответствующие лексико-семантические группы. Глаголы могут быть очень близки по семантике, но при этом относиться к разным полям. Например, глаголы *лежать / полежать / пролежать, класть / положить, ложиться / лечь* относятся к полям «Действие и деятельность» и «Бытие. Состояние. Качество». Если в значении глагола есть сема статичности, то он относится к полю «Бытие. Состояние. Качество». Если в значении глагола есть сема динамичности, то он относится к полю «Действие и деятельность».

Наибольшую трудность для иностранцев представляют глаголы, относящиеся к лексико-семантическому полю «Действие и деятельность», а именно: глаголы движения, глаголы перемещения объекта, глаголы помещения объекта и глаголы изменения положения.

Термин «глаголы движения» может трактоваться по-разному. Преподаватели РКИ, как правило, используют этот термин в узком смысле, т.е. подразумевают под ним не все глаголы, обозначающие перемещение во времени и пространстве, а только те, которые отличаются семантической и морфологической спецификой и соотнесенностью. Традиционно к этой группе относят глаголы,

---

[1] *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Москва: АСТ-ПРЕСС 1999, с. 3–6.

обозначающие различные способы перемещения в пространстве, противопоставленные по однонаправленности–неоднонаправленности. Базовыми глаголами группы являются глаголы несовершенного вида *идти – ходить*, *ехать – ездить*, *бежать – бегать*, *лететь – летать*, *плыть – плавать*, *ползти – ползать*, *лезть – лазить*, *брести – бродить*; *нести – носить*, *везти – возить*, *вести – водить*, *гнать – гонять*, *катить –катать*, *тащить – таскать*; *катиться – кататься*, *нестись – носиться*, *тащиться – таскаться*, *гнаться – гоняться.* К этой группе лексем примыкают приставочные глаголы движения, противопоставленные по виду (*выходить / выйти*, *входить / войти*, *переходить / перейти*, *доходить / дойти*, *подходить / подойти*, *отходить / отойти*, *приходить / прийти*, *уходить / уйти*, *заходить / зайти*, *проходить / пройти*, *обходить / обойти*, *всходить / взойти*, *сходить / сойти*, *сходиться / сойтись*, *расходиться / разойтись* и подобные глаголы, образованные от других пар). Кроме того, есть приставочные глаголы совершенного вида однонаправленного действия (*пойти* и т.п.); и неоднонаправленного действия (*походить*, *сходить*, *исходить*, *заходить*, *расходиться* и т.п.).

В методике РКИ отдельные глаголы перемещения объекта (*нести – носить*, *везти – возить*, *вести – водить*, *гнать – гонять*, *катить – катать*, *тащить –таскать*) включены в группу глаголов движения, принципы объединения которых основываются не только на семантическом сходстве, но и на структурно-грамматических особенностях.

Глаголы движения обладают высокой степенью частотности, так как обозначают одно из наиболее важных понятий в антропологической сфере деятельности. Кроме того, данная группа глаголов характеризуется большим количеством переносных значений, которые достаточно часто используются носителями языка, а значит, требуют особого внимания при обучении РКИ (*выйти из себя*, *вывести из себя*, *прийти в себя*, *крупно повезло* (кому?), *платье идет* (кому?), *костюм не подходит* (по какому критерию?) (кому?) и т.п.).

Процесс изучения глаголов движения на занятиях РКИ подробно представлен в практическом аспекте в различных пособиях[2]. По этой причине в классификации, представленной ниже, мы не приводили в качестве примеров глаголы движения в узком смысле слова. Все глаголы, использованные в качестве иллюстраций приведенных значений, изучаются иностранцами на начальном и среднем этапе обучения. В классификации соблюдается принцип пересекаемости глагольных классов при семантизации глаголов сложной полипропозитивной семантики, поэтому один и тот же глагол может иллюстрировать разные значения.

---

[2] А.М. Барыкина, В.В. Добровольская. *Изучаем глагольные приставки.* Санкт-Петербург: Златоуст, 2009; А.Н Богомолов, А.Ю. Петанова. *Приходите! Прилетайте! Приезжайте!* Санкт-Петербург: Златоуст 2008; А.Д Кривоносов, Т.Ю. Редькина. *Знаю и люблю русские глаголы. Пособие для курсов русского языка.* Санкт-Петербург: Златоуст 2009; Т.Ф. Куприянова. *Глаголы движения с приставками… Многозначность; переносное значение; фразеология.* Таганрог: Издательство Кучма Ю.Д., 2005; Л.С. Муравьева. *Глаголы движения в русском языке (для говорящих на английском языке)*. Москва: Дрофа 2006.

Итак, обратимся к классификации глаголов с семами статичности и динамичности, без учета глаголов движения в узком смысле слова, о которых было сказано ранее.

I. Глаголы с семой статичности, сочетающиеся с существительными, местоимениями и наречиями, отвечающими на вопрос *где?*: *стоять / постоять, сидеть / посидеть, лежать / полежать, висеть / повисеть*. Это «глаголы бытия-существования в определенном времени и пространстве»[3].

II. Глаголы с семой динамичности, сочетающиеся с существительными, местоимениями и наречиями, отвечающими на вопрос *куда? / откуда?* При этом допустимо сочетание со словами, отвечающими на вопрос *где?* Глаголы с семой динамичности разнообразны по семантике. Их можно разделить на подгруппы.

1. Глаголы движения (в широком смысле слова).

А. Непереходные глаголы движения:

➢ глаголы однонаправленного движения:

● глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного и конечного пунктов (основные вопросы к зависимым словам – откуда? и куда?):

○ глаголы, обозначающие движение вниз: *падать / упасть*, *опускаться / опуститься*, *спускаться / спуститься;*

○ глаголы, обозначающие движение вверх: *подниматься / подняться, вставать / встать*;

○ глаголы, обозначающие движение в любом направлении: *перемещаться / переместиться*, *передвигаться /передвинуться*, *бросаться / броситься*;

● глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно исходного пункта (основной вопрос к зависимым словам — *откуда?*): *выпадать / выпасть*, *эмигрировать*;

● глаголы однонаправленного движения, ориентированного относительно конечного пункта (основной вопрос к зависимым словам — *куда?*): *добираться / добраться, иммигрировать, возвращаться / возвратиться (вернуться)*.

➢ глаголы разнонаправленного движения*: гулять / погулять*, *прыгать*.

Б. Переходные глаголы движения: *бросать / бросить*.

2. Глаголы перемещения объекта.

А. Глаголы направленного перемещения:

➢ глаголы однонаправленного перемещения относительно исходного и конечного пунктов (основные вопросы к зависимым словам — *откуда?* и *куда?*): *бросать / бросить*, *кидать / кинуть*, *посылать / послать*, *ронять / уронить*, *снимать / снять*, *толкать / толкнуть*;

➢ глаголы однонаправленного перемещения относительно исходного пункта (основной вопрос к зависимым словам — *откуда?*): *выбрасывать / вы-*

---

[3] *Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы*. Москва: АСТ-ПРЕСС 1999, с. 468–472.

бросить, *выронить*, *выставлять / выставить*, *сбрасывать / сбросить*, *удалять / удалить*;

➢ глаголы однонаправленного перемещения относительно конечного пункта (вопросы к зависимым словам — *куда?*): *опускать / опустить*, *поднимать / поднять*;

➢ глаголы однонаправленного перемещения относительно промежуточного пункта (основные вопросы к зависимым словам — *откуда?* и *куда?*): *пересылать / переслать*.

Б. Глаголы ненаправленного перемещения: *двигать / двинуть*.

3. Глаголы помещения объекта.

А. Непереходные глаголы помещения: *располагаться / расположиться*, *садиться / сесть*, *деваться / деться*.

Б. Переходные глаголы помещения:

➢ глаголы помещения объекта в определенном месте каким-либо образом: *вешать / повесить*, *девать / деть (разг.)*, *класть / положить*, *сажать (садить) / посадить*, *ставить / поставить*;

➢ глаголы помещения объекта в результате физического действия: *сажать / садить / посадить*;

➢ глаголы помещения объекта в результате перемещения: *перемещать / переместить, вбрасывать / вбросить*, *выставлять / выставить*, *высыпать / высыпать*, *забрасывать / забросить*.

4. Глаголы изменения положения.

А. Непереходные глаголы изменения положения: *садиться / сесть*, *становиться / стать*, *ложиться / лечь*.

Б. Переходные глаголы изменения положения: *брать / взять, опускать / опустить*, *поднимать / поднять*, *доставать / достать*, *вынимать / вынуть*, *снимать / снять*.

В практике преподавания РКИ на этапе обобщения и систематизации материала необходимо сопоставлять близкие по семантике глаголы. Для улучшения восприятия материал можно предъявлять в таблицах. Примеры таких таблиц даны ниже. Рядом с инфинитивом указаны следующие морфонологические сведения: тип спряжения глагола (I — первое спряжение, II — второе спряжение); звукобуквенные чередования в процессе словоизменения (*с//д, взя//возьм, бр//бер, в//вл, д//ж* и др.); добавление звуков (букв) в процессе словоизменения (+ *н*); усечение глагольной основы в процессе словоизменения (– *ва*); вид глагола (НВ — несовершенный вид, СВ — совершенный вид). Следует отметить, что такие процессы, как звукобуквенные чередования, добавления звуков (букв) и усечения глагольной основы имеют свои особенности. Если глагол относится к первому спряжению (*класть, взять, брать, стать, вставать* и др.), данные процессы сопровождают образование всех форм при изменении глагола по лицам и числам, а также образование формы императива (за исключением глаголов с суффиксом *-ва-*, так как усечение этого суффикса в форме императива не происходит). Если глагол относится ко второму спряжению (*ставить, сидеть, выходить* и др.), данные процессы сопровождают образование только форм первого лица единственного числа глаголов.

Таблица № 1

Куда?	Где?	Откуда?
класть I *с//д* НВ (*кладу, кладешь … кладут; клал, клала, клали; клади(те)*!) что? кого? *положить* II СВ (*положу, положишь … положат; положил, положила, положили, положи(те)*!)	*лежать* II НВ (*лежу, лежишь … лежат; лежал, лежала, лежали; лежи(те)*!) *полежать* II СВ	*брать* I *бр // бер* НВ (*беру, берешь … берут; брал, брала, брали; бери (те)*!) что? кого? *взять* I *взя// возьм* СВ (*возьму, возьмешь … возьмут; взял, взяла, взяли; возьми(те)*!)
		доставать I – *ва* НВ (*достаю, достаешь … достают; доставал, доставала, доставали; доставай(те)*!) что? кого? *достать* I + *н* СВ (*достану, достанешь … достанут; достал, достала, достали; достань(те)*!)
ложиться II НВ (*ложусь, ложишься … …ложатся; ложился, ложилась, ложились; ложись (ложитесь)*!) *лечь* I *е //я + г* (я, они) //+ *ж* (ты, он, мы, вы) СВ (*лягу, ляжешь, лягут; лег, легла, легли; ляг(те)*!)		*вставать* I – *ва* НВ (*встаю, встаешь … встают; вставал, вставала, вставали; вставай(те)*!) *встать* I + *н* СВ (*встану, встанешь … достанут; встал, встала, встали; встань(те)*!)
Я положил книгу на / в стол. Она положила книгу под стол. Папа лег на диван.	Книга лежит на столе / в столе. Книга лежит под столом. Папа лежит на диване.	Брат взял книгу со стола / из стола. Мама достала книгу из-под стола. Папа встал с дивана.

Таблица № 2

<table>
<tr><th>Куда?</th><th>Где?</th><th>Откуда?</th></tr>
<tr><td>ставить II в//вл НВ (ставлю, ставишь, … ставят; ставил, ставила, ставили; ставь (те)!)
что? кого?
поставить II в//вл СВ</td><td rowspan="2">стоять II НВ (стою, стоишь … стоят; стоял, стояла, стояли; стой(те)!)
постоять II НВ</td><td colspan="2">брать I бр // бер НВ
что? кого?
взять I взя// возьм СВ

доставать I – ва НВ
что? кого?
достать I + н СВ</td></tr>
<tr><td>становиться II в//вл НВ (становлюсь, становишься … становятся; становился, становилась, становились; становись (становитесь)!)
стать I + н СВ (стану, станешь … станут; стал, стала, стали; стань(те)!)</td><td colspan="2">выходить II д//ж НВ (выхожу, выходишь … выходят; выходил, выходила, выходило, выходили; выходи(те)!)
выйти I + д СВ (выйду, выйдешь … выйдут; вышел, вышла, вышло, вышли; выйди(те)!)

сходить II д//ж НВ (схожу, сходишь … сходят; сходил, сходила, сходило, сходили; сходи(те)!)
сойти I +д СВ (сойду, сойдешь … сойдут; сошел, сошла, сошло, сошли; сойди(те)!)
и другие глаголы движения с приставками вы- и с- (в значении `движение вниз`)</td></tr>
<tr><td>Брат поставил книгу на полку.

Папа поставил ребенка в угол.
Мальчик стал в угол.</td><td>Книга стоит на полке.
Мальчик стоит в углу.</td><td>Сестра взяла книгу с полки.

Мальчик вышел из угла.</td></tr>
</table>

Таблица № 3

<table>
<tr><th>Куда?</th><th>Где?</th><th>Откуда?</th></tr>
<tr><td>сажать I НВ (сажаю, сажаешь … сажают; сажал, сажала, сажали; сажай(те)!)
кого? что?
посадить II д//ж НВ (посажу, посадишь … посадят; посадил, посадила, посадили; посади (те)!)</td><td rowspan="2">сидеть II д//ж НВ (сижу, сидишь … сидят; сидел, сидела. сидели; сиди (те)!)
посидеть II д//ж НВ</td><td>снимать I НВ (снимаю, снимаешь … снимают; снимал, снимала, снимали; снимай (те)!)
что? кого?
снять I ня //ним СВ (сниму, снимешь … снимут; снял, сняла, сняли; сними (те)!)</td></tr>
<tr><td>садиться II д//ж НВ (сажусь, садишься … садятся; садился, садилась, садились; садись (садитесь)!)
сесть I е //я с//д СВ (сяду, сядешь … сядут; сел, села, сели; сядь(те)!)</td><td>вставать I – ва НВ
встать I + н СВ</td></tr>
</table>

Мама посадила ребенка на стул. Ребенок сел на стул. Гостей посадили за стол. Гости сели за стол.	Ребенок сидит на стуле. Гости сидят за столом.	Мать сняла ребенка со стула. Ребенок встал со стула. Гости встали из-за стола.

Таблица № 4

Где?	Куда?	Откуда?
вешать I НВ (*вешаю, вешаешь … вешают; вешал. вешала, вешали; вешай(те)*!) что? кого? *повесить* II *с//ш* СВ (*повешу, повесишь … повесят; повесил, повесила, повесили; повесь (те)*!)	*висеть* II *с//ш* НВ (*вишу. висишь … висят; висел, висела, висели; виси (те)*!) *повисеть* II *с//ш* СВ	*снимать* I НВ что? кого? *снять* I *ня //ним* СВ
вешаться I НВ (*вешаюсь, вешаешься … вешаются; вешался. вешалась, вешались; вешайся* (вешайтесь*)*!) *повеситься* II *с//ш* СВ (*повешусь, повесишься … повесятся; повесился, повесилась, повесились; повесься* (повесьтесь*)*!)		
Папа повесил картину на стену. Во время сильной депрессии человек повесился.	Картина висит на стене. Я ужаснулся: в комнате висел человек.	Кто снял картину со стены?

Формы глаголов, обозначенные в таблице знаком *, используются, в основном, в просторечии в случае выражения сильных эмоций по поводу безысходности ситуации *(Проблем так много навалилось. Хоть вешайся! / Хоть повесься!)*. Об этих глаголах может идти речь только на продвинутом этапе в связи с тем, что они имеют низкую степень частотности употребления. Глаголы заслуживают особого внимания, если они встречаются в неадаптированном тексте, являющимся материалом для изучения.

Для выработки навыков использования глаголов с семами статичности и динамичности в речи иностранцам необходим комплекс упражнений, при выполнении которых нужно употреблять глаголы в корректной форме для решения коммуникативной задачи и распространять их соответствующими словосочетаниями, называющими место или направление действия. Такие словосочета-

ния обязательно должны включать существительные, заменяющиеся на личные местоимения; кроме того, туда могут быть включены прилагательные и притяжательные и указательные местоимения (при условии, что система склонения прилагательных и местоимений адъективного типа уже изучена). К тому же, в упражнения можно ввести дополнительные задания, например по переводу прямой речи в косвенную. В процессе образования предложений, безусловно, будут использоваться соответствующие предлоги в пространственном значении. Таким образом, подобные упражнения будут способствовать комплексному использованию различных грамматических форм глаголов, существительных, прилагательных и местоимений в речи для решения коммуникативных задач в бытовой сфере.

При составлении комплекса упражнений необходимо соблюдать определенную последовательность. Согласно коммуникативному принципу, работа по овладению речью должна вестись поэтапно. Нами была взята за основу классификация, предложенная Л.Л. Вохминой. Это система упражнений состоит из 2 (двух) этапов:

«А. Этап подготовки связного самостоятельного высказывания на языковом материале, полностью или частично прошедшем уровень структурирования.

Б. Этап самостоятельного высказывания»[4].

Каждый из этапов предполагает последовательное прохождение через несколько групп упражнений. Этап подготовки самостоятельного высказывания включает в себя следующие группы:

1) «имитация, наблюдение и уяснение связи между языковым знаком и его содержанием (…);
2) частичное лексико-грамматическое структурирование при полностью заданном содержании (…);
3) частичное лексико-грамматическое структурирование с самостоятельным поиском элементов содержания»[5].

Этап самостоятельного высказывания содержит следующие группы упражнений:

1) «упражнения с полностью заданным содержанием (…);
2) упражнения, в которых содержание задано частично»[6];
3) упражнения, в которых «содержание формируется и формулируется самостоятельно»[7].

Приведем пример комплекса упражнений, отвечающего требованиям системности (При составлении упражнений А1, 3 и А3 (1) были использованы материалы учебника С.И. Лебединского *Русский язык для иностранцев: полный курс*[8], при составлении упражнений А3 (2) и Б1 за основу были взяты матери-

---

[4] Л.Л. Вохмина. *Хочешь говорить — говори. 300 упражнений по обучению устной речи.* Москва: Русский язык 1993, с. 99.

[5] Там же, с. 100.

[6] Там же, с. 149–155.

[7] Там же, с. 149–156.

[8] С.И. Лебединский. *Русский язык для иностранцев. Полный курс. Russian for Foreigners. Com-*

алы учебника М.П. Аксеновой *Русский язык по-новому)*[9]. Упражнения частично переработаны и дополнены.

А. Этап подготовки высказывания.

Упражнение А1. Сравните данные в таблице глаголы и конструкции.

Упражнение А1, А3. Проспрягайте глаголы в предложении. Образуйте императив.

Образец: *класть/ положить*

Я кладу продукты в большой холодильник / на кухонный стол.

Ты кладешь …

Он, она кладет …

Мы кладем …

Вы кладете …

Они кладут …

Я (ты, он, она) положил(а) продукты в большой холодильник / на кухонный стол.

Мы (вы, они) положили …

Всегда клади(те) продукты в холодильник.

Положи(те) продукты на стол, пожалуйста.

Где?	лежать, стоять, сидеть
Куда?	класть / положить, ставить / поставить, ложиться / лечь, садиться / сесть, вешать / повесить
Откуда?	доставать / достать, брать / взять, вставать / встать, снимать / снять

Упражнение А2. Дополните предложения нужными глаголами в правильной форме.

лежать, класть / положить

1. Я вернулся из университета и … рюкзак на стул. 2. Рюкзак … на стуле. 3. Сестра … журнал на стол, открыла ее и начала читать. 4. — Сергей, ты не знаешь, где … моя тетрадь? — А разве ее нет на столе? Утром она … там. 5. — Оля, ты уже … на стол ложки, вилки и ножи. — Еще нет. Сейчас … 6. Я всегда … свои деньги и документы в карман. Сейчас мои деньги и документы … в правом кармане моего пиджака. Вчера я … в карман пиджака свой студенческий билет.

стоять, ставить / поставить

1. Ваза с цветами … на окне. Кто … вазу на окно. 2. Это кресло всегда … около дивана. Почему вы … его у двери? 3. Ребята, пожалуйста, … эти стулья на место. 4. Надо … цветы в воду: без воды они погибнут. 5. Чья это лампа? Кто ее

---

plete Cours. A1/A2. Базовый уровень владения языком. Минск: Научный мир, 2013, с. 324–329.

[9] М.П. Аксенова *Русский язык по-новому.* Часть 2 (уроки 13–17). Санкт-Петербург: Златоуст 2000, с. 180–181.

… на мой стол? 5. Не … сюда ноутбук. Лучше … его на другой стол. 6. — Ольга, ты уже … на стол тарелки. — Нет еще. Сейчас …

висеть, вешать / повесить

1. В моей комнате … фотографии родителей. Эти фотографии я … вчера. 2. — Где … твои платья?— Мои платья висят в шкафу. Свои платья я всегда … в шкаф. 3. — Куда Вы … мое пальто? — ваше пальто я … в шкаф, который стоит в прихожей. 4. Чье фото … в Вашей комнате? Кто ее туда …? 5. Если хотите, вы можете … свой плащ сюда.6. Олег, …, пожалуйста, мой плащ на вешалку. 7. Где … наше расписание?

ложиться / лечь, садиться / сесть

1. Когда я отдыхал на море, я всегда поздно … спать. 2. Во время разговора Андрей несколько раз вставал и … 3. Мы пойдем пешком, а потом … на трамвай. 4. Вам надо … на пятый автобус: он идет в центр. 5. — Такси свободно? — Да, свободно, … 6. Дети, … спать. 7. Немедленно … и учи уроки! 8. Уже поздно. Вам пора … спать. 9. Не … на холодную землю: ты можешь заболеть. 10. Сегодня я очень устал, поэтому … спать пораньше. 11. Олег не успел … в автобус.

Упражнение А3 (1). Ответьте на вопросы, используя слова *поставить, повесить, положить* по образцу.

Образец: — *Ты не знаешь, где мой учебник по русскому языку?*

— *Знаю. Я поставил его в книжный шкаф на нижнюю полку.*

1. Ты не знаешь, где лежит мой русско-китайский словарь?2. Ты не знаешь, где висит мой новый костюм? 3. Ты не знаешь, где апельсиновый сок, который я купил сегодня утром? 4. Ты не знаешь, где стоит моя любимая кружка?

Упражнение А3 (2). Составьте диалоги по образцу.

Образец: *Виктор: Иван, ты прочитал книгу? (поставить, верхняя полка)*

Виктор: Иван, ты прочитал книгу? Поставь ее на верхнюю полку.

Иван: Сейчас поставлю. / Я уже поставил.

Комментатор 1: Виктор попросил Ивана поставить книгу на верхнюю полку.

Комментатор 2: Иван сказал Виктору, что сейчас поставит / что уже поставил.

1. Ольга: Анна, тебе нужна тетрадь? Тетрадь в той сумке. (достать, та сумка).

2. Ирина: Олег, ты ищешь ручку? Ручка под моей тетрадью. (взять, моя тетрадь).

3. Анна: Антон, ты уже прочитал новую газету? (положить, мой стол).

4. Андрей: Сергей, тебе уже не нужна карта? (снять, стена).

Б. Этап самостоятельного высказывания.

Упражнение Б1. Попросите соседа выполнить вашу просьбу. Употребите нужный глагол. Используйте слова для справок.

Образец: *Я поставил ботинки под диван. Ботинки стоят под диваном. Достань ботинки из-под дивана.*

1. Шапка упала за шкаф. Шапка лежит за шкафом.

2. Я положил тетрадь под газету. Тетрадь лежит под газетой.

3. Ты сел за стол. Ты сидишь за столом.

4. Он поставил сумку за чемодан. Сумка стоит за чемоданом.

5. Мы уехали за границу. Мы живем и учимся за границей.

Слова для справок: доставать / достать, брать / взять, вставать / встать, возвращаться / вернуться.

Упражнение Б2. Составьте диалоги на основе ситуаций.

1. Вы убираете в комнате и хотите а) поставить кресло в угол / лампу на окно / будильник на полку; б) положить тетради в верхний ящик стола / чертежи в красную папку / документы в портфель; в) повесить расписание занятий на дверь / календарь на стену /пиджак и брюки в шкаф. Вы спрашиваете Вашего соседа по комнате, не против ли он. Сосед отвечает, что он не против.

2. Ваш товарищ был в магазине / на рынке и купил Вам а) молоко, масло, кефир, сыр и сметану, которые надо поместить в холодильник; б) пачку чая, пачку сигарет и коробок спичек, которые надо поместить на полку; в) банку кофе и бутылку минеральной воды, которые нужно поместить на стол; г) яблоки, виноград, помидоры, картофель, огурцы, которые нужно поместить на балкон. Товарищ спрашивает Вас, куда поместить (положить / поставить) покупки. Вы просите его поместить их в соответствующее место.

Упражнение Б3. Составьте монолог на основе ситуации. *Вы приехали учиться за границу. Вам дали комнату в общежитии. Вы познакомились с соседями по комнате (по блоку, по этажу). Расскажите новым знакомым о том, как вы собирали свои вещи, чтобы поехать учиться за границу.* В своей речи по мере необходимости используйте глаголы *лежать, висеть, стоять, сидеть (где?); вставать / встать, садиться / сесть, ложиться / лечь (куда?); доставать / достать, брать / взять (что? откуда?), класть / положить, ставить / поставить, вешать / повесить (что? куда?).*

Безусловно, образец текста для учащихся в таком задании давать не нужно (при условии, что все перечисленные опорные глаголы хорошо усвоены). Рассказ в результате может получиться следующий.

*Я **лежал(а)** на диване и думал(а), что мне **взять** с собой за границу. Времени до отъезда было немного, поэтому я **встал(а)** с дивана и начал(а) собираться. Я **достал(а)** с верхней полки шкафа чемодан и большую сумку. Потом долго **стоял(а)** и смотрел(а) на одежду, которая **висела** у меня в шкафу. В чемодан я **положил(а)** одежду, которую выбрал(а), нижнее белье, полотенце, фен и тапочки. Из теплых вещей я **взял(а)** толь-*

ко свитер и плащ. Сначала ***взял(а)*** *свою старую куртку, но потом решил(а) ее не* ***брать****. Подумал(а), что лучше куплю новую теплую куртку на месте, поэтому старую* ***повесил(а)*** *обратно в шкаф. Ничего другого у меня не было, потому что в моей стране почти всегда тепло. В сумку я* ***положил(а)*** *деньги и документы, зубную щетку, немного косметики, небольшой зонтик и фотографию моей семьи в рамке.* ***Поставлю*** *рядом с кроватью, чтобы чувствовать себя почти как дома. Я собрался (собралась),* ***сел(а)*** *на диван и подумал(а), что нужно отдохнуть перед долгой дорогой, поэтому* ***лег(ла)*** *на диван, закрыл(а) глаза и спал(а) около часа. Потом* ***встал(а)****, оделся (оделась), поел(а), попрощался (попрощалась) с семьей и уехал(а).*

Иностранцев необходимо знакомить с особенностями лексической сочетаемости глаголов с семами статичности и динамичности: *яблоко лежит на столе* (при невозможности варианта *яблоко стоит на столе*), *птица сидит на ветке* (при невозможности варианта *птица стоит на ветке*). Некоторые глаголы имеют широкое значение, но ограничены в употреблении. Например, глагол *девать / деть* по значению может использоваться в разговорном стиле вместо глаголов *класть / положить*, *вешать / повесить*, *ставить / поставить*, но его употребление ограничено обязательным наличием во фразе слов *куда*, *куда-то*, *куда-нибудь*, *никуда*, *некуда (Не помню, куда я дела чек = Не помню, куда я положила чек).*

Кроме того, глаголы с семами статичности и динамичности, как правило, многозначны. Некоторые переносные значения этих глаголов обладают высокой степенью частотности. Например, глагол *ставить* используется в словосочетаниях *ставить оценку в журнал*, *ставить диагноз пациенту*, *ставить ударение в слове*, *ставить человека в неудобное положение*, *ставить человека перед выбором* и др.

Таким образом, сложность взаимосвязей между глаголами с семами статичности и динамичности на среднем и продвинутом этапах обучения требует системного подхода к их изучению на занятиях РКИ в языковом, речевом и коммуникативном аспектах. При этом следует обращать особое внимание на морфонологические особенности, многозначность, специфику сочетаемостных свойств и частотность употребления того или иного глагола. Все это расставляет нужные акценты в работе и позволяет рационально и эффективно использовать учебное время.

Литература

Аксенова М.П. *Русский язык по-новому.* Часть 2 (уроки 13–17). Санкт-Петербург: Златоуст, 2000.

Барыкина А.М., Добровольская В.В. *Изучаем глагольные приставки.* Санкт-Петербург: Златоуст, 2009.

Богомолов А.Н., Петанова А.Ю. *Приходите! Прилетайте! Приезжайте!* Санкт-Петербург: Златоуст, 2008.

Вохмина Л.Л. *Хочешь говорить — говори. 300 упражнений по обучению устной речи.* Москва: Русский язык, 1993.

Кривоносов А.Д., Редькина Т.Ю. *Знаю и люблю русские глаголы.* Санкт-Петербург: Златоуст, 2009.

Куприянова Т.Ф. *Глаголы движения с приставками… Многозначность; переносное значение; фразеология.* Таганрог: Издательство Ю.Д. Кучма, 2005.

Лебединский С.И. *Русский язык для иностранцев: полный курс. Russian for Foreigners. Complete Cours. A1/A2. Базовый уровень владения языком.* Минск: Научный мир, 2013.

Муравьева Л.С. *Глаголы движения в русском языке (для говорящих на английском языке)*. Москва: Дрофа, 2006.

Толковый словарь русских глаголов. Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы. Москва: АСТ-ПРЕСС, 1999.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 223–235

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПОПУЛЯРНЫХ ПЕСЕН НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК НОСТРАННОМУ

ЕКАТЕРИНА А. РОВБА

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет довузовской подготовки
Кафедра русского языка как иностранного и лингвистических дисциплин
ул. Элизы Ожешко, 22, 230023, г. Гродно, Беларусь
e-mail: rovba82@mail.ru
(получено 21.08.2014; принято 17.12.2014)

Abstract

Using popular songs in teaching Russian as a foreign language

The article is devoted to the possibility of using modern popular songs and songs taken from movies as a source of teaching material that can be used in the classes of Russian as a foreign language.

Key words

Grammatical categories, song, song material, pop music, text, language and cultural competence.

Резюме

Статья посвящена исследованию современных популярных песен и песен из кинофильмов на предмет возможности их использования на уроках русского языка как иностранного (РКИ) в качестве учебного материала.

Ключевые слова

Грамматические категории, песня, песенный материал, поп-музыка, текст, языковые и культурологические компетенции.

В конце XX века в педагогике осуществился «гуманитарный переворот», когда на смену традиционному объект-субъектному принципу пришла субъект-субъектная система взаимодействия обучающего и обучающегося, в значительной степени изменился ролевой и ценностный статус учителя и ученика. Новое понимание образовательного процесса выявило большие перспективы для совершенствования технологий и методов преподавания большинства дисциплин естественнонаучного и гуманитарного цикла. Данное замечание справедливо и для методики преподавания русского языка как иностранного (РКИ), в рамках которой на современном этапе активно разрабатываются подходы, позволяющие оптимизировать и ускорить процесс овладения языком, повысить эффективность способов и приемов обучения.

Современные специалисты в области РКИ (А.Р. Арутюнов[1], С.И. Лебединский[2], Л.П. Клобукова, Д.Б. Гудков[3] и др.) приходят к единому мнению, что залогом успешного обучения является гармоничное сочетание в педагогической деятельности коммуникативного, когнитивного и эмотивного подходов, каждый из которых позволяет решить различные образовательные задачи:

— коммуникативный подход обеспечивает мотивированную деятельность с русским языком как иностранным (коммуникативная мотивация);

— когнитивный подход позволяет наладить предметно-ориентированную деятельность через систему заданий и упражнений проблемного характера, предполагающих различные варианты их выполнения (познавательная мотивация);

— эмотивный подход позволяет развить у учащихся разностороннюю мотивацию, в том числе игровую, превратить образовательный процесс в процесс получения интеллектуально-эстетического удовольствия.

При этом учитывается факт, ставший аксиомой в методике преподавания: «степень освоения информации зависит от степени вовлеченности обучающегося в учебный процесс. (...) Слушание лекции позволяет освоить только 5% информации, непосредственное применение позволяет освоить до 80% информации»[4].

---

[1] А.Р. Арутюнов. *Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев*. Москва: Русский язык, 1990.

[2] С.И. Лебединский. *Теория и методика обучения русскому языку как иностранному: психологолингвистические и лингвометодические аспекты*. Минск: Белорусский государственный университет, 2005.

[3] Л.П. Клобукова, Д.Б. Гудков. *Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения*. “Вестник Московского университета” 2001. Серия 9. Вып. 6, с. 244–257.

[4] И.Д. Забиров. *Современные формы обучения. Современны формы обучения в ТГУ*. [В:] *Ин-*

Примером педагогического метода, сочетающего названные подходы в преподавании РКИ, является использование на занятиях с иностранными студентами песен на русском языке.

По мнению А.М. Идрисовой и А.Р. Арутюнова, «песня предстает в процессе обучения прежде всего как оригинальный учебный текст»[5], как «факт культуры иностранного языка, целесообразный для учебной коммуникации и имеющий знаковую функцию»[6]. С точки зрения методики преподавания РКИ, песня на русском языке является для иностранных студентов, с одной стороны, образцом звучащей иноязычной речи. Важно заметить: песни способствуют совершенствованию навыков иноязычного произношения, так как музыкальный слух, слуховое внимание и слуховой контроль находится в тесной взаимосвязи с развитием артикуляционного аппарата[7].

С другой стороны, песня формирует духовную культуру, отражает особенности русской культуры и менталитета, оказывает сильное воспитательное воздействие на учащихся благодаря своей уникальной особенности: будучи культурным феноменом, песня соединяет в себе вербальное и музыкальное начала. Следовательно, песня является универсальным средством при обучении РКИ, поскольку, как отмечают Т.В. Савченко и Е.В. Какорина, «вершиной, на которой суммируются все полученные языковые знания, навыки и умения, и основной единицей обучения выступает текст», тогда как музыка является «одним из наиболее эффективных способов воздействия на чувства и эмоции учащихся»[8]. Более того, использование песенного материала позволяет вводить новые языковые единицы и конструкции, опираясь сразу на несколько каналов восприятия одновременно, а благодаря музыке на занятии «создается благоприятный психологический климат, снижается психологическая нагрузка, активизируется языковая деятельность, повышается эмоциональный тонус, поддерживается интерес к изучению языка»[9]. При этом условием успешного использования пе-

---

новации в образовании. Сборник научных трудов. II открытой научно-практической конференции молодых специалистов предприятий и организаций городского округа Тольятти 29 апреля 2008 г. Тольятти: ОАО «Куйбышев Азот», 2008, с. 12. [Online] <edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site125/.../01_07_Innovacii_v_obr.doc> (10.08.2014).

[5] А.М. Идрисова. *Песенный материал в методике преподавания русского языка как иностранного*. [В:] *Социализация и межкультурная коммуникация в современном мире.* Ред. М.А. Исакова. Красноярск: Издательство Красноярского годусарственного педагогического университета им. В.П. Астафьева, 2011, с. 203.

[6] А.Р. Арутюнов. *Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев*. Москва: Русский язык, 1990, с. 76.

[7] Е. Шурупова. *Использование песенного материала на уроке французского языка в средней и старшей школе.* [Online] <http://www.teacherjournal.ru/shkola/franczuzskij-yazyk/1292-ispolzovanie-pesennogo-materiala-na-uroke-franczuzskogo-yazyka-v-srednej-i-starshej-shkole.html> (14.06.2014).

[8] Е.В. Какорина, Т.В. Савченко. *О базовых принципах и методах преподавания РКИ в школе.* [Online] <http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=200900713> (14.06.2014).

[9] Л.Н. Рерденова. *Использование песен для развития памяти учащихся на уроках английского языка*. [Online] <http://rudocs.exdat.com/docs/index-137017.html> (12.06.2014).

сенного материала на занятиях по РКИ является учет возрастных, гендерных, национальных, этнопсихологических особенностей учащихся, а также методическая ценность изучаемых песен для формирования базовых речевых навыков и умений иностранного студента.

Исследователи относят песенный текст «к проективному типу учебных текстов, хотя иногда разучивание песни имеет вполне прагматическую цель»[10].

Е.В. Какорина выделяет следующие методические преимущества использования песен на занятиях по РКИ[11]:

— песенные материалы разнообразны не только по содержанию, но и с точки зрения содержащейся в них лингвистической информации. Песни представляют все речевые жанры, содержат прямую и косвенную речь, демонстрируют образцы разных функциональных стилей речи;

— один и тот же песенный материал может применяться для достижения различных целей обучения в зависимости от выполняемых на его основе заданий, то есть песни обладают свойством комплексного многоцелевого использования;

— в отличие от других аудиоматериалов, предполагающих максимум, трехкратное прослушивание, песни, как правило, впоследствии разучиваются обучаемыми наизусть;

— в качестве опоры при обучении могут использоваться различные компоненты песенных материалов (музыка, тексты, легенды).

Также Е.В. Какорина разработала классификацию песенного материала, который может быть использован на занятиях по РКИ, с учетом конкретных педагогических задач[12]:

— учебные песни, специально написанные для определенного учебного комплекса, содержащие определенный языковой материал и служащие средством его более прочного закрепления. Такие песни, как правило, ритмичны, сопровождаются комментариями, а также заданиями и упражнениями, цель которых — проверка понимания и обсуждение содержания;

— аутентичный песенный материал, специально подбираемый преподавателем и организованный в виде упражнений;

— аутентичный песенный материал, спонтанно выбираемый преподавателем или учащимися, не адаптированный для определенных целей обучения, но который можно использовать для развития языковых компетенций.

Таким образом, можно выделить следующие функции песенного материала в процессе обучения РКИ:

---

[10] Т.А. Потапенко. *О некоторых результатах отбора песен для преподавания РКИ методом опроса.* [В:] *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы*. Ред. К.Р. Галиуллин. Казань: Издательство Казанского университета, 2004, с. 171.

[11] Е.В. Какорина. *Социокультурный аспект песенных материалов*. [Online] <http://www.gim29.tomsk.ru/files/img/13_publ.doc> (12.06.2014).

[12] Е.В. Какорина. *Социокультурный аспект песенных материалов*. [Online] <http://www.gim29.tomsk.ru/files/img/13_publ.doc> (12.06.2014).

— песни являются средством прочного усвоения и расширения лексического запаса, так как включают в себя новые слова и выражения. В песнях знакомая лексика встречается в новом контексте, что способствует развитию так называемого языкового чутья и увеличению ассоциативных связей в памяти (…);

— в песнях лучше усваиваются и активизируются грамматические явления языка (…);

— песни способствуют совершенствованию иноязычного произношения (…). Разучивание и частое повторение несложных по мелодическому рисунку, коротких песен помогают закрепить правильное произношение, артикуляцию, а также правила ударения, особенности ритма, мелодики и т.д.;

— песни способствуют осуществлению задач эстетического воспитания учащихся, содействуют сплочению коллектива, помогают раскрыть творческие способности каждого обучающегося[13].

Цель данной статьи — продемонстрировать эффективность обучения русскому языку при регулярном обращении в ходе образовательного диалога к русскоязычному песенному материалу, а также рассмотреть некоторые принципы работы с песнями на примере популярных эстрадных композиций, которые использовались на занятиях по РКИ в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы в 2013–2014 учебном году. В данной статье демонстрируются частные случаи использования песенного материала на уроках РКИ, поэтому рассматриваемые песни не являются составным элементом единого тематического корпуса учебных текстов

В отборе песенного материала принимали активное участие студенты-иностранцы подготовительного отделения и старших курсов вуза. Обучающимся было предложено задание: составить хит-парад популярных песен, которые запомнились, нравятся, и хотелось бы их изучить на занятиях по русскому языку. Дополнительно были разработаны следующие критерии отбора песен:

— песня должна заинтересовать студентов, которые не слышали ее ранее;

— песня должна быть приятной, ритмичной, не слишком длинной, иметь припев;

— желательно, чтобы песня отражала страноведческую специфику;

— вокал должен быть понятным, произношение — четким.

Результатом этой работы стал список песен, которые были использованы нами в качестве дополнительного материала для исследования и анализа. Нами были отобраны и изучены тексты и аудиозаписи следующих песен:

(1) А. Пугачева и М. Галкин: *Эта любовь, Кафешка, Будь или не будь!*;
(2) Группа *Фабрика*: *Понимаешь*, *Про любовь*, *Саша +Маша*;
(3) Ф. Киркоров: *Зайка моя*;
(4) М. Насыров: *Я — это ты, ты — это я*;
(5) Группа *Тутси*: *Горький шоколад*;
(6) А. Барыкин: *Букет*;
(7) Витас: *Улыбнись*;

---

[13] С.Ф. Гебель. *Использование песни на уроках иностранного языка.* «Иностранные языки в школе» 2009. Вып. 5, с. 28–31.

(8) Песни из кинофильма *Ирония судьбы, или С легким паром!*: *Я спросил у ясеня*, *Если у вас нету тети*.

Как следует из получившегося перечня, в основном студенты работали с песнями поп-стиля. Поп-музыка считается массовой музыкой с легко запоминающимися мотивами и простыми, незамысловатыми текстами. Она отличается мелодичностью, особым ритмом, современным эстрадным вокалом. Можно выделить следующие преимущества использования текстов популярных песен на занятии:

1) Эти песни нравятся студентам: мелодия пробуждает интерес к изучению текста. Особенностью популярных песен является то обстоятельство, что их тексты и мелодии имеют способность притягивать слушателей, легко запоминаться.
2) Песни популярны: студенты слышат их не только на занятии, но и в повседневной жизни, что способствует удерживанию лексико-грамматических конструкций в памяти. Понимание причин популярности песни среди носителей языка способствует успешной культурной адаптации.
3) Тексты песен отражают современную культуру: актуальные темы, реалии и мировоззрение, нормы поведения, лексическое наполнение.
4) Поп-музыка представляет собой широкий спектр музыкального материала: от очень простых и незамысловатых текстов до полноценных лирических произведений классиков русской литературы и современных авторов. Этот факт дает возможность делать выборку песенного материала для всех этапов и уровней изучения РКИ.

Однако следует отметить, что работа с данной группой песен требует проведения четкого отбора песенного материала так как:

1) В текстах часто встречаются отступления от норм литературного русского языка.
2) Нужно учитывать степень “засоренности” песен сниженной лексикой.
3) Простота некоторых песен не несет большой культурно-эстетической нагрузки, но может быть использована для отработки определенных грамматических явлений.
4) Следует учитывать возможность конфликтов мировоззрений, так как некоторые реалии и традиции культуры могут быть неправильно восприняты иностранными студентами.

Результат анализа музыкальных предпочтений студентов показал, что:

1) Студенты из стран Африки предпочитают позитивные, ритмичные композиции (В. Брежнева, группа *Звери*, Натали).
2) Студенты арабских стран отдают предпочтение стилизованным восточным мелодиям (А. Руссо, Согдиана, группа *Блестящие*, группа *Кабриолет*).
3) Индийским студентам нравятся спокойные, плавные мелодии (Алсу, Ани Лорак, В. Дайнеко).
4) Студентам из Туркменистана импонирует творчество большинства русскоязычных эстрадных исполнителей.

Материал популярных песен позволяет использовать его для работы над всеми уровнями языка. На фонетическом уровне песня *Кафешка* (А. Пугачева и М.

Галкин) предоставляет нам возможность отработать артикуляцию зачастую сложного для иностранных студентов звука [р] и других сочетаний согласных звуков за счет того, что куплеты построены на употреблении стилистического приема аллитерации. Например:

Ты // Го**рд**ая такая – **взлёт**,
Тве**рд**ая такая – **лёд** [т],
Холодная такая.
Ты // **Гр**омкая такая – **гр**ом,
Же**стк**ая такая – о**бл**ом,
Не подходи ко мне (…)[14].

Также в песне представлен удачный материал для отработки акцентологических норм: ударные слоги приходятся на длинные или удлиненные ноты: «Но за ст**ó**ликом в люб**ú**мой каф**é**шке…».

Текст песни содержит слова со сниженным стилистическим значением – *облом, столик, кафешка.* Тем не менее, использование такого рода учебного материала в учебном процессе представляется нам оправданным, поскольку данная группа слов входит в повседневное дискурсивное пространство. Более того, на продвинутом этапе обучения подобный песенный материал позволяет акцентировать внимание обучающихся на разграничении норм русского литературного языка и разговорной речи

Кроме того, текст песни позволяет поработать над родом прилагательных, обогатить их сочетаемостный ряд, проанализировать ситуации употребления тропов (метафоры) и фигур речи (сравнения). Например:

Ты // Очень тонкая струна,
Очень странная страна,
Свободная страна такая.

Таким образом демонстрируются стереотипные представления о женской натуре, характерные для русского менталитета: женщина воспринимается утонченной, своеобразной, загадочной для мужчин.

При этом песня *Кафешка* мелодичная, шутливая, легко запоминается и не вызывает сложностей в восприятии.

Песня *Зайка моя* (Ф. Киркоров) используется при изучении морфемного уровня русского языка и словообразовательных норм, так как ее текст состоит преимущественно из слов мужского и женского рода с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*-ик-, -ок-, -ек-; -к-*). Например:

Зай**к**а моя! Я твой зайч**ик**.
Руч**к**а моя! Я твой пальч**ик**.
Рыб**к**а моя! Я твой глаз**ик**.
Бань**к**а моя! Я твой таз**ик**.

---

[14] Здесь и далее тексты песен цитируются по материалам Интернет-портала «Караоке. РУ». См. *Караоке по-русски. Петь песни на karaoke.ru*. [Online] <http://www.karaoke.ru/> (10.06.2014).

Кроме того, строки песни выстроены по принципу бинарных оппозиций «целое–часть», что способствует организации лексико-семантических групп слов в сознании обучающегося.

Солнце мое! Я твой **лучик**.
Дверца моя! Я твой **ключик**.
Ты **стебелек**, я твой **пестик**.
Мы навсегда с тобой вместе!
Зайка моя!

Припев позволяет легко запомнить конструкцию сложноподчиненного предложения с союзом *потому что*:

Я ночами плохо сплю,
Потому что я тебя люблю,
Потому что я давно-давно тебя люблю!

Тему падежных форм личных и отрицательных местоимений легко закрепить с помощью песни *Я – это ты, ты – это я* (М. Насыров). Например:

Я – это **ты**, **ты** – это **я**,
И **никого** не надо **нам**.
Все, что сейчас есть **у меня**,
Я лишь **тебе** одной отдам.

Данный песенный материал рекомендован для начального этапа обучения, так как эта песня имеет приятную мелодию, небыстрый темп и довольно простую лексику. Как показывает практика, эта песня легко усваивается на занятии: студенты с большим удовольствием поют ее на уроке и за пределами учебной аудитории.

Зачастую сложности при изучении русского языка у студентов-иностранцев вызывает видовременная система глаголов. Закрепление знаний по теме *Глаголы настоящего и простого будущего времени* можно провести при помощи песни *Горький шоколад* (группа *Тутси*). Куплеты изобилуют глаголами в данных формах:

Тебе **звоню** много раз,
Звоню каждый час,
Но **получаю** отказ,
Снова отказ.
Ах, сколько здесь лишних фраз,
Я **брошу** трубку сейчас,
Пойду на кухню и **выпью**
Горький шоколад, сладкий чай (…).

Для закрепления темы *Прошедшее время глагола* очень хорошо подходит материал песни *Понимаешь* (группа *Фабрика*). Лексика песни несложная, все глаголы в куплетах, кроме *понимаешь* и *знаешь*, употреблены в форме прошедшего времени, четко прослушивается ударное окончание у глаголов женского рода. Например:

Понимаешь, он **ушел** тогда назло,
Понимаешь, **не нашел** тогда он слов.
Ты не знаешь, просто вам **не повезло**,
Было может, но **прошло**, понимаешь, понимаешь?!
Понимаешь, он **ушел**, а я **ждалá**,
Понимаешь, я родителям **вралá**,
Ты же знаешь, он **ушел** – и жизнь **ушлá**,
Но весна меня **спаслá**.

Песня *Букет* (А. Барыкин) может послужить удачным материалом для изучения темы *Будущее время глагола. Простая и сложная формы будущего времени*. Практически все глаголы пени имеют форму будущего времени. Например:

Я **буду** долго **гнать** велосипед.
В глухих лугах его **остановлю**.
Нарву цветов и **подарю** букет
Той девушке, которую люблю (…).

В ходе работы над этой песней обучающиеся имеют возможность не только закрепить изученный материал, расширить свой лексико-грамматический запас, но и обогатить свой внутренний мир, так как текст песни представляет собой пример прекрасного лирического стихотворения Н. Рубцова.

Песнями *Улыбнись* (Витас) и *Будь или не будь!* (А. Пугачева и М. Галкин) можно разнообразить изучение темы *Наклонения глаголов в русском языке*. Кроме того, песня *Улыбнись* состоит из трех синтаксических конструкций: сложноподчиненное предложение с союзом *если*: «Улыбнись, если дождь за окном не кончается»; сложносочиненное предложение с союзом *и*: «Улыбнись — и печаль стороною пройдет»; бессоюзное сложное предложение: «Улыбнись — дождь пройдет, и земля в свет оденется». Кроме того, песня позволяет отработать разницу в оттенках значений условия, неожиданного вывода и последовательной смены событий. Несмотря на небольшой объем текста песни, она является очень содержательной в плане изучения художественной речи. На ее примере можно объяснить такое понятия, как олицетворение: «счастье спряталось», «душа поцарапалась», «земля оденется», «печаль пройдет».

Изучение на занятии по РКИ песни *Будь или не будь!* гарантирует отработку не только повелительного наклонения глагола *быть*, но и сопряженной с ним конструкции творительного падежа в значении *быть кем / чем*? и *быть с кем?* Например:

Будь со мной мальчиком, пушистым **зайчиком**,
Хрупкою **деточкой** или не **будь со мной**.
Будь со мной **мастером**,
Будь со мной **гангстером**,
Я **буду девочкой**, или не **будь со мной**.
Будь или **не будь**, **делай** же что-нибудь,
Будь или **не будь**, **будь** или **не будь** (…).

Еще одной песней, позволяющей лучше усвоить специфику синтаксических конструкций в сложноподчиненных предложениях, является песня *Я спросил*

у ясеня из кинофильма *Ирония судьбы, или С легким паром!* Текст выстроен по принципу синтаксического параллелизма и демонстрирует особенности вопросно-ответной формы:

Я **спросил** у ясеня, **где** моя любимая,
Ясень **не ответил мне**, качая головой.
Я **спросил** у тополя, **где** моя любимая,
Тополь забросал меня осеннею листвой.
Я **спросил** у осени, **где** моя любимая,
Осень мне **ответила** проливным дождем.

Отрабатываются случаи глагольного управления с родительным падежом *спрашивать / спросить у кого? у чего?*

На продвинутом уровне обучения языку текст этой песни можно использовать для объяснения особенностей русской картины мира. Русскому человеку (славянину) присуще одухотворение и сакрализация природы, очеловечивание Космоса, поэтому лирический герой стихотворения В. Киршона ведет диалог с деревьями (ясенем, тополем), дождем, месяцем, облаком и осенью. Более того, в тексте особым образом раскрывается тема дружбы и предательства (друг лирического героя женится на его возлюбленной), что также может использоваться как пример проявления особенностей русского национального менталитета.

Текст песни *Если у вас нету тети* может служить материалом для закрепления знаний по теме *Родительный падеж существительных единственного числа* в значении отрицания наличия (со словом *нет*) и принадлежности (*у кого есть что / нет чего?*). Например:

Если **у вас нету** дома, пожары ему не страшны,
И жена не уйдет к другому
Если **у вас**, если **у вас**
Если **у вас нет жены**
Нету жены.

Текст куплетов состоит из сложноподчиненных предложений с придаточной условия с союзом *если…, то…*, что дает возможность познакомить обучающихся с особенностями построения и употребления данных конструкций в речи. Например:

Если у вас нету тети, **то** вам ее не потерять,
И **если** вы не живете,
То вам и не, **то** вам и не,
То вам и не умирать,
Не умирать.

Несмотря на то, что слово *нету* является просторечием и не входит в литературный язык, его использование на занятиях позволяет англоговорящим иностранным студентам лучше усвоить и понять семантическую разницу между отрицанием наличия (соответствует английской конструкции *have not*) и отрицанием вообще (английское слово *no*), выражающимися в русском языке словом *нет*.

В нашей практике песни используются на завершающем этапе изучения конкретной темы — «песня может быть использована как эффективное средство закрепления и повторения нового грамматического материала»[15]. Как правило, работа с песней предваряется детальным разбором языкового явления с тем, чтобы студенты могли самостоятельно идентифицировать его в песенном материале. Далее следует выполнение предтекстовых заданий, благодаря чему студенты усваивают новую лексику и подготавливаются к восприятию песенного материала. В систему предтекстовых заданий входят упражнения, направленные на развитие лингвистической догадки, а также составление словаря и толкование некоторых выражений, встречающихся в тексте песни. Дополнительно вводится страноведческая информация. Далее следует совместное чтение текста песни с постановкой звуков и интонации, а также обсуждение содержания песни. Следующий этап — прослушивание песни. Затем песенный материал выступает в качестве тренажера, который позволяет отработать и закрепить полученные языковые знания, при этом положительный эффект дает использование программы *Караоке*, которая одновременно задействует два канала восприятия информации: аудиальный (студенты слушают голос исполнителя и мелодию) и визуальный (студенты видят слова песни, которые графически выделяются в определенный момент).

Исследователи выделяют различные виды тренировочных упражнений, основанных на песенном материале[16]:

а) Рецептивные упражнения: поиск определенных лексических единиц при прослушивании; идентификация грамматических форм в потоке речи.

б) Реконструктивные упражнения: восстановление текста песни; лексическое восстановление слов по теме; орфографическое восстановление; грамматическая реконструкция глагольных форм; культурологическое восстановление (запись имен собственных, географических названий и т.п.).

в) Репродуктивные упражнения.

г) Творческие упражнения.

Завершением работы является самостоятельное исполнение песни. Можно повторить песню один-два раза, чтобы новый материал, который встретился при работе с ней, запомнился прочно и нужные речевые навыки сформировались в достаточной степени.

Таким образом, при обучении иностранному языку песня выполняет следующие функции:

1) Обучающая (совершенствуется произношение, усваивается лексика, расширяется активный и пассивный словарь студента, идентифицируются и ак-

---

[15] Е. Шурупова. *Использование песенного материала на уроке французского языка в средней и старшей школе.* [Online] <http://www.teacherjournal.ru/shkola/franczuzskij-yazyk/1292-ispolzovanie-pesennogo-materiala-na-uroke-franczuzskogo-yazyka-v-srednej-i-starshej-shkole.html> (14.06.2014).

[16] Л.А. Тархова, О.В. Асланян, М.Г. Большакова. *Песенный материал как средство создания мотивации учащихся к изучению французского языка.* «Вісник СевНТУ» 2010. Бип. 105: Педагогіка, с. 52–56.

тивизируются грамматические конструкции; развивается навык чтения, а также навыки устной речи).

2) Развивающая (развиваются творческие способности, музыкальный слух, формируется эстетический вкус, расширяется кругозор).
3) Образовательная (студент получает дополнительные знания о культуре страны изучаемого языка).

Песенный и музыкальный материал может успешно использоваться не только при обучении грамматическим аспектам языка, но и при формировании речевой деятельности, особенно устной речи. Также песенный материал играет важную роль при формировании культурологической компетенции у иностранных студентов.

Организация регулярной работы с песнями существенно облегчает процесс обучения русскому языку как иностранному, как для преподавателя, так и для студентов. Также необходимо знать особенности применения песен как методического приема, главные критерии их отбора для занятий по РКИ, цели их использования, этапы работы с песнями. Для поддержания интереса учащихся к данному виду работы рекомендуется менять формы работы с песней, разрабатывать новые виды заданий и упражнений, использовать раздаточный материал.

Литература

Арутюнов А.Р. *Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев*. Москва: Русский язык, 1990.

Гебель С.Ф. *Использование песни на уроках иностранного языка*. «Иностранные языки в школе» 2009, вып. 5, с. 28–31.

Забиров И.Д. *Современные формы обучения. Современны формы обучения в ТГУ*. [В:] *Инновации в образовании. Сборник научных трудов. II открытой научно-практической конференции молодых специалистов предприятий и организаций городского округа Тольятти 29 апреля 2008 г.* Тольятти: ОАО «Куйбышев Азот», 2008. [Online] <edu.tltsu.ru/sites/sites_content/site125/.../01_07_Innovacii_v_obr.doc> (10.08.2014).

Идрисова А.М. *Песенный материал в методике преподавания русского языка как иностранного*. [В:] *Социализация и межкультурная коммуникация в современном мире*. Ред. М.А. Исакова. Красноярск: Издательство Красноярского государственного университета им. В.П. Астафьева, 2011.

Какорина Е.В. *Социокультурный аспект песенных материалов*. [Online] <http://www.gim29.tomsk.ru/files/img/13_publ.doc> (12.06.2014).

Какорина Е.В., Савченко Т.В.. *О базовых принципах и методах преподавания РКИ в школе*. [Online] <http://rus.1september.ru/view_article.php?ID=200900713> (14.06.2014).

Клобукова Л.П., Гудков Д.Б. *Обучение русскому языку как иностранному в условиях современного социального контекста общения*. «Вестник Московского университета» 2001. Серия 9. Вып. 6, с. 244–257.

Лебединский С.И. *Теория и методика обучения русскому языку как иностранному: психолого-лингвистические и лингвометодические аспекты*. Минск: Белорусский государственный университет, 2005.

Потапенко Т.А. *О некоторых результатах отбора песен для преподавания РКИ методом опроса.* [В:] *Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы*. Ред. К.Р. Галиуллин. Казань: Издательство Казанского университета, 2004.

Рерденова Л.Н. *Использование песен для развития памяти учащихся на уроках английского языка*. [Online] <http://rudocs.exdat.com/docs/index-137017.html> (12.06.2014).

Тархова Л.А., Асланян О.В., Большакова М.Г. *Песенный материал как средство создания мотивации учащихся к изучению французского языка*. «Вісник СевНТУ» 2010. Вип. 105: Педагогіка, с. 52–56.

Шурупова Е. *Использование песенного материала на уроке французского языка в средней и старшей школе.* [Online] <http://www.teacherjournal.ru/shkola/franczuzskij-yazyk/1292-ispolzovanie-pesennogo-materiala-na-uroke-franczuzskogo-yazyka-v-srednej-i-starshej-shkole.html> (14.06.2014).

LITERATUROZNAWSTWO
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
LITERARY SCIENCE

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 239–247

МЕЖДУ ПОЭТИКОЙ И ПОЭЗИЕЙ. НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ О СТИХАХ ГЛЕБА ГЛИНКИ

FRANCISZEK APANOWICZ

Profesor Emeritus, Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: frapan@wp.pl
(nadesłano 9.11.2014; przyjęto 30.11.2014)

Abstract

Between poetics and poetry.
A few remarks about poems by Gleb Glinka

The article is an attempt of deepened reading of a few chosen poems by Gleb Glinka, the Russian poet of the second emigration wave. As a professional literary scholar, dealing with the poem theory in particular, he was familiar with all versification techniques and used to apply them in his poetry with great mastery. In his poetic arsenal he had lexical games (juggling with the meaning of words), syntax innovations, as well as different intertextual references: irony, pastiche, parody, literary polemics, numerous reminiscences etc. Although he stood on a traditional ground of poetics rules, in reality Glinka was in fact modern, more often than not using poetic means of avant-garde and post avant-gardism.

Key words

The second emigration wave, poem theory, avant-garde, lexical games, intertextual references, irony, parody, literary polemics.

Abstrakt

Między poetyką a poezją. Kilka uwag o wierszach Gleba Glinki

Artykuł jest próbą pogłębionego czytania kilku wybranych wierszy Gleba Glinki, rosyjskiego poety emigracyjnego drugiej fali. Jako profesjonalny literaturoznawca, w szczególności zajmujący się teorią wiersza, doskonale znał wszystkie techniki wersyfikacyjne i stosował je w swojej poezji z dużą maestrią. Do arsenału jego chwytów poetyckich, nie tylko wersyfikacyjnych, należą między innymi gry leksykalne (żonglowanie znaczeniami słów), innowacje składniowe, a także różnego rodzaju nawiązania intertekstualne: ironia, pastisz, parodia, polemika literacka, rozliczne reminiscencje itp. Mimo iż wyznawał on tradycjonalistyczne poglądy na zasady poetyki, w swojej praktyce poetyckiej jest Glinka w istocie nowoczesny, nierzadko czerpiąc ze środków poetyckich awangardy i nurtów postawangardowych.

Słowa kluczowe

Druga fala emigracji, teoria wiersza, awangarda, gry leksykalne, nawiązania intertekstualne, ironia, parodia, polemika literacka.

Настоящие рассуждения являются своего рода продолжением статьи, напечатанной в недавно опубликованном сборнике[1]. Поэтому решил не говорить о его биографии, хотя она мало знакома польскому читателю, даже в профессиональных кругах. Просто я хочу здесь сделать попытку углубленного чтения некоторых его стихотворений в контексте некоторых его теоретических высказываний, без особых разглагольствований. На это именно указывает заглавие этой статейки.

Сначала я только напомню, что Глеб Глинка, по словам некоторых писавших о нем критиков, был профессиональным литературоведом, теоретиком стиха, учился в литературно-художественном институте Валерия Брюсова (чем гордился до конца жизни), а в тридцатые годы работал старшим консультантом в издательстве «Советский писатель» и преподавал в Литературном институте в Москве: читал лекции по теории литературы и вел практические занятия по теории стиха и художественной прозы[2], а в конце тридцатых годов якобы готовил к печати серьезный трактат по теории стиха, но рукопись до сих пор не

---

[1] F. Apanowicz. *Pod prąd czy z prądem? Uwagi o życiu i twórczości Gleba Glinki*. [B:] *Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX i XXI wieku. Tom jubileuszowy dedykowany profesor Halinie Waszkielewicz.* Red. A. Skotnicka, J. Świeży. Seria Rosja — Myśl — Słowo — Obraz. T. XVII. Kraków: Scriptum, 2014, s. 307–323.

[2] В.М. Акимов. *Глинка Глеб Александрович.* [B:] *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь*. В 3 т. Под общей редакцией Н.Н. Скатова. Москва: Олма-Пресс Инвест, 2005, т. 1, с. 501.

обнаружена[3]. В США он тоже не продолжал работы над такого рода трактатом, хотя написал, например, большое исследование-воспоминание о Перевале.

В одном из программных стихотворений *Истоки* он без стеснения заявлял о своем профессионализме в области поэтического мастерства: «В поэзии я знаю толк», выделяя затем главные положения своей поэтической программы, как убеждение о необходимости мастерства («Без мастерства не обойтись // Ни акробату, ни поэту»), но в то же время и о роли интуиции в поэтическом творчестве («В словесных дебрях старый волк // Чутьем находит вдохновенье»), а также о взаимосвязи значений слов с ритмом и интонацией, или, говоря иными словами, из совсем другого лексикона, чем словарь Глинки, но все же знакомого ему и, более того, не так уж чуждого – о взаимосвязи парадигматики и синтагматики: «В стихах вне ритма колдовства // Расчеты замысла бессильны. // Глухие, нищие слова – // Как надпись на плите могильной»[4].

Подобные вопросы поднимает Глинка и в своих публицистических выступлениях. В одном из них, характеризуя творческий труд поэта, он почти дословно повторяет некоторые определения из этого стихотворения. Поэт, утверждает он, «озабочен содружеством замысла с формой и обязан считаться с капризами словесного и звукового материала, который предъявляет ему свои законные претензии»[5]. В очерке *Пути к Парнасу* он сравнивает слово, в его звуковой структуре, понимаемое как материал, из которого создается стихотворение, с материалом скульптора и художника живописца, убеждая, что оно вовсе не является пассивным, нейтральным, но готово оказать сопротивление художнику и заставить его изменить свой замысел (а даже, может быть, *изменить своему замыслу*). Автор, пишет он, «обязан считаться и уступать капризам материала. Мрамор, звук, цвет и свет предъявляют свои, иногда весьма решительные требования»[6]. Итак, уже «в самом созидательном процессе происходит деформация замысла под давлением материала». Глинка идет далее и убеждает, что поэт вовсе не вкладывает готовое, заранее, перед творческим актом придуманное содержание в тоже готовые уже формы, «и замысел, и форма рождаются одновременно в том ритмическом дрожании, которое обычно уже предваряет процесс созидания». Именно на этом пути «поэт ищет и находит полные живых звуков слова для выражения только своего и обязательно по-своему звучащего явления»[7].

Примечательно, что последнее утверждение в деталях совпадает с признаниями других русских поэтов XX века, которые пытались понять процесс созидания стихотворения и описать его, например, Владимира Маяковского, Осипа Мандельштама и Варлама Шаламова[8]. Они указывали на решающее значение

---

[3] Е. Витковский. *Наедине с Собой*. [В:] Г. Глинка. *Погаснет жизнь, но я останусь. Собрание сочинений*. Томск — Москва: Водолей Publishers, 2005, с. 367.

[4] Г. Глинка. *Погаснет жизнь...*, с. 7.

[5] Е. Витковский. *Наедине с Собой...*, с. 374.

[6] Г. Глинка. *Погаснет жизнь...*, с. 350.

[7] Там же, с. 348; 349.

[8] См. В. Маяковский. *Как делать стихи?* [В:] Его же. *Избранные произведения. В двух томах*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955, т. 2, с. 459–467;

звуковых ощущений в процессе формирования первых импульсов рождающегося художественного замысла.

Также в «конечном результате», в готовом стихотворении, считает Глинка, форма неотделима от содержания, а «примитивное», хотя и до сих пор практикуемое «деление художественного произведения на форму и содержание, на технику и тематику — порочно и бессмысленно»[9].

Поэтическое творчество, как и любое другое, это, по его мнению, сумма вдохновения и художественного мастерства, умения, или, уточняет он, соединение интуиции и чисто рационального контроля. Таким образом Глинка модифицирует моцартианскую теорию искусства, обязывавшую в «Перевале», одинаковое значение привязывая к таланту и ремеслу — как двум крыльям, необходимым для полета. Эту тему разрабатывает он также в художественном произведении — сонете *Два крыла*. Составляет его, по сути дела, ряд сталкиваемых друг с другом, как в зеркальном отражении, высказываний о таланте и мастерстве, умении поэта и волшебстве стиха, вдохновении и ремесле. Первый катрен открывают слова, представляющие собой своеобразное доказательство от противного:

Не признавая ремесла поэта,
Нельзя надеяться на колдовство.

Инициальная позиция этих слов во всем стихотворении делает их особо значимыми, они звучат до конца сонета, заставляя увидеть все остальное как их вариации. Начальные слова второго катрена уже прямо говорят, что необходимо подлинной поэзии: «Необходим талант и мастерство», только оба вместе гарантируют, так сказать, «волшебство», оно же «колдовство», казалось бы, чуждое таким понятиям, как ремесло или даже мастерство. Терцеты, как в зеркальном отражении, повторяют эти утверждения и как будто возводят их в квадрат:

Плоды безграмотного вдохновенья
Не слаще бесталанного уменья.

Оба выражения — «безграмотное вдохновенье» и «бесталанное уменье» — антитечины и снова же представляют собой доказательство от противного, подводя к итогу в последней строчке первого катрена («Победа мастерства искусству впрок») и общего вывода всего сонета:

Гармонии и синтеза залог:
Двуликий Янус — Моцарт и Сальери[10].

В этом образе синтезу двух начал в творческом процессе отвечает соединение двух лиц художников — вдохновенного творца Моцарта и трудяги на поле

Б. Сарнов. *Заложники вечности. Случай Мандельштама.* серия Символы времени. Москва: Аграф, 1990, с. 30; В. Шаламов. *Поэзия — всеобщий язык.* «Литературное обозрение» 1989, № 1, с. 100–103.

9 Г. Глинка. *Погаснет жизнь...*, с. 348.

10 Там же, с. 133.

искусства Сальери — в обличье единого двуликого римского бога, обозревающего одновременно прошлое и будущее.

В своих очерках Глинка ставит и более фундаментальные вопросы, касающиеся самой сущности поэзии, что это такое поэзия, почему один текст считаем поэзией, а другого, даже рифмованного, — нет, где, как он выразился, «пролегает та едва уловимая граница между поэзией и просто гладкими и даже красивыми стихами о природе, о любви, о чем хотите»[11]. В поисках ответа обращается к разным авторам, но удовлетворительного ответа не находит. Точными показателями можем оперировать в теориях стиха, где, отмечает он, «есть определенные доказательства ритмического богатства, полноты рифмы, силы ассонанса и многого другого», но они не пригодны для оценки поэзии. И он приходит к выводу, что у каждого поэта есть, вероятно, свое интимное понимание поэзии, и признается, что для него поэзия — это душа формы, являющаяся частицей души автора внутри художественного произведения, где она живет самостоятельной жизнью, «принимая в себя дуновения иных времен, чувств и ощущений от своих зрителей, слушателей и читателей». Высшее, наиболее полное проявление формы это для него стиль, который готов понимать по Василию Розанову — как «то место, где Бог поцеловал вещь»[12]. Надо заметить, что все это было сказано Глинкой в своеобразном введении к рассуждениям о единстве формы и содержания в художественном произведении.

Чистейшим видом искусства слова поэт считал лирику, поэзию эпическую он не признавал, оппозицией прозе была для него не поэзия в целом, а именно лирика. В лирическом стихотворении, в отличие от прозы и даже от от поэтического эпоса и сатиры, по его убеждению, невозможны малейшие вкрапления дидактики или проповедничества, так как они убили бы в них поэзию. Подлинная лирика для него «прежде всего трагедийна. Путь ее — это познание самого себя, а цель — выход из себя и через себя к высшей Истине»[13]. В то же время он считал, что поэт не является полным хозяином своих произведений, и даже допускал возможность, что каким-то таинственным образом художественное произведение может подняться на такие духовные высоты, о каких его создатель не мог бы и подумать[14].

Из вышесказанного вытекает, что взгляды Глинки на поэзию и на искусство вообще не являютя лишь отзвуком перевальских идей, хотя он не только был членом «Перевала» до конца его дней, но и ценил главных его деятелей, писателей и критиков, а особенно Александра Воронского. Есть в них, конечно, точки соприкосновения с этими идеями, но есть точки соприкосновения и с некоторыми символистскими понятиями, возможно, благодаря обучению у Брюсова, которого он боготворил. Свое отношение к Брюсову он выразил в упоминаемом уже программном стихотворении:

---

[11] Там же, с. 345.

[12] Там же, с. 346.

[13] Г. Глинка. *Соба*. [В:] Его же. *Погаснет жизнь...*, с. 356.

[14] Г. Глинка. *Пути к Парнасу*. [В:] Его же. *Погаснет жизнь...*, с. 350.

Среди марксистской шелухи,
В эпоху примитивных вкусов
Меня учил писать стихи
Валерий Яковлевич Брюсов.

Но то, что собственно его, его собственное, что он, впрочем, на каждом шагу подчеркивает, это традиционализм, даже консерватизм во взглядах, что ярко выражено в его критике романа Бориса Пастернака *Юрий Живаго*. Он посвятил роману специальную статью, написанную в мае 1959 года, на следующий год после признания писателю Нобелевской премии, не весьма большую, но весьма едкую, о чем свидетельствует уже ее заглавие *Голый король*[15].

Глинка критикует и форму романа, «не выдерживающую никакой критики», и «тщедушный идейный багаж», забывая о том, что, по его же словам, «деление художественного произведения на форму и содержание, на технику и тематику — порочно и бессмысленно». Композицию романа считает «небрежной и рыхлой», «недостаточно прояснены» сюжетные линии, а хуже всего в нем то, что «беспорядочное смешение различных жанров окончательно препятствует какой бы то ни было завершенности всего произведения в целом»[16]. Упрекает автора и в «бессознательном смешении различных стилей, в результате чего кажется, что роман написан как бы вчерне и представляет собой, по сути дела, лишь «груду отдельных набросков и заметок. Действия в романе немотивированны, персонажи схематичны и мертвы, и сам доктор Живаго «вызывает образ не гения, а типичного графомана»[17]. Даже среди «самых ярых» поклонников «нового гения», иронизирует автор статьи, некоторые были вынуждены признать «схематичность изображения людей, абстрактность письма и отсутствие логичности в развитии действий». К тому же весь текст романа увешан какими-то пустыми, ненужными побрякушками.

Нельзя не заметить, что эта критика пристрастна и несправедлива, Глинка преувеличивает, а часто искажает черты романа, отличающие его от девятнадцативечного аукториального романа, от которого отошла уже к тому времени вся европейская литература. Глинка впрочем замечает эту тенденцию, но не принимает ее, резко атакуя ее и утверждая, что роман Пастернака является свидетельством порочности нашего времени, плодом нашей беспочвенной эстетики, которая окончательно зашла в тупик. Это «грехопадение» русской и европейской эстетики «берет свои истоки», по его мнению, от эпохи Ренессанса. С тех пор, утверждает он, «искусство постепенно потеряло свою религиозную основу» и «стало служить не Богу, а самому себе», жрецы нового искусства стали поклоняться «красоте во имя красоты», а «эстетика создавала культ самого искусства, обожествляя его и преклоняясь перед ним». Основной же целью новой эстетики стало наслаждение[18].

---

15 Там же, с. 321–333.
16 Там же, с. 323.
17 Там же, с. 327.
18 Там же, с. 332.

Если даже, с существенными оговорками, согласимся с некоторыми историософскими положениями Глеба Глинки, то необходимо отметить, что он и здесь не избежал многих преувеличений и искажений. Ведь не вся литература до Ренессанса, в частности, Средневековая, была религиозной или имела религиозную основу. С другой же стороны, несмотря на свои высказывания, сам Глинка принадлежит все же к современной парадигме в литературе, со всеми ее «грехами» и внерелигиозными культами.

Его упреки, как по отношению к роману, так и к стихам Пастернака, касались прежде всего всяческих отступлений от классических образцов и норм и наличия ненужных, даже вредных, авангардных «побрякушек». Это может означать, что он сам в своих стихах всегда следовал классическим нормам и избегал всяких побрякушек. Тем временем совсем наоборот, у него тоже встречаем примеры стилизации, а даже пародии и различных словесных и синтасических игр. Они наблюдаются не только в его стихах, но и в публицистических текстах. Так, например, уже заглавие одного из его очерков, *Соба*, впрочем, являющегося по сути дела введением к его стихотворениям, представляет собой пример именно такой игры, в которой разрушаются грамматические принципы для того, чтобы дойти до такой правды о самом себе, до которой иначе дойти невозможно. К тому же, именно в этом очерке автор признается, что он не стоит «в стороне от современности» и что «она временами против [его] желания врывается в [его] лабораторию»[19]. Это же название не один раз использовалось также в стихотворениях Глинки. Итак, в стихотворении *Игра с Собой* заводится словесная игра, в которой не имеющее именительного падежа возвратное местоимение «себя» в творительном падеже начинает восприниматься как имя существительное в этом же падеже и ставится в именительный падеж в форме «соба». В результате оно начинает обозначать лицо, личность, а в стихотворении выстраивается убедительный и сильный образ внутренней борьбы как противоборства двух лиц, который в этой сюрреалистической картине наслаивается, в свою очередь, на простую смену падежей и частей речи, а те, на другом уровне, снова же связываются, путем весьма тонких и изощренных поэтических преобразований, близких бравурным словесным эксцессам Владимира Маяковского, с мыслью о сущности человеческого бытия. Я не могу сдержаться и не процитировать это весьма интересное стихотворение:

Шпаны словесной голытьба
Живет вне норм и статики:
Сама собой встает соба
Наперекор грамматике.
Строптивая соба полна
Возвратным самомнением,
Хоть называется она
для всех — местоимением.
Тут именительный падеж
Дает случайный выигрыш,

[19] Там же, с. 357.

Но на победу нет надежд,
Сам из себя не выпрыгнешь.
С собой покончить нету сил —
Живуча, окаянная,
Ведь столько лет ее носил
Под сердцем постоянно я[20].

Стихотворение *Соба* основано на таком же принципе, но оно менее удачно от только что услышанного. Кажется надуманной параллель *соба — собака* в первой строчке, не имеющая продолжения в стихотворении и по сути дела непонятная. В малейшей степени не затронет читателя банальная фраза, что «кое-кто умеет пить» с собой, «топя тоску в вине», и что «Соба дана судьбой», а также весьма сомнительные назидания типа «доволен будь собой» или «торговать собой — позор». Не спасает положения и чуть удачнее, хотя слишком многословно, обыгранное выражение из последней строчки «покончить с собой».

Мне не хочется *покончить* со своим докладом в таком не слишком благоприятном для героя моих заметок месте, поэтому коснусь еще двух стихотворений, целиком построенных на блистательной словесной игре и полемически обращенных к (не против) стихотворению Анны Ахматовой *Мне ни к чему одические рати...*, в котором есть общеизвестные слова

Когда б вы знали, из какого сора
Растут стихи, не ведая стыда

тоже полемического по отношению к высокопарному стилю в поэзии, который обозначен в нем выражениями «одические рати» и «прелесть элегических затей», очень тонко такой стиль дисквалифицирующими. Читаем там, что «в стихах все быть должно некстати, // Не так, как у людей», то есть, по сути дела, все должно быть дисгармонично, но именно благодаря этому создается новая гармония, в завершении стихотворения читаем:

И стих уже звучит, задорен, нежен,
На радость вам и мне[21].

В стихотворении же Глинки *Лопухи*, в заглавии которого стоит одно из стержневых слов из произведения Ахматовой, стих рождается тоже среди сора, но дальше все идет к другому разрешению, в котором нет всеобщей радости, ибо он «многим не по нраву». И путь к этому лирическому пуанту ведет «через союз раздора», причем выражение «союз раздора» на глазах читателя, тут же, сменяются союзом «но», в чисто грамматическом смысле, который, однако, и означает несогласие, раздор. Здесь тоже использована изящная оксюморонная игра, в которой внутри тождества, как в матрешке, скрыто противоречие, несогласие, а оно, в свою очередь, означает то, что «многим не по нраву», то есть свое, неповторимое творчество.

---

20 Г. Глинка. *Борьба с Собой*. [В:] Его же. *Погаснет жизнь...*, с. 135.

21 А. Ахматова. «*Мне ни к чему одические рати...*». [В:] А. Ахматова. *Сочинения*. Ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппов. Т. I. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. Вашингтон: Международное литературное содружество, 1967, с. 251.

Второе стихотворение Глеба Глинки — *Прибавление семейста*,[22] тоже полемически связано с этим же стихотворением Ахматовой множеством реминисценций. Начинается оно с пародийной картины, изображающей стоящего под забором, а одновременно на перекрестке, потерянного поэта, который наблюдает, как из сора растет классический сонет. Далее сюжет развивается, так сказать, по программе *откуда берутся дети*: здесь есть и образ грудного ребенка, найденного в капусте, к которому приравниваются стихи, и превосходный метафорический эпитет *аист вдохновенья*, который приносит поэту, прямо в постель, *узор стихотворения* — здесь возникает превосходная визуальная метафора, прямо показывающая силуэт аиста, несущего узор стихотворения.

Эти беглые наблюдения, надеюсь, ясно показывают, что стихией Глеба Глинки была игра, сложные, многоэтажные реминисценции, ирония, пародия, цитаты и квази-цитаты, то есть все то, что очень любил XX век, а также убеждение в том, что подлинная поэзия всегда идет против течения.

Литература

Apanowicz F. *Pod prąd czy z prądem? Uwagi o życiu i twórczości Gleba Glinki*. [B:] *Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX i XXI wieku. Tom jubileuszowy dedykowany profesor Halinie Waszkielewicz*. Red. A. Skotnicka, J. Świeży. Seria Rosja — Myśl — Słowo — Obraz. T. XVII. Kraków: Scriptum, 2014, s. 307–323.

Акимов В.М. *Глинка Глеб Александрович*. [B:] *Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Биобиблиографический словарь*. В 3 т. Под общей редакцией Н.Н. Скатова. Москва: Олма-Пресс Инвест, 2005.

Ахматова А. *«Мне ни к чему одические рати...»*. [B:] А. Ахматова. *Сочинения*. Ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппов. Т. I. 2-е изд., пересмотренное и дополненное. Вашингтон: Международное литературное содружество, 1967, с. 251.

Витковский Е. *Наедине с Собой*. [B:] Г. Глинка. *Погаснет жизнь, но я останусь. Собрание сочинений*. Томск — Москва: Водолей Publishers, 2005.

Маяковский В. *Как делать стихи?* [B:] Его же. *Избранные произведения. В двух томах*. Москва: Государственное издательство художественной литературы, 1955, т. 2, с. 459–467.

Сарнов Б. *Заложники вечности. Случай Мандельштама*. серия Символы времени. Москва: Аграф, 1990, с. 30; В. Шаламов. *Поэзия — всеобщий язык*. «Литературное обозрение» 1989, № 1, с. 100–103.

[22] Г. Глинка. *Погаснет жизнь...*, с. 142.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 248–261

ПОЗДНИЙ ГОГОЛЬ. ВСЕ ДОРОГИ ВЕДУТ В РИМ

ЛЮДМИЛ И. ДИМИТРОВ

Софийский университет «Св. Климент Охридски»
Факультет славянских филологий, Кафедра русской литературы
бул. Цар Освободител 15, 1504 София, Болгария
e-mail: ljudmil@slav.uni-sofia.bg
(получено 20.09.2014; принято 26.11.2014)

Abstract

Late Gogol. All roads lead to Rome

The article investigates Gogol's spiritual orientation in the late period of his life, determined by Eastern Orthodoxy on the one hand and Catholicism on the other. The subject to rethink is his friendship with Pushkin, the departure — «escape» to Rome as an alternative to Petersburg, and the fragment *Rome*, written in 1842, ending the *Petersburg novels*, which has its deep logic, but also creates an opportunity to place this very curious work in the whole „Petersburg" text of Russian literature of the nineteenth and twentieth centuries.

Key words

Gogol, spiritual fiction, «Rome», narrative, theater, country — capital.

Резюме

В статье рассматривается вопрос о духовной ориентации позднего Гоголя, определенной православием, с одной стороны, и католицизмом – с другой. Подвергается переосмыслению его знакомство с Пушкиным, отъезд — «бегство» в Рим как альтернативу Петербурга, анализируется отрывок *Рим*, написанный в 1842 году, как завершение *Петербургских повестей*, в чем есть своя логика, а так-

же как возможность вписать это очень любопытное произведение в целостный «петербургский» текст русской литературы XIX и XX веков.

Ключевые слова

Гоголь, духовная проза, «Рим», нарратив, театр, провинция-столица.

В русской литературе XIX века случай Н.В. Гоголя — первый, когда автор, создавший уже большую часть своих текстов, которые сделали его популярным среди читателей и обеспечили ему место в национальном каноне, переживает духовный перелом и переходит на религиозные экзистенциальные позиции. (Приблизительно через четыре десятилетия подобное преображение произойдет с одним из самых крупных писателей человечества вообще — со Львом Толстым). Но его духовное преображение (или точнее, хотя и не особенно благоприлично сказано, «переворачивание») — не только логическое следствие процессов, заложенных в его изначально колеблющейся натуре, а получивший резкий толчок, почти кафкианский метаморфоз, подменивший его неустойчивую личность, в том числе и его внешний облик, — процесс, по отношению к которому даже горемыка Грегор Замза не образ, а деформированное до крайности позднее подобие-порождение гоголевского «генотипа» в литературе, вышедшего из-под его плодоносной *Шинели*. Решимость автора *Носа* предпринять в поисках своей утерянной живой души самостоятельное «хождение по мукам», подражая культовому образу в христианстве, и синхронизировать свое паломничество с текстами, — это хорошо обдуманный ход, постановка, имеющая целью ритуальным образом сообщить миру свое Собственное (Гоголевское) явление, свое духовное воскресение в новом (пере)воплощении — учителя, наставника, проповедника, чудотворца, мессии. Для достижения подобной цели автор привлекает мессианский код, до этого периодически интерпретированный в его текстах в более явном или более имплицитном варианте: от аллегорической таинственности Второго пришествия в казусе *Ревизора* через бесконечную (неоконченную) перспективу Исхода в *Мертвых душах*, до страстного Просветления в лоне Обетованного города в *Риме*.

Эксплицитная духовная проза Гоголя выделяется в самостоятельный корпус, созданный в поздний, постхудожественный период его творчества, между 1841–1842, когда он пишет *Рим*[1], и 1848, когда возвращается окончательно в Москву, через год после выхода в свет *Выбранных мест из переписки с друзьями*. Корпус включает также: *Размышления о Божественной Литургии*, *Авторскую исповедь*, авторские молитвы и другие фрагменты. Специфика этих произведе-

[1] «Рим», разумеется, — художественный текст. Но осуществленная часть его расчитывает на умозрительные рефлексии по отношению к социокультурным процессам в Европе и на практике прерывается там, где начинается собственно художественный сюжет. Так что его можно воспринимать и как медиативное произведение, симптоматическое для духовной прозы Гоголя.

ний в том, что они в большинстве своем написаны за пределами России и по своей сути являются дистанцированной, утопической рефлексией о родной действительности. В своем известном исследовании *Мастерство Гоголя* (1934) Андрей Белый, пытаясь обосновать творчество своего великого предшественника как монолитную целостность, изрекает афористически звучащую мысль: «В первом периоде Гоголь нас страшит, а... смешно; во втором — каламбурит, а... страшно»[2]. Под «первым периодом» автор имеет в виду повести сборника *Вечера на хуторе близ Диканьки* (1831–1832), а под «вторым» — *Мертвые души* (1842). Несмотря на подкупающее остроумие суждения, однако, следует признать, что в своих претензиях на всеохватывающую формулу, приложенную по отношению ко всем литературным проявлениям Гоголя, оно не корректно, хотя бы потому, что исключает «третий период» — духовные сочинения, в которых писатель, введший зеркальную метафору и абсурд в русскую литературу, уже и не пугает, и не смешит; в них он наставляет: позиция неожиданная, несвойственнная, а как показывают первые критические оценки, и не особенно убедительная. Очевиден факт то, что рецепция «другого», менее знакомого и необычайного Гоголя, отказавшегося от смехового начала в своем художественном мировоззрении, всегда являлась проблематичной. Но в то время, как его современники оживленно дебатируют «за» и чаще «против» его догматических постулатов, атеистическое тоталитарное литературоведение XX века, как правило, обходит молчанием его религиозные тексты или подносит их комплицированно и лаконически, но обязательно с крайним негативизмом и осуждением. Символически показательным остается и метадискурсный параллелизм: на протяжении почти всего XX века они становятся объектом углубленного аналитического комментария опять-таки во внерусском пространстве, притом не только со стороны представителей эммиграции: К. Мочульского, В. Зеньковского, В. Гиппиуса, — но и со стороны западных литературоведов, философов и богословов. Парадокс, однако, в том, что и сегодня — уже официально реабилитированные — они продолжают существовать на маргинальной позиции, а их стоимостный статус все так же не установлен. Комментируются в строго профилированных изданиях ограниченного распространения или в узко специализированных университетских курсах.

А в отличие от благосклонных прочтений альтернативных гуманитарных наук, литературовед, оказавшись перед гоголевским духовным опусом, испытывает чаще сопротивление, чем профессиональное искушение. Оно поразительно воспроизводит реакцию большей части его первых читателей, доказывая, что они тоже были литераторами – или смотрели на вопросные тексты как литераторы. В этом смысле воспринимательский подход к его поздней прозе остается двухмерным: с одной стороны, ее можно читать адмирируя, с другой — с подозрением. Первый подход — внешний, прямолинейный, преданный прямой дискурсной информации; второй — недоверчивый, проникнутый контекстом, улавливающий преднамеренную манипулятивность послания. Какой из них в меньшей степени подводит, и в состоянии ли именно синтез между ними

[2] А. Белый. *Мастерство Гоголя*. Москва: Исследование, 1996, с. 30.

выяснить и примирить крайности в их литературоведческой оценке, колеблющиеся между «опоздалое выражение его детской графомании»[3] и «чудом возникшая, провиденциальная книга»[4], «программа социального христианства»[5] (Г. Фроловский)?

Но для появления поздней прозы Гоголя как своеобразного феномена его художнического мышления существует несколько предпосылок. Сам по себе этот факт не уникален: авторитетные мыслители и до (П.Я. Чаадаев), и после него (Л.Н. Толстой) писали сочинения в дискурсе, воспринимаемом как кажущееся отступление от собственного стиля, и они, как и он, отрекались от ранее созданных своих (художественных) произведений. Для Гоголя уникален сам имплицитный замысел о подобном творческом проявлении, преследующий более далекие и в известной степени утопические стремления, связанные с утверждением его собственного эго над воспринимающим в режиме общенационально значимого (Слово). На первом месте среди причин, вызвавших стратегию подобного самоутверждения у Гоголя, — это незначительная на первый взгляд и очень часто лишенная внимания подробность, что он — *украинец*. В процессе его дальнейшего развития как культурной фигуры и индивидуальности, находящейся под властью мнительности и склонную к автомифологизированию, это его сущность имеет многомерную знаковость. Помимо деспотического воспитательного подхода его матери, к которой до конца жизни Гоголь испытывает страхопочитание, именно этнос в известном смысле становится первопричиной его постоянной подавленности и навязчивого комплекса малоценности (малорусскости), и отсюда — первопричиной все более явственно проявляющихся в его поведении мало-душия и раздвоения, которые переходят в конце его жизни в непреодолимое личностное противоречие (ментальная апория). Покидая Украину и заранее определяя свой путь человека, решившего заниматься литературой, Гоголь страстно желает, чтобы его приняли (чтобы «внедрился») как равноценного в общество великих, чтобы он стал одним из них, утвердился как фактор в культурной жизни большой России. Именно в этом — генезис неуверенности, все возрастающей внутренней усомненности в способности осуществить свои честолюбивые мечты, иными словами, его пристрастность к таким образом сконструированному экзистенциальному проекту вызывает кризис его идентичности.

Одна из предпосылок внутренней нестабильности писателя коренится в том, что Россия — самое большое компактное пространство канонического православия, в то время как он происходит с территории, буферно разпнутой между российской ортодоксальностью и польским католицизмом — антиномия, заложенная и в его семье. «Гоголь — пишет К. Мочульский, — происходил от старинного малороссийкого рода, временно уклонившегося в католичество. Его прадед, уже православный, был священником. Дед, Афанасий Демьянович,

---

[3] В.Н. Набоков *Гоголь*. [В:] *Романы, рассказы, эссе.* Санкт-Петербург: Энтар, 1993.

[4] К. Мочульский. *Гоголь, Соловьев, Достоевский*. Москва: Издательство «Республика», 1995.

[5] Г. Флоровский. *Пути русского богословия.* 3-е изд. с предисловием Прот. И. Мейендорфа и указателем имён. Париж: YMKA-PRESS, 1983.

— брусак, «на кондиции» похитивший дочь помещика Лизогуба, Татьяну Семеновну, и получивший нобилитацию в 1788 году. В семье Лизогубов — напряженная религиозность, наследственный мистицизм»[6]. А писатель, по словам современного гоголеведа П.В. Михеда, не проводит строгого конфессионального разграничения между церквями и, когда он находится за границей, и разносятся слухи, что он принял католицизм, почувствовал необходимость оправдать себя перед матерью:

> Как религия наша, так и католическая совершенно одно и то же, и потому совершенно нет надобности переменять одну на другую. Та и другая истинна. Та и другая признают одного и того же Спасителя нашего, одну и ту же Божественную Мудрость, посетившую некогда нашу землю, претерпевшую последнее унижение на ней, для того, чтобы возвысить выше нашу душу и устремить ее к небу.

А после выхода в свет *Выбранных мест из переписки с друзьями*, когда, в свою очередь, проф. С. Шевирев упрекает Гоголя в католицизме, писатель отвечает:

> Что же касается до католичества, то скажу тебе, что я пришел ко Христу скорее протестантским, чем католическим путем. Анализ над душой человека таким образом, каким его не производят другие люди, был причиной того, что я встретился со Христом, изумясь в нем прежде мудрости человеческой и неслыханному дотоле знанью души, а потом уже поклонясь божеству его[7].

Не следует однако пренебрегать любопытной подробностью, что структура самого известного его произведения — *Мертвые души* — задумана согласно тридельной композиционной модели *Божественной комедии* Данте, включающей и чистилище, что принято единственно в католической доктрине и отвергнуто православной. А когда писатель читает вторую часть романа своему духовному исповеднику, отцу Матфею, тот советует ему не публиковать те главы, в которых изображен священник, ссылаясь на том, что речь идет о живом человеке, которого все узнают, и что к образу добавлены черты с католическим оттенком, так что получился не совсем православный священник. Кроме того, в своем квазиканоническом дискурсе Гоголь различает Западную церковь, сопровождаемую всегда предикатом «католическая», и Восточную, не определяя ее категорически как православную. Это наблюдение все еще не «уличает» его: скорее всего, оно говорит об интуитивном понимании писателем соборного состава Восточной паствы, включающей представителей альтернативных христианских исповеданий, и подобное направление его размышлений подсказано хотя бы искушением посетить Иерусалим. Тема, конечно, не исчерпывается такими отрывочными и весьма популярными цитатами и примерами: она значительно сложнее и неоднозначнее и продолжает разделять толкователей духовного опуса Гоголя — западные теологи усматривают в его подходе к христианству апологию католической идеи, а восточные считают его ревностным

---

[6] К. Мочульский. *Гоголь, Соловьев, Достоевский...*, с. 7.

[7] П.В. Михед. *Гоголь и западноевропейская христианская мысль (проблемы изучения)*. «Toronto Slavic Quarterly» 2010, № 31. [Online] <http://www.utoronto.ca/tsq/31/mikhed31.shtm> (1.10.2010).

защитником православия. Естественно, и те, и другие, не жалея усилий доказать истинность представленных тезисов, часто впадают в ненужные и преувеличенные, наивно и не очень умно высказанные крайности.

Вторая причина, которая постепенно усиливает лабильность (мнительность) Гоголя, — это осознанная им невозможность быть самостоятельным и убедительным в своих претензиях на аутентичность, что укрепляет его внутреннюю необходимость *в постоянном поиске образца, авторитета*, к которому можно «прильнуть», которому можно подражать, который будет для него стимулом и покровителем. Так он (впрочем, без особой трудности) приходит к харизматической фигуре Пушкина — первого живого гения (пророка, обожествляемого всеми воплотителя Слова и неформального общественного лидера), с кем он сталкивается. До этого он долгое время и неуклонно следовал за Гомером. Ориентир, разумеется, бесспорен. Другое дело, в какой мере Гоголю удается постичь желанное единение со своим кумиром, если судить по некоторым отдельным озадачивающим ходам, периодически предпринимаемым им по отношению к Пушкину. В качестве иллюстрации к тому, что Мочульский[8] называет «важной особенностью гоголевской психики: отсутствием чувства реальности, неспособностью отличать правду от вымысла и наклонностью к преувеличению», которая иначе обогащает его художественный талант, можем отметить так и не доказанные утверждения (единственный источник которых сам Гоголь!) о невероятной его дружбе с Пушкиным, о том, что едва ли не при каждой поездке в Москву он спешит встретиться прежде всего с поэтом, и — самые распространенные — что Пушкин дарит ему идею о *Ревизоре* и «мысль» о *Мертвых душах*. Эти подробности Гоголь сообщает в *Выбранных местах из переписки с друзьями* (когда Пушкина уже нет в живых), но они, независимо от их кажущегося правдоподобия, никогда не получают документального или альтернативного подтверждения. Как раз наоборот, как справедливо отмечает Мочульский, а до него — П.И. Бартенев, а еще раньше — П.В. Нащокин, связь между обоими писателями была абсолютно внешней: за все время их шестилетнего знакомства Пушкин написал своему младшему современнику всего лишь три незначительных письма, и Гоголь никогда не становится для него действительно близким человеком. Очевидно, выясняя свою «апостольскую» идею, Гоголь проходит через особый вид мифомании, возвышающей его в его же собственных глазах до особой значимости. В. Набоков подвергает сомнению даже распространенное (вновь Гоголем) утверждение о том, что Пушкин произносил крылатую фразу: «Боже, как грустна наша Россия!» - после того, как якобы прочитал первую главу *Мертвых душ*.

И все-таки существует нечто, что безусловно «роднит» обоих писателей, показывая зависимость одного от другого. После того как Гоголь так и не смог «собрать» воедино распавшиеся и самостоятельно анимизированные им элементы человеческой плоти (в уже знакомом нам в начале повести *Невский проспект* метонимическом паноптикуме из носов, зонтиков, усов, сапог, галстуков, шляп и Бог знает чего еще), пытаясь сконструировать нового литературного хомо са-

---

[8] К. Мочульский. *Гоголь, Соловьев, Достоевский...*, с. 10.

пиенса, он приходит к решению просто высвободиться от них как от ненужных вещей. Так его путь в литературу рисует не совсем естественную траекторию самоотрицания-умерщвления плоти. Если вообще можем говорить о целостности его творческого процесса, то она выражается одним по сути своей трагическим фактом: *он начинает свою литературную деятельность самосожжением и кончает ее самосожжением*. По иронии судьбы два его сожженных произведения — «поэмы». В 1829 г., после неуспеха своей ранней и неубедительной в художественном отношении версификации *Ганца Кюхельгартена*, где он — явный эпигон Пушкина, двадцатилетний Гоголь скупает все нераспроданные экземпляры издания и сжигает их в гостиничном номере; ночью 12 на 13 февраля 1852 г., за девять дней до своей смерти, он бросает в камин рукопись законченного второго тома своей знаменитой поэмы *Мертвые души*. Своеобразное аутодафе дебютного и завещательного его произведения подсказывает подсознанию то, что в своей миссии литератора автор окончательно провалился и по этой причине «учиняет самосуд» над своим так долго созидаемым образом. Это очень сильно напоминает ситуацию, описанную Пушкиным. В маленькой трагедии *Моцарт и Сальери* итальянский композитор говорит о своем страстном увлечении искусством, благодаря влиянию церкви на его все еще формирующуюся личность, в перспективе, идентичной перспективе Гоголя. «Родился я с любовию к искусству» — говорит Сальери и продолжает:

Ребенком будучи, когда высоко
Звучал орган в старинной церкви нашей,
Я слушал и заслушивался — слезы
Невольные и сладкие текли.

После пережитого экстаза, однако, приходят первые попытки музицирования, а с ними и сомнение в таланте, приведшее к мазохистическому акту самоотрицания, совершенного также в уединении:

Нередко, просидев в безмолвной келье
Два, три дня, позабыв и сон и пищу,
Вкусив восторг и слез вдохновенья,
Я жег мой труд и холодно смотрел,
Как мысль моя и звуки, мной рожденны,
Пылая, с легким дымом исчезали.

Разница в следующем: в то время как Гоголь сжигает свое произведение спонтанно, под воздействием необузданного иррационального импульса, Сальери подвергает себя духовной «ампутации» сознательно и «холодно», абсолютно дистанцируясь и отрекаясь от своего кровного «чада». В этом аспекте Гоголь неожиданным образом оказывается социопсихологическим типом, *прогнозированным* Пушкиным. Но начальное сожжение у него совсем не идентично финальному. Наоборот, я бы сказал, что «сальеристским» актом — заранее запланированным, результатом сильного неудовлетворения и гнева от провала, от разоблаченного подражательства — является уничтожение его стихотворного произведения. Сожжение *Мертвых душ* — не в меньшей степени результат болезненного разочарования самим собой, но это по своей сути последний от-

чаянный жест самоутверждения, попытка внушения мессианской истинности, состоявшегося «Гоголеявления», воплощение вылившегося в тексты поучительного Слова, вид самораспятия. Фрустрация, внешне напоминающая финальный акт ухода-бегства Толстого — искреннее откровение-самоинициацию яснополянского старца. Другое дело, чего именно добивается Гоголь в кульминационный момент своей экзистенциальной драмы. Чтобы понять семантическую глубину этого отчаянного хода — одновременно бунта-и-смирения — необходимо проследить за промежуточными этапами его духовного лунатизма. Пока что бесспорно одно: сжигая второй том своего романа-поэмы, он уничтожает чистилище и, вернувшись символически в лоно православия, трагическим образом лишает человечество последнего возможного шедевра текста-Гоголя.

Пушкинский авторитет, однако, производит несомненно обсессивный эффект на поведение Николая Васильевича. Потому что за считанные месяцы до гибели поэта, в июне 1836 г., явно не успев добиться такого желанного сближения с ним, (якобы) разочарованный премьерой *Ревизора*, Гоголь покидает Россию и отправляется в путешествие по Европе: Германия — Швейцария — Франция, а в марте 1837 года впервые попадает в Рим, где остается вплоть до 1839 г. На чужой территории он лихорадочно ищет приюта для своей неудовлетворенной души, обуздывая свой эго-клаустрофобический комплекс. Этот его первый уход из России приводит к веренице путешествий, в самом начале напоминающих не столько путь пилигрима, сколько мытарства пикаро из западноевропейского авантюрного романа. Позже — между 1842 и 1847 гг. — его пребывания за границей (главным образом в Риме) постепенно будут рассматриваться в контексте его поклоннического изгнанничества и миссионерского самоотрицания, которые будут иметь свою, увы, заглушенную кульминацию в его поездке в Иерусалим в марте 1848 года. Разумеется, в этот период Гоголь постепенно начинает обнаруживать или, точнее, — распознавать так давно разыскиваемое им обетованное пространство, внушающее ему чувство внутреннего уюта и уверенности, в лице церкви. Попав в церковь, он особым (и резким) способом начинает высвобождаться от обременяющих его «вещей», накопленных как литературный инвентарь; он символически снимает с себя социально дефинирующую его «шинель», агента его легитимности до этого времени. Иными словами, Гоголь «обнажется» наподобие св. Франциска, но этим актом вписывается в режим парадоксальной диалектики, согласно которой уничтожение вещей — рукописей и книг — является в сущности потерей памяти и рассудка, поскольку вещи — «вещие», они *помнят и знают*. По этому поводу Абрам Терц делает ироническое, но не лишенное логики наблюдение: «Гоголь много не читал, но, чтобы не блуждать понапрасну, первым из русских мыслителей XIX века перечитал Евангелие. В этом его великая историческая заслуга»[9]. Остается полемическим вопрос о том, является ли Гоголь оригинальным мыслителем.

В поисках ответа обратимся к его «римскому сюжету».

---

[9] А. Терц. *В тени Гоголя*. München: Im Verden Verlag, 2009. [Online] <http://imwerden.de/pdf/terz_v_teni_gogolya.pdf> (1.10.2013).

Рим с жанрово уточняющим подзаголовком «отрывок», очевидно задуманный как часть более пространного произведения (романа), начатого где-то в 1838–1839 гг., опубликован впервые в журнале «Москвитянин» за 1842 год, номер 3, и еще раз — в отпечатанном в том же самом году в Петербурге третьем томе *Сочинений Николая Гоголя*. Автор не написал ничего другого, кроме известного нам по этим изданиям варианта. Но более интересно то, что произведение опубликовано как завершающее в составе *Петербургских повестей* и, несмотря на очевидную его несовместимость с провозглашенным в заглавии топосом, поныне неизменно печатается в том же самом контексте. Этот факт всегда озадачивал исследователей, и в гоголеведении принято считать его включение в сборник (как и повесть *Коляска*, чье действие развивается в «городке Б.») издательской ошибкой, а под заглавием *Петербургские повести* понимать пять других и бесспорно самых популярных произведений: *Невский проспект*, *Нос*, *Портрет*, *Шинель* и *Записки сумасшедшего*. Сам автор, однако, живет еще десят лет после выхода в свет собрания сочинений и никогда не предпринимает попыток изменить состав повестей. И именно отказ автора ревизировать состав от 1842 года провоцирует более обстоятельственный герменевтический анализ семиотических функций *Рима* — как текста, завершающего художественный цикл.

Общее заглавие сборника недвусмысленно называет центральный топос рассказанных историй, а первое произведение вводит Петербург в метонимический вид — через его главную артерию, «проспект»-ируя его как космополитический, но и инфернальный полис, город-мир, или, говоря по-гоголевски, мир-город. Но желанное для провинциального украинского интеллектуала столичное пространство оказывается своеобразной крепостью — сковывающей, отталкивающей, непроницаемой, депрессирующей, местом провалившихся судеб, кармичных бедствий и личностной деградации, и Гоголь никогда не находит в нем покоя. Он чувствует себя как Пушкинский Евгений, преследуемый ожившим медным всадником — проекцией тайной угрозы, инфернального. Это, в свою очередь, заставляет его искать сакральную альтернативу-убежище от города Петра, и он совершенно логично (и как конец в контексте содержания) прибывает в Рим, который является *другим городом Петра*, Рим/миР (покой-и-мир) — не репродуцированным, а аутентичным вселенским центром. «Да, что меня больше всего поразило, — признается писатель, увидев «каменный город», — так это Петр [собор Петра]. Он страшно вырос, купол необыкновенно сделался огромнее». Преображение профанного Петербурга из *Невского проспекта* в сакральный Петро-город (Рим) — идеальный метаморфоз ситуации с родиной, в которой не только никто не может быть пророком, но и где, по словам Гоголя, пророк не может получить славу. Подобный метаморфоз претерпевает бричка Чичикова, которая в финале *Мертвых душ* летит как птица-тройка.

Называя *Рим* «отрывком», Гоголь недвусмысленно подсказывает, что текст — часть более крупного замысла, обещающего рассказ об одной, по своей сути, любовной истории. До самого «романа», однако, сюжет не доходит, автор только намекнул на него, зато противопоставлены два мировых средоточия: Париж и Рим, а в более широкой перспективе — два типа культуры, две экзистенциал-

ные модели. Именно то, что писатель пренебрегает Парижем (и вообще говоря — мирской суетой, пороком, инстинктами и страстями в «столице разврата») и обращается к покою, созерцательности и соборности Вечного города, вызывает гнев Белинского, который в 1831 году восторженно объявляет его главой русской словесности, но в статье *Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мёртвые души»* критик упрекает его в недалеком отношении к Франции, а точнее – видит, что «есть и косые взгляды на Париж и близорукие взгляды на Рим», а в целом произведение в одинаковой степени удивляет и своими достоинствами, и своими недостатками. Заключение более чем тревожное: «При богатстве современного содержания и обыкновенный талант чем дальше, тем больше крепнет, а при одном акте творчества и гений, наконец, начинает постепенно ниспускаться». Гоголь, естественно, чувствует себя обязанным ответить, хотя и не публикует слова защиты, а 1 сентября 1843 года отправляет письмо лично.

С. Шевиреву, в котором утверждает: «Я был бы виноват, если бы даже римскому князю внушил такой взгляд, какой имею я на Париж, потому что и я хотя могу столкнуться в художественном чутье, но вообще не могу быть одного мнения с моим героем. Я принадлежу к живущей и современной нации, а он — к отжившей». И далее в своем объяснении он предлагает любопытную жанровую формулу о так и не законченном своем сочинении: «Идея романа вовсе не была дурна: она состояла в том, чтобы показать значение нации отжившей, я отживающей прекрасно относительно живущих наций. (…) но всё же можно видеть, что дело в том, какого рода впечатление производит строящийся вихорь нового общества на того, для которого уже почти не существует современность»[10].

Сознание художника, что он пишет *роман*, интересным образом раскрывает принципы этой сложной поэтики. Название Рима (Roma) генетически связано с этимологией жанра, предполагающего целостный свод внутренне присущих или омонимно-тавтологических коннотаций в оригинально рифмующейся парадигме: *Рим-роман-римокатолицизм* и не названная, но подразумевающаяся каждым русским фамилия *Романовы*. Роман же, который сводится к любовной истории, представляет читателю встречу римского Князя с ослепительной красавицей Аннунциатой, построенной на сакральном корреляте: Христос и Благовещение, культовый персонаж христианства и его Церкви. Пока Князь находится во Франции, ему снится Рим, во сне он бредит им, осмысляет его и проникается этим городом, с которым чувствует себя единосущным. Персонаж Гоголя — первый «князь Христос» в русской литературе, возникший в ней за два десятилетия до появления князя Мышкина (замечательно то, что и Достоевский пишет свой роман *Идиот* в Италии). Задуманный как «роман о романе», сюжет представляет развернутую метафору прихода к вере, принятия ее в себя, эротического *предавания* вере. Гоголь влюбляется в Рим медленно и постепенно, но навсегда, а духовный уровень, на который он переносит свое существование, заставляет его обрисовать в тексте не реальный город, а скорее всего — свое представление

[10] Н.В. Гоголь. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. VII: *Письма*. Москва: Художественная литература, 1986, с. 227.

о нем. Абрам Терц делает еще более категорическое обобщение: пребывая в вечном городе, как будто нарочито предназначенном для совершения духовных подвигов, автор виртуально оказывается в центре мира. Петербург — тот, из *Невского проспекта* — и город с кафедральным храмом «Святого Петра» контаминируются в сознании Гоголя. Там, познакомившись с кругом русских художников-стипендиантов, он «сбывает» одну из сюжетных линий первой своей петербургской повести – художника Пискарева; с этого момента и далее следует имплицитная фабула третьей повести, *Портрет*. В этом смысле *Рим* парадоксально, но имманентно вписывается в целостный *петербургский* текст русской литературы как его необычайная и особенно ценная часть.

Первая попытка Гоголя совершенно сознательно писать в религиозном дискурсе, это ***Размышления о Божественной Литургии***. Произведение задумано в Ницце около 1843–1844 гг., а активная работа над ним начинается в начале 1845 года в Париже, и автор с перерывами возвращается к тексту за год до своей смерти, не успев закончить его. Структура текста напоминает толковник (комментарий) «нормативного» характера, содержащего указания о прочтении церковного канонического ритуала. Автор резюмирует в цитатах православный *Служебник*, в котором литургический процесс отражен во всей целостности и последовательности, и пытается рефлектировать на их основе, в некоторой степени раскрывая заложенный символический смысл, но чаще предлагая свою интерпретацию. Так что, каким бы и сложным ни было подобное утверждение, сегодня мы можем воспринимать *Размышления* как особый вид Гоголевской герменевтики литургического действия. С литературоведческой точки зрения, они интересны тем, что в них Гоголь неожиданно, но полноценно развертывает свое *мышление драматурга*. Это утверждение вовсе не является попыткой вызвать спор или создать искусственную сенсацию; оно спровоцировано наблюдениями самого писателя, наполняющего смыслом священнодействие литургического ритуала в контексте перформативной практики, или, точнее, воспринимающего (сверх)бытие как театр. Потому что цель Игры, как ее понимает Гоголь, — переупорядочить мир, вводя и узаконивая правила, отличные от уже известных, требующие строгого соблюдения со стороны участников. И именно эти правила (пред)определяют проистекающее, событие, историю как игру, высокая кодификация которой — спектакль. А литургия в частности — эстетизированный, упорядоченный, отрежиссированный мир, мир-театр, глобус. Позже, в главе *О театре, об односторонном взгляде на театр и вообще об односторонности* из *Выбранных мест из переписки с друзьями*, Гоголь буквально напишет: «Есть много среди света такого, которое для всех, отдалившихся от христианства, служат незримой ступенью к христианству. В том числе может быть и театр, если будет обращен к своему высшему назначению»[11]. В действительности, автор предлагает довольно простые, наивные, а местами — спорные размышления, имплицитно оцененные им как «чистые» и «искренние». Прослеживая очевидное — ритуал — он пытается обнаружить и убедить в первую очередь себя в его глубоко сакральном смысле. Но риторика текста регистриру-

[11] Н.В. Гоголь. *Духовная проза*. Москва: Русская книга, 1992, с. 99.

ет нечто поистине необычайное: параллельное существование «репортажных», констативных впечатлений и оппонирующего им потока сознания, пытающегося уподобить дескриптивный дискурс внешнему, литургическому действию и наполнить его новым, внутренним инициационным смыслом. Сверхзадача, которая, увы, у него не получилась. Вообще, для Гоголя намерения в каждом его произведении всегда оказывались проблемными, даже самая упрощенная художественная задача показать «сразу», «тут же» целое, глобальное, разоблачить конвенцию как тенденцию, в какой-нибудь безымянной деревушке собрать весь мир. Но по крайней мере в *Размышлениях*, после пребывания в аду цивилизации и описывания ее в художественных текстах, писатель вступает в неограниченное вселенское пространство света, в котором находит индивидуальный исход. А театр — это та область жизни здесь, на земле, в отношении к которой Западная церковь имеет значительное преимущество перед Восточной, признавая и поощрая. Или, выражая мысль в предложенных Гоголем формулах, можно сказать, что католицизм организует и «делает» театр, а православие — при всей его соборности — демонстрирует «уход из театра».

С одной стороны, богоискательство Гоголя выражает рефлекс его «человекоискательства» и, респективно, ненахождения Человека. (Даже его оценка Пушкина, как мы помним, состоит в том, что это русский человек в его развитии, такой, каким, может быть, он будет через двести лет). Но именно «в поиске живой души», по выражению Юрия Манна, Гоголь приходит к идее Мировой души, воплощенной в Бога. Поэтому после «провала» *Ревизора* ему еще раз приходится пережить разочарование от ничтожного «катарсического» влияния литературы на массовое человеческое сознание, но и почувствовать, хотя и подсознательно, что она элитарное и одинокое занятие. Настоящее массовое действие можно искать прежде всего в религии. Гоголь, однако, далек от конципирования и распространения *своего* учения. Уже сам факт, что, помимо его влияния на последующую русскую литературу, не его имя, а имя Толстого трансформируется в нарицательное по отношению к самостоятельной тенденции в духовности и культуре, более чем показателен[12].

На расстоянии 43 (сорока трех) лет — ровно столько, сколько живет Гоголь! — двое знаменитых русских мыслителей высказывают поразительно сходные мнения о значимости двух непреходящих классиков для их собственной литературы. Они звучат так:

> Пушкин умер в полном развитии своих сил и бесспорно унес с собою в гроб некоторую великую тайну. И вот мы теперь без него эту тайну разгадываем.

---

[12] Когда в юбилейном для Гоголя 1909-м году главный редактор журнала «Жизнь для всех» Вл. А. Посе обращается к Толстому с просьбой написать что-нибудь по этому поводу, Лев Николаевич отвечает ему: «Был бы рад, если бы удалось написать то, что думаю о Гоголе. Боюсь только, что то, что думаю, и неюбилейно и нецензурно». Цит. по И. Золотусский. *Лев Толстой читает «Выбранные места из переписки с друзьями»*. [В:] *Гоголь как явление мировой литературы.* Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 2003, с. 367.

> Гоголь — один из самых загадочных русских писателей. Он не открывал себя в своем творчестве, он унес с собой тайну своей личности в иной мир. И вряд ли удастся когда-либо ее вполне разгадать.

Первое суждение принадлежит Ф.М. Достоевскому. Писатель заканчивает им свою речь, произнесенную 6-ого июня 1880 года на открытии памятника Александру Сергеевичу Пушкину в Москве[13]. Второе — слова Николая Бердяева из его монографии *Миросозерцание Достоевского*[14], 1923 года. Высказывание в двух случаях — о неразгаданной тайне, которую великие писатели уносят с собой в могилу. Я привожу эти мнения не потому, чтобы подчеркнуть и без того видимую зависимость второго от первого: Бердяев, сознательно или нет, перефразирует Достоевского, излагая высказывание применительно к Гоголю. Прежде всего я намереваюсь подсказать неистовую адаптивность Гоголя к кумирам, за которыми он следует. Потому что свой путь художника он начинает, соизмеряясь с Пушкиным, и именно таинственность есть то, что ему очевидно удалось воспринять от поэта, и что десятилетиями позже интуитивно улавливает Бердяев. Статью мне хотелось бы закончить мыслью, которой поделился Пенчо Славейков[15] в письме Маре Белчевой, созерцая памятник гению в день столетия со дня его рождения:

> Утром я уже видел его как надо. (...) Русским он не нравится, а он прелестный! Черная бронзовая скала, на которой Гоголь сидит, слегка нагнувшись, закутанный в длинную и широкую шинель. Простоволосый. Длинные волосы, спускающиеся больше с левой стороны лба, длинный нос, такой, какой у него был в жизни и который нельзя сказать, что украшает его лицо. Не знаю, мешал ли ему этот нос при жизни, но на статуе мешает ему; между тем этот нос торчит и в его произведениях — его он запустил так глубоко в свою душу, в ее мрак, что там спертый воздух мистицизма убивает очень быстро здоровый запах настоящей жизни, к которой ранее этот нос был так чувствителен! Но не в носе дело, а во взгляде впавших глаз, взгляд исподлобья, взгляд, обращенный вовнутрь, взгляд созерцателя, который через «внутри» хочет видеть «снаружи», через себя — других (...) но на пороге ясновидения спотыкается, падает и разбивает себе — нос, внутренний, не внешний нос, который (как видно на статуе) остается невредимым, все таким же длинным и острым, и придает физиономии Гоголя какой-то птичий вид. Момент обращения взгляда вовнутрь — кризис Гоголя — это и воплотил художник в своей работе. (...) Я долго смотрел на него, вспоминал его творения, слова и образы, его последние несчастные дни, агонию, последние его слова: «Лестница! Лестница!» — может быть, от него мысленно лестница от земли к небу, и, как я понимаю, от русского ума — до Гоголевского творчества. Почему русские не понимают памятник Гоголю?

---

[13] Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений в тридцати томах*. Т. 26. Санкт-Петербург: Наука, 1984, с. 149.

[14] Цит. по Н. Бердяев. *Мирогледът на Достоевски*. Университетско издателство "Свети Климент Охридски", София, 1992, с. 49.

[15] П. Славейков. *Събрани съчинения*. Том 8. София: Издателство Български писател, 1959, с. 126–128.

Литература

Белый А. *Мастерство Гоголя*. Москва: Исследование, 1996.

Бердяев Н. *Мирогледът на Достоевски*. Университетско издателство «Свети Климент Охридски», София, 1992.

Гоголь Н.В. *Собрание сочинений в семи томах*. Т. VII: *Письма*. Москва: Художественная литература, 1986.

Гоголь Н.В. *Духовная проза*. Москва: Русская книга, 1992.

Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений в тридцати томах*. Т. 26. Санкт-Петербург: Наука, 1984.

Есаулов И. *Рожденственская и пасхальная традиции в поэтике Гоголя*. [В:] *Гоголь как явление мировой литературы*. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 2003, с. 56–61.

Золотусский И. *Лев Толстой читает «Выбранные места из переписки с друзьями»*. [В:] *Гоголь как явление мировой литературы*. Москва: Институт мировой литературы им. А.М. Горького, 2003, с. 366–377.

Малинова-Димитрова Л. *Поетиката на Гогол в епистоларните рефлексии на Пенчо Славейков по повод юбилея на писателя* – Москва, 1909 г. «Litera & Lingua» 2011. [Online] <http://slav.uni-sofia.bg/lilijournal/index.php/bg/component/content/article/560-through-the-text-2011/694-dimitroval-2011> (1.07.2014).

Мильдон В.И. *«Выбранные места из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя как литературная форма*. [В:] *Н.В. Гоголь. Загадка третьего тысячелетия*. Москва: Книжный дом «Университет», 2002, с. 105–125.

Михед П.В. *Об апостольском проекте Гоголя*. [В:] *Гоголь как явление мировой литературы*. Москва: Книжный дом «Университет», 2003, с. 42–56.

Михед П.В. *Гоголь и западноевропейская христианская мысль (проблемы изучения)*. «Toronto Slavic Quarterly» 2010, № 31. [Online] <http://www.utoronto.ca/tsq/31/mikhed31.shtm> (1.10.2010).

Мочульский К. *Гоголь, Соловьев, Достоевский*. Москва: Издательство «Республика», 1995.

Набоков В.Н. *Гоголь*. [В:] *Романы, рассказы, эссе*. Санкт-Петербург: Энтар, 1993.

Ольшанская Е. *Ближайший к Христу*. Радиопередача с участием искусствоведа Михаила Аленного, литературоведа Юрия Манна и искусствоведа Елены Ольшанской. Радио «Свобода» 19.10.2003, 16.00. [Online] <http://www.svobodanews.ru/content/transcript/24196157.html> (1.10.2013).

Славейков П. *Събрани съчинения*. Том 8. София: Издателство Български писател, 1959.

Терц А. *В тени Гоголя*. München: Im Verden Verlag, 2009. [Online] <http://imwerden.de/pdf/terz_v_teni_gogolya.pdf> (1.10.2013).

Флоровский Г. *Пути русского богословия*. 3-е изд. с предисловием Прот. И. Мейендорфа и указателем имён. Париж: YMKA-PRESS, 1983.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 262–277

АВТОРСКИЕ ИНТЕНЦИИ В РОМАНЕ В. АКСЕНОВА *ВОЛЬТЕРЬЯНЦЫ И ВОЛЬТЕРЬЯНКИ*

ТАТЬЯНА М. КОЛЯДИЧ

Московский государственный педагогический университет
Филологический факультет, Кафедра русской литературы XX–XXI веков и журналистики
Малая Пироговская ул. 1, 119991 Москва, Россия
e-mail: kapfedor@mail.ru
(получено 22.09.2014; принято 14.11.2014)

Abstract

Author's Intensions in V. Aksenov's Novel *Volteryantsy and Volteryanki*

Features of the organization of a narration in Aksenov's novel became a subject of a research reflection in the article. It is shown that the writer applied a special way of the text space organisation. The difficult and many-sided narration is constructed on a combination of elements of different genre systems: adventurous, historical and philological novels with inclusion of scenes of dialogues, conversations and disputes of heroes. Structural elements intertwine among themselves, reflecting formation of new forms of literature, connecting into a whole by the author's irony, addressed to the reader's reminiscences.

Key words

Vasily Aksenov, novel, structure, genre synthesis, staging.

Резюме

Предметом исследовательской рефлексии в статье стали особенности организации повествования в романе Аксенова. Показано, что писатель применил особый способ устройства текстового пространства. Сложное и многогранное

повествование построено на сочетании элементов разных жанровых систем: авантюрного, исторического и филологического романов с включением сцен диалогов, бесед и споров героев. Структурные элементы переплетаются между собой, отражая формирование новых форм словесности, соединяясь в единое целое авторской иронией, обращениями к читателю, реминисцентными связями.

Ключевые слова

Аксенов, роман, структура произведения, жанровый синтез, театрализация.

Произведениям В. Аксенова свойствен особый способ организации текстового пространства как своеобразной культурной среды, предполагающей определенную подготовку читателя. Сказанное справедливо и в отношении романа *Вольтерьянцы и вольтерьянки* (2004)[1], представляющего собой сложное структурное целое, где соединены элементы исторического, авантюрного и филологического романов. В него также введены сцены диалогов, бесед и споров героев. Особенности организации повествования и стали предметом исследовательской рефлексии в данной статье.

Автор представляет свою версию исторических событий прошлого. Об этом в первую очередь свидетельствует название, где обозначаются будущие участники — «вольтерьянцы и вольтерьянки». Пояснение сказанному находим в словах одного из героев — Афсиомского, графа Рязанского. Определяя свою позицию в разговоре с Федором Августовичем Фон-Фигиным, он заявляет: «Ведь, почитай, вся Европа знает меня как завзятого вольтерьянца! Да и в отечестве ходит за мной такая же слава! Ведь любой из моих мужичков на Рязанщине подтвердит, что старинну-то барщину давно уж оброком я легчайшим заменил»[2]. Вложенный в его уста парафраз, косвенная цитата из *Евгения Онегина* Пушкина, свидетельствует об авторской игре, поскольку Аксенов забегает на век вперед.

Рассуждения о будущем устройстве государства образуют идеологический дискурс романа. Он выводится автором в форме «сократовского диалога» между Вольтером и Мишей Земсковым, обмена «мыслями о прошлом, будущем и настоящем человеческой расы»[3]. Доминантными в романе становятся рассуждения о религии, бытии, идеале, любви. Заметим, что в отличие от других текстов (романов *Редкие земли*, *Москва Ква-Ква*) Аксенов не акцентирует схему социально-политического романа, используя синкретическую форму.

Диалог, или «*драма идей* XVIII столетия» происходит в девятой главе, его содержание следующее: «Наша нынешняя беседа будет посвящена, быть может, наиглавнейшей теме сего века, противустоянию религии и философии, или, как сей феномен иной раз определяется в просвещенных кругах Европы, про-

---

[1] Все цитаты из романа *Вольтерьянцы и вольтерьянки* приводятся по изданию: В. Аксенов. *Вольтерьянки и вольтерьянцы*. Москва: Эксмо, 2004.

[2] В. Аксенов. *Вольтерьянки и вольтерьянцы*..., с. 305–306.

[3] Там же, с. 359.

тивуречием между суеверием и чистым разумом»[4]. Диалог прерывается и возобновляется только в эпилоге, где герои встречаются после смерти, тогда подводится некоторый итог сказанному, начатые рассуждения вновь поднимаются, действие замыкается, образуя кольцевую композицию.

Подобное устройство произведения в виде диалогов имеет давнюю традицию, в период Возрождения, например, самым известным произведением стал *Придворный* (опубл. 1528) Б. Кастильоне, в нем описывается, как участники вечерних встреч при урбинском дворе в марте 1507 года обсуждали модель идеального придворного, который мог бы стать не только ярким членом общества, но и советником правителя. Кастильоне представил своеобразный синтез гуманистических представлений об идеале личности в виде синтетического произведения, в котором соединились черты мемуаров, морального трактата или зерцала, а также весьма распространенного в литературе Возрождения жанра диалога.

Не менее популярным в то же время оказывался Н. Макиавелли с трактатом *Государь* (опубл. 1532), рассматривавший государство как политическое состояние общества. Как и Аксенов, только в свое время, Макиавелли поставил вопрос об отношениях властвующих и подвластных, наличии определенных учреждений и законов. Макиавелли впервые задал вопрос о соотношении моральных норм и политической целесообразности. Подтверждение, свидетельствующее о значимости идеи, некоей программы для Аксенова находим в самом тексте: «Король-философ — это идеал власти!»[5]. В другом рассуждении, героя романа Вольтера, встречаем: «Мы жаждем объединить в одном лице владыку с философом, дабы получить совершенного суверена. Этот идеал мог воплотиться во Фридрихе, а сейчас, быть может, воплощается в Екатерине. Не она ли сказала, что «никто не получает от природы права властвовать над людьми»? Легитимной власти необходимы границы. Государство не принадлежит князю, напротив, князь принадлежит государству»[6].

Своеобразная подсказка, свидетельствующая об особом устройстве романа в виде диалогов, в которых рассматриваются социальные, общественные и философские вопросы, содержится не только в заглавии, но и в эпиграфах. Первый следует из британского педагога и философа начала XVII века Джона Локка: «Нет идей врожденных». Второй принадлежит немецкому философу того же времени, многогранному исследователю Г.В. Лейбницу: «Нравственный смысл — врожден». Третий: «Я не понимаю природы мысли // Разум ли повелевает руке подняться?» является высказыванием французского философа-просветителя XVIII века, поэта, прозаика, сатирика, историка, публициста, правозащитника Вольтера.

Тяготевший в своих текстах к скрытому политическому дискурсу Аксенов избрал для себя своеобразным мерилом *Государство* Платона. Упоминание имени древнего философа находим в разных произведениях, в *Москве Ква-Ква*

---

[4] Там же, с. 357.

[5] Там же, с. 373.

[6] Там же, с. 373.

(2006) на концепции Платона выстраивается модель антиутопического государства, в *Кесареве свечении* (2000), где постоянен иронический дискурс, в монологе героини по имени Какашка упоминается «платоновская страсть».

В *Вольтерьянцах и вольтерьянках* Аксенов констатирует: «Ведь об этом писал еще Платон»[7]. Основной фигурой, вводящей подобные рассуждения, становится один из крупнейших французских философов-просветителей XVIII века Вольтер. Он образует первый персонажный ряд, который традиционно (для исторической формы) составляют реальные исторические лица[8]. Кроме Вольтера к нему отнесем императрицу Екатерину II, представленную под вымышленным именем барона Фон-Фигина. Аксенов часто прибегает к игре с именами, на сей раз используя разговорный дискурс, обыгрывая семантику слова «фига». Характеристика Вольтера складывается постепенно, вначале она дается как персонажем, так и самим автором. «В недалекое время своей артиллерийской стажировки»… «Прямо за окном, в каком-нибудь аршине от своего приплюснутого носа, он увидел сидящего за столом левым боком к нему знатного старика в величественном, с крупными буклями парике, с высоким и выпуклым лбом, в пышном жабо, оттеняющем бархат камзола»[9]. Протяженность во времени подчеркивается эпическим оборотом, место действия фиксируется точно, обозначены портретные детали.

Затем герой возникает в иной ситуации: «предстал тот самый господин, коего Лесков год назад с трепетом созерцал через окно. Так же, как и тогда, сей старик, мэтр Аруэ де Вольтер, сидел в профиль, держал в руке перо и с веселым ехидством вглядывался вдаль, токмо на сей раз не в натуре, а в виде изысканного портрета в роскошном обрамлении»[10]. Ситуация повторяется, только теперь в виде воспоминания, переводящего повествование в условный план.

Переход из реального плана обозначается знаковым образом, в качестве символического обозначения выступает окно, одна из зеркальных поверхностей, создающих изображение, картину и выполняющей роль границы. В зеркальной поверхности постоянно отражаются герои. Такую же функцию живописного изображения выполняют парсуны, детский портрет Земского, упоминания типа «напоминал он персонажа картины Рембрандта *Ночной дозор*. Встречается и развернутое описание: «За развитием оного повествования пытливо следит с портрета умным своим и крепким лицом литературный друг Александр Сумароков»[11].

В дальнейшем повествовании зеркало станет атрибутом карнавального мира, создающегося постепенного и становящегося другой характеристикой (опосредованной) деятельности Вольтера — драматурга.

---

[7] Там же, с. 373.

[8] Использование нами выражения *историческая форма* не случайно, ибо в современном литературном процессе чистота жанра далеко не всегда соблюдается.

[9] В. Аксенов. *Вольтерьянки и вольтерьянцы*..., с. 46.

[10] Там же, с. 51.

[11] Там же, 119.

Одновременно указывается на состояние вымышленного персонажа, нужное для образования зрительного восприятия («с трепетом»). Таким образом значимым приемом создания личности становится экфрасис, словесный ряд соотносится с визуальным, о чем подробно скажем ниже.

Коннотация восприятия героя разными людьми позволяет образовать цельную характеристику, выстроив биографию. Постепенно создается емкая и законченная характеристика обобщенного («светоч человечества»!») и одновременно антитезизного свойства (отмечены куртуазные наклонности персонажа, предполагающие активные действия и расходящиеся с физическим возрастом персонажа), усиленная риторической конструкцией. Доминантными определениями станут: «знаменитый» («ссыльный») писатель», «великий Вольтер», «вне-законник Вольтер».

Авторские реплики дополняют впечатления героев и обозначают отдельные особенности поведения. «Лицо Вольтера заиграло хитрющими морщинками, как у некоего человекоподобного лиса[12]. Отметим, что и сам персонаж косвенно признает такую оценку: «на что способна старая лиса». В оценке содержится скрытая отсылка к бытовой сказке, и одновременно смыкаются авторский и персонажный планы[13].

Все же традиционному для романного поля повествованию от лица автора («Вольтер — это не только влюбленный старик, но также и тот, кто в обиходе зовется «светочем человечества»!») Аксенов предпочитает более сложное устройство, предполагающее вкрапления несобственно-прямой речи: «Ему явно нравился сей гибкий старик, казалось забывший в эти минуты о вечных своих бурлениях ниже пояса и о докучливых ломотах в костях и суставах»[14]. В обоих случаях использовано пояснение с общей семой «старик».

Похожим образом образуется и образ Екатерины. Фон-Фигин дает предисторию появления ее в России: «Екатерина в народе никогда не считалась *немкой*, хоть и была в отличие от супруга чистейшей представительницей сей подозрительной нации»[15]. Получается развернутая самохарактеристика персонажа, дополняемая в ходе повествования. «Младой лик Софьи-Фредерики-Августы Анхальт-Цербстской, ныне Екатерины Второй, Императрицы Всея Руси» смотрит с медальона, подаренного Вольтеру[16].

Другое визуальное описание, манящий взгляд Екатерины, предстает на ее портрете кисти Монжерона (в качестве имени художника использовано живописное местечко во Франции), Свойственная экфрасису живописность подчеркивается автором упоминанием ключевого слова «картина»: «Странная картина открылась перед ним», «неподвижная картина прибалтийского простора», «словно неподвижная картина».

---

12 Там же, с. 301.

13 Там же, с. 162.

14 Там же, с. 372.

15 Там же, с. 195.

16 Там же, с. 87.

Разнообразными описаниями буквально пестрят страницы романа: изображается представление пьесы Вольтера, приводятся пейзажные зарисовки тех мест, где оказываются герои, подробно прописываются, например, набережные Парижа, разнообразные улочки. Живописны сценки гурманских встреч, когда «Вольтер разделывает блюдо малиновок по-бретонски. Разнимает всякое мелкое сочленение, с каждой косточки обирает крошечки мясца, тянет зубами нежные нити сухожилий, а в довершение кусочком хлеба подбирает всяческие слизи. Все это надо запечатлеть для исторических мемуаров»[17]. В конце сценки следует иронический комментарий автора.

Согласимся с мнением А. Гольденберга, что «эффект оживления персонажей станет конечной целью экфрасического стиля»[18]. Отметим также, что подобные описания составляют внутренний сюжет, вливаясь в общий сюжет произведения, заинтриговывая читателя и одновременно способствуя красочности изображаемого. Таковы, например, перечисления предметов: «Накат подгонял к нему много размокшей бумаги, толщиной в палец, некие странные пленки с печатью «оссисо де Страсбур», мятые (не разбитые!) какие-то бутыли, невесомые белые камешки и ломаные кирпичики, явилась широкая то ли рыба, то ли квасная тюря, заляпанная дегтем, плюхнулась на песок, взялась задыхаться…»[19].

Иногда описание соотносится с полотнами художников: «Временами они (тучи, тучи) формировали полный кляп, затмевая июльское солнце брюхатостью своих очертаний, потом вдруг рассыпались по всему небу, подражая купидончикам Франсуа Буше, купающимся в апофеозе сияний». Передаваемый световой эффект не случаен, ибо картины художника называли «чувственными». Аксенову же важно обозначить «облачное виденье», чтобы отразить косвенным образом переживания героя (без прямого их обозначения)[20].

Иногда встречаем и прямую реакцию: «острейшим и умнейшим взглядом оценил юношу», «при каждом взгляде на своего собеседника он вспыхивал нескрываемым восторгом». Подобные рефлексивные наблюдения также способствуют изобразительности описываемого. Образное описание поддерживается лексикой, выступающей в функции словесных сигналов, нарочитая разговорная лексика («брюхастость») соединяется с возвышенной («апофеоз»).

Чувственные характеристики важны для обозначения состояния, прежде всего вымышленных персонажей второго ряда Михаила Земскова (Мишеля де Террано) и Николая Лескова (Николя де Буало), спешащих к Вольтеру «всем и так вроде бы ясно, что скачут, скачут на своих мифических конях, чтобы припасть к чьим-то туфелькам, поцеловать краешек платья, раствориться в любовном блаженстве», «с уверенностью и легчайшей наглостью предвкушали то, что еще сегодня предстоит им вкусить: взоры, воланы, восторг»[21].

---

[17] Там же, с. 20.

[18] См. об этом: А.Х. Гольденберг. *Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя*. Москва: Языки славянских культур, 2013, с. 146.

[19] В. Аксенов. *Вольтерьянки и вольтерьянцы...*, с. 226.

[20] Там же, с. 183.

[21] Там же, с. 462; 23.

Имена героев косвенно указывают на происхождение из мелопоместных дворян. Они станут героями авантюрной линии, ибо выступят как секретные агенты, везущие послания от императрицы к философу. Именно их «зрительный образ» появился вначале и стал началом авторской рефлексии — «двое юношей в треуголках, натянутых на брови, мчатся по обледеневшей дороге — тата-тата-тата — они уже слились с конями, разбивают лужи замерзшие, закат над Северной Европой, на закате — тонкий месяц, все это такие видения Европы, и они скачут, скачут…»[22].

Словом, возникает действительно картинное изображение, о чем автор свидетельствует в романе, представляя весеннюю темную картину, освещенную «лишь огромным бледно-зеленым небом с чеканным серпиком апреля». На ней располагаются «две фигуры, пребывающие в бешеном движении, ног у них не сочтешь, видно только, как вдребезги разбиваются замерзающие вдоль дороги лужи. Летят за ними хвосты, гривы и плащи, если глянешь сбоку. С той же позиции заметишь натянутые до бровей треуголки да младые гладкия подбородки. (…) Рьяны ноздри исторгают мятущийся пар»[23].

Некая архаизация («позицьи», «гладкия», «натюральную романею»), становится указанием на то, что действие происходит в прошлом, точнее, в апреле 1764 года. Глаголы движения создают нужную для автора динамику и одновременно содержат установку на авантюрную ситуацию. Герои входят в другой мир, чуждый им географически, культурно, социально; мотив путешествия служит свидетельством сказанному. Сами авантюрные события являются дополнением к основному сюжету, обозначаясь специальной конструкцией: «Еще одно приключение произошло, когда миновали Ганау, Фульду, Саксен-Готу, Эйзенах и несколько княжеств мелких принцев, уже на границе герцогства Мекленбургского, то есть в северных краях, весьма близких к дестинации»[24].

Одновременно с приключениями (драками, поединками, стычками) подробно прописывается механизм авантюрного поведения. Попав в Париж, в лавке *Au tres galant* на Севрской улице, герои переодеваются, обзаведясь «новым платьем и разными аксессуарами высокой моды»[25]. Впоследствии в зависимости от ситуации они надевают маски секретных агентов, дипломатов, опытных дуэлянтов, искусных любовников, свидетелей истории.

Очевидно, что форма исторического романа служит своеобразной оболочкой представления героев, автор постоянно стремится показать, как «картина превращается в роман», допуская условность описания: «Шумное дыхание, бой копыт и скрып сбруй завершают переписку пейзажного масла, то есть натюрморт на наших глазах и при наших ушах обращается в натюральную романею»[26].

---

[22] В. Аксенов. «*Квакаем, квакаем...»: Предисловия, послесловия, интервью*. Москва: Эксмо, 2008, с. 181.

[23] В. Аксенов. *Вольтерьянки и вольтерьянцы...*, с. 12.

[24] Там же, с. 132.

[25] Там же, с. 40.

[26] Там же, с. 12.

Вместе с тем он не уклоняется от схемы классического романа, называя свое произведение «старинным романом» и сохраняя иллюзию вставками пояснительного свойства перед каждой главой. Сравним, например, с самым известным текстом XVIII века Г. Филдинга *История Тома Джонса, найденыша*: «Глава I: Введение в роман, или список блюд на пиршества», «Глава II: Краткое описание сквайра Олверти и более обстоятельные сведения о мисс Бриджет Олверти, его сестре».

Интересно рассуждение Д. Лессинг, английской писательницы-фантаста, откликнувшейся следующим образом на произведение Г. Филдинга: «Эта страна каждый день похожа на восемнадцатый век, полный воров и авантюристов, негодяев и грабителей, обладающих поддельной жестокостью, соседствующими с морализирующими людьми»[27].

К таким персонажам отнесем персонажей из второго ряда, кроме тех, кто возглавляется Барбароссой, представленного автором следующим образом — «авторитетный рыжебородый с рваной ноздрею», способный клыками прокусить кожу. Условность персонажа подчеркивается игрой с именем, повторяются слова общего корня — Краснобородый, то есть Красная Борода. Само прозвище использовано как нарицательное обозначение героя. Имя, которое христиане дали семье грозных морских разбойников и турецких адмиралов, затем регулярно повторялось в истории.

Налицо вводимый ассоциативный ряд и проявления авторской идеи, связанной с концепцией зла, выраженной в чертовщине, как отмечает Аксенов, результате «духовной революции, подготовленной энциклопедистами»[28]. Поэтому он нарочито использовал «криминальную среду, действующую в романе», введя подобие Пугачева. Однако в свойственной ему манере: через абсурдность, миражность, ощущение иллюзорности происходящего. Такова сцена появления Барбароссы и его шайки, где ключевым словом становится «авторитетный», использованное в антитезном значении: тот, кто пользуется всеобщим признанием, доверием, уважением, окажется бандитом и насильником.

В указанной сцене налицо фантасмагория: «Мародер-стервятник, растерзанный толпой, неожиданно оживает: «повисев под градом ударов на крюке, он тихо окочурился, а потом заполз под дубовую скамью, куда ему принесли бадью вчерашнего супу»[29]. Возникает ощущение иллюзорности, миражности, абсурдности происходящего действия и в то же время театрализации описываемого, как будто разворачиваются крупным планом сценки из какого-то спектакля или фильма: «домчались до нашей увертюры, ворвались в пейзаж померанского апрельского заката, чтобы в конце концов и его оставить за хвостами своих коней»[30]. К кинематографическим кодам отнесем и отсылку — «его аватары».

Фантасмагорический дискурс усиливается в дальнейшем повествовании, где появятся «гигантский призрак Сорокапуст», выступающий под именем алхи-

---

27 Д. Лессинг *Воспоминания выжившей*. Санкт-Петербург: Амфора, 2008, с. 245.

28 Там же, с. 192.

29 Там же, с. 19.

30 Там же, с. 24.

мика Карантце; фернейские черти, ведьма Флефьё, Суффикс Встрк, Китаец Чва-Но, Лёфрукк, Мусульманин Эльфуэтл и припозднившийся Шут Гутталэн, то ли действующие лица, то ли плод воображения рассказчика Вольтера. Специальное пояснение содержится в отступлении, небольшом рассказе о замке Доттеринк-Моттеринк, «что на языке романа означает Дочки-Матери». Иронический дискурс как бы ведет повествование от одного эпизода к другому.

Стремление разъяснять происхождение событий в историческом поле проявляется упоминанием различных мест с авторскими пояснениями: «достигли Николя и Мишель приморского города Данцига, по-нашему Гданьска». Топонимика фиксируется, герои рассматривают «виды готического града, пока медленно цокали подковами по гладким булыжникам улицы Длуга». Хотя некоторые места очевидно придуманы автором, указывается городок Цукер-Цурюкер (словесная авторская игра продолжается).

Одновременно повествование локализуется во времени: апрель 1764 года; «вросшие в лед повозки недавней войны»), «о той же эпохе гласила большая картина Ватто в нижней зале», упоминается Семилетняя война, салоны, театральные представления, куртуазные отношения, книжные и музыкальные новинки, изобретение воздушного шара братьев Монгольфье. Аксенов говорит и о модных новинках в свойственной ему образной манере: «протянул ему через стол свою руку, как бы выпрыгнувшую из пены кружев»[31]. Образный характер носит также описание критически оценивающего себя в зеркале Афсиомского: «широкоплечего и еще не совсем жирного, в бархате с золотым шитьем и галунами, с генеральскими вальграпами и ольстрами»[32].

Историческое поле образуют множественные упоминания других исторических лиц — Корнеля, Расина, Дидро, Марко Поло, Ньютона, А. Сумарокова, Людовика XV, императрицы Елизаветы, Петра III, Нарышкина, Григория Орлова. Обычно они звучат в разговорах, их функция характерологическая, они используются для обозначения места и времени действия.

Аксенову важно закрепить косвенную документальность романа, показать, что придуманные им герои являются частью истории, «важным историческим моментумом». «Отчаянно правдивую историю» сам Аксенов подтверждает в своих интервью. Он говорит, что знакомился с самым разным материалом, перепиской Вольтера и Екатерины Второй, дневниками последней, исследованиями, из которых черпал сведения об эпохе, деталях, именах, выражениях, литературных отношениях.

Центральное событие — сцена встречи Вольтера и Екатерины II придумана автором, ибо в жизни персонажи не встречались, таким образом обязательная для исторического романа действительно бывшая ситуация вымышлена. Именно одна из таких бесед составляет кульминацию: «Приближался решительный момент, содержавший весь смысл задуманного Екатериной диалога»[33]. Среди заданных тем — рассуждения о времени, добре и зле. Готовясь к разговорам

---

[31] Там же, с. 306.

[32] Там же, с. 32.

[33] Там же, с. 308–309.

«безукоризненный вельможа» свои соображения вносит в «альбум». Автор сообщает: «Итак, начинается философическая дискуссия, коя будет излагаться в виде излюбленного нашим центральным человеком жанра драматических диалогов. Впрочем, автор возьмет на себя смелость время от времени вторгаться с кое-какими параграфами своего излюбленного жанра укоснительного повествования»[34].

Коллизия вымышленной встречи выводится условной ситуацией, она происходит на острове Оттец, где-то в Балтийском море. Здесь и встречаются будущие участники. Внешне нейтральное начало восьмой главы обозначает содержание будущего разговора: «Глава восьмая, в коей Вольтер знакомит барона Фон-Фигина и генерала Афсиомского со своими взглядами на российские отчины, равно как и на черных рабов в Америке». Далее вновь следует пояснение: «Очередная беседа *Остзейского кумпанейства* — как стали уже именовать сию встречу в замке и в окрестностях — была проведена в самом тесном кругу, есть-ли так льзя высказаться о треугольнике»[35].

Использованный архаизованный оборот («есть ли так льзя») не затеняет скрытой аллюзии, на что указывает другое выражение, «была проведена в самом тесном кругу». Как известно, в 1945 году на Ялтинской (Крымской) конференции глав ведущих стран шел разговор о послевоенном устройстве и разделе мира.

В эпизоде обозначены участники: «три персоны, барон Фон-Фигин, генерал Афсиомский и всемирный философ де Вольтер, засели в библиотеке замка за четырехугольным столом мореного дуба. Каждый из них занимал свою сторону стола, четвертая же сторона осталась свободной»[36]. Сам же Вольтер полагает, что «речь пойдет об отмене крепостного права в России», этому и посвящены его основные рассуждения в данной главе.

Как и главный герой, участники собрания стремятся «стать равнобедренными вершителями Истории», «свидетелями истории» и готовятся к мероприятию. Правда, опять-таки в свойственной автору игровой манере: «Очерчен круг наиважнейших вопросов, кои следует обсудить для пользы народов и царствующих семей. Государыня также намерена поднять ряд философских и исторических тем. Ее интересует, в частности, мнение Вольтера о театре всемирной истории: что это, работа искусного драматурга или нелепый и кровавый балаган?»[37].

Косвенная документализация обозначается разными реалиями, упоминание о том, что «только что Балтийское море поглотило на шестьдесят тысяч ефимков картин, купленных Вами в Голландии, а Вы уже приказываете привесть картин из Франции на четыреста пятьдесят тысяч ливров» говорит о страсти русских императоров формировать собственные коллекции в Эрмитаже.

Значимым приемом создания исторического дискурса становится лексика. Как уже отмечалось, автором последовательно проводится нарочитая архаиза-

---

[34] Там же, с. 355.

[35] Там же, с. 298.

[36] Там же, с. 298.

[37] Там же, с. 91.

ция в виде отдельных слов и выражений: «философом», «библиутеки», «паки»; «решил не торопиться и появиться на бастионе в полном сиянии своего спокойствия», «в самом начале сего повествования хочу обратиться к вам, персоны читающего сословия». Аксенов часто допускает иноязычные вкрапления в своих произведениях, на сей раз в основном из французского, немецкого и английского языков. Иногда они даются без перевода или перевод приводится в скобках «эстафеты» (*les estafetes*), Среди других вкраплений «афрон», «коэнсидансы», «эппенопля», «савуар-вивр» *(savoir vivre)*, «гельды», «папиры».

По ходу развития действия даются пояснения: «в вольном штадте или мясте», «на мой собственный суд и правеж» — авторское словообразование (от глагола «править», в данном случае значение иное — ‚вершить суд'). Иногда смысл становится ясным из контекста: «едва не получился афронт». Разнообразная лексика выполняет роль своеобразных регистров, указывающих на исторический контекст, позволяющих вывести характеристику персонажей и дать оценку (обычно с этой целью используется сниженная или современная лексика — «прикид», «братва»).

Третьей структурной особенностью романа является использование элементов филологического романа, автор сообщает, что «приближается развязка», стремится «рассказать в эпилоге также о том, как сложилась и вне романа судьба наших любезных — и не очень — персонажей»[38]. Указывается и на организацию действия: «повесть сия уцелела, лишь слегка заехав в не совсем реальное отклонение». происходит и игра отдельными тропами («метафорически говоря», «сказ наш прохаживается нынче тихими стопами»). Принцессы (героини второго плана) выказывают осведомленность в современных новинках, одна из них «чувствуя себя подлинной героиней нарождающегося романтисизма» и будущего романа заявляет: «Надо сделать так, чтобы наши уноши нас похитили! И увезли на какие-нибудь острова!»[39].

Речь Фон Фигина представляет собой образец словесной игры, в которой проявляется филологический дискурс: «Когда ешь пирожное, сладко говорить и про небо, и про нёбо: русская фонетика их сближает»[40]. Постоянные для дискурса Аксенова интертекстуальные связи проявляются в упоминании среди санкт-петербургских пациентов Земского, Шерер и Курагина, скрытых цитированиях («Плоть моя, иль ты приснилась мне?»).

Элементы филологического романа проявляются также в нарочито книжном описании: «Вот так иной раз получается в реалистической литературе: благоухает ароматами летняя культура ботаники, целомудренно светятся на солнце обнаженные мраморы увековеченных тел, поют наперебой птицы, красавицы звука…»[41].

В повествовании постоянно указывается на творческий процесс, хотя и не так подробно, как скажем, в романе *Редкие земли*: «Далее от изысков слога мы

---

38 Там же, с. 476.

39 Там же, с. 218.

40 Там же, с. 377.

41 Там же, с. 342.

переходим к суровой необходимости вести повествование». «Вот уж круглый месяц, как герой нувели»…[42].

Аксеновым поддерживается традиционное для филологического романа постоянное присутствие автора в произведении («сказав, как в романах пишут»), хотя элементы биографии не столь явственно рассеяны по текстовому пространству, как, в том же упомянутом романе Редкие земли. Обычно присутствие проявляется не в прямом, а в косвенном виде (в отмеченных нами обращениях к читателю типа: «ранняя весна, судари мои, глубокий морозный закат», «запомни, читатель!»)

Свою очередную роль, в данном романе, автор определяет следующим образом: «Ну что ж, нам-то, сочинителю, то есть мануфактурщику бумажного товара, спешить некуда, если уж заехал в восемнадцатое столетие, в раннюю весну 1764 года; так что давайте по порядку»[43].

Возникающая жанровая многоголосица, соединение повествования из элементов исторического, авантюрного и философского романов обуславливаются установкой на театрализацию повествования. Именно структурные особенности произведения обуславливают его сценическое устройство, покадровое расположение эпизодов, подчеркнутое графическим отделением внутри каждой главы, переходы фиксируются: «мы покинули сию историческую сцену».

Отмеченный выше авторский замысел, направленный на создание театральной обстановки проявляется в виде пояснения к первой главе: «Глава первая, в коей картина превращается в роман, пустынные берега в парижскую Масленицу, портрет Вольтера в живую персону, театрализованный скандал в триумф, трезубец Нептуна в объятия Морфея». Ироническая реплика показывает, что представление развернется далее. Оно и начнется с мотив переодевания, подмены, когда императрица Екатерина, выступающая под видом барона Фон-Фигина, вступит в действие. Мотив встречи обозначит отношения: «Под его рукой неведомо как оказалось гладкое бедро»…[44].

Как отмечает сам Аксенов: «…Тогда очень увлекались маскарадами, была странная такая вещь — андрогинность петербургского двора. Екатерина… безумно любила переодеваться».

В самом романе встречаем следующее описание визуального свойства: «возник величественный старик в мелкозавитом, чуть не до пояса, парике, в расшитом серебром красном камзоле. Потрясая жесткими седыми бровями, он явил собой чуть ли не полководца эпохи Великого Короля; хотя был, разумеется, всего лишь дворецким.

Тому виною андрогинические поползновения, что пронизали все наше общество. Посмотри вокруг, мы сплошь и рядом видим маскулинизацию женщин и феминизацию мужчин. Подумай сам, дамы скачут верхом в рыцарской позиции, а часто и в военных мундирах, употребляют нюхательный табак и играют на бильярде, ну а мужчины, о них и говорить нечего: носят парики наподо-

---

42 Там же, с. 150; 206.

43 Там же, с. 13.

44 Там же, с. 177.

бие дамских укладок, кружева на груди и рукавах, банты, атласные штанишки и туфли на высоких каблуках, более того, украшают себя драгоценностями»[45]. «Даже простые солдаты пестуют свои длинные косы, смазывают их салом и посыпают пудрой»[46].

В данном случае речь снова идет о косвенной документации, в то время театрализация становилась способом самовыражения, об этом подробно рассказывает Афсиомский, своеобразно представляя Екатерину. Карнавализация поведения и переодевания позволяли на время поменяться ролями, похожую функцию выполняли театр и литература, где сценарий завоевания любовного партнера посредством переодевания стал общим местом.

Во время собрания и обсуждения знаковых временных проблем надевшая маску посланника барона Фон-Фигина героиня меняется: «Внешность его, как и внутреннее состояние его собеседника, преобразилась. Исчезла нередкая в его облике игривистая смазливость, некий не вполне сурьезный секрет сродни венецианскому маскараду. На Вольтера смотрел суровый солдат-вождь, готовый к любому повороту судьбы»[47]. Сравнение с Александром Македонским дополняет описание.

Вольтер также надевает образную личину: «Правой ладонью он сделал себе крышечку над бровями, и ему казалось, что он прячется весь под этой крышечкой». Продолжая разговор, Вольтер: «вышел из-под своей правой ладони»[48].

Маску казака Эмиля носит упомянутый выше фельдмаршал Барбаросса. Мотив встречи обозначает его первое появление в трактире «Лион Д'ор» (*Золотого льва*), потом стычка происходит на границе герцогства Мекленбургского, где появляется «казак Эмиль собственной персоной, толико в маске!», «некий беглый российский каторжник, числимый в списках тайной экспедиции под кличкой Страшун».

В его описании постоянно повторяются такие детали как рыжая растительность, рваная ноздря и выступающие из-за верхней губы два клыка, они позволяют идентифицировать личность. Личины оказываются разные: «постылая харя», авантюрного господина по кличке Казак Эмиль, который, сказывают, вот-вот себя объявит убиенным царем Гольдштайном, «государственный преступник, коего в сиих местах именуют Казак Эмиль», претендующий на то, чтобы именоваться Петром Третьим и свергнуть Екатерину. Очевидно, что маска выступает как константа персонажного набора, выполняя, прежде всего характерологическую функцию. Обретение разных личин оказывается необходимым, чтобы выразить сюжетные ситуации.

Несомненно, каждый персонаж играет свою роль, о любовных отношениях Михаила и Николая с курфюстиночками говорится следующее: «и играют они с нами такую игру, меняются ролями»[49]. «Знаешь, Михаил, сдается мне, что курфюрстиночки нас дурачат», — вдруг высказался Николай. В диалоге геро-

---

45 Там же, с. 410.

46 Там же, с. 411.

47 Там же, с. 309.

48 Там же, с. 159.

49 Там же, с. 175.

ев ситуация проясняется: «Выходит, нами они просто играют, как марьонетками, так? Или вроде каких-нибудь Кандидов каких-нибудь литературных, то есть нежизненных персонажей, в нас усматривают, так?» (наречие подчеркивает высказывание). Как отмечают шапероны, также проясняющие сказанное, героиня «вполне могли бы могла себе спокойненько убежать куда-нибудь на Корсику с каким-нибудь авантюристическим Николя» (содержится косвенная характеристика)[50].

В повествовании встречается и другая эмоциональная характеристика: «О, этот Мишель, этот божественный шут, я его обожаю, я его боготворю!»[51]. Правда, дальнейшего развития этот образ практически не получит, образ короля на час не сложится. В перечислительном порядке, без развития в сюжетном дискурсе он просто приобретет в Эпилоге свою характеристику: тот великий затворник, кому «случилось быть в молодости конфидантом великого Вольтера и негласным фаворитом Ея Императорского Величества»[52].

Отставной екатерининский генерал Михаил Земсков получит титулы барона Оттецкого и Анштальтского и станет гениальным целителем. Закончит свою императорскую службу и «известный в прошлом боевой екатерининский генерал Николай Лесков, маркграф Бреговинский». Поскольку та, которая на острове Михаил представлял со столь неповторимой куртуазностью, велит им пребыть теми, кто они есть, «ибо секретственные машкерады не всегда способствуют становлению личностей»[53]. Неотразимость героя сохранится как его атрибутивный признак и станет причиной его смерти. «Там он стоял один у стены, бледный и, как он прекрасно понимал, неотразимый»[54].

По своей основной роли молодые герои, как и их руководитель, генерал-аншеф Афсиомский Ксенопонт Петропавлович, известный в Европе под именем Конт де Рязань являются авантюристами. Характеристика Афсиомского проясняется по ходу повествования в авторских комментариях и пояснениях, отражая именно масочность его поведения: «воин и надежнейший агент, путешественник столь основательный, что снискал себе репутасию «Марко Поло Российского», писатель утопий и авантюрист, светский лион и немножко бандит, как всякий контрбандит»[55]. Любовник — авантюрист и авантюрист своего времени становятся его главными характеристиками.

Первое появление Екатерины на «большом русском корабле» организуется в текстовом пространстве в виде мизансцены: «главной персоной всего действа был изрядно молодой, то есть все же не первой молодости, офицер, одетый не совсем по уставу». «Молодой человек скакнул на твердую землю, сбросил маску, явив вполне приятное и светлое лицо, и раскрыл вельможе свои объятия»[56].

---

50 Там же, с. 425.
51 Там же, с. 121.
52 Там же, с. 481.
53 Там же, с. 481–482.
54 Там же, с. 496.
55 Там же, с. 32–33.
56 Там же, с. 143.

Ролевым указателем на участие в действии (представлении) становится деталь, надеваемые героями парики. Таково появление Афсиомского: «этот не очень-то уже русский господин в немного длинноватом парике, но зато в исключительно модных очках и с первым томом *Энциклопедии*[57].

Надевание героем парика обозначает переход к действию, упоминаются старомодные, парадные, капитанские парики, указывающие на их владельца. Не случайно велящий называть его «лейтенант-коммодором, бароном Федором Августовичем Фон-Фигиным. Фон-Фигин» заявляет: «Мой чин здесь просто для секретного машкераду»[58].

Постановочность изображаемого проявляется также в расстановке персонажей: «Вольтер решил развить перемену, то есть разрушение мизансцены»[59]. Образующийся «центр мизансцены» обозначается шрифтом (курсивом), в нем прописываются все действующие лица. Их реплики также выделяются: «Карантце (завихряет Мишу в клоунадном кошмаре)». Иногда автор указывает на характер подачи речи героев как обычно происходит в случае театральной ремарки: «Он прервал монолог, очевидно ожидая реплики своего «чудовища». «Посредине сего места встреч шумел ветвями Вольтер»[60].

В романе также встречаются указания на совершаемые действия: «усмехнулся», «улыбнулся», «вскинулся». Они попадаются как краткие, так и развернутые: «отмахнулся веселым жестом», «пробуравил взглядом». Таким образом перед нами выстраивается типично сценическое поведение с переодеванием, игровыми позами, театральными жестами и мимикой, авторскими ремарками.

Сам автор смотрит с расстояния (как участник на сцене), так обычно происходит в текстовом пространстве всех его романов: «Не все подробности этого дела нам известны (как не известны они, боюсь, никому)», «как раз в этот момент», «случилось это». Очевидно, что содержится призыв к участию в немедленном действии, иногда словесный и визуальный ряд смыкаются: «По завершении этого продолговатого абзаца граф продемонстрировал превосходную дипломатическую улыбку и подумал»[61].

Театральный дискурс проявляется также через описания разных праздников, например, Марди-Гра, то есть Масленицы, когда «любая швейка, а уж тем паче модистка, чувствовала себя сегодня героиней карнавала»[62]. «Креолы отменной красоты» дают представление потешные. «Мощная, как океанский поток, мелодия с подскоками ритмических волн тащила толпу подплясывать и подхлопывать в ладоши»[63]. Не удерживается и герой, запевающий свою песню. Она выводится в своем текстовом пространстве (эпизоде).

---

[57] Там же, с. 33.
[58] Там же, с. 103.
[59] Там же, с. 311.
[60] Там же, с. 547.
[61] Там же, с. 80.
[62] Там же, с. 40.
[63] Там же, с. 43.

Сложное и многогранное повествование обусловило использование разных жанровых систем: авантюрного, исторического и филологического романов. Элементы форм переплетаются между собой, чтобы отразить бурный процесс формирования светского общества и зарождения новых форм словесности. Политический диалог «вкупе с философскими дигрессиями», «куртуазными диалогами» проявился в особом сценическом устройстве романа и позволил автору своеобразно представить «век тотального маскарада», когда игровая составляющая не исключала процесс закладывания философских основ будущего мира. В центре повествования окажутся личные отношения, небесная любовь к Государыне, которую персонаж пронесет через всю свою жизнь.

Литература

Аксенов В. *Вольтерьянки и вольтерьянцы*. Москва: Эксмо, 2004.
Аксенов В. «*Квакаем, квакаем…*»: предисловия, послесловия, интервью. Москва: Эксмо, 2008.
Гольденберг А.Х. *Архетипы в поэтике Н.В. Гоголя*. Москва: Языки славянских культур, 2013.
Лессинг Д. *Воспоминания выжившей*. Санкт-Петербург: Амфора, 2008.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 278–289

MIĘDZY MIŁOŚCIĄ A ŚMIERCIĄ, CZYLI IWANA TURGIENIEWA KONCEPCJA LUDZKIEGO LOSU

PIOTR KOPROWSKI

Uniwersytet Gdański
Wydział Historyczny, Instytut Historii, Zakład Historii Myśli i Kultury Politycznej
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: piotrkoprowski12@wp.pl
(nadesłano 12.09.2014; zaakceptowano 28.11.2014)

Abstract

Between love and death, or Ivan Turgenev's conception of human fate

The article presents the origin, the essence and various conditions of the concept of tragic love depicted by Ivan Turgenev (1818-1883). Initially, the Russian was trying to catch the nature of love as a result of reading works of Russian and West European Romanticism authors — George Gordon Byron, Johann Wolfgang Goethe, Alexander Bestuzhev, Vladimir Benediktov. In a later period of his life, however, Turgenev was perceiving the issue of tragic love also through the prism of his personal feelings and life experiences. The concept of tragic love created by the writer, pessimistic in its meaning, is a component of Turgenev's world-view. It should be considered together with his thoughts regarding the specific nature of human existence.

Key words

The concept of tragic love, illness, suffering, feel sensations, friendship, spiritual development.

Abstrakt

W artykule przedstawiono genezę, istotę i różnorodne uwarunkowania koncepcji miłości tragicznej autorstwa Iwana Turgieniewa (1818–1883). Rosjanin początkowo próbował uchwycić naturę miłości w następstwie lektury dzieł rosyjskich i zachodnioeuropejskich twórców doby romantyzmu: George'a Gordona Byrona, Johanna Wolfganga Goethego, Aleksandra Bestużewa, Włodzimierza Benediktowa. W nieco późniejszym okresie swego życia patrzył na związaną z nią problematykę również poprzez pryzmat osobistych doznań i doświadczeń życiowych. Stworzona przez pisarza, pesymistyczna w swej wymowie, koncepcja miłości tragicznej jest elementem składowym Turgieniewowskiego światopoglądu. Trzeba rozpatrywać ją wespół z refleksjami autora *Opowieści tajemniczych*, dotyczącymi specyfiki ludzkiej egzystencji.

Słowa kluczowe

Koncepcja miłości tragicznej, choroba, cierpienie, odczuwać, przyjaźń, rozwój duchowy.

Truizmem jest stwierdzenie, że miłość jako przedmiot utworów literackich, zarówno tych z „górnej półki", a więc uznanych, o wysokich walorach literackich i ideowych, jak i drugorzędnych, frapujących mniej wybrednych czytelników, to temat — rzeka. Na przestrzeni wieków zmieniały się style, mody i kierunki literackie, ale — niezależnie od tego — motywy te zawsze znajdowały odbicie w twórczości poetów i pisarzy. Poświęcono im tyle słów, porównań, przenośni, obdarzono tyloma epitetami, że współczesnym wydaje się zgoła niemożliwe dodanie na ten temat jeszcze czegoś nowego, niebanalnego, oryginalnego. W związku z tym warto, być może, na nowo odczytywać, analizować i interpretować znane skądinąd i utrwalone w literaturze pięknej „odmiany" człowieczego losu, w tym tzw. „odmianę" romantyczną.

W obręb tej ostatniej wpisuje się również koncepcja miłości tragicznej autorstwa rosyjskiego pisarza i myśliciela Iwana Turgieniewa (1818–1883). Zamiarem piszącego te słowa jest przedstawienie jej istoty i różnorodnych uwarunkowań[1]. Wspomniana koncepcja znalazła, począwszy od lat czterdziestych XIX wieku, odzwierciedlenie przede wszystkim na kartach dzieł literackich twórcy, a także w korespondencji prywatnej. Turgieniew w głównej mierze wypowiadał się na ten temat w okresie, kiedy romantyczne ideały i styl życia nie były już w Rosji popularne, a za bezdyskusyjny

[1] Na gruncie polskim zagadnienie to podjął przede wszystkim A. Semczuk, łącząc je z uwarunkowaniami społecznymi życia i działalności tzw. „zbędnych" inteligentów rosyjskich w XIX wieku. Zob. A. Semczuk. *Iwan Turgieniew.* Wyd. 2. Seria Profile. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1988, passim; A. Semczuk. *Iwan Turgieniew i ruch literacki w Rosji w latach 1834–1855.* Komitet Słowianoznawstwa PAN. Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1968, passim. Na temat „zbędnych ludzi" zob. P. Koprowski. *„Zbędni ludzie". W kręgu procesów indywidualizacji inteligencji rosyjskiej w XIX wieku.* [W:] *Historia, mentalność, tożsamość. Rosja i Europa Zachodnia w polskiej i ukraińskiej historiografii XIX i XX wieku.* Red. E. Koko, M. Nowak i L. Zaszkilniak. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, s. 407–429.

uważano pogląd, iż romantyzm — ze względu na to, że opiewał abstrakcyjne, „wysokie ideały istoty ludzkiej", nie dostrzegał realnych problemów społecznych — „przegrał swoją sprawę (...) w literaturze i w życiu"[2]. Pisarz, przez całe życie pozostający pod urokiem romantyzmu[3], w czasach „nieromantycznych" stworzył, czerpiąc m. in. z dorobku twórczego romantyków George'a Gordona Byrona, Johanna Wolfganga Goethego, Aleksandra Bestużewa i Włodzimierza Benediktowa[4], określoną koncepcję ludzkiego losu. Ta ostatnia nie traci — mimo owych inspiracji — znamion oryginalności i odrębności.

O oryginalności i odrębności Turgieniewowskiej koncepcji świadczy jej niezwykle silne uwikłanie w sytuację egzystencjalną człowieka w ogólności, a samego myśliciela w szczególności. Ten ostatni wyszedł z założenia, że nie sposób zrozumieć istoty miłości, jeśli uprzednio nie zgłębi się specyfiki naszego istnienia, nie pozna własnego miejsca w świecie oraz determinujących je czynników. Twórca, analizując treści z tego zakresu „przekroczył" więc rosyjski „wymiar" społeczno-kulturowy, abstrahując od niego. Zasługuje to, jak się wydaje, na uwypuklenie i podkreślenie.

Rozważania Turgieniewa dotyczące losu ludzkiego naznaczone są głębokim pesymizmem. Życiem człowieka kieruje, jego zdaniem, ślepy przypadek. Nie wszystkim wiadomo, jak postępować, by przetrwać. Nie wiemy, co nas czeka w najbliższej przyszłości — w przyszłym tygodniu, jutro, za godzinę... Przypadek, los odebrał ludziom wiarę w stabilność i naturalność znajdowania się w dobrym stanie czy sytuacji. Nietrwałość tego, co miłe i radosne, powoduje, że w oczach jednostki ludzkiej wartości te tracą pełnię realności, stając się czymś nie do końca rzeczywistym. Są one — w mniejszym lub większym stopniu — złudzeniem. Nawet jeśli w danym momencie nienaruszone, wydają się zagrożone i potencjalnie już unicestwione. Ludziom jest „sądzone czasami tylko widzieć brzegi szczęśliwe i nigdy nie stanąć na nich twardą stopą"[5]. Ci, którzy myślą inaczej, nie znają zarówno własnej natury, jak też natury rzeczywistości. Jeśli zaczną utożsamiać się ze swym — chwilowym w istocie — sukcesem, uznając go za swoją zasługę, to w pewnym sensie przestaną istnieć, znikną. Ich powodzenie jest bowiem darem niewidzialnej, ślepej siły, niekierującej się żadną logiką i racjonalnością. Sukces równie dobrze może — jak podkreślał Turgieniew — być dany przez los, jak odebrany, bądź też nie dany wcale. Nie należy przeto brać fałszywych pozorów za dobrą monetę. Człowiek, który tego nie dostrzega, jawi się jako nędzna istota, określona przez nawyki samolubstwa, śmieszną naiwność i politowania godną przebiegłość, a więc przez cechy uniemożliwiające jej poznanie prawdy o sobie. Okazuje się dziwaczną syntezą pychy, litości i śmieszności, czyli według myśliciela — nikim.

---

[2] В.Г. Белинский. *Полное собрание сочинений*. В 13 томах. Т. 9. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955, s. 388.

[3] Szerzej o dylematach związanych z „wpisaniem" Iwana Turgieniewa w nurt pozytywizmu w drugiej połowie XIX wieku zob. P. Koprowski. *Pozytywista, ale jaki? Światopogląd Iwana Turgieniewa w latach 1848–883.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2009.

[4] Zob. na ten temat P. Koprowski. *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgieniewa.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 115–125, 139–153, 162–167.

[5] I. Turgieniew. *Zacisze i inne opowiadania.* Przeł. Z. Kaczorowska i P. Hertz. Seria Z pism I. Turgieniewa. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1955, s. 177.

Turgieniew krytykował ludzi przywiązanych do swego sukcesu, tak nietrwałego i iluzorycznego skarbu, dostrzegając zarazem ich tragizm. Gdy los się od nich odwróci, zaczynają uświadamiać sobie własną klęskę i, podobnie jak żebrak, wyciągać rękę do drugiego człowieka z prośbą o wsparcie, o współczucie, którego — jak ongiś sądzili — nigdy nie będą potrzebować. Pisarz wyrażał współczucie wobec każdego człowieka dotkniętego nieszczęściem. Tylko to bowiem, jego zdaniem, można uczynić. „Przykrość każdemu może się przydarzyć, (...) i najpierwszy od nieszczęścia się nie ustrzeże. Nagle spadnie na człowieka — i skądże to, a i kto może z góry to powiedzieć, że to będzie tak, a tamto owak. Bóg jeden wie, co z tego wyjdzie! Wszystko to ciemność". Pewną pociechą jest jedynie to, że nieszczęście, podobnie jak sukces, nie jest stanem ostatecznym, nieodwracalnym. Trzeba mieć nadzieję, że „może się Pan Bóg zlituje i wszystko wyjdzie na lepsze"[6].

Człowiek nie może odwrócić swego przeznaczenia, losu.

> „Nikogo nie minie jego los. (...) Jak obłoki powstają z oparów ziemskich, rodzą się z łona ziemi, potem oddzielają się, odrywają od niej i niosą jej wreszcie błogosławieństwo lub zgubę, tak samo wokół każdego z nas (...) tworzy się rodzaj żywiołu, który (...) nas samych niszczy lub zbawia. Ten właśnie żywioł [można nazwać — P. K.] losem..."[7].

Człowiekowi pozostaje tylko przystosowanie się do nieoczekiwanych sytuacji i zdarzeń. Ze spokojem, bez zaangażowania emocjonalnego powinien on przyjmować zarówno dobre, jak i złe chwile, dosięgające go szczęście i nieszczęście. „Życie nie oszuka tylko tego, kto (...) nic nie żądając od niego, przyjmuje spokojnie jego skąpe dary i spokojnie je spożywa"[8]. Owo niewybijanie się ze stałego, równego rytmu egzystencji, nieustanne utrzymywanie się w tych ramach, nieutożsamianie się ze szczęściem, jak i z nieszczęściem, jawi się Turgieniewowi jako swoisty ideał. Ludzie prowadzący spokojne, ciche, monotonne życie rozkoszują się szczęściem, bo — jak podkreśla — na ziemi nie ma innego szczęścia. To ostatnie jest udziałem – nie zapominając oczywiście o uwarunkowaniach, mogących zmniejszyć jego natężenie lub je całkowicie przekreślić – m.in. niektórych prowincjonalnych ziemian, żyjących w otoczeniu pól, lasów i łąk oraz myślicieli przebywających w kręgu idei, marzeń.

Turgieniew wskazywał na kruchość i iluzoryczność szczęścia, wpisanego w ludzkie życie. Uważał, że człowiek szczęśliwy „to tyle co mucha, kiedy się grzeje w słońcu"[9]. Nie będzie nas dziwić takie porównanie, jeśli uzmysłowimy sobie, że samo życie jest jedynie złudzeniem, krótkotrwałym mgnieniem. Złudność życia, pozorność jego wartości obnaża — w przekonaniu autora *Dziennika człowieka niepotrzebnego* — śmierć. Odsłania ona nicość spraw ludzkich, ich błahość, śmieszność. Z jej perspektywy życie jest megalomanią, pychą i głupstwem. Śmierć może bowiem spaść na człowieka w każ-

---

[6] *Kto to jest? Rosyjskie jednoaktówki komediowo-satyryczne.* Wybór, przedmowa i noty o autorach R. Śliwowski. Przeł. K. Białek et al. Warszawa: Czytelnik, 1981, s. 83. Zob. także H. Mazurek-Wita. *Kształt sceniczny sztuk dramatycznych Iwana Turgieniewa.* [W:] *Literatura rosyjska i jej kulturowe konteksty.* Praca zbiorowa pod red. R. Łużnego. Prace Komisji Słowianoznawstwa PAN. Oddział w Krakowie, nr 48. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990, s. 109–117.

[7] I. Turgieniew. *Zacisze...*, s. 175.

[8] Tamże, s. 202.

[9] I. Turgieniew. *Opowiadania wybrane.* Przeł. P. Hertz. Warszawa: Książka i Wiedza, 1952, s. 77.

dym momencie, nikt przed nią nie ucieknie, nie zdoła się ukryć. Zagrożenie płynące z jej strony obniża, degraduje wartość życia ludzkiego. Mucha może niekiedy, zdaniem Turgieniewa, „ratować [się — przyp. P.K.] przed pająkiem" — wysłannikiem, narzędziem śmierci i ocalić siebie. Nie odzyska jednak dawnej kondycji.

> „Skrzydełka i nóżki ma zlepione ... jak niemrawo porusza się. [...] Po wielu wysiłkach otrząsa się, jako tako pełza, próbuje rozprostować skrzydełka... lecz nie będzie już bujać po dawnemu, nie będzie beztrosko bzykać w słońcu, wlatując przez otwarte okno do chłodnego pokoju, to znów ulatując swobodnie w nagrzane powietrze"[10].

Z kolei człowiek może — co prawda — przeczuwać nadchodzącą śmierć, słyszeć, że już się zbliża niczym kareta nocą po bruku, lecz nie jest w stanie ani powstrzymać jej marszu, ani nawet go spowolnić. Porównanie to ujawnia — z jednej strony — brutalność śmierci, a z drugiej — jej aczłowieczeństwo, nieludzkość. Ludzie, poddani tej sile, tracą — według Turgieniewa — istotną część pokładów swej osobowości, podmiotowości, ulegają w pewnym stopniu odczłowieczeniu. Mucha jest istotą nieosobową, w zetknięciu ze śmiercią niepostawioną na z góry przegranej pozycji. Człowiek, mimo iż stanowi wyższą — ze względu chociażby na walory umysłu — jakość, to jednak pod względem egzystencjalnym sytuuje się niżej od marnego owada. Pisarz odsłonił, wydobył na światło dzienne degradujący człowieczeństwo pochód śmierci. Stawia dramatyczne, przeniknięte bólem pytanie: „Czy naprawdę [w chwili jej nadejścia serce — przyp. P.K.] umilknie na zawsze, choć nie zaznało (...) szczęścia i nie wezbrało (...) pod słodkim brzemieniem radości? To niemożliwe, niemożliwe, wiem ...."[11].

Dla Turgieniewa śmierć jest klęską egzystencji, uniemożliwia pełną samorealizację, naznacza życie ludzkie pozorami istnienia. Jawi się jako największe ze wszystkich nieszczęść, nieodwracalna tragedia. Ten, kto umiera, odchodzi bowiem tam, skąd nikt jeszcze nie wrócił. Przychodzi po niego siła, „która nie mając wzroku, kształtu, zmysłów, wszystko widzi, wszystko wie i niby drapieżny ptak wybiera sobie ofiary, jak żmija dusi je". Jej wygląd zewnętrzny budzi „dręczące przerażenie":

> „To coś było tym straszniejsze, że nie miało określonego kształtu. Ciężkie, ponure, żółtawoszare, pstre niczym brzuch jaszczurki, ni to chmura, ni to dym, powoli, ruchem żmii sunęło ponad ziemią. (...) Pod działaniem [tej — przyp. P.K.] groźnej masy (...) wszystko obumierało, wszystko stawało się nieme ... Dolatywał od niej zgniły, rozkładający się chłód, od tego chłodu słabło serce, ciemniało w oczach, włosy stawały dęba"[12].

Charakterystyka ta wprowadza nas nie tylko w świat pisarskiej wyobraźni. Odsłania — i to wydaje się tutaj najistotniejsze — głębię przenikającego go lęku egzystencjalnego. Ogrom, natężenie tego ostatniego zmniejszyło tkwiące „na marginesie" ówczesnego systemu myślowego Turgieniewa przekonanie, że jeśli godzimy się na by-

---

[10] I. Turgieniew. *Zacisze...*, s. 175.

[11] I. Turgieniew. *Opowiadania wybrane...*, s. 112. Szerzej na temat postrzegania śmierci w XIX wieku zob. *Wymiary śmierci.* Wybór i słowo wstępne S. Rosiek. Seria Przygody Ciała. Gdańsk: Słowo / Obraz / Terytoria, 2002; *Śmierć – przestrzeń – czas – tożsamość w Europie Środkowej około 1900. Materiały międzynarodowej konferencji zorganizowanej w dniach 8–10 grudnia 1996.* Red. K. Grodziska, J. Purchla. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury w Krakowie, 2002.

[12] I. Turgieniew. *Opowieści tajemnicze.* Wyboru dokonał i posłowiem opatrzył A. Semczuk. Przeł. M. Brzozowska et al. Warszawa: Książka i Wiedza, 1988, s. 141–142.

cie człowiekiem, to musimy zaakceptować śmieć, uznać za wpisaną w egzystencję konieczność. Szacunek wobec szeroko rozumianego człowieczeństwa, ze swymi wartościami i przekonaniami, nakazywał pisarzowi zawiesić wątpliwości w jego sens. Starał się on osiągnąć, wypracować zrównoważone stanowisko wobec życia i śmierci.

Myśliciel miał świadomość, że nie jest to zadanie łatwe ani dla niego, ani dla jego współtowarzyszy w cierpieniu. Tym ostatnim zazwyczaj niezmiernie trudno jest przyznać się do tragizmu własnej sytuacji egzystencjalnej, niedoskonałości, ułomności. Nierzadko oszukują oni samych siebie, grając na scenie życia określone role. Autor *Opowieści tajemniczych* twierdził, że niekiedy „zajęci różnymi drobiazgami, głupstwami, sobą, nie czujemy (...) bezwzględnej ręki" okrutnego losu. Zachowujemy się tak, jakbyśmy albo nie zdawali sobie sprawy z efektów jego działalności, albo uważali siebie za wyłączonych z cyklu istnienia ku śmierci. Dopóki nie staniemy się ofiarą losu, pozornie owa metoda postępowania wydawać się może zasadna. „Dopóki można okłamywać i nie wstydzić się kłamstw — można żyć i nie wstydzić się złudzeń". Kiedy jednak los zacznie dawać się nam we znaki, kiedy zostaniemy „naznaczeni" jego obecnością,

> „wtedy tylko jedno pozostaje człowiekowi, aby nie obrócił się w proch, nie pogrążył się w grzęzawisku zapomnienia... pogardy: spokojnie odwrócić się od wszystkiego, powiedzieć: dość! — i skrzyżowawszy ręce na wynędzniałej piersi, zachować ostatnie dostępne mu poczucie własnej godności, świadomość własnej znikomości, tę świadomość, o której wspomina Pascal, kiedy pisze, że gdyby nawet cały wszechświat go zmiażdżył, to on, ta myśląca trzcina byłaby i tak czymś szlachetniejszym niż wszechświat, ponieważ wiedziałaby, że on ją zniszczy, a wszechświat nie miałby świadomości tego".

Owa Pascalowska świadomość nie jest jednak w stanie w przekonaniu Turgieniewa osłabić tragizmu naszej egzystencji.

> „Jest to (...) nędzna świadomość! Smutna pociecha! Jakkolwiek byś się starał jej zawierzyć — kimkolwiek byś był, mój biedny współtowarzyszu — nie uda ci się odeprzeć (...) tego, że (...) życie jest płytkie, nieciekawe i płaskie", a człowiek nędznym aktorem na jego scenie. Jeżeli jednostka ludzka zdaje sobie z tego sprawę i niejednokrotnie zaznała goryczy życia, to „już żaden miód nie wyda się słodki — i nawet owo najwyższe, najsłodsze szczęście miłości (...) traci dla [niej — przyp. P. K.] swój czar"[13].

Miłość w ujęciu pisarza nie jest wymiarem rzeczywistości, wolnym od grozy śmierci, nie jest urzeczywistnionym marzeniem o odnalezieniu czasu i miejsca, w których włada niepodzielnie życie. Nie można uznać jej za sposób wyjścia poza pole zasięgu determinującego człowieczeństwo losu, przeciwstawić naznaczonej tragizmem wizji spraw ludzkich. Czym zatem ona jest? Jakie są jej charakterystyczne cechy?

> „Miłość to (...) choroba, pewien stan duszy i ciała; choroba ta nie rozwija się stopniowo, jest oczywista, nie da się jej oszukać, jakkolwiek objawy jej nie zawsze są jednakowe; zazwyczaj opanowuje człowieka nie pytając, nagle, wbrew jego woli. (...) Chwyta nieboraka w szpony,

[13] I. Turgieniew. *Opowieści tajemnicze...*, s. 150–151. Por. B. Pascal. *Myśli.* Przeł. T. Żeleński (Boy). W nowym układzie według wydania J. Chevaliera. Przedmowa J. Chevaliera. Uzupełnienia i warianty przeł. oraz całość przygotował do druku M. Tazbir. Wyd. 5. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1972.

niczym jastrząb kurczę i unosi, gdzie zechce, żeby nie wiem jak się opierał i trzepotał ... W tym uczuciu nie ma równości, nie ma (...) wolnego związku dusz i tym podobnych idealizmów. (...) W miłości jeden jest niewolnikiem, a drugi — władcą, i nie bez racji mówią poeci o kajdanach miłości. Tak, miłość — to kajdany, i to najcięższe"[14].

Miłość jawi się jako zgubna i niszcząca siła. Spada na człowieka niespodziewanie, nagle niczym burza. Wytrąca go z rytmu życia, zakłóca równowagę duchową. Jednostkę ludzką, nieprzygotowaną odpowiednio do miłości, ogarnia niepewność, lęk przed odrzuceniem, przed zmianą na gorsze. Nie umiejąc zazwyczaj podjąć szybkiej decyzji, pogrąża się ona w rozmyślaniach. W rezultacie zaprzepaszcza szansę na szczęście, zostaje „skazana" na życie w samotności. Miłość to — w przekonaniu Turgieniewa — sfera działania losu, a więc tego, co zmienne, niedające się przewidzieć i racjonalnie pokierować[15].

W kontekście Turgieniewowskiej koncepcji miłości tragicznej nie sposób nie wspomnieć o związku pisarza z hiszpańską śpiewaczką Pauliną Viardot-Garcia. Urodzona w 1821 roku Paulina Viardot, posiadająca wysokiej klasy mezzosopran, występowała — z ogromnym powodzeniem — m. in. w Berlinie, Wiedniu, Madrycie, Paryżu i Londynie. W 1843 roku, będąc już znaną w „wielkim świecie" solistką operową, przyjechała na gościnne występy do Petersburga. Publiczność rosyjska, wśród której znajdował się również Turgieniew — zobaczyła ją w roli Rozyny w *Cyruliku Sewilskim* Gioacchino Rossiniego. Rosjanie byli wprost zachwyceni młodą artystką, oczarowani jej śpiewem i grą aktorską.

„Śpiewała — w opinii Turgieniewa — [ze — przyp. P.K.] swoistą namiętnością wyrazu i rytmu. [Wraz z upływem czasu — przyp. P.K.] grała coraz lepiej, coraz swobodniej. Odrzuciła wszystko uboczne, wszystko niepotrzebne, znalazła siebie; rzadkie, najwyższe dla artysty szczęście! Przekroczyła nagle (...) granicę, (...) poza którą żyje piękno"[16].

Turgieniew poznał śpiewaczkę osobiście. Przedstawiono jej go jako młodego rosyjskiego ziemianina, znakomitego myśliwego, interesującego rozmówcę i miernego poetę[17]. Uczucie i przywiązanie autora *Korespondencji* do utalentowanej Hiszpanki zadziwiają swą trwałością. Nieformalny związek tych dwojga ludzi, działających na niwie kulturalno-artystycznej, trwał czterdzieści lat — od listopada 1843 r., kiedy się poznali, do śmierci pisarza. W jednym z listów do Pauliny Iwan wyznawał:

„Nie widziałem nikogo piękniejszego na świecie niż Pani. (...) Spotkanie Pani na mej drodze to największe szczęście, jakiego doznałem w życiu. Moje oddanie i wdzięczność, nie mające granic, skończą się dopiero wraz z mą śmiercią"[18].

---

[14] I. Turgieniew, *Zacisze...*, s. 201.

[15] Zdaniem Turgieniewa, w nieformalnym związku dwojga ludzi stroną aktywną, posiadającą inicjatywę jest kobieta, natomiast pasywną — mężczyzna, pozbawiony „natury", czyli silnej woli i charakteru.

[16] I. Turgieniew. *Dzieła wybrane.* Wybrał i przypisami opatrzył A. Semczuk. T. 2. Seria Biblioteka Klasyków. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1981, s. 134–135.

[17] Г. Бялый, А. Муратов. *Тургенев в Петербурге*. Ленинград: Лениздат, 1970, s. 69.

[18] Cyt. za: Н. Богословский. *Тургенев*. Москва: ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия», 1964, s. 128.

Myśli te Turgieniew rozwinął w niektórych utworach literackich. W opowiadaniu *Dość* pisał m. in.:

> „Myślę o Tobie.... i wiele innych wspomnień, innych obrazów staje przede mną — a wszędzie jesteś ty, na wszystkich drogach mego życia spotykam ciebie. (...) Kocham ciebie, ciebie jedyną, (...) cały jestem przepełniony tobą. [Wyobrażam sobie, jak — przyp. P.K.] niskie ściany przytulnej izdebki oddzielają nas od całego świata. (...) Wsparliśmy się o siebie głowami i obydwoje czytamy dobrą książkę; (...) czuję, że żyjesz, a ty czujesz, że ja żyję, twój uśmiech rodzi się na moich ustach wcześniej niż na twoich, odpowiadasz milcząco na moje milczące pytanie, twoje myśli, moje myśli są jak dwa skrzydła tego samego (...) ptaka"[19].

Turgieniew dał tu literacki wyraz swej miłości do Pauliny Viardot. Nie potrafił wyzwolić się od tego uczucia, które trudno określić jednak mianem szczęśliwego. Śpiewaczka nie mogła bowiem związać się na stałe ze swoim rosyjskim przyjacielem. Miała męża; był nim Louis Viardot, francuski literat i tłumacz, znawca malarstwa, człowiek starannie wykształcony, cieszący się opinią wielkiego erudyty. Gierman Łopatin, wybitny działacz narodnicki, podkreślał, że „to dla nas, Rosjan, monsieur Viardot jest zaledwie mężem Pauliny Viardot, dla Francuzów zaś ona była zaledwie żoną Louisa Viardot"[20]. Pani Viardot była partnerem intelektualnym Turgieniewa, wnikliwym krytykiem jego utworów i subtelnym doradcą[21].

Turgieniew, zakochany w żonie Louisa Viardot, liczył na to, że wcześniej czy później zdoła porzucić trudną i bolesną dlań rolę „trzeciego" w „związku" trojga ludzi. „We wzajemnym stosunku (...) pana Viardot i (...) Turgieniewa, mimo łączącej ich przyjaźni, dało się wyczuć z jednej strony uprzejmość prawowitego pana domu, z drugiej zaś uczynność dobrze wychowanego gościa". Z kolei Paulina — osoba obdarzona „nieugiętą, nigdy i nikomu nie ulegającą naturą" nigdy nie zdecydowała się na wstąpienie w związek małżeński z rosyjskim pisarzem, któremu — wedle jego słów — „przysłoniła (...) raz na zawsze wszystko pozostałe"[22]. Ciągle żywe uczucie Turgieniewa do pani Viardot uniemożliwiło osiągnięcie przezeń stabilizacji życiowej, założenie własnej rodziny. Próby podejmowane w tym kierunku kończyły się niepowodzeniem[23].

---

[19] I. Turgieniew. *Opowieści tajemnicze*..., s. 148–149.

[20] G. Łopatin. *Wspomnienia o Turgieniewie.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach.* Przeł. A. Sarachanowa. Wybór, wstęp i przypisy L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982, s. 303.

[21] Zob. И. Тургенев. *Неизданные письма к г-же Виардо и его французским друзьям (1846–1882).* Москва: Издание Д.П. Ефимова, 1900. Paulina Viardot to nie tylko wielka miłość Turgieniewa-mężczyzny, lecz również miłość Turgieniewa-artysty. Por. interesujące uwagi na temat „miłości artysty", trafne również w odniesieniu do specyficznego związku hiszpańskiej śpiewaczki i rosyjskiego pisarza: E.T.A. Hoffmann. *Kota Mruczysława poglądy na życie oraz fragmenty biografii kapelmistrza Jana Kreislera przypadkiem na strzępach makulatury zachowane.* Przeł. E. Sicińska. Seria Dzieła wybrane. Warszawa: Czytelnik, 1958, s. 183 i n.

[22] A. Fet. *Moje wspomnienia.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach.* Przeł. A. Sarachanowa. Wybór, wstęp i przypisy L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982, s. 100; E. Ardow (H. Aprielewa). *Ze wspomnień o Turgieniewie.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach*..., s. 320.

[23] Wspomnieć można chociażby o znajomości Turgieniewa z jego daleką krewną, słynącą z nieprzeciętnej urody i zainteresowań muzycznych — Olgą Turgieniew oraz z siostrą Lwa Tołstoja, Marią Tołstoj. Autor *Opowieści tajemniczych* pozostawał pod urokiem tych kobiet, zwrócił uwagę na ich walory intelektualne i charakterologiczne, żadnej jednak nie oddał swego serca. Zob. И.С. Тургенев.

Pisarz odczuwał smutek z powodu braku własnej rodziny i — w konsekwencji — niemożności znalezienia w niej oparcia. „Zdawał sobie sprawę, iż choć rodzina [państwa Viardot — przyp. P.K.] jest mu bardzo bliska, (...) nie zmienia to faktu, że (...) przylepił się do skraju cudzego gniazda”[24].

W związku z powyższymi rozważaniami nie sposób nie postawić pytania: Czy jest jednak jakieś lekarstwo na smutek, ból egzystencjalny człowieka, na jego niespełnienie w sferze uczuciowej? Czy jednostka ludzka znajdzie ukojenie dla cierpień, „łyk świeżej wody”[25], dający orzeźwienie, utwierdzający w przekonaniu, że nie wszystko jest tymczasowe i niepewne? Czy zdoła wyjść z kręgu rozpaczy, wchodząc na drogę nadziei?

U Turgieniewa rolę swoistej twierdzy, w której człowiek może schronić się, uciekając przed rozpaczą i pesymizmem, wypływającymi z faktu kruchości i tymczasowości ludzkiego życia, pełni koncepcja obowiązku. Rosjanin podkreślał, że kształt naszego życia nie zależy — co prawda — od nas samych, lecz każdy człowiek ma swego rodzaju kotwicę, która — jeśli sam nie będzie tego chciał — nigdy się nie zerwie. Kotwicą tą jest poczucie obowiązku.

> „Spełnienie obowiązku, oto o czym powinien myśleć człowiek; nie nałożywszy na siebie (...) żelaznego łańcucha obowiązku, człowiek nie dojdzie bez upadku do końca swej drogi; a tymczasem sądzimy za młodu, że im swobodniej, tym lepiej, tym dalej zajdziemy. W młodości można tak myśleć; ale wstyd cieszyć się fałszem, kiedy surowe oblicze prawdy zajrzało ci wreszcie w oczy”[26].

Obowiązek jawi się jako cenna wartość, niepodlegająca działaniom losu i innych czynników zewnętrznych, nienarażona na przeminięcie. Jest jedynym trwałym elementem wpisanym w ludzką rzeczywistość. Nie ma w jego istocie ani ziarna iluzoryczności. Z tych względów jest on w przekonaniu Turgieniewa rdzeniem, centralnym ośrodkiem jednostki ludzkiej. Charakterystyczne dla pisarza dążenie do nałożenia „żelaznego łańcucha obowiązku”, czyli „wprzęgnięcia się” w działalność przynoszącą pożytek i dającą satysfakcję jest w swym najgłębszym wymiarze dążeniem do zanurzenia się w esencji egzystencji, w tym, co istnieje naprawdę, bez wątpienia. Wydaje się, że w obrębie ludzkiego jestestwa wyróżnia on dwie sfery: wewnętrzną i zewnętrzną. Sfera wewnętrzna charakteryzuje się trwałością, rozumnością, określonym ładem, harmonią. Z kolei sfera zewnętrzna jawi się jako zmienna, chaotyczna, naznaczona przypadkowością, podlegająca działaniom losu. Własną „wewnętrzność” tworzy samodzielnie każdy człowiek, natomiast na kształt, na oblicze „zewnętrzności” nie ma on żadnego wpływu. Turgieniew wyraża tę myśl następująco: „Każdy z nas tworzy swój los i los tworzy każdego z nas...”[27]. „Wewnętrzność” pełni funkcję twierdzy, broniącej

---

Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма. Т. 2. Москва — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1961, s. 238; P. Annienkow. *Młodość Turgieniewa 1840–1856.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach...*, s. 51, 56.

[24] E. Ardow (H. Aprielewa). *Ze wspomnień o Turgieniewie.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach...*, s. 321.

[25] I. Turgieniew. *Miesiąc na wsi. Komedia w pięciu aktach.* Przeł. P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1951, s. 17–18.

[26] I. Turgieniew. *Zacisze...*, s. 304.

[27] Tamże, s. 175.

się przed naporem tego, co zewnętrzne, a więc m. in. przed nieszczęściami, chorobami, oszczerstwami, pomówieniami złośliwych ludzi. Nasuwa się pytanie: które składniki wpisane w naszą egzystencje uznać można z kolei za wewnętrzne? Turgieniew udziela jednoznacznej odpowiedzi, twierdząc, że istotą „wewnętrzności" jest obowiązek. Nie powinniśmy, jego zdaniem, dokonywać żadnych zmian i przewartościowań w obrębie sfery wewnętrznej pod wpływem różnego rodzaju impulsów płynących ze strony „zewnętrzności". Innymi słowy: kategoria obowiązku ma mieć walor niezmienności.

Niezmienność jest w przekonaniu pisarza gwarantem istnienia i odwrotnie. Przekonanie to przybiera postać następującej formuły filozoficznej: nie zmieniam się, więc jestem; jestem, ponieważ się nie zmieniam. Wypełniając swój obowiązek utwierdzamy się w przeświadczeniu, że życie — mimo wszystko — ma sens i trwamy przy nim, obce są nam myśli samobójcze. Trwając przy życiu nie przemijamy, i odwrotnie. Kolejna formuła filozoficzna brzmi: trwam, więc nie przemijam; nie przemijam, ponieważ trwam. Prowadzi ona w konsekwencji do przeświadczenia, że śmierć nie dotyka w zasadzie ludzi. Kiedy my jesteśmy, trwamy, śmierci nie ma, kiedy zaś jest śmierć, nie ma nas. W ten sposób wykrystalizowała się trzecia już sentencja. Warto podkreślić, że była ona dla Turgieniewa wyrazem wyważonego podejścia do problemu śmierci, lecz nie współtworzyła — jako element składowy — jego systemu myślowego. Wynikała logicznie z jego rozważań, ale jawiła mu się jako zbyt trudna do przyjęcia. Pisarz pozostał na stanowisku, że kiedy my jesteśmy, zawsze jest też i śmierć.

> „W tej chwili [w lesie — przyp. P.K.] powiało tchnienie śmierci; niemal namacalnie odczuwałem — wspominał jeden z bohaterów utworu *Wyprawa na Polesie* — jej nieustanną bliskość. Żeby choć jeden zadrgał dźwięk, żeby chociaż najcichszy rozległ się szmer w nieruchomej czeluści ciasno zwartego dokoła mnie boru! (...) Przysłoniłem ręką oczy — i nagle (...) jak gdybym zapadł w niezbadaną, ciemną otchłań, gdzie (...) słychać było tylko nieustający, głuchy jęk wiecznego żalu... zamierałem, lecz nie mogłem się bronić"[28].

Iwan Turgieniew od czasów wczesnej młodości szukał odpowiedzi na pytanie: Czym w istocie jest miłość? Początkowo próbował uchwycić jej naturę w następstwie lektury dzieł zarówno rosyjskich, jak i zachodnioeuropejskich twórców doby romantyzmu. W nieco późniejszym okresie swego życia mógł już spojrzeć na związaną z nią problematykę poprzez pryzmat osobistych doznań i doświadczeń życiowych. Stworzona przez pisarza, pesymistyczna w swej wymowie, koncepcja miłości tragicznej jest elementem składowym Turgieniewowskiego światopoglądu. Trzeba rozpatrywać ją wespół z refleksjami autora *Opowieści tajemniczych* dotyczącymi specyfiki i uwarunkowań ludzkiej egzystencji. Tylko wówczas bowiem w pełni uzmysławiamy sobie, że poglądy myśliciela na temat człowieka w ogólności są poglądami na siebie samego i odwrotnie: sądy o własnym „ja" odnoszą się również do jednostki ludzkiej jako takiej. W przeświadczeniu Turgieniewa, miłość, będąc chorobą, „nie dodaje skrzydeł", nie przyczynia się do odzyskania nadziei na lepsze jutro, wiary we własne możliwości. Ku pozytywnie zorientowanej przyszłości wybiega natomiast w pewnym sensie koncepcja obowiązku. Włączenie jej w struktury światopoglądu i życia codziennego świadczyć

[28] Tamże, s. 314–316. Świadomość istnienia śmierci, zdaniem Turgieniewa, towarzyszy człowiekowi we wszystkich okresach życia. Nie tylko ludzie starzy, złożeni niemocą, niedomagający, ale również młodzi, pełni sił, zapału myślą — w przekonaniu autora opowiadania *Asia* — o kresie doczesności.

może o chęci przystosowania się i pogodzenia ze wszystkim, czego doświadczamy, pozwala wyrobić w sobie swoisty dystans, wyciszyć się. Nie oznacza to jednak, że tym samym stajemy się odporni na bolesne przeżycia i doznania. Staramy się jedynie dokonać asymilacji tych ostatnich i — w konsekwencji — zmniejszyć ich natężenie, osłabić niszczycielskie uderzenie.

Bibliografia

Annienkow P. *Młodość Turgieniewa 1840–1856.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach.* Przeł. A. Sarachanowa. Wybór, wstęp i przypisy L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982, s. 44–64.

Ardow E. (Aprielewa H.). *Ze wspomnień o Turgieniewie.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach.* Przeł. A. Sarachanowa. Wybór, wstęp i przypisy L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982, s. 301–331.

Fet A. *Moje wspomnienia.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach.* Przeł. A. Sarachanowa. Wybór, wstęp i przypisy L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982, s. 84–125.

Hoffmann E.T.A. *Kota Mruczysława poglądy na życie oraz fragmenty biografii kapelmistrza Jana Kreislera przypadkiem na strzępach makulatury zachowane.* Przeł. E. Sicińska. Seria Dzieła wybrane. Warszawa: Czytelnik, 1958.

Koprowski P. *Pozytywista, ale jaki? Światopogląd Iwana Turgieniewa w latach 1848–883.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2009.

Koprowski P. *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgieniewa.* Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008.

Koprowski P. *„Zbędni ludzie". W kręgu procesów indywidualizacji inteligencji rosyjskiej w XIX wieku.* [W:] *Historia, mentalność, tożsamość. Rosja i Europa Zachodnia w polskiej i ukraińskiej historiografii XIX i XX wieku.* Red. E. Koko, M. Nowak i L. Zaszkilniak. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, s. 407–429.

Kto to jest? Rosyjskie jednoaktówki komediowo-satyryczne. Wybór, przedmowa i noty o autorach R. Śliwowski. Przeł. K. Białek et al. Warszawa: Czytelnik, 1981.

Łopatin G. *Wspomnienia o Turgieniewie.* [W:] *Turgieniew we wspomnieniach.* Przeł. A. Sarachanowa. Wybór, wstęp i przypisy L. Suchanek. Kraków: Wydawnictwo Literackie, 1982, s. 295–304.

Mazurek-Wita H. *Kształt sceniczny sztuk dramatycznych Iwana Turgieniewa.* [W:] *Literatura rosyjska i jej kulturowe konteksty.* Praca zbiorowa pod red. R. Łużnego. Prace Komisji Słowianoznawstwa PAN. Oddział w Krakowie, nr 48. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1990, s. 109–117.

Pascal B. *Myśli.* Przeł. T. Żeleński (Boy). W nowym układzie według wydania J. Chevaliera. Przedmowa J. Chevaliera. Uzupełnienia i warianty przeł. oraz całość przygotował do druku M. Tazbir. Wyd. 5. Warszawa: Instytut Wydawniczy Pax, 1972.

Semczuk A. *Iwan Turgieniew.* Wyd. 2. Seria Profile. Warszawa: Wiedza Powszechna, 1988.

Semczuk A. *Iwan Turgieniew i ruch literacki w Rosji w latach 1834–1855.* Komitet Słowianoznawstwa PAN. Wrocław — Warszawa — Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, Wydawnictwo PAN, 1968.

Śmierć – przestrzeń – czas – tożsamość w Europie Środkowej około 1900. Materiały międzynarodowej konferencji zorganizowanej w dniach 8–10 grudnia 1996. Red. K. Grodziska, J. Purchla. Kraków: Międzynarodowe Centrum Kultury w Krakowie, 2002.

Turgieniew I. *Miesiąc na wsi. Komedia w pięciu aktach.* Przeł. P. Hertz. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1951.

Turgieniew I. *Opowiadania wybrane.* Przeł. P. Hertz. Warszawa: Książka i Wiedza, 1952.

Turgieniew I. *Zacisze i inne opowiadania.* Przeł. Z. Kaczorowska i P. Hertz. Seria Z pism I. Turgieniewa. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1955.

Turgieniew I. *Dzieła wybrane.* Wybrał i przypisami opatrzył A. Semczuk. T. 2. Seria Biblioteka Klasyków. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1981.

Turgieniew I. *Opowieści tajemnicze.* Wyboru dokonał i posłowiem opatrzył A. Semczuk. Przeł. M. Brzozowska et al. Warszawa: Książka i Wiedza, 1988.

Wymiary śmierci. Wybór i słowo wstępne S. Rosiek. Seria Przygody Ciała. Gdańsk: Słowo / Obraz / Terytoria, 2002.

Белинский В.Г. *Полное собрание сочинений*. В 13 томах. Т. 9. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1955.

Богословский Н. *Тургенев*. Москва: ЦК ВЛКСМ «Молодая Гвардия», 1964.

Бялый Г., А. Муратов. *Тургенев в Петербурге*. Ленинград: Лениздат, 1970.

Тургенев И. *Неизданные письма к г-же Виардо и его французским друзьям (1846–1882)*. Москва: Издание Д.П. Ефимова, 1900.

Тургенев И.С. *Полное собрание сочинений и писем в 28 томах. Письма.* Т. 2. Москва — Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1961.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 290–302

«ЗАПРЕЩЕННАЯ РЕЛИГИЯ ПОЛЬСКОГО ДЕЛА» В *ИСПОВЕДИ* МИХАИЛА БАКУНИНА

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej, Instytut Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej,
Zakład Kulturologii Wschodnioeuropejskiej
ul. Szturmowa 4, 02-678 Warszawa, Polska
e-mail: ludmilalucewicz@gmail.com
(nadesłano 12.03.2014; zaakceptowano 26.11.2014)

Abstract

«The forbidden religion of the Polish cause» in *The Confession* by M. Bakunin

The topic of the article is the way of presenting relations with Poles in *The Confession* by the famous 19-th century revolutionist and anarchist M. Bakunin (as we know, the work originated as a «political confession» addressed to Nicholas I). At the beginning, the descriptions of the Polish emigrants (especially Lelewel, Czartoryski, Biernacki, Mickiewicz) are quite general, but sincere. However, when describing current revolutionary events Bakunin starts to put emphasis on stereotypical — negative — ideas about Poles, which aims at showing the lack of possibility of a Polish-Russian cooperation on a political level. The deliberate choice of such a strategy allowed the author of *The Confession* to conduct a kind of game with Nicholas I.

Key words

Michał Bakunin, *The Confession*, Mikołaj I, Lelewel, Czartoryski, Biernacki, Mickiewicz.

Abstrakt

«Zakazana religia sprawy polskiej» w *Spowiedzi* Michała Bakunina

Tematem artykułu jest sposób przedstawienia relacji z Polakami w *Spowiedzi* znanego dziewiętnastowiecznego rewolucjonisty i anarchisty — Michała Bakunina (jak wiadomo, utwór powstawał jako «spowiedź polityczna» adresowana do Mikołaja I). Początkowo charakterystyki polskich emigrantów (przede wszystkim Lelewela, Czartoryskiego, Biernackiego, Mickiewicza) są ogólnikowe, ale szczere. Jednakże opisując bieżące wydarzenia rewolucyjne Bakunin zaczyna akcentować stereotypowe — negatywne — cechy Polaków, co ma podkreślić niemożność współpracy polsko-rosyjskiej na niwie politycznej. Ta świadomie wybrana strategia pozwoliła autorowi *Spowiedzi* prowadzić swoistą grę z Mikołajem I.

Słowa kluczowe

Michał Bakunin, Spowiedź, Mikołaj I, Lelewel, Czartoryski, Biernacki, Mickiewicz.

Михаил Бакунин (1814–1876) — одна из примечательных личностей XIX века, чьи политические устремления и удивительные приключения до сих пор вызывают живейший интерес в различных странах мира, подтверждением чего является неиссякаемый поток биографической, научной и художествнной литературы на разных языках[1]. Ни один из представителей русской общественной мысли не пропагандировал столь радикальные мнения и не был столь активным участником европейской революционной борьбы, как Бакунин. Отличаясь необычайной общительностью и даром убеждения, Бакунин обладал неисчислимым количеством друзей и знакомых, среди которых были Н.В. Станкевич и И.С. Тургенев, А.И. Герцен и Н.П. Огарёв, Б.Г. Белинский и П.Я. Чаадаев, а также Г. Гервег, Р. Вагнер, Ж. Санд, А. Мицкевич, И. Лелевель, П.Ж. Прудон, А. Руге, В. Вейтлинг, К. Маркс, Ф. Энгельс, К. Кафиеро и многие, многие другие. Бакунин — бунтарь, мятежник, панславист, народник, анархист, разрушитель государственности, превыше всего ценил свободу.

«Я становлюсь свободным лишь благодаря свободе других, — утверждал он, — так что чем больше количество свободных людей, окружающих меня, чем глубже и шире их свобода, тем распространённее, глубже и шире моя свобода»[2]. Именно этот пафос свободы, определявший суть личности Бакунина, вдохновил Рихарда Вагнера на создание образа неистового Зигфрида, а сам Михаил

---

[1] См. обзор литературы и библиографию [B:] A.A. Kamiński. *Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michała Bakunina*. Wrocław: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej im. Oskara Langego, 2004, c. 7–38; 406–463.

[2] М.А. Бакунин. *Избранные сочинения. В 5 томах.* Т 2: *Кнуто-Германская империя и Социальная революция*. С предисловием Дж. Гильома. Книгоиздательство «Голос труда» Петербург — Москва, 1919, с. 295.

Александрович послужил прототипом для главных героев двух знаменитых русских романов — *Рудина* Ивана Тургенева и *Бесов* Федора Достоевского.

Поначалу жизнь Михаила Бакунина складывалась вполне традиционно, ничто не предвещало бурных перемен в его судьбе. Родился он в старинной дворянской семье с богатыми родственными связями, его отец, будучи поклонником Руссо, воспитывал своих детей (их было десятеро) в атмосфере всеобщей любви и дружества, на лоне природы, в общении с искусством и литературой. Руссоиское воспитание дало свои положительные результаты: молодое поколение Бакуниных отличалось образованностью, тонкостью чувств, глубоким пониманием произведений искусства. «Это замечательное семейство, состоявшее из нескольких сестер и братьев, — вспоминал Иван Панаев, — принадлежало к исключительным, небывалым явлениям русской жизни»[3]. Михаил с детства прекрасно рисовал и музицировал, владел несколькими иностранными языками. При том, что семья была родовита, она была небогата, поэтому, достигнув пятнадцатилетнего возраста, Бакунин стал юнкером Петербургского артиллерийского училища. Через три года он получил первый офицерский чин, но вскоре за дерзость начальству был отчислен из училища и направлен на службу в Гродненский полк (биографы утверждают, что в этот период своей жизни Бакунин познакомился с польским населением и начал осваивать польский язык). Еще через год, несмотря на протесты родителей, он вышел в отставку и поселился в Москве. Здесь начала проявляться его необычайная коммуникабельность, благодаря которой он перезнакомился с представителями московской элиты. В скором времени Бакунин стал одним из лидеров гегельянского кружка Николая Станкевича, проявив недюжинную склонность к немецкой философии, «от которой ждал света и спасения»[4]. Александр Герцен впоследствии вспоминал:

> Бакунин обладал великолепной способностью развивать самые абстрактные понятия с ясностью, делавшей их доступными каждому, причем они нисколько не теряли в своей идеалистической глубине... Бакунин мог говорить целыми часами, спорить без устали с вечера до утра, не теряя ни диалектической нити разговора, ни страстной силы убеждения. (...) Этот человек рожден был миссионером, пропагандистом, священнослужителем. Независимость, автономия разума – вот что было тогда его знаменем, и для освобождения мысли он вел свою войну с религией, войну со всеми авторитетами. А так как в нем пыл пропаганды сочетался с огромным личным мужеством, то можно было уже тогда предвидеть, что в такую эпоху, как наша, он станет революционером, пылким, страстным, героическим. Вся жизнь его была посвящена одной лишь пропаганде[5].

Увлекшись «почти до сумасшествия»[6] немецкой метафизикой, Бакунин, несмотря на запреты отца, принимает решение отправиться в Германию для получения серьезного философского образования. Став студентом Берлинского университета, в течение двух лет он, по собственному признанию, «ничего другого не видел, кро-

---

[3] И.И. Панаев. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1988, с. 179.

[4] М. Бакунин. *Исповедь*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010, с. 27.

[5] А. Герцен. *Михаил Бакунин*. [В:] М. Бакунин: *Исповедь...*, с. 8.

[6] М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 27.

ме категорий Гегеля»[7]. Однако, чем более глубоко он погружался в философию, тем очевиднее для него становилась «ничтожность» метафизики. Бакунин искал в философии «жизни», «живого дела», а обнаружил «скуку» и «абсолютное безделье»[8]. Но он не утратил желания и надежды найти для себя в Европе «благородный предмет для занятий и широкое поле для действия»[9]. Знаковой для Бакунина оказалась книга Лоренца фон Штейна *Социализм и коммунизм в современной Франции* (1842), где он впервые услышал «слово о коммунизме»[10]. «Левый гегельянец» с тем же неистовством, с каким прежде изучал идеалистическую философию, стал «читать сочинения французских демократов и социалистов»[11]. Обретя, наконец, «поле для действия», он бросился в современную западноевропейскую политику, пропагандируя демократию, радикализм, обосновывая идеи «панславизма» и необходимости создания славянской федерации. Стремясь реализовать свои радикальные убеждения на деле, Бакунин принимал активное участие в европейских революциях (в Париже и Праге в 1848 г., в Дрездене в 1849 г.). В результате был арестован, дважды приговорен к смертной казни — сначала в Саксонии, затем в Австрии (в обоих случаях казнь была заменена пожизненным заключением). Австрийцы по просьбе русских властей передали Бакунина царским жандармам, упекшим его в Алексеевский равелин Петропавловской крепости, а позже и в самую страшную — Шлиссельбургскую. Отсидев в целом в крепостях восемь лет, он потерял от цинги зубы, нажил массу хронических болезней. А в 1857 г. государственный преступник сумел убедить нового императора Александра II отправить его из крепости на «волю» — в сибирскую ссылку. Оказавшись в Томске, Бакунин влюбился в очаровательную юную польку Антонию Квятковскую, женился на ней, а затем бежал из государства Российского через Японию и Америку в Европу, в Лондон, к Герцену. В герценовском «Колоколе» вновь вернулся к своей службе «по польско-славянскому вопросу», который, как он писал своим друзьям, был его «idee с 1846 г. и ... практической специальностью в 1848 и 1849 гг.»[12]. Современников удивляла и восхищала эта приверженность Бакунина польской идее. Так, Павел Анненков подтверждал, что Бакунин, действительно,

> успел обрести в польской пропаганде нечто похожее на специальность и призвание. После некоторого колебания, вызванного самой ее односторонностью, о которой часто и упоминал в беседах с друзьями, он окончил тем, что принял ее вполне и отдался ей уже безоглядно, открыто и решительно, сжигая за собой корабли, не оставляя ни малейшей тропинки позади себя на случай отступления. Никто еще из русских до него так смело не отрывался от домашних пенатов своих, прежнего строя мыслей, старых воспоминаний и созерцаний в пользу запрещенной религии польского дела. Обаяние этой религии заключалось для него

---

7 Там же, с. 28.

8 Там же.

9 Там же.

10 Там же, с. 29.

11 Там же.

12 А.И. Герцен. *Собрание сочинений в 30 томах.* Т. 9. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1957, с. 353.

преимущественно в революционном характере, за который ей отпускались многие узкие стремления, многие темные инстинкты[13].

Одну из версий истории возникновения интереса к «запрещенной религии польского дела» Бакунин и представил в своей *Исповеди* (1851).

* * *

Итак, оказавшись в Алексеевском равелине Петропавловской крепости, Бакунин после двух месяцев отсидки был приглашен на свидание шефом жандармов — графом Алексеем Орловым (братом известного декабриста Михаила Орлова), который сообщил заключенному о желании императора лично ознакомиться с чистосердечными письменными признаниями узника, причем написанными так, «как духовный сын пишет духовному отцу», т.е. со своего рода *исповедью*. Бакунин после недолгого размышления принял это предложение:

Да, государь, я буду исповедываться Вам как духовному отцу, от которого человек ожидает не здесь, но для другого мира прощения, и прошу Бога, чтобы Он мне внушил слова простые, искренние, сердечные, без ухищрения и лести, достойные одним словом найти доступ к сердцу Вашего императорского величества[14].

В течение месяца узник написал, как он отметил, самое длинное в своей жизни письмо («письмо мое ... написано очень твердо и смело») или, иначе говоря, политическую исповедь. Определение жанровой разновидности текста Бакунин дал сам. Еще в *Защитительной записке* (некоторые исследователи считают ее претекстом *Исповеди* 1851 г.), написанной в аресте в конце 1849 — начале 1850 гг. в крепости Кенигштейн к адвокату Францу Отто, Бакунин сообщал, что сам попытается защищаться перед судом, и сделает это в «письме, в форме ... политической исповеди»[15].

Стоит упомянуть, что существует огромная литература, преимущественно публицистического характера, посвященная бакунинской *Исповеди*[16]. Отмечу, что в центре внимания пишущих чаще всего оказывались вопросы, соотносящиеся с этическим кодексом революционера: правды/лжи, верности/отступничества, простодушия/хитрости, раскаяния/актерства, чести/бесчестия, силы/слабости и проч., и проч. Кроме того, предпринимались попытки рассматривать *Исповедь* как своего рода исторический документ и даже как религиозное покаяние. Мне думается, что бакунинская *Исповедь* — это прежде всего текст литературный, но опирающийся на документальный материал, следовательно и рассма-

---

13 П.В. Анненков. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1960, с. 278.

14 М. Бакунин. *Исповедь*..., с. 25.

15 М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем (1828–1876)*. Под ред. и с примечаниями Ю.М. Стеклова. Серия Классики революционной мысли домарксистского периода. Под общ. ред. И.А. Теодоровича. Т. 4: *В тюрьмах и ссылке (1849–1861)*. Москва: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссылно-поселенцев, 1935, с. 28.

16 См. Ю.А. Борисёнок. *Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы*. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2001; A. Kamiński. *Apostoł prawdy i miłości*..., 2004.

тривать его необходимо как некую художественную автобиографию-исповедь. Не случайно сам автор применительно к своему труду упомянул название автобиографии Гёте («нечто *вроде Dichtung und Wahrheit*»[17]). Указание Бакунина на использование гетевского принципа в воспоминаниях (*поэзия и вымысел; правда и вымысел*) существенно для понимания характера текста *Исповеди*. Гете в свое время писал, что задача мемуариста состоит в том, чтобы «обрисовать человека в его отношениях к своему времени и показать, насколько целое было враждебно ему; насколько оно ему благоприятствовало, как он составил себе взгляд на мир и людей и как он отразил его во внешнем мире в качестве художника, поэта, писателя»[18]. *Правда* для Гете — это факты, сохранившиеся в памяти и воссозданные в тексте, а *поэзия* — истолкование этих фактов, установление их внутренней связи и значения для духовной биографии повествователя. Название не противопоставляет события действительные и события вымышленные, а объединяет их в целостную концепцию жизни. Бакунин, дав отсылку на Гете, таким образом предложил российскому императору версию своей жизни, основанную на фактах, осмысленных с учетом жанра, предложенного самодержцем.

Приступив к своему труду, Бакунин сразу оговорил два условия, которые он неуклонно соблюдал в процессе исповедания:

> Молю Вас только о двух вещах, государь! Во-первых, не сомневайтесь в истине слов моих: клянусь Вам, что никакая ложь, ниже тысячная часть лжи не вытечет из пера моего. А во-вторых молю Вас, государь, не требуйте от меня, чтобы я Вам исповедывал чужие грехи. Ведь на духу никто не открывает грехи других, только свои. ...сознание, что я изменил чьей-нибудь доверенности или даже перенес слово, сказанное при мне, по неосторожности, было бы для меня мучительнее самой пытки. И в Ваших собственных глазах, государь, я хочу быть лучше преступником, заслуживающим жесточайшей казни, чем подлецом[19].

Обращает на себя внимание, что в *Исповеди* повествователь не ограничился только покаянной интонацией, свойственной раскаявшемуся грешнику. В тексте не менее значимой является и интонация агитационная, обусловленная пропагандой идей революционно-демократических и панславистских, характерных для Бакунина 40-х гг. Ср. примеры:

> ...государь! я кругом *виноват* перед Вашим императорским величеством и перед законами отечества. Вы знаете мои *преступления*, и то, что Вам известно, достаточно для *осуждения* меня по законам на *тягчайшую казнь*, существующую в России»; «я написал полную *исповедь всех прегрешений*»[20]; «*великий грех на душе моей*[21].

А вот образец иного рода:

---

[17] М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем...*, с. 33.

[18] И.В. Гете. *Поэзия и правда. Из моей жизни*. Классический перевод Н.А. Холодковского. Москва: Захаров, 2003, с. 19.

[19] Там же, с. 26.

[20] Там же, с. 24.

[21] Там же, с. 125.

> Наше собрание есть первое *славянское собрание*; мы должны положить здесь *начало новой славянской жизни*, провозгласить и утвердить *единство всех славянских племен*, соединенных отныне в одно нераздельное и *великое политическое тело*»[22]; «ошибаются ... те, которые для восстановления *славянской независимости* надеются на помощь русского царя. ...Император Николай не любит ни *народной свободы*, ни *конституций*: вы видели живой пример в Польше[23].

Предположительно, сам Николай I определил некий круг вопросов для узника, на который тот должен был ответить обязательно (это прежде всего европейские революции). При этом важнейшими оказались события, происходившие на территории Польши, именовавшиеся как *польский вопрос* (*польская интрига, польское дело*).

Польская тема возникла в *Исповеди* практически в самом начале, вскоре после вводной автобиографической части, когда Бакунин, говоря о «доносе» Блюнчли (швейцарский юрист-обвинитель) 1844 г., упоминает о некой книге, посвященной России и Польше, которую он, согласно этому доносу, якобы начал писать (такой книги не существует, но статьи и выступления на эту тему у Бакунина имеются). Говоря о своих отношениях с поляками, Бакунин изначально намеренно подчеркивает ограниченность, сдержанность, порой даже прохладность этих отношений, возникших якобы из-за взаимного непонимания по причинам исторического, психологического, национального свойства. В описании Бакунина зачастую отношения с поляками – это отношения простого знакомства. Практически он не называет имен, ограничиваясь такими обозначениями, как *польские демократы*, *молодые поляки*, *польская эмиграция в Париже*, *польские эмигранты*, просто *поляки*, исключение сделано для немногих.

Выстраивая свою версию отношений с поляками в *Исповеди*, Бакунин с определенной долей условности намечает два этапа активизации этих отношений: 1) начало 40-х гг., точнее — 1844 г.; 2) 1846–1849 гг. За пределами *Исповеди* оказался третий этап — участие Бакунина в подготовке январского восстания 1863 года. Каждый из этапов обладает своей структурно-семантической доминантой.

Первый этап можно охарактеризовать как период начальной ориентации, установления связей, знакомств, постепенного вхождения Бакунина в круг европейской эмиграции. В *Исповеди* этот этап получил отражение на уровне описания отдельных *лиц*. Второй период определяется активизацией деятельности самого Бакунина, его попытками утверждения на позициях радикального лидера эмиграции, обусловившими резкое расширение контактов с оппозиционными по отношению к российскому правящему режиму группами и организациями. В *Исповеди* этот этап отражен на уровне описания *событий*.

Известно, что после поражения ноябрьского восстания 1830–1831 гг. Польшу покинули многие его участники, которые образовали довольно мощную политическую эмиграцию (получившую название Великой), находившуюся до революции 1848 г. преимущественно во Франции и Бельгии. В *Исповеди* из

---

22 Там же, с. 81.

23 Там же, с. 83.

обилия имен польских эмигрантов Бакунин упоминает в основном четыре — Лелевель, Чарторыйский, Мицкевич, Бернацкий. Именно к 1844 г. относится знакомство Бакунина с ведущими политическими лидерами — к тому времени враждующими – ноябрьского восстания. Один из них — профессор Иоахим Лелевель (1786–1861) — в прошлом кумир Виленской и Варшавской университетской молодежи, представлял партию демократическую; а другой — князь Адам Чарторыйский (1770–1861) — влиятельный вельможа Александровской эпохи — аристократическую. Оба были не только достойными, но и видными в прямом смысле слова лицами в европейской эмиграции (то есть находящимися на виду), связи, контакты с которыми скрыть было невозможно, да и не имело смысла. Бакунин и называет их в числе своих польских знакомых.

Первым в *Исповеди* упомянут Иоахим Лелевель, с которым Бакунин познакомился достаточно близко, проживая в Брюсселе в течение весны и лета 1844 года. Лелевель произвел на русского эмигранта самое благоприятное впечатление — и не только как революционер, но именно как реальный демократ по убеждениям и образу жизни. Будучи ученым высокой квалификации, политиком европейского масштаба, Лелевель, как известно, отличался удивительной скромностью, неприхотливостью в быту, жил исключительно своим научным трудом в условиях почти нищенских — и все это по духу было очень близко Бакунину. Благодаря Лелевелю, русский радикал стал глубже и основательнее интересоваться польскими делами и даже приступил к разработке программы борьбы за освобождение славянства от деспотизма, где польскому «бунту» отводилось первостепенное место. Польский историк Стефан Коневич реконструирует ситуацию общения поляка и русского таким образом:

> В июне ... 1844 года к Лелевелю явился русский, не похожий на предшественников: это был человек уже тридцатилетний, но полный юношеского темперамента. ... Бакунин утверждал, что под гнетом Николая в России накопилось много горючего материала, он заявлял сам готовность сотрудничества с поляками для борьбы против общего врага. Лелевель был очарован этим страстным, вулканическим человеком. Давая Бакунину рекомендательные письма друзьям [среди которых П. Капчиньски, В. Зверковски, Ф. Рогиньски, Ч. Пененжек, др., их имена не упомянуты в *Исповеди* — L. L.], он писал: «Юноша заслуживает того, чтобы оказать ему внимание[24].

Сам же Бакунин отметил лишь следующее:

> В Брюсселе я познакомился с Лелевелем. Тут в первый раз мысль моя обратилась к России и к Польше; бывши тогда уж совершенным демократом, я стал смотреть на них демократическим глазом, хотя еще не ясно и очень неопределенно: национальное чувство, пробудившееся во мне от долгого сна, вследствие трения с польскою национальностью, пришло в борьбу с демократическими понятиями и выводами. С Лелевелем я виделся часто, расспрашивал много о польской революции, о их намерениях, планах в случае победы, о их надеждах на будущее время, и не раз споривал с ним, особенно же насчет Малороссии и Белоруссии, которые по их понятиям должны бы были принадлежать Польше, по моим же, особенно Малороссия, должны были ненавидеть ее как древнюю притеснительницу.

---

[24] С. Кеневич. *Лелевель*. Перевод с польского И. Миллера. Москва: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1970, с. 123.

> Впрочем из всех поляков, пребывавших тогда в Брюсселе, знал и видел я только одного Лелевеля, да и с ним отношения мои, хоть мы и часто виделись, никогда не выходили из границ простого знакомства. Правда, что я перевел было на русский язык тот *Манифест к русским*, за который он был изгнан из Парижа, но это было без последствий: перевод остался ненапечатанный в моих бумагах[25].

Бакунин не мог отрицать длительного и достаточно тесного общения с польским лидером, не мог не засвидетельствовать и его влияния на собственное уяснение характера русско-польских отношений и революционных устремлений поляков, однако, как видно, он старается подчеркнуть не столько совпадение во взглядах, сколько различия, указывая, например, на элемент полемики или трактуя свой перевод знаменитого лелевелевского *Воззвания к русским*, выразившего идею о необходимости русско-польского революционного союза, как нечто оставшееся «без последствий». На самом деле, как свидетельствуют изыскания историков, благодаря именно Лелевелю, взгляды Бакунина на польский вопрос «существенно изменились, их теперь характеризует не абстрактная симпатия ... а конкретное убеждение в необходимости осуществления союза русских и польских радикальных демократов», а «польское дело» начинает занимать «существенное место» в «революционных контактах и планах» Бакунина, сама же его работа над переводом *Манифеста* говорит о желании перейти к практическому распространению радикальных идей среди соотечественников[26]. В 1847 г. Михаил Бакунин в Париже на банкете, устроенном в честь участников Польского восстания (1830–1831 гг.), произнесет речь с резкими выпадами против русского правительства. Об этом станет известно в России, и вскоре по требованию русского посла в Париже Бакунина вышлют из столицы. И он вновь проведет несколько месяцев в Брюсселе, и, конечно же, побывает у Лелевеля, о чем в исповеди не обмолвится ни единым словом.

Второе польское имя, появившееся в *Исповеди*, — это князь Адам Чарторыйский, бывший, как известно, близким другом Александра I и министром иностранных дел России в 1804-1806 гг. С началом польского восстания он стал членом Административного совета, чуть позже — председателем Временного правительства, а затем до 15 августа 1831 г. был председателем Национального правительства. После подавления восстания эмигрировал, обосновался в Париже, возглавил консервативное крыло польской эмиграции — «Монархическое товарищество Третьего Мая» («Отель Ламбер»), поддерживал антироссийскую политику западноевропейских стран, а также противоправительственные революционные и национально-освободительные движения, рассчитывая при их успехе на восстановление Польши. Бакунин о нем пишет весьма скудно:

> По отъезде моем из Брюсселя я не видал ни одного поляка до самого этого времени. Моя статья в “Reforme” была поводом, к новому знакомству с некоторыми из них. Во-первых, пригласил меня к себе князь Адам Чарторижский через одного из своих приверженцев; я был у него один раз и после этого никогда с ним более не видался[27].

---

25 М. Бакунин. *Исповедь*..., с. 40.

26 Ю.А. Борисёнок. *Михаил Бакунин и «польская интрига»*..., с. 155–156.

27 М. Бакунин. *Исповедь*..., с. 40.

Аристократическая направленность интересов Чарторыйского демократу Бакунину была, очевидно, действительно чужда.

Третье лицо, упомянутое Бакуниным, — это Алоиз Бернацкий (1778–1854) — один из первых польских ученых аграриев (оставил ряд специальных трудов в этой области); в период ноябрьского восстания он был министром финансов, а затем эмигрировал во Францию, где организовал польскую школу. Бакунин отмечает, что в период с 1844 до весны 1846 гг. он практически не общался с поляками, за единственным исключением – «Алоиза Бернацкого..., доброго, почтенного старика, ... который, живя вдалеке от всех политических эмиграционных партий, занимался исключительно своею польскою школой»[28]. В этом случае отношение, как видно, вполне доброжелательное, но каких-либо общих интересов между Бакуниным и Бернацким фактически нет.

И четвертым из польских деятелей в *Исповеди* назван Адам Мицкевич (1798–1855) — личность не просто заметная, но и напрямую связанная с русской культурной жизнью, чье творчество оставило свой заметный след в русской литературе и музыке (к нему обращались Пушкин и Лермонтов, Аполлон Майков и Бакунин, а также Алябьев, Глинка, Чайковский, Римский-Корсаков и др.). Мицкевич не был участником ноябрьского восстания, но его поражение воспринимал болезненно, трагически. Переехав в Париж в 1832 г., поэт сосредоточился на создании знаменитой поэмы *Пан Тадеуш* (1832–1834), а по ее завершении практически отошел от поэтической деятельности, соредоточившись на публицистике и литературных штудиях. Он увлекся мессианскими идеями об особом призвании Польши в судьбах человечества, что нашло отражение в *Книгах польского народа*. С 1841 г. Мицкевич оказался под влиянием мистика Анджея Товяньского, сумевшего совершить «чудо» исцеления маниакально больной жены поэта. В учении Товяньского Мицкевича привлекала трактовка Наполеона как мессии наподобие Христа, а также суждения о мессианском предназначении передовых наций, к которым товянисты относили французов и поляков. Бакунин познакомился со знаменитым польским поэтом как раз в период его особо напряженных религиозно-мистических исканий, которые в принципе не могли восприниматься всерьез человеком, нацеленным на практическую революционно-демократическую деятельность. В *Исповеди* версия отношений Бакунина и Мицкевича представлена так:

> Также видел иногда и Мицкевича, которого уважал в прошедшем как великого славянского поэта, но о котором жалел в настоящем как о полуобманутом, полу-же-обманывающем апостоле и пророке новой нелепой религии и нового мессии. Мицкевич старался обратить меня, потому что, по его мнению, достаточно было, чтобы один поляк, один русский, один чех, один француз и один жид согласились жить и действовать вместе в духе Товянского для того, чтобы переворотить и спасти мир; поляков у него было довольно, и чехи были, также были и жиды и французы, русского только недоставало; он хотел завербовать меня, но не мог[29].

---

[28] Там же.

[29] Там же, с. 42–43.

Отношение Бакунина к Мицкевичу, как видно, с одной стороны, почтительное, а с другой — несколько ироничное.

Итак, эти четыре лица описаны Бакуниным, хотя и достаточно обще, но открыто. И сделано так скорее всего потому, что для Бакунина с упомянутыми фигурами связано славное польское, но все же прошлое. Лелевель, Чарторыйский, Мицкевич, Бернацкий — это уже почтенные представители политической эмиграции, люди с устоявшимися взглядами, убеждениями, репутацией. У каждого из них была своя доминантная тема, у каждого Бакунин мог почерпнуть полезную информацию, но реальных соратников, практических деятелей в революционной борьбе среди них он не видел.

Второй этап активизации отношений с поляками приходится на 1846–1849 гг., время, когда Бакунин уже начал играть заметную роль в радикально-социалистических кругах Парижа и других европейских регионах. Как раз накануне и в процессе европейских революций контакты Бакунина с поляками возрастают и расширяются. В феврале 1846 г. он опубликовал статью, в которой публично озвучил ту позицию, которую окончательно занял в польском вопросе:

> Я — русский и люблю мою страну, вот почему я подобно очень многим другим русским горячо желаю торжества польскому восстанию. Угнетение Польши — позор для моей страны, а свобода Польши послужит, быть может, началом нашего освобождения[30].

Известие о краковском восстании 1846 г. Бакунин встретил с энтузиазмом. В ноябре 1847 г. он выступил на собрании, посвященном очередной годовщине польского восстания. В *Исповеди* он вспоминал, как, будучи болен, сидел дома «с выбритою головой»; в это время к нему пришли с приглашением выступить на собрании двое поляков. «Я с радостью ухватился за эту мысль, заказал парик и, приготовив речь в три дня, произнес ее в многолюдном собрании»[31]. Речь, направленная против российского самовластия, содержала в себе открытое покаяние и неслыханные еще в такой форме признания: «Я не единственный в России, который любит Польшу и который питает к ней чувство горячего удивления, страстную горячность, глубокое чувство, смешанное с покаянием и надеждой...»[32]. Обращаясь к полякам от имени русских людей, Бакунин заявлял:

> Да наступит же великий день примирения, — день, когда русские, соединенные с вами одинаковыми чувствами, сражаясь за ту же цель и против общего врага, получат право запеть вместе с вами национальную песню польскую, гимн славянской свободы «Jeszcze Polska nie zginęła!»[33].

Успех этого выступления был невероятным.

В *Исповеди* обращает на себя внимание тот факт, что Бакунин, будучи абсолютно уверенным в том, что Европа находится накануне великого всемирно-исторического переворота, достаточно подробно вспоминает о накаляющейся

---

30 М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем...*, с. 257.

31 М. Бакунин. *Исповедь...*, с. 52

32 М.А. Бакунин. *Собрание сочинений и писем...*, с. 270.

33 Там же, с. 279.

атмосфере тех лет, при этом практически не называя каких-либо лиц, имен. Зато одно за другим следует описание общеизвестных событий: краковское восстание, революция во Франции, Славянский конгресс в Праге, Пражское восстание, Дрезденское восстание и проч. Что же касается отношений с поляками, то Бакунин пишет, с одной стороны, о своем якобы так и не реализованном стремлении сблизиться с польскими демократами, а с другой — о непреодолимых трудностях в общении, о взаимном недоверии и национальных разногласиях.

> Я виделся с польскими демократами несколько раз, но не мог с ними сойтиться: во-первых вследствие разногласия в наших национальных понятиях и чувствах: они мне показались тесны, ограничены, исключительны, ничего не видели кроме Польши, не понимая перемен, происшедших в самой Польше со времени ее совершенного покорения; отчасти же потому, что они мне и не доверяли, да и не обещали себе, вероятно, большой пользы от моего содействия[34].

> ...несмотря на мое сильное желание сблизиться с поляками, я ни с одним не мог сблизиться. Наши природы, понятия, симпатии находились в слишком резком противоречии для того, чтобы было возможно между нами действительное соединение[35].

Как видно, на первый план в *Исповеди* начинают выдвигаться давние общеизвестные стереотипы и распространенные предрассудки — о высокомерии поляков, их обособленности, миссианской предназначенности, культурном превосходстве, национальном эгоизме, и проч.

> Поляки смотрели на прочих славян с высоты своего политического значения, держали себя несколько в стороне, слегка улыбаясь»[36]; «поляки, избалованные ...комплиментами европейских демократов»[37]; «когда я узнал ближе их национальный характер, их неисцелимый, хоть исторически и понятный мне эгоизм, мне самому стало уже совестно и совершенно невозможно мешаться с поляками[38].

Чем обусловлены суждения подобного рода? Совершенно очевидно, что Бакунин, не скрывая своей заинтересованности в активном сотрудничестве с поляками, переключает внимание с конкретных лиц на события горячей современности. Слишком хорошо была известна «царская милость» относительно сторонников «запрещенной религии польского дела». И вот вместо лиц на страницах *Исповеди* все чаще появляются исторически укоренившиеся стереотипы, призванные засвидетельствовать неизменные расхождения между представителями двух наций, невозможность их политической солидарности. Думается, что эта, сознательно выбранная автором стратегия письма — творческое осмысление фактов собственной биографии в заданной жанровой парадигме, и позволила Бакунину «вести свою игру» с царем, оставаясь верным изначально принятой установке — «не открывать грехи других».

---

34 М. Бакунин. *Исповедь*..., с. 51.

35 Там же, с. 53.

36 Там же, с. 60.

37 Там же, с. 78.

38 Там же, с. 86.

Литература

Анненков П.В. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1960.

Бакунин М.А. *Избранные сочинения. В 5 томах.* Т 2: *Кнуто-Германская империя и Социальная революция*. С предисловием Дж. Гильома. Книгоиздательство «Голос труда» Петербург — Москва, 1919.

Бакунин М.А. *Собрание сочинений и писем (1828–1876)*. Под ред. и с примечаниями Ю.М. Стеклова. Серия Классики революционной мысли домарксистского периода. Под общ. ред. И.А. Теодоровича. Т. 4: *В тюрьмах и ссылке (1849–1861).* Москва: Издательство Всесоюзного Общества политкаторжан и ссылно-поселенцев, 1935.

Бакунин М. *Исповедь*. Санкт-Петербург: Азбука-классика, 2010.

Борисёнок Ю.А. *Михаил Бакунин и «польская интрига». 1840-е годы*. Москва: Российская политическая энциклопедия, 2001.

Герцен А.И. *Собрание сочинений в 30 томах.* Т. 9. Академия наук СССР. Институт мировой литературы им. А.М. Горького. Москва: Наука, 1957.

Гете И.В. *Поэзия и правда. Из моей жизни*. Классический перевод Н.А. Холодковского. Москва: Захаров, 2003.

Кеневич С. *Лелевель.* Перевод с польского И. Миллера. Москва: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1970.

Панаев И.И. *Литературные воспоминания*. Москва: Правда, 1988.

Kamiński A.A. *Apostoł prawdy i miłości. Filozoficzna młodość Michała Bakunina*. Wrocław: Wydawnictwo Akademii Ekonomicznej im. Oskara Langego, 2004.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 303–318

МОТИВ ГРЕХА В РОМАНАХ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

SIARHEI A. PADSASONNY

Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej, Instytut Lingwistyki Stosowanej
Zakład Kulturoznawstwa Stosowanego
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: s.padsasonny@uw.edu.pl
(nadesłano 26.05.2014; zaakceptowano 4.12.2014)

Abstract

The motif of Sin in F.M. Dostoevsky's novels

The article explains the meaning of the dialectic of sin as a literary motif in Dostoevsky's creative heritage. The object of study is based on the writer's novels *Crime and Punishment*, *The Idiot*, *The Adolescent*, *The Devils*, *The Brothers Karamazov*. We analyze the connection between the motif of sin and the theme and plot of the writer`s novels. The variant motifs and the related motifs are explored in the article. All the characters of Dostoyevsky`s art space are divided into types through the analysis of the motif of sin.

Key words

Dostoevsky, motif, related motif, motif pair, sin, fabula, character, crime, repentance.

Резюме

В статье раскрывается смысл диалектики греха как литературного мотива в творческом наследии Ф.М. Достоевского. Объектом исследования послужили романы писателя *Преступление и наказние*, *Идиот*, *Подросток*, *Бесы*, *Братья Карамазовы*. Прослеживается связь мотива греха с темой и сюжетом произведе-

ний писателя. Дан анализ мотивов-вариантов, а также смежных мотивов. Герои художественного пространства автора через анализ мотива греха разделены на типы.

Ключевые слова

Достоевский, мотив, смежный мотив, мотивная пара, грех, сюжет, герой, преступление, покаяние.

Грех в романах Ф.М. Достоевского становится повторяющимся элементом художественного повествования, развивается в сеть смысловых комбинаций — вариантов, связан с темой и сюжетом произведения и оказывает на них непосредственное воздействие, то есть имеет характерные черты литературного мотива. Мотив греха у Достоевского как смысловой повтор в тексте удерживает единство романного текста и выстраивает соответствующую связь между различными текстами автора. В художественном пространстве произведений представлено множество грехов, и автор устремляет героев к их преодолению, но итог неоднозначен, ибо семантическая наполненность мотива греха у Достоевского не имеет фактической мотивной пары — покаяния, которое чаще всего остается в гипотетической плоскости. В романном пространстве представлена бесконечность экспериментов с человеческой плотью, душой, Духом. Герои грешат тем, что нарушают богоданную свободу, будучи несвободными от влияния идей, которые становятся первой фазой греха и, переходя на дальнейшие уровни развития, губят человеческое естество. Грех — это духовное разрушение героев, отъединяющее их от Бога, что приводит к катастрофе — и не только метафизической. Автор говорит во всех своих произведениях о модели мира с процветанием антропофагии, пытаясь предотвратить духовное разрушение общества в целом и отдельной личности в частности. Невозможно изолированное существование персоны от социума, который детерминирует, определяет знаковые поступки, формирует основы моральности, но вместе с тем берет на себя и часть ответственноти за происходящее, а скорее — соответственности — в соборном понимании вины. Однако Достоевским не снимается ответственность с самой личности, духовная состоятельность которой и определяет возможность ее бытия. Творение мира добра начинается, прежде всего, с самой личности, ее самосознания и моральной акцептации. Отказ от соборности, нравственности, духовности приводит к саморазрушению в категориях морали и религии, тогда как следование этим принципам разрушает основы экзистенциального понимания личностной ценности. Все действия, которые не могут

быть рассмотрены в рамках категории добра, автоматически попадают в координаты греховности. А это расширяет «семантическое поле»[1] мотива греха до множества вариантов, мотивов-ситуаций, мотивов-речей, мотивов-действий, мотивов-описаний, мотивов-характеристик, делает возможным тематическое богатство произведений, что становится своего рода двигателем сюжета.

Мотив греха понятие жизни героев в художественной реальности будто выносит за границы этой реальности, происходит духовное умирание. По семантической наполненности понятия греховный персонаж не вмещается в рамки жизненности, однако пребывает в действительной реальности. На этом уровне мотив греха связан с мотивом смерти/бессмертия; грех — это одновременно и конечность, и лишь ступень нового бытия — в своем непреодолении и преодолении — соответственно. Часто мотив смерти становится инвариантом мотива греха. А поскольку семантика данных вариантных мотивов сближена, оба они могут существовать по принципу взаимозаменяемости. Неспроста грешники Достоевского тесно сопряжены с атрибутами смерти: Раскольников живет и разрушает себя в «комнате-гробе», Рогожин — в довлеющем доме-кладбище, Иван Карамазов вообще назван «могилой». На таком уровне понимания мотива греха концепт «жизнь-смерть» является ведущим к характеристике героев, которые находятся в названном топосе через грех, но и выходят из него через него же.

Любой грех однозначен по своей низменности, так как попадает под заданность определений десяти заповедей, однако первым грехом в догматике называется и осмысливается разрушение статуса значимости Бога и выдвижение своего «Я» как духовного начала. Архетипические проявления этого греха — первородный грех, убийство Авеля, строительство Вавилонской башни, осмысленной в *Братьях Карамазовых*[2] как воплощение атеизма[3]. Пространственные ориентиры в контакте человека с Богом смешиваются с качественной пропастью, такая башня полностью устраивается и зиждется на грехе, поэтому Бог ее разрушает[4]. Впитывая библейские формулы, романное пространство Достоевского обнаруживает наличие именно мотива греха в литературоведческом

---

[1] Данный термин в 1975 году ввел Б.Н. Путилов, а также предложил свое понимание «мотива»: «Мотив есть не просто элемент, слагаемое, конструирующее сюжет. В известном смысле эпический мотив программирует и обусловливает сюжетное развитие. В мотиве так или иначе задано это развитие». См. об этом подробнее: Б.Н. Путилов, *Мотив как сюжетообразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа*. Сост. А. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов. Институт востоковедения. Академия наук СССР. Москва: Наука, 1975, с. 149.

[2] Здесь и далее произведения Ф.М. Достоевского цитируются по изданию: Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений. В 30 томах*, Ленинград: Наука, 1972–1990 — с указанием тома (римскими цифрами) и страницы (арабскими цифрами).

[3] Ф.М. Достоевский, *Полное собрание сочинений...*, т. XIV, с. 25.

[4] См. H. Kryshtal. *Problem zła w twórczości F. Dostojewskiego. Studium teologiczno-moralne*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2004. Польская исследовательница отмечала: «Zanikanie obrazu Bożego w człowieku, które dla Dostojewskiego jest źródłem zła, wiąże się z buntem człowieka przeciwko Bogu. Bunt oznacza zerwanie z łaską» — цит. по H. Kryshtal. *Problem zła...*, с. 35.

смысле. Мотив богоборчества таким образом становится вариантом мотива греха, при этом его семантика раскрывается автором через «мотивы-образы», или «квази-мотивы»[5]. Такие семантические сгущения в текстах Достоевского порождают тематическое богатство, разрастаются до целых эпизодов, что подтверждает соотношение мотива и сюжета, о чем еще в начале прошлого века писал А.Л. Бем: «Мотив потенциально содержит в себе возможность развития, дальнейшего нарастания, осложнения побочными мотивами. Такой усложненный мотив и будет сюжетом»[6]. В данном контексте актуальными представляются исследования Н.А. Криничной о особенностях мотивов преданий: «Мотив составляет, как правило, следующие элементы: субъект — центральный персонаж; объект, на который направлено действие; само действие (чаще это функция героя) или состояние; обстоятельства действия»[7]. Достоевский в своих романах создает греховную идеологию для героев-идеологов, их диалектику богоборчества, пытаясь не только «достучаться» до Бога, выстраивая башню греховного сознания, но и занять Его место, не учитывая, что существование Бога связано с акцией абсолютного добра и творчества, но не своеволия и разрушения, которые допускаются как возможные во имя восстановления справедливости, которая из-за своей ошибочности превращается в губительную идеологию.

Символическим комментарием того, что Бог не предотвращает греха, но воскрешает умершего сына (грешника) через покаяние, сохраняя свободу воли личности, является притча о блудном сыне, использованная Достоевским и отраженная в мотиве греха — как варианте данного мотива. Сыновья в прозе писателя (Раскольников, Ставрогин, Долгорукий, братья Карамазовы) отрываются от родителей вместе с уходом от Бога, и для многих из них возврат неосуществим. Автор понимал православную догматику, знал, что любовь Бога безмерна к грешникам, блудным сыновьям, но нет жалости к грехам, увлекающим человеческую природу, поэтому категория греха неотделима от бытия человека, а мотив греха – от онтологии художественного пространства Достоевского, утрачивая свою мистическую специфику, заданную традиционным богословием. В.Н. Белопольский делает вывод: «Человек не должен бояться греха, то есть совершаемого им зла, именно страх перед грехом, желание скрыть совершаемое зло толкает его в объятия лжи...»[8]. Данная тенденция обнаруживается в первородном грехе: «И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая» (*Быт.* 3, 8), решая вопрос развития и становления ценностно-культурных

---

[5] См. подробнее: С.Ю. Неклюдов. *О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов.* [В:] *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов*. Ленинград: Наука, 1984, с. 221–229.

[6] А. Бем. *К уяснению историко-литературных понятий*. «Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук» 1918. Т. 23. Кн. 1. Петроград: Российская Академия наук, 1919, с. 227.

[7] Н.А. Криничная. *Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры*. Ленинград: Наука, 1987, с. 18.

[8] В.Н. Белопольский. *Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1987, с. 180.

ориентиров человечества. Но в догматике говорится о грехе обитателей Эдема, ибо желание обладать плодами Познания расценивается как самообожествление. Таков и коллективный грех строителей Вавилонской башни. Познание, рациональное начало обретает у писателя черты греха, ибо разрушает чувственную сферу искренности героев.

Творчество Достоевского трансформирует библейскую реализацию греха в книге Бытия, когда ущемленный в правах человек (ему не все позволено [*Быт.* 2, 17]) начинает бунтовать. Преодолевая грех, он становится на путь страдания, гипотетического покаяния и возможности духовной гармонии. Завершенным выражением данной идеи является черт Ивана Карамазова, заявляющий: «Если бы на земле было все благоразумно, то ничего бы и не произошло»[9]. Следовательно, если бы не было мотива греха в романах писателя, то не было бы и самих этих романов. Это подтверждает философскую концепцию греха как детерминанты высшей силы. Черт же в ситуации предрасположенности предстает абсолютной жертвой.

В метафизическом смысловом контексте грех выносится за пределы Эдема: убийство Авеля собственным братом Каином. Достоевский это осуществляет в *Братьях Карамазовых*, где реальный грех удален от топоса сада, сопряжен с метафизическим контекстом, ибо каждый из братьев творит по отношению к другому Каинов грех братоубийства (мотив-вариант). Иван творит грех-мысль, Дмитрий — грех-слово, Смердяков — грех-действие[10]. Грех отдельного героя выводится на пространственный уровень мира, неотделимого от соборности, которая представлена как обязательный элемент мотива греха у писателя — носителя православного сознания. Т.А. Касаткина пишет: «Есть только одно истинное отношение к греху ближнего — это взять его грех на себя...»[11]. В романной прозе Достоевского грех как мотив функционирует полностью на соборной основе по всем уровням существования (идея-мысль, деятельность, покаяние). Но соборность для писателя заключена не просто в метафизической вине, а в конкретных прегрешениях. Каждый герой действует по принципу взаимного перекладывания вины, в чем намечен отход от принципа свободы воли и личной ответственности.

Пристальное внимание писатель уделяет душевным и духовным грехам (что кардинально разграничено в православной аскетике), проблемы «тела» не игнорируются, но изображены через призму иных видов греха, вмещаясь в категорию «плоть». Л.И. Мерцалова разграничивает понятия «тело» и «плоть»: первое связано с антропологией, второе — с этикой, ибо трактуется как «седалище греха»[12]. В богословской традиции грех — рана, нанесенная человеком

---

[9] Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений....*, т. XV, с. 77.

[10] Там же, т. XV, с. 54; 59.

[11] Т.А. Касаткина. *Воскрешение Лазаря. Опыт экзегетического романа Ф.М. Достоевского Преступление и наказание*. «Вопросы литературы» 2003, № 1, с. 181.

[12] Л.И. Мерцалова. *Проблемы сердца в русской религиозной философии 19-го века. Этический аспект.* Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук: 02.00.05, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Санкт-Петербург 2002, с. 11.

собственной душе, болезнь, излечение от которой — покаяние и обретение божьего образа (обожение). В романах Достоевского мотив греха порой оказывается трудно отделимым от мотива болезни, возникает взаимозаменяемость, вариантность. Раскольников в романе *Преступление и наказание* размышляет: «Это оттого, что я очень болен (...) я сам измучил и истерзал себя, и сам не знаю, что делаю... И вчера, и третьего дня, и все это время терзал себя... Выздоровлю и... не буду терзать себя... А ну как совсем и не выздоровлю? Господи! Как это мне все надоело!..»[13]; и далее в романе находим: «...акт совершения преступления сопровождается всегда болезнию»[14]. В болезненном состоянии находится Ипполит в романе *Идиот*, он своим идеологическим грехом ропота на Бога доходит до крайнего состояния, когда излечиться не представляется возможным. Князь Мышкин приезжает в Петербург, будто выздоровев от тяжкого недуга, но уже в первых характеристиках прочитывается непроходящая болезненность. В этом же случае герой болен не телесно, общество видит в нем прогрессию душевной болезни, а таких будто бы Бог любит, а потому и грехи прощает. В финале Мышкин будто бы выключен из реальности, а потому и отстранен от ответственности за грехи. Болезнью сопровождается перерождение Степана Трофимовича Верховенского в *Бесах*[15]; Аркадия – в *Подростке*[16]. До страшных форм доходит нездоровье Ивана Карамазова, который утрачивает рассудок в финале романа. Болезнь Смердякова, как вся его сущность, использована во имя греха. В болезненном состоянии находятся и другие персонажи произведений Достоевского. Часто мотив болезни становится психологическим мотивом, когда автором изображены мытарства героев в предверии греха или в постгреховном состоянии. В данном пункте у Достоевского двигателем сюжета, фабулы и темы произведения становится мотив греха, который через ряд вариативных и смежных мотивов помогает выстраивать художественную реальность. Ее семантика закодирована в смысловой наполненности ведущего мотива и выстроенной от него «сетки мотивов», раскрывающей смысловую наполненность как одного текста, так и ряда текстов автора.

Свершение греха представлено фрагментарно-ноуменальным явлением, когда сюжет произведения уже находится в развитии, герои охарактеризованы, названа основная тема. Грехами становятся не только действия, но и бездеятельное, пассивно-инертное отношение к жизни и миру (Мармеладов, Мышкин). Мотив греха в варианте бездеятельности определяет характеристику героев, так как качества любого персонажа — это проявление в нем тех или иных мотивов. У Достоевского обязательно присутствует оценка героев в границах мотива греха. Герой Достоевского становится совокупностью вариантов или смежных мотивов греха. Бездеятельные герои представлены в своей конечности, они завершенно-статичны, а потому утрачены миром, не живут, а существуют как данность, пребывающая в ожидании добра для всех. Грех обретает

---

13 Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений*...., т. VI, с. 87.

14 Там же, т. VI, с. 198.

15 Там же, т. X, с. 479–507.

16 Там же, т. XIII, с. 281.

губительность уже в фазе прилога. При этом преднамеренный, сознательный грех у писателя всегда страшнее греха-феномена. Убийства, совершенные Раскольниковым, Смердяковым, наделены иной смысловой заданностью, нежели, например, убийства Рогожина, Федьки Каторжного, хотя результаты одинаковы. Грехи первых страшны тем, что заранее осмыслены в теоретическом ключе, полностью продуманы, а только потом осуществлены. Полное осознание греха приходит в момент его преобразования в объект познания, а не субъективного чувствования и переживания. Только такое состояние ведет к покаянию и очищению или оценке своих действий и устремлений в реальности. Ужас греха однако в том, что часто один проступок освобождает путь для дальнейшего становления греховного сознания, когда апокалиптическая катастрофа — неизбежная закономерность. Достоевский приходит к еще одной фазе — выхода из греховного круга, но эта фаза остается метафизическим явлением, ибо духовное очищение для многих героев невозможно. Пьер Абеляр называет три средства «примирения грешника с Богом»: «раскаяние, исповедь, искупление»[17]. Раскаяния у центральных героев Достоевского как такового нет, это лишь осознание своей «греховной несостоятельности»; исповедь в догматическом понимании отсутствует, притязания на данное таинство выглядят будто вызовы Богу (исповедь Раскольникова Соне, Ставрогина Тихону, Дмитрия и Ивана Карамазовых Алеше); что касается искупления, то герои становятся на этот путь — без конечного преодоления. Единственно убедительным выходом из греховного состояния выглядит акт духовного и телесного умирания — суицида, но это временное преодоление, которое ничего не значит в масштабах вечности. Возникает проблема греховного непреодоления. Неудача заключается в том, что раскаяние и сожаление должны соотноситься не с отдельными грехами, но с греховностью человеческого естества в целом.

Отмеченные характеристики мотива греха невольно связывают семантическим единством романное пространство Достоевского с библейским топосом Содома и Гоморры, где нераздельно связаны признаки земного и инфернального. Таким смысловым центром бездуховного пребывания или гибели героев становится Петербург, в котором будто сходятся на подмостки все грешники ада Достоевского. Покинуть убийственный топос дана возможность немногим: либо через перерождение, либо вместе с героями-жертвами. В противном случае «вояж» (как смежный мотив мотиву греха) из этого ада приводит к суициду, убийству, сумасшествию. Комфортно в данном топосе только тем, кто доходит в сотворении греха до крайних пределов, являясь будто сатаной рассматриваемого пространства. Даже в романе *Бесы*, в котором действие разворачивается в провинциальном городе, духовное крушение Ставрогина происходит в Петербурге. Роман *Братья Карамазовы* удален от этого топоса, хотя на суде собираются представители из Петербурга и судят невинного в юридическом смысле человека.

---

[17] П. Абеляр. *Этика, или познай самого себя. Теологические трактаты*. Перевод с лат., вступительное слово, сост. С.С. Неретиной. Москва: Прогресс, Гнозис 1995, с. 285.

На уровне топики мотив греха действует в тесном переплетении с мотивом пути («вояжа»), который имеет бинарные характеристики: с одной стороны, это метафизический путь (движение к греху, а затем к конечности или обновлению), с другой – реальный (движение к преступлению, а затем наказанию, страданиям со всеми вытекающими последствиями). Главный представитель топоса Петербурга-ада, Лужин, направлен автором на путь предельного духовного умирания; Свидригайлов движется навстречу своей гибели, при этом возможного спасительного «вояжа», о котором мечтает и говорит герой, так и не происходит; Раскольников с Соней покидают этот топос, двигаясь навстречу новой жизни; Мышкин проделывает путь в духовно мертвое пространство из Швейцарии, куда впоследствии и возвращается, поблуждав по маршруту «Петербург — Павловск»; вместе с Мышкиным прибывает к месту своей гибели и Парфен Рогожин, который кружит в греховном вихревании с одного места на другое, а затем отправляется на каторгу, преодолевая путь иного уровня; Настасья Филипповна совершает параллельное движение с Рогожиным навстречу смерти; в романе *Бесы* фактически все герои прибывают в город, в котором ищут ответы на метафизические вопросы, и только абсолютное зло — Верховенский, покидает город, дабы проделать новый путь к греховным свершениям; отправляется в паломничество Степан Трофимович Верховенский; Аркадий Долгорукий несколько раз движется по пути «Москва — Петербург», который осмысливается как выбор между русским и западным; спасение приносит с дальней дороги Макар Долгорукий; своего рода скачки в пространстве изображены в *Братьях Карамазовых* на пути самопознания героев. Мотив пути у Достоевского в связи с мотивом греха имеет четко заданную направленность, но с важной особенностью: это не просто движение к Богу или от Бога, но часто и против Бога, что архетипическим образом соотносится с библейским бунтом сатаны[18].

Мотив пути символическим образом переплетен с мотивом лестницы, ибо герои Достоевского идут по ступенькам, но не восхождения, а наоборот — духовного спуска, греховного падения. И Раскольников поднимается вверх к своему прегрешению, и Мышкин с Рогожиным сталкиваются на лестнице, а потом сходятся над загубленной красотой наверху, и Ставрогин скитается по лестнице греховности, и Аркадий Долгорукий бегает вверх-вниз по лестницам, и Смердяков падает с лестницы перед преступлением. Алеша Карамазов говорит, что все стоят на этой лестнице, только он на первой ступени, а его брат Дмитрий — уже на тринадцатой: «Все одни и те же ступеньки. Я на самой низшей, а ты наверху, где-нибудь на тринадцатой. Я так смотрю на это дело, но это все одно и то же, совершенно однородное. Кто ступил на нижнюю ступеньку, тот все равно вступит и на верхнюю»[19]. Такое сплетение мотивов приводит к взаимозаменяемости понятий верха/низа. Это же прослеживается в классовой дифференциации ге-

---

[18] Подобное замечание сделала польская исследовательница — Халина Бжоза: «Ruch pionowy — w górę oraz w dół — wyznacza w przestrzeni tego świata ruch myśli bohaterów, buntujących się przeciw porządkowi świata Bożego». См. подробнее: H. Brzoza. *Dostojewski — między mitem, tragedią i apokalipsą*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995, s. 41.

[19] Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений*..., т. XIV, с. 101.

роев, на уровне хронотопа, метафизики и диалектики, что свидетельствует об отсутствии определенной позиции мотива греха, которые существуют равнозначно и равноценно на всех уровнях романного пространства.

Все герои романной прозы Достоевского в зависимости от семантической наполненности мотива греха, то есть восприятия категории «грех» сознанием и совестью, делятся на три типа, или мотива-образа, что выглядит, на наш взгляд, объективнее, нежели классификация персонажей по конкретным грехам, которые начинают множиться, а деление утрачивает основания цельной классификации. Но этого не происходит, если характеризовать героев Достоевского через анализ семантики совокупности вариантов мотива греха и смежных с ним мотивов. Таким образом, мотив греха у писателя обладает всеми «обязательными элементами» мотива: «лицо, осуществляющее действие», «действие, совершаемое персонажем или главным действующим лицом», «объект, на который направлено действие», «место действия»[20]. На основе мотивного анализа в романах Достоевского мы выделяем:

1) агреховных героев — тех, которые по разным причинам совершают грех, но через осознание или авторское оправдание, муки совести и страдания приходят к покаянию. Как правило, таковыми герои уже предстают в романах перед читателем и не переживают преобразований (дети, монахи, мученики, юродивые);
2) антигреховных героев — тех, которые грешат, воспринимая грех в традиционном догматическом понимании, но будто бы «разрешают» его себе. В случае раскаяния они пополняют ряды агреховных; если этого не происходит, неизбежными становятся самоубийство либо непреодолимое страдание. Суицидальные акты часто выглядят у Достоевского как агреховное явление, базируясь на антигреховной основе. Герои-идеологи Достоевского антигреховны на теоретико-логическом срезе подмены рационализма и этики, но получают возможность агреховности в практической плоскости греховных проявлений через собственные страдания и соборность;
3) внегреховных героев — тех, которые находятся по ту сторону оценки действий как безнравственных, аморальных, а потому они должны оставаться по ту сторону греха и, следовательно, покаяния. Правомерность данного заключения возможна только с позиций персонализма, но не христианского догматизма, так как постановка себя вне добра и зла не может обеспечить герою (человеку) попадание в пространство вне Ада/Рая. В самом моральном отрицании заложена величайшая неморальность, в атеизме — греховность, которая все же существенно отличается от равнодушия.

Атеисты, как и другие грешники Достоевского, в своем духовном падении крайне близки к Богу, творческой силе, спасению. Только равнодушные потеряны для себя, Бога, мира[21]. Грех не просто деструктивная тенденция человече-

---

[20] Н.М. Ведерникова. *Мотив и сюжет волшебной сказки*. «Филологические науки» 1970, № 2, с. 58.

[21] Эту мысль развивает Ксана Бланк: «The infernal abyss, despair, and hopelessness are not absolute; in the undergroud`s darkness, there is always the potential for light to emerge». См. подробнее:

ской жизни, но и возможность ее спасения, чего лишены у Достоевского не атеисты, а создатели собственной морали, выпавшие за пределы этики гуманизма. А.С. Гагарин указывает на то, что «смерть физическая (первая), телесная, и угроза смерти второй необходимы для достижения перехода от пред-жизни (земной жизни), жизни во грехе к истинной бессмертной жизни»[22]. Грешники-идеологи — отрицатели Бога, Божьего мира, поэтому они творят один из страшнейших грехов — грех неверия (атеизма), в котором остается последний, но несделанный шаг к вере. Среди грешников данного вида есть активно проверяющие свои идеи на практике (Раскольников, Ставрогин, Кириллов), но они только начинают с этого греха, заканчивая страшными результатами. Ипполит, Кириллов, Иван Карамазов пытаются найти правду в мире, поспорить с Богом по поводу существующего зла. Иван восклицает: «Я не Бога не принимаю, пойми ты это, я мира, им созданного, мира-то божьего не принимаю и не могу согласиться принять»[23]. Они не могут принять промысла Божьего, и создание для них нового мира, сотворение человеко-бога (вариантный мотив греха) оказывается возможным с разрушением идеи Бога как таковой, на что Ивану указывает черт: «Там новые люди, — решил ты еще прошлою весной, сюда собираясь, — они полагают разрушить все и начать с антропофагии. Глупцы, меня не спросились! По-моему, и разрушать ничего не надо, а надо всего только разрушить в человечестве идею о боге, вот с чего надо приняться за дело!»[24]. Проблема в том, что человечество кончит не гордым существованием великих личностей, но антропофагией. Это подтверждено героями внегреховного типа, которые, все позволив, безграничностью собственного горения разрушают себя и мир.

Несколько по-иному осмыслена Достоевским судьба мучеников (в традиционном понимании этого слова), среди которых наиболее завершенной воспринимается Соня Мармеладова. Ее грех прощен миром и будет прощен на великом суде, ибо она много любила, за что и страдала, не уходя в духовный разврат. Именно поэтому Раскольников целует ее ногу, а потом кланяется героине (мотивы поцелуя, поклона неизменно у Достоевского идут параллельно со страданиями героев, в чем наследуется библейская семантика)[25]. В предисловии к поэме *Великий инквизитор* Иван рассказывает о *Хождении богородицы по мукам*, молящей о прощении всех грешников: «Она умоляет, она не отходит, и когда бог указывает ей на прогвожденные руки и ноги ее сына и спрашивает: как я прощу его мучителей, — то она велит всем святым, всем мученикам, всем ангелам и архангелам пасть вместе с нею и молить о помиловании всех без

K. Blank. *Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin.* Chicago: Northwestern University Press, 2010, с. 45.

22 А.С. Гагарин. *Экзистенциалы человеческого бытия. Одиночество, смерть, страх (от античности до нового времени). Историко-философский аспект.* Автореферат диссертации на степень доктора философских наук. 09.00.03. Уральский государственный университет имени А.М. Горького. Екатеринбург 2002, с. 27.

23 Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...*, т. XIV, с. 214.

24 Там же, т. XV, с. 83.

25 Там же, т. VI, s. 247.

разбору»[26]. Богородица становится праобразом мученических женских образов Достоевского. В мотивной структуре романа *Преступление и наказание* Соня соотносится с образом Марии Магдалины, которая стала символом греховного преодоления, Граалем страдания, через который она предстает образцом веры, апостольского начала. Раскольников, подобно Христу, делает замечание Лужину: «А по-моему, так вы, со всеми вашими достоинствами, не стоите мизинца этой несчастной девушки, в которую камень бросаете»[27]. Ср.: «Кто из вас без греха, первый брось на нее камень» (*Иоан*. 8, 7). Герой целует Сонину ногу, что символизирует страдание на пути к очищению. Поставив себя на место Христа, Раскольников должен отвергнуть наличие греха в своей природе. Осознание невозможности этого приводит к драме. Страдания Раскольникова-Христа идут совместно с Соней-Магдалиной. Эти образы меняются местами: если Магдалина доказывает преданность у ног Христовых, то Раскольников оказывается у ног Сони. Она, как и Магдалина, становится свидетельницей «воскресения». Мотивы слез, поцелуя, поклона тесно соотнесены на этом семантическом уровне, переходя из романа в роман Достоевского.

Грешники-мученики и идеологические грешники предстают в соборном единстве, составляя оппозицию. Идеологи наделяются частью вины за грехи других, мученики не воспринимаются как грешники. С соборных позиций Соня Мармеладова толкует возможность покаяния/воскресения: «Страдание принять и искупить себя им, вот что надо»[28]. Грех-жертва выходит за рамки традиционной греховной типологии, являясь проступком, совершенным не для себя, а во имя спасения других, в чем вплотную приближен к категории соборности, наиболее отчетливо наблюдаемой в образе Сони Мармеладовой, которая прощена и оправдана Достоевским с житейских позиций: грех будто забыт, а сама героиня помещена в ранг невинных, воспринимается как мученица, ее грех переносится в пространство несправедливого мира, что противоречит основным догматическим положениям, но в этом специфика соборности греха как литературного мотива. Оправдание для героев такого порядка возможно на том основании, что они осуществляют цельный путь через покаяние к обретению Божьего Образа в собственной душе. Неспроста Дуня Раскольникова констатирует, что страдания смывают грех наполовину, ибо помимо мучений должно быть покаяние[29]. Герои-жертвы — лейтмотив ранних романов Достоевского, где они занимают место действующих лиц первого ряда; ситуация меняется в позднем и зрелом творчестве, однако первостепенность этих грехов уже заключена не в формальном, а смысловом ключе, когда на них возложена миссия спасения грешников, но данной цели не достигает фактически ни один герой-жертва.

Все мужчины, так или иначе, соотносятся с Христом, женские образы введены как своего рода дополнение, мужчины, как правило, преклоняются перед ними. Мотив соборной греховной вины наследуют все мужские персонажи.

---

[26] Там же, т. XIV, с. 225.

[27] Там же, т. VI, с. 232.

[28] Там же, т. VI, с. 323.

[29] Там же, т. VI, с. 399.

Спасение не представляется для одинокого героя: все «мужчины-Христы» идут к Богу рядом с «женщинами-Магдалинами». Утрата любимой женщины делает спасение для героев-мужчин в художественной реальности невозможным. Грешники Достоевского, лишенные любого оправдания, как правило, мужчины. Женщины оправданы автором как носительницы сострадания. Герои-мужчины выступают инициаторами греха, женщины – воплощением спасительной реакции на грех. Достоевский создает диалогическое единство героев на пути к покаянию. Гипотетически примыкает к этому типу Дуня Раскольникова, утопически – Мышкин; соборный мазохизм накладывается на образы Миколки, Дмитрия Карамазова, которые страдают за грехи других. Преданность женского начала ставрогинской грешности заключена в образе Даши, но она имеет также гипотетическую форму. Духовная личность связывается с социумом порукой сострадания, принимает на себя долю ответственности за грехи других. В романах Достоевского прослеживается мотив греха и сострадания как взаимообусловленности перед покаянием. Путь со-страдания и соответственности открывают для себя, как правило, женщины. Исключение — Миколка из *Преступления и наказания*; Мышкин – «бесполое» существо; Аркадий — еще ребенок – подросток; бессмысленность страданий, когда можно было бы «жить да жить», раскрывается в образе Шатова; и только замыкает цепь истинно мужское понимание собственной вины и мира у Дмитрия Карамазова. Герои этого ряда становятся катарсическими грешниками, так как получают свое очищение, но только через страдания или гибель. Порфирий Петрович лишает Раскольникова физических страданий, понимая их ничтожность рядом с муками духовными, на которые обречено греховное сознание. Следователь признает в герое самого настоящего мученика: «Я вас почитаю за одного из таких, которым хоть кишки вырезай, а он будет стоять да с улыбкой смотреть на мучителей, – если только веру иль бога найдет»[30]. Это способ узреть Бога, ибо суд мира и совести — противоположные понятия в догматико-философском осмыслении. Женщины даруют спасенным возможность жить, творить, любить, расти духовно. В этом заключен мессианский акт женского начала, ведущего к спасению, любви, соборной жертвенности. Реализуется принцип «возлюби ближнего как самого себя», однако герои-жертвы, как замечает Ефим Курганов, нарушают логику библейской заповеди: «Да, надо возлюбить ближнего как самого себя, но только не через самоотрицание. Не через подавление собственной личности. Не через полное игнорирование человеческой природы»[31]. А потому в соборной жертвенности данных героев заключается еще и греховность, ибо они начинают любить ближних больше, чем себя. Однако это не имеет непосредственной связи с греховностью героя-мужчины.

Представители агреховного типа (не считая утопического Мышкина) максимально «обставлены» искупительной православной атрибутикой (иконы,

---

[30] Там же, т. VI, с. 351.

[31] Е. Курганов. *О Преступлении и наказании в религиозно-философском контексте*. «Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic. Central and Eastern European Studies». University of South Africa Press. Unisa Press, 2010, № 1 (16), с. 72.

лампады, Библия, молитвы и т.д.). Они в художественном пространстве постепенно перестают осмысливаться как грешники, воспринимаются как жертвы-мученики, утрачивая через данное основание духовные константы. Среди них те, кто свою жизнь жертвует ради других (Разумихин, Пульхерия Раскольникова, Епанчина, Варвара Петровна Ставрогина), дети, монахи, юродивые, которые сравниваются с детьми (Лизавета Ивановна, Хромоножка, Лизавета Смердящая). Оправдательный оттенок присутствует, когда герои просто уподоблены ребенку, признаны странными, непохожими на других (Соня, Мышкин, Алеша Карамазов, Лиза Хохлакова). Мотив детскости, как параллельный мотиву греха, в романном пространстве писателя представлен через носителей идеи страдания, соборно обоснованной, но не принимаемой гуманистической этикой. Ребенок заражается смрадом греха, пребывая во взрослом мире, который подчиняет его себе, истязает и извращает. Монахи в романах Ф.М. Достоевского проходят путь греховного преодоления, чем подчеркивается мысль, что они обычные люди, а потому каждому открыта дорога к Богу. Эти герои при всем гуманизме автора вписываются в агреховный тип: им даровано главное откровение — узреть в себе Образ Бога.

По праву претендуют на спасение гордые страдальцы (Катерина Ивановна Мармеладова, Настасья Филипповна). Через них реализуется мотив катарсического греха. Мучения за их грехи несут другие (Раскольников, Соня, Мармеладов, Мышкин). Катарсические грешники предельно горды, но не перед Богом; их непреклонность, неумолимость проявляется перед обидчиками; они пребывают в духовных муках, которые показывают их силу воли. Гордая Катерина Ивановна перед смертью отказывается от исповеди: «Что? Священника?... Не надо... Где у вас лишний целковый?... На мне нет грехов!... Бог и без того должен простить... Сам знает, как я страдала!.. А не простит, так и не надо!...»[32]. В понимании героини, страдания должны смыть вину, в чем она в идейном плане сближается со взглядами на грех собственного мужа, ждущего прощения всех людей за страдания. Целые семьи-страдальцы (Мармеладовы, Снегиревы), по Достоевскому, неповинны в грехах.

Грешниками абсолютными для писателя являются люди тщеславные, лживые, подлые, преисполненные гордыни, относящиеся к внегреховному типу (Лужин, Верховенский, Федор Павлович Карамазов), для которых откровение Божьего Образа невозможно, это гордецы, которые будут вечно гореть в своем гневе. Есть у Достоевского не столько идейные грешники, сколько греховные теоретики, оправдывающие диалектикой свои прегрешения, сражаясь за справедливость мира (Ипполит, Иван Карамазов). По теории Лужина выходит, что «людей можно резать»[33]. И если герои-жертвы отказывались от собственного «Я» во имя других, то для Лужина срабатывает иная крайность: «Лужин строит свою теорию, отталкиваяясь от заповеди «возлюби ближнего как самого себя». Он считает, что так как возлюбить ближнего как самого себя на практике невозможно, то следует любить только самого себя, что как раз совершенно

---

32 Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...*, т. VI, с. 333.

33 Там же, т. VI, с. 118.

возможно»[34]. К такому типу попытается приблизиться Раскольников: «А что и в самом деле! — сказал он, как бы надумавшись, — ведь это ж так и было! Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убил... Ну, понятно теперь?»[35]. Для Наполеона и ему подобных нет чувства греха, но Раскольников – грешник иного ряда. Подобную противопоставленность метко выражает Дмитрий Карамазов: «...ведь я человек хоть и низких желаний, но честный»[36]. Федор Павлович Карамазов обращается к Алеше: «Впрочем, вот и удобный случай: помолишься за нас, грешных, слишком мы уж, сидя здесь, нагрешили. Я все помышлял о том: кто за меня когда-нибудь помолится? Есть ли на свете такой человек? Милый ты мальчик. Я ведь на этот счет ужасно как глуп, ты может быть, не веришь? Ужасно»[37]. Эти слова звучат как дежурно-риторические, ибо не проходят через совесть героя. Одновременно в них соборная связь отцов и детей в греховном круге и ответственности, на что указывал и Митя, утверждая, что если отец даст ему денег, то вытащит его душу из ада, чем рассчитается за многие грехи: «Слушай: юридически он мне ничего не должен. Все я у него выбрал, все, я это знаю. Но ведь нравственно должен он мне, так или не так? Ведь он с материных двадцати восьми тысяч пошел и сто тысяч нажил. Пусть он мне даст только три тысячи из двадцати восьми, только три, и душу мою из ада извлечет, и зачтется это ему за многие грехи!»[38]. Это указание на соборное восприятие греха. Но для внегреховного отца-Карамазова ад страшен крючьями, которые он представляет чрезмерно иронично, нереально, а потому, пресытившись грехом, он не убьет себя, как Ставрогин, ибо у него нет холодной рациональности, но только подлость. Достоевский вынужден убить своего героя, так как это единственная возможность приостановить зло, воплощенное в нем. По этому поводу старец Зосима замечает: «Лгущий самому себе и собственную ложь свою слушающий до того доходит, что уж никакой правды ни в себе, ни кругом не различает, а, стало быть, входит в неуважение и к себе и к другим»[39]. Грех приводит к утрате любви к ближним, что раскрывает величайший эгоизм персонажей данного ряда. Греша против других, внегреховный герой ненавидит их, ибо грех обращен не против них, но против него самого. Суть внегреховных героев Достоевского объясняет тезис Ивана Карамазова: «Нет добродетели, если нет бессмертия»[40]. Неверие в бессмертие доводит греховность до катастрофических масштабов: любовь сменяется ненавистью, вечная жизнь конечностью бытия, мораль – собственной, удобной и ложной диалектикой. В то же время Федор Павлович Карамазов убедительно говорит о лживости мира: «В скверне-то слаще: все ее ругают, а все в ней живут, только все тайком, а я открыто»[41]. В этой фразе ужас лицемерно существующего мира, когда под покровом добродетели процветает

---

34 Е. Курганов. *О Преступлении и наказании...*, с. 71.

35 Ф.М. Достоевский. *Полное собрание сочинений...*, т. VI, с. 318.

36 Там же, т. XIV, с. 105.

37 Там же, т. XIV, с. 23.

38 Там же, т. XIV, с. 111.

39 Там же, т. XIV, с. 41.

40 Там же, т. XIV, с. 65.

41 Там же, т. XIV, с. 157–158.

разврат и бездуховность во всех сферах человеческого бытия. Понимание этого рождает тезисы Ивана Карамазова: «Именно ближних-то, по-моему, и невозможно любить, а разве лишь дальних. Я читал вот как-то и где-то про «Иоанна Милостивого» (одного святого), что он, когда к нему пришел голодный и обмерзший прохожий и попросил согреть его, лег с ним вместе в постель, обнял его и начал дышать ему в гноящийся и зловонный от какой-то ужасной болезни его рот. Я убежден, убежден, что он это сделал с надрывом лжи, из-за наказанной долгом любви, из-за натащенной на себя эпитимии. Чтобы полюбить человека, надо, чтобы тот спрятался, а чуть лишь покажет лицо свое – прошла любовь»[42].

Помимо традиционно догматического и философского осмысления в романном наследии Достоевского прослеживается мотив пантеистического понимания греха — как разрыва Духа и души человека с матерью-землею, благодатью и радостью мира. К такому греху приближены теоретические изыскания героев-идеологов. Именно поэтому Раскольников отправляется целовать землю и кланяется людям; некое языческое тяготение к родной земле присутствует в князе Мышкине; ведет бесконечные рассуждения о матери сырой земле Хромоножка; мечтает о рае на земле Версилов; припадает к земле в слезах веры Алеша Карамазов. Но в понимании мотива греха это лишь одна из позиций, которая не претендует на некое доминирование.

Мотив греха в художественной системе Достоевского не только синтезирует разнообразие концептуальных обоснований категории «грех» в философии, богословии, психологии, культуре, но и преобретает собственную семантическую трактовку, что указывает на полноту, глубину, целостность и широту охвата проблемы в романном наследии автора. Мотив греха у Достоевского выступает как регулярный элемент художественного текста со значением нарушения долга перед Богом, моралью, собственным «Я», результатом чего могуть быть болезни Духа и плоти, отчаяние и суицид как крайние формы либо безразличие в случае внеморального существования индивида; мотив греха также элемент, который тесно связан со своими вариантами и инвариантами, взаимодействует с темой произведения и оказывает непосредственное влияние на построение сюжета, и только через уяснение семантической наполненности мотива можно понять смысл и глубину произведений писателя.

Литература

Blank K. *Dostoevsky's Dialectics and the Problem of Sin.* Chicago: Northwestern University Press, 2010.

Brzoza H. *Dostojewski — między mitem, tragedią i apokalipsą*. Toruń: Wydawnictwo Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 1995.

Kryshtal H. *Problem zła w twórczości F. Dostojewskiego. Studium teologiczno-moralne*. Lublin: Towarzystwo Naukowe KUL, 2004.

[42] Там же, т. XIV, с. 215.

Абеляр П. *Этика, или познай самого себя. Теологические трактаты*. Перевод с лат., вступительное слово, сост. С.С. Неретиной. Москва: Прогресс, Гднозис 1995.

Белопольский В.Н. *Достоевский и философская мысль его эпохи. Концепция человека*. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1987.

Бем А. *К уяснению историко-литературных понятий*. «Известия Отделения русского языка и литературы Академии наук» 1918. Т. 23. Кн. 1. Петроград: Российская Академия наук, 1919.

Ведерникова Н.М. *Мотив и сюжет волшебной сказки*. «Филологические науки» 1970, № 2, с. 57–64.

Гагарин А.С. *Экзистенциалы человеческого бытия. Одиночество, смерть, страх (от античности до нового времени). Историко-философский аспект*. Автореферат диссертации на степень доктора философских наук. 09.00.03. Уральский государственный университет имени А.М. Горького. Екатеринбург 2002.

Достоевский Ф.М. *Полное собрание сочинений. В 30 томах*. Ленинград: Наука, 1972–1990.

Касаткина Т.А. *Воскрешение Лазаря. Опыт экзегетического романа Ф.М. Достоевского Преступление и наказание*. «Вопросы литературы» 2003, № 1, с. 176–208.

Криничная Н.А. *Русская народная историческая проза. Вопросы генезиса и структуры*. Ленинград: Наука, 1987.

Курганов Е. *О Преступлении и наказании в религиозно-философском контексте*. «Slavic Almanac. The South African Journal for Slavic. Central and Eastern European Studies». University of South Africa Press. Unisa Press, 2010, № 1 (16), с. 70–79.

Мерцалова Л.И. *Проблемы сердца в русской религиозной философии 19-го века. Этический аспект.* Автореферат диссертации на соискание степени кандидата философских наук. 02.00.05. Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена. Санкт-Петербург 2002.

Неклюдов С.Ю. *О некоторых аспектах исследования фольклорных мотивов.* [В:] *Фольклор и этнография. У этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов*. Ленинград: Наука, 1984.

Путилов Б.Н. *Мотив как сюжетообразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа*. Сост. А. Мелетинский, С.Ю. Неклюдов, Институт востоковедения, Академия наук СССР. Москва: Наука, 1975.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 319–327

ТЕЛЕСНОСТЬ В ОТНОШЕНИИ Я–ТЫ В РАССКАЗЕ *МАСКА* ИВАНА БУНИНА

NEONILA PAWLUK

Doktorantka, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej
Wydział Humanistyczny, Instytut Filologii Słowiańskiej
Zakład Literatury i Kultury Rosyjskiej XX–XXI wieku
plac M. Curie-Skłodowskiej 4a, 20-031 Lublin, Polska
e-mail: nelapawluk@op.pl
(nadesłano 30.04.2014; zaakceptowano 6.12.2014)

Abstract

Corporeality in the Me–You relationship in Ivan Bunin's short story *Masque*

The paper will be devoted to Ivan Bunin's short story *Masque* (1930). The analysis will focus on the motives of body and corporeality in the *Me–You* relationship and it will be based on the writings of French phenomenological thinkers Gabriel Marcel and Maurice Merleau-Ponty, Russian philosophers Lew Karsawin and Mikhail Bachtin as well as on Carl-Gustav Jung's psychoanalysis.

In the story, the atmosphere and the circumstances of the meeting and the relations between the characters are presented in the sensualist way. Gestures, mimicry, tone, smell and the way of communicating play a crucial role. The analysis shows that the protagonist's body has a symbolic function. On the one hand, it embodies beauty which raises admiration but, on the other hand, it is a masque hiding a lonely woman who desires love and understanding.

Key words

Body, corporeality, person, mask, body external / internal, Other, Me-You relationship, interpretation.

Abstrakt

Cielesność w relacji Ja–Ty w opowiadaniu *Maska* Iwana Bunina

Artykuł jest poświęcony interpretacji opowiadania Iwana Bunina *Maska* (1930). Przedmiotem analizy jest ciało i cielesność w relacji *Ja–Ty*. Bazę teoretyczną stanowią pracę fenomenologów francuskich: Gabriela Marcela, Maurice'a Merleau-Pontiego, dzieła filozofów rosyjskich: Lwa Karsawina i Michaiła Bachtina, a także teksty z dziedziny psychoanalizy Carla-Gustawa Junga.

W utworze *Maska* atmosferę spotkania i przebieg relacji pomiędzy bohaterami pisarz przedstawia w sposób sensualistyczny. Kluczową rolę odgrywają: gesty, mimika, tembr głosu, zapach i in. Przeprowadzona analiza pokazuje, że ciało głównej bohaterki zyskuje sens naddany, symboliczny. Z jednej strony eksponowany jest fizyczny aspekt ciała i jego piękno, wzbudzające zainteresowanie i podziw, z drugiej ciało (twarz) jest — maską, osłoną, pod którą kryje się nieszczęśliwa, samotna kobieta, pragnąca miłości i zrozumienia.

Słowa kluczowe

Ciało, cielesność, persona, maska, ciało zewnętrzne/wewnętrzne, Inny, relacja Ja-Ty, interpretacja.

Тело загадочно: оно, без сомнения, часть мира,
но — странным образом — и средоточие безусловного желания сблизиться с другим (…)
Мерло-Понти[1]

Слова Мориса Мерло-Понти, французского философа, одного из представителей феноменологии, опосредствованной, прежде всего теми ее толкованиями, которые вышли из-под пера поселившихся во Франции эмигрантов из России, Георгия Гурвича и Эммануэля Левинаса, обозначают два момента осознания человеком собственного тела. Именно с помощью тела мы чувствуем окружающий мир и определяем себя в нем, оно (тело) открывает, приближает и соединяет нас с Другим. Напомним также, что мышление Мерло-Понти сформировалось в некоторой степени под влиянием философии Габриэля Марселя[2], единомышленника, который считал, что «собственное», «мое тело» представляет экзистенциальную опору всего сущего. Автор *Феноменологии восприятия* сосредоточил свое внимание на категориях восприятия и поведения, считая, что именно они позволят дать новое определение телесности, которую зачастую приписывали к физиологической или психологической сфере личности. В ходе своих наблюдений, он замечает, что «мое тело и воспринимает тело другого»,

---

[1] М. Мерло-Понти. *Феноменология восприятия*. Перевод И. Вдовиной, Санкт-Петербург: Ювента — Наука 1999, с. 79.

[2] Философия Мерло-Понти опирается также на феноменологию Э. Гуссерля, экзистенциальную философию М. Хайдеггера, Ж.-П. Сартра и гештальтпсихологию.

но чтобы открыть «в нем чудесное продление собственных интенций», нужен диалог, в котором «мое и его (Другого) мышление сплетутся в единую ткань»[3].

Цель нашего доклада проверить продуктивность наблюдений и выводов философов телесности[4], их применительность к интерпретации рассказа Ивана Бунина *Маска* (1930), написанного в эмиграционный период; показать какую роль выполняет тело в отношении *Я–Ты*, как телесность влияет на восприятие *Другого*.

Отметим, что выбор произведения Бунина не случаен. Во-первых, понимание телесности лауреатом Нобелевской премии созвучно философским утверждениям не только французских представителей в этой области[5], но и русских мыслителей, таких как Лев Карсавин[6], Михаил Бахтин[7]. Провозглашая равенство душевного и телесного[8], писатель указывает, что правду о человеке можно понять, не разделяя, а рассматривая его целостный, неразделимый «телесно-душевно-духовный»[9] образ. Забегая вперёд, скажем, что анализ телесного образа героини, её женской телесности ведёт к раскрытию значения роли тела и телесности в человеческих, личностных контактах. Во-вторых, такой подход к произведению первого нобелеата даёт возможность по-новому прочесть его произведение, которое редко привлекало внимание литературоведов. Инспирацией для наших рассуждений послужит также заимствованное из философии

---

[3] М. Мерло-Понти. *Феноменология восприятия*.., с. 451.

[4] «Философия телесности» — название свойственное французской философии. Употребляя данный термин, я имею ввиду работы прежде всего таких мыслителей как Г. Марсель, М. Мерло-Понти, Ж.-П. Сартр.

[5] Имеем в виду работы: Г. Марсель. *Метафизический дневник*. [В:] Г. Марсель. *Быть и иметь*. Перевод И.Н. Полонской. Новочеркасск: Сагуна, 1994); М. Мерло-Понти. *Феноменология восприятия*. Перевод И. Вдовиной, Санкт-Петербург: Ювента — Наука 1999.

[6] Л.П. Карсавин. *Пролегомены к учению о личности*. «Путь» 1928, № 12, с. 32–46.

[7] В нашей работе существенной является мысль Михаила Бахтина о различении внешнего тела, понимаемого как «некая пространственная организация» и внутреннего тела «момента моего сознания (…) совокупности внутренних органических ощущений, потребностей и желаний». Кроме того, соотношение *Я–Ты*, выдвинутое в заглавие, участниками которого и являются главные герои и их взаимоотношения, будут рассмотрены с учетом одного из фундаментательных постулатов Бахтина о том, что внешнее тело построено «взглядом» Другого. Важно и то, что сюжет бунинского рассказа основан на презентации восприятия мужчинами женщины. См. М. Бахтин. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1979, с. 31–44.

[8] О равновесии и равноправии телесного и душевного у Бунина см. следующие работы: M. Cymborska-Leboda. *Любовные истории и дискурс телесности в прозе писателей русской диаспоры в Париже (З. Гиппиус, М. Осоргин, Г. Газданов, И. Бунин)*. [В:] «Z Polskich Studiów Slawistycznych». Seria 12: Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka. Red. L. Suchanek, K. Wrocławski. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Wydział Nauk Humanistycznych i Społecznych. Komitet Słowianoznawstwa, 2012, с. 41–42; О. Сливицкая. *Повышенное чувство жизни. Мир Ивана Бунина*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004, с. 186.

[9] Н. Бердяев, *Проблема человека*. «Путь» 1936, № 50. [Online] <http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1936_408 (15.11.2013).

Карла Густава Юнга понятие «онтического», принадлежащее к порядку самого значимого, сущего в отличие от «онтологического» как относящегося к бытию, к жизни.

Рассказ *Маска*, датированный 1930 годом, занимает всего лишь две страницы. История случайной встречи женщины и двух мужчин в буфетном зале, на Николаевском вокзале в Петербурге, напоминает читателю драматическую сценку из спектакля. Более того, заглавие *Маска*[10], не только указывает, но и соответствует этому, в некотором роде театрализованному, рассказу. Своеобразным является авторский способ передачи читателю образа главной героини с помощью двух мужских точек зрения.

Во вступлении протагонист рассказа, а даже, можно сказать, в какой-то степени сам автор, описывает обстоятельства, сопутствующие встрече. Отметим, что по справедливому замечанию Юрия Мальцева, в бунинских произведениях эмиграционного периода наблюдается некое «переосмысление традиционных субъективно-объективных отношений, разрушение местоименного строя, стирание граней между *Я*, *Ты*, *Он* и слияние того *Я*", о котором повествуется, с повествующим *Я* и с *Я* авторским»[11].

В рассказе атмосфера события передана читателю следующим образом: «отходят поезда в Москву», «в буфетном зале шумно, тесно, все не в меру торопятся есть, пить, все одеты тяжело, жарко, по-дорожному», «воздух густой, пахучий, горячий...»[12]. Заметим, что неслучайно в вышеприведенных описаниях на первый план выдвинуты человеческие сенсорные, визуальные, слуховые, тактильные ощущения. А это потому, что человеку, вообще героям Бунина, свойственно именно телесное восприятие мира[13], с помощью которого происходит анализ и оценка воспринятого.

Неслучайно даже знакомство главных героев рассказа, можно сказать, началось со взгляда. Он, обедая, «поглядывал» на нее, сидящую за соседним столиком. Главный герой сразу приметил, что она только «делала вид полного спокойствия», более того мужчина, анализируя внимательно её внешность, мимику, жесты, приходит к выводу, что она «притворялась». Думая вслух, он отметил: «читает, хотя прекрасно видно, что она не понимает ни единого слова», «не идёт к ней газета, так непривычно и не нужна она ей»[14]. Этот фрагмент словно демонстрирует то, о чем замечал Мерло-Понти «взгляд падает на живое действующее

---

[10] О значении этого термина и его применительности в литературе и театре см. в работах: Л. Софронова. *Маска как прием затрудненной идентификации.* [В:] *Культура сквозь призму идентичности.* Отв. ред. Л.А. Софронова, Н.М. Филатова. Москва Индрик 2006, с. 343–359; В.В. Иванов *Маска как элемент культуры.* [В:] *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки.* Москва: Языки славянских культур, 2007, с. 333–344.

[11] Ю. Мальцев. *Иван Бунин. 1870-1953.* Франкфурт-на-Майне. Москва: Посев, 1994, с. 110–112.

[12] И. Бунин. *Темные аллеи. Повести, рассказы.* Москва: Экмсо, 2011, с. 326.

[13] И. Ильин. *О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев.* Мюнхен: Типографія Обители преп. Іова Почаевскаго в Мюнхен — Оберменцинг 1959, с. 29–81.

[14] Там же.

тело, и тотчас объекты, которые его окружают, дополняются новым пластом значений (...), а местом определённой переработки и как бы определённым «видением» мира»[15]. Как правило, впервые взглянув на женщину – потенциального полового партнёра, мужчина в первую очередь отмечает в ней её внешнюю красоту, хотя воспринимает ее неоднозначно, что-то его беспокоит. Другими словами, герой подсознательно чувствует, что словно под «маской» прячется совсем другая женщина.

Столь пристального взгляда со стороны бунинского протагониста, конечно, не смогла не заметить она, героиня рассказа. Более того, по словам рассказчика, женщина «остро чувствовала (его) соседство» и «(его) тайное любопытство». Не будет преувеличением сказать, что его взгляд пронизывал ее насквозь. Ибо, «чужой взгляд, обозревающий (...) тело, похищает (его) у него самого»[16]. Раздумывая, герой даже представлял себе, что она ждет, чтобы он обратится к ней примерно так: «виноват, а вы тоже изволите ехать в Москву или ждете вологодского поезда?»[17], но все-таки он молчал, ел и поглядывал в ее сторону. Данную сюжетную ситуацию мы можем назвать, употребляя терминологию Жан-Поля Сартра «бытием — для-себя», что с одной стороны, говорит о желании скрыться от Другого, с другой же стороны, указывает на свободу человеческого выбора. Желание прервать молчание и выйти из замкнутого круга оказалось под силу женщине. Не выдерживая больше тишины, она обращается к нему: «простите (…) вы не знаете, были сегодня в вечерних газетах новые вести с фронта? Я ужасно беспокоюсь за мужа, третий месяц не получаю писем... Он летчик и безумно храбрый...»[18]. Такая зарисовка ситуации, в которой находилась героиня до начала их разговора, полностью объясняет ее непонятное поведение. То, что для мужчины казалось, так сказать «притворством», на самом деле оказалось просто ее рассеянностью, связанной с беспокойством о любимом. Отвечая на вопрос женщины, мужчина сухо сказал: «Не видал вечерних газет, не могу вам сказать», но его взгляд дальше скользил по её телу и он заметил у неё «синюю поддевку на белом барашке, белую папаху, далеко не молодые глаза ее густо подведены темной синью, широкоскулое лицо густо напудрено, точно известью, пальцы крупны и крепки»; к тому же, он даже почувствовал запах ее духов, которые «тяжко пахли собакой....»[19].

Столь необычное сравнение Бунина женских духов с собакой[20] нельзя оставить без комментария, ибо как уже было отмечено Татьяной Марченко[21] — вся-

---

[15] М. Мерло-Понти. *Феноменология восприятия*..., с. 451.

[16] Там же, с. 226.

[17] И. Бунин. *Темные аллеи*..., с. 326.

[18] Там же.

[19] И. Бунин. *Темные аллеи*..., с. 327.

[20] См. *Энциклопедия символов, знаков, эмблем*. Под ред. В. Телицына. Москва: Локид-пресс, Рипол классик, 2005, с. 312–314.; *Энциклопедия сверхъестественных существ*. Под ред. К. Королева. Москва: Эксмо, Мидгард, 2005, с. 197–198.

[21] Т.В. Марченко. *Опыт архетипического прочтения рассказа Руся: к интерпретации поздней бунинской прозы.* [В:] *Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына*. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2010, с. 111: «Тексты Бунина

кая деталь у автора *Темных аллей* вносит дополнительное значение, а иногда ведет к более полному обнаружению смысла произведения. Символика собаки и ее амбивалентое значение замечательно представлены в статье *Собака в мифологической картине мира Федора Сологуба* Марии Цимборской-Лебоды. Весьма продуктивными для нашей интерпретации оказываются ее замечание о «существующих секретных тайных связях между женщиной и собакой», а также о том, что «собака ассоциируется с сексуальным значениями (Фрэзер), с витальностью, эротическим соблазном, сексуальным желанием»[22]. Таким образом, в рассказе акцентирование связи главной героини с собакой служит выражением того, что женщина воспринимается протагонистом в определенной роли, прежде всего связанной с ее сексуальностью, той полярностью, которая притягивает его, т. е. «мужское начало»[23]. Дополнительно в рассказе выступает ассоциация женского с той безграничной верностью и тоской, которые присущи именно звериному.

Отсутствие какого-либо авторского комментария о несложившихся отношениях между героями и намеренная пауза в форме многоточия «тяжко пахли собакой...»[24], свидетельствуют обо всей сложности во взаимоотношениях *Я–Ты*. После приведенных слов главный герой принимает роль наблюдателя и комментирует дальнейшие события. Он замечает, как к столику женщины присел молоденький рыжеусый офицер в новенькой шинели из солдатского сукна. Уже через пять минут он угостил ее сотерном. Офицер без умолку рассказывал ей свои «щегольские рассуждения о том, что жизнь все-таки прекрасна»[25]. Она небрежно роняла в ответ – «это смотря для кого (...) это, зависит от вкуса (...), жизнь не укладывается в рамки (...)»[26]. Для него эти женские ответы загадочны, ибо он вовсе их не понимает, а даже, можно сказать, и не старается. Кульминационный момент рассказа наступает, когда молоденький офицер горячо возразил: «Но вы ужасный скептик! На вид вы такая бодрая, энергичная, а меж тем...»[27].

В ответ она, легонько стуча по тарелке ножом, грустно-рассеяно заказав кофе, сказала:

не непроницаемы, как представляется порой его исследователям. К ним нужно подходить с особыми мерками, погружаясь в «голубые туманы мифов» (тоже бунинские слова) — античных, библейских, славянских, которыми пропитаны произведения писателя, раскрывая глубинные литературные источники его прозы, тоже превращающиеся в своего рода мифы на страницах Бунина.»

22 М. Цимборска-Лебода. *Собака в мифологической картине мира Федора Сологуба.* [В:] *Звери и их репрезентации в русской культуре*. Под. ред. Л. Геллера, А. Винаградовой де ля Фортель, Санкт- Петербург: Балтийские сезоны, 2010, с. 128–129.

23 См. M. Cymborska-Leboda. *Женщина и/как Другой в философском и художественном дискурсах*. [В:] *Kobieta i / jak Inny*. Red. M. Cymborska-Leboda, A. Gozdek. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2008, с. 12–20.

24 И. Бунин. *Темные аллеи*..., с. 327.

25 И. Бунин. *Темные аллеи*....., с. 327.

26 Там же.

27 Там же.

Нет, вы горько ошибаетесь, у меня в душе траур, мой муж тоже офицер, артиллерист, и я только что получила страшное известие, что он смертельно ранен в бою...
Я только слишком хорошо умею носить маску[28].

Последняя фраза является своеобразным авторским ответом на вопрос, вынесенный в заглавие нашей статьи. У Бунина человек представлен как воплощенное бытие, где тело — это центр коммуникации, оно направлено в сторону Другого, хотя в обоих показанных автором жизненных случаях остаётся вне «настоящего диалога». В межличностных отношениях героев рассказа большую роль играет телесность. Она является тем, с чего начинается общение героев еще задолго до того, как наступает их речевая коммуникация. Более того, мы наблюдаем, что с телесностью связана экспрессия, которая выражает человеческие мысли, чувства, настроения, но отношение между *Я* и *Ты* является сложным и непредсказуемым моментом бытия. Тело является активным участником межличностных отношений, но оно остается в некотором роде непроницаемым. Автор наглядно показывает, что женское тело героини — это то место, где начинается и заканчивается их мужское восприятие ее (как *Другого*), что и объясняет почему диалог между *Я* и *Ты* дважды не состоялася. Уместно в связи с этим привести замечание Мерло-Понти «моё тело и воспринимает тело другого, и открывает в нем чудесное продление собственных интенций, привычный способ обращаться с миром (…) все это делает другого живым существом, но ещё не другим человеком»[29]. Непонимание между героями обусловлено также актерством со стороны женщины. Главная героиня «слишком хорошо умела носить маску», демонстрировала окружающим не себя, а те жизненные роли, которые созданы общественными, социально принятыми нормами — заботливой жены, убитой горем супруги. Экспонирование в рассказе одной из четырех возможностей маски, по определению Юнга, персоны[30] — т.е. того, как человек, а в данном случае героиня преподносит себя другим, является своеобразным авторским приемом. Маска служит в рассказе тому, чтобы спрятать настоящие лицо[31] её/женской личности. Важным для нашего анализа является различение,

---

[28] Необходимо обратить внимание на несоответствия, наблюдаемые в тексте рассказа. Первый раз главная героиня называет своего мужа «летчиком», несколько далее он появляется в качестве «артиллериста». Отсутствие какого-либо комментария в научных примечаниях к этому тексту усложняет его прочтение. Во-первых, можно считать этот факт опечаткой, хотя учитывая отношение Бунина к своему творческому наследию и всегда тщательную работу над своими произведениями, позволительно утверждать, что вряд ли это возможно. Во-вторых, это может свидетельствовать о том, что главная героиня лжет, скрывая настоящий причины такого поведения. В-третьих, возможно это своего рода прием автора, указывающий на то, что человеку свойственно вводить окружающих в заблуждение.

[29] М. Мерло-Понти. *Феменология восприятия*..., с. 451.

[30] К.Г. Юнг. *Психологические типы*. Перевод С. Лорие. Санкт-Петербург: Азбука, 2001, с. 401–415. См. P. Coelho. *Jung i cztery maski*. [B:] *Wojownik Światła*. Wydanie 213. [Online] <http://www.wojownikswiatla.com/jung-i-cztery-maski/> (11.11.2013).

[31] Цит. по M. Cymborska-Leboda. *К учению о личности. Об одной эмиграционной статье Льва Карсавина (в контекстуальном освещении)*. [B:] *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty — Estetyka — Recepcja*. Red. A. Woźniak, Lublin: Wydaw-

сделанное Львом Карсавиным. Онтически первичное в личности философ обозначает термином *лик*, а вторичное — *личина*, существенное *лицо* и переходящее *вид/переходящая наружность*. В рассказе явно прослеживается аналогия, образ главной героини — это образ женщины в момент ожидания, беспокойствия, в котором сложно увидеть «своеобразное, постоянное и неповторимое»; то есть — лицо одинокой, несчастной, тоскующей женщины, которая ждала понимания, тепла, встречи с любимым мужем. Нельзя не заметить, что наступивший «разрыв» тела с ее внутренним миром, с ее личностным *Я*, дает начало ее личной драме — ее одиночества на земле.

Литература

Бахтин М. *Эстетика словесного творчества*. Москва: Искусство, 1979.

Бердяев Н. *Проблема человека*. «Путь»1936, № 50. [Online]<http://krotov.info/library/02_b/berdyaev/1936_408(15.11.2013).

Бунин И. *Темные аллеи. Повести, рассказы*. Москва: Экмсо, 2011.

Иванов В.В. *Маска как элемент культуры.* [В:] *Избранные труды по семиотике и истории культуры. Т. 4: Знаковые системы культуры, искусства и науки*. Москва: Языки славянских культур, 2007, с. 333–344.

Ильин И. *О тьме и просветлении. Книга художественной критики. Бунин — Ремизов — Шмелев*. Мюнхен: Типографія Обители преп. Іова Почаевскаго в Мюнхен — Оберменцинг 1959.

Карсавин Л.П. *Пролегомены к учению о личности*. «Путь» 1928, № 12, с. 32–46.

Мальцев Ю. *Иван Бунин. 1870–1953*. Франкфурт-на-Майне. Москва: Посев, 1994.

Марченко Т.В. *Опыт архетипического прочтения рассказа «Руся». К интерпретации поздней бунинской прозы.* [В:] *Ежегодник Дома русского зарубежья им. Александра Солженыцина*. Вып. I. Москва: Дом русского зарубежья им. А. Солженыцина, 2010, с. 107–140.

Мерло-Понти М. *Феноменология восприятия*. Перевод И. Вдовиной, Санкт-Петербург: Ювента — Наука 1999.

Марсель Г. *Метафизический дневник* (1928–1933). Перевод Ю.В. Быстрова. Серия: «Слово о сущем». Санкт-Петербург: Наука, 2005.

Марсель Г. *Метафизический дневник* (1928–1933). [В:] Г. Марсель. *Быть и иметь*. Перевод И.Н. Полонской. Новочеркасск: Сагуна, 1994.

Сливицкая О. *Повышенное чувство жизни. Мир Ивана Бунина*. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 2004.

Софронова Л. *Маска как прием затрудненной идентификации.* [В:] *Культура сквозь призму идентичности*. Отв. ред. Л.А. Софронова, Н.М. Филатова. Москва: Индрик 2006, с. 343–359.

Цимборска-Лебода М. *Собака в мифологической картине мира Федора Сологуба.* [В:] *Звери и их репрезентации в русской культуре*. Труды Лозаннского симпозиума 2007. Под. ред. Л. Геллера, А. Винаградовой де ля Фортель, Санкт-Петербург: Балтийские сезоны, 2010, с. 138–130.

Энциклопедия символов, знаков, эмблем. Под ред. В. Телицына. Москва: Локид-пресс, Рипол классик, 2005.

---

nictwo KUL, 2013, c. 61–80.

Энциклопедия сверхъестественных существ. Под ред. К. Королева. Москва: Эксмо, Мидгард, 2005.

Юнг К.Г. *Психологические типы*. Перевод С. Лорие. Санкт-Петербург: Азбука, 2001.

Coelho P. *Jung i cztery maski*. [B:] *Wojownik Światła*. Wydanie 213. [Online] <http://www.wojownik-swiatla.com/jung-i-cztery-maski/> (11.11.2013).

Cymborska-Leboda M. *Женщина и/как Другой в философском и художественном дискурсах*. [B:] *Kobieta i / jak Inny*. Red. M. Cymborska-Leboda, A. Gozdek. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2008, c. 12–20.

Cymborska-Leboda M. *Любовные истории и дискурс телесности в прозе писателей русской диаспоры в Париже (З. Гиппиус, М. Осоргин, Г. Газданов, И. Бунин)*. [B:] «Z Polskich Studiów Slawistycznych». Seria 12: Literaturoznawstwo. Kulturoznawstwo. Folklorystyka. Red. L. Suchanek, K. Wrocławski. Warszawa: Polska Akademia Nauk. Wydział Nauk Humanistycznych i Społecznych. Komitet Słowianoznawstwa, 2012, c. 37–43.

Cymborska-Leboda M. *К учению о личности. Об одной эмиграционной статье Льва Карсавина (в контекстуальном освещении)*. [B:] *Kultura literacka emigracji rosyjskiej, ukraińskiej i białoruskiej XX wieku. Konteksty — Estetyka — Recepcja*. Red. A. Woźniak, Lublin: Wydawnictwo KUL, 2013, c. 61–70.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 328–341

КАТЕГОРИЯ МОТИВА В ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ

СВЕТЛАНА А. ВЕРГЕЕНКО

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины
Филологический факультет, Кафедра белорусской культуры и фольклористики
ул. Советская, д. 108, 246019 г. Гомель, Беларусь
e-mail: vergeenko777@mail.ru
(получено 22.06.2014; принято 26.11.2014)

Abstract

The categories of motife in philology

Works of the leading native and foreign authors are analyzed in this article. These works contain the research of issues connected with the notion «motif» in philology. The analysis of folklore elaborations allowed us to determine the three main ideas of understanding of this notion: motif as a subject building unit; motif as a structure building unit of a folklore text; motif from the point of view of its structure. In the charm genre material, both published and written down during folklore field expeditions, the author suggests such notions as «charm motif», «submotif», «micromotif».

Key words

Motife conspiracy, submotif, micromotif, formula, allomotif, motifema.

Резюме

В статье анализируются работы ведущих отечественных и зарубежных авторов, в которых исследуются вопросы, связанные с понятием «мотив» в филологической науке. Проведенный анализ фольклористических разработок позволил определить три основные концепции осмысления данного понятия: — мотив как сюжетообразующая единица; — мотив как структурообразующая

единица фольклорного текста; — мотив с точки зрения его структуры. На материале заговорного жанра, как опубликованном, так и записанном во время проведения полевых фольклорных экспедиций, автор предлагает к использованию такие понятия, как «заговорный мотив», «субмотив», «микромотив».

Ключевые слова

Заговорный мотив, субмотив, микромотив, формула, алломотив, мотифема.

Проблема теоретического осмысления понятия «мотив», без использования которого тяжело соотнести категории «типологическое» и «отличительное» в структуре и функциональности заговорных мотивов, является наименее разработанной в славянской фольклористике, несмотря на то, что именно фольклористы первоначально наиболее серьезно занимались исследованием сущности категории «мотив». Согласно с мнением С.Ю. Неклюдова, «это относительно редкий случай, когда понятие, разработанное на материале устных традиций, затем стало успешно применяться при рассмотрении книжной словесности»[1]. Заслуживает внимания исследование российского ученого И.В. Силантьева *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике*[2], в котором автор обращается к истории вопроса и очерчивает несколько направлений изучения понятия «мотив» в российской филологической науке, в большей степени в литературоведении: семантическое, морфологическое, дихотомическое, тематическое. Исследователь, характеризуя семантическое направление трактовки мотива, констатирует факт целостности мотива как семантической единицы и отмечает при этом, что например, для А.Н. Веселовского «морфологическая разложимость мотива (…) вполне очевидна, о чем свидетельствуют (…) определения мотива: это *схематизм* — значит, есть части этой схемы; это *формула* — значит, есть слагаемые этой формулы»[3]. И.В. Силантьев, анализируя «сюжетообразующий потенциал мотива», раскрытый А.Л. Бемом, и связь мотива с персонажем, представленную в работах О.М. Фрейденберг, утверждает, что «мотив как образная повествовательная формула, закрепленная в традиции, обладает свойством эстетической значимости. Именно это свойство мотива определяет в конечном счете его устойчивость в фольклорной и литератур-

---

[1] С.Ю. Неклюдов. *Мотив и текст*. [В:] *Язык культуры. Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Индрик, 2004, с. 236–247. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/neckludov16.htm> (08.01.2011).

[2] И.В. Силантьев. *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Очерк историографии.* Научное издание. Новосибирск: Издательство ИДМИ, 1999, с. 104. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm> (08.01.2011).

[3] Там же, с. 104.

ной традиции — и его релевантность в системе повествовательного языка этой традиции»[4].

Концепция морфологического подхода, на которой сосредоточил внимание И.В. Силантьев, представлена в исследованиях В.Я. Проппа и Б.И. Ярхо, которые отстаивали позицию возможности дальнейшего разделения мотива на компоненты: субъекты, объекты и предикаты. Анализируя концепцию дихотомических представлений, связанных с мотивом, И.В. Силантьев обращается к монографии А.И. Белецкого, заслугой которого считает выделение в структуре мотива двух уровней: «мотив схематический» и «мотив реальный», реализация которых обусловлена в соответствии с обобщенной (инвариантной) формой мотива и конкретным фабульно-событийным отображением.

Заслуживает внимания и оценка И.В. Силантьевым тематической трактовки мотива, изложенной В.Б. Томашевским, Б.В. Шкловским, А.П. Скафтымовым, которые определяли мотив через категорию темы, утверждая факт первого понятия «как единицы типологического анализа сюжетики литературной эпохи в целом»[5].

Значительная работа в области определения терминологического понятия «мотив» была сделана российскими фольклористами, однако, по мнению Б.Н. Путилова, еще «остается дискуссионным определение (особенно в практике конкретных исследований) границ и объема содержания термина»[6]. Ученый обращает внимание на неоднозначность понимания мотива А.Н. Веселовским, что привело к появлению «нескольких уровней сюжетики, которые неправомерно обозначать одним термином (…). За мотивом остаются два взаимосвязанных значения: во-первых, схемы, формулы, единицы сюжета в виде некоего элементарного обобщения и, во-вторых, самой этой единицы в виде конкретного текстового воплощения»[7]. Выделение этих уровней, а также появление *Морфологии сказки* В.Я. Проппа подтолкнули исследователей к необходимости разграничения понятия «мотив» на структурном и сюжетном уровнях. Б.Н. Путилов также обращается к работам А. Дандеса, однако утверждает, что «Дандесу категория мотива (в его понимании) вообще не очень нужна, поскольку он занимается не историей сказок или мифов, а их структурой»[8], тем самым, подтверждая мысль о том, что терминами «алломотив-мотив-мотифема» можно пользоваться только при структурном анализе произведения. «Вообще тексты культуры, — как отмечает С.М. Толстая, — можно рассматривать, по меньшей мере, в четырех аспекта: ‚субстанциональном' (содержательные характеристики), ‘структурном' (морфологическая организация), ‚технологическом' (способ коммуникации — их сохранение, передача и восстановление), ‚прагматическом' (специфика их функционирования)»[9]. Для изучения мотивов в заговорах как

---

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Б.Н. Путилов. *Фольклор и народная культура*, Санкт-Петербург: Наука, 1994. [Online] <http://www.infoliolib.info/philol/putilov/7.html> (09.01.2011).

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] *Круглый стол «Что такое фольклор?» (навстречу первому Всероссийскому конгрессу фольклористов)*. «Традиционная культура» 2005, № 2 (18), с. 5.

текстах культуры целесообразен структурно-функциональный аспект, который обусловлен спецификой функционирования мотивов в текстах лечебных заговоров, устойчивостью комбинации мотивных компонентов, устной природой заговорного жанра.

Анализ фольклористических разработок российских ученых позволяет определить три основные концепции осмысления понятия «мотив»:

(1) Мотив рассматривается как сюжетообразующая единица (С.Ю. Неклюдов, Т.А. Агапкина, Б.Н. Путилов);

(2) Мотив рассматривается как структурообразующая единица фольклорного текста (Б.Н. Путилов);

(3) Мотив рассматривается с точки зрения его структуры (В.П. Аникин, Н.М. Ведерникова, Н.А. Криничная, В.Л. Кляус, Л. Парпулова, Н.Г. Черняева).

Характеристика каждого из очерченных блоков дает возможность понять сущность предложенных фольклористами теоретико-методологических аспектов исследования категории «мотив».

(1) С.Ю. Неклюдов, разрабатывая теорию мотива в фольклористике, относил мотив «к числу наиболее сложных для изучения предметов филологического исследования». При этом автор бесспорно отмечает, что «данное понятие остается совершенно необходимым для фольклористов и вообще для исследователей традиционной словесности, обойтись без него не удается ни при семантическом, ни при сюжетно-композиционном анализе»[10]. Исследователь соотносит мотив и сюжет как «часть и целое (с такой точки зрения мотив есть составной элемент сюжета)»[11]. Он считает, что «обычно сюжету соответствует не один мотив, а целая серия взаимосвязанных и взаимообусловленных мотивов»[12]. В отношении к заговорам и быличкам исследователь отмечает способность «мотива *разворачиваться* в сюжет и, напротив, способность сюжета *сворачиваться* до объема мотива»[13].

Т.А. Агапкина в предисловии к книге *Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)*[14], аргументируя свое видение понятий «сюжет» и «мотив», подчеркивает: «… мы подходим к ним преимущественно типологически, это значит, обозначаем их единицами содержательными и передаем это содержание некоторой типовой структурной схемой»[15]. Не без оснований исследователь объединяет термином «мотив» «единицы разного масштаба и уровня — от обобщенно-формульных (способных к содержательному варьированию в рамках общей темы или семантической структуры формулы) до (…) конкретных и почти не варьируемых»[16]. Можно согласиться с Т.А. Агапкиной, что именно такой подход к осмыслению понятий «мотив» и «сюжет» «объясняется известным несовер-

---

[10] С.Ю. Неклюдов. *Мотив и текст*..., с. 236–247.

[11] Там же.

[12] Там же.

[13] Там же.

[14] *Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.)*. Сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной и др. Москва: Индрик, 2003, с. 17.

[15] Там же, с. 17.

[16] Там же.

шенством имеющего место понятийного аппарата фольклористики, но, прежде всего, особенностями заговора как жанра гетерогенного, который на протяжении истории своего становления вобрал целый ряд культурных традиций (устных и письменных) и жанровых форм»[17]. В этой связи резонным является мнение В.Л. Кляуса о том, что «систематизация заговорно-заклинательных текстов, в отличие от других жанров фольклора, чрезвычайно сложная задача, что определяется особенной природой жанра — его тесной и неразрывной связью с магическими представлениями и верованиями, его функционированием исключительно в ритуальных ситуациях, его исключительно прагматической направленностью и в то же время высокой поэтичностью»[18].

Б.Н. Путилов в работе *Мотив как сюжетообразующий элемент*[19] решает проблемы определения роли и отношения мотивов в рамках сюжета фольклорного произведения. Исследователь небезосновательно считает, что «для большинства фольклористов мотив в фольклорном произведении — это относительно самостоятельный, законченный и относительно элементарный отрезок сюжета»[20]. Автор высказывает справедливое мнение, что «путь к пониманию сюжета, произведения в целом, лежит через самое детальное рассмотрение мотивов, которые его составляют»[21]. Традиционные представления и взгляды на мотив как на сюжетообразующую единицу, что берут начало от А.Н. Веселовского и преобладают в современной науке, Б.Н. Путилов считает недостаточными и схематическими, особенно «в свете современных структурно-типологических исследований фольклора…»[22]. Мотив, по мнению ученого, является элементом «эпической сюжетной системы. Мотив функционирует в составе системы, тут он находит свое определенное место, тут полностью проявляется его конкретное содержание. Вместе с другими мотивами (и другими типичными элементами) данный мотив образует систему»[23]. Таким образом, сюжет представляет собой систему мотивов, и как элементы этой системы, «они сами представляют микросистемы, которые имеют свою структуру, свои особенности и возможности»[24]. Поэтому, чтобы понять сюжет, как правильно отмечает исследователь, необходимо детально рассмотреть составляющие его мотивы: «Выделение мотивов, разделение сюжетов на мотивы, которые его составляют, изучение мотивов с точки зрения генезиса, бытовой и исторической приурочен-

---

17 Там же.

18 В. Кляус. *Теоретические проблемы систематизации заговорно-заклинательного фольклора*. [В:] *Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре. Вопросы теории и методологии. Сборник материалов тематического блока XIV Международного съезда славистов (Македония, Охрид, 2008 г.)*. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008, с. 84.

19 Б.Н. Путилов. *Мотив как сюжетообразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970)*. Москва: Наука, 1975, с. 141–155.

20 Там же, с. 143.

21 Там же, с. 143.

22 Там же, с. 144.

23 Там же, с. 144.

24 Там же, с. 144.

ности, развития, варьирования, а главное — с точки зрения их художественного отношения к целому, т.е. к сюжету — все это теперь представляет обязательную и наиважнейшую часть историко-фольклорного анализа»[25].

Б.Н. Путилов также отмечает, что «изучение фольклорного сюжета имеет в виду анализ совокупности всех элементов, выявление семантических, структурных связей, отношений между персонажами, выявление скрытых планов», поэтому, «чтобы прочитать сюжет, нужно подвергнуть анализу вошедшие в него мотивы — не только в их устойчивых значениях, но и в новом их обличье»[26].

Нельзя не согласиться с мнением Б.Н. Путилова, который отметил, что «мотив – явление слишком живое, неоднозначное, скользящее, слишком повязанное с пестротой, многообразием повествовательных и неповествовательных систем фольклорных жанров. Очевидно, что мотивы сильно разнятся по соотношению динамического и статического, нарративного и описательного, по функциям, по роли в сюжетообразовании и сюжетной организации текстов»[27]. Необходимо отметить, что большинство предложенных определений были разработаны на материале эпических фольклорных жанров, и только российский исследователь В.Л. Кляус обращался к заговорным мотивам. Параллельно с понятием «мотив» некоторые исследователи, анализируя фольклорные эпические жанры, используют и категории «мотифема», «алломотив». Так, мотифема соответствует функции (А. Дандес, Л. Парпулова и др.), а в заговорном жанре, как отмечает В.Л. Кляус, эти функции сводятся к двум группам: «А — уничтожение, ликвидация кого-нибудь или чего-нибудь; В — образование, сохранение, использование»[28]. В качестве былинной мотифемы, например, Н.Г. Черняева приводит мотифему «Герой убивает антогониста». Если пользоваться таким определением, то в лечебных заговорах мотифема соответствует функции борьбы с болезнью — «Персонаж борется с болезнью». Для заговора мотифема имеет обобщенный характер и проявляется во всех текстах лечебных заговоров. Способы реализации обозначенной мотифемы в заговорных произведениях достаточно разнообразные: от определения причин болезни до непосредственных способов избавления от болезни. В данном случае наибольший интерес представляет более конкретное проявление мотифемы, что выразительно представлено в заговорных текстах разных функциональных групп. С различными болезнями борются разные персонажи при помощи различных средств. Именно поэтому относительно заговорного жанра более правильно говорить не про мотифему, а про мотив, структуру которого образуют такие компоненты, как субъект, его действие, объект, на который направлено действие и другие обстоятельства действия.

---

[25] Там же, с. 143.

[26] Там же.

[27] Там же.

[28] В.Л. Кляус. *Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы*. Москва: Институт мировоой литературы имени А.М. Горького РАН , Наследие, 2000, с. 14.

Нельзя не согласиться с выводами исследователей об элементарности мотива, однако относительно заговорного жанра спорным представляется высказывание, например, А.Н. Веселовского, который отмечал, что при варьировании элементов мотива «происходит не разложение, а возникновение новых алломотивов — со своими содержательными оттенками и даже иными смыслами и (…) сюжетообразующими возможностями»[29]. Необходимо отметить, что при варьировании элементов заговорного мотива происходит его конкретизация на различных «смысловых уровнях» (Р. Барт)[30], поэтому в отношении к анализу категории мотива как основной структурной и сюжетообразующей единице заговорного текста необходимо, на мой взгляд, введение в научный оборот других понятий, таких, как «субмотив» и «микромотив». Названные понятия позволят более глубоко постичь характер реализации мотива в сюжете, тем более, что «семантический спектр» мотива «всегда более широкий, чем отдельное сюжетное воплощение и охватывает более значительное семантическое поле культурной традиции»[31]. Выделение категорий «субмотив» и «микромотив» дает возможность проследить как процесс структурного образования мотивов, так и определить их функциональную роль, а также характер их взаимодействия во время создания сюжета. Так, например, мотив «Обращение заговаривающего…» на объектном смысловом уровне реализуется через субмотив «Обращение заговаривающего к христианским персонажам» (когда конкретизируется один из структурных компонентов мотива — объект). В данном случае в качестве объектов выступают христианские персонажи, среди которых можно назвать Пречистую Мать, Иисуса Христа, ангелов и др. Дальнейшая конкретизация субмотива на объектном уровне приводит к появлению микромотивов, например «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», «Обращение заговаривающего к Иисусу Христу» и др.

Выделение суб- и микромотивов на конкретном смысловом уровне зависит от наличия или отсутствия константного компонента. Так, например, когда в мотиве «Обращение заговаривающего…» константными являются и субъект, и предикат, то выделение суб- и микромотивов возможно только на объектном смысловом уровне, а когда, например, в мотиве «Мифологический центр, в котором находится лекарь» константный компонент отсутствует, то суб- и микромотивы можно выделить на любом смысловом уровне.

Таким образом, под субмотивом (подмотивом) понимается конкретная реализация мотива на одном из смысловых уровней (субъектном, предикатном, объектном, обстоятельственном). При этом субмотив имеет способность к дальнейшей конкретизации на том или другом смысловом уровне, результа-

---

[29] См. Б.Н. Путилов. *Фольклор и народная культура*. Санкт-Петербург: Наука, 1994. [Online] <http://www.infoliolib.info/philol/putilov/7.html> (09.01.2011).

[30] Р. Барт. *Введение в структурный анализ повествовательных текстов*. [В:] *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе*. Москва: Московский государственный университет, 1987, с. 391.

[31] С.Ю. Неклюдов. *Голос и эхо мифа (заметки о мифологическом тексте)*, «Живая старина» 2008, № 1 (57), с. 5.

том которой является микромотив как высшая степень конкретизации субмотива.

Для того, чтобы конкретно показать, каким образом мотив и сюжет соотносятся между собой как часть и целое в произведениях заговорного жанра, каким образом мотив как основная единица в моделировании текстов связан с сюжетным разнообразием заговоров, необходимо обратиться к подробному рассмотрению отдельных вариантов лечебных заговоров, к примеру, Гомельщины в рамках конкретных функциональных групп. Необходимо отметить, что выделение мотивов – важное условие систематизации сюжетных типов заговорных текстов. При проведении такого анализа учитывался фольклористический опыт представителей польской школы, которые, исходя из всемирных фундаментальных теоретических разработок проблемы «мотив и сюжет», выделяют несколько функций мотива: конститутивную, информативно-поисковую, экспликативную, моделирующую[32].

Для того, чтобы убедиться в том, что мотив является не просто частью текста, а представляет собой сюжетообразующую единицу, необходимо сделать морфологический анализ заговоров. С. Небжеговская-Бартминьская предлагает два способа такого анализа — внешний и внутренний: «Первый имеет в виду сравнение вариантов текста, что позволяет определять, какие части повторяются как неделимые цельные структуры, это значит представить композиционную структуру текста. Второй способ анализа основан на изучении внутренних отношений между частями текста, это значит исследование изменений в развитии темы, интенции, смене субъектов речи»[33]. Исследователь отмечает, что «внутренний анализ текста позволяет выделить, обозначить и дать определение частям текста, которые можно назвать текстовыми морфемами, — это мотивы-предложения, которые идут один за одним»[34], однако, возникает проблема, «каким образом описать выделенные мотивы. Их можно определять и записывать по-разному, на разных уровнях обобщения: от низшего (используя слова и высказывания из текста, что имеет смысл в случаях устойчивых формул) до высшего, абстрактного»[35]. Проведенный анализ заговоров позволил сделать вывод, что при определении мотивов необходимо использовать оба пути, которые предлагает польская исследовательница.

Учитывая большое количество заговорных текстов, в качестве примера была избрана наиболее распространенная функциональная группа (заговоры «От суроков») и микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», который присутствует в 14,95 % от всего количества заговоров Гомельщины названной функциональной группы[36]. Для того, чтобы показать сюжетное раз-

---

[32] С. Небжеговская-Бартминьская. *Роль мотива в описании модели текста*. [В:] *Язык культуры...*, с. 256–273.

[33] Там же, с. 260.

[34] Там же, с. 263.

[35] Там же.

[36] Здесь необходимо оговориться, что для анализа использовались не только опубликованные материалы, но и тексты заговоров, которые были записаны в последние десятилетия студентами, аспирантами и сотрудниками кафедры белорусской культуры и фольклористики

нообразие заговоров данной функциональной группы с вышеобозначенным мотивом, применялся внутренний анализ текстов: «Господу Богу помолюса, Прачістой божой Маці поклонюса. Прачіста божа Маці, прiступі, поможі (імя) врокі віговораці. На сінему морі лежыт камень, на том камені Ісус Хрістос шаблею махае, от (імя) врокі одганяе. Ідзеш вы, врокі, з хаты дымом, з двора ветром, откуль прішлі, туда ідзіце. Амінь» (записано от Поляк Ольги Николаевны, 1934 г.р., д. Старо-Высокое Ельского района) или «Госпаду Богу памалюсь, прычыстай Маці пакланюсь, Прычыстая Маці, прыступіся, памажы. На сінім моры, на лукаморы стаіць камень. На том камню сядзіць бабка, кужалінку прадзе, кудзельку дапрадае, з-пад яе агонь апаляе. Як той бабкі адтуль не зняць, так рабы Божой (Ніне) прыстрэку не бываць»[37]. Приведенные примеры из ряда многих проанализированных текстов позволяют высказать предположение относительно устойчивого характера повторения комплекса мотивов («Обращение заговаривающего к Пречистой Матери», «Источники болезни», «Отсылание болезни из частей тела», «Отсылание болезни на…», «Мифологический центр, в котором находится лекарь»), которые образуют сюжеты заговоров. Что касается последовательности их размещения в сюжетной цепочке, то обычно микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери» предшествует другим мотивам. На мой взгляд, говорить про случайность такого объединения мотивов в данном случае нельзя. Стройный порядок их размещения позволяет утверждать, что такой характер их сочетания обусловлен внутренней логикой развития сюжета лечебных заговоров. Особенности сюжетов заговорной группы «От суроков», если иметь в виду характеристику мотивов, заключается в наличии в текстах этой функциональной группы межфункциональных (это значит таких, «которые встречаются в нескольких функциональных группах»[38]) мотивов как основных.

(2) Б.Н. Путилов, проанализировав работы известных российских и зарубежных ученых (А.Н. Веселовского, С.Ю. Неклюдова, С. Томпсона, А. Дандеса, Л. Парпуловой), пришел к выводу о многозначности термина «мотив» в фольклористике и определил его как структурный компонент сюжета. В заговорных текстах, где наблюдается точное разделение произведения на структурные части, можно выделить целый комплекс мотивов, характерных для той или иной композиционной части произведения.

Если сконцентрировать внимание на отдельных структурных частях текстов заговоров «От суроков», записанных на территории Гомельщины, то можно заметить, что в каждой их них имеет место отличительное сочетание мотивов. Обычно молитвенное вступление дополняет микромотив «Обращение заговаривающего к Пречистой Матери»: «Першым разам, лепшым часам Госпаду Богу

учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины» в полевых экспедициях на территории Гомельщины под руководством заведующей кафедрой, доктора филологических наук, профессора Валентины Станиславовны Новак и хранятся в архиве кафедры.

37 *Полесские заговоры*..., с. 148.

38 *Полесские заговоры*..., с. 19.

памалюсь, Святой Прачысце пакланюсь. Святая Маць Прачыста, памажы» (записано от Захаренко Татьяны Степановны, 1916 г.р., д. Капличы Калинковичского района) или «Господу Богу помолюса, Прочістой божэй Мацер поклонюса. Прочіста божа Маці, прідзі, поможы нашай (імя) урокі ўговораці» (записано от Поздняк Софьи Михайловны, 1935 г.р., д. Азаричи Калинковичского района) и др. Что касается главной повествовательной части, которая состоит из нескольких сегментов (выяснение причин болезни, описание мифологического локуса, способы избавления от болезни), то определяющими их мотивами являются такие, как мотив «Источники болезни», «Способы избавления от болезни», «Мифологический центр, где происходит основное действие», например, «на сінім моры бабка ў голечка наўгадуе надомкі, падзеўкі, падсмехі ветраныя, насланыя, падуманыя, прыгаворныя. А жэншчыны пад хусткамі, мужчыны пад шапкамі, дзявочы пад вянок, а парабочы пад ушынкай, цыганкі пад шалашом…» (записано от Поздняк Марии Даниловны, 1936 г.р., д. Кротов Калинковичского района), или «на сінім моры стоіць явар, у том яваре гадзюка сакоча, рагоча, а можа яна есці хоча. Нехай яна вхваціць (імя) прістреку, разнесе па мхах, па балотах, па ніцых лозах, па быстрых водах…» (записано от Саманчук Матрены Петровны, 1931 г.р., д. Страдубка Лоевского района), или «на сінім моры дуб зялёны. Што пад тым дубам стаяць тры браццы з тапарамі. Канцы зсякаюць, корні зсякаюць, пасля таго ўрокі аднімаюць: белавокія, чарнавокія, серавокія, сінявокія, урочныя, падзіўныя, пасмешныя, ветраныя, вадзяныя, сухотныя»[39].

Дополнение основных межфункциональных мотивов вторичными мотивами —закономерный путь создания различных сюжетных схем. Однако, нельзя не согласиться с Т.А. Агапкиной, которая заметила, что в меньшей степени учитываются «формообразующие мотивы (зачины, закрепки, молитвенные вступления и др.), те, что не выполняют определяющей роли в содержании заговора»[40].

(3) Мотив в точки зрения его структуры анализируют Н.М. Ведерникова, Н.А. Криничная, В.П. Аникин, которые, как и А.Н. Веселовский (*Поэтика сюжетов*) выделяют в структуре мотива следующие компоненты: персонаж (или субъект, активное действующее лицо), его действие (предикат), объект (лицо, на которое направлено действие), другие обстоятельства действия, «и без названных микрокомпонентов (непосредственно представленных или подразумеваемых) мотив невозможен»[41]. Например, в заговорном мотиве «Обращение заговаривающего…» такими компонентами являются заговаривающий (субъект), его обращение (действие) и персонаж (объект), к которому направлено обращение.

В структуре мотива выделяет отдельные компоненты и В.Л. Кляус, однако, он, разграничивая понятия мотив и сюжет, считает, что «под заговорным сю-

---

39 *Замовы*. Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч. Рэдкал. А.С. Фядосік і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1992, № 893, с. 265.

40 *Полесские заговоры*..., с. 17.

41 В.П. Аникин. *Теория фольклора. Курс лекций*. 2-е изд., доп. Москва: Издательство КДУ, 2004, с. 283.

жетом может пониматься присутствие в тексте нескольких групп взаимосвязанных между собой элементов повествования — персонажа, его действия, места действия и объекта действия», а «любая пара повествовательных элементов в заговорном тексте является заговорным мотивом»[42].

Б.Н. Путилов, анализируя работы Л. Парпуловой и Н.Г. Черняевой, отмечает, что «мотив может быть сведен к сочетанию субъект-действие (состояние)-объект. Он обладает относительной самостоятельностью, поскольку в нем заключены свои значения и поскольку он может реализоваться (…) в контексте разных сюжетов и даже разных жанров. При этом мотив полностью не изолирован, он состыковывается с другими мотивами как семантически, так и конструктивно. В ряде случаев мотивы складываются в блоки, которые фактически живут как одно целое, именно таким образом обнаруживая свои значения»[43]. Нельзя не согласиться с этим мнением, поскольку многочисленные примеры фольклорных материалов Гомельщины доказывают справедливость обозначенных выше выводов. Так, наиболее распространенный в заговорном жанре мотив «Обращение заговаривающего (а в общем виде обращение субъекта)…» присутствует и в других жанрах устного народного творчества. В колядных песнях, например, этот мотив реализуется в обращении исполнителя в первую очередь к хозяину (в нашем определении к объекту), а функция обращения позволяет конкретизировать его на предикатном уровне, тем самым выделить предикатные субмотивы «Пожелание благополучия хозяину», «Требование платы за пожелание» и т.д.:

Добры вечар, гаспадару!
Вынесь нам каўбас пару.
Ой, пахадзі каля печкі,
Пашукай нам перапечкі.
Ой, пахадзі каля кваскі,
Пашукай жа там каўбаскі.
Вынесь сала, не скупіся,
Каб твой ячмень урадзіўся,
Каб нажалі сто коп жыта,
Каб сям'я была ўся сыта,
Каб скаціна вадзілася,
Каб пшаніца радзілася,
Каб гарэлку выпівалі,
Каляднікаў частавалі[44].

В семейной обрядовой поэзии (например, свадебной) анализируемый мотив реализуется через обращение субъекта (исполнителя) к основным участникам обряда: молодым, их родителям и другим действующим лицам. Функции мотива связаны в первую очередь с объектом, к которому обращается субъект:

---

[42] В.Л. Кляус. *Сюжетика заговорных текстов славян*..., с. 12.

[43] Б.Н. Путилов. *Фольклор и народная культура*...

[44] *Лоеўшчына… Бэзавы рай, песенны край. Сучасны стан традыцыйнай культуры Лоеўшчыны*. Укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца В.С. Новак. Гомель: Сож, 2007, с. 61.

обращение к молодым — с пожеланиями; к матери невесты — с предложением «*давай, мамка, падзелімся*» и с вопросом «*паглядзі, мамачка, ці не па мяне*»; к отцу невесты — с просьбой, чтобы не отдавал в чужую семью; к родителям жениха — с просьбой, чтобы приняли невесту в свою семью; к другим гостям — с предложением, чтобы они дарили подарки молодым.

Анализируемый мотив является неотъемлемой частью и некоторых поверий, выраженных формулой: чтобы было нечто (или чтобы не было чего-то), необходимо проговорить конкретные слова: «А я ў агародзе саджу агурцы… Штоб і ўжо былі харошыя, эта я так прашу: «Госпадзі, міласцівый, памагі мне, Божачка!» Дык і добры ўраджай тады»[45] или «Кагда сатана хацеў спакусіць чалавека на што-та плахое, трэба сказаць: «Тфу, сатана, адкаснісь ад меня». Еслі злішся – сатана радуецца»[46].

В некоторых случаях тяжело разграничить жанры. Примером тому может служить колыбельная-заговор, которая используется для того, чтобы успокоить-укачать ребенка и заговорить его на хороший сон: «Петушкі Андрэйкі, а куркі Матронкі, забярыце ад майго Віцюшы (імя дзіця) крыксы, плаксы начныя, паўночныя, дзённыя, палудзённыя. А дайце яму добрага апеціта і сна, каб ён спаў, гуляў і к цельцу прыбываў»[47].

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что сочетание «субъект-действие-объект» не только имеет разное семантическое значение, но и является многофункциональным, что позволяет назвать это сочетание мотивом. Что касается заговорного жанра, то семантика заговорного мотива проявляется на субъектном, предикатном, объектном и обстоятельственном «смысловых уровнях».

Таким образом, проведенный аналитический обзор литературы, посвященной исследованию мотива в филологической науке, позволил сделать следующий вывод: поскольку однозначное терминологическое определение понятия «мотив» учеными-фольклористами не выработано, а в белорусской фольклористике такой вопрос вообще не затрагивался, эта проблема является одной из наиболее актуальных, в том числе и при изучении произведений заговорного жанра. Мотив — это важная категории для осмысления заговорных сюжетов. Именно благодаря проводимому анализу заговорных мотивов можно определить заговорные сюжетные типы, что чрезвычайно важно при создании региональных указателей заговорных сюжетов. Принимая во внимание теоретические концепции российских исследователей, применив к белорусскому заговорному универсуму структурно-функиональный анализ, который предусматривает, что «каждый элемент имеет конкретное функциональной значение»[48], автор предлагает следующее определение категории «мотив» в заговорном жанре: заговорный мотив – содержательная, семантически законченная единица

---

[45] Там же, с. 290.

[46] Там же, с. 291.

[47] Там же, с. 332.

[48] В.Л. Абушенко. *Структурно-функциональный анализ*. [В:] *Новейший философский словарь*. 3-е изд. Минск: Книжный Дом, 2003, с. 997.

текста, элемент, который выполняет сюжето- (образовывает комплекс взаимосвязанных и взаимообусловленных мотивов, под этим комплексом мотивов понимается сюжет) и структурообразующую (образовывает определенные композиционные части произведения) функции. Как относительно самостоятельный фрагмент произведения имеет определенную структуру (субъект, его действие, объект, на который направлено действие субъекта и другие обстоятельства), компоненты которой проявляют способность к детализации, чем и обусловлена степень конкретизации мотива на уровнях субмотива (конкретной реализации мотива на субъектном, предикатном, объектном или обстоятельственном смысловых уровнях) и микромотива (высшей степени конкретизации субмотива на тех же или других смысловых уровнях).

Литература

Абушенко В.Л. *Структурно-функциональный анализ*. [В:] *Новейший философский словарь*. 3-е изд. Минск: Книжный Дом, 2003.

Аникин В.П. *Теория фольклора. Курс лекций*. 2-е изд., доп. Москва: Издательство КДУ, 2004.

Барт Р. *Введение в структурный анализ повествовательных текстов*. [В:] *Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе*. Москва: Московский государственный университет, 1987, с. 387–422.

Замовы. Уклад., сістэм. тэкстаў, уступ. арт. і камент. Г.А. Барташэвіч. Рэдкал. А.С. Фядосік і інш. Мінск: Навука і тэхніка, 1992.

Кляус В.Л. *Сюжетика заговорных текстов славян в сравнительном изучении. К постановке проблемы*. Москва: Институт мировоой литературы им. А.М. Горького РАН, Наследие, 2000.

Кляус В. *Теоретические проблемы систематизации заговорно-заклинательного фольклора*. [В:] *Фольклористика в контексте наук о традиционной духовной культуре. Вопросы теории и методологии. Сборник материалов тематического блока XIV Международного съезда славистов (Македония, Охрид, 2008 г.)*. Москва: Государственный республиканский центр русского фольклора, 2008, с. 76–86.

Круглый стол «Что такое фольклор?» (навстречу первому Всероссийскому конгрессу фольклористов). «Традиционная культура» 2005, № 2 (18), с. 11–12.

Лоеўшчына… Бэзавы рай, песенны край. Сучасны стан традыцыйнай культуры Лоеўшчыны. Укладанне, сістэматызацыя, тэксталагічная праца В.С. Новак. Гомель: Сож, 2007.

Небжеговская-Бартминьская С. *Роль мотива в описании модели текста*. [В:] *Язык культуры: Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Москва: Индрик, 2004, с. 256–273.

Неклюдов С.Ю. *Голос и эхо мифа (заметки о мифологическом тексте)*, «Живая старина» 2008, № 1 (57), с. 2–5.

Неклюдов С.Ю. *Мотив и текст*. [В:] *Язык культуры. Семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996)*. Отв. ред. С.М. Толстая, Москва: Индрик, 2004, с. 236–247. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/neckludov16.htm> (08.01.2011).

Полесские заговоры (в записях 1970–1990 гг.). Сост., подготовка текстов и коммент. Т.А. Агапкиной и др. Москва: Индрик, 2003.

Путилов Б.Н. *Мотив как сюжетообразующий элемент*. [В:] *Типологические исследования по фольклору. Сборник статей памяти В.Я. Проппа (1895–1970)*. Москва: Наука, 1975, с. 141–155.

Путилов Б.Н. *Фольклор и народная культура*, Санкт-Петербург: Наука, 1994. [Online] <http://www.infoliolib.info/philol/putilov/7.html> (09.01.2011).

Силантьев И.В. *Теория мотива в отечественном литературоведении и фольклористике. Очерк историографии*. Научное издание. Новосибирск: Издательство «ИДМИ», 1999, с. 104. [Online] <www.ruthenia.ru/folklore/silantiev1.htm> (08.01.2011).

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 342–353

ПОРТРЕТНЫЕ ЗАРИСОВКИ В ЦИКЛЕ ПУТЕВЫХ ОЧЕРКОВ И. БУНИНА *ТЕНЬ ПТИЦЫ*

MAJA WIĘCKOWSKA

Doktorantka, Uniwersytet Warszawski
Wydział Lingwistyki Stosowanej
ul. Dobra 55, 00-312 Warszawa, Polska
e-mail: maja.wieckowska@vp.pl
(nadesłano 28.05.2014; zaakceptowano 5.12.2014)

Abstract

Portrait sketches in travel essays *Shadow of a Bird* by I. Bunin

The main aspects in the article are travel essays entitled *Shadow of a Bird* by I. Bunin, which are a reflection of the writer's real travels to the Middle East in 1903 and 1907. The centerpiece of the author's observations are portrait sketches made by a Russian writer. As a result of their study, the author comes to conclusions that Bunin's verbal «pictures» stand out with a variety of presented characters, dynamics, picturesqueness. Additionally, the author makes an attempt to classify the portrait sketches by such features as audiovisualness, cinematography, montage, mosaic and some other issues, which give an evidence of the narrator's high artistic skills, and his innovation.

Key words

Travel essays, portrait sketches, the Middle East, audiovisualness, cinematography, montage, mosaic.

Abstrakt

Zarysy portretowe postaci w cyklu szkiców podróżniczych I. Bunina *Cień ptaka*

Materiał wyjściowy artykułu stanowią szkice podróżnicze Iwana Bunina *Cień ptaka,* odzwierciedlające autentyczne podróże pisarza do krajów Bliskiego Wschodu w 1903 i 1907 roku. W centrum badawczego zainteresowania znajdują się bezpośrednio szkice portretowe rosyjskiego pisarza. W rezultacie przeprowadzonych analiz powstaje konkluzja, że Buninowskie słowne «obrazy» odznaczają się różnorodnością przedstawionych postaci, dynamiką i barwnością. Ponadto, w artykule podjęto próbę klasyfikacji portretowych szkiców ze względu na ich formę: audiowizualną, kinematograficzną, montażową, mozaikową itp. Zdaniem autorki artykułu różnorodność szkiców świadczy nie tylko o wielkim artystycznym talencie pisarza-podróżnika, ale również o jego nowatorstwie.

Słowa kluczowe

Szkice podróżnicze, zarysy portretowe, Bliski Wschód, audiowizualność, kinematograficzność, montażowość, mozaikowość.

Русские писатели никогда не странствовали так много и в такие разные страны, как в эпоху Серебряного века. Путешествия играли важную роль также в жизни знаменитого художника, лауреата Нобелевской премии — Ивана Бунина. Сам писатель говорил, что он ничего не знает лучше путешествий[1]. Он побывал не только в разных уголках России, но и в европейских и африканских странах. Дважды (1903, 1907) он путешествовал по Ближнему Востоку. Во второе странствие в древние страны Востока писатель отправился со своей будущей женой Верой Муромцевой в 1907 году. Во время этого путешествия, писатель вёл краткий дневник, которым он позже воспользовался в работе над рассказами, объединёнными затем в сборник *Тень птицы*[2]. Хотя очерки цикла *Тень птицы* были созданы непосредственно в результате второго путешествия, они все же являются плодом двух поездок писателя. Путевые рассказы создавались в 1907–1911 годах, затем печатались в *Полном собрании сочинений* 1915 года, первоначально под заглавием *Храм Солнца*. Позже писатель ещё трижды менял заглавие, но окончательно цикл назаван по первому очерку, и в *Полном собрании сочинений в 9-ти томах* 1965 года рассказы печатаются под заглавием *Тень птицы*[3].

---

[1] Цит. по Л.В. Крутикова. *Комментарии.* [В:] И.А. Бунин. *Собрание сочинений в шести томах. Произведения 1907–1914.* Т. 3: *Тень птицы*. Москва: Художественная литература, 1987, с. 594.

[2] Там же.

[3] А.К. Бабореко. *Примечания.* [В:] И.А. Бунин. *Собрание сочинений в шести томах. Произ-*

Цикл состоит из одиннадцати путевых поэм. Каждая из них содержит описание определённого ближневосточного региона: Турции и Стамбула в *Тени птицы*, Греции — Пирея и Афин в *Море богов*, Египта и Александрии в *Дельте*, Каира в *Свете зодиака*, Яффы, Иерусалима, Вифлеема, Хеврона в *Иудее* и *Камне*, Кармилы в *Шеоле*, Вифании, долины Иордана, иудейской пустыни в *Пустыне дьявола*, Рихи, Мертвого моря, Масара в *Стране содомской*, Баальбека в *Храме солнца*, Геннисарета, Тивериады и Капернума в *Геннисарете*.

Сравнивая план маршрута путешествия И. Бунина 1907 года с маршрутом запечатленным в *Тени птицы*, можно обнаружить, что последний не является фактографически точным. Повествование в цикле строится преимущественно на фактах исторического значения, поэтому в целом по очеркам можно составить общую картину передвижений писателя. Однако полного соответствия с реальным маршрутом нет, поскольку, составляя очерки, автор позволял себе вносить разного рода изменения.

Заглавие цикла метафорично. Значение метафоры раскрывается в первом рассказе цикла под таким же заглавием — *Тень птицы*. Рассказчик называет Турцию страной, на которую пала «тень Птицы Хумай», а затем поясняет, что птица Хумай — это «легендарная птица и что тень её приносит всему, на что она падает, царственность и бессмертие»[4]. В переносном значении тень — это “признак, как бы остаток чего нибудь»[5]. «Тень птицы» — в таком понимании, — это тень величественного прошлого, которое уже ушло, но оставило в памяти человечества свой след. Повествователь в цикле восхищается прошлым, пытается понять его. Он обращается к первоначальным культурным ценностям, созданным человечеством, пытается осмыслить как далёкое прошлое народов и государств, так и те изменения, которые внесла в их жизнь история[6]. Повествователь хочет убедить читателя в красоте и величии прошлого. Для этого он использует орнаментальность повествования, которая не только передаёт колорит прошлого, но также документально закрепляет его истинность и достоверность[7]. Кроме того, в цикле используется контрастное противопоставление величественного прошлого и ничтожного настоящего. С помощью такого сопоставления Бунин проверяет правильность своих представлений о действительности и существующем миропорядке[8]. Он приходит к выводу, что «величественное прошлое, с которым связано создание подлинных человеческих ценностей, ушло безвозвратно, настоящее же — суетно и ничтожно»[9].

ведения 1907–1914. Т. 3: *Тень птицы*. Москва: Художественная литература, 1987, с. 655.

[4] И.А. Бунин. *Тень птицы*. [В:] И.А. Бунин. *Собрание сочинений в шести томах. Произведения 1907–1914*. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1987, с. 115.

[5] С.И. Ожегов. *Толковый словарь русского языка*. 7-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1968, с. 782 (Статья: *Тень*).

[6] И.П. Вантенков. *Бунин-повествователь (рассказы 1980–1916 гг.)*. Минск: Издательство Белорусского университета, 1947, с. 65 (Глава: *Лирические миниатюры и путевые поэмы*).

[7] Там же, с. 66.

[8] Там же, с. 67.

[9] Там же.

Путевые поэмы различны по объему; некоторые из них разделены на части, но «при общей тематической заданности каждое произведение самостоятельно, композиционно законченно и художественно значимо»[10]. Очерки *Тени птицы* представляют собой совокупность многообразных и разнообразных картин, сценок, эпизодов, которые зачастую не имеют между собой строгих причинно-следственных связей. Персонажи произведения не соприкасаются друг с другом, а пространственно-временные сцепления событий достачно слабы. Но всё произведение «смонтировано» с помощью авторских размышлений и рефлексий «о смысле бытия, о назначении человека, о взаимосвязи и взаимозависимости всего сущего, о смысле истории, о причинах расцвета и гибели цивилизаций, (…) о верованиях и устремлениях народов к правде, добру и красоте»[11]. Следовательно, композицию *Тени птицы* можно назвать «монтажной».

В.Е. Хализев верно заметил, что «наряду с универсалиями вселенского, природного и человеческого бытия (и в неразрывной связи с ними) искусство и литература неизменно запечатлевают культурно-историческую реальность в ее многоплановости и богатстве. Человечество едино, но это не однородная глыба, не монолит. Бытию людей присуща пространственно-временная разнокачественность»[12]. На наш взгляд, именно «пространственно-временная разнокачественность» бытия и стала главной темой путевых поэм *Тени птицы*. В произведении Бунина ощущается интерес, прежде всего к духовной жизни древних народов, но также к мировой культуре, к быту и бытию разных народов, наций, религиозных конфессий, стран, регионов. Культурно-историческая специфика, которой, несомненно, обладает Ближний Восток, волновала и привлекала писателя[13].

История народов, регионов, а через них и всего человечества в динамическом движении — это следующая тема, затронутая в путевых поэмах. Бунин проявлял интерес к прошлому, стремился уловить смысл и взаимозависимость вечного и временного, а также запечатлеть и разгадать историческую и духовную преемственность поколений, культур, верований. В цикле описания людей, природы, древних памятников и современной жизни народов Ближнего Востока переплетаются с философскими, историческими, религиозными, этическими и эстетическими размышлениями автора[14]. Эти размышления становятся своеобразным путешествием автора во времени, в глубь веков.

В зафиксированных повествователем-путешественником образах нет ни полных портретов персонажей, ни монолитных описаний. Нарратор создаёт на-

---

[10] В.Т. Захарова. *Импрессионизм в русской прозе Серебряного века. Монография*. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2012, с. 128 (Глава: *Взаимодействие философии и поэтики импрессионизма с русским реализмом начала XX века: творчество Ивана Бунина*).

[11] Л.В. Крутикова. *Комментарии...*, с. 594.

[12] В.Е. Хализев. *Теория литературы. Учебник для вузов*. Москва: Высшая школа, 2000, с. 44 (Глава: *Культурно-исторический аспект тематики*).

[13] Н.Н. Кознова. *Жизнь, свет и красота - лейтмотив путевых очерков И.А. Бунина «Тень Птицы»* [В:] *Творчество И. А. Бунина и русская литература 19 - 20 века*. Белгород, 2004.

[14] Л.В. Крутикова. *Комментарии...*, с. 595.

броски, зарисовки встреченных людей, в которых, в отличие от традиционных портретов, не передаётся подробно и достоверно ни внешний облик, ни духовная сущность персонажа. Правда, автор часто обращает внимание на отдельные детали, которые служат средством характеристики, но полностью характера человека не раскрывают. В очерках чаще всего даны внешние зарисовки или описания восточных людей. Автор не стремится проникнуть ни в их внутренний мир, ни в структуру национального характера, и это является специфической чертой произведения. Исследователь Е. Калмановский в своей книге *Российские мотивы* замечает, что Бунин в меньшей степени, чем другие писатели, чуждался «прямословия» и открытого смыслового закругления. Писатель не пытался открывать природу современных ему людей и их взаимных отношений, как делал это А. Чехов. По словам Калмановского, во многих произведениях Бунина, хотя и много лиц, но «недостает настоящего эпического дыхания, той захваченности героями, которая естественна в большой прозаической форме, допустим, Чехова или Горького»[15]. Трудно согласиться с упреком исследователя, поскольку писатель не ставил перед собой задачи создания эпического полотна. Что же касается картин и образов людей в *Тени птицы,* то они представлены динамично, неповторимо, разнообразно по цвету и рисунку. Стоит обратить внимание на мнение В.Т. Захаровой[16], которая утверждает, что произведения Бунина обладали особой душой:

> (...) творчество Ив. Бунина содержало в себе то высшее начало истинной художественности, что И.А. Ильин называл «бессознательно выношенной тайной», «которая ищет себе верных образов и верного художественного тела /звуков, слов, красок, линий и т.д. Эта тайна есть как бы душа произведения... Эта тайна есть как бы внутреннее солнце произведения, лучами которого все оно пронизано изнутри».

Очерки *Тени птицы* насыщены картинками, ежедневно встречающимися в жизни. В центре этих картинок люди и всё то, что их окружает. Нарратор использует любую возможность для того, чтобы зафиксировать действительность. Где бы ни оказался повествователь, он везде — на палубе парохода, в поезде, на улицах, в архитектурных ансамблях, — находит что-то интересное, привлекательное. В цикле *Тень птицы* мы видим реальных, но безымянных людей, которых автор встречает на своём пути. Он создаёт образы-зарисовки, которые становятся материалом для размышлений и оценок по поводу географических регионов, культур, исторических событий и современных перемен. Приведу некоторые примеры, представляющие некоторые разновидности портретных зарисовок в тексте.

Мир *Тени птицы* густо населен, «переполнен», «усеян» различными образами, которые находятся в движении. Окружение автора всё время меняется, здесь происходят различные события. В тексте обнаруживается многообразие и разнообразие представителей разных наций и культур. Перед нашими глаза-

---

[15] Е.С. Калмановский. *Российские мотивы*. Серия «Судьбы. Оценки. Воспоминания». Санкт-Петербург: Logos, 1994, с. 194–218 (Глава: *Иван Бунин. Эскиз к портрету*).

[16] В.Т. Захарова. *Импрессионизм в русской прозе...*, с. 131.

ми, как в калейдоскопе, меняются краски, картины, образы. Бунин неоднократно подчёркивает, что всё окружающее «постоянно волнует его»:

> С тревожным и радостным чувством спустился я с одесской горы в этот постоянно волнующий меня мир порта — в этот усеянный мачтами город агентств, контор, складов, рельсовых путей, каменного угля, товаров. По жидкой весеней грязи, среди сброда босяков и грузчиков-кавказцев с их чалмами из башлыков и орлиными глазами, среди извозчиков, волов, влачащих нагруженные телеги, и жалобно кричащих паровозов, пробрался я к черной громаде нашего переполненного людьми и грузом парохода (...).
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*. [В:] *Собрание сочинений*.... Т. 3, с. 499).

В описании порт предстает в качестве самостоятельного организма, со своей структурой, где переплетаются звуки, цветовые и световые детали. За счёт этих деталей создаётся своеобразная импрессионистическая картинка. Писатель признавался: «ничто не дает такого наслаждения, как краски... Я привык смотреть, художники научили меня этому искусству. Во времена Гете и Байрона в лунном свете видели только серебристый оттенок, теперь этих оттенков бесконечное множество»[17].

В очерках *Тени птицы* мы можем обнаружить целую палитру красок:

> Перед вечером над спардеком появился белый китель грузного старика-командира, против солнца блеснули круглые глаза бинокля: уже открываются на горизонте, в золотистом предвечернем свете, дымчатые силуэты Малоазийских и Балканских предгорий. Хохол, едущий на Афон, старик в огромных сапогах, в коротком сером казакине и с очень маленькой головою, вышел на трап над трюмом и крестится, кланяясь им. По трапу бегут на бак босые, с подвернутыми штанами матросы. Жадно смотрю вперёд — и, наконец, различаю, что предгория, расступаясь, медленно открывают устье Босфора.
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 501–502).

Зарисовки, кроме остро ощущаемых автором световых и цветовых деталей, содержат, как уже мельком отмечалось нами, также и некую звуковую гамму:

> Окна верхних этажей ещё светят, но лавки и склады нижних давно заперты, и в проходах мрак: только бродят кое-где, низко над мостовою, фонарики нищих, выбирающих из уличного сора корки хлеба, окурки, жестянки, бутылки из-под оливкового масла. Поминутно натыкаюсь на спящих собак, на сторожей, звонко бьющих на ходу железными дубинками в мостовую, на огоньки сигар, на разговоры мелькающих мимо матросов и других ночных гуляк. Из освещенных окон тоже слышится говор и смех или прыгающие звуки шарманок с позвонками. Но дом подворья тих и темен.
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 507).

Некоторые картинки строятся по **аудиовизуальному принципу** — они содержат в себе обилие и образов, и звуков:

> По утрам здесь тень. Зелень нескольких акаций радует глаза, отвыкшие в Иерусалиме от зелени. Радостными синими глазами глядит сверху небо. Но под стеной, под её золотистыми камнями, отшлифованными мириадами уст, стоит немолчный стон, дрожащий гнусавый вой, жалобный ропот и говор. Он то замирает, то возрастает; то

---

[17] Цит. по В.Т. Захарова. *Импрессионизм в русской прозе*..., с. 102.

> сливается в нестройный хор, то делится на выкрики. Женщины, накрытые шелковыми шалями, прислоняют к стене головы и бормочут ей свои жалобы покорно и несмело. Мужчины, прижавшись к ней левым плечом, держат в левой руке старинные молитвенники, а правую простирают к верхним камням. Они быстро-быстро читают, выкрикивают какие-то заклинания и страстно молят, ищут кого-то в ясном небе. Они в отчаянии опускают веки, поднимают брови и, стеная, раскачиваются... И вдруг опять оживают, раскрывают заблестевшие глаза... И в то время, как одни хватаются за головы, топают ногами и рыдают, другие жадно покрывают поцелуями стену, с восторженными воплями подскакивают и бьют в ладони...
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 551).

Автор живописно и динамично передаёт характер жизни большого восточного города, где одна сценка сменяет другую, где всё сочно и колоритно, где меняются звуки и тона:

> Опять хлопают бичами извозчики, опять в быстро текущей толпе кричат газетчики, водоносы с кувшинами розовых напитков, продавцы бубликов и приторно-сладких греческих печений насквозь пропитанных ореховым маслом... И не успеваю я сесть на крохотный табуретик возле кофейни, жарко нагретый солнцем, как лиловый арабчонок в одной синей женской рубахе уже тянет мой сапог на скамеечку, расцвеченную фольгой, жестью, медными гвоздиками.
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 508–509).

Захарова отметила: «трудно сказать, что в этих зарисовках создаёт больший эффект: цветопись или звукопись. Скорей всего, их гармоничное переплетение»[18]. За счёт этого гармоничного переплетения красок, звуков создаётся особый восточный колорит. Изображения импрессионистически броски, ориентальны, экзотичны. Им присуща более высокая экспрессивность, которая выявляет эмоциональное состояние автора. Импрессионистичность бунинского восприятия и ощущения мира проявляется не только в обилии световых деталей, красок и звуков, но также в обилии неповторимых запахов: аромата бубликов, «приторно-сладких греческих печений насквозь пропитанных ореховым маслом», стамбульских кофеен. В.Т. Захарова и в этом случае верно заметила, что запахи подчёркивают силу сиюминутного чувственного впечатления[19].

Автор нередко использует в своих описаниях взятые из восточных языков понятия, обозначающие элементы одежды, предметы, определённые привычки, а также имена собственные, названия стран, городов, областей. Бунин не случайно использует в своих очерках слова, происходящие из восточных языков. Писатель иногда сам поясняет некоторые топонимы, однако в большей степени засавляет читателя задуматься, отсылает его к историческим местам и событиям[20]. Благодаря объяснению тополексем, можно лучше понять нравы и образ

---

[18] В.Т. Захарова. *Импрессионизм в русской прозе...*, с. 126.

[19] В.Т. Захарова. *Импрессионизм в русской прозе...*, с. 127.

[20] Э.М. Левина. *Топонимическая лексика в художественной прозе Бунина. (На материале путевых поэм «Тень Птицы»)»* [В:] *Творчество И. А. Бунина и русская литература 19–20 века*. Белгород, 2000.

жизни восточных людей, глубже проникнуть и лучше понять мир Востока, который так привлекал автора:

> — Селям! — ласково и сдержанно говорят сидящие под деревьями возле кофеен крупные старики в белых и зелёных чалмах, в меховых безрукавках и халатах, отороченных мехом. — Селям! — говорят они подходящим, легко и красиво касаясь груди и лба, и опять замолкают, отдаваясь дыму нергиле и спокойному созерцанию собак, туристов, ковыляющих женщин, закутанных в розовые и чёрные ферадже, и медленно, важно качающихся на ходу горбунов-верблюдов.
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 505).

Для динамизации лиц и событий повествователь использует также **кинематографический (калейдоскопный) принцип**:

> Встретилась медленная вереница соловых дромадеров, навьюченных сахарным тростником и предводительствуемых босоногим погонщиком в красной ермолке и коротком белом кунбазе. Потом проехали английские солдаты в тропической форме, верхом на великолепных гнедых лошадях, лоснившихся на солнце, и, прижимаясь от них к глиняной ограде, мелко перебирая по пыли маленькими ножками, прошла молоденькая феллашка в голубой полинявшей рубахе, круглолицая, с полными губками и расширенными ноздрями. Она подняла ресницы над тёмными глазами — и опустила их. На её пепельно-смуглом лице, татуированном синеватыми полосками по бокам подбородка и звёздочками на висках, покрывала не было. Не было и библейского кувшина на её голове, прикрытой лёгким платком из чёрно-синей шерсти: на голове она несла то, что теперь так ходко сменяет на Востоке библейский кувшин, — большую жестянку из-под керосина. А за феллашкой показался ослик-иноходец, быстро и тупо семенивший копытцами, под красным бархатным седлом, на котором, почти задевая землю ботинками, сидел большой араб в пиджаке сверх длинного халата-подрясника, в плоской феске, обмотанной золотисто-пестрым платком...
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 526).

Благодаря кинематографическому принципу возникает иллюзия движения, перемещения объектов. Автор охотно вводит в текст свои размышления, контрасты, полярно противоположные характеры и описания, на чередовании которых строятся авторские отношения и оценки.

Интересны зарисовки, в которых используется **монтажный принцип**. Они состоят из ряда художественных образов, отдельных «картинок», которые напоминают кадры, отдельные снимки или сцены на киноплёнке:

> Дурачок в лохмотьях со всех ног бросается мимо меня в стаю соловых шелудивых собак и, отбив у них тухлое яйцо, с жадностью выпивает его, дико косясь на проходящих бельмом красного глаза. Сплошная волнующаяся масса чёрных баранов, мелко перебирающих копытцами, теснится под азартные крики чабана, а среди них, на худенькой лошадке, на деревянном седле, опутанном верёвками, пробирается старик-турок, лопоухий, лилово-бурый от загара, в тюрбане и бараней куртке, с седыми курчавыми волосами на раскрытой груди. За ним бежит и на бегу орет диким голосом босоногий водонос с мокрым сизым бурдюком на спине. Дальше идут длинноухие, задумчивые ослики под корзинами с мусором и кирпичами, тяжело и быстро семенит носильщик-армянин, согнувшийся в три погибели под огромным заркальным шкапом, от

которого по домам мелькают весёлые блики солнца. Ковыляют на французских каблучках две толстеньких турчанки, с головой закутанные в ферадже цвета засушенной розы. «Лица их, — думаю я словами Корана, — похожи на яйца страуса, сохраненные в песке». Но приподнялось как будто случайно покрывало — и я убеждаюсь, что прав Саади: «Не всякая раковина беременна жемчугом». Зато сколько красивых, умных и энергичных мужских лиц, особенно среди турок из простонародья, из провинций, из берегов моря! Сколько гордых и приветливых глаз!

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 508).

В своем повествовании автор активно использует стилистические фигуры: сравнения, гиперболы, метафоры, риторические вопросы и восклицания. Авторские отношение и оценки особенно явственно вырисовываются в обобщениях. Иногда сценки строятся посредством переключения из сравнительного, довольно узкого повествования в более широкое, обобщающее:

И опять против меня — копт и феллах. Копт — толстый, в чёрном халате, в чёрной туго завернутой чалме, с тёмно-оливковым круглым лицом, карими глазами и раздувающимися ноздрями. Феллах — в белой чалме и грубом балахоне, расстегнутом а груди. Это совершенный бык, по своему нечеловеческому сложению, с бронзовой шеей изумительной мощи. И сидит он так, как и подобает ему, прямому потомку древнего египетского человека: прямо, нечеловечески спокойно с поднятыми плечами, ровно положивши ладони на колени...

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 528).

И. Бунин строит некоторые картинки на основе **мозаичного принципа**, где отсутствующую информацию можно получить на основе анализа имеющихся данных:

Но вот проходит и звонко и страстно кричит по узким и шумным коридорам базаров и улиц сожженная нуждою и зноем женщина, со спутанными чёрными волосами, босая, в одной полинявшей кубовой рубахе. Всё достояние её в козе, которую она ведёт за собою, — длинными колокольцами-ушами и горбатым носом. Женщина кричит предлагая подоить эту козу и за грош напоить «сладким молоком» всякого желающего.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 530).

Очень важной чертой Востока, которая обнаруживается в очерках *Тени птицы*, является отсутствие монотонности. Бунин обращает внимание на тот факт, что жители Востока сохраняют свою национальную специфику:

Их чёрные скуластые лица и чёрные палки ног в огромных туфлях казались ещё чернее и страшнее от белых кидар; сверх рубашек на них были короткие халаты цвета полосатых гиен. С раздувшимися ноздрями раздавленных носов, с блестящими глазами, с нагло вывороченными губами негры радостно и удивленно осматривали проходящих женщин. А у женщин, закутанных в чёрный шёлк, только и видно было глаза, странно разделенные металлическим цилиндром, соединяющим чадры с покрывалами.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 528).

В манере повествования Бунина есть своя динамика, но писатель замечательно воспроизводит и **статичные бытовые картинки**:

По-африкански горели против опускавшегося солнца стекла в жёлтых домах разноплеменной александрийской бедноты. Женщины в туфлях и халатиках, похожие на

евреек наших южных городов, с раскрытыми тощими грудями, почерневшими от зноя, лениво сидели у порогов и держали на коленях полуголых детишек, лица которых сплошь облепляли мухи.

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 527).

В очерках *Тени птицы* встречаются также **коллективные портретные зарисовки**:

И вот по людным широким тротуарам, никого и ничего не замечая, идут бедуины — удые, огнеглазые, высокие, — и на их чугунных лицах — алый отблеск жаркого заката. Их тонкие, сухие, почти чёрные ноги голы от колени до больших жестких башмаков. Лица грозны, головы женственны: на головы накинуты и висят по плечам кэфии — большие платки из черно-синей шерсти, а сверх платков лежит двойной обруч, два чёрных шерстяных жгута. На теле рубаха до колен, подпоясанная шалью, на рубахе тёплая безрукавка, а сверх всего — абая, шерстяная пегая хламида, грубая, тяжёлая, с короткими рукавами, но такая широкоплечая, така свободная, что рукава, спускаясь, достигают до кистей маленьких лиловых рук. И царственно-гордо выгнуты тонкие шеи, обмнотанные шелковыми платками, и небрежно опирается левая рука с серебряным перстнем на мизинце на рукоятку огромного ятагана, засунутого за пояс...

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 529).

Автор часто задумывается о смысле бытия и назначении человечества. Он ощущает глубокую связь времён, замечает сходства с прошлым:

Эти тёмные лавчонки, где тысячу лет торгуют все одним и тем же — хлебом, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чесноку, шафраном, бобами; эти чёрные, курчаво-седые старики-семиты с обнаженными бурыми грудями, в своих пегих хламидах и бедуинских платках; эти измаильтянки в чёрно-синих рубахах, идущие гордой и легкой походкой с огромными кувшинами на плачах; эти нищие, хромые, слепые и увечные на каждом шагу — вот она, подлинная Палестина древних варваров, земных дней Христа!

(И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 540).

Повествователь замечает, что хотя прошли тысячи лет, то жизнь жителей Яффы за это время почти не изменилась. Не изменились также люди, их образ жизни, внешность и манера поведения. Они так же как в древности занимаются торговлей, женщины с кувшинами на плечах ходят за водой, где-то пробегают нищие. Цикличность замечается не только в описании природы в очерках. Жизнь восточных цивилизаций это своего рода цикл, который можно сравнить с циклом жизни живых организмов[21].

Своеобразие Бунина в портретных описаниях *Тени птицы* состоит в том, что описания характеризуется высокой экспрессивностью. Автор использует элементы экспрессионизма, экзотизма, импрессионизма. Его персонажи импрессионистичны, созданы с помощью ярко брошенных красок. Они наделены особой колоритностью, которой повествователь мастерски играет:

---

[21] Т. Г. Килганова. *Архетип заката в цикле И. А. Бунина «Тень птицы»* [В:] *Творчество И. А. Бунина и русская литература 19 - 20 века: Материалы научно - практической всероссийской конференции*. Белгородский государственный университет, 1998.

> Опять маскарад, но ещё более пёстрый и праздничный, чем вчера! И дружно мешает этот маскарад венские сюртуки с рыжими верблюжьими куртками, панамы с бараньими папахами, светлоглазого англичанина с сизыми бедуинами, гиганта-черногорца в белом шерстяном наряде, шитом золотом и обремененном оружием, с худосочным польским евреем, коричневую рясу францисканца с негром, сестру-кармелитку с китайцем с неподвижной головой, с черной косой до пят и в лиловой кофте (…) вечная теснота фиакров, разносчиков, цветочников, нищих, полуголых прокаженных, сидящих на мостовой, и теснота базаров (...).
>
> (И.А. Бунин. *Тень птицы*, с. 509).

В очерках нет традиционных портретов; превалируют зарисовки, которым присуща фрагментарность. Повествователь путевых очерков является путешественником, который находится в движении. Следовательно, природа, объекты наблюдений тоже показаны в движении. Рассказчик в основном изображает динамические сценки, останавливается на тех моментах, которые привлекли его внимание. Его зарисовки нередко включают «поток людской массы» в какой-то момнент ее движения.

Словесные портретные зарисовки Бунина, в основе которых лежат различные принципы (аудиовизуальный, кинематографический, монтажный, мозаичный, некоторые другие), свидетельствуют как о разнообразии народностей, с которыми познакомился русский писатель в процессе своего путешествия, так и о его художественном мастерстве, благодаря которому мир Ближнего Востока предстал в очерках многообразно, динамично и красочно.

Литература

Бабореко А.К. *Примечания.* [В:] И.А. Бунин. *Собрание сочинений в шести томах. Произведения 1907–1914.* Т. 3: *Тень птицы*. Москва: Художественная литература, 1987.

Бунин И.А. *Тень птицы*. [В:] И.А. Бунин. *Собрание сочинений в шести томах. Произведения 1907–1914*. Т. 3. Москва: Художественная литература, 1987.

Вантенков И.П. *Бунин-повествователь (рассказы 1980–1916 гг.)*. Минск: Издательство Белорусского университета, 1947. (Глава: *Лирические минятюры и путевые поэмы*, с. 40–73).

Захарова В.Т. *Импрессионизм в русской прозе серебряного века. Монография*. Нижний Новгород: Нижегородский государственный педагогический университет, 2012. (Глава: *Взаимодействие философии и поэтики импрессионизма с русским реализмом начала XX века: творчество Ивана Бунина*, с. 98–132).

Калмановский Е.С. *Российские мотивы*. Серия «Судьбы. Оценки. Воспоминания». Санкт-Петербург: Logos, 1994. (Глава: *Иван Бунин. Эскиз к портрету*, с. 194–218).

Килганова Т.Г. *Архетип заката в цикле И.А. Бунина «Тень птицы»* [В:] *Творчество И.А. Бунина и русская литература IX–XX века. Материалы научно-практической всероссийской конференции*. Белгородский государственный университет, 1998.

Кознова Н.Н. *Жизнь, свет и красота лейтмотив путевых очерков И.А. Бунина «Тень Птицы»* [В:] *Творчество И. А. Бунина и русская литература IX–XX века*. Белгород, 2004.

Крутикова Л.В. *Комментарии.* [В:] И.А. Бунин. *Собрание сочинений в шести томах. Произведения 1907–1914.* Т. 3: *Тень птицы*. Москва: Художественная литература, 1987.

Левина Э.М. *Топонимическая лексика в художественной прозе Бунина. (На материале путевых поэм «Тень Птицы»)»* [В:] *Творчество И.А. Бунина и русская литература IX–XX века*. Белгород, 2000.

Ожегов С.И. *Толковый словарь русского языка*. 7-е изд. Москва: Советская энциклопедия, 1968. (Статья: *Тень*, с. 782).

Хализев В.Е. *Теория литературы*. *Учебник для вузов*. Москва: Высшая школа, 2000. (Глава: *Культурно-исторический аспект тематики*, с. 28–32).

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 354–366

ПОНЯТИЕ АКТУАЛИЗАЦИИ В РУССКОМ И ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ

НАТАЛЬЯ В. ВОЛОДИНА

Череповецкий государственный университет
Гуманитарный институт, Кафедра отечественной филологии и прикладных коммуникаций
Советский пр-т, 8, 162600 г. Череповец, Вологодская обл., Россия
e-mail: natalivolodina@mail.ru
(получено 2.06.2014; принято 23.11.2014)

Abstract

The notion of actualization in Russian and European literary criticism

The article is devoted to the notion of *actualization* which first appeared within the Russian Society of Poetic Language Studies and the Prague Linguistic School to designate a particular linguistic, stylistic device. The further use of it — by M.M. Bakhtin and Y.M. Lotman — is motivated by the concept of meaning production and text function in the works of the mentioned scholars. The School of Receptive Esthetics turned to studying the main «user» of actualization — a reader.

Key words

Actualization, defamiliarization, instrument of meaning production, linguistic, stylistic device, reader as a meaning actualizator, text.

Резюме

Статья посвящена понятию актуализация, изначально возникшему в рамках русского ОПОЯЗа и Пражского лингвистического кружка для обозначения конкретного языкового, стилистического приема. Дальнейшее обращение к нему — М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана — мотивируется концепцией порож-

дения смысла и функционирования текста в работах этих ученых. Школа рецептивной эстетики обратилась к изучению главного «носителя» актуализации — читателя.

Ключевые слова

Актуализация, языковой, инструмент порождения смысла, остранение, стилистический прием, текст, читатель как актуализатор смысла.

В литературоведении периодически возникает ситуация, когда значение понятия, введенного в науку на определенном этапе, начинает меняться, приобретая все больший масштаб и большие возможности его применения. Одно из таких понятий — «актуализация».

Термин *актуализация* в отечественном литературоведении традиционно употребляется для обозначения частного стилистического приема, связанного с особым использованием автором языковых средств, привлекающих внимание читателя к определенным моментам текста. Приведем словарную дефиницию из статьи в *Литературном энциклопедическом словаре*, написанной В.П. Григорьевым: «Актуализация — использование выразительных и изобразительных средств языка таким образом, что они воспринимаются как необычные, выступают в функции *остранения*, деавтоматизируются»[1]. В качестве примеров актуализации в статье называются оживление внутренней формы слова, использование метафор, различных способов иронии и игры слов. Это определение понятия *актуализация* опирается на традицию его использования в работах 1920–1930-х г.г. участников Пражского лингвистического кружка и ОПОЯЗа. Ученые Пражского лингвистического кружка рассматривали актуализацию как свойство языка художественной литературы, отличающего его от естественного. «Функция поэтического языка, — по определению Я. Мукаржовского, — состоит в максимальной актуализации языкового высказывания»[2]. Это «такое использование языковых средств, — уточняет Б. Гавранек, — которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишённое автоматизма, деавтоматизированное»[3]. Актуализация является в этом контексте оппозицией автоматизации, приобретая дополнительно прагматический характер. Наиболее отчетливо этот подход был заявлен в работах участников ОПОЯЗа, влияние которого испытал Пражский лингвистический кружок. В.Б. Шклов-

---

[1] *Литературный энциклопедический словарь.* Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987, с. 17.

[2] Я. Мукаржовский. *Литературный язык и поэтический язык.* [В:] *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей.* Сост., ред. и предисловие Н.А. Кондрашова. Москва: Прогресс, 1967, с. 355.

[3] Б. Гавранек. *Задачи литературного языка и его культура.* [В:] *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей.* Сост., ред. и предисловие Н.А. Кондрашова. Москва: Прогресс, 1967, с. 339.

ским, один из главных теоретиков формальной школы, ввел термин «остранение» — для обозначения главного приема, которым пользуется литература, пересоздавая жизненный материал и превращая его в искусство. Он приходит к заключению, что «прием *остранения вещей*», дающий возможность пережить их заново, является основным законом искусства. «Вывод вещи из автоматизма восприятия, — пишет Шкловский, — совершается в искусстве разными способами»[4]. В качестве примера Шкловский приводит творчество Л.Н. Толстого, в частности, повесть *Холстомер*, где мир увиден глазами лошади; и оттого привычное для читателя положение вещей оказывается странным, лишается автоматизма восприятия.

В таком более широком значении понятие *актуализация* стали использовать в более поздних своих работах также ученые Пражского лингвистического кружка. Я. Мукаржовский в работе 1948 г. *Структурализм в эстетике и в науке о литературе* рассматривает художественное произведение как динамическую структуру, элементы которой оказываются внутренне подвижными. Это предполагает, что «на первый план всегда выступают те из них, которые эстетически актуализированы, т.е. находятся в противоречии с предшествующим состоянием художественного канона»[5], иначе говоря, деавтоматизируются. В этой работе одного из основоположников структурализма, в отличие от его ранних исследований, речь идет уже об актуализации отдельных элементов произведения, которая и обеспечивает подвижность его смысла в процессе функционирования текста. Подводя итоги этой научной традиции, следует отметить, что *актуализация* рассматривается здесь преимущественно как свойство текста в целом, как его способность к обновлению смысла, благодаря определенным авторским усилиям.

Традиция такого истолкования сохранится и в литературоведении второй половины XX века. При этом понятие актуализации приобрело и другое значение, связанное не только с автором, но и читателем, проблемой истолкования произведения. Этот процесс одновременно происходил в русском и зарубежном литературоведении. В связи с русским литературоведением следует назвать, прежде всего, имена М.М. Бахтина и Ю.М. Лотмана, в зарубежной науке — Р. Ингардена и В. Изера.

Одной из центральных научных проблем в наследии Бахтина оказывается проблема уникальности художественного смысла: его способности к постоянному обновлению, его открытости в «большое время» и погруженности в глубины памяти культуры, его диалогичности, «всемирности и всевременности»[6].

---

[4] В.Б. Шкловский. *Искусство как прием.* [В:] *От формализма к структурализму. Проблемы теории литеартуры*. Wstęp, wybór materiałów Cz. Andruszko. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1995, с. 20.

[5] Я. Мукаржовский. *Структурализм в эстетике и в науке о литературе.* [В:] Его же. *Исследования по эстетике и теории искусства*. Сост. Ю.М. Лотмана и О.М. Малевича. Вступительная статья Ю.М. Лотмана. Перевод с чешского В.А. Каменской. Серия История эстетики в памятниках и документах. Москва: Искусство, 1994, с. 259.

[6] М.М. Бахтин. *Из записей 1870–1971 годов.* [В:] Его же. *Эстетика словесного творчества*, Москва: Искусство, 1979, с. 350.

Объясняя сам механизм смыслообразования, ученый, в частности, пользуется понятием актуализации. В работе начала 1970-х годов он пишет: «Смысл потенциально бесконечен, но актуализироваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом…»[7]. Бахтин не конкретизирует, чей или какой это смысл — читателя, другого текста или даже «вопрос во внутренней речи понимающего»[8]. Важно, что условием самого существования смысла, с точки зрения Бахтина, является необходимость другого смысла, другого сознания.

Эти суждения ученого имеют непосредственное отношение к художественному тексту, но не ограничиваются им. Они носят обобщающе-философский характер, закономерный для методологии Бахтина, содержание которой точно передает название одной из его монографий — *Эстетика словесного творчества*. Именно в эту книгу были включены приведенные выше суждения Бахтина, содержащиеся в записях, которые он вел с мая по декабрь 1971 года и не оформленных как отдельная статья. Монография М.М. Бахтина была издана в 1979 г., после смерти автора; следовательно, включение «записок» было волей ученых, подготовивших текст к изданию (С.Г. Бочаров, С.С. Аверинцев). В этих записках и в статье *К методологии гуманитарных наук*, последней работе Бахтина, написанной в 1974 году, обращает на себя внимание момент полемики со структурализмом. Бахтин говорит о том, что структуралистская методология (в данном случае речь идет о трактовке Ю.М. Лотманом романа Пушкина *Евгений Онегин*) «приводит к выпадению самого важного диалогического момента и к превращению диалога стилей в простое сосуществование разных версий одного и того же»[9]. Высоко оценивая стремление структурализма к точности и доказательности, он все же подчеркивает: «В структурализме только один субъект — субъект самого исследователя»[10].

Ученые тартуско-московской школы, обращаясь к работам Бахтина, несомненно, признавали их фундаментальное значение в развитии гуманитарной науки. Руководствуясь иной научной методологией, они, тем не менее, приходили к обсуждению ряда близких Бахтину проблем, идей, понятий. Одной из таких проблем в работах Ю.М. Лотмана, как и М.М. Бахтина, является проблема порождения смысла. Лотман рассматривает ее в связи с прагматическим аспектом текста. Сошлюсь в этой связи на статью *Текст в тексте*, впервые опубликованную в «Ученых записках Тартуского государственного университ ета»[11]. Судя по дате, Лотман уже мог познакомиться с монографией Бахтина *Эстетика словесного творчества*. И хотя в своей статье он имеет в виду, скорее, более ранние работы Бахтина, но перекличка их идей, в том числе, позднего Бахтина, несомненно, имеет место. Как и Бахтин, Лотман рассматривает про-

---

[7] Там же.

[8] Там же.

[9] Там же, ń. 339

[10] М.М. Бахтин. К методологии гуманитарных наук. [В:] Его же. Эстетика словесного творчества. Москва: Искусство, 1979, с. 372.

[11] М.Ю. Лотман. *Текст в тексте*. «Труды по знаковым системам». Т. XIV. Вып. 567: *Текст в тексте.* Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский университет, 1981, с. 3–18.

блему специфики смысла художественного произведения; и в этом контексте он тоже использует понятие актуализации. Правда, трактовка Бахтина — это, по преимуществу, философское объяснение, опирающееся на специфику текста; у Лотмана — учитывающее теорию коммуникации. Говоря о жизни, функционировании текста, Лотман, по сути, тоже имеет в виду «другого», чужое сознание —– как необходимое условие бытия художественного явления.

> В действительности же прагматический аспект, — пишет он, — это аспект *работы текста*, поскольку механизм работы текста подразумевает какое-то введение в него чего-либо извне. Будет ли это «извне» — другой текст или читатель (который тоже «другой текст»), или культурный контекст, он необходим для того, чтобы потенциальная возможность генерирования новых смыслов, заключенная в имманентной структуре текста, превратилась в реальность[12].

Итак, Лотман вновь говорит о потенциальной бесконечности смысла, приращение которого происходит благодаря «введению» в него другого «текста» (У Бахтина — смысла). Лотман рассматривает сам процесс, механизм этого включения и его результаты: «Переформулировка основ структуры текста свидетельствует, что он вступил во взаимодействие с неоднородным ему сознанием в ходе генерирования новых смыслов, перестроил свою имманентную структуру»[13]. Объясняя, как это происходит, ученый говорит об актуализации конкретных элементов текста: «Прагматические связи могут актуализировать периферийные или автоматические структуры…»[14]. Рассуждая о прагматике текста, он, по сути, возвращается к идее Бахтина о роли диалогичности, однако осмысливает ее в контексте семиотики и культурологии. «Текст как генератор смысла, мыслящее устройство, — пишет Лотман, — для того, чтобы быть приведенным в работу, нуждается в собеседнике. В этом сказывается глубоко диалогическая природа сознания. Чтобы активно работать, сознание нуждается в сознании, текст — в тексте, культура — в культуре»[15]. Итак, оба ученых, разных научных взглядов и направлений, сходятся в представлении об уникальных возможностях смысла текста/произведения, которые, будучи потенциально свойственны тексту, открываются благодаря их бесконечной актуализации.

Отметим, что ни у Бахтина, ни у Лотмана актуализация не является термином и не имеет строгой прикрепленности к способам или носителям актуализации. Эта конкретизация возникает в европейском литературоведении, прежде всего, в работах школы рецептивной эстетики. Представители этой школы были знакомы с работами Бахтина и особенно с работами Лотмана, ибо последнего в 1970–1980-е годы много переводили не только на английский, но и немецкий, а также польский язык. У истоков рецептивной поэтики и эстетики находятся работы известного европейского ученого, философа (представителя феноменологии, последователя Эдмунда Гуссерля), теоретика искусства и литературоведа,

---

[12] Ю.М. Лотман. *Текст в тексте.* [В:] Его же. *Избранные статьи в 3 томах*. Т. 1*: Статьи по семиотике и топологии культуры*. Таллин: Александра, 1992, с. 152.

[13] Там же, с. 153.

[14] Там же.

[15] Там же.

Романа Ингардена, который еще в своей программной работе 1931 года — *О литературном произведении* — высказал идеи, определившие структуралистскую разновидность феноменологии. В соответствии с этой методологией он рассматривает произведение как структуру, состоящую из нескольких уровней (позднее об уровневой организации текста будут говорить русские структуралисты). Все эти уровни, согласно Ингардену, состоят из компонентов, среди которых наиболее важными являются люди и вещи. Однако в произведении они лишены абсолютной полноты изображения, оказываются незавершенными, существуют в потенциальном состоянии. Кроме того, как считает Ингарден, в тексте есть места «неполной определенности»[16]. Это могут быть отдельные детали, намеки, авторские замечания, небольшой фрагмент текста и т.д., которые могут быть развернуты в целостную картину. Для того, чтобы их «конкретизировать», выявить, наделить эстетическим смыслом, нужен читатель, который актуализирует эти потенциальные возможности. Здесь определяющими оказываются его воображение, способность к ассоциативным связям, эмоциональному переживанию прочитанного. В этой неустойчивости, в отсутствии окончательной завершенности и состоит, по мнению ученого, один из источников испытываемых нами при чтении чувств, заключается известная доля его «очарования». При конкретизации, считает Ингарден, «происходит актуализация, по крайней мере, некоторых из тех компонентов произведения, которые в нем самом пребывают лишь в потенциальном состоянии»[17].

Итак, понятие *актуализация* приобретает у Ингардена значение термина, наряду с категориями «коммуникативная неопределенность» и «конкретизация». Кроме того, роль «актуализатора» смысла в его работах совершено определенно отдана читателю, его воображению; и этот поворот к читателю станет главным отличием рецептивной эстетики от других направлений научной мысли.

Формирование рецептивной эстетики как школы, научного направления 1960-х годов, связано, прежде всего, с исследованиями Г.Р. Яусса и В. Изера, представлявших «констанцскую школу». В. Изер, развивая идеи Ингардена, рассуждает о том, что текст получает всю полноту бытия благодаря читателю, который «открывает в тексте потенциальную множественность связей. Эти связи — продукт работы ума читателя над сырым материалом текста, который состоит из утверждений, фативов, информации и т.д., и еще не есть сам текст»[18]. По существу речь идет об актуализации читателем уже не только «мест неопределенности» (термин Ингардена), но и всего текста, который оказывается своего рода созданием читателя. Представляется, что в такой абсолютизации роли читателя есть своя крайность, как это было, например, в психологической школе русского Академического литературоведения (конец XIX —начало

---

[16] Р. Ингарден. *Исследования по эстетике*. Перевод с польского А. Ермилова и Б. Федорова. Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. [Online] <http://philosophy.ru/library/aesthetics/ingarden_estet_issled.pdf> (5.06.2013).

[17] Там же.

[18] В. Изер. *Процесс чтения. Феноменологический подход.* [В:] *Современная литературная теория. Антология*. Сост. И.В. Кабанова. Москва: Флинта — Наука, 2004, с. 207.

XX века). Вместе с тем настойчивое обращение русских и зарубежных ученых к проблемам функционирования текста и порождения его смысла; понимание литературного процесса как акта, в котором есть два участника: автор и читатель, —подтверждает необходимость использования понятий, которые сопровождают осмысление этих вопросов. Одно из них — *актуализация*. Изучение истории этого понятия, постепенного расширения его значений позволит не ограничиваться традиционной словарной дефиницией, но рассматривать явление актуализации как один из важных способов смыслопорождения и функционирования текста.

Руководствуясь, сложившимися в истории русской и европейской науке представлениями об этом понятии, прежде всего, его прагматическом аспекте, можно рассмотреть, как конкретно осуществляется актуализация смысла в зависимости от характера реципиента. В роли читателя могут рассматриваться при этом как обычный читатель, точка зрения которого документирована, так и читатель профессиональный: ученый-филолог, литературный критик, писатель. Актуализация — соответственно — по-разному осуществляется в филологической науке, критике и художественной литературе.

Наука создает правила и законы, в соответствии с которыми актуализируется смысл текста. Кроме того, «научное» восприятие текста, сохраняя индивидуальность видения ученого, направлено на выявление «объективного» содержания авторского смысла.

«Соотношение воспринимающего сознания и вводимой в него системы, — пишет Ю.М. Лотман, — можно представить как истолкование двух текстов на разных языках, из которых каждый стремится преобразовать противоположный по своему образу и подобию, трансформировать его перевод на себя»[19].

Однако если «воспринимающее сознание» — это сознание ученого, то момент борьбы текстов, подавления одного другим предельно ослаблен. Задача исследователя — понять логику автора, сохранить момент «вненаходимости» по отношению к тексту и в то же время способность к диалогу с ним. Историзм позиции ученого предполагает как сопричастность предметам, времени, пространству, которые его окружают, так и независимость от них. И потому «мироустройство» ученого как бы втягивает в себя культурные, исторические и временные пласты, являющиеся объектом его изучения.

Поясним это конкретным примером, обратившись к интерпретации мифа русским литературоведением. Ф.И. Буслаев, ведущий ученый мифологической школы русского Академического литературоведения, рассматривает миф как первоначальный способ восприятия и освоения человеком мира. Иначе говоря, Буслаев пытается реконструировать тот «авторский» смысл, который был свойственен этому явлению уже на этапе его возникновения: отождествление живого и неживого, человека и природы, цикличность представлений о вре-

---

[19] Ю.М. Лотман. *Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика.* «Труды по знаковым системам». Т. V: *Памяти Владимира Яковлевича Проппа.* Вып. 284. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1971, с. 169.

мени, которые характерны для мифологического сознания. Соотнося подобное мировосприятие с конкретным периодом развития общества, Буслаев приходит к выводу, что «миф развиваться не мог». Однако наука XX века, прежде всего, мифопоэтика стала рассматривать мифологическое сознание и мифологическую картину мира как универсальную структуру текстов, созданных на разных этапах развития культуры (Ю. Лотман, Е. Мелетинский, В. Топоров, др). И потому «космогонические» представления человека о мире, первоначально сформированные в мифе, она воспринимает как вектор художественности, определивший поэтику многих произведений литературы XX века. Е.М. Мелетинский показывает в своих работах, как происходит в ней актуализация константных смыслов мифа как «вечного символического выражения основ человеческого бытия и человеческой психики, независимо от исторических обстоятельств и конкретных характеров»[20].

Проверка «правильности» истолкования литературного явления ученым наиболее реальна, ибо здесь объективирован сам метод исследования, логика научной мысли и результат. При этом в научном исследовании наиболее отчетливо выявляется традиция сохранения того константного смысла, инварианта, общего поля значений, которые заданы внутренней структурой литературного явления. На его фоне отчетливо видна актуализация и каких-то скрытых значений, которые могут быть даже не осознаны автором, но имплицитно присутствовать в художественной системе произведения. Таким образом, наука актуализирует, прежде всего, авторский смысл.

Возможность открытия потенциальных значений текста и его истолкование в новой литературной, шире — культурно-исторической ситуации, — заключена и в природе литературной критики. Это связано, прежде всего, с тем, что критик смотрит на литературный процесс с позиции современности, находится преимущественно внутри нее. Фактор времени оказывается для критика куда более существенным, чем для ученого. Способность к актуализации смыслов литературных явлений обусловлена также стремлением критики к выходу за рамки филологического анализа текста и разговором «по поводу». А.А. Григорьев писал:

> Как бы ни хотел критик, рожденный даже с самым тонким художественным чутьем, стать на отрешенно-художественную точку, — живая, или, правильнее сказать, жизненная сторона создания увлечет его в положение невольного судьи над образами, являющимися в создании[21].

Разнообразие истолкований связано и с различными задачами, разыми методами критики. Так, критика эстетическая и публицистическая актуализируют, превращая в смысловую доминанту текста, либо общественно-социальную природу характера героя и проблематики произведения, либо нравственную

---

[20] Е.М. Мелетинский. *Миф и двадцатый век.* [В:] Его же. *Избранные статьи. Воспоминания*. Москва: Российский гуманитарный университет, 2008, с. 426.

[21] А.А. Григорьев. *Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства.* [В:] Его же. *Сочинения в 2 томах*. Т. 2. Москва: Художественная литература, 1990, с. 13.

и собственно эстетическую. Сохранение «равновесия» здесь оказывается практически невозможным, но та или иная интерпретация, если речь идет о профессиональной критике, непременно, связана потенциальными возможностями текста; тем, что присутствует в нем в скрытом, свернутом виде. Наконец, ярко выраженная субъективность, сама личность критика приводят к возникновению «нового текста», похожего на авторский, но и отличного от него. Помимо актуализации определенных авторских смыслов, здесь происходит своего рода самоактуализация критика. Диалог между ним и автором может быть продуктивным, но может и не состояться. В силу всех этих причин решение вопроса о «правильности» понимания текста критиком оказывается сложным. Если иметь в виду эволюцию критики как формы истолкования произведения, то она все более претендует на «независимость» от него. Наиболее репрезентативной в этом смысле является ситуация постмодернизма.

«Если в критике и существует *доказательность*, — пишет Ролан Барт, — то зависит она от способности не раскрыть вопрошаемое произведение, а, напротив, как можно полнее покрыть его собственным языком»[22].

Примером стремления максимально «прислушаться» к голосу автора являются статьи В.Г. Белинского «примирительного» периода. Белинский сознательно занимает в это время позицию объективного наблюдателя (хотя в критике это всегда относительно) и комментирует произведение (роман М.Ю. Лермонтова *Герой нашего времени*, трагедию В. Шекспира *Гамлет* и др.), избегая прямых оценок, актуализации скрытых смыслов, включения произведения в новую временную и культурную ситуацию. Не случайно он так много цитирует тексты или пересказывает их, стремясь сделать доминирующим голос самого автора.

С другой стороны, стремление «покрыть произведение собственным языком» критика характерно не только для постмодернизма. Так, например, повесть И.С. Тургенева *Ася* критик-публицист Н.Г. Чернышевский истолковывал как разоблачение «лишнего человека», дворянской интеллигенции, не способной взять на себя ответственность, совершить решительный поступок не только в общественной жизни, но даже в сфере личных отношений. С другой стороны, критик либерального образа мыслей, «эстетического» направления, П.В. Анненков рассматривает героя повести Тургенева как вполне нравственного и достойного человека, слабость которого во многом искупается пониманием им «нравственной своей бедности»[23].

По иным законам происходит актуализация смыслов текста в художественном творчестве. В случае включения одного текста в другой текст — «актуализатор» выполняет подчиненную роль, служит раскрытию смысла «базового» текста. Однако от взаимодействия с ним и вводимый текст получает дополни-

---

[22] Р. Барт. *Что такое критика*. Перевод С.Н. Зенкина. [В:] Его же. *Избранные работы. Семиотика и поэтика*. Перевод с франц., сост., общая редакция и вступительная статья Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1994, с. 373.

[23] П.В. Анненков. *Литературный тип слабого человека*. [В:] Его же. *Критические очерки. Очерки, эссе*. Под. ред. И.Н. Сухих. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского института, 2000, с. 162.

тельные значения. Они могут быть непосредственно соотнесены с исходным, авторским смыслом, актуализировать именно его; а могут иметь совершенно далекую от непосредственно авторского смысла интерпретацию именно в силу взаимодействия с другим художественным текстом. Здесь происходит непременное приращение смысла, ибо «исходное сообщение», говоря словами Лотмана, начинает функционировать в новом смысловом поле. Именно за счет этого и происходит актуализация потенциальных значений того или иного текста. «Правильность» его понимания, если речь идет о подлинно художественном явлении, не может быть проверена «исходным сообщением», но и не может быть опровергнута, ибо перед нами тот же и одновременно другой текст. Определяя механизм данного явления, следует учитывать, кому принадлежит «чужой» текст: автору или герою, чья это интерпретация.

Интерпретация героя может быть приравнена (условно) восприятию обычного читателя, который нередко оказывается произволен, случаен в своем истолковании и т.д. Сошлемся на частный пример. Герой тургеневского романа *Отцы и дети* Евгений Базаров не знает Пушкина или читал его крайне поверхностно, и потому в его суждениях о поэте возникают комические ситуации, искажающие авторский смысл. Так, он считает, что Пушкин, «должно быть, в военной службе служил. И в ответ на изумленное восклицание Аркадия: Пушкин никогда не был военным! — замечает: Помилуй, у него на каждой странице: На бой, на бой! За честь России!!»[24]. Здесь при цитировании текста героем он (текст) выполняет характерологическую — по отношению к персонажу — роль. Включение «чужого слова» непосредственно в авторский текст (в эпосе — повествователя) служит решению иных художественных задач. В романе *Отцы и дети* пушкинские тексты по-разному соотнесены с главным героем. Его собственное отношение к Пушкину — неприятие и непонимание. Однако именно через Пушкина, путем сложной ассоциативной связи, Тургенев пытается объяснить в финале романа некий высший смысл жизни и смерти Базарова. В заключительной фразе романа появляется цитата из стихотворения Пушкина «Брожу ли я вдоль улиц шумных», и весь финал пронизан ассоциативными связями с пушкинским текстом. Тургенев рисует сельское кладбище, где похоронен Базаров. Человек, который почти не бывал дома, любил его и в то же время тяготился им, нашел последний приют у «милого предела» — именно такого успокоения желал для себя герой стихотворения, на которое прямо указывает цитата „равнодушная" природа[25]. Однако смысл этого поэтического определения трансформируется в новом литературном контексте: происходит переосмысление образа вечности. В стихотворном тексте вечность олицетворяется красотой природы, равнодушной к человеческим делам и судьбам. Тургенев тоже использует понятие вечности, но границы его раздвигаются, и из определения природы («красою вечною») оно перемещается в разряд субстанциональных категорий: вечное спокойствие, вечное примирение. Поэтому определение «вечный» переходит

---

[24] И.С. Тургенев. *Отцы и дети*. [В:] Его же. *Собрание сочинений и писем в 30 томах*. Т. 7. Москва: Наука, 1981, с. 121.

[25] Там же, с. 188.

в «бесконечный», даже рифмовкой этих понятий обнаруживая близость данных философско-религиозных характеристик.

По иным законам происходит включение чужого текста в литературе постмодернизма. Если в классической литературе (романтизм, реализм) чужой текст подчинен вновь создаваемому произведению, то автор в литературе постмодернизма оказывается, скорее, ведомым чужими текстами. Здесь актуализация становится основным приемом даже не интерпретации, а создания нового текста. Рассказ Т. Толстой *Сюжет*, название которого задает филологический вектор, «соткан» из литературного материала. Главным героем является А.С. Пушкин, реальные факты биографии которого сопряжены с вымышленными. Основное сюжетное действие состоит в том, что Пушкин поправился после дуэли и прожил до восьмидесяти лет, оказавшись современником Ленина. Тексту рассказа свойственна характерная для стиля постмодернизма дискретность, фрагментарность повествования. Отдельные эпизоды текста целиком построены как монтаж цитат: использован принцип центона. При этом, благодаря отсутствию кавычек, стираются границы между цитируемыми текстами, и новый смысл возникает именно в результате их контаминации. Так, в сознании раненого поэта появляются фрагменты своих и чужих произведений, например:

> Гул затих, я вышел на подмостки, я вышел рано, до звезды, был, да весь вышел, из дому вышел человек с дубинкой и мешком. Пушкин выходит из дома босиком, под мышкой сапоги, в сапогах дневники[26].

Цитаты из Пастернака, самого Пушкина и Хармса, внешне скрепленные только повторяющимся глаголом «вышел», парадоксальный принцип их сочетания, создают эффект неожиданности, игры, смысл которой открывается благодаря актуализации чужих текстов. Формирование этого смысла происходит также благодаря актуализации знания об этих текстах, имеющегося у читателя, так называемой «интертекстуальной компетенции». Итак, определение характера актуализации как герменевтической процедуры в научном, критическом и художественном дискурсе позволяет рассматривать специфику выявления и моделирования смысла в интерпретируемом произведении.

Сегодня широко распространенным стало употребление этого понятия и для обозначения одного из механизмов литературного процесса. Очевидно, что современный литературный процесс всегда составляют не только те произведения, которые созданы сегодня, но и литературные явления прошлого, востребованные современностью. Наиболее показательными критериями этой востребованности являются издания произведений прошлого, литературно-критические отзывы о них, интертекстуальные «отсылки», научные исследования, письменно (или в другой форме) закрепленные отзывы читателей. В этом значении актуализация может быть определена как отбор «читателем» (в широком смысле этого слова) литературных произведений прошлого и перевод их из потенциального состояния (памяти культуры) в актуальное.

---

[26] Т. Толстая. *Сюжет.* [В:] Его же. *Ночь*. Москва: Подкова, 2003, с. 272.

Литература

Анненков П.В. *Литературный тип слабого человека*. [В:] Его же. *Критические очерки. Очерки, эссе*. Под. ред. И.Н. Сухих. Санкт-Петербург: Издательство Русского Христианского института, 2000, с. 162.

Барт Р. *Что такое критика*. Перевод С.Н. Зенкина. [В:] Его же. *Избранные работы. Семиотика и поэтика*. Перевод с франц., сост., общая редакция и вступительная статья Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1994, с. 269–275.

Бахтин М.М. *Из записей 1870–1971 годов.* [В:] *Эстетика словесного творчества.* Сост. С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров. Москва: Искусство, 1979, с. 336–360.

Бахтин М.М. *К методологии гуманитарных наук.* [В:] *Эстетика словесного творчества.* Сост. С.С. Аверинцев, С.Г. Бочаров. Москва: Искусство, 1979, с. 361–373.

Гавранек Б. *Задачи литературного языка и его культура.* [В:] *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей*. Сост., ред. и предисловие Н.А. Кондрашова. Москва: Прогресс, 1967, с. 338–377.

Григорьев А.А. *Критический взгляд на основы, значение и приемы современной критики искусства.* [В:] Его же. *Сочинения в 2 томах*. Т. 2. Составление с научной подготовкой текста и комментарии Б. Ф. Егорова. Москва: Художественная литература, 1990, с. 31–69.

Изер В. *Процесс чтения. Феноменологический подход.* [В:] *Современная литературная теория. Антология*. Сост., перевод, примечания И.В. Кабановой. Москва: Флинта — Наука, 2004, с. 201–224.

Ингарден Р. *Исследования по эстетике*. Перевод с польского А. Ермилова и Б. Федорова. Москва: Издательство иностранной литературы, 1962. [Online] <http://philosophy.ru/library/aesthetics/ingarden_estet_issled.pdf> (5.06.2013).

Литературный энциклопедический словарь. Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. Москва: Советская энциклопедия, 1987.

Лотман М.Ю. *Текст в тексте*. «Труды по знаковым системам». Т. XIV. Вып. 567: *Текст в тексте.* Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Тартуский университет, 1981, с. 3–18.

Лотман Ю.М. *Текст в тексте.* [В:] Его же. *Избранные статьи в 3 томах*. Т. 1: *Статьи по семиотике и топологии культуры*. Таллин: Александра, 1992, с. 148–160.

Лотман Ю.М. *Проблема «обучения культуре» как ее типологическая характеристика.* «Труды по знаковым системам». Т. V: *Памяти Владимира Яковлевича Проппа*. Вып. 284. Ученые записки Тартуского государственного университета. Тарту: Издательство Тартуского университета, 1971, с. 417–424.

Мелетинский Е.М. *Миф и двадцатый век.* [В:] Его же. *Избранные статьи. Воспоминания*. Москва: Российский гуманитарный университет, 2008, с. 418–426.

Мукаржовский Я. *Литературный язык и поэтический язык.* [В:] *Пражский лингвистический кружок. Сборник статей*. Сост., ред. и предисловие Н.А. Кондрашова. Москва: Прогресс, 1967, с. 406–431.

Мукаржовский Я. *Структурализм в эстетике и в науке о литературе.* [В:] Его же. *Исследования по эстетике и теории искусства*. Сост. Ю.М. Лотмана и О.М. Малевича. Вступительная статья Ю.М. Лотмана. Перевод с чешского В.А. Каменской. Серия История эстетики в памятниках и документах. Москва: Искусство, 1994, с. 254–275.

Толстая Т. *Сюжет.* [В:] Толстая Т. *Ночь*. Москва: Подкова, 2003.

Тургенев И.С. *Отцы и дети*. [В:] Его же. *Собрание сочинений и писем в 30 томах.* Т. 7. Москва: Наука, 1981, с. 5–190.

Шкловский В.Б. *Искусство как прием.* [В:] *От формализма к структурализму. Проблемы теории литеартуры*. Wstęp, wybór materiałów Cz. Andruszko, Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 1995, с. 15–28.

PRZEKŁADOZNAWSTWO
ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ
TRANSLATION STUDIES

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 369–377

ОБ АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКОМ ПОДХОДЕ В СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

ЛЮДМИЛА В. КУШНИНА

Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Гуманитарный факультет, Кафедра Иностранные языки, лингвистика и перевод
Комсомольский пр., 29, 614990, г. Пермь, Россия
e-mail: lkushnina@yandex.ru
(получено 2.06.2014; принято 4.12.2014)

Abstract

On the anthropocentric approach to contemporary translation theory

The article examines the question of an anthropocentric approach to literary text translation from the perspective of the author's theory of translation space harmonization, where translation space represents an anthropocentric synergetic translation model in terms of which the translator is viewed as an elite verbal person tending to create a quality — a harmonious translation which enriches target literature and culture.

Key words

Translation space, anthropocentric approach, translator as elite verbal person, synergism of senses, harmonious text of translation.

Резюме

В настоящей статье рассматривается вопрос об антропоцентрическом подходе к переводу художественного текста с позиций авторской теории гармонизации переводческого пространства, представляющего собой антропоцентрическую, синергетическую модель перевода, в рамках которой переводчик предстает

элитарной речевой личностью, стремящейся к порождению качественного — гармоничного перевода, обогащающего принимающую литературу и культуру.

Ключевые слова

Переводческое пространство, антропоцентрический подход, элитарная речевая личность переводчика, синергия смыслов, гармоничный текст перевода.

Введение

Теоретическое обоснование антропоцентрического подхода в современной теории перевода содержится в междисциплинарных исследованиях в области лингвистики, теории личности, синергетики, теории межкультурной коммуникации и др. Идея о междисциплинарной антропологии перевода принадлежит современному французскому исследователю Ж.Р. Ладмиралю:

> Fondamentalement, il m'est apparu de longue date qu'il y avait lieu d'opérer un rapprochement épistémologique entre ces trois disciplines que sont la philosophie, la psychanalyse et la traductologie…au lieu d'être une discipline de savoir, la traductologie est une discipline de reflexion[1].

Действительно, ученый сформулировал важнейшее положение современной теории перевода о том, что достижение качественного перевода требует от специалиста не просто оперировать смыслами, что ни у кого не вызывает сомнений, а размышлять над тем многообразием смыслов, которые транслируются из текста оригинала в текст перевода, над теми стратегиями и принципами, которые могут быть положены в основу размышлений переводчика.

Известно, что антропологическая лингвистика, изучающая различные формы человеческой коммуникации, включая язык, является самостоятельной дисциплиной. Что касается антропологии перевода, исследователи только приступают к ее становлению. Вместе с тем, междисциплинарный статус переводоведения не вызывает сомнений: филология, лингвистика, социология, теория коммуникации, культурология, экология и другие «питают» современную теорию перевода, т.к. именно интегративный подход к проблемам межъязыкового, межличностного и межкультурного взаимодействия позволяет представить феномен перевода как единое целое, вбирающее в себя достижения других гуманитарных наук.

В рамках данной статьи рассмотрим вопрос об антропологическом статусе теории перевода с позиций авторской теории гармонизации переводческого

---

[1] «Достаточно давно я осознал, что между тремя дисциплинами – философия, психоанализ, теория перевода — происходит эпистемологическое сближение…теория перевода из дисциплины знаний превращается в дисциплину размышлений» (перевод Л.К.) — цит. по J.R. Ladmiral. *De la subjectivité du traducteur aux conceptualisations de la traductologie*. [B:] *Au coeur de la demarche traductive: débat entre concepts et sujets*. Dir. Nadia d'Amelio. Belgique: Éditions du CIPA, 2012, c. 21.

пространства, которая побудила нас взглянуть на традиционный подход к переводу сквозь призму гармоничного переводческого мировоззрения, формируемого в сознании переводчика в процессе постижения им переводческого пространства.

Прежде чем перейти к изложению некоторых основ антропологии перевода с позиций теории гармонизации переводческого пространства, нужно разъяснить само понятие переводческого пространства.

Переводческое пространство как антропоцентрическая модель перевода

Мы понимаем перевод как систему транспонирования смыслов из одного языка в другой, из одной культуры в другую. Системные исследования могут протекать в различных научных парадигмах. Для выявления закономерностей перевода мы избрали синергетический подход, представляющий собой общенаучную теорию самоорганизации сложных и сверхсложных систем. Мы исходим также из фундаментальных положений динамической и синергетической лингвистики, рассматривающей текст как синергетическую систему. Согласно постулатам динамической лингвистики, «текст — это не просто продукт речевой деятельности, но сам процесс создания такого продукта»[2]. Идеи синергетической лингвистики последовательно развиваются Н.Л. Мышкиной и ее учениками. Автор приходит к выводу о том, что «…текст живет до тех пор, пока его энергии достаточно, с одной стороны, для саморазвития в изменяющихся условиях, для трансформации воздействий среды, для включения ее энергии в свою энергожизнь, с другой стороны, для воздействия на среду. В противном случае текст «угасает», он исчезает из обращения»[3].

В своих работах мы заключаем, что закономерности текстопорождения и текстовосприятия универсальны. Если процесс порождения текста оригинала может быть охарактеризован как синергетический, то процесс порождения текста перевода также является синергетическим по своей сути, но функционирование текста осуществляется в иной среде, в ином пространственно-временном континууме, в орбиту которого включено множество взаимодействующих субъектов. Мы определили его как переводческое пространство, описание которого отражено в многочисленных публикациях автора, в том числе, в пяти монографиях. Мы сформулировали основные положения новой философии перевода, которая зиждется на идеях синергетики, теории поля, теории гармонии[4]. Их суть сводится к следующему.

---

[2] Л.Н. Мурзин, А.С. Штерн. *Текст и его восприятие*. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991, с. 22.

[3] Н.Л. Мышкина. *Внутренняя жизнь текста. Механизмы, формы, характеристики*. Пермь: Издательство Уральского университета, 1998, с. 88.

[4] См. *Введение в синергетику перевода. Монография*. Под ред. Л.В. Кушниной. Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2014.

(1) Полевая природа языка позволяет рассмотреть перевод как полевую структуру, как совокупность смыслопорождающих полей, среди которых выделяются два текстовых поля (энергетическое, фатическое) и три поля субъектов переводческой коммуникации (автора, переводчика, реципиента). В качестве ядра мы выделяем содержание текста как источник эксплицитного его смысла, его инвариант. Смыслы пяти периферийных полей имплицитны, вариативны, что обусловливает многообразие текстов перевода, как в рамках одного языка и культуры, так и в рамках разных языков и культур. Это означает признание множественности переводов: каждая эпоха выдвигает свои версии переводов одного и того же текста, каждый переводчик обладает правом своего видения текста перевода, каждая культура накладывает свой отпечаток интерпретации текста перевода и пр.

(2) Синергетическое мировидение позволяет представить перевод как синергетическую систему транспонирования смыслов. Переводческая синергия проявляется, главным образом в том, что интегративный смысл текста перевода не есть сумма смыслов всех его полей, как бы динамично они ни развивались, но их синергия. Высшим проявлением синергии является приращение смыслов, в результате чего текст перевода вписывается в принимающую культуру и обогащает ее.

(3) Гармония трактуется в работе как критерий качественного перевода. Не отрицая критериев адекватности и эквивалентности, мы считаем, что они не покрывают всю гамму отношений, который устанавливаются между текстами и культурами оригинала и перевода. Переводческая гармония обусловлена не столько межъязыковыми, сколько межкультурными преобразованиями. В ее основе лежит интертекстуальное взаимодействие, означающее, что осмысление переводческого пространства предполагает постижение переводчиком интертекста родной культуры и интертекста чужой культуры. Так, при переводе художественного прозаического текста переводчик обращается к личной и творческой биографии писателя, к тексту на родном и иностранных языках других произведений этого писателя, к текстам других авторов той же эпохи на контактируемых языках, что способствует формированию гармоничного переводческого мировоззрения и обеспечивает качественный перевод.

Подводя краткий итог, подчеркнем, что новая философия перевода исследует его как полевую структуру нелинейной конфигурации, как пространственно-временной континуум, как саморазвивающееся пространство смысла, в которое попадает текст/дискурс. Ядро переводческого пространства — содержание текста, в котором происходит понимание и выражение фактуального смысла как первого шага к гармонии. Следующие шаги, которые совершает переводчик в переводческом пространстве — постижение имплицитных смыслов текста. Мы вычленяем следующие поля и смыслы:

1) Поле автора, порождаемое предтекстом (авторские пресуппозиции, предположения, аллюзии, намерения, интенции и пр.) и формируемый в нем модальный смысл;

2) Поле переводчика, порождаемое подтекстом (глубинный смысл текста, возникающий в сознании переводчика в результате представления им «образа-гештальта» текста) и формируемый в нем индивидуально-образный смысл;
3) Поле реципиента, порождаемое контекстом (фоновые знания читателя, его интеллектуальная готовность понять и принять текст) и формируемый в нем рефлективный смысл;
4) Энергетическое поле, порождаемое интратекстом (энергетика, эмоции, экспрессивность, ритм, чувства, эмпатийность и пр.) и формируемый в нем эмотивный смысл;
5) Фатическое поле, порождаемое интертекстом (совокупностью текстов родной и иноязычной культуры) и формируемый в нем культурологический смысл.

Подчеркнем антропоцентризм данной модели, где три смысловых поля формируются субъектами переводческой коммуникации, где поле переводчика обладает неисчерпаемой множественностью вариантов, что приводит к порождению гармоничного текста перевода, обусловливая тем самым гармонию его понимания коммуникантами, принадлежащими различным лингвокультурам.

Проиллюстрируем данные теоретические положения примерами из художественной литературы. Мы обратились к творчеству современного российского прозаика А.В. Иванова. Его роман *Географ глобус пропил* переведен на французский язык. Кроме того, по роману снят фильм, а в Пермском театре драмы поставлен одноименный спектакль. Герой романа — Виктор Служкин — наш современник, романтик, неудачник, волею судьбы оказавшийся учителем географии. Он по-своему любит учеников, называя их «отцами», его отношения с классом не вызывают одобрения коллег, но он сумел сохранить внутреннюю свободу и независимость. Роман вызывает значительные переводческие трудности, т.к. автор часто использует прибаутки, шутки, присказки, регионализмы, что часто нейтрализуется переводчиком.

Приведем пример дисгармоничного перевода. Фрагмент оригинала выглядит так:

> Я думал, что я устроил этот поход из своей любви к Маше. А оказалось, что я устроил его просто из любви. И может, именно любви я и хотел научить отцов — хотя я ничему не хотел учить… Во всяком случае, я, как мог, старался, чтобы отцы стали добрее и сильнее, не унижаясь и не унижая.
>
> (А. Иванов).

Фрагмент перевода выглядит следующим образом:

> Il s'avère que je l'ai organisé simplement par amour. C'est d'ailleurs peut-être l'amour que je voulais apprendre aux piliers de la classe — bien que je n'aie pas voulu enseigner quoi que ce soit… En tout cas, j'ai essayé, autant que je le pouvais, de faire en sorte que mes filles et mes gars deviennent plus forts et meilleurs sans s'humilier ni humilier.
>
> (I. Ivanov).

Сравнивая два фрагмента, мы можем сказать, что слово «отцы» переведено в одном и том же фрагменте по-разному, при этом и в том, и в другом случае переводчику не удалось выразить те чувства героя, которые он испытывает по

отношению к своим ученикам, называя их «отцы». Мы представляем себе, что автор хотел показать уважительное отношение своего героя к ученикам, его стремление быть ближе к ним, понимать их и быть понятым ими, что совершенно не отражено в переводе. В первом случае переводчик избирает словосочетание *piliers de la classe*, что в буквальном переводе означает «костяк класса», во втором случае исходная номинация заменяется на «mes filles et mes gars», означающую «девчонки и мальчишки». Следовательно, при переводе происходит нейтрализация или потеря исходных смыслов, что означает переводческое несоответствие и приводит к дисгармонии.

В этом же романе мы обнаружили проявление переводческой гармонии:

> Тебя не только любить, тебя и уважать-то невозможно! — не унималась Надя. Ты шут! Неудачник! Ноль! Пустое место!
>
> (А. Иванов)

> Non seulement il est impossible de t'aimer, mais même de te respecter, disait-elle sans parvenir à se calmer. Tu es un bouffon! Un rate! Une nullité! Un zéro intégral!
>
> (A. Ivanov)

Сопоставив данные фрагменты, мы констатируем, что при переводе фразы «Пустое место!» произошло приращение смыслов, что усилило коммуникативный эффект, способствуя тем самым более естественному вхождению текста в принимающую культуру: «Un zéro intégral!». Перевод мы признаем гармоничным.

Следует обратить внимание на то, что

> гармоничных переводов может быть неисчислимое множество. Гармоничный перевод — не единственно правильный перевод, по нашему мнению, правильных переводов не существует. Множественность смыслов простирается на множество языков и культур, так как каждая культура характеризуется своим неповторимым множеством. Иными словами, если в одном языке гармоничным будет некий вариант перевода, то в другом языке гармоничным исходному может быть совершенно иной вариант перевода, так как сам перевод — это произведение той культуры, которая его принимает. Более того, мы убеждены в том, что многосмыслие реализуется и в рамках одной культуры…[5]

Соотнося переводческую гармонию с синергетической идеологией, напомним высказывание Н.В. Дрожащих о том, что в результате синергетических процессов происходит «рождение смысла на более высоком уровне»[6]. Синергетическое движение ученый трактует как «продуцирование соположенными фонетическими, лексическими и грамматическими единицами устойчивых смысловых полей, базовым механизмом которых является аттракция элементов и смыслов, или взаимопритяжение схожих элементов»[7]. Действительно, при переводе именно лексическое взаимопритяжение, а также этнокультурное взаимопритяжение побуждает переводчика не ограничиваться поиском словарных

---

[5] *Введение в синергетику перевода...*, с. 41–42.

[6] Н.В. Дрожащих. *Введение в динамическую синергетику языка*. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012, с. 40.

[7] Там же.

соответствий, а искать согласованное переводческое решение, осуществляя гармонизацию и синергию смыслов в переводческом пространстве.

Теория перевода как теория элитарной речевой личности

Антропоцентризм теории перевода, который мы рассматриваем как методологическое основание антропологии перевода, мы видим также в смене личностной парадигмы, наблюдаемой во многих современных лингвистических, лингводидактических, лингвопереводческих концепциях. Начиная с работ О.Б. Сиротининой[8], Г.И. Богина[9], Ю.Н. Караулова[10], В.В. Красных[11] и др., проблема языковой/речевой/коммуникативной личности приобретает особое значение.

Антропоцентризм, определяемый в работах Е.С. Кубряковой как один из ведущих принципов современной лингвистики, все больше проникает в теорию перевода. Как пишет ученый, «он обнаруживается в том, что человек становится точкой отсчета в анализе тех или иных явлений, что он вовлечен в этот анализ, определяя его перспективу и конечные цели»[12]. В центре внимания исследователей оказывается переводящая личность. В своих работах мы обращаемся к проблеме элитарной языковой личности[13]. Элитарность отражает некоторую исключительность индивида как представителя социума, что проявляется, в частности, в его речевом поведении. Элитарный тип речевого поведения индивида предполагает присутствие в его речи таких черт, благодаря которым эта речь может рассматриваться как эталон. Как отмечает в своих работах О.Б. Сиротинина, для носителя элитарного типа речевой культуры характерно незатрудненное использование соответствующего ситуации и целям общения функционального стиля и жанра речи. Носитель элитарного типа речи владеет достижениями мировой и национальной культуры, литературы, живописи, музыки, имеет представление о достижениях науки, способен логично излагать свои мысли, постоянно совершенствует свои знания и пр.

В качестве дискурсивных доминант переводчика мы выделяем следующие: высокий уровень языковой и речевой культуры, соблюдение этических, сти-

---

[8] Сиротинина О.Б. *Основные критерии хорошей речи.* [В:] *Хорошая речь*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2001, с. 16–28.

[9] Богин Г.И. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ленинград, 1984.

[10] Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Изд. 6-е. Москва: Издательство ЛКИ, 2007.

[11] Красных В.В. «*Свой» среди «чужих». Миф или реальность?* Москва: Гнозис, 2003.

[12] Кубрякова Е.С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века.* [Б:] *Язык и наука конца 20 века. Сборник научных статей*. Под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995, с. 144–238, с. 212.

[13] См. Кушнина Л.В., Силантьева М.С. *Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства.* «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология». Вып. 6 (12), 2010, с. 71–75.

левых, литературных, культурологических норм, уважение личности автора и реципиента, креативность, целесообразность, коммуникативная ответственность, толерантность.

Элитарный тип речевой культуры мы соотносим с гармоничным переводческим мировоззрением, полагая, что переводчик должен стремиться стать элитарной языковой личностью, что согласуется с его социальной миссией — обеспечить взаимопонимание и взаимодействие коммуникантов.

Заключение

Переводческая деятельность обусловлена необходимостью межличностного, межъязыкового, межкультурного взаимодействия в континууме переводческого пространства как синергетического нелинейного процесса саморазвивающейся и самоорганизующейся системы, где синергия полей есть проявленная форма самоорганизации этого переводческого пространства.

Обозначенное выше переводческое пространство становится неотъемлемым компонентом переводческого дискурса, представляющего собой отражение переводческой картины мира, формируемой в сознании переводчика — носителя родной культуры и интерпретатора чужой культуры. Мы полагаем, что в переводческом дискурсе переводчик выступает многоликой языковой/речевой личностью, генерирующей в себе как черты первичной языковой личности, так и черты вторичной языковой личности. Более того, мы предполагаем, что переводчик обретает черты элитарной языковой личности, что обусловливает истинный, глубинный антропоцентризм процесса перевода.

Подводя итог, подчеркнем, что антропологическая концепция перевода становится реальностью, она приобретает статус самостоятельного научного направления, что потребует разработки метаязыка науки, в который мы предлагаем включить такие понятия как: переводческое пространство, субъект переводческой коммуникации, элитарная речевая личность переводчика, синергия смыслов, гармония.

Литература

Ivanov A. *Le géographe a bu son globe, traduit du russe par Weinstein*. Paris: Fayard, 2008.

Ladmiral J.R. *De la subjectivité du traducteur aux conceptualisations de la traductologie*. [B:] *Au coeur de la demarche traductive: débat entre concepts et sujets*. Dir. Nadia d'Amelio. Belgique: Éditions du CIPA, 2012, c. 15–27.

Богин Г.И. *Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов.* Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук, Ленинград, 1984.

Введение в синергетику перевода. Монография. Под ред. Л.В. Кушниной. Пермь: Издательство Пермского национального исследовательского политехнического университета, 2014.

Дрожащих Н.В. *Введение в динамическую синергетику языка.* Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012.

Иванов А.В. *Географ глобус пропил.* Москва: АСТ, 2013.

Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Изд. 6-е. Москва: Издательство ЛКИ, 2007.

Красных В.В. «*Свой» среди «чужих». Миф или реальность?* Москва: Гнозис, 2003.

Кубрякова Е.С. *Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века.* [Б:] *Язык и наука конца 20 века. Сборник научных статей*. Под ред. Ю.С. Степанова. Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1995, с. 144–238.

Кушнина Л.В., Силантьева М.С. *Языковая личность переводчика в свете концепции переводческого пространства.* «Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология». Вып. 6 (12), 2010, с. 71–75.

Кушнина Л.В. *Синергетическая системность в переводе в аспекте междисциплинарных взаимодействий.* [В:] *Стереотипность и творчество в тексте. Межвузовский сборник научных трудов*. Ред. М.П. Котюрова. Вып. 17. Пермь: Издательство Пермского государственного университета, 2013, с. 116–124.

Мурзин Л.Н., Штерн А.С. *Текст и его восприятие*. Свердловск: Издательство Уральского университета, 1991.

Мышкина Н.Л. *Внутренняя жизнь текста. Механизмы, формы, характеристики*. Пермь: Издательство Уральского университета, 1998.

Сиротинина О.Б. *Основные критерии хорошей речи.* [В:] *Хорошая речь*. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2001, с. 16–28.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 378–387

«АРХИВ ЭПОХИ» ГУСТАВА ШПЕТА. О ПЕРЕВОДАХ А. МИЦКЕВИЧА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ[1]

ТАТЬЯНА Г. ЩЕДРИНА

Московский педагогический государственный университет
Кафедра философии
проспект Вернадского, д. 88, 119571 Москва, Россия
e-mail: tannirra@yandex.ru
(получено 28.05.2014; принято 4.12.2014)

Abstract

Gustav Shpet's *Epoch archive*. of the translation works of Adam Mickiewicz in Soviet Russia

The article advances the idea, that for modern research of the history of Russian intellectual culture of the first half of the XX century the reconstruction of the *Epoch Archive* has a special meaning, and with the help of this reconstruction we not only discover for ourselves the unknown pages of humanity, but we also update the creative heritage of the philosophers and humanitarians of the time. The efficiency of such an approach is demonstrated by a particular research of the unknown translations of Adam Mickiewicz in Soviet Russia of the 1930-ies.

Key words

History of Russian philosophy, history of Russian culture, translation, Polish literature, A. Mickiewicz.

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 14-03-00399.

Резюме

В статье проводится мысль о том, что для современного исследования истории русской интеллектуальной культуры первой половины XX века особую роль играет реконструкция «архива эпохи», с помощью которой мы не только открываем для себя неизвестные страницы гуманитарной мысли, но и актуализируем творческое наследие философов и ученых-гуманитариев того времени. Продуктивность такого подхода демонстрируется на конкретном исследовании неизвестных переводов А. Мицкевича в Советской России 1930-х годов.

Ключевые слова

История русской философии, история русской культуры, перевод, польская литература, А. Мицкевич.

Историческое движение русской интеллектуальной культуры (философии, гуманитарной науки) — «прерванный полет». Эта фраза, ставшая к сегодняшнему дню хрестоматийной, воспринимается зачастую как однозначная характеристика судьбы русской мысли. Как правило, этой метафорой хотят обозначить факт насильственного прерывания интеллектуальной традиции на русской почве в первой половине XX века, в момент русского философского Ренессанса. Полагают также, что в то время философская Россия уже успела сказать «свое слово». Поэтому, когда открылась возможность вернуться, довольно долго думали, что нам остается только найти точку прерывания, продолжить оттуда траекторию интеллектуального движения, и связь с русской интеллектуальной традицией возобновится. Однако, я полагаю, что метафора «прерванный полет» характеризует не только факт насильственного пресечения русской философской и гуманитарной мысли, но указывает на нераскрытое содержание самого «полета». Само слово «полет» требует герменевтического переоткрытия. Ведь русское интеллектуальное движение первой половины XX века характеризуется не завершенными системами, но богатством философских начинаний. Русская интеллектуальная культура была прервана на взлете, она только-только начинала свое саморефлексивное восхождение. И многое из того, что хотели сказать русские мыслители первой половины XX века, осталось невысказанным. Прерванный полет русской интеллектуальной традиции — это ее *недосказанность*, требующая внимательного прочтения, актуализации и проблемного исследования. Мы сегодня должны возвращаться к своему интеллектуальному наследию не за готовыми ответами, но за вопросами и проблемами, оставшимися зачастую лишь контурно намеченными, а иногда и просто интонационно схваченными в разговорах о самом главном, о том, что несло в себе личностный смысл.

Недосказанность русской философской мысли объясняет и наш сегодняшний интерес к исследованию не только опубликованных текстов того периода, но и поворот к архивам. Ведь если мысль была прервана на взлете, то и ее выражение осталось незавершенным, осталось много таких черновых материалов,

которые можно назвать «не-текстами». Поэтому наиболее значимым методом ее исследования является не интерпретация, но реконструкция, предполагающая возвращение к истокам, к началам и последовательное достраивание оборванных текстов и «не-текстов» до целого.

Особую роль в такой работе играет архив, причем главными в при таком исследовании становятся маргинальные тексты: черновики, конспекты трудов, лекций, докладов, протоколы заседаний различных обществ и групп. И, конечно, письма, в которых часто только и можно увидеть то, что в опубликованных произведениях не встретишь: а именно — динамику мысли. При этом надо иметь в виду, что архивные фонды при таком исследовании необходимо рассматривать не как архивы отдельного автора, но как архив эпохи[2].

«Архив эпохи» может быть охарактеризован как «динамический коллектив, не имеющий своей собственной организации, потому что он не имеет сколько-нибудь устойчивых членов и элементов; они находятся как бы в “текучем” состоянии, непрерывно сменяют друг друга, появляются и исчезают»[3]. Действительно, архив эпохи не находится в пространственно-временной зависимости и не представляет «склада» документов, которые бы хранились отдельно от архивных фондов личных и государственных. Он «живет “своей” жизнью, но всякая попытка фиксировать хотя бы один момент в нем необходимо требует соотнесения этого момента к вещам и отношениям, находящимся вне этого коллектива. Ни один момент не “действует” здесь в собственном смысле, а только “участвует” в целом, будучи направлен на нечто “вне” себя и целого»[4]. Шпет назвал такой коллектив «коллективом типа».

Погружение опубликованных текстов русских философов первой половины XX века в «архив эпохи» необходимо не только для выявления актуальных проблем той эпохи, для воссоздания, так сказать, «исторической правды». Такое погружение необходимо сегодня для нас, поскольку многие опубликованные и «отработанные» идеи, — идеи, оставленные историей позади, — при погружении в архив эпохи предстают в новом свете и становятся остро современными. И такая ситуация складывается во многом потому, что «архив эпохи» находится с современным проблемным комплексом в несинхронной временно́й связке, т.е. может существовать как некая совокупность или связка идей, разорванных пространством.

Этот феномен одновременности разорванных во времени идей, их общения, описал академик Н.Н. Лузин.

> Когда я, сибиряк из города Томска, — пишет он в своем письме-исповеди, — впервые попал в недра большой школы, у меня создалось странное ощущение. О носителях прославленных имен говорили в таком тоне, как будто бы к ним можно было пойти на

---

[2] См. Т.Г. Щедрина. *Архив эпохи. Тематическое единство русской философии*. Москва: Издательство РОССПЭН, 2008, с. 7–17.

[3] Г.Г. Шпет. *Введение в этническую психологию*. [В:] Его же. *Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды.* Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2006, с. 475.

[4] Там же.

> чашку чая, хотя уже столетие или два столетия, как они умерли. Их идеи, их образы, их манера мыслить буквально висели в воздухе, и для меня само время стало исчезать. Я переставал порою понимать, идет ли речь о лице, который еще читает лекции, или он, человек блестящих имен, давно отошел. Грань времени стерлась, и я, через посредство живых, вступил в столь же живое общение с отошедшими. Чувство было очень странное, непривычное и поражающее[5].

Вот почему я думаю, что для нас сегодня архив эпохи первой половины XX века оказывается в определенном отношении современнее, чем многие сегодняшние изыскания.

Войти в «архив эпохи» можно через любой архив того или иного представителя конкретного исторического времени. Но на опыте скажу, что наиболее интересными в качестве «архивов эпохи» становятся архивы тех людей, которые находились на перекрестье путей развития науки и философии, определяли тематику и задавали проблемные поиски своего времени. Для меня «архивом эпохи» стал архив русского философа Густава Густавовича Шпета (1879–1937).

В 2010–2011 годах я работала над 9 томом сочинений Г.Г. Шпета, в котором представлены документы и письма. Особую часть в этой книге составила польская тематика: переписка с издательствами и частными лицами, где шла речь о переводах Мицкевича. В процессе комментирования я заказала хранившийся в фонде Шпета документ *Обзор переводов лирики и поэм Мицкевича на русский язык*[6] неизвестного автора. *Обзор* был напечатан на машинке, в конце текста стояла дата 15 декабря 1934 года, но край машинописи, где стояла подпись автора, был аккуратно оторван.

Судя по дате написания, причина такого «аккуратного» обезличивания текста, очевидна. Либо Шпет, либо его наследники — хранители документа — не хотели, чтобы текст этот был авторизован. Ведь, как увидит читатель, почти все герои рассказанной здесь истории репрессированы (отбывали ссылки или были расстреляны).

Но мне очень хотелось этого автора найти и вернуть этому документу вторую жизнь. Ведь цель этого обзора состояла в том, чтобы не только представить во всей полноте уже существующие переводы лирики А. Мицкевича и по достоинству оценить их, но также выбрать те из них, которые могли бы быть опубликованы в каком-то готовящемся издании. Эта целевая установка автора *Обзора* стала ключевой для поиска. В последнем абзаце он подводит итог:

> Резюмирую: Из перечисленных выше переводов считал бы возможным поместить в новом издании «Аккерманские степи» и «Чатырдаг» в переводе Бунина, «Байдарская

---

[5] *Письмо-исповедь академика Николая Николаевича Лузина*. Вступительная статья, публикация и комментарий Н.Г. Ованесова. [В:] *Русская наука в биографических очерках*. Сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович. Институт истории естествознания и техники. Российская академия наук. Санкт-Петербургский филиал Серия Деятели русской культуры. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003, с. 404.

[6] Обзор хранится в Отделе Рукописей Российской Государственной Библиотеки 718-27-6. Публикацию см. *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 445–453. Далее: *Обзор*.

долина» и «Алушта днем» (последнее условно) в переводе Майкова, «Вид гор от Евпатори» в переводе Берга (условно) «Бахчисарай» и «Бахчисарай ночью» в переводе С. Соловьева, «Сватовство» в переводе Минаева, «К ней» в переводе Голицына и «Первоцвет» в переводе С. Соловьева[7].

За помощью я обратилась к «архиву эпохи».

* * *

В архиве Шпета сохранилось много документов, с помощью которых можно было установить автора *Обзора*.

Сначала я подумала, что автором этого обзора мог быть С.А. Поляков[8]. Ведь в фонде Шпета сохранились неизвестные нам ранее его переводы сонетов А. Мицкевича[9]. Однако в письмах этого же периода Поляков ни одного слова Шпету об обзоре не сообщает, зато очень подробно описывает свои переводческие стратегии.

Свой перевод я не считаю окончательным. Я не производил детальной отделки того или другого сонета, не зная современных взглядов специалистов и, в частности, редакции «Академии» на то, какой держаться цезуры в сонетах Мицкевича: польской — после седьмого слога, или русской — после шестого слога. Одно время я лично полагал, что при польской цезуре можно достигнуть большего приближения к тексту и большей естественности; но потом, прочтя где-то или услышав от кого-то о необходимости для русского сонета ямба и цезуры после третьей стопы (при шестистопном ямбе), я стал «перегонять» уже переведенные сонеты под этот шаблон и при этом убедился, что в некоторых случаях это явно ломает структуру стихотворения. Поэтому некоторая часть сонетов у меня осталась с польской цезурой и в анапестах, часть же в том и другом виде, а сонет «Утро и вечер» — в смешанном размере (для однообразия посылаю его сейчас переделанным на два манера, почти простой перестановкой слов). Вообще же считаю возможным, в случае надобности привести текст перевода к виду (в отношении размера и цезуры), согласному с принципами редакции[10].

Тогда я решила посмотреть сохранившиеся в этом фонде переводы лирики Мицкевича, сделанные Поляковым, но когда сравнила почерк Полякова в его

---

[7] Там же, с. 453.

[8] Сергей Александрович **Поляков** (1874–1943) — меценат, основатель издательства «Скорпион», переводчик. С. А. Поляков перевел Кнута Гамсуна, о котором мало знали даже на родине. В 1919–1922 годах он работал главным редактором ИЗО НКП (Народный комиссариат просвещения РСФСР); заведующим финансовым отделом Академии Художественных наук (ГАХН), работал в Московском союзе писателей в должности казначея. 1 декабря 1929 года на заседании Президиума ГАХН С. А. Полякова исключили из состава Академии, как находящегося в ссылке по статье Уголовного кодекса, разрешающей жить на расстоянии не менее 105 километров от Москвы. В декабре 1941 года Полякову, к тому времени — персональному пенсионеру, было разрешено проживать в Казани у родственников.

[9] См. *Сонеты А. Мицкевича* (в переводе С.А. Полякова). [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре*..., с. 379–405.

[10] *Письмо С. Полякова Г. Шпету от 23 сентября 1933 года*. [В:] *Густав Шпет: Философ в культуре*…, с. 291.

письмах, его рукописные поправки к машинописи переводов с поправками автора *Обзора*, то пришла к выводу, что автор — не Поляков. Однако я не отчаялась, потому что поиск открыл нам переводы Полякова, о которых практически никто не знал и не знает в наше время. Переводы эти были опубликованы мной в 2012 году в 9 томе сочинений Г. Шпета.

Приведу один из переводов:

XI ***Алушта днем***

Лишь стряхнет гора с груди туманов халаты,
Шумят ранним намазом, все в золоте, нивы;
Гнется лес, сыпя с пышной мерцающей гривы,
Как из четок калифов рубин и гранаты.

Луг в цветах, а над лугом — цветов рой пернатый,
Мотыльки всех оттенков, как радуг отливы,
Бриллиантов навесом рвут неба массивы;
Саранча вдали тянет свой саван крылатый.

А где лысая в воды скала заглядится,
Кипит море, штурм новый на сушь замышляя;
В его шумах очами сверкает тигрица:

То предвестье бурь злейших для здешнего края;
На глубинах же мягче волна так клубится,
И купается флот в ней и лебедей стая.

Тогда я выдвинула следующую гипотезу: а что, если автор этого обзора — один из переводчиков *Пана Тадеуша* А. Мицкевича. Дело в том, что в архиве Шпета сохранились рукописные образцы переводов, сделанных разными авторами (С. Городецким[11], Н. Сочневым[12]), в том числе и оставшимися пока неизвестными.

Вот некоторые образцы переводов:

Край родимый! Литва! Мы тогда постигаем
Драгоценность здоровья, как его потеряем.
Вот и ты – как здоровье… Безумно тоскуя,
Вспоминаю сегодня твою красоту я.

Перевод Н. Сочнева (1933)

О, Литва, о, отчизна. Ты, как здоровье,
Тот лишь ценит тебя, кто утратил. С любовью
Твой образ далекий и дивный рисую,

---

[11] Сергей Митрофанович **Городецкий** (1884–1967) — русский поэт, переводчик. Один из организаторов *Цеха поэтов*. В 1930-е годы — переводчик, автор оперных либретто.

[12] К сожалению, мне до сих пор не удалось обнаружить биографические данные жизни и деятельности Николая Сочнева.

Любуюсь твоей красотой — и тоскую.

Переводчик неустановлен (1933)

Шпет работал в издательстве *Academia* и часто писал отзывы на разные переводы, так как знал 17 языков (по другой версии — 19). В 1933 году он написал отзывы на переводы *Пана Тадеуша*, сделанные С. Городецким и Н. Сочневым.

К переводу С. Городецкого он отнесся весьма критически:

> Общее впечатление от перевода в целом — вялость и монотонность стиха, чаще прерываемого небрежным синтаксисом, неудачной расстановкой слов и прозаизирующими пиррихиями, чем подлинно поэтическими строками или отрывками. Неудача такого опытного поэта, как С. М. Городецкий, не может быть объяснена отдельными формальными промахами переводчика и только его небрежностью или недостаточным вниманием к русскому языку. Результаты предполагаемой небрежности, поскольку они будут признаны самим переводчиком, без особого труда могут быть, и должны быть, устранены его же опытною рукою. Однако основной источник неудачи перевода лежит в другом — в самом принципе, избранном переводчиком, и если я прав, то исправление перевода, т.е. приближение к подлиннику, как по форме, так и по поэтическим качествам, потребуют большой и усердной работы[13].

А небольшой пробный перевод Н. Сочнева оценил высоко:

> (…) читается очень легко, синтаксическая конструкция простая и ясная. Перевод, хотя и несколько вольный, но не произвольный, и во всяком случае <не> искажает смысла подлинника. Недопустимо только введение лишних строк: 6 строк вместо 4 вводного предложения только ослабляют силу выражения. (…) есть другие основания, в силу которых, отказываясь от точного воспроизведения силлабики, анапест предпочтительнее ямба (избранного, между прочим, С. М. Городецким), и, следовательно, выбор, сделанный переводчиком, может быть оправдан. (…) Опасно делать общее заключение на основании столь малого отрывка. Но если бы весь перевод был выполнен с такою же легкостью системного построения, с несколько большей близостью к оригиналу и с проведением названной цезуры, я готов был бы признать его удачнее перевода С. Городецкого[14].

В издательстве *Academia* предполагалась публикация перевода *Пана Тадеуша* в 1934 году (к столетней годовщине этого произведения).

Об этом также свидетельствует письмо из редакционного сектора издательства *Academia* от 8 августа 1934 года:

> Уважаемый Густав Густавович. Посылаем Вам для подписания соглашение о редактировании-консультации перевода Городецкого «Пана Тадеуша» Мицкевича.
>
> Секретарь Редсектора (Антокольская)[15]

Однако рецензируемые переводы так и не были опубликованы, хотя это было время расцвета переводческой деятельности в Советской России. С 1922

---

[13] Г.Г. Шпет. *Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный С. Городецким*. Кн. II–VII. [В:] *Густав Шпет: Философ в культуре*…, с. 342–343.

[14] Г.Г. Шпет. *Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный Н. Сочневым*. [В:] *Густав Шпет: Философ в культуре...*, с. 367.

[15] *Густав Шпет: философ в культуре*…, с. 268.

по 1937 год только сотрудники издательства *Academia* перевели 273 книги (включая классическую художественную литературу, мемуары, дневники, письма, книги по философии, истории, экономике, праву, литературоведению, языкознанию, искусствоведению, науке и технике)[16]. В газетах и журналах того времени широко обсуждалось качество переводов и принципы переводческой работы. В этом контексте отзывы Шпета на переводы *Пана Тадеуша* позволяют иначе посмотреть на сегодняшние теоретические споры о переводе как «культурно-исторической проблеме»[17]. Как показывают найденные отзывы, для Шпета было важно не терять из виду «оригинал», благодаря которому перевод обретает реальность, а принципы — инструментальность. Он призывает не заслонять эту реальность принципами, но использовать их как своего рода инструменты, с помощью которых только и можно понять и словесно выразить то, что в перевод не укладывается.

Но вернемся к нашим поискам. Результат сверки почерка поправок к *Обзору* с почерками С. Городецкого и Н. Сочнева тоже дал отрицательный результат. Однако и в этом случае, наши знания «архива эпохи» 1930 годов обогатились. Ведь практически никто не знает сегодня, *как* в 1934 году готовился полный перевод *Пана Тадеуша* на русский язык. Эта книга стояла в редакционно-издательском плане *Academia* на 1934 год[18]. Издательство искало переводчиков, заказывало образцы, заключало и расторгало контракты и не только с переводчиками, но и с редакторами перевода.

И тогда я обратилась к письмам, которые получал Шпет из издательства *Academia* в 1933–1934 годах. Одно из них оказалось весьма интересным для моего поиска. Это письмо Я. Эльсберга[19]:

19 декабря б/г
Л.Б. Каменеву
А.Н. Тихонову
А. Малецкому
Г. Шпет

Мне кажется, что если исходить из отзыва Ф. Вермеля и решения дать, примерно, 6000 строк Мицкевича, то мы придем к таким оргвыводам.
1000–1500 строк придутся на старые переводы. Из 4–5000 подлежащих новому переводу следует мне кажется 1500 строк резервировать за разными переводчиками (…),

---

[16] См. *Издательство «Academia»*. Сост. М.В. Рац. Москва: Книга, 1980. По своим масштабам этот переводческий «всплеск» в области художественной литературы может быть сопоставлен с ситуацией в России 1990-х годов в области литературы философской и гуманитарной.

[17] Т.Г. Щедрина. *Перевод как культурно-историческая проблема (отечественные дискуссии 1930–1950-х годов и современность)*. «Вопросы философии» 2010, 12, с. 25.

[18] См. *Редакционно-издательский план на 1934 год, утвержденный Редакционным советом Издательства. 25 июня 1933 года*. Издан на правах рукописи. С. 4. [В:] ОР РГБ 718-21-15.

[19] Яков Ефимович **Эльсберг** (*Шапирштейн*; псевдонимы *Я.Е. Шапирштейн-Лерс*, *Я. Лерс*, *Ж. Эльсберг*) (1901–1976) — литературовед и критик, директор издательства *Academia* после Каменева. Существуют резко негативные оценки деятельности Я.Е. Эльсберга. Считается, что он является автором множества доносов на своих коллег.

а около 3000 поручить Вермелю, как и редакции всего остального материала. Вермель с этим согласен, ему и на 3000 строк и редакцию остального материала требуется около года.
В итоге проделанного обзора Ф. Вермелю легко сделать библиографию переводов Мицкевича — она займет около ½ листа и думается ее стоит дать в конце тома.

Эльсберг (без подписи)

Я обратила внимание, что в письме упоминается Филипп Вермель[20], переводчик с польского языка, и речь идет о «проделанном обзоре». Однако год написания этого письма остался неизвестным. Мне было важно найти в «архиве эпохи» такой документ, который бы подтвердил мою гипотезу, что письмо Эльсберга и *Обзор* были написаны в 1934 году. Тогда можно было бы с большой вероятностью говорить, что *Обзор* написал Ф. Вермель. Ведь по своей целевой установке автор *Обзора* предполагал дальнейшую работу над изданием (см. выше цитату из *Обзора*). И я продолжила поиски.

В РГАЛИ[21] хранится фонд издательства *Academia*, где мне удалось обнаружить именно такой документ. Прежде всего я подняла переписку издательства с А. Малецким[22], и не только потому, что он был одним из адресатов вышеприведенного письма Я. Эльсберга. Но еще и потому, что на обороте последней страницы сонетов А. Мицкевича (в переводе С. Полякова) было написан и зачеркнут простым карандашом рукой Шпета номер телефона: «5-21-46 Малецкий?» В РГАЛИ я и обнаружила следующее письмо А. Малецкого в издательство *Academia* от 19 октября 1934 года, из которого следует, что именно с Ф. Вермелем готовились заключать договор.

19 октября 1934 года
Тов. Эльсбергу
В Издательство Academia

Предлагаю заключить договор с тов. Вермелем о переводе тома избранных произведений Мицкевича, намеченных в плане на 1936 год.
Тов. Вермель дал издательству в свое время перевод главы Пана Тадеуша и я считаю его вполне квалифицированным переводчиком. Если нельзя сейчас заключить договор, тогда надо дать тов. Вермелю заказ, чтобы он мог немедля взяться за работу.

---

[20] Филипп Матвеевич **Вермель** родился (1898–1938) — переводчик. Его переводы сонетов Мицкевича являются одними из лучших. Полностью переводы Ф. Вермеля из Мицкевича, в том числе неоконченный перевод *Пана Тадеуша*, увидели свет в книге *Стихи и переводы Филиппа Вермеля*, выпущенной в 2000 году в Москве издательством *Возвращение* тиражом в 500 экземпляров. До 1937 года Филипп Вермель работал в англо-американском секторе ТАСС. 5 марта 1938 года был арестован. Расстрелян 28 мая 1938 года. Место захоронения — Бутово. Большое собрание стихотворений Вермеля хранится в РГАЛИ 1346-4-83.

[21] Российский государственный архив литературы и искусства.

[22] Александр Маврикиевич **Малецкий** (1879–1937) — член социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ). С 1906 года член РСДРП. С 1919 года — секретарь редакции журнала «Коммунистический Интернационал», консультант Всесоюзной библиотеки имени В.И. Ленина, редактор издательства «Academia». 18 сентября 1937 года арестован и расстрелян.

С приветом,
А. Малецкий[23]

Здесь я остановлю свой рассказ. Конечно, логика моего поиска не всегда безупречна, и можно все мои гипотезы фальсифицировать. Но кроме логики, есть еще то, что называется «наитием», а если говорить «герменевтическим» языком, то — «горизонтом смысла», сферой знаемого, куда исследователь пробрасывает свой вопрос. Этот «горизонт» в нашем случае и есть «архив эпохи», который позволил мне не только вернуть *Обзору переводов лирики и поэм А. Мицкевича на русский язык* автора Ф.М. Вермеля, но и обогатить нашу современную интеллектуальную культуру новыми переводами А. Мицкевича, а в историю переводов А. Мицкевича позволил вернуть имена С. Полякова, Н. Сочнева и С. Городецкого. Оценка достоинства этих переводов — дело будущих исследователей-гуманитариев. Я думаю, что дальнейшая содержательная работа в «архиве эпохи» еще впереди.

Литература

Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012.

Издательство «Academia». Сост. М.В. Рац. Москва: Книга, 1980.

Письмо-исповедь академика Николая Николаевича Лузина. Вступительная статья, публикация и комментарий Н. Г. Ованесова. [В:] *Русская наука в биографических очерках*. Сост. Т.В. Андреева, М.Ф. Хартанович. Институт истории естествознания и техники. Российская академия наук. Санкт-Петербургский филиал Серия Деятели русской культуры. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003, с. 400.

Письмо С. Полякова Г. Шпету от 23 сентября 1933 года. [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 291.

Редакционно-издательский план на 1934 год, утвержденный Редакционным советом Издательства. 25 июня 1933 года. Издан на правах рукописи. С. 4. [В:] ОР РГБ 718-21-15.

Сонеты А. Мицкевича (в переводе С.А. Полякова). [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 379–405.

Шпет Г.Г. *Введение в этническую психологию*. [В:] Его же. *Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2006, с. 417–500.

Шпет Г.Г. *Отзыв на перевод «Пана Тадеуша» А. Мицкевича, сделанный С. Городецким*. II–VII). [В:] *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма*. Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. Москва: Издательство РОССПЭН, 2012, с. 342–343.

Щедрина Т.Г. *Архив эпохи. Тематическое единство русской философии*. Москва: Издательство РОССПЭН, 2008.

Щедрина Т.Г. *Перевод как культурно-историческая проблема (отечественные дискуссии 1930–1950-х годов и современность)*. «Вопросы философии» 2010, 12, с. 25.

[23] Цит. по Т.Г. Щедрина. *Комментарии*. [В:] *Густав Шпета: Философ в культуре*…, с. 656.

FILOLOGIA ŚLEDCZA
СЛЕДСТВЕННАЯ ФИЛОЛОГИЯ
INVESTIGATIVE PHILOLOGY

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 391–408

Z FILOLOGII ŚLEDCZEJ. O ALEKSANDRZE GILAREWSKIM, OBDUCENCIE ZWŁOK SIERGIEJA JESIENINA — RAZ JESZCZE

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor Emeritus, Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,
Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl
(nadesłano 22.08.2014; zaakceptowano 24.11.2014)

Abstract

Of the investigative philology. Once again on Alexander Gilarevsky, the forensic medical examiner of Sergey Yesienin

In this article the author mentions Alexander Gilarevsky, a forensic medical examiner, who conducted the autopsy of Sergey Yesienin in Obuchovsky Hospital, Leningrad, on 29 XII 1925. Thanks to getting to new documents it was possible to update the previous findings described in the monograph on The Murder of Sergey Yesienin. (2009) The author concludes that Alexander Gilarevsky was probably born in 1855, he was not a Professor of Medicine, he never had an academic degree, and he never dabbled in any research or didactics. Nevertheless, those facts do not determine that the Leningrad forensic medical examiner did not have the medical skills on a professor level or the attributes of mind that characterized the true professors of the Tsar era, for whom honour was as important as their own life and the judgement of history.

Key words

Investigative philology, Alexandr Gylarevsky, expert witness, forensic handwriting analysis, autopsy of Sergey Yesienin in Obuchovsky Hospital.

Резюме

Из следственной филологии. Об Александре Гиляревском, судебном враче, проводящем вскрытие трупа Сергея Есенина — ещё раз

В данной статье автор представляет личность судебного медика, Александра Гиляревского (1855–1931?), который 29 декабря 1925 года в Обуховской больнице г. Ленинграда провёл вскрытие трупа Сергея Есенина. Благодаря доступу к новым материалам, стала возможной актуализация прежней информации, заключённой в монографии *Zabójstwo Sergiusza Jesienina* [*Убийство Сергея Есенина*] (Szczytno 2009). Автор приходит к выводу, что Александр Гиляревский родился, по всей вероятности, в 1855 году, не был профессором медицины, не обладал научным званием, не занимался научными исследованиями и университетской или академической дидактикой. Эти факты не противоречат, однако, тому, что ленинградский врач обладал медицинскими умениями на профессорском уровне и умственными качествами, характерными для настоящих профессоров царских времён, для тех, кому честь была не менее важной, чем собственная жизнь и положительная оценка дана историей.

Ключевые слова

следственная филология, Александр Гиляревский, судебный медик, анализ почерка, вскрытие трупа Сергея Есенина в Обуховской больнице.

Artykuł Zinaidy Moskwiny *O Gilarewskim* powstał w 2009 roku, lecz dopiero dwa lata później miał swój edytorski debiut, gdy wszedł do najnowszego tomu poświęconego Sergiuszowi Jesieninowi — *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*[1]. Ten niewielki, bo liczący zaledwie trzy strony tekst, dostarczył nieznanych mi wcześniej danych o leningradzkim medyku, dokonującym sekcji zwłok tragicznie zmarłego poety. Stanowił zarazem źródło nowych pytań, których rozwiązaniem zajmuje się młoda subdyscyplina filologiczna, jaką jest filologia śledcza.

Zinaida Moskwina, chociaż z wykształcenia jest inżynierem, a z zamiłowania przewodnikiem po literaturze, rozpoczyna swój tekst niczym zawodowy detektyw i podaje materiał wyjściowy, na który składają się następujące teksty:

1. Послужной список Александра Гиляревского из *Российских медицинских списков* (Wykaz przebiegu służby z *Rosyjskich wykazów medycznych*);

[1] З. Москвина. *О Гиляревском.* [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Сост. С. Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина, Москва: Ай Пи Эр Медиа 2011, s. 614–616.

2. Регистрационная карточка судмедэксперта, заполненная рукой А.Г. Гиляревского летом 1920 года (Karta rejestracyjna eksperta medycyny sądowej, wypełniona ręką A.G. Gilarewskiego latem 1920 roku);
3. Статистические данные об удавлениях и повешениях по Петроградской губерни за 1921 год (Dane statystyczne o uduszeniach i powieszeniach w Guberni Piotrogrodzkiej w 1921 roku);
4. Циркуляры Народного коммисариата здравоохранения (Okólniki Narodowego Komisariatu Zdrowia);
5. Д.П. Косоротов, *Основные правила составления судебно-медицинских актов о вскрытии мертвых тел*, Санкт-Петербург 1900 (podręcznik autorstwa Dmitrija Piotrowicza Kosorotowa *Podstawowe zasady sporządzania sądowo-lekarskich aktów podsekcyjnych*).

Pierwsza rzecz, na którą natychmiast zwróciłem uwagę po zapoznaniu się z danymi wyjściowymi Moskwiny, była informacja zawarta w punkcie drugim, z którego wynikało, że Aleksander Gilarewski **własnoręcznie wypełnił kartę rejestracyjną**. Z przywołanego tekstu można było wywnioskować, że karta ta się zachowała, a jeśli tak, to powinna istnieć realna szansa na rozwiązanie kolejnej ważnej zagadki związanej z autentycznością tzw. aktu Gilarewskiego[2]. W trakcie czynności śledczych udało się ustalić, że w swoim czasie siostrzenica Sergiusza Jesienina, Swietłana Pietrowna Jesienina (1939–2010), zwróciła się z prośbą do Biura Ekspertyzy Sądowo-Lekarskiej w Sankt Petersburgu o udostępnienie tzw. aktu Wittenberga, czyli protokołu sekcyjnego sporządzonego przez Aleksandra Gilarewskiego. Z archiwum Biura przysłano Swietłanie Pietrownej nie tylko kopię danego aktu, lecz także kopię karty rejestracyjnej Gilarewskiego. Według rosyjskiego jesieninologa, Swietłany Łuczkiny, najprawdopodobniej, kopię wspomnianej karty Swietłana Pietrowna przekazała po wykorzystaniu zaprzyjaźnionej z nią Zinaidzie Władimirownej Moskwinej, która przygotowywała wówczas artykuł o leningradzkim medyku. Od tego momentu, wraz ze śmiercią Swietłany Pietrownej, ślad karty się urywa. Lecz nie do końca i nie na zawsze.

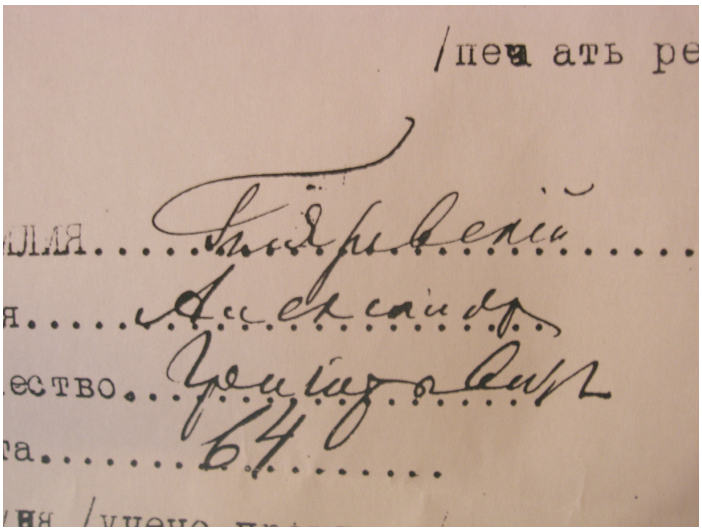
Zanim zobaczyłem tę kartę, przyjąłem, że jak każdy dokument tego typu musiała ona zawierać co najmniej takie dane, jak imię, imię odojcowskie i nazwisko osoby, która dokonuje rejestracji. Przy założeniu, że rzeczywiście kartę tę wypełnił sam Gilarewski, można byłoby porównać charakter pisma z pismem widocznym w akcie Gilarewskiego. Byłoby to niezwykle ważne porównanie, ponieważ Gilarewski — jak zaznacza Moskwina — przekazuje swoją kartę rejestracyjną w 1920 roku, w momencie, gdy nie ma jeszcze absolutnie żadnego medycznego związku z Sergiuszem Jesieninem i — najprawdopodobniej — z OGPU. A więc — charakter pisma Gilarewskiego z 1920 roku, chociaż może się różnić od tego z 29 grudnia 1925, albowiem sytuacja emocjonalna była wtedy nadzwyczajna[3], powinien jednak zachować charakterystyczne cechy

[2] Tzw. akt Gilarewskiego odnosi się do orzeczenia, jakie po zakończeniu sekcji zwłok Sergiusza Jesienina wystawił 29 XII 1925 r. Aleksander Gilarewski, biegły medycyny sądowej. Z orzeczenia tego wynikało, że przyczyną śmierci poety była asfiksja, wywołana uciskiem pętli na szyję. Na tej podstawie wywnioskowano, że Jesienin popełnił samobójstwo przez samopowieszenie. Więcej: G. Ojcewicz, R. Włodarczyk, D. Zajdel. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie.* Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2009.

[3] Tego dnia w Szpitalu Obuchowskim w Leningradzie Aleksander Gilarewski przeprowadził sekcję

indywidualne, pozwalające na ocenę, czy kartę rejestracyjną i akt posekcyjny pisała ta sama osoba.

Trzeba jednak pamiętać, że w 1920 roku Gilarewski mógł mieć 65 lub 69 lat, a w 1925 — 70 lub 74 lata, a wiek człowieka, jak twierdzą grafolodzy, istotnie wpływa na charakter pisma i potrafi nawet odzwierciedlać chroniczne lub bieżące schorzenia psychosomatyczne piszącego[4]. Szkoda, pomyślałem na początku, że Moskwina nie zamieściła fotografii tego dokumentu i, kończąc artykuł, wyraziłem przypuszczenie, że, być może, autorka miała nawet taki zamiar, lecz, najprawdopodobniej, nie uzyskała zgody na wykonanie kopii. Kończyłem wówczas akapit przypuszczeniem, że trop związany z kartą rejestracyjną Gilarewskiego na pewno warto niezwłocznie podjąć i to, co jeszcze możliwe w związku z nim, uczynić, aby utrwalić kolejny ślad w wyjaśnianiu autentyczności aktu anatomopatologicznego otwarcia zwłok Jesienina sporządzonego przez Aleksandra Gilarewskiego. I proszę: upłynęło zaledwie kilka tygodni od chwili, gdy napisałem te słowa, by szczęśliwym zbiegiem okoliczności i dzięki współpracy z reżyserem Władimirem Parszikowem oraz Swietłaną Łuczkiną, udało się dotrzeć do czterech fragmentów karty rejestracyjnej Gilarewskiego[5]. Oto one:



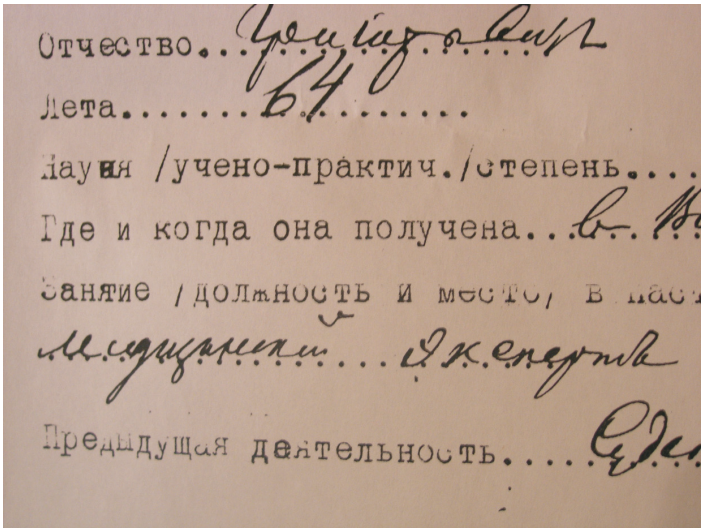
Fot. 1. Górny lewy fragment karty rejestracyjnej Aleksandra Gilarewskiego (lato 1920)
Autor nieznany. Ze źródeł Swietłany Łuczkiny.

---

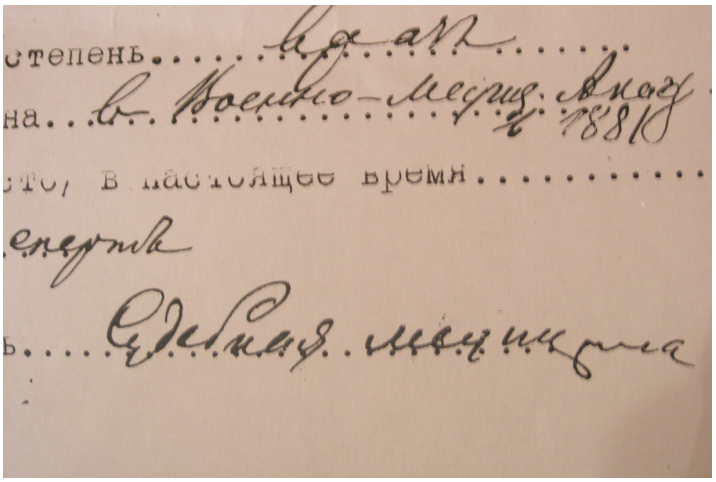
zwłok Sergiusza Jesienina.

[4] Od dawna na fakt wzajemnej zależności pisma od stanu psychosomatycznego człowieka zwracali uwagę najwybitniejsi grafologowie. Zob. np.: H. Kwieciński. *Wpływ stanu psychicznego i fizycznego na pismo.* [W:] H. Kwieciński. *Grafologia sądowa (zasady ekspertyzy dokumentów i analizy pisma)*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Biblioteka Polska, 1936, s. 97–102; H. Kwieciński. *Wpływ chorób psychicznych na pismo.* [W:] H. Kwieciński. *Grafologia sądowa…*, s. 103–182; R. Schermann. *Pismo a człowiek.* [W:] R. Schermann. *Pismo nie kłamie. Psychografologia z ilustracjami*. Kraków: Księgarnia Powszechna, 1939, s. 85–132; J.P. Zajączkowski. *Choroba, lęk i zagrożenie w charakterze pisma*. [W:] J.P. Zajączkowski. *Grafologia. Charakter pisma mówi wszystko o człowieku*. Warszawa: Rój, 1990, s. 12–13.

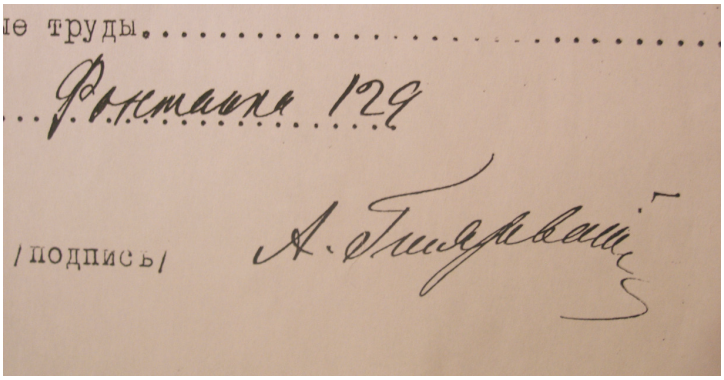
[5] Skany otrzymałem od Swietłany Łuczkiny — za co bardzo dziękuję.


Отчество...
Лета.....64.....
Наука /учено-практич./степень....
Где и когда она получена...
Занятие /должность и место/ в наст
...Я.к.спертъ
Предыдущая деятельность....

Fot. 2. Środkowy lewy fragment karty rejestracyjnej Aleksandra Gilarewskiego (lato 1920)
Autor nieznany. Ze źródeł Swietłany Łuczkiny.

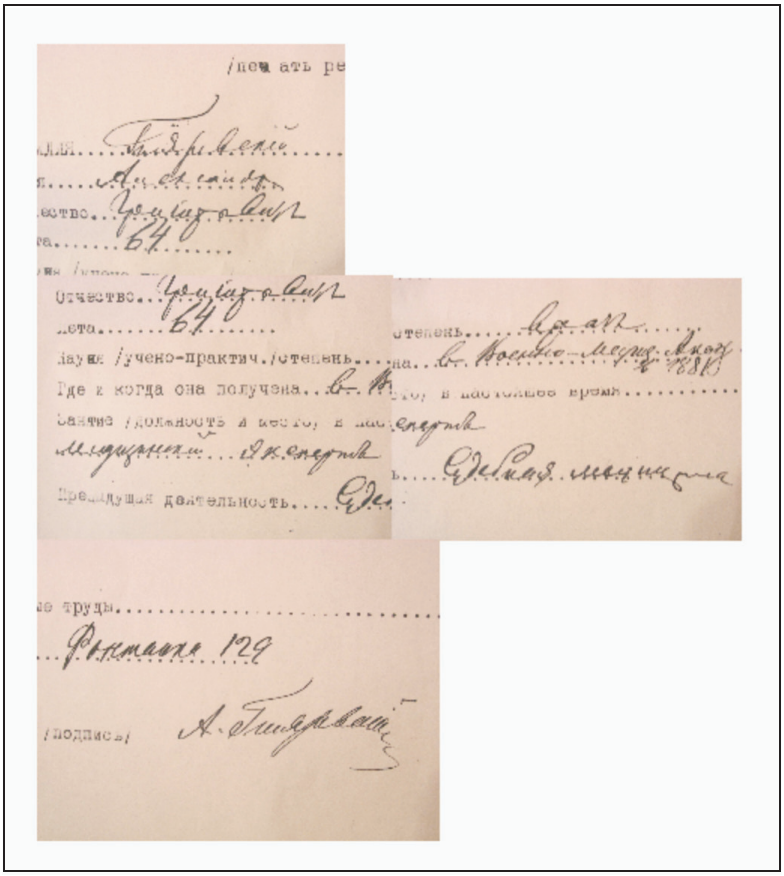

степень.....
на...в Военно-медиц. Акад. 1881
сто/ в настоящее время.....
спертъ
ь....

Fot. 3. Środkowy prawy fragment karty rejestracyjnej Aleksandra Gilarewskiego (lato 1920)
Autor nieznany. Ze źródeł Swietłany Łuczkiny.

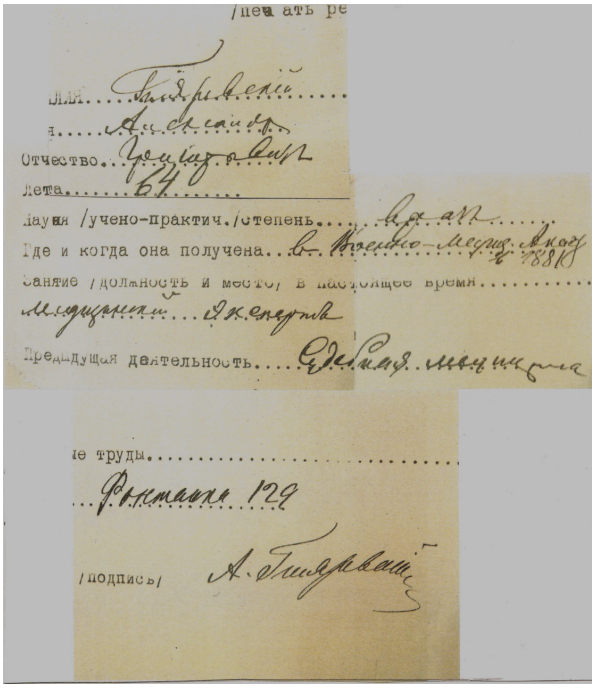


Fot. 4. Dolny prawy fragment karty rejestracyjnej Aleksandra Gilarewskiego (lato 1920)
Autor nieznany. Ze źródeł Swietłany Łuczkiny.

Dysponując tymi fragmentami, dokonałem następnie kolejnych rekonstrukcji całości karty i otrzymałem poniższy rezultat:



Fot. 5. Zestawienie czterech elementów karty rejestracyjnej Aleksandra Gilarewskiego: pierwszy etap rekonstrukcji
Opracowanie własne — G.O.


/печать ре

...Гиляревский

...Александр

Отчество...Григорьевич

Лета.....64.....

Научя /учено-практич./степень.....врач.....

Где и когда она получена...в Военно-медиц. Акад. в 1881

Занятие /должность и место/ в настоящее время.....

медицинский...Экспертъ

Предыдущая деятельность....Судебная медицина

...е труды.....

...Фонтанка 129

/подпись/ А. Гиляревский

Fot. 6. Zestawienie czterech elementów karty rejestracyjnej Aleksandra Gilarewskiego: drugi etap rekonstrukcji
Opracowanie własne — G.O.

/печать регистрации/

ФАМИЛИЯ .....

Имя .....

Отчество .....

Лета .....

Научя /учено-практич./ степень .....

Занятие /должность и место/ в настоящее время .....

.....

Предыдущая деятельность .....

Научные труды .....

Адрес .....

/подпись/

Fot. 7. Wzór czystej karty rejestracyjnej, którą musiał wypełnić Aleksander Gilarewski: trzeci etap rekonstrukcji
Opracowanie własne — G.O.

Karta rejestracyjna Aleksandra Gilarewskiego dostarcza wielu cennych informacji i pozwala na postawienie przysłowiowej kropki nad „i" nad kilkoma ważnymi kwestiami związanymi z autentycznością tzw. aktu Gilarewskiego. Zacznijmy od daty urodzin petersburskiego medyka.

Większość znanych mi źródeł wskazuje na rok 1855 jako moment narodzin Aleksandra Grigorjewicza Gilarewskiego, ale nie wszystkie tak czynią. Na przykład Eduard Chłystałow twierdzi, że Gilarewski urodził się w 1870 roku, byłby zatem o 15 lat młodszy w stosunku do roku 1855: to dość istotna różnica, która może wpływać na zdolności mentalne i operacyjne medyka sądowego[6]. Natomiast Jurij Molin i Wiktor Nazarow, autorzy artykułu poświęconego świetlanej pamięci Gilarewskiego twierdzą, że urodził się on w 1851 roku i wiedzę swoją opierają, jak podają, na określonych dokumentach, które mogą, ich zdaniem, budzić badawcze zaufanie, jak: *Российские медицинские списки,* informatory *Весь Санкт-Петербург, Весь Петроград, Весь Ленинград*, dane z periodycznych wydań przedrewolucyjnych[7]. I gdyby nie karta rejestracyjna, można byłoby dać wiarę temu, o czym donoszą Molin i Nazarow, tymczasem przywołany przez Moskwinę dokument przesądza w danej kwestii. Jeśli sam Gilarewski pisze w oficjalnym formularzu zgłoszeniowym, że ma 65 lat, to jestem skłonny najbardziej wierzyć właśnie jemu i przyjąć, że **przyszły obducent Jesienina urodził się w 1855 roku, ewentualnie 1856**, wszystko bowiem zależy, od tego, w którym miesiącu ktoś przyszedł na świat. W odniesieniu do roku 1920, tj. momentu wypełnienia karty rejestracyjnej, wiek 64 może sugerować, że Gilarewski urodził się po dacie, w której wypełniał formularz, może we wrześniu albo jeszcze później, tj. po okresie lata, na które wskazuje Moskwina. Owszem, są mocne argumenty, by przyjąć za Molinem i Nazarowem oraz Łuczkiną, że Gilarewski urodził się w 1851 roku, lecz są też poważne wątpliwości, które pozwalają lokować datę przyjścia na świat przyszłego obducenta, jak on sam i Moskwina, w roku 1855. Najmniej prawdopodobna jest wersja Chłystałowa, który wskazał na 1870 rok jako czas narodzin Gilarewskiego.

Nie tylko z rokiem urodzin Gilarewskiego są problemy, albowiem data jego śmierci także nie jest pewna, chociaż nie ma w tym przypadku tak istotnych rozbieżności: według jednych badaczy **zmarł on albo zginął lub też zaginął w 1931 roku**, według innych, jak na przykład Moskwiny — rok później, w 1932. Eduard Chłystałow napisał, że los Gilarewskiego po 1925 roku, czyli wkrótce po wykonaniu sekcji Jesienina, nie jest znany, podobnie jak losy jego żony Wiery Dmitrijewnej Gilarewskiej (z domu Gołowaczewej, 1871–1931?), która najprawdopodobniej była represjonowana razem z mężem w czasach stalinowskich i razem z nim zginęła lub zaginęła w nieznanych okolicznościach[8]. Z kolei Swietłana Łuczkina, gdy pisze, że w latach 1917–1927 Aleksander Gilarewski mieszkał w Leningradzie przy ulicy Fontanka 129/3, zaprzecza informacji Chłystałowa. Podaje ponadto, że aż do roku 1930 Gilarewski pracował jako medyk sądowy w Spasskim Rejonie Leningradu[9], następnie Spasskim Podrejonie, 2.

---

[6] Э. Хлысталов. *Как убили Сергея Есенина.* [Online] <http://lib.rus.ec/b/22874/read> (21.05.2013).

[7] Ю.А. Молин, В.Ю. Назаров. *Памяти Александра Григорьевича Гиляревского*. «Проблемы экспертизы в медицине" 2007, № 28–4, s. 44–48.

[8] Tamże.

[9] Dalej będzie mowa o cyrkule jako jednostce podziału administracyjnego Petersburga. Zapewne

Rejonie Miejskim, Rejonie Centralnym. Znana z dociekliwości badawczej i rzetelności Łuczkina zapewne dysponowała wystarczająco wiarygodnym materiałem, aby upublicznić swoje ustalenia[10]. Łuczkina swoją wyprawę do leningradzkiego mieszkania Gilarewskiego kończy informacją, że medyk ten był najstarszym ekspertem z zakresu medycyny sądowej, albowiem w 1925 roku miał 74 lata[11]. To z kolei świadczyłoby, że Gilarewski nie urodził się w roku 1855, lecz jednak w 1851, jak uważają Molin i Nazarow[12].

Zinaida Moskwina podaje, że w 1881 roku Aleksandr Gilarewski ukończył Wojskową Akademię Medyczną w Sankt Petersburgu. Fakt ten również przemawiałby na korzyść roku 1855 jako daty urodzin przyszłego obducenta martwego ciała poety, gdyż w 1881 roku Gilarewski miałby wówczas 26 lat, a więc byłby to okres jak najbardziej odpowiadający ukończeniu studiów medycznych. Tymczasem Molin i Nazarow korygują nie tylko datę urodzin Gilarewskiego podaną przez Moskwinę, lecz także nazwę ukończonej przez niego uczelni, pisząc, że był on absolwentem Imperatorskiej Akademii Medyczno-Chirurgicznej i otrzymał dyplom 19 grudnia 1879 roku, sama zaś szkoła wyższa zmieniła nazwę dwa lata później na Imperatorską Wojskową Akademię Medyczną. Co ciekawe, razem z Gilarewskim uczelnię tę w 1879 roku ukończyli tak znani przedstawiciele świata nauki, jak — w przyszłości — wybitny epidemiolog Siergiej M. Łukjanow (1855–1935), noblista w dziedzinie fizjologii Iwan Pawłow (1849–1936), pionier higieny Iwan I. Kijanicyn (1855–po 1911), profesor medycyny sądowej Dmitrij P. Kosorotow (1956–1925), sławny ginekolog i położnik Dmitrij O. Ott (1855–1929) i zwolennik fizycznych metod leczenia Władimir A. Sztange (1856–1918). Warto zwrócić uwagę, że zarówno Łukjanow, Kijanicyn i Ott urodzili się w 1855 roku i ukończyli studia medyczne w 1879, a więc w wieku 24 lat. Fakt ten ponownie stawia przed nami najbardziej prawdopodobną datę urodzin Gilarewskiego: może jednak 1855? Chociaż, gdy spojrzymy na rok urodzenia Pawłowa, to widzimy, że wybitny fizjolog rosyjski był w tej gromadce absolwentów najstarszy, ponieważ przyszedł na świat w 1849 i byłby wtedy o dwa lata starszy od Gilarewskiego, lecz akademię medyczną ukończyli w tym samym roku. Podobnie Sztange — urodzony w 1856, ale dyplom lekarza uzyskał w wieku 23 lat, co znaczy, że już w XIX wieku studia medyczne w Rosji nieobowiązkowo trwały tak samo długo dla każdego studenta.

Ponownie niezwykle pomocna w wyjaśnianiu ważnych kwestii okazała się karta rejestracyjna Gilarewskiego. Wynika z niej niezbicie, że ukończył on Akademię Wojskowo-Medyczną[13] w 1881 roku, a nie, jak twierdzą Molin i Nazarow — w 1879. Gilarewski mógł nawet świadomie opuścić przymiotnik „Imperatorska", by uniknąć skojarzeń z carską przeszłością, do której władza bolszewicka była nastawiona skrajnie negatywnie. Tak więc, po roku urodzin otrzymaliśmy kolejne dwa autorskie sprosto-

---

rejony (dzielnice) są pojęciem późniejszym i odnoszą się do okresu rządów bolszewickich, lecz mogą być co do istoty tożsame.

[10] С. Лучкина. *Питерские адреса Есенина. ГИЛЯРЕВСКИЙ А.Г.* [Online] <http://esenin-1925.livejournal.com/4879.html> (21.05.2013).

[11] Tamże.

[12] Ю.А. Молин, В.Ю. Назаров. *Памяти Александра Григорьевича…*, s. 45.

[13] Jest to więc wariant nazwy uczelni najbardziej zbliżony do tego, który podaje Moskwina: Wojskowa Akademia Medyczna.

wania dotyczące nazwy uczelni (chociaż w tym przypadku Gilarewski mógł nie do końca zadbać o pełną nazwę) i roku jej ukończenia. Wątpię, by Gilarewski świadomie podawał w karcie rejestracyjnej nieprawdę w najistotniejszych kwestiach, zbyt bowiem wiele by wtedy mógł ryzykować.

Po studiach, jak podaje Moskwina, Gilarewski pracował z początku jako lekarz nieetatowy, następnie jako lekarz w Szpitalu Aleksandrowskim, po czym został pomocnikiem lekarza prowadzącego praktykę prywatną i jednocześnie tzw. lekarzem sanitarnym, aby po tych etapach samemu otworzyć praktykę prywatną[14]. Molin i Nazarow są dokładniejsi, wskazują bowiem, że to latem 1881, a więc dopiero po 1,5 roku od uzyskania dyplomu medyka, Gilarewski zostaje nieetatowym lekarzem Stołecznego Zarządu Lekarskiego (Столиное врачебное управление, СВУ)[15]. To uściślenie co do instytucji nie jest nieistotne, jeśli wiemy, że pracownicy Stołecznego Zarządu Lekarskiego byli lekarzami policyjnymi. A zatem od 1881 roku datowałby się staż Gilarewskiego jako lekarza policyjnego i jego więzi — zakładam, że wyłącznie o charakterze medycznym — z organami spraw wewnętrznych. Ponadto Molin i Nazarow wskazują, że to od 1884 roku Gilarewski objął posadę medyka w Szpitalu Aleksandrowskim, noszącym wtedy imię *Na pamiątkę 19 lutego 1861 roku*[16], i od 1885 roku był pomocnikiem lekarza prowadzącego praktykę prywatną w Cyrkule Spasskim i jednocześnie — lekarzem sanitarnym. W latach 1890–1903 Gilarewski również wspomagał lekarza prywatnego, lecz tym razem w Cyrkule Wyborgskim Sankt Petersburga i tak samo — do 1899 — pozostawał lekarzem sanitarnym w tym rejonie stolicy. W okresie 1903–1904 Gilarewski sam już był lekarzem prywatnym w Cyrkule Wyborgskim, a przez następnych 12 lat, tj. od 1905 do 1917, — przyjmował prywatnie pacjentów w Cyrkule Spasskim. Tak więc do 1917 roku, czyli do czasu rewolucji październikowej, Gilarewski zajmował się wyłącznie leczeniem ludzi i nie prowadził żadnej pracy naukowej ani dydaktycznej. Co ważne, 23 grudnia 1904 roku Gilarewski otrzymał tytuł radcy stanu, a w grudniu 1911 został nagrodzony prestiżowym orderem Świętego Stanisława II klasy, takim samym, jaki posiadał również Antoni Czechow[17]. Musiały zatem Gilarewskiego cechować od-

---

[14] Lekarz sanitarny to współcześnie inaczej lekarz higienista. Do jego obowiązków należy obecnie — i zapewne należała w czasach Gilarewskiego — kontrola przestrzegania norm sanitarno-higienicznych związanych z produkcją żywności i jej przechowywaniem oraz warunkami pracy człowieka w konkretnym środowisku. Lekarz higienista powinien znać przede wszystkim podstawy higieny i ochrony zdrowia, anatomię i fizjologię człowieka, prawodawstwo sanitarne, wzajemne relacje między środowiskiem a człowiekiem i jego zdrowiem, zasady organizacji i przeprowadzania przedsięwzięć zdrowotnych. Od lekarza higienisty żąda się posiadania określonych cech charakteru, jak stałość emocjonalna, uważność, wysoka odpowiedzialność, spostrzegawczość, znaczna pojemność pamięci długotrwałej, umysł analityczny, rozwinięte myślenie praktyczne, pryncypialność. Zob. np. hasło: *санитарнвй врач*. [Online] <http://job.h11.ru/cgi-bin/dic.cgi> (23.05. 2013).

[15] Jeśli było tak, jak piszą Molin i Nazarow, to powstaje pytanie, co robił Gilarewski od momentu ukończenia studiów (XII 1879) do lata 1881? Gdyby jednak Gilarewski ukończył studia na przykład w czerwcu 1881, wówczas od lata mógłby rozpocząć uprawianie zawodu.

[16] 19 lutego 1861 roku car Aleksander II (1818–1881) zniósł prawo pańszczyźniane w Rosji. Z tej okazji wybito 4 sztuki złotego medalu pod nazwą „19 февраля 1861". Co ciekawe, otrzymał go tylko car Aleksander II.

[17] Order Św. Stanisława przyznawano w XIX wieku m.in. za zasługi w rusyfikacji Polaków. Przy-

powiednio szlachetne cechy charakteru lub musiał się odpowiednio w oczach władzy zasłużyć, aby otrzymać tak ważne królewsko-cesarskie odznaczenie.

Swietłana Łucznika wymieniła tylko jeden adres, pod którym Gilarewski przebywał przez 10 lat, tj. w okresie 1917–1927: Fontanka 129/3. Adresów jednak było więcej, ale każdy z nich wiązał się z miejscem pracy lekarza, albowiem w tamtych czasach lekarze policyjni mieli obowiązek mieszkania na terytorium, w którym pracowali jako medycy. Dzięki Molinowi i Nazarowowi wiemy, że w latach 80. XIX wieku Gilarewski mieszkał na prospekcie Wozniesienskim (Вознесенский проспект) 57 oraz na Fontance (Фонтанка) pod numerem 101. W latach 90. XIX wieku — na ulicy Simbirskiej (Симбирская улица) pod 12, Nadbrzeżu Wyborgskim (Выборгская набережная) pod 7 i na ulicy Tichwińskiej 2 (Тихвинская улица). Na początku wieku XX Gilarewski mieszkał przy ulicy „12 kompania Pułku Izmaiłowskiego" (12-я рота Измайловского полка) pod numerem 13 i na Fontance pod 133. Brak jest na chwilę obecną jakichkolwiek danych wskazujących na miejsce zamieszkania Gilarewskiego po 1927 roku. Podobnie brakuje danych o dacie zawarcia związku małżeńskiego z Wierą Dmitrijewną i o tym, czy Gilarewscy mieli w ogóle dzieci[18].

Po rewolucji październikowej zmienia się wiele w rzeczywistości samej Rosji, następują także zmiany w życiu Gilarewskiego. Nowa władza szuka lojalnych lekarzy, którzy specjalizowaliby się w medycynie sądowej. Narodowy Komisariat Zdrowia rozpoczyna organizowanie kursów służących zdobywaniu pożądanych przez władze kwalifikacji. W 1920 roku z Piotrogrodu dotarło do ówczesnego ministerstwa zdrowia w Moskwie osiemnaście kart rejestracyjnych medyków sądowych, wśród których była też karta najstarszego z lekarzy — 64-letniego Aleksandra Gilarewskiego; najmłodszy lekarz, niejaki W.Sz. Eisenberg, liczył wówczas 30 lat. Jak zauważa Moskwina, tylko Gilarewski nie postępuje z należytą starannością: opuszcza datę wypełnienia karty, nie podaje numeru mieszkania, nie stawia pieczęci lekarza prywatnego. Fakty te dziwią, albowiem władza bolszewicka przywiązywała przecież dużą wagę do formalności, zwłaszcza gdy dokumenty były wysyłane do stolicy. Musiały zatem być istotne przyczyny, dla których kartę Gilarewskiego przyjęto w Piotrogrodzie i dalej — niekompletną — przekazano do Moskwy, inaczej wątpię, by urzędnicy świadomie narażali się na szykany. Być może ważniejsze od braków w karcie rejestracyjnej było zgłoszenie jako takie, z którego by wynikało, że władza bolszewicka pozyskała lekarza czasów carskich o określonej renomie, lojalnego i skłonnego do współpracy. Na fakt trudności z pozyskiwaniem personelu medycznego po roku 1917 wskazuje także Moskwina, pisząc między innymi, że bolszewicy zadbali o bardzo wysokie wynagrodzenie dla lekarzy, doceniając ich wysiłek włożony w zwalczanie cyklicznych epidemii tyfusu, cholery czy hiszpanki: w 1925 roku medyk sądowy otrzymywał 300 rubli miesięcznie, a więc prawie 10-krtotnie więcej niż inni, albowiem średnia płaca w Leningradzie wynosiła

---

znanie tego orderu w I klasie równało się nadaniu dziedzicznego szlachectwa. Kawalerem carskiego orderu św. Stanisława I klasy był na przykład Ilja Uljanow (1831–1886), ojciec Władimira Uljanowa znanego powszechnie jako Lenin (1870–1924).

[18] Jeśli przyjmiemy, że Gilarewski urodził się w 1851 roku, a wiadomo, że Wiera Gołowaczewa przyszła na świat w 1871 roku, okazuje się, że pomiędzy małżonkami była spora różnica wieku wynosząca 20 lat (jeśli Gilarewski urodził się w 1855, to różnica wynosiła wówczas 16 lat).

wówczas 35 rubli. Medycy sądowi mieli także zapewnione bezpłatne przejazdy tramwajem, a bilety wówczas nie należały do tanich[19].

Z karty rejestracyjnej Gilarewskiego płynie jeszcze jedna informacja opuszczona przez Moskwinę i prostująca jej tok rozumowania. Autorka zasugerowała bowiem, że dopiero w 1920 roku Gilarewski przekwalifikowuje się na medyka sądowego, co nie odpowiada rzeczywistości. Gilarewski w karcie rejestracyjnej w rubryce „Zajęcie (funkcja i miejsce) obecnie" pisze: „ekspert medyczny", a wiersz niżej, uzupełniając rubrykę „Poprzednia działalność", wpisuje: „medycyna sądowa". Stąd prosty wniosek, że Gilarewski uprawiał zawód medyka sądowego przed 1920 rokiem. Jak długo? Na razie brak danych, ale fakt ten potwierdza, że Gilarewski dysponował wystarczającym doświadczeniem nabytym na przykład w ciągu 5–6 lat, aby profesjonalnie przeprowadzić oględziny zewnętrzne i sekcję zwłok Sergiusza Jesienina.

Myślałem dotąd i pisałem o Gilarewskim jako o profesorze medycyny, tak bowiem tradycyjnie określa się go w źródłach rosyjskich. Tymczasem Moskwina zauważa, że był on wyłącznie zwykłym lekarzem, który przez prawie czterdzieści lat leczył ludzi (tj. w okresie 1881–1920) i dopiero po rewolucji październikowej, gdy liczył sobie 62 lata, rozpoczął specjalizację w medycynie sądowej. To bardzo ważne spostrzeżenie, które prowadzi nas wprost ku pytaniom o rzeczywiste kwalifikacje Gilarewskiego jako eksperta i biegłego medyka sądowego. Jeśli przyjmiemy, że Gilarewski zaczął się przekwalifikowywać już od 1917 roku, wówczas trzeba przyjąć, że do 29 grudnia 1925 roku miał ośmioletnie doświadczenie. Brak jest danych, które informowałyby, ile sekcji zwłok przeprowadził on w latach 1917–1921. Moskwina dotarła do źródła, z którego wynika, że w 1921 roku w Piotrogrodzie i guberni zanotowano 13 uduszeń oraz 15 przypadków powieszenia jako śmierci nagłych. Ponieważ medyków sądowych było w tym okresie w Piotrogrodzie 18, a przypadków powieszenia 15, wynika stąd, że co najmniej trzech lekarzy nie miało okazji, by przeprowadzić sekcji zwłok wisielca, przy założeniu, że każdy medyk musiał mieć tego typu doświadczenie obducenta. Mogło zresztą być też tak, że nie istniał powyższy wymóg, a więc w skrajnym przypadku Gilarewski mógłby przeprowadzić wszystkie sekcje wisielców w 1921 roku. Nie znamy także danych z okresu 1922–1925, z których by wynikało, w ilu sekcjach zwłok uczestniczył Gilarewski czynnie — jako operator, a w ilu jako na przykład nauczyciel przyuczający do zawodu młodszych kolegów. Tak czy inaczej, musiały zaistnieć określone i ważne okoliczności skoro 29 grudnia 1925 roku przeprowadzenie sekcji zwłok Jesienina powierzono właśnie Gilarewskiemu.

Wtedy, 29 grudnia 1925 roku, mógł to być zwykły przypadek podyktowany szczególnym czasem związanym z przygotowaniami do Nowego Roku, a więc i odczuwalną absencją wśród młodszego personelu medycznego. Gilarewski jako siedemdziesięciolatek raczej na huczną imprezę się nie wybierał, a więc był najprawdopodobniej na dyżurze i dlatego to jemu właśnie przypadło przeprowadzenie oględzin zwłok Jesienina oraz ich sekcjonowanie. Mogło być i inaczej, tak mianowicie, że władza bolszewicka wytypowała Gilarewskiego do tych czynności, licząc na jego lojalność albo go po prostu zastraszając. Jedno jest pewne: z wypowiedzi Moskwiny wynika, że Gilarewski nigdy nie był profesorem, nie zajmował się nauką, nie wykładał na uniwersytecie,

[19] З. Москвина. *О Гиляревском.* [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда…*, s. 615.

nie pisał artykułów naukowych, nie miał uczniów sławiących imię mistrza. Fakt ten potwierdza w 1920 roku sam Gilarewski, który rubrykę „Prace naukowe" pozostawia w karcie rejestracyjnej pustą. I pewne jest także to, że jedynie akt anatomopatologicznego otwarcia zwłok poety stanowi jaskrawy wyłom w kolekcji aktów sekcyjnych sporządzonych przez Gilarewskiego. Najlepszym tego przykładem jest wielokrotnie przywoływany w takich momentach akt sekcyjny niejakiego Wittenberga, który popełnił samobójstwo przez powieszenie. Moskwina nie bez sarkazmu pointuje swój tekst: „Ironia losu: gdyby pracował człowiek jak należy, wszyscy by o nim zapomnieli, a wybrał oszustwo i trafił do historii"[20]. Nie sposób jednak się zgodzić z tą opinią badaczki. To prawda, Gilarewski przeszedł do historii wraz z Jesieninem i aktem o sekcji poety. Ten akt nie mógł być po prostu inny, tj. nie mógł odzwierciedlać prawdy obiektywnej, albowiem jego sporządzenie i podpisanie przez medyka sądowego oznaczałoby wyrok śmierci wydany na siebie i swoją rodzinę. Zresztą wyrok ten i tak został podpisany, a jedynie data jego wykonania wydłużyła się nieco w czasie, o 6–7 lat, i skutki wyroku dotknęły również żony Gilarewskiego: Stalin nie tolerował świadków swoich zbrodni i nie pozwalał im zbyt długo żyć[21]. Dlatego powtarzam tutaj wyrażoną w monografii o *Zabójstwie Sergiusza Jesienina* tezę o zakodowanej postaci rzekomo nieudolnego aktu anatomopatologicznego otwarcia zwłok poety, który w ocenie Moskwiny jest zaledwie „kiepskim konspektem"[22].

Dla mnie dokument sporządzony przez Gilarewskiego pozostaje dowodem na odwagę obducenta, świadomą grę z przedstawicielami OGPU i samym Stalinem oraz przykładem wykoncypowanego komunikatu medycznego czytelnego wyłącznie dla znawców. Znawcy zaś, jak wybitny patomorfolog profesor Fiodor Morochow (1919–2005), poznali się na przesłaniu Gilarewskiego, chociaż przez długi czas musieli milczeć[23]. W całej tej historii związanej z aktem Gilarewskiego jest jeszcze jeden fakt, o którym nie wolno milczeć. Myślę o sytuacji, w której nigdy nie doszłoby do zweryfikowania zapisów obducenta ze znanymi trzema fotografiami poety ze stołu sekcyjnego w prosektorium Szpitala Obuchowskiego w Leningradzie. Fotografie te bowiem jawnie przeczą oględzinom zewnętrznym, których wyniki umieścił Gilarewski w akcie o śmierci Jesienina. Bez tych fotografii mielibyśmy tylko relację obducenta, fotografie zaś wzmacniają tezę o nieprzystawalności aktu do rzeczywistości: liczne istotne przemilczenia, niedopowiedzenia i niejednoznaczności medyka korespondują pozytywnie z moim przekonaniem, że Gilarewski liczył się z zachowaniem w archiwach OGPU aktu anatomopatologicznego otwarcia zwłok poety i dlatego konstruował go w określony sposób. Jak podkreślają Molin i Nazarow, na początku lat 70. XX wieku

---

[20] Tamże, s. 616.

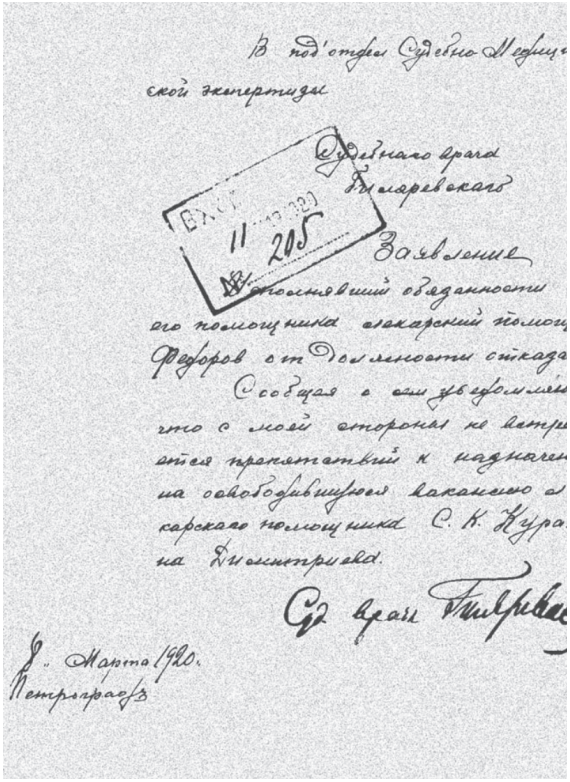
[21] To zastanawiające, że zarówno Aleksander Gilarewski, jak i jego żona umierają, najprawdopodobniej na zesłaniu, w tym samym, 1931 roku. Umierają lub zostają skazani na zapomnienie, co w tamtym czasie także oznaczało śmierć. Zob. np. zapis 264531 na <http://ru.rodovid.org/wk> (22.05.2013).

[22] З. Москвина. *О Гиляревском.* [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда…*, s. 616.

[23] Ф. Морохов. *Память учит и обязывает. Правда и ложь об убийстве Есенина*, Ярославль: спецвыпуск газеты «Голос профсоюзов», 1995; *Ложь и правда о гибели Есенина*, «Русь" 1994, № 11, s. 106–114; *Убийство поэта: О трагической судьбе С. А. Есенина.* «Молодая гвардия" 1994, № 7, s. 180–198.

patriarcha rosyjskiej medycyny sądowej, profesor Wiktor I. Mołczanow (1913–2003), na spotkaniu z początkującymi ekspertami z zakresu medycyny sądowej wystawił Gilarewskiemu jako człowiekowi piękne świadectwo i wyraził się o jego umiejętnościach medycznych w samych superlatywach, w tym — o jakości aktu anatomopatologicznego otwarcia zwłok Jesienina. To dodatkowy argument w sporze o solidność z historycznym podtekstem czy rażące niechlujstwo i fałszowanie obiektywnej prawdy w prawie stuletniej dyskusji na temat okoliczności i przyczyny nagłej śmierci jednego z najwybitniejszych twórców Rosji.

W poszukiwaniu odpowiedzi na zagadki historii przyjrzyjmy się trzem dokumentom związanym z Gilarewskim i sprawą Jesienina. Zwróćmy uwagę na charakter pisma utrwalony w oświadczeniu Gilarewskiego, skierowanym przez niego do Pododdziału Medycyny Sądowej w Piotrogrodzie 8 marca 1920 roku. W oświadczeniu tym informuje on, że nie widzi przeszkód, by wymieniony przez niego lekarz zajął wakujące stanowisko pomocnika lekarskiego. Mnie najbardziej w tym dokumencie interesuje podpis Gilarewskiego, poprzedzony tradycyjnie informacją o uprawianej profesji: „суд. врачь" — lekarz sądowy. Zaznaczam, że nie dokonuję tutaj ekspertyzy grafologicznej, albowiem nie dysponuję oryginałami tekstów, lecz opieram jedynie swoje spostrzeżenia na tym, co widzę.


В под'отдел Судебно-Медицинской экспертизы

Судебнаго врача Гиляревскаго

Заявление

Исполнявший обязанности его помощника лекарский помощ Федоров от должности отказа

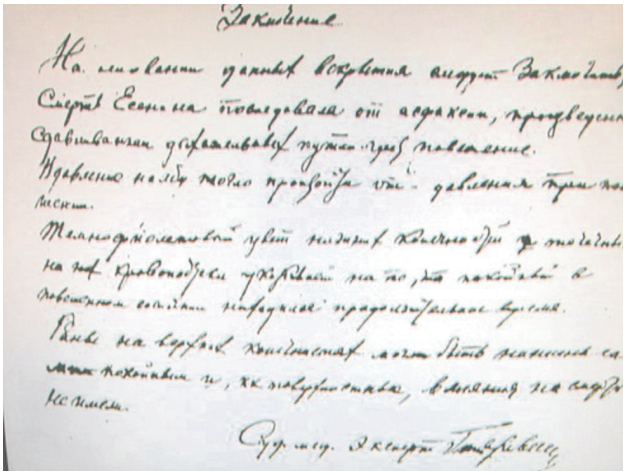
Сообщая о сем уведомляю что с моей стороны не встре ется препятствий к назначен на освободившуюся вакансию л карскаго помощника С. К. Кура на Димитриева.

Суд врач Гиляревск

8. Марта 1920.
Петроградъ

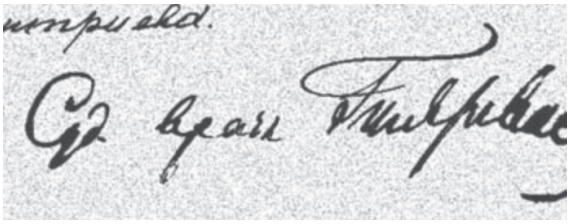
Fot. 8. Oświadczenie napisane przez Aleksandra Gilarewskiego 8 marca 1920 roku w Piotrogrodzie w sprawie obsadzenia wakatu pomocnika lekarza. Autor nieznany.

Źródło: Ю. Молин, В.Ю. Назаров, *Александр Григорьевич Гиляревский. Прощальный поклон.* «История Петербурга" 2007, nr 6, s. 20.

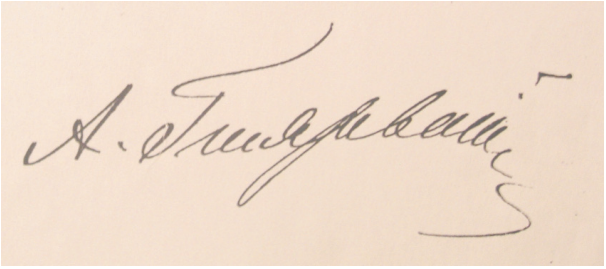


Fot. 9. Orzeczenie obducenta Aleksandra Gilarewskiego z 29 grudnia 1925 roku o przyczynie śmierci Sergiusza Jesienina — fragment tzw. aktu Gilarewskiego. Autor nieznany.
Źródło: http://esenin.ru (23.05.2013)

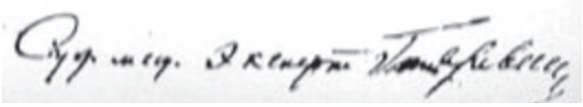
a)



b)



c)



Fot. 10. Zestawienie podpisów Aleksandra Gilarewskiego: a) oświadczenie z 8 marca 1920 roku, b) karta rejestracyjna z lata 1920 roku, c) akt z 29 grudnia 1925 roku
Opracowanie własne — G.O.

W oświadczeniu z 8 marca 1920 roku Gilarewski używa w podpisie tylko nazwiska. Rosyjskie duże „Г”, inicjujące podpis, zostało zaopatrzone w charakterystyczny zawijas

nad górną częścią litery oraz pętlę w dolnej części litery. Charakterystyczne w podpisie Gilarewskiego są jeszcze cztery elementy:

1) litera „я" jest wyraźna i wyższa od trzeciej litery, tj. od litery „и"[24];
2) litera „р" układa się równolegle w stosunku do litery „Г", przy czym nie jest to w tym przypadku „р" pętlicowe, lecz raczej „р" pałkowe;
3) litera „в" jest pętlicowa;
4) podpis kończą zapewne zawijasy składające się z układu, który trudno w tym przypadku ustalić, albowiem ta część podpisu nie jest widoczna w oświadczeniu.

Wszystkie te elementy odnajdziemy w następnym dokumencie — karcie rejestracyjnej z lata 1920 roku. Oczywiście, żaden podpis nigdy idealnie nie jest taki sam, lecz zachowuje on cechy najważniejsze. W podpisie Gilarewskiego w karcie rejestracyjnej da się zauważyć, co następuje:

1) rosyjskie duże „Г", inicjujące podpis, zostało zaopatrzona w charakterystyczny zawijas nad górną częścią litery oraz pętlę w dolnej części litery, przy czym daszek nad literą „Г" w podpisie jest mniej fantazyjny od tego z 8 marca 1920 roku; warto jednak zwrócić uwagę, że litera ta zachowuje swój fantazyjny daszek w rubryce „nazwisko" i niemal idealnie powtarza kształt utrwalony w marcowym oświadczeniu; to ważne spostrzeżenie, gdy wypowiadamy się na temat autentyczności podpisów, wskazując na różnice pomiędzy nimi i na tej podstawie wnioskując o nieautentyczności jednego z nich;
2) litera „я" jest wyraźna i wyższa od trzeciej litery w jego podpisie, tj. od litery „и";
3) litera „р" układa się równolegle w stosunku do litery „Г", przy czym jest to w tym przypadku „р" pętlicowe, a nie „р" pałkowe;
4) litera „в" jest pętlicowa;
5) podpis kończą zawijasy składające się z układu przypominające połączenie litery „с" (element górny) z literą „s" (element dolny).

Pięć lat później, 29 grudnia 1925 roku, w akcie oględzin i otwarcia zwłok Sergiusza Jesienina odnajdziemy ponownie charakterystyczne elementy podpisu Gilarewskiego:

1) rosyjskie duże „Г", inicjujące podpis, zostało pozbawione charakterystycznego zawijasa nad górną częścią litery, który przekształcił się w linię prostą; nie ma też fantazyjnej pętli w dolnej części litery, a zamiast niej widnieje ostry hak;
2) litera „я" jest wyraźna i wyższa od trzeciej litery w jego podpisie, tj. od litery „и", która teraz zlała się z literą „л";
3) litera „р" układa się równolegle w stosunku do litery „Г", przy czym jest to w tym przypadku „р" pałkowe, a nie „р" pętlicowe;
4) litera „в" jest pętlicowa;
5) podpis kończą zawijasy składające się z układu przypominające połączenie dwóch liter „с" (element górny i środkowy) z elementem dolnym przypominającym trójkąt równoramienny.

---

[24] Zdaniem niektórych grafologów litera „я" zawiera w sobie szczególną informację o człowieku, albowiem odzwierciedla jego osobowość, jest jego drugim „ja". Więcej: В.И. Кравченко. *Графология: характер по почерку. Учебно-методическое пособие*, Санкт-Петербург: Издательство ГУАП, 2006, s. 67–69.

Biorąc pod uwagę zwłaszcza szczególną sytuację, w jakiej znalazł się obducent, dokonujący oględzin martwego ciała Jesienina i przeprowadzający sekcję jego zwłok, wiele, jeśli nie wszystko, da się wytłumaczyć w odniesieniu do pewnych zmian w podpisie Gilarewskiego. Presja chwili, obecność osób trzecich, pragnienie zakodowania określonych informacji — wszystko to mogło skutkować uproszczeniami graficznymi i nerwowością pisma. Łagodność znaków, ich fantazyjne wykańczanie giną tutaj pod ciężarem historii: Gilarewski prawie zlewa (lub kilkakrotnie poprawia) początkowe litery „и" i „л", zawijasy końcowe nie przypominają już łagodnej kombinacji litery „c" i „s". Wyczuwa się w nich dramat człowieka włączonego w wir historii.

Dzięki dotarciu do nowych dokumentów i nowych ustaleń innych badaczy ja także mogę zaktualizować swoją wypowiedź zawartą w monografii o *Zabójstwie Sergiusza Jesienina*: Gilarewski nie był profesorem medycyny, nigdy nie miał tego tytułu naukowego, nie parał się badaniami i dydaktyką na uniwersytecie czy akademii, co wcale nie znaczy, że nie posiadał umiejętności medycznych na poziomie profesorskim i przymiotów umysłu, jakie charakteryzowały prawdziwych profesorów epoki carskiej, dla których honor był nie mniej ważny niż własne życie i ocena historii.

Bibliografia

Kwieciński H. *Wpływ chorób psychicznych na pismo.* [W:] H. Kwieciński. *Grafologia sądowa (zasady ekspertyzy dokumentów i analizy pisma)*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Bibljoteka Polska, 1936, s. 103–182.

Kwieciński H. *Wpływ stanu psychicznego i fizycznego na pismo.* [W:] H. Kwieciński. *Grafologia sądowa (zasady ekspertyzy dokumentów i analizy pisma)*. Warszawa: Instytut Wydawniczy Biblioteka Polska, 1936, s. 97–102.

Ojcewicz G., Włodarczyk R., Zajdel D. *Zabójstwo Sergiusza Jesienina. Studium kryminalistyczno-historycznoliterackie.* Szczytno: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Policji, 2009.

Schermann R. *Pismo a człowiek*. [W:] R. Schermann. *Pismo nie kłamie. Psychografologia z ilustracjami*. Kraków: Księgarnia Powszechna, 1939, s. 85–132.

Zajączkowski J.P. *Choroba, lęk i zagrożenie w charakterze pisma*. [W:] J.P. Zajączkowski. *Grafologia. Charakter pisma mówi wszystko o człowieku*. Warszawa: Rój, 1990, s. 12–13.

Кравченко В.И. *Графология: характер по почерку. Учебно-методическое пособие*, Санкт-Петербург: Издательство ГУАП, 2006.

Лучкина С. *Питерские адреса Есенина. ГИЛЯРЕВСКИЙ А.Г.*, «LiveJournal". [Online] <http://esenin-1925.livejournal.com/4879.html> (21.05.2013).

Молин Ю.А., Назаров В.Ю. *Памяти Александра Григорьевича Гиляревского*. «Проблемы экспертизы в медицине" 2007, № 28–4, s. 44–48.

Морохов Ф. *Ложь и правда о гибели Есенина*, «Русь" 1994, № 11, s. 106–114.

Морохов Ф. *Убийство поэта: О трагической судьбе С. А. Есенина.* «Молодая гвардия" 1994, № 7, s. 180–198.

Морохов Ф. *Память учит и обязывает. Правда и ложь об убийстве Есенина*. Ярославль: спецвыпуск газеты «Голос профсоюзов", 1995.

Москвина З. *О Гиляревском.* [W:] *Сергей Есенин. Не умру я, мой друг, никогда. Воспоминания, статьи, речи, интервью, документы об обстоятельствах гибели С.А. Есенина*. Сост. С.

Есенина, А. Прокопенко, В. Паршиков, С. Лучкина, З. Москвина, С. Колосова, А. Есенина, Москва: Ай Пи Эр Медиа, 2011, s. 614–616.

Хлысталов Э. *Как убили Сергея Есенина*. «Чудеса и приключения" 1991, № 1. [Online] <http://lib.rus.ec/b/22874/read> (21.05.2013).

KULTUROZNAWSTWO
КУЛЬТУРОВЕДЕНИЕ
CULTURAL STUDIES

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 411–420

АСТРОНОМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ГРОДНЕНСКИХ ГОВОРАХ КАК ФРАГМЕНТ БЕЛОРУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКОЙ

СВЕТЛАНА А. ГОРСКАЯ

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Факультет филологический, Кафедра русского языка
ул. Э. Ожешко, 22, 230000 г. Гродно, Беларусь
e-mail: gorskaya_s_a@mail.ru
(получено 21.08.2014; принято 1.12.2014)

Abstract

The astronomical vocabulary in Grodno Region Accents as part of Belarusian linguistic world image in comparison with the Russian one

The article is dedicated to the description of a considerable part of linguistic world image in the Grodno Region accents in comparison with the corresponding Russian linguistic world image. The semantic features essential for the nomination within each of the topical groups of the given semantic space of the language have been revealed, their hierarchy has been established, the causes of word-building activity within different astronyms (space-object name) groups and names of natural phenomena have been analyzed.

Key words

Linguistic world image, nomination, semantics, motivation, functional, regional accents, regional vocabulary.

Резюме

Статья посвящена системному описанию значимого фрагмента языковой картины мира в говорах Гродненской области в сопоставлении с соответствующим фрагментом русской языковой картины мира. Выявляются актуальные для номинации в пределах каждой тематической подгруппы этого участка семантического пространства языка семантические признаки, устанавливается их иерархия, анализируются причины словообразовательной активности в той или иной подгруппе астронимов и номинаций природных явлений.

Ключевые слова

Картина мира, номинация, семантика, мотивация, функциональный, говоры, диалектная лексика.

В последние десятилетия в лингвистике наблюдается активизация внимания к проблемам языковой картины мира и национального своеобразия языкового отражения действительности. В исследованиях этого направления особая роль отводится описанию народных говоров как одного из феноменов национальной культуры. Диалектная лексика отражает различные стороны народной жизни, хранит богатую информацию о системе народных ценностей и традиций. Для изучения лексического фонда языка особенно важным оказывается исследование отдельных тематических и семантических групп в сравнительно-историческом и сравнительно-типологическом аспектах. С этой точки зрения заслуживающей внимания нам представляется микросистема «Небо, небесные тела и природные явления» как отражающая важнейшую сферу бытия, воздействующую на мышление и творческое воображение человека. Этот фрагмент русской языковой картины мира описан в монографии Т.И. Вендиной[1]. В качестве задачи нашего исследования мы определили описание фрагмента картины мира избранного участка языкового пространства на материале говоров Гродненской области в сопоставлении с русским языковым материалом. Говоры Гродненской области представляют интерес для славяноведения как пограничные, вобравшие в себя восточно- и западнославянские языковые черты. Поскольку указанный фрагмент русской языковой картины мира достаточно подробно описан, в нашем исследовании он служит «отправной точкой» для сопоставления, однако из *Словаря русских народных говоров* (СРНГ) нами было выбрано 290 лексем тематической группы «Небо, небесные тела, атмосферные и климатические явления», и в целях объективности они привлекались для анализа. В имеющихся белорусских диалектных лексикографических источниках[2] отмечено 279 лексем данной тематической группы.

---

[1] Т.И. Вендина. *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм)*. Москва: Индрик, 1998.

[2] *Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т.* Пад рэд. М.В. Бірылы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск: Фонд фундаментальных даследванняў Рэспублікі Беларусь — Камітэт геадэзіі пры

Т.И. Вендина указывает, что семантическая сфера, связанная с обозначением неба и небесных тел, практически закрыта для словообразования[3]. Исключение составляет довольно обширный синонимический ряд наименований луны, однако первостепенное значение приобретает не сам факт её наличия, а отдельные фазы, поэтому в разных русских говорах существуют номинации: *молодок*, *нарожденец*, *новолунь* ‘молодой месяц’; *полник*, *полнота* ‘полнолуние’, внутренняя форма этих лексем прозрачна. Интересно, что в некоторых русских говорах номемы подгруппы, называющей звёзды и планеты, соотносимы с лексемами других подгрупп. Так, например, *звезда* в Тобольских говорах именуется *зарница. Планета Венера* и иногда другие звезды представлены лексемами *зарничка*, *зорька*, *зоречка*, *зоринка*, *зорка*, *зоря* (Горно-Алтайские, Пензенские, Новгородские, Томские, Смоленские говоры). Можно предположить, что *звезда* и *зарница* в русских говорах совпадают по значению, т.к. обозначают светящее, яркое явление. Группа звезд, объединенная общим названием, представлена лексемами *Звездожар*, *Стожары*, *Волосожары* ‘созвездие Большой Медведицы’. В.И. Даль упоминает о народном названии Петров Крест[4]. В Рязанских и Новгородских говорах так называют Орион, в Пензенских — созвездия Лебедь и Голова Дракона, в Псковских, Калужских, Саратовских — ‘созвездие вообще’ или ‘какое-то созвездие’. Для носителей русских говоров важно время появления звезд (*полуночница* ‘звезда, восходящая в полночь’, Уральские говоры), а также их количество (*звездач* ‘множество звёзд на небе’, Томские говоры).

Как и в русских говорах, в Гродненских говорах семантическая подгруппа обозначений собственно небесных объектов — астронимов — самая малочисленная. Сюда относится в первую очередь название месяца — *туляч*. Актуальны для носителей говоров также его фазы, с которыми, очевидно, связаны многочисленные приметы, в первую очередь посевной календарь: *сход* ‘последняя четверть месяца’, *настаццё* ‘появление молодого месяца’. Из многочисленных созвездий «заслужила» собственное наименование только *Большая Медведица*. Ее в Гродненской области называют *Світальна*, *Стажар’е*. В последнем случае в основу наименования положен акциональный признак. Суффикс собирательности *-j-* свидетельствует о том, что объект номинации мыслится носителями языка как единый (ср. рус. диал. *Стожары*)[5].

Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, 1993; Т.Ф. Стешкович. *Слоўнік Гродзенскай вобласці*. Мінск: Навука і тэхніка, 1983; П.У. Сцяцко. *Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 2005; *Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны*. Пад рэд. М.А. Даніловіча, П. У. Сцяцко. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 1999; А.П. Цыхун. *Скарбы народнай мовы: з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёна*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 2014.

[3] Т.И. Вендина. *Русская языковая картина мира...*, с. 35.

[4] В.И. Даль. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Русский язык, 1978, с. 489.

[5] Как свидетельствует *Этымалагічны слоўнік беларускай мовы*, *Стажар’е* может быть наименованием также созвездия Плеяды. Для обоих созвездий в белорусских говорах существует также более распространённое наименование *Валасажар*. Ср. русское диалектное *Волосожары*, украинское *Волосожар*, церковно-славянское *власожельць, власожалиця*, которое

Еще одна лексема этой подгруппы в Гродненских говорах является скорее обобщенным, нежели индивидуальным наименованием — *верхачка* ‘самая яркая звезда’. Основа номинации — не пространственная характеристика, а место в иерархии, т.е. при номинации актуализирован также акциональный признак.

В русских говорах особо отмечен факт появления небесного светила — *зарянка* (Костромские, Сибирские, Забайкальские говоры) *заряница* (Смоленские, Московские, Калужские говоры), *зарница* (Донские говоры). Эти лексемы могут также обозначать противоположное явление — момент исчезновения небесного светила, что свидетельствует о тесной связи явлений в сознании носителей языка.

Подгруппа «момент появления или исчезновения небесного светила» и связанное с этим членение суток представлена в Гродненских говорах весьма многочисленными примерами: (1) *додніца*, *надранкам*, *пазор* ‘перед рассветом’, *світальны* ‘предрассветный’, *золкам*, *надоднiцы*, *наподсвет*, *удосвітку* ‘на рассвете’, *нараніцу*, *на ранкі* ‘рано, на рассвете’, *поранак*, *прысветак* ‘рассвет’, *упарану* ‘утром’, *развіньваць*, *ясніцца* ‘светать’, *узвідніцца* ‘развиднеться’;

(2) *пацёмку* ‘в сумерках’, *па цямне* ‘поздно вечером’, *упрыцемку* ‘в сумерках, поздно вечером’, *суцінкі* ‘когда смеркается’, *сцмець*, *умеркнуть* ‘стемнеть’, *уначэ* ‘ночью’, *цемначы*, *цемнячком* ‘впотьмах’, *цямком* ‘после заката солнца, когда темно’, *шароўка* ‘потемки’, *шарутка* ‘шэра, цёмна, пацёмкі’, *начэй* ‘в ночь, ночью’, *нашара*, *нашарэнцы* ‘в сумерках, под вечер’.

Как видим, наибольшую значимость имеют не временные отрезки день/ночь, а время появления светила — рассвет и непосредственно предшествующий ему отрезок времени, а также диаметрально противоположное явление — исчезновение светила. Обе группы представлены практически одинаковым количеством примеров, и в обоих случаях последовательно прослеживается положенный в основу номинации признак визуального восприятия (*-свет-*, *-від-*,*-зор-*, *-ясн-* / *-цень-*, *-цем*, *-мерк-*, *-шэр-* ‘серый’). В первой подгруппе, кроме того, актуализирован оценочный признак — *над-ран-кам*, *на-ран-іцу*, *на ранкі*, *по-ран-ак*, *упа-ран-у* (последнее слово в этом ряду обозначает не ‘рассвет’, а просто ‘утро’, появление в слове двух близких по значению приставок может быть объяснено результатом контаминации — довольно распространенным в говорах явлением). Заслуживает отдельного внимания тот факт, что середина дня и ночи обозначены, как и в литературном языке, особо: *серадня*, *цярэдня* ‘в полдень’ и *цярэдначы*, *сярэдначы* ‘в полночь’. Тесная связь их в сознании носителей языка подчёркнута общим словообразовательным средством и способом образования. Однако наименования *полдня* составляют в говорах Гродненщины синонимический ряд *палуднавек* ‘полдень’, *сераднёўка* ‘середина дня’, *серадня* (и его фонетический вариант *цярэдня*) ‘полдень’, *упалудзянь* ‘в полдень’, *сярэдня-бяледня* ‘в полдень’ (*бяледня — бял (бел) + дн(я)*: языковая игра, построенная на созвучии), тогда как ‘в полночь’ — только *цярэдначы*, *сярэдначы (фонетические*

связывают с *волох (влах)* — старым названием романских народов. Наряду с этим в белорусских говорах существует *валоскі*, что даёт основания предполагать, что *Валасажар* возникло в результате контаминации *волос* и *стожар*.

варианты). Отдельно обозначено время ‘после обеда’ — *па полудню, паабедзе* и ‘до обеда’ — *пад просту* ‘под полдень’ (вероятно, основа мотивации — положение солнца на небосклоне: ср. *вы-прост-ать* — содержит сему ‘прямой, распрямленный, освобожденный’). Многочисленность номинаций явления ‘момент появления или исчезновения небесного светила’ обусловлена также прагматически: в деревнях работы по хозяйству начинаются до рассвета и заканчиваются в сумерки.

По свидетельству Т.И. Вендиной, в семантической сфере «Небо и небесные тела» наиболее открытым для актов словообразования является такой её номинативный участок, как «Атмосферные и климатические явления». При этом если семантическое пространство ‘хорошая погода’ практически не членится языковым сознанием русского народа, то семантической пространство ‘плохая погода’ имеет высокую степень расчленённости».[6] В *Словаре русских народных говоров* отмечены многочисленные наименования, которые обозначают ненастье, непогоду (обычно снег, дождь с сильным ветром): *грязель*, *грязи*, *дрюпня*, *дрябня*, *замочь*, *засиверка*, *кал´ега* и *калег´а*, *к´алига*; *замерека* ‘первое осеннее непогодье’; *грязель* ‘осеннее ненастье’; *жмычка*, *жмучь* ‘ненастье с туманом’; *дряпя, дряпуха, дрязга* ‘снег с дождем’.

Жаркая, теплая погода, жара в русских говорах имеет обозначения: *жарина* (Саратовские говоры), *жарота* (Курские, Смоленские), *загрева* (Архангельские), *жаруха, жарота* (Смоленские). Лексема *пекота* ‘жара, зной’ отмечена в Орловских, Курских, Брянских, Смоленских говорах.

Как и в русских говорах, наиболее «густозаселенным» в диалектах Гродненщины является семантических участок ‘атмосферные и климатические явления’. В первую очередь следует обратить внимание на общую характеристику погоды. Двумя самостоятельными лексемами обозначена ‘непогода’ — *азыра*, *рэсквась*, при отсутствии однословного наименования для хорошей погоды. Дальнейший анализ лексем данной подгруппы также подтверждает вывод о том, что семантическое пространство ‘хорошая погода’ почти не членится (здесь можно отметить только пять лексем: *рушанне* ‘теплые осенние дни’, *санцагрэй* ‘солнечная погода’, *пахадно* ‘тепло, хорошо’, *слонечны* ‘солнечный’, *незахмарны* ‘ясный, без туч’), в отличие от семантического пространства ‘плохая погода’, демонстрирующего высокую степень расчлененности: *брынскотна* ‘холодно, ветрено’, *здрожна*, *знобка*, *стыла*, *сідрава* ‘холодно’, *калявы* (*день*) ‘холодный’, *халадне* ‘холодно, морозно’, *сівярэць* ‘холодать’, *зембавата* ‘прохладно’, *дажджэвіца* ‘дождливая погода’, *зылавита* ‘сыро, промозгло’, *кошна* ‘мокро, сыро’, *склерны* (*день*) ‘сырой, холодный’, *кандыбасіць* ‘хмуриться, покрываться тучами’, *слоць* ‘непогода, слякоть’, *хлёба*, *хляпа*, *хліпанка* ‘мокрота, слякоть’, *шлапаніна* ‘грязь, бездорожье’, *галаладзіха* ‘гололед’, *слізгавіца* ‘гололедица’, *аблівака*, *одвільж* ‘оттепель’, *спекама*, *спёкла*, *пякота* ‘жара, жарко’. Обращает на себя внимание многочисленность номинаций для сырой погоды — 11 лексем из 24, что можно объяснить климатическими условиями региона. С другой стороны, 7 лексем содержат семы, прямо или косвенно указывающие на связанные с погодными условиями

---

[6] Т.И. Вендина. *Русская языковая картина мира...*, с. 25.

трудности передвижения. Таким образом, и в этой подгруппе прагматический аспект служит главным при номинации.

Тесно связана с семантическим блоком «погода» группа лексем со значением ‘осадки’. Среди них в обоих языках выделяются наименования дождя и снега. Так, в русских говорах актуальными для номинации в подгруппе «дождь» являются семантические признаки:

1) сила (интенсивность) — чаще номинации заслуживает именно сильный дождь: *ихром* (Петербургские говоры), *заливень* (Псковские, Тверские, Архангельские), *дожжака* (Воронежские), *водопад* (Орловские), *литва* (Владимирские); мелкий моросящий дождь — *бусенец* (Вологодские, Пермские, Вятские), *моросейка* (Тверские), *ситник* (Орловские);
2) температура: *изгарина* и *изгарь* ‘мелкий холодный дождь’ (Орловские), *парун* ‘тёплый дождь’(Архангельские);
3) темпоральный признак: а) длительность: затяжной дождь — *дожжовье, заложник* (Архангельские говоры), *обкладень* (Орловские), *завальный дождь* (Пермские, Екатеринбургские); кратковременный дождь — *перелётка* (Псковские); б) отнесённость к поре года: *зарев* ‚осенний дождь’ (Смоленские);
4) прагматическая ценность: *грибовник* (Костромские), *огуречник* (Орловские).

Гром и молния с дождем или градом во Владимирских говорах называется *грозичка.* Молния без грома, зарница в Амурских, Свердловских и Уральских говорах называется *за´рники* и *зарники´*.

В Гродненских говорах наименования дождя также многочисленны: *аблажнік* ‘затяжной дождь’, *ведранец*, *касахвошч*, *макун*, *праліўнік*, *уліва*, *уліў*, *улюха* ‘ливень, проливной дождь’, *ворыўнік* ‘теплый дождь под пахоту’, *дабрасей* ‘теплый густой дождь’, *дан* ‘дождь’, *дзюжыць* ‘литься струями’ (о дожде), *сейва*, *мароша*, *морась* ‘мелкий дождь’, *мжа* ‘мелкий холодный дождь’, *пасеўны дождж* ‘небольшой дождь при теплой погоде’, *прэрва* ‘дождь с перерывами’, *цабаніць* ‘лить, сильно течь’ (о дожде), *царабоніць* ‘литься’, *сявец* ‘весенний мелкий дождь’. Семантические признаки, актуальные для номинации в этой подгруппе, образуют следующую иерархию:

1) сила (интенсивность): *дабрасей* ‘теплый густой дождь’, *дзюжыць* ‘литься струями’, *касахвошч* ‘проливной дождь’, *сейва* ‘мелкий дождь’, *макун* ‘проливной дождь’, *мароша* ‘мелкий дождь’, *морась* ‘мелкий дождь’, *мжа* ‘мелкий холодный дождь’, *пасеўны дождж* ‘небольшой дождь при теплой погоде’, *праліўнік* ‘проливной дождь’, *уліва*, *уліў*, *улюха* ‘ливень’, *цабаніць* ‘лить, сильно течь’ (о дожде), *царабоніць* ‘литься’, *сявец* ‘весенний мелкий дождь’;
2) температура (теплый/холодный): *ворыўнік* ‘теплый дождь под пахоту’, *мжа* ‘мелкий холодный дождь’, *пасеўны дождж* ‘небольшой дождь при теплой погоде’;
3) темпоральный признак: а) длительность: *аблажнік* ‘затяжной дождь’; б) отнесенность к поре года: *сявец* ‘весенний мелкий дождь’;
4) прагматическая ценность: *ворыўнік* ‘теплый дождь под пахоту’, *дабрасей* ‘теплый густой дождь’.

Последний из указанных семантических признаков отражен также во внутренней форме в случаях *пасеўны дождж* ‘небольшой дождь при теплой погоде’ и, вероятно, *сявец* ‘весенний мелкий дождь’, хотя в последнем примере возможна и другая мотивация — указание на признак ‘мелкий’. Ср.: *сейва* ‘мелкий дождь’. Не отмечены в этой подгруппе, в сравнении с русскими говорами, только наименования, указывающие на сопровождающие дождь осадки (ср. рус. *громовик, снежница*). Подгруппа «атмосферные явления, сопровождаемые электрическими разрядами и звуками» в Гродненских говорах представлена глаголом и двумя отглагольными существительными: *ляшчыць* ‘греметь’, *перазіхценне* ‘вспышки света’, *перашумы* ‘шум дождя, ветра’.

Семантическая подгруппа «снег» в русских говорах насчитывает более трёх десятков наименований, в которых отражены:

1) общая характеристика снега (*мятик*, *подлег*, *порошуха*, *лепень*, *облепиха*, *лепуха*, *шляпошник*, *голуха*, *кашка*, *зимка*, *кружак*);
2) сопровождающие атмосферные явления (*дерунья*, *дуйка*, *заметуха*, *крутиха*, *валюга*, *дряпуха*, *снежница*);
3) время появления (*вешник*, *зазимок*, *позимка*, *позимье*)[7].

В Гродненских говорах эта подгруппа малочисленнее, чем в русских: *сенечнік* ‘сыпучий снег, который проникает сквозь стены’, *снегавей*, *крутовіна*, *пульга* ‘снежная метель’, *сляпы снег* ‘снег при ярком солнце’, *каляднік* ‘первый снег в январе’, *кудасіць* ‘заметать снегом’, *суметны* ‘занесенный снегом’, *трусца* ‘густой снежок’, *шалёпа* ‘вязкий снег’. Практически все наименования подтверждают тот факт, что маркируются ценности отрицательного порядка. Интересен, на наш взгляд, пример *сенечнік* ‘сыпучий снег, который проникает сквозь стены’, в семантике которого отражен прагматический аспект. Устойчивое словосочетание *сляпы снег* ‘снег при ярком солнце’ образовано по модели, представленной в литературных русском и белорусском языках единичным примером — *слепой дождь* ‘дождь при ярком солнце’. Темпоральная сема актуализирована в двух номинациях данной подгруппы — *каляднік* ‘первый снег в январе’, *веснавік* ‘весенний снег с морозом’.

Из других наименований осадков можно отметить только синонимический ряд «туман, изморось», что объясняется также климатическими условиями региона: *зызар, зэс* ‘мгла, туман’, *навараць* ‘облако, туман’, *марасліва* ‘изморось’, *марась* ‘мелкий дождь с туманом’. В русских говорах нам встретились единичные наименования *имжица*, *имжа* ‘туман’ (Смоленские, Брянские говоры), *изгарина*, *изгарь* ‘мелкий холодный дождь’ (северные говоры).

В Гродненских говорах отмечено диалектное наименование ‘радуги’ — *дажджанка.* Сюда примыкает глагол *тэнчавець* ‘переливаться радугой, проясняться’. В русских говорах это обширный ряд: *градовка* (Брянские говоры); *градовница*, *града* (Курские говоры), *дуга*, *дождевая дуга* (Калужские, Новгородские, Тверские, Смоленские, Вятские) *знамя*, *знамение* (Архангельские говоры). Тем не менее, в основу номинации белорусского диалектного *дажджанка* и в устойчивом сочетании русских говоров *дождевая дуга* положен общий признак —

---

7 Т.И. Вендина. *Русская языковая картина мира...*, с. 29.

‘время появления’. В устойчивом сочетании *дождевая дуга* содержится также указание на форму, как и в лексеме *дуга*. Иное в номинациях *знамя*, *знамение*, где подключены ценностные оценки: согласно Библейскому повествованию, радуга впервые показалась после того, как схлынули воды Потопа. Это знак завета, заключённого между Богом и человеком, что подобное больше не повторится.

Зафиксированы в Гродненских говорах также отдельные наименования подгруппы «скопления в атмосфере водных капель и ледяных кристаллов»: *аблачына* ‘облако’, *пузыркі* ‘светлые тучки на небе’, *сухмаркі* ‘легкие облака’, *чата* ‘дождевая туча’. Они интересны с той точки зрения, что не содержат отрицательно маркированных лексем.

В группе «атмосферные и климатические явления» есть еще два семантически активных участка — это названия мороза и ветра. Т.И. Вендина указывает, что в русских говорах маркируется: 1) сильный мороз (*морозина*, *морозяка*, *пекун*, *трескун*); 2) время его наступления (*зазимок* ‘первый мороз’, *отзимье* ‘поздние морозы’)[8].

В Гродненских говорах подгруппа «мороз» представлена диалектными лексемами: *зембіць* ‘морозить’, *зімнік* ‘мороз’, *сцюдзіна* ‘холод, мороз’, *ранішнік* ‘майский мороз’, *свяжак*, *падзімак*, *прызімак*, *падмарозак* ‘первый мороз’, *маразянка, марозіско*, *пякун* ‘сильный мороз’, *сцінаць, шэрхнуць* ‘замораживать’, *сшэрхнуць* ‘подмерзнуть’, *трыскуць* ‘морозная погода’. Показательно, что в сравнении с другими подгруппами семантического участка «атмосферные и климатические явления» темпоральный признак здесь наиболее актуализирован: *ранішнік* ‘майский мороз’, *свяжак* ‘первый мороз’, *падзімак* ‘первый мороз’, *подмарозак* ‘первый мороз’, *прызімак* ‘первый мороз’, причем чаще это именно признак ‘первый’. Сема ‘сила, интенсивность’ актуализирована в лексемах: *маразянка* ‘сильный мороз’, *марозіско* ‘сильный мороз’, *пякун* ‘сильный мороз’. В последнем случае в основе номинации лежит осязательное ощущение, в примере *трыскуць* ‘морозная погода’ — слуховое восприятие.

В названиях ветра для носителей русского языка актуальны признаки:

1) сила ветра (*ветрило*, *ветродуй* ‘сильный ветер’);
2) направление ветра (*моряник* ‘ветер с моря’, *противник* ‘встречный ветер’, *полуночник* ‘северо-восточный ветер’);
3) температура (*холодик, зимник, свежуй*);
4) время его появления (*зимарь*, *летник*, *ночняк*);
5) производимое действие (*водонос* ‘ветер, несущий воду на озере’).[9]

Названия ветра в говорах Гродненщины представлены лексемами: *венічнік* ‘колючий ветер’, *верхавік* ‘ветер в верхних слоях атмосферы’, *ветравал*, *ветравіца*, *ветраніца, крутавей* ‘сильный ветер’, *грэга* ‘сильный восточный ветер’, *джыгляваць* (о ветре) ‘сильно дуть’, *сіверны* (ветер) ‘холодный’, *сівярні*к ‘северный ветер’, *скузнь* ‘сквозняк’, *сляпы вецер* ‘сильный ветер с песком или снегом’, *лістабой*, *ліставей* ‘осенний ветер’, *павейнік* ‘слабый ветер’, *падвей* ‘сквозняк’, *сухавік* ‘суховей’, *трымунтан* ‘северный ветер’, *цяпловік* ‘южный теплый

---

[8] Т.И. Вендина. *Русская языковая картина мира...*, с. 32.

[9] Т.И. Вендина. *Русская языковая картина мира...*, с. 33.

ветер’. Актуализированные семантические признаки в данной подгруппе представлены таким образом:

1) сила (интенсивность): *ветравал*, *ветравіца*, *ветраніца*, *крутавей* ‘сильный ветер’, *грэга* ‘сильный восточный ветер’, *джыгляваць* (о ветре) ‘сильно дуть’, *сляпы вецер* ‘сильный ветер с песком или снегом’, *павейнік* ‘слабый ветер’;

2) направление: *грэга* ‘сильный восточный ветер’, *падвей* ‘сквозняк’, *сівярнік* ‘северный ветер’, *скузнь* ‘сквозняк’, *трымунтан* ‘северный ветер’, *цяпловік* ‘южный теплый ветер’; сюда примыкает признак ‘локализованность’: *верхавік* ‘ветер в верхних слоях атмосферы’;

3) температура: *сіверны* (ветер) ‘холодный’, *цяпловік* ‘южный теплый ветер’;

4) время появления (или производимое действие): *лістабой*, *ліставей* ‘осенний ветер’;

5) производимое действие: *сухавік* ‘суховей’.

В этой группе большое количество лексем с прозрачной внутренней формой: *верхавік* ‘ветер в верхних слоях атмосферы’, *ветравал* ‘сильный ветер’, *крутавей* ‘сильный ветер’, *лістабой*, *ліставей* ‘осенний ветер’, *цяпловік* ‘южный теплый ветер’, *венічнік* ‘колючий ветер’. Сходным образом в *Этымалагічнам слоўніке беларускай мовы* трактуется возможное происхождение лексемы *гліца* ‘весенний ветер’: от *ігліца* ‘хвоя, одна хвоинка’, «первоначально это могла быть метафора — что-то колючее как игла». В Костромских говорах существует название северного ветра *ёрш*, образованное таким же способом. Интерес представляет словосочетание *сляпы вецер* ‘сильный ветер с песком или снегом’ (ср.: выше *сляпы снег* ‘снег при ярком солнце’). В случае *сляпы вецер* в основу номинации положен функциональный признак — производимое действие. Подобным образом нельзя объяснить мотивацию устойчивых сочетаний блр. *сляпы снег* и рус. *слепой дождь.* Однако существование особых номинаций для таких явлений, на наш взгляд, свидетельствует об эстетическом восприятии действительности.

Таким образом, несмотря на отличия в составе лексем, фрагмент языковой картины мира «Небо, небесные тела и природные явления» в говорах Гродненщины, как репрезентация ментальной модели, не имеет существенных отличий от соответствующего фрагмента языковой картины русских говоров: единичны наименования собственно астронимов, многочисленны номинации семантического участка «атмосферные и климатические явления», где в первую очередь выделяются наименования дождя, снега, мороза, ветра. Самая обширная группа в Гродненских говорах — номинации дождя; несколько шире в сравнении с русскими говорами представлены наименования тумана и сырой погоды, что объяснимо с точки зрения экстралингвистического фактора — климатических условий региона. Семантические признаки, актуальные для номинации в пределах каждой тематической подгруппы, «выстраиваются» в той же иерархии, что и в русских говорах (например, в подгруппе «дождь» — сила/интенсивность, длительность, направление, оказываемое действие, прагматическая ценность). Маркируются в первую очередь ценности отрицательного порядка как отклонение от желаемой нормы (идеала).

Литература

Вендина Т.И. *Русская языковая картина мира сквозь призму словообразования (макрокосм).* Москва: Индрик, 1998.

Гумбольдт В.О. фон. *Избранные труды по языкознанию*. Сост., общ. ред. и вступ. статьи А.В. Гулыги, Г.В. Рамишвили. Москва: Прогресс, 1984.

Даль В.И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. Москва: Русский язык, 1978.

Добровольский В.Н. *Смоленский областной словарь*. Смоленск, 1914.

Котович О.В., Крук И.И. *Золотые правила народной культуры.* Минск: Адукацыя і выхаванне, 2012.

Лексічны атлас беларускіх народных гаворак: у 5 т. Пад рэд. М.В. Бірылы, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск: Фонд фундаментальных даследванняў Рэспублікі Беларусь — Камітэт геадэзіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь, 1993.

Манаенкова А.Ф. *Русско-белорусские языковые отношения (на материале русских говоров Ветки).* Минск: Издательство Белорусского государственного университета, 1978.

Маслова В.А. *Преданья старины глубокой в зеркале языка.* Минск: Пейто, 1997.

Маслова В.А. *Введение в когнитивную лингвистику*. Москва: Флинта — Наука, 2007.

Носович И.И. *Словарь белорусского наречия*. Санкт-Петербург: Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук, 1870.

Потебня А.А *Эстетика и поэтика*. Москва: Искусство, 1976.

Словарь русских народных говоров. В 43-х т. Москва — Ленинград; Санкт-Петербург, 1965–2010.

Стешкович Т.Ф. *Слоўнік Гродзенскай вобласці*. Мінск: Навука і тэхніка, 1983.

Сцяцко П.У. *Слоўнік народнай мовы Зэльвеншчыны*. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 2005.

Слоўнік рэгіянальнай лексікі Гродзеншчыны. Пад рэд. М.А. Даніловіча, П.У. Сцяцко. Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 1999.

Цыхун, А.П. *Скарбы народнай мовы: з лексічнай спадчыны насельнікаў Гродзенскага раёна.* Гродна: Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы, 2014.

Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: *у 13 т.т*. Мінск: Беларуская навука. 1978–2013.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 421–430

«БОГ ДАЛ ВАМ ВСЯ БЛАГАЯ, ВЫ ЖЕ ЕГО НЕ ПОЗНАЛИ, А ВСЕ ОТ БЕСОВ СВОИХ ИМЕТЬ МНИТЕ...»[1] РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX ВЕКА

ОЛЬГА Ф. ШАТАЛОВА

Беларуская коллегия
Отделение Новейшей истории Беларуси
ул. Золотая горка, 2/101, 220005 г. Минск, Беларусь
e-mail: volisza@mail.ru
(получено 30.04.2014; принято 13.12.2014)

Abstract

«God gave you all good, you did not recognize Him, and want to possess everything from your demons…». Religious views of Belarusian peasants of the 19th century

The article is devoted to religious ideas of Belarusian peasants of the 19th century. It explains the reasons (frequent changes of confessional affiliation of the local population, almost full mistrust of a peasant to Christian clergymen, his weak understanding of Christian dogmas and basic following to traditions of the ancestors) why the Christianity only formally was accepted on the Belarusian territory. It also focuses on Belarusian peasants' concept of God and evil spirits and clarifies the cause of the deep-rootedness of a cult of ancestors among the people.

Key words

Folk culture, religion, Belarusian peasantry, 19th century.

---

[1] Цит. по А. Богданович. *Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ*. Гродна: Губернская типографія, 1895, с. 10.

Abstrakt

«Bóg dał wam wszystkie dobra, wy Jego nie poznaliście, a wszystko od biesów swoich mieć chcecie...». Religijne wyobrażenia dziewiętnastowiecznych białoruskich włościan

W artykule omówiono religijne wyobrażenia białoruskich włościan w XIX wieku. Jako przyczyny słabego przyswajania chrześcijaństwa na białoruskich ziemiach wskazano m.in. częste zmiany wyznania przez miejscową ludność, silną nieufność chłopstwa wobec chrześcijańskiego kleru, nieprzyjmowanie dogmatów i zagorzałe hołdowanie tradycjom przodków? Tekst zawiera również syntetyczny opis postrzegania Boga przez tamtejsze włościaństwo, diagnozę jego stosunku do sił nieczystych oraz dowiedzenie przyczyn głębokiego zakorzenienia mentalności Białorusinów w kulcie przodków.

Słowa kluczowe

Kultura ludowa, religia, włościanie białoruscy, XIX wiek.

В 1865 году жительницы белорусской Смургони сняли с креста и утопили образ Спасителя. Они сделали это, чтобы наказать Бога, не услышавшего их просьбы и не остановившего длившийся около месяца дождь[2]. Крестьянин Лидского повета возложил на алтарь костёла кусок приготовленной и кусок сырой телятины. Удивлённому ксендзу он пояснил, что раньше приносил в дар то приготовленное, то сырое мясо, но не был удачлив в разведении скота; теперь же, предоставив Богу выбор, он расчитывает на успех в своём деле[3]. Приведённые сюжеты относятся ко времени формального доминирования христианства на белорусских землях. Но можно ли считать упомянутых людей христианами? И насколько их действия характеризуют религиозные практики и воззрения всего белорусского крестьянства XIX века? Ответы на эти вопросы можно найти, рассмотрев ситуацию, в которой находилась белорусская деревня в конце XVIII — начале XX века.

После разделов Речи Посполитой обоих народов (1772, 1793 и 1795 годов) белорусские земли полностью вошли в состав Российской империи. 12 февраля 1939 года (после антироссийского восстания 1830–1831 гг.) новая власть упразднила брестскую церковную унию. Тогда большую часть униатов — 80% от общего числа крестьян-белорусов[4] — вынудили поменять конфессию без видимых на то оснований. Многих из них через подкуп (т.е. через раздачу

---

[2] У. Лобач. *Беларуская традыцыйная культура і хрысціянская царква ў XIX — пачатку XX ст.* [Online] <http://kryuja.org/artykuly/druvis/lobacz_tradycyja_i_carkva.html.> (18.08.2009).

[3] Там же.

[4] А. Філатава. *Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772–1860).* [В:] *Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.).* Навук. рэд. У. І. Навіцкі. Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998, с. 5.

неофитам спиртного, еды и денег после церковной службы[5]) или насилие почти сразу перевели в православие. Произошедшее серьёзно дискредитировало обе конфессии в глазах белорусской деревни. После второго антироссийского восстания 1863–1864 гг. власти массово закрывали католические костёлы и монастыри, а освободившиеся здания передавали православной церкви. Часто процесс передачи осуществлялся в грубой форме, а потому вёл к большому разочарованию крестьян в новой (и отчасти в прежней) конфессии. Например, в 1864 году православным был передан католический монастырь с чудотворным образом Божьей Матери (д. Юровичи, Могилёвская губерния). В день передачи здания рота солдат под командованием военного начальника повета майора Стефановича уничтожила алтарь, статуи 12 апостолов и костёльный орган. Сам майор Стефанович обратился к прихожанам со словами: «Смотрите, ваш костел уже православный», «Божья Матерь» уже приняла православие, поэтому и вы принимайте православие, а правительство выдаст каждому в придачу по 30 рублей». В ответ один из крестьян сказал, что «не будет менять лучшую веру на худшую»; ведь, если бы православие было лучше католицизма, то власти не платили бы за переход[6].

Ситуация усугублялась преимущественно отрицательным отношением местного населения (крестьян и горожан) к православному духовенству. Во-первых, борода (местные мужчины не носили бород, а гладко брились или носили усы) и чёрный цвет одежды привели к отождествлению священника с нечистой силой. Естественной реакцией паствы стало избегание любых контактов с батюшкой вне церкви. В жалобе полоцкого клира за 1874 год говорилось: «Православный чиновник, купчиха, мещанка, увидев, что навстречу идёт священник, поворачивается или возвращается назад, чтобы избежать встречи»[7].

Во-вторых, после череды политических волнений многие служители культа (например, в Виленской и Гродненской губерниях) были заменены на назначенцев из центральных районов империи. В приехавших, «большей частью людях недостойных», видели «только чиновников, вроде пристава или окружного начальника»[8]. В их рекомендациях с готовностью разочаровывались[9].

---

[5] Пример подобной практики можно найти в работе: А. Вашкевіч, Дз. Нарэль. *Паміж Ласоснай і Чорнай Ганчай: Гісторыя каталіцкіх парафій у паўднёва-ўсходняй частцы Аўгустоўскай пушчы*. Менск: Зьміцер Колас, 2006, с. 35.

[6] В.В. Грыгор'ева. *Русіфікацыя насельніцтва Беларусі і канфесіянальная палітыка (1861–1904).* [В:] В.В. Грыгор'ева *Русіфікацыя насельніцтва Беларусі і канфесіянальная палітыка (1861–1904).* [В:] *Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX* в.*).* В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнок, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. Навук. рэд. У.І. Навіцкі. Минск: ВП «Экаперспектыва», 1998, с. 66.

[7] У. Лобач. *Беларуская традыцыйная культура...*

[8] А. Киркор. *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении*. Под ред. П.П. Семенова. Т. 3. Ч. 1: Литовское Полесье. Ч. 2: *Белорусское Полесье*. Санкт-Петербург: Типография М.О. Вольфа, 1882, с. 215.

[9] Недоверие деревни к любым советам «извне» основывалось на убеждении в том, что только представители своей социальной среды (причём только собственные предки) обладали полным пониманием происходящего, а потому только они знали способы предотвращения возможных ситуаций или выхода из них. Например, что следует делать, когда заблудился или

Например, во время эпидемии холеры в 1855 году в деревнях Козлы и Конюхи Лашинского прихода священник Лашинской церкви Ст. Чехович посоветовал прихожанам усердно поститься и молиться Богу, чтобы избежать смерти. Паства последовала этому совету, но эпидемия ещё больше усилилась. Тогда разочарованные крестьяне обратились за помощью к врачу имения Красника. Последний порекомендовал устраивать праздники и танцы, и новая практика привела к сокращению количества умерших от холеры[10]. Бывали случаи, когда крестьяне даже мстили клирикам за введённые запреты. Так молодежь одной из деревень в ответ на запрет священника раскладывать костры в ночь на Ивана Купала собралась, «но вместо костра отправилась гурьбой на огороды *красть лук*. И прежде всего выкопала весь лук у батюшки, как бы в отместку за запрещение забавы»[11].

Кроме того, православный клир отправлял службы на непонятном белорусам церковнославянском языке, что, в свою очередь, сохраняло догматическое невежество паствы. Поэтому даже в конце XIX века белорусские крестьяне считали, что: «Бог его знает, сколько существует богов. Главный, наверное, один»[12]. А под Святой Троицей на Полесье подразумевали сразу два образа. Первый — где с одной стороны сидит старый Бог, с другой — Сын Божий, т.е. Христос, а над ними Святой Дух, превратившийся в голубя, часто трепещет крыльями, чтобы удержаться на одном месте, словно коршун над курами. Другая Святая Троица — это такое диво — Матерь Божья с тремя руками, две руки также, как у каждой молодицы, а третья — растёт из грудей[13].

В редких случаях для снискания лояльности прихожан приехавшие священники отходили от церковных канонов. Как отмечал в июне 1864 г. чиновник особых поручений при генерал-губернаторе Могилевской губернии, эксперт по церковным вопросам А. Стороженко:

> Попы бреют бороды, стригутся, крестный ход совершают как во время унии (…). Священники по деревням никогда не говорят проповедей, а, напротив, допускают

ощутил воздействие нечистой силы? «А поступай так, как советуют старички и старушки. Переодень что-нибудь из одежды вверх изнанкой, разуй левую ногу и обуй правую, поверни свою шапку на изнанку кверху или поверни её козырьком назад; прочти, если знаешь, воскресную молитву три раза; вспомни, что накануне Нового года варят свиную голову — этими средствами ты не дашь подшутить над собой лешему…». (В. Добровольский. *Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губернии)*. «Живая Старина». Под ред. В.И. Ламанского и Н.Н. Виноградова. Вып. I. Санкт-Петербург: Типография М.П.С., 1908, с. 4–5.

10 П.В. Шейн. *Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края*. Т.3. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1902, с. 293.

11 М. Кочан. *Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни*. «Живая Старина». Под ред. В.И. Ламанского. Вып. III–IV. Отдел II. Санкт-Петербург: Типография князя В.П. Мещерского, 1901, с. 17–18.

12 Е. Р. Романов. *Белорусский сборник*. Вып. 4: *Сказки космогонические и культурные*. Витебск: Типо-Литография Г.А. Малкина, 1891.

13 Ч. Пяткевіч. *Рэчыцкае Палессе*. Уклад.; прадм. У. Васілевіча; пер. з пол. Л. Салавей і У. Васілевіча. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2004, с. 399 (сноска).

> православный народ, по выходе из церкви, отправляться в костел и слушать казание, которое ксёндз-пропагандист говорит им на белорусском наречии[14].

Неудивительно, что и здание храма в XIX веке использовалось белорусскими крестьянами (чаще православными, нежели католиками) не столько для моления, сколько для общедеревенских встреч, выступая в роли особого клуба по интересам:

> В церковь белорусы ходят только для проведения времени. (…) Народ этот протискивается вперёд, толкают друг друга — сами не молятся и другим не дают. Бабы собрались в уголке и как те сороки сокочут — одна другую оговаривают, только ссоры заводят; а другие дремлют, стоя. Парни с девушками смеются[15].

В церкви (как в месте силы) проводились различные обряды и ритуалы. Павел Шейн привёл пример обряда, производимого для отмщения обидевшим человека соседям или помещику. Для этого в первый праздничный день покупалась свеча, которую следовало зажечь не от фитиля, а с обратного конца. Потом эту свечу в церкви надлежало трижды обнести вокруг собственной головы, приговаривая:

> Закрутил я свечу святую в церкви вокруг своей головы, Боже ласковый, Матерь найсвятая, чтобы так скрутила напасть моих неприятелей! Перевернул я свечу святую вверх ногами, чтобы так перевернуло, перекрутило в три напасти моих неприятелей![16]

Бывали случаи, когда для усиления подобного обряда использовалось не только помещение (и призвание в помощь Небесных сил), но и связанные с ним посредники – священники (когда при обряде дополнительно подавались записки о здравии и упокоении) или нищие (которым подавался заговорённый хлеб)[17].

Не менее важным для понимания религиозных воззрений белорусского крестьянина XIX века является образ Бога, с которым он взаимодействовал. Господа воспринимали утилитарно: его сравнивали с земледельцем, носящим местную одежду и говорящим по-свойски. Подобный подход был традиционным не только для крестьян, он преобладал ещё раньше на барокковых белорусских иконах, изображавших «святых, одетыми в кафтаны или крестьянские свитки, с тяжелыми трудовитыми руками, с красными, побитыми ветром и солнцем лицами»[18]. Главное, что Бога не считали всевидящим и всесильным христианским божеством. Для белорусов он был существом с характером: мог быть рассержен и мстителен, сидя на Небесах[19]; он редко вмешивался в людские

---

[14] М. Долбилов. *Полонофобия и политика русификации в северо-западном крае империи в 1860-е гг.* [В:] *Образ врага*. Сост. Л. Гудков. Ред. Н. Кондратова. Москва: Объединенное Гуманитарное издательство, 2005, с. 147.

[15] У. Лобач. *Беларуская традыцыйная культура*…

[16] П.В Шейн. *Материалы для изучения быта*…, с. 295.

[17] Там же.

[18] *Размова з Вацлавам Арэшкам. Вера ў Бога.* [В:] В. Ракіцкі. *Беларуская Атлянтыда*. Радыё Свабодная Эўропа, Радыё Свабода, 2006, с. 452–453.

[19] Иногда Бог представал в образе нищего старца, ходившего от деревни к деревне и

дела, следя лишь за тем, чтобы соблюдались посты и праздновались религиозные праздники[20].

И если Господь находился далеко от человека, то чёрт постоянно присутствовал рядом. Эта ежеминутно осознаваемая крестьянином близость с нечистой силой содействовала выработке им двух поведенческих линий. Первая — защищаться от проявлений грозной и злой силы, прибегая к помощи её посредников — знахарей, ведьм и т.д. Как отмечает А. Сержпутовский: «При всяком несчастьи первая забота (человека), чтобы найти подходящего *ведьмака*, который бы смог *отделать*, т.е. послать тяготеющее заклятие на голову тому, кто его произнёс»[21]. Вторая — постараться самостоятельно договориться с чёртом[22]: «Нужно радить (думать), как с чёртом ладить»[23]. Каждый полешук знал, что, попав в безвыходную ситуацию, он всегда может продать душу дьяволу. Для этого следовало тёмной ночью выйти к месту, где не было креста, свиснуть на четыре стороны и сказать определённое заклятье. Продавать душу было не страшно, ибо каждый полешук был уверен, что сможет обмануть нечисть[24].

Существовало по крайней мере две причины, позволявшие крестьянам относительно спокойно взаимодействовать с нечистой силой. Первая и главная — вера белорусов во временность любых божьих наказаний (в этом мы видим принципиальное несовпадение с христианством, утверждающим бесконечность наказания и блаженства). Белорусы считали, что каждый человек проходит одинаковый путь: он страдает после смерти, определённое время находясь на земле и мучаясь, прежде, чем попадёт в «святой рай»[25]. Даже для самоубийц существует срок мучений[26]. После земных мук душа на время (для очищения) попадает в ад, откуда по очень узкой и неудобной дороге «идёт на Небо, после того, как вытерпит страдания»[27]. По мнению Татьяны Володиной, уверенность в том, что каждый умерший независимо от прожитой им жизни сразу попадает в рай, была распространена на белорусских землях задолго до появления христианства[28]. Очевидно, что католицизм и православие только отчасти модифицировали архаические представления белорусов, привнеся

учившего людей мудрости. См. W. Pawluczuk. *Światopogląd jednostki w warunkach rozpadu społeczności tradycyjnej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972, c. 64.

20 E. Jeleńska. *Wieś Komarowicze w powiecie Mozyrskim*. Warszawa: Druk Józefa Jeżyńskiego, 1892, c. 53.

21 А. Сержпутовский. *О завитках в Белоруссии (Очерк из жизни крестьян южной полесской части Слуцкого уезда, Минской губернии)*. «Живая Старина». Под ред. В.И. Ламанского. Вып. I. Санкт-Петербург: Типография М.П.С., 1907, с. 36.

22 А. Киркор. *Живописная Россия. Отечество*…, с. 353.

23 Е. Ляцкий. *Болезнь и смерть по представлениям белорусов*. «Этнографическое Обозрение». Кн. 13–14, № 2–3. Под ред. Н.А. Янчука, Москва: Типография А.А.Левенсона, 1892, с. 24.

24 Ч. Пяткевіч. *Рэчыцкае Палессе*. Уклад…, с. 425.

25 E. Jeleńska. *Wieś Komarowicze w powiecie*…, c. 53.

26 Ч. Пяткевіч. *Рэчыцкае Палессе*. Уклад…, с. 421.

27 Там же, с. 421–422.

28 *Размова з Тацянай Валодзінай. Душа*. [В:] В. Ракіцкі. *Беларуская Атлянтыда*. Кніга другая: Міты і брэнды калянізаванай нацыі. Радыё Свабодная Эўропа, Радыё Свабода, 2010, с. 247.

новый сюжет — временное страдание души. Во-вторых, многие жители деревни (кузнецы, лесники, пастухи, пасечники, пивовары и винокуры) так или иначе подозревались в контактах с разными видами нечисти. Предполагалось, что каждый из них «хорошо изучил свойство той ‘нечистой силы’, с которой ему приходилось иметь дело:

> Плох был бы тот мельник, который бы не знал, как угодить водяному, или лесник, который жил бы не в ладах с лешим, или пастух, который не умел бы заворожить скот от зверя или изгнать хлевника[29].

Белорусский крестьянин полагал, что не всегда может получить помощь Господа: «Богу молись, а сам работай, чтобы не изголодаться»[30]; «Поверил попу, что всё от Бога, и собрал хлеба копну, а если бы не верил — хлеб бы осьминами мерил»[31]. В то же время, он мог успешно взаимодействовать с нечистой силой, но не всегда был к этому готов. Естественным образом сформировалась потребность в третьей, всегда надёжной (и желательно бескорыстной) силе, которая бы помогала и оберегала. Этой силой стали почившие предки — так называемые *родители* (в белорусской традиции *дзяды*) — люди, умершие от старости, почитаемые и уважаемые покойники[32]. Им противопоставлялись другие — *заложные* — покойники (*мертвяки*) — люди, умершие до срока своей естественной смерти, скончавшиеся скоропостижно или насильственно. К ним чаще относили утопленников, самоубийц, опойцев, людей, пропавших без вести, лиц, проклятых своими родителями, колдунов, ведьм, упырей и т.п.[33]. Например, к опасным покойникам, которые могли ходить по ночам, полешуки относили тех, кто «умирая, не привёл в порядок дела, например, знахарь, который своих тайн никому не раскрыл, отец, несправедливо обидевший одного из своих детей»[34].

Дзяды и *заложные покойники* всегда поддерживали связь с миром живых людей. В первом случае существовали чётко определённые места и время для такого взаимодействия. С ‘родителями’ можно было встретиться на кладбище, где они были погребены, а также в доме, где они жили, либо в доме, куда их приглашали на поминальный стол. Встречи были возможны несколько раз в год: на так называемые *Масленичные*, *Радоничные*, *Троицкие*, *Петровские* и *Дмитриевские Дзяды*. К подобной встрече готовились заранее, наводили порядок дома и на кладбище, накрывали поминальный стол. Белорусские крестьяне верили, что: «Человеческое тело вечно и неизменно; что оно после непонятного акта видимой смерти вместе с душой отправляется в другой безвестный мир, где продолжает жить той же материальной жизнью, что и на земле»[35]; что «душа со-

---

29 П.В. Шейн. *Материалы для изучения быта*…, с. 248.

30 *Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі*. Склаў Я. Рапановіч. Выд. 2-е. Мінск: Вышэйшая школа, 1974, с. 63.

31 Там же, с. 69.

32 Д.К. Зеленин. *Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки*. Москва: Индрик, 1995, с. 39.

33 Там же.

34 E. Jeleńska. *Wieś Komarowicze w powiecie*…, с. 64.

35 Е. Ляцкий. *Болезнь и смерть по представлениям*…, с. 24.

храняет свои потребности — хочет пить и есть (и тогда приносят пищу и льют на могилы водку), хочет помыться (зовут в баню), может замёрзнуть, сидеть за поминальным столом и невидимо следить за родными в храме»[36].

Перед живыми родственниками стояла задача угодить умершим гостям. Считалось, что на посмертное пребывание души оказывает влияние не только её земная жизнь, но и то, как к ней относятся после смерти: достойно ли усопший был погребён, был ли достаточно оплакан, всегда ли его поминают живущие, досматривают ли они его могилу и т.д. Это было важно, поскольку душа *родителя* с того света имела возможность не только наблюдать за жизнью живых людей, но и оказывать на неё влияние: помочь с ведением хозяйства или, наоборот, разорить обидчиков. Более того, в некоторых белорусских деревнях бытовало убеждение, что души умерших предков через определённый промежуток времени (обычно через несколько поколений) переходят к потомкам (т.е. воплощаются в том же роду, где жили прежде). В связи с этим внукам старались дать имя деда или прадеда[37]. И, возможно, поэтому с таким вниманием живые относились к *дзядам*.

Контакты с *заложными покойниками* находились вне контроля деревни. Предполагалось, что после смерти *мертвяки* попадают в рабство к нечистой силе и начинают умышленно вредить человеку. Поэтому белорусские крестьяне дистанцировались от *заложных покойников* территориально, хоронили их вдалеке от кладбищ (т.е. от мест погребения *родителей*): в Гродненской губернии «гроб с телом самоубийцы относят обыкновенно в какое-либо болотистое место или в лес, если он близко, где при дороге и зарывают»[38]. Их опускали в могилу босыми, чтобы предотвратить посмертные хождения усопших; заваливали могилу тяжёлой колодой или камнями и т.д.[39]. Места насильственной смерти маркировали с помощью груды камней или веток деревьев, как, например, в Почановской волости Новогрудского уезда, «где повесился человек», и по дороге из деревни Криничной в местечко Еремичи Новогрудского уезда, где «будто бы похоронены двое заблудившихся и замерзших детей»; или где находится «могила двух братьев, убивших друг друга за девушку, в которую они оба были влюблены. На оба места существует обычай накладывать хворост, и этот обычай свято соблюдают все идущие вблизи этих мест»[40].

Существовала отдельная группа покойников, почти всегда выпадавшая из зоны контактов деревни — умершие в возрасте до двух лет дети. Белорусские крестьяне были носителями двух противоположных представлений о том, куда попадают души усопших младенцев. По народному поверью, зафиксированному в Новогрудском уезде Минской губернии, души некрещёных детей отправлялись в ад. При этом только раз в год — на святки — их отпускали в мир живых «на гулянье», и в это время они, как и *заложные покойники*, могли вредить лю-

---

36 *Размова з Тацянай Валодзінай. Душа*…, с. 248.

37 Там же, с. 245.

38 Д.К. Зеленин. *Избранные труды. Очерки*…, с. 64

39 E. Jeleńska. *Wieś Komarowicze w powiecie*…, с. 64.

40 Д.К. Зеленин. *Избранные труды. Очерки*…, с. 64.

дям. Например, один корчмарь, начертавший над входом в дом кресты и, таким образом, не впустивший души усопших детей в помещение, был наказан последними особым образом. Когда он поехал с полной бочкой вина на перекрёсток, обручи на бочке лопнули, а купленный алкоголь вылился[41].

Согласно второму представлению, души усопших младенцев после смерти превращались в ангелов и отправлялись в рай, поскольку прожили немного и были безгрешными. Во многих белорусских деревнях всех детей, умерших до двух лет, «не отпевали, не поминали, не посещали их могилу на девятый день после смерти»[42]. Более того, их хоронили отдельно от взрослых, на так называемых *детских кладбищах*. При этом в детских похоронах не участвовали взрослые: родители, старшие женщины и т.д. Дети хоронили детей: девочки хоронили девочек, мальчики — мальчиков. Четыре ребёнка — по одному с каждого конца — ставили на домотканное полотенце гробик и несли усопшего на детское кладбище[43]. И в первом случае (когда умерших детей отождествляли с *заложными покойниками*), и во втором (когда отошедших в мир иной детей ассоциировали с ангелами) крестьяне не расчитывали на помощь мёртвых младенцев. Именно поэтому они не считали нужным тратить на их погребение и поминание ни свои силы, ни своё время.

Принимая во внимание всё вышесказанное, можно сделать ряд выводов относительно религиозных воззрений белорусского крестьянства XIX века. Во-первых, частая смена конфессиональной принадлежности местного населения, почти полное его недоверие к клиру, совмещённое с твёрдым следованием традициям предков и слабое понимание христианской догматики мешали принятию белорусами христианского миропонимания. Во-вторых, представления о Боге и нечисти, а также вера в ограниченность срока наказания за грехи и проступки позволяли крестьянам в равной степени взаимодействовать со светлыми и тёмными силами. В третьих, вера белорусов в потустороннюю физическую жизнь умерших предков — *родителей* и *заложных покойников* — содействовала постоянному обращению к первым за помощью и избеганию контактов с другими. Также возможно, что в ряде белорусских регионов ситуация могла отличаться.

Литература

Jeleńska E. *Wieś Komarowicze w powiecie Mozyrskim*. Warszawa: Druk Józefa Jeżyńskiego, 1892.

Pawluczuk W. *Światopogląd jednostki w warunkach rozpadu społeczności tradycyjnej*. Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1972.

Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі. Склаў Я. Рапановіч. Выд. 2-е. Мінск: Вышэйшая школа, 1974.

---

41 Там же, с. 51.

42 *Дзіцячыя хаўтуры. Фэномэн безэмацыйнасьці (*этэр 9 сьнежня 2001 г.*).* [В:] С. Дубавец. *Вострая брама*. Радыё Свабодная Эўропа, Радыё Свабода, 2005, с. 234.

43 Там же, с. 234, 233.

Богданович А. *Пережитки древняго міросозерцанія у бѣлоруссовъ. Этнографическій очеркъ*. Гродна: Губернская типографія, 1895.

Вашкевіч А., Нарэль Дз. *Паміж Ласоснай і Чорнай Ганчай: Гісторыя каталіцкіх парафій у паўднёва-ўсходняй частцы Аўгустоўскай пушчы*. Менск: Зьміцер Колас, 2006.

Грыгор'ева В.В. *Русіфікацыя насельніцтва Беларусі і канфесіянальная палітыка (1861–1904)*. [В:] *Канфесіі на Беларусі (канец XVIII – XX в.)*. В.В. Грыгор'ева, У.М. Завальнок, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава. Навук. рэд. У.І. Навіцкі. Минск: ВП «Экаперспектыва», 1998, с. 58–110.

*Дзіцячыя хаўтуры. Фэномэн безэмацыйнасьці (*этэр 9 сьнежня 2001 г.*)*. [В:] С. Дубавец. *Вострая брама*. Радыё Свабодная Эўропа, Радыё Свабода, 2005, с. 228–238.

Добровольский В. *Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губернии)*. «Живая Старина». Под ред. В.И. Ламанского и Н.Н. Виноградова. Вып. I. Санкт-Петербург: Типография М.П.С., 1908.

Долбилов М. *Полонофобия и политика русификации в Северо-Западном крае империи в 1860-е гг.* [В:] *Образ врага*. Сост. Л. Гудков. Ред. Н. Кондратова. Москва: Объединенное Гуманитарное издательство, 2005, с. 127–134.

Зеленин Д.К. *Избранные труды. Очерки русской мифологии. Умершие неестественной смертью и русалки*. Москва: Индрик, 1995.

Киркор А. *Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении*. Под ред. П.П. Семенова. Т. 3. Ч. 1: Литовское Полесье. Ч. 2: *Белорусское Полесье*. Санкт-Петербург: Типография М.О. Вольфа, 1882.

Кочан М. *Литвины-белорусы Черниговской губернии, их быт и песни*. «Живая Старина». Под ред. В.И. Ламанского. Вып. III–IV. Отдел II. Санкт-Петербург: Типография князя В.П. Мещерского, 1901.

Лобач У. *Беларуская традыцыйная культура і хрысціянская царква ў XIX – пачатку XX ст.*, [Online] <http://kryuja.org/artykuly/druvis/lobacz_tradycyja_i_carkva.html.> (18.08.2009).

Ляцкий Е. *Болезнь и смерть по представлениям белорусов*. «Этнографическое Обозрение». Кн. 13–14, № 2–3. Под ред. Н.А. Янчука, Москва: Типография А.А.Левенсона, 1892, с. 23–41.

Пяткевіч Ч. *Рэчыцкае Палессе*. Уклад., прадм. У. Васілевіча; пер. з пол. Л. Салавей і У. Васілевіча. Мінск: Беларускі кнігазбор, 2004.

Размова з Вацлавам Арэшкам. Вера ў Бога. [В:] В. Ракіцкі. *Беларуская Атлянтыда*. Радыё Свабодная Эўропа, Радыё Свабода, 2006, с. 267–294.

Размова з Тацянай Валодзінай. Душа. [В:] В. Ракіцкі. *Беларуская Атлянтыда*. Кніга другая: Міты і брэнды калянізаванай нацыі. Радыё Свабодная Эўропа, Радыё Свабода, 2010, с. 25–30.

Романов Е.Р. *Белорусский сборник*. Вып. 4: *Сказки космогонические и культурные*. Витебск: Типо-Литография Г.А. Малкина, 1891.

Сержпутовский А. *О завитках в Белоруссии (Очерк из жизни крестьян южной полесской части Слуцкого уезда, Минской губернии)*. «Живая Старина». Под ред. В.И. Ламанского. Вып. I. Санкт-Петербург: Типография М.П.С., 1907.

Філатава А. *Хрысціянскія канфесіі пасля далучэння Беларусі да Расійскай імперыі (1772–1860)*. [В:] *Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.)*. Навук. рэд. У.І. Навіцкі. Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998.

Шейн П.В. *Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края*. Т. 3. Санкт-Петербург: Типография Императорской Академии Наук, 1902.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 431–453

KUBUŚ PUCHATEK CZY DZIKA BESTIA — OBLICZA „ROSYJSKIEGO NIEDŹWIEDZIA" WE WSPÓŁCZESNEJ KARYKATURZE POLITYCZNEJ

ŻANNA SŁADKIEWICZ

Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: filzs@ug.edu.pl
(nadesłano 20.10.2014; zaakceptowano 22.12.2014)

Abstract

Winnie the Pooh or Wild Beast — faces of "Russian Bear" in contemporary political caricature

Political caricature is an important segment of the satirical communication space. It takes on special importance in the era of pictorial return, the dominance of visual culture. The image becomes an important carrier of meaning, a way of expression. Different forms of visual intertextuality play an important role in the shaping of contemporary caricatures.

The main communicative intention of cartoonists is ridiculing of developments in the policy and sharp criticism of the destructive actions of the political elite. Using stereotypical images in this order opens up new opportunities of presentation and interpretation of political activities. One of these images, deeply embedded in the culture and consistently correlated with Russia, is the image of a RUSSIAN BEAR. The caricature of it can be presented as a good-natured fairy-tale and Olympic Misha or, more often, as an aggressive, bloodthirsty, angry beast that acts cruelly and ruthlessly. In this article the author makes a typology and analysis of characters, showing a stereotypical „Russian bear" in Russian and Western political caricature.

Key words

Stereotype, the Russian bear, cartoon, creolized text, satirical hypostasis of bear.

Резюме

Винни-Пух или свирепое чудовище — ипостаси „русского медведя" в современной политической карикатуре

Политическая карикатура занимает важный и неотъемлемый сегмент сатирического коммуникативного пространства. Она приобретает особое значение в эпоху иконического переворота, доминирования визуальной культуры. Изображение становится фундаментальным носителем смысла сообщения, способом самовыражения. Визуальная коммуникация в значительной степени «колонизирована» существующими образами и текстами культуры, которые детерминируют наше сознание, формируют культурную и этническую идентичность. Важную роль в формировании облика современной карикатуры играют различные формы визуальной интертекстуальности.

Главной коммуникативной интенцией карикатуристов является осмеяние событий в сфере политики и резкая критика деструктивных действий политической элиты. Использование в этих целях стереотипных образов открывает новые возможности презентации и интерпретации деятельности политических субъектов. Одним из таких стереотипных образов, глубоко укоренившихся в культуре и неизменно коррелируемых с Россией, является RUSSIAN BEAR. В карикатуре он может быть представлен как добродушный сказочный или олимпийский Миша или, чаще, как агрессивный и кровожадный зверь, действующий жестоко и беспощадно. В статье автор предлагает типологию и анализ коннотативного наполнения образов, представляющих стереотипного «русского медвядя» в современной российской и западной политической карикатуре.

Ключевые слова

Стереотип, русский медведь, карикатура, креолизованный текст, сатирические ипостаси медведя.

Karykatura polityczna, jako ważny segment współczesnej kultury wizualnej, nabiera szczególnego znaczenia w dobie zwrotu piktorialnego, charakteryzującego się rozbudowaną ikonosferą[1]. Będąc gatunkiem wielokodowym, karykatura bazuje na

[1] O tym: N. Mirzoeff. *An Introduction to Visual Culture II Visual Culture Reader.* London — New York: Routledge, 1998; W.J.T. Mitchell. *Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University Of Chicago Press, 1994; J. Morbitzer. *Media — zniewolić umysł?* "Konspekt" 2002, nr 11, s. 45–49; A. Skudrzyk. *Czy zmierzch kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005; А.Ю. Зенкова. *Визуальные иссле-*

łączeniu takich systemów semiotycznych, jak grafika i język, przy czym ta pierwsza odgrywa kluczową rolę[2]. Przekazy, zawierające część ikoniczną, mają ogromny potencjał oddziaływania, bowiem kreowane obrazy wizualne cechują o wiele większą sensytywność niż słowo mówione czy pisane. W sposób bezpośredni i niemal natychmiastowy oddziałują na intelekt odbiorcy i, co istotne, na jego strefę emocjonalną, prezentując rzeczywistość w postaci wyrazistych obrazów, które zapadają w pamięć[3]. Szerokie możliwości perswazyjne tekstów werbalno-wizualnych[4] stanowią o ich dużej popularności we współczesnym dyskursie publicznym.

Karykatura, jako środek komunikacji politycznej, była obecna już w starożytnych manuskryptach (papirusy) w XIII wieku p.n.e.[5]; zwykle posługiwano się nią dla wyostrzenia obrazu danej osoby bądź wydarzenia, wyolbrzymieniu jej konkretnych cech i ostatecznie — ośmieszenia. Rozkwit karykatury przypada na ogół na czasy wypełnione poważnymi konfliktami i niepokojami społecznymi, na okres wytężonej aktywności społeczno-politycznej narodu. W obliczu takich realiów rysunek satyryczny staje się skutecznym narzędziem kształtowania i modelowania opinii publicznej. Nieprzypadkowo dzisiaj, w dobie dynamicznie zmieniającej się sytuacji geopolitycznej i ogromnych napięć społeczno-politycznych w przestrzeni międzynarodowej, światowe mass media, a zwłaszcza elektroniczne, obfitują w satyryczne wizualizacje dotyczące „gorących" tematów.

Termin *karykatura* — gatunek satyryczny realizowany głównie w rysunku i grafice, przesadnie eksponujący ośmieszające i wyolbrzymione cechy postaci i grup społecz-

---

дования как интегральная область социально-гуманитарного знания. «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук", Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук, 2004, № 5, s. 184–193; Р.Ю. Порозов. *Визуальное как доминанта современной культуры*, «Политическая лингвистика". Ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педуниверситет, 2011, № 2 (36), s. 219–222.

[2] М.Б. Ворошилова. *Креолизованный текст в политическом дискурсе*. «Политическая лингвистика» 2007, № 3, Екатеринбург, s. 75.

[3] В.М. Розин. *Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир*. Москва: Либроком, 2006, s. 26.

[4] Zob. Е.Е. Анисимова. *Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов)*. «Вопросы языкознания» 1992, № 1, s. 71–78; Л.С. Большакова. *О содержании понятия «поликодовый текст»*, «Вестник Самаркского государственного университета" 2008, № 4 (63), s. 19–24; М.А. Ищук. *Гетерогенный текст: функции его составляющих*, «Вестник Тверского государственного университета». Серия Филология. 2008, № 13, s. 176–182; Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов. *Креолизованные тексты и их коммуникативные функции*. [W:] *Оптимизация речевого воздействия*. Отв. ред. Р.Г. Котов. Москва: Наука, 1990, s. 180–186; B. Hojka. *Język i pismo w kontekście powiązań interdyscyplinarnych nauki o książce*. „Seria III: ePublikacje Instytutu Informacji Naukowej i Bibliotekoznawstwa UJ". 2010, nr 7: *Biblioteki, informacja, książka: badania interdyscyplinarne i praktyka w 21. wieku*. Część druga: *Naukowe badania interdyscyplinarne*. Red. M. Kocójowa, s. 166–172; Ż. Sładkiewicz. *Społeczeństwo „OKA" i tekst wielokodowy (na przykładzie rosyjskiej satyry politycznej)*. „Przegląd Rusycystyczny" 2014, nr 3 (147), s. 111–124.

[5] М.Б. Ворошилова. *Креолизованный текст в политическом дискурсе*. «Политическая лингвистика" 2007, № 3, Екатеринбург, s. 74–75; А.В. Дмитриев. *Социология юмора. Очерки*. РАН Отделение философии социологии, психологии и права. Москва 1996. [Online] <www.auditorium.ru/books/4212/> (08.07.2014).

nych[6] — wywodzi od włoskiego leksemu *caricare* 'zniekształcać, przejaskrawiać'. Sama już możliwość „deformacji" daje grafikowi znaczną swobodę artystyczną. Przedstawiając wydarzenia w sposób karykaturalny, artysta wyostrza pewne cechy kulturowe, przysłaniając inne. Ta właśnie cecha leży u postaw ***stereotypu*** jako uproszczonego i zniekształconego obrazu zjawiska, osoby czy grupy społecznej, to jest pewnej kalki, na podstawie której następuje percepcja i ocena informacji[7]. Dostępność i „demokratyczność" karykatury zapewnia właściwe „przyswojenie" tego obrazu przez większość społeczeństwa, co z kolei stanowi jedną z zasadniczych cech ***stereotypizacji***.

Karykatura wyróżnia się dynamizmem kreacji, dostępnością percepcji, jak również — w stosunku do innych znanych form wizualizacji, takich jak malarstwo, kinematografia — zyskuje szerokie kręgi odbiorców. Prace rysowników rozprzestrzeniają się powszechnie i bardzo szybko, a ich percepcja nie wymaga specjalnego przygotowania, a często nawet i znajomości języka[8].

Maria Woroszyłowa[9] wskazuje też na szereg przyczyn, determinujących intensywny rozwój karykatury politycznej we współczesnej Rosji. Są to m.in.:

przyzwolenie w końcu XX wieku na podejmowanie żartów na tematy związane ze sprawowaniem władzy przez najwyższe organy państwowe;

rozwój nowych technologii, a zwłaszcza Internetu, implikuje nowe rzesze rysowników-karykaturzystów (nowe sposoby wyrażania poglądów niezależnie od posiadanego talentu retorycznego lub artystycznego).

Adekwatny odbiór karykatury nie jest jednak dany *a priori*. Pełna percepcja faktualnej, konceptualnej i implicytnej informacji, zawartej w rysunku satyrycznym, według Jewgienii Artiomowej — jest zdeterminowana czterema rodzajami presupozycji, takimi jak[10]:

---

6 *WIEM. Darmowa encyklopedia*. [Online] <http://portalwiedzy.onet.pl/61504,,,,karykatura,haslo.html> (08.08.2014); *Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия*. Red. А.П. Горкин. Москва: Росмэн, 2007. [Online] <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/1322/Карикатура> (14.08.2014).

7 Bazując na opracowaniach uznanych badaczy, takich jak Walter Lippmann, Jerzy Bartminski, Irina Lappo, Anna Tyrpa, ***stereotyp*** można określić jako „uproszczone, uogólniające, utrwalone wielokrotnym powtarzaniem, uwarunkowane kulturowo i zabarwione wartościująco wyobrażenie o fragmencie świata, które istnieje w postaci obrazu mentalnego i jego realizacji werbalnej" (J. Bartmiński, I. Lappo, U. Majer-Baranowska. *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie*. „Etnolingwistyka" 2002, t. 14, Lublin; I. Lappo. *Profilowanie stereotypu Rosjanina w polskim kręgu językowo-kulturowym*. „Etnolingwistyka" 2002, t. 14, Lublin; *Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan*. Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006; A. Tyrpa. *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*. Kraków: Lexis, 2011; *Поляки и русские в глазах друг друга*. Отв. ред. В.А. Хорев. Москва: Индрик, 2000; У. Липпман. *Общественное мнение*. Перевод Т.В. Барчунова. Москва: Институт Фонда «Общественное мнение", 2004).

8 Г. Гайлите. *Медведь и Латвия: образы латышско — российских отношений в карикатуре*. «Лабиринт". Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 29.

9 М.Б. Ворошилова. *Мультипликационные герои в современной политической карикатуре*. «Человек в мире культуры" 2013, № 1, Екатеринбург, s. 37.

10 Е.А. Артемова. *Карикатура как жанр политического дискурса*: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград 2002. [Online] <http://dibase.ru/article/05042010_artemova_evgenija_aleksandrovna_4478/1> (23.06.1014).

1) *presupozycja ekstralingwistyczna*, czyli wiedza w zakresie nauki, kultury i sztuki;
2) *presupozycja polityczna* — wiedza o wydarzeniach politycznych, wizualne rozpoznanie podmiotów politycznych, partii i ich symboli;
3) *presupozycja logiczna* — wizja naturalnego, przyczyno-skutkowego związku między wydarzeniami;
4) presupozycja językowa — znajomość językowych i graficznych narzędzi optymalnych dla generacji, wyrażania i odbioru informacji implicytnej.

W satyrycznym obrazie świata zawsze istnieje rozbieżność pomiędzy rzeczywistością polityczną i jej groteskowym odbiciem w utworze satyrycznym, opartym na potępieniu. Fakty przedstawiane są zgodnie z prezentowaną przez autora ideologią i mają na celu zdyskredytowanie „sprawcy” zaistniałej sytuacji. Podstawową strategią przy przeniesieniu treści z gatunków informacyjnych do satyrycznych jest ich komiczna interpretacja. W karykaturze powstaje swoisty „odpowiednik” rzeczywistego wydarzenia lub sytuacji, ale z projekcją na inną płaszczyznę reprezentacyjną. W tym kontekście pojęcie ***precedentności*** staje się kluczowe, gdyż „rozpoznawalność” obrazu wizualnego stanowi fundament karykatury jako gatunku.

Komunikacja wizualna jest w dużej mierze zdominowana przez istniejące obrazy i teksty kultury, które „matrycują” naszą świadomość, kształtują tożsamość kulturową i komunikacyjną. Ważną rolę w kształtowaniu oblicza współczesnej karykatury odgrywają różne formy ***intertekstualności wizualnej***. Terminem *precedentne* określamy zjawiska: 1) mające charakter ponadosobowy, 2) aktualne w aspekcie poznawczym i emocjonalnym, 3) do których w swojej komunikacji systematycznie zwracają się przedstawiciele określonej wspólnoty lingwokulturowej[11]. Częste „ogrywanie” fenomenów precedentnych w karykaturze politycznej uwarunkowane jest jej istotą jako gatunku komicznego, bazującego na trawestacji trwałych, fundamentalnych dla określonego kontyngentu form kulturowych. Tymczasem próba skarykaturowania nieznanego zjawiska jest pozbawiona sensu i nie rozwiązuje komunikacyjno-pragmatycznych celów nadawcy.

Główną intencją komunikatywną karykaturzystów jest wyśmiewanie wydarzeń w sferze polityki i ostra krytyka destrukcyjnych działań politycznych elit. Wykorzystywanie do tego stereotypowych postaci otwiera szerokie możliwości przedstawiana i interpretowania działalności podmiotów politycznych. Jednym z takich symboli, głęboko osadzonych w kulturze i skorelowanych z Rosją (obok zimy, wódki, walonek, bałałajki, dwugłowego orła, matrioszki, kałasznikowa itp.), jest obraz niedźwiedzia. W celu zilustrowania tego twierdzenia warto przytoczyć humoreskę pt. *Rodzina rosyjska w wyobrażeniu rodziny amerykańskiej*:

— Kochanie, wróciłem!
— Dlaczego tak późno?
— W drodze niedźwiedź skręcił nogę – musiałem go wódką napoić.
— Siadajcie! Napijmy się wódki.
— Mamo, pobawię się z niedźwiedziem.
— Dobrze, tylko najpierw wypij trochę wódki.

[11] Ю.Н. Караулов. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Издательство ЛКИ, 1987, s. 216.

— A gdzie jest dziadek?
— Już drugi tydzień stoi w kolejce po kartki żywnościowe na kartki żywnościowe.
— Całe szczęście, że przedtem wypił wódkę. Ty też nie siedź bezczynnie — chodź napij się wódki.
— Dobrze, synu, a teraz idź się pobawić, a wieczorem pamiętaj o napisaniu raportu do KGB! A po drodze do domu nie zapomnij kupić wódki — kończy się.
— Kochanie, coś tu gorąco. Czy możesz wyłączyć reaktor atomowy?
— *Dopiję wódkę i wyłączę, a ty, póki co, zagraj na bałałajce*[12].

Niedźwiedź w randze symbolu Rosji to zachodni, XVIII-wieczny „wynalazek", uosabiający barbarzyństwo, okrucieństwo i lenistwo[13]. Dla mieszkańców Europy Zachodniej naród rosyjski to ludzie dzicy, biedni, często pijani, zniewoleni i uciemiężeni przez władzę na sposób azjatycki, bardzo despotyczny, co jednak nie przeszkadza im w uciskaniu innych. Dla Gottfrieda Wilhelma Leibniza Rosjanie byli „ochrzczonymi niedźwiedziami"[14].

W kulturze rosyjskiej obraz niedźwiedzia jest przedstawiany, nacechowany i oceniany różnie, nawet diametralnie odmiennie. Kult niedźwiedzia, jako zwierza totemicznego, był rozpowszechniony wśród wielu ludów zamieszkujących obszary Rosji. W folklorze rosyjskim postać niedźwiedzia jest ambiwalentna: z jednej strony to głupawy, prostoduszny niedźwiadek (miś), który potrafi nawet służyć człowiekowi (*Маша и медведь*, *Медведь и лиса*, *Медведь и собака*, *Мужик и Медведь / Вершки и корешки*, *Глупый медведь*, *Дочь и падчерица*), z drugiej zaś — to istota dzika i okrutna (*Сказка о медведе костоломе и об Иване купецком сыне*, *Медведь — Липовая Нога*, *Царь-медведь*, *Лесной гнёт*).

W czasach radzieckich w literaturze dziecięcej i animacjach kinematograficznych niedźwiedź był silny i łagodny, czego kwintesencją jest sympatyczny, antropomorficzny niedźwiadek Misza — talizman słynnych XXII Letnich Igrzysk Olimpijskich, które odbyły się w Moskwie w 1980 roku.

Postać niedźwiedzia często pojawia się również w rosyjskim kinie. W kinematografii radzieckiej i postradzieckiej obraz niedźwiedzia przeszedł ideologiczną transformację — od strasznego, pejoratywnego bohatera, uosabiającego ludzką niemoralność («Медвежья свадьба» 1925; «Обыкновенное чудо» 1964; «Морозко» 1964),

---

12 W oryginale: — *Дорогая, я дома! / — Почему так поздно? / — По дороге медведь ногу вывихнул — пришлось водкой отпаивать. / — Садитесь все! Давайте выпьем водки. / — Мам, я пойду поиграю с медведем. / — Хорошо, только сначала выпей водки. / — А где наш дедушка? / — Он вторую неделю стоит в очереди за талонами на талоны. / — Хорошо, что он перед этим выпил водки. И ты без дела не сиди — иди тоже выпей водки. / — Ладно, иди, погуляй, сынок, и не забудь написать вечером отчёт в КГБ! А по пути домой не забудь купить водки — она заканчивается. / — Дорогая, что-то жарко. Выключи, пожалуйста, атомный реактор. / — Сейчас водку допью и выключу, а ты пока сыграй на балалайке.* (*Русская семья в представлении американской*. [Online] <https://legalrc.biz/threads/anekdoty.1/page-22> (12.08.2014)).

13 A. de Lazari, O. Riabow. *Rosja-niedźwiedź*. „Przegląd" 2008, № 21. [Online] <http://www.przeglad-tygodnik.pl/pl/artykul/rosja-niedzwiedz> (12.08.2014).

14 M. Żakowska. *Медведь на охоте, охота на медведя. Россия в немецкой карикатуре XIX–XX вв.* «Политическая лингвистика» 2011, № 1, s. 15.

po wizerunek postaci szlachetnej, naturalnie czystej — wizerunek, którego nie można przypisać współczesnemu człowiekowi («Медвежий поцелуй» 2002; «Ночной дозор» 2004; «Дневной дозор» 2005)[15]. W przestrzeni postradzieckiej filmowy obraz niedźwiedzia stał się symbolem dokonywanych przez człowieka wyborów, pograniczem rozbieżnych światów.

Po rozpadzie imperium radzieckiego Rosja potrzebowała symbolu konsolidującego naród, jednocześnie będącego swoistą opozycją i do czasów komunistycznych, i do cywilizacji zachodniej. Takim atrybutem stał się niedźwiedź. Na Zgromadzeniu Federalnym Rosji wysuwano nawet propozycje wykorzystania symboliki niedźwiedzia w godle. Idea ta bowiem inspirowana była panującym przekonaniem, iż Rosja kojarzona jest w świecie właśnie z tym zwierzęciem[16]. Co ciekawe, są i tacy, którzy dopatrują się w konturach mapy państwa rosyjskiego sylwetki niedźwiedzia; do takich należy m.in. pisarz Aleksander Kazancew [Александр Казанцев]. Z tą jednak różnicą, iż w czasach świetności ZSRR niedźwiedź radziecki, spozierający z mapy, zwrócony był głową w kierunku zachodnim, tyłem do Oceanu Spokojnego; obecnie zaś, po ustanowieniu nowych granic, ten sam zwierz rosyjski, spoglądający na wschód, jest odwrócony od Europy, a sam zarys jego łba przypomina Czukotkę[17].

Jednym z najważniejszych zadań rosyjskiej propagandy politycznej przełomu wieków było przypisanie rosyjskiemu niedźwiedziowi pozytywnych konotacji. W ciągu minionych niespełna dwóch dekad wizerunek niedźwiedzia stał się ważnym elementem prowadzonej polityki wewnętrznej, „zmitologizowanym substytutem „prawdziwej rosyjskości", a nawet swoistym (na ogół kiczowatym) ucieleśnieniem idei narodowej"[18]. Symbol niedźwiedzia został wybrany na emblemat społeczno-politycznego ruchu „Jedność" [Единство], a następnie partii „Jedna Rosja" [Единая Россия]. Stał się on częścią codzienności[19].

W celu ustalenia dominujących we współczesnym dyskursie publicznym cech stereotypu *RUSSIAN BEAR* oraz dokonania typologii obrazów, przedstawiających stereotypowego „rosyjskiego niedźwiedzia" w karykaturze politycznej, zarówno zachodniej, jak i rosyjskiej, podjęłam próbę przebadania 187 współczesnych rysunków

---

[15] Л.В. Кузнецова. *Медведь-оборотень в российском кинематографе: трансформация образа.* «Лабиринт". Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 107–116.

[16] *Русский медведь*. [Online] <http://ru.loolz.org/index.php?title=Русский_медведь> (12.08.2014).

[17] Tamże.

[18] А.А. Россомахин, В.М. Успенский, Д.Г. Хрусталёв. *Его величество медведь. 400-летию дома Романовых посвящается*. «Лабиринт" 2013, № 4, s. 27.

[19] *Nota bene*, wizerunek niedźwiedzia dzisiaj można traktować jako popularny Brand. W postradzieckim okresie w Rosji niedźwiedzia symbolika wykorzystywana jest w logo restauracji i barów, salonach piękności, firmach transportowych, agencjach reklamowych, sklepach komputerowych, warsztatach samochodowych, produkcji napojów alkoholowych itp. Semantyka metafory zoomorficznej często nie ma nic wspólnego z rodzajem działalności organizacji, która ją wyzyskuje. Wizerunek ten można uznać za właściwy dla agencji ochrony, sklepów myśliwskich lub zajazdów czy pensjonatów leśnych. Zob. М.Ю. Тимофеев. *Русский медведь / Russian Bear. Потребительские свойства*. [W:] *«Русский медведь». История, семиотика, политика*. Red. О.В. Рябов, А. де Лазари. Москва: Новое литературное обозрение, 2012, s. 313–323.

satyrycznych, które w wyszukiwarkach *online* odpowiadały na hasło *русский медведь / niedźwiedź rosyjski* (w tym 84 karykatury zachodnie i 103 rosyjskie). Wyniki badań pokazały, że w karykaturze niedźwiedź jest przedstawiany jako głupawy i niezdarny Miś z bajki (Michaił, Michaił Potapycz, Miszutka), dobrotliwy i gościnny olimpijski Misza lub — co najczęściej — jako agresywna, krwiożercza i wściekła bestia, działająca w sposób okrutny i bezwzględny. We współczesnej karykaturze politycznej można wyodrębnić siedem rodzajów postaci rosyjskiego niedźwiedzia: 1) niedźwiedź drapieżny; 2) niedźwiedź radziecki (*Soviet Bear, Ursus Sovieticus*); 3) pocieszny niedźwiedź (потешный мишка); 4) prostoduszny i głupi miś (postać z bajki); 5) Winni Puch (Kubuś Puchatek); 6) pluszowy miś, popularna przytulanka; 7) olimpijski niedźwiadek Misza. Przyjrzyjmy się im bliżej.

Niedźwiedź drapieżny

Pierwsze dwie postacie RUSSIAN BEAR omówię skrótowo (w sposób rozbudowany zostały one opisane w innym moim artykule[20]). Wizerunek agresywnego drapieżnika rosyjskiego, mimo że jest też obecny w rosyjskich grafikach, już od kilku stuleci dominuje jednak w wizualnej kulturze Zachodu. Narodom europejskim, które w istocie stosunkowo późno zaczęły odkrywać daleką Północ, Rosja kojarzyła się z puszczą i dzikimi zwierzętami na czele z królującym niedźwiedziem. Rolę znaczącego aktora na forum międzynarodowym podjęła dopiero w XVI wieku, stając się rywalem Rzeczypospolitej i Szwecji[21]. Partnerskie relacje Rosji z Europą Zachodnią zaczęły się krystalizować dopiero za panowania Piotra I. W świadomości społecznej Europejczyków Rosja była, i wciąż jest, nowicjuszem-barbarzyńcą, „państwem-anomalią"[22], niezdarnym i nieprzewidywalnym drapieżcą.

Badacze rosyjscy[23] uważają, iż podstawową funkcją wizerunku „niedźwiedzia rosyjskiego" jest wyznaczenie granicy pomiędzy światami — cywilizowanym i dzikim, budzącym powszechny strach. Rosja, która niejednokrotnie dawała swym sąsiadom podstawy do obaw, staje się wspólnym wrogiem, OBCYM w świecie europejskim. I nawet gdyby nie było rosyjskiego niedźwiedzia, należałoby go wymyślić, ponieważ drapieżna wizualizacja o wiele lepiej przemawia do przeciętnego mieszkańca krajów zachodnich niż najdoskonalsze traktaty politologiczne[24]. Zdaniem autorów, optymalnie reprezentuje on wszystkie cechy Rosji (jako Obcego) w dychotomicznej opozycji

---

20 Ż. Sładkiewicz. *Wizerunek „rosyjskiego niedźwiedzia" we współczesnej zachodniej karykaturze polityczne. Zarys problemu*. Gdańsk 2014 (w druku).

21 A. Skrzypek. *Polska — Rosja — stereotypy*. [W:] *Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku*. Red. S. Sierpowski. Seria Publikacje Instytutu Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Nr 48. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2002, s. 154–155.

22 И. Нойманн. *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Przeł. В. Литвинов, И. Пильщиков. Москва: Новое издательство, 2004, s. 152–153.

23 О.В. Рябов, М.А. Константинова. *«Русский медведь» как символический пограничник*. «Труды Карельского научного центра РАН" 2011, № 6, s. 114–123.

24 Tamże, s. 119; A. de Lazari, O. Riabow. *Rosja-niedźwiedź*, „Przegląd" 2008, nr 21. [Online] <http://www.przeglad-tygodnik.pl/pl/artykul/rosja-niedzwiedz> (12.08.2014).

do Zachodu: barbarzyństwo – cywilizacja, natura – kultura, zacofanie – postęp, pogaństwo – chrześcijaństwo, tyrania – wolność, despotyzm – demokracja, Azja – Europa, Wschód – Zachód. A zatem wizerunek niedźwiedzia personifikuje fundamentalne różnice między Rosją (dziką i naturalną) a Zachodem (rozsądkowym i cywilizowanym)[25]. Taka wizja wywołuje u Europejczyków poczucie własnej wyższości cywilizacyjnej, ale też i strach przed groźną bestią.

Zdecydowana większość „niedźwiedzich” karykatur odnosi się do działań Rosji na arenie międzynarodowej. Eksploatuje się tu głównie animalistyczny obraz wroga rosyjskiego, którego wyróżnia zwierzęce okrucieństwo, azjatyckie barbarzyństwo i ambicje imperialistyczne. W zachodniej karykaturze politycznej niedźwiedź występuje jako alegoria złowrogiej, destrukcyjnej siły. Zakrwawione zwierzę (w kontekście ostatnich wydarzeń politycznych warczące: *It was self defence! / To była obrona konieczna!*) symbolizuje agresywny militaryzm Federacji Rosyjskiej (rys. 1).

Niedźwiedź jest agresywny, może naruszać prawa innych, ma tendencję do wymuszenia pewnych rozwiązań. On jest „panem lasu/losu”, carem-despotą. Szczególnie ujawnia się w rysunkach przedstawiających sytuacje napięcia wokół zasobów energe-

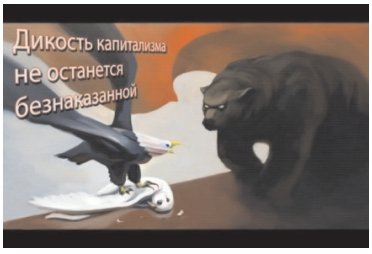
Rysunek 1

Rysunek 2

Rysunek 3

tycznych (rys. 2, 3).

W związku z anektowaniem Krymu metafora rosyjskiego niedźwiedzia powróciła w prasie zachodniej z całą mocą. Przy czym dyskurs satyryczny zarówno rosyjski, jak i europejski często traktuje Ukrainę (wcześniej Gruzję, Syrię) jako ofiarę dwóch potężnych, zoomorficznych przeciwników, ujawniających ambicje do światowej hegemonii — amerykańskiego orła i rosyjskiego niedźwiedzia. Karykaturom wtórują lic-



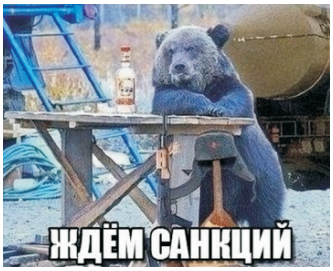
Rysunek 4

Rysunek 5

[25] Idea ta współgra z głównymi założeniami „orientalnej” teorii Edwarda Saida (E. Said. *Orientalizm*. Przeł. M. Wyrwas-Wiśniewska. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-KA, 2005).

zne demotywatory: *Dzikość kapitalizmu nie zostanie bezkarna*; *Zamknij dziób, kuro* (rys. 4, 5):

Rosji-niedźwiedziowi w karykaturach czy kolażach fotograficznych tego typu towarzyszą stereotypowe jej symbole — wódka, automat Kałasznikowa, bałałajka, czapka z gwiazdą, rura gazociągu itp. (rys. 6: *Czekamy na sankcje*)



Rysunek 6

Na rysunkach satyrycznych włochaty drapieżnik rosyjski często jest jedynym zwierzęciem wśród ludzi. Kontrast podkreśla wrogi charakter Rosji wobec kultury europejskiej. Ponadto niedźwiedź w takich grafikach jest przebiegły, chytry i kłamliwy, ukrywający prawdę, co przeczy tradycyj-

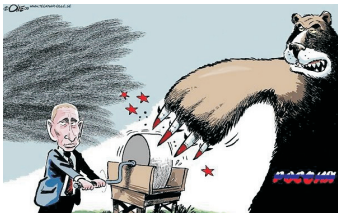
Rysunek 7

nemu napełnieniu tej postaci w folklorze rosyjskim (rys. 7).

Począwszy od czasów carycy Katarzyny II wszyscy, bez wyjątku, władcy Rosji — carowie, sekretarze generalni, prezydenci — byli ukazywani pod postacią niedźwiedzia[26]. Wybrana symbolika zoomorficzna na przeciągu kilku wieków kształtowała fo-

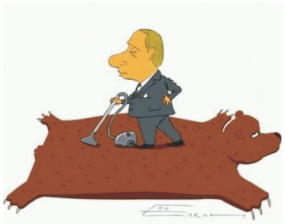
[26] Zob. А.А. Россомахин, В.М. Успенский, Д.Г. Хрусталёв. *Его величество медведь. 400-летию дома Романовых посвящается*. „Лабиринт" 2013, № 4, s. 17–28; М. Литовская, С. Кропотов. *Русский медведь из медвежьего края: интерференция традиционной зоосимволики и персональных свойств личности в репрезентации первого президента РФ.* [W:] *«Русский медведь». История, семиотика, политика*. Red. О.В. Рябов, А. де Лазари. Москва: Новое литературное обозрение, 2012, s. 283–296.

bie i określone stereotypy myślowe Europejczyków. Nie uniknął takiej reprezentacji (a nawet doświadczył w największym stopniu) i Władimir Putin, będąc prezydentem Rosji. W karykaturalnym kontinuum Putin przymierza strój niedźwiedzia, strasząc tym Europejczyków, prowadzi niedźwiedzia na smyczy, leży na nim, odkurza jego fu-



Rysunek 8

Rysunek 9



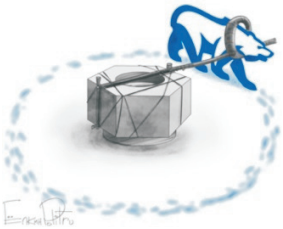
Rysunek 10

tro itp. (rys. 8–10):

W Rosji do podmiotów rządzących należy partia Putina „Jedna Rosja”, której emblematem jest właśnie niedźwiedź. W wizualnej przestrzeni satyrycznej symbol partyjny w postaci niedźwiedzia ulega modyfikacjom, czasami przypominając Sher Khana z *Księgi dżungli* (rys. 11), karmiącą maciorę (rys. 12) lub zniewolone zwierzę,

Rysunek 11

Rysunek 12



Rysunek 13

dokręcające śruby w rosyjskim reżimie politycznym:

Niedźwiedź radziecki[27] (Soviet Bear, Ursus Sovieticus)

Ten „gatunek” niedźwiedzia jest spokrewniony z wyżej opisanym wizerunkiem rosyjskiego drapieżnika. Łączy je dzikość, krwiożerczość, agresja. Obecnie obraz ten występuje przeważnie w karykaturze zagranicznej (europejskiej i amerykańskiej), znacznie rzadziej — w rosyjskiej. Taka jest, na przykład, przewidywalna i szablonowa strona wizualna amerykańskiej gry komputerowej „Command & Conquer: Red Alert”, gdzie niedźwiedź radziecki jest uosobieniem „Imperium zła”, nosicielem „zarazy komunistycznej” (rys. 14).

[27] Zob. też: М.Ю. Тимофеев. *«Красный» медведь из страны большевиков (эссе)*. «Лабиринт”: Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 101–106.

Rysunek 14

Rysunek 15

Wizualnym znakiem rozpoznawczym *ursus sovieticus* jest zwykle czerwony kolor futra i dodatkowo lub alternatywnie występujące symbole — czerwona gwiazda pięcioramienna, sierp i młot, czapka-uszanka, nadruk na ubraniu USSR / Born in USSR. Tak np. na rysunku Aleksandra Utkina (rys. 15) czerwony niedźwiadek oznakowany napisem „urodzony w ZSRR" walczy, trzymając w łapach mop, ze słynną postacią z „Gwiezdnych wojen" — Darthem Vaderem.

Na tło dla tego rodzaju grafik wybierane są zazwyczaj kolory flagi rosyjskiej / czerwień, panorama Kremlu lub sceny batalistyczne (rys. 16).

Ciekawa pod względem graficznym, jest, ucieleśniająca raczej wojenny romantyzm i niezłomny duch walki, seria wizualizacji rosyjskiego rysownika Nikołaja Dichtia-

Rysunek 16

Rysunek 17

Rysunek 18

renko, reprezentująca heroiczne wyczyny partyzantów radzieckich w czasach drugiej wojny światowej (rys. 17, 18).

Zabawny niedźwiedź (Потешный мишка)

Zabawa z niedźwiedziem była tradycyjną uciechą na Rusi[28]. Główną myślą w grafikach, prezentujących taki wizerunek niedźwiedzia, jest idea sterowania niedźwiedziem przez jego tresera. Niedźwiedź zatańczy tak, jak zagra mu jego pan (rys. 19, 20)[29]. W rosyjskiej przestrzeni internetowej (Runecie) wielką popularność zyskało wy-

[28] В. Рогоза. *Как медведи на Руси честной народ веселили?* [Online] <http://berlogamisha.mybb.ru/viewtopic.php?id=4&p=4> (12.08.2014).

[29] Więcej patrz na stronie: Yablor. *53 Russian bears с русско-японской до наших дней.* [Online] <http://yablor.ru/blogs/53-russian-bears-s-russko-yaponskoy-do-nashih-dney/2363518> (22.08.2014).

Rysunek 19

Rysunek 20

Rysunek 21

rażenie *prewed*, *medwed* (*превед*, *медвед*)[30]. Na genezę wyrażenia złożyło się kilka czynników: ukazanie się rysunku John Lurie, rozpowszechnienie się tzw. języka olbańskiego[31] oraz prowadzenie blogu przez Dmitrija Miedwiediewa[32]. Ten właśnie zniekształcony język często jest stosowany w karykaturach z wizerunkiem niedźwiedzia pociesznego, zwykle nawiązujących do premiera Miedwiediewa (rys. 21).

Rysunek 22

Oswojony niedźwiedź może być wyrazem autoironii rosyjskich rysowników, odwołujących się do stereotypowego myślenia o Rosjanach, mieszkających obok niedźwiedzi, bawiących się z nimi (rys. 22: *Żyć w Rosji: Plusy: + Wszyscy myślą, że masz oswojonego niedźwiedzia. Minusy: — Nie masz oswojonego niedźwiedzia.*)

Dobroduszny i głupi miś (postać z bajki)

Widzimy w karykaturach tego typu inne ujęcie i nacechowanie stereotypowego obrazu „rosyjskiego niedźwiedzia” jako ofiary własnego państwa. Wizerunek ten raczej wywołuje współczucie do ciemiężonego ludu[33]. Wizualizacje nawiązujące do fabuły bajki „Masza i niedźwiedź” ukazują, iż to zwierzę rosyjskie jest sterowane przez najróżniejszych polityków — Lenina, Putina, nawet Julię Timoszenko (rys. 23-25).

---

[30] *Превед, Медвед! — история преведа.* [Online] <http://med-preved.narod.ru/history.htm> (12.08.2014).

[31] Język „olbański” to rozpowszechniony w Runecie styl użycia języka rosyjskiego z fonetycznie prawie poprawnym, ale ortograficznie celowo błędnym napisaniem wyrazów, częstym używaniem wulgaryzmów i niektórych kalek, charakterystycznych dla slangu.

[32] Zapoczątkował szerokie użycie leksemu *медвед* prorządowy ruch «**Ме**жрегиональное **Дв**ижение **Ед**инство», 1999–2002, którego logotypem był wizerunek niedźwiedzia. Od roku 2002 „niedźwiedzią” sztafetę przejęła partia «Единая Россия».

[33] Ten modus był bardziej popularny w karykaturze na przełomie XIX–XX wieków (А. де Лазари, О.В. Рябов. *«Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939)*. «Границы”, № 2: *Визуализация нации*. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. [Online] <http://riabov.wordpress.com/2012/10/09/russkiy-medved-v-polskoy-satiricheskoy-grafike-mezhvoennogo-perioda/> (12.08.2014).

Rysunek 23

Rysunek 24

Rysunek 25

W przestrzeni satyrycznej Rosja to zacofany niedźwiedzi kraj («медвежий угол»). Ciemiężony lud niedźwiedzi panicznie boi się jakichkolwiek głosów sprzeciwu i następującej po nich kary. Np. na rysunku S. Jolkina niedźwiedzie, wzywając milicję, głośno uciekają przed pieskiem z transparentem „Marsz niezgody" / *Марш несогласных* (rys. 26).

Trzeba zaznaczyć, iż w kulturze wizualnej Rosji wizerunek dobrotliwego niedźwiedzia czasami wykorzystuje się do uzasadnienia państwowej polityki zagranicznej. Tak, np. w gazecie „Argumenty i fakty" (№ 20 (1281), 18.05.2005) artykuł dotyczący antyrosyjskiej polityki Gruzji i krajów nadbałtyckich zilustrowany jest fotokolażem Andreja Dorofiejewa „Rosyjski miszka jest dobry, lecz ileż można go krzywdzić" (rys. 27).

Rysunek 26

Rysunek 27

Część ikoniczna kolażu reperezentuje olbrzymiego, dobrego i cierpliwego niedźwiedzia, który przyjaźnie liże przywódców wymienionych w artykule państw, jednak część werbalna implikuje ukrytą groźbę (cierpliwość niedźwiedzia może się skończyć).

W odniesieniu do ostatnich wydarzeń na Ukrainie i sankcji wobec Rosji, nałożonych przez państwa Unii Europejskiej i Stany Zjednoczone Ameryki, powstało szereg karykatur, w których niedźwiedź rosyjski ukazany jest — zgodnie z folklorystycznym archetypem wielkiego dobrego misia — jako solidny i bardziej opanowany, niż anima-

Rysunek 28

Rysunek 29

Rysunek 30

Rysunek 31

listyczne personifikacje państw-oponentów. Na rysunku 28 niedźwiedź, patrząc, jak europejskie ptaki panicznie wołają „Wojna! Okupacja!”, mówi do chińskiego smoka: „Jeszcze nic nie wprowadziłem, a oni już biją się w ekstazie!”

Prostoduszny rosyjski miś nie ulega amerykańskim pokusom (rys. 29), jak np. w artykule[34] o „wojnie ideowej”, do której USA planują „wciągnąć” popularne wirtualne strony, blogi i czaty rosyjskie — Runet (rys. 30). Niedźwiedzie wizerunki z różnych bajek rosyjskich mogą tworzyć ikoniczną stronę karykatur, przedstawiających wewnętrzne problemy Rosji, trudności na rynku walut, giełdzie (rys. 31).

Winni Puch (Kubuś Puchatek)

Niezwykle produktywne w rosyjskim dyskursie satyrycznym są postacie głupiego niedźwiadka Winni-Pucha i jego przyjaciela prosiaczka Piataczka z kreskówki *Винни-Пух и все-все-все*. Jest to rosyjska wersja Kubusia Puchatka (ang. *Winnie-the-Pooh*), bohatera opowieści Alana Milne’a. Częste odwoływanie się rysowników właśnie do tej postaci uwarunkowane jest, po pierwsze, średnim wiekiem nadawcy i odbiorcy karykatur (czyli aktywnej części społeczeństwa, które wyrosło na tej kreskówce), po drugie, wysoką „rozpoznawalnością” tego produktu kulturowego, który zajmuje ważne miejsce w obrazie świata współczesnego Rosjanina, wywołuje określone skojarzenia

[34] *RIA Новости*. [Online] <http://ria.ru/caricature/20081101/154272121.html#ixzz39zuHjYaU> (12.08.2014).

Rysunek 32

Rysunek 33

i reakcje emocjonalne. Wizerunek Winni-Pucha, według Marii Woroszyłowej, to 1) korelacja z logotypem partii „Jedna Rosja", 2) aluzja do nazwiska prezydenta Rosji (2008–2012) Dmitrija Miedwiediewa, 3) gra oparta na podobieństwie zewnętrznym postaci z kreskówki i jego politycznego „prototypu"[35]. Dlatego w karykaturze politycznej właśnie Dmitrij Miedwiediew wciela się w obraz Winni-Pucha, tym czasem Władimir Putin zamienia się w prosiaczka Piataczka. Taka korelacja poniekąd przeczy klasycznej treści postaci z bajki rosyjskiej, gdzie tradycyjnie liderem jest miś. Jednakże w karykaturze Miedwiediew-Puch reprezentuje sobą podporządkowanego polityka, a rola lidera przypada Piataczkowi (rys. 32-34):

Zwraca uwagę *obraz balonika*, eksplikujący ostry temat gazu (na rys. 32). Przy-

Rysunek 34

Rysunek 35

wołana metafora wskazuje na to, iż główne wpływy finansowe Rosji związane są z jej zasobami naturalnymi) lub rządzącej partii „Jedna Rosja", która może pęknąć jak balonik (rys. 35).

Wykorzystanie precedentnego wizerunku w charakterze komponentu ikonicznego karykatury politycznej może odbywać się poprzez:

- ***aluzję***, czyli pośrednie odwołanie się do faktów mitologicznych, historycznych, literackich, folkloru itp. (rys. 36: *Do kogo mówię, wszyscy na wybory!*)

[35] М.Б. Ворошилова. *Образ Винни-Пуха в современной российской политической карикатуре*. «Лабиринт". Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 119–120.

Rysunek 36

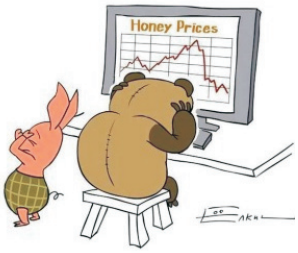
Rysunek 37

- ***kwazi-aluzję***, czyli aluzję, która bazuje na efekcie „naruszonego oczekiwania” i tworzy efekt komiczny[36]; na rys. 37 obserwujemy komiczną transformację wizerunków Winni i Piataczka — ostatni jest znacznie większy niż Puch, z drapieżnym uśmiechem zjada Rosję na talerzu, doprawiając ketchupem w kształcie Kremla i pieprzem-Mauzoleum. Winni z uwielbieniem patrzy z dołu na swojego lidera, a na ścianie wisi plakat „Jemy Rosję” (satyrycznie zniekształcona nazwa partii Jedna Rosja). Taka deformacja precedentnego wizerunku nie obniża jego rozpoznawalności i optymalnie realizuje komunikatywne intencje autora.

Między werbalną a ikoniczną składową modelu metaforycznego w karykaturze zachodzą korelacje dwóch typów[37]:

1) *współzależności* — pełny sens komunikatu staje się zrozumiały dopiero po przeczytaniu werbalnej części (rys. 38: drzewo — *Ukraina*, miód — *Krym…).*
2) *komplementarności / uzupełnienia* — grafika jest zrozumiała bez słów i może istnieć samodzielnie, a część werbalna uzupełnia lub wzmacnia sens elementu

Rysunek 38



Rysunek 39

Rysunek 40

[36] Е.А. Артемова. *Карикатура как жанр политического дискурса*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград 2002. [Online] <http://dibase.ru/article/05042010_artemova_evgenija_aleksandrovna_4478/1> (12.08.2014).

[37] Terminologia Naili Czudakowej: Н.М. Чудакова. *Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург 2005.

ikonicznego (rys. 39; rys. 40: Łużkow: *Pszczół nie oddam!* Putin (tekst z bajki): *Wydaje się, zaczyna padać…*)

Pluszowy misiek-przytulanka

Pluszowy miś jest alegorią dziecinności, infantylności, niedojrzałości podmiotu politycznego. W dyskursie satyrycznym te cechy przypisywane są konkretnym politykom w związku z charakterem prowadzonej przez nich działalności politycznej i podejmowanych decyzji. W karykaturze rosyjskiej dotyczy to przede wszystkim kontekstu prezydenckiej kadencji Dmitrija Miedwiediewa (2008–2012), który jest postrzeganego jako prezydent-marionetka, niesamodzielny, infantylny, robiący wszystko pod dyktando Putina (rys. 41, 42).

Rysunek 41

Rysunek 42

Korelacja wizualnego prototypu z zabawkowym misiem w karykaturze może odbywać się za pomocą komponentu werbalnego. Na rycinie Sergieja Jolkina (rys. 43), obrazującej relacje między Rosją, Gruzją i Ameryką podczas wojny w Osetii Południowej w 2008 roku, amerykańska sekretarz stanu Condoleezza Rice, trzymając za rękę ówczesnego prezydenta Gruzji Michaiła Saakaszwilego (w jęz. ros. zdrobnienie

Rysunek 43

Rysunek 44

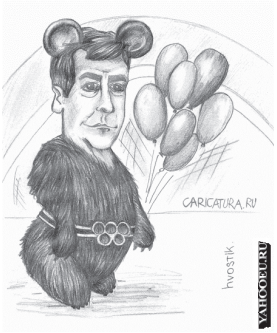
od imienia Michaił — Misza — zbiega się z popularną ludową nazwą niedźwiedzia),

używa słów z dziecięcego wiersza o misiu-przytulance — starej zabawce z urwaną łapką, którą dziecko kocha mimo wyglądu[38].

W karykaturze zachodniej hipertroficzny Putin kontrastuje z innymi politykami europejskimi i prezydentem Ameryki Barakiem Obamą. Na rycinie *Putin Bear* (rys. 44), Rick McKee, The Augusta Chronicle) Putinowi towarzyszy gigantyczny rozwścieczony niedźwiedź, warczący na infantylnego Obamę, który przytula różowego pluszowego misia.

Olimpijski niedźwiadek Misza

Wizerunek dobrodusznego uśmiechniętego niedźwiadka Miszy — maskotki Moskiewskiej olimpiady 1980 roku autorstwa Wiktora Cziżikowa — w rosyjskiej satyrycznej przestrzeni wizualnej to kolejny reprezentant byłego prezydenta — Dmitrija Miedwiediewa. Karykaturzyści najczęściej w sposób komiczny odtwarzają finałową część XXII Olimpiady, a mianowicie wypuszczenie w powietrze sześciometrowej gumowej lalki-talizmana — aerostatu „Miś Olimpijski" do słów piosenki „Do widzenia,



Rysunek 45

Rysunek 46

Rysunek 47

Moskwo!". Większość karykatur z tej grupy nawiązuje do końca prezydenckiej kadencji D. Miedwiediewa (rys. 45–47).

Wizerunek dobrodusznego niedźwiadka olimpijskiego — w nowym wydaniu Igrzysk 2014 to niedźwiadek polarny — w wizualnych tekstach satyrycznych może być tylko maską, pod którą ukryty jest tradycyjny rosyjski niebezpieczny drapieżnik (rys. 48, demotywator: *Skończyła się olimpiada, teraz zajmiemy się polityką*).

Rysunek 48

Podsumowując, we współczesnej satyrycznej kulturze wizualnej wizerunek Rosji przedstawiany jest zgodnie z utrwalonymi szablonami medialnymi. Stereotypowe obrazy, jak niedźwiedź rosyjski, wywołują

[38] Oryginał wiersza A. Barto: *Уронили мишку на пол, / Оторвали мишке лапу. / Все равно его не брошу — / Потому что он хороший.* Efekt perswazyjny przekazu satyrycznego wzmacnia się poprzez zamianę ostatniego wyrazu „dobry" (*хороший*) na „sojusznik" (*союзник*).

u odbiorców pożądane reakcje intelektualne i emocjonalne. W karykaturze rosyjskiej „niedźwiedzia" metafora jest bardziej rozbudowana i realizuje się w licznych, bliskich rosyjskiemu odbiorcy personifikacjach.

Bibliografia

Bartmiński J., Lappo I., Majer-Baranowska U. *Stereotyp Rosjanina i jego profilowanie we współczesnej polszczyźnie.* „Etnolingwistyka" 2002, t. 14, Lublin.

Hojka B. *Język i pismo w kontekście powiązań interdyscyplinarnych nauki o książce*. „Seria III: ePublikacje Instytutu Informacji Naukowej i Bibliotekoznawstwa UJ". 2010, nr 7: *Biblioteki, informacja, książka: badania interdyscyplinarne i praktyka w 21. wieku*. Część druga: *Naukowe badania interdyscyplinarne*. Red. M. Kocójowa, s. 166–172,

Katalog wzajemnych uprzedzeń Polaków i Rosjan. Red. A. de Lazari. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2006.

Lappo I. *Profilowanie stereotypu Rosjanina w polskim kręgu językowo-kulturowym.* „Etnolingwistyka" 2002, t. 14, Lublin.

Lazari A. de, Riabow O. *Rosja-niedźwiedź.* „Przegląd" 2008, № 21. [Online] <http://www.przeglad-tygodnik.pl/pl/artykul/rosja-niedzwiedz> (12.08.2014).

Mirzoeff N. *An Introduction to Visual Culture II Visual Culture Reader.* London — New York: Routledge, 1998.

Mitchell W.J.T. *Picture Theory. Essays on Verbal and Visual Representation*. Chicago: University Of Chicago Press, 1994.

Morbitzer J. *Media — zniewolić umysł?* "Konspekt" 2002, nr 11, s. 45–49.

Said E. *Orientalizm*. Przeł. M. Wyrwas-Wiśniewska. Poznań: Wydawnictwo Zysk i S-ka, 2005.

Skudrzyk A. *Czy zmierzch kultury pisma? O synestezji i analfabetyzmie funkcjonalnym*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2005.

Skrzypek A. *Polska — Rosja — stereotypy*. [W:] *Polska na tle procesów rozwojowych Europy w XX wieku*. Red. S. Sierpowski. Seria Publikacje Instytutu Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza. Nr 48. Poznań: Instytut Historii Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2002, s. 154–155.

Sładkiewicz Ż. *Społeczeństwo „OKA" i tekst wielokodowy (na przykładzie rosyjskiej satyry politycznej)*. „Przegląd Rusycystyczny" 2014, nr 3 (147), s. 111–124.

Sładkiewicz Ż. *Wizerunek rosyjskiego niedźwiedzia" we współczesnej zachodniej karykaturze politycznej. Zarys problemu*. Gdańsk 2014 (w druku).

Tyrpa A. *Cudzoziemcy i obce kraje w dialektach polskich*. Kraków: Lexis, 2011.

WIEM. Darmowa encyklopedia. [Online] <http://portalwiedzy.onet.pl/61504,,,,karykatura,haslo.html> (08.08.2014).

Yablor. *53 Russian bears с русско-японской до наших дней*. [Online] <http://yablor.ru/blogs/53-russian-bears-s-russko-yaponskoy-do-nashih-dney/2363518> (22.08.2014).

Żakowska M. *Медведь на охоте, охота на медведя. Россия в немецкой карикатуре XIX–XX вв.* «Политическая лингвистика» 2011, № 1, s. 15–19.

Анисимова Е.Е. *Паралингвистика и текст (к проблеме креолизованных и гибридных текстов).* «Вопросы языкознания" 1992, № 1, s. 71–78.

Артемова Е.А. *Карикатура как жанр политического дискурса*: Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Волгоград 2002. [Online] <http://dibase.ru/article/05042010_artemova_evgenija_aleksandrovna_4478/1> (23.06.2014).

Большакова Л.С. *О содержании понятия «поликодовый текст»*, «Вестник Самаркского государственного университета" 2008, № 4 (63), s. 19–24.

Ворошилова М.Б. *Креолизованный текст в политическом дискурсе*. «Политическая лингвистика” 2007. Вып. (23), Екатеринбург, s. 73–78.

Ворошилова М.Б. *Мультипликационные герои в современной политической карикатуре*. «Человек в мире культуры” 2013, № 1, Екатеринбург, s. 37–42.

Ворошилова М.Б. *Образ Винни-Пуха в современной российской политической карикатуре*. «Лабиринт”. Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 116–125.

Гайлите Г. *Медведь и Латвия: образы латышско — российских отношений в карикатуре*. «Лабиринт”. Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 29–40.

Дмитриев А.В. *Социология юмора. Очерки*. РАН. Отделение философии социологии, психологии и права. Москва 1996. [Online] <www.auditorium.ru/books/4212/> (08.07.2014).

Зенкова А.Ю. *Визуальные исследования как интегральная область социально-гуманитарного знания*. «Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук”, Екатеринбург: Уральское отделение Российской академии наук, 2004, № 5, s. 184–193.

Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия. Red. А.П. Горкин. Москва: Росмэн, 2007. [Online] <http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_pictures/1322/Карикатура> (14.08.2014).

Ищук М.А. *Гетерогенный текст: функции его составляющих*, «Вестник Тверского государственного университета”. Серия Филология. 2008, № 13, s. 176–182.

Караулов Ю.Н. *Русский язык и языковая личность*. Москва: Издательство ЛКИ, 1987.

Кузнецова Л.В. *Медведь-оборотень в российском кинематографе: трансформация образа*. «Лабиринт”. Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 107–116.

Лазари А. де, Рябов О.В. *«Русский медведь» в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939)*. «Границы”, № 2: *Визуализация нации*. Иваново: Ивановский государственный университет, 2008. [Online] <http://riabov.wordpress.com/2012/10/09/russkiy-medved-v-polskoy-satiricheskoy-grafike-mezhvoennogo-perioda/> (12.08.2014).

Липпман У. *Общественное мнение*. Перевод Т.В. Барчунова. Москва: Институт Фонда „Общественное мнение”, 2004.

Литовская М., Кропотов С. *Русский медведь из медвежьего края: интерференция традиционной зоосимволики и персональных свойств личности в репрезентации первого президента РФ*. [W:] *«Русский медведь». История, семиотика, политика*. Red. О.В. Рябов, А. де Лазари. Москва: Новое литературное обозрение, 2012, s. 283–296.

Нойманн И. *Использование «Другого». Образы Востока в формировании европейских идентичностей*. Przeł. В. Литвинов, И. Пильщиков. Москва: Новое издательство, 2004, s. 152–153.

Поляки и русские в глазах друг друга. Отв. ред. В.А. Хорев. Москва: Индрик, 2000.

Порозов Р.Ю. *Визуальное как доминанта современной культуры*, «Политическая лингвистика”. Ред. А.П. Чудинов. Екатеринбург: Уральский государственный педуниверситет, 2011, № 2 (36), s. 219–222.

Превед, Медвед! — история преведа. [Online] <http://med-preved.narod.ru/history.htm> (12.08.2014).

РИА Новости. [Online] <http://ria.ru/caricature/20081101/154272121.html#ixzz39zuHjYaU> (12.08.2014).

Рогоза В. *Как медведи на Руси честной народ веселили?* [Online] <http://berlogamisha.mybb.ru/viewtopic.php?id=4&p=4> (12.08.2014).

Розин В.М. *Визуальная культура и восприятие. Как человек видит и воспринимает мир*. Москва: Либроком, 2006, s. 26.

Россомахин А.А., Успенский В.М., Хрусталёв Д.Г. *Его величество медведь. 400-летию дома Романовых посвящается*. «Лабиринт” 2013, № 4, s. 17–28.

Русская семья в представлении американской. [Online] <https://legalrc.biz/threads/anekdoty.1/page-22> (12.08.2014).

Русский медведь. [Online] <http://ru.loolz.org/index.php?title=Русский_медведь> (12.08.2014).

Рябов О.В., Константинова М.А. *«Русский медведь» как символический пограничник*. «Труды Карельского научного центра РАН" 2011, № 6, s. 114–123.

Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф. *Креолизованные тексты и их коммуникативные функции*. [W:] *Оптимизация речевого воздействия*. Отв. ред. Р.Г. Котов. Москва: Наука, 1990, s. 180–186.

Тимофеев М.Ю. *Русский медведь / Russian Bear. Потребительские свойства*. [W:] *«Русский медведь». История, семиотика, политика*. Red. О.В. Рябов, А. де Лазари. Москва: Новое литературное обозрение, 2012, s. 313–323.

Тимофеев М.Ю. *«Красный» медведь из страны большевиков (эссе)*. «Лабиринт". Журнал социально-гуманитарных исследований 2013, № 4, s. 101–106.

Чудакова Н.М. *Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000–2004 гг.)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Екатеринбург 2005.

Wykaz źródeł ikonicznych (dostęp 20.08.2014)

Rysunki na str. 5: <http://pikabu.ru/story/vsya_rossiya_v_odnoy_kartinke_1698828>; <https://legalrc.biz/threads/anekdoty.1/page-22>.

Rys. 1: <http://log.alex.pp.ru/page/38>.

Rys. 2: <http://yablor.ru/blogs/53-russian-bears-s-russko-yaponskoy-do-nashih-dney/2363518>.

Rys. 3:<http://www.rb.ru/article/bazovoe-soglashenie-rossii-i-es-mojet-izmenitsya-iz-za-gazovoy-voyny/5646577.html>.

Rys. 4: <http://arma.at.ua/forum/29-2921-1>.

Rys. 5: <http://www.malina-mix.com/topic27620.html>.

Rys. 6: <http://fishki.net/1250481-zhdyom-sankcij.html>.

Rys. 7: <http://joyreactor.cc/post/882964>.

Rysunek 8: <http://ic.pics.livejournal.com/alf5/34233524/114353/114353_original.jpg?from=http://ic.pics.livejournal.com/alf5/34233524/114353/114353_original.jpg>.

Rysunek 9: <http://davidis.livejournal.com/363831.html>.

Rysunek 10: <http://pictures.live4fun.ru/joke/469451>.

Rysunek 11: <http://www.yaplakal.com/forum2/topic378191.html>.

Rysunek 12: <http://www.ogoniok.ru/4936/11/>.

Rysunek 13: <http://polit.ru/gallery/elkin/2012/07/34315/>.

Rysunek 14: <http://glav.su/forum/1-misc/1820/offset/120/>.

Rysunek 15: <http://kuraev.ru/smf/index.php?topic=556355.440>.

Rysunek 16: <http://p-zona.com/item/22668-JEkonomika_SSSR_v_partiijnyh_rezoljutsiiah>.

Rysunek 17: <http://nocens.ru/index.php?do=gallery&bigphoto=3731>.

Rysunek 18: <http://deadland.ru/node/3233>.

Rysunek 19: <https://xashtuk.wordpress.com/2011/08/17/mep1csg8-3uo/>.

Rysunek 20: <http://davidis.livejournal.com/363831.html>.

Rysunek 21: <http://fantomnet.ucoz.ru/news/2007-08-30-83>.

Rysunek 22: <http://vink.pp.ua/plyusy.html>.

Rysunek 23: <http://pictures.live4fun.ru/last/joke/493101>.

Rysunek 24: <http://blogs.privet.ru/community/yanina_2007/80826986>.

Rysunek 25: <http://www.biznes-portal.com/New.aspx?newid=11610>.

Rysunek 26: <http://pictures.live4fun.ru/joke/469451>.
Rysunek 27: <http://gazeta.aif.ru/online/aif/1281/Cover>.
Rysunek 28: <http://davidis.livejournal.com/363831.html>.
Rysunek 29: <http://pikabu.ru/tag/водка%20медведи%20балалайка/new>.
Rysunek 30: <http://ria.ru/caricature/20081101/154272121.html#ixzz39zuHjYaU>.
Rysunek 31: <http://tomatoz.ru/prikol/3413-komiksy-47.html>.
Rysunek 32: <http://foto-jumor.ru/photo/karikatury/karikatura_vinni_pukh_i_pjatachok/27-0-3607>.
Rysunek 33: <http://glistof.net/publ/jumor/jumor_i_politika/1-1-0-744>.
Rysunek 34: <http://ex.by/10479-yumornye-karikatury-6-21-shtuka.html>.
Rysunek 35: <http://www.foxyhome.ru/index.php?newsid=2374>.
Rysunek 36: <http://www.hohmodrom.ru/project.php?prid=117590>.
Rysunek 37: <http://pictures.live4fun.ru/last/joke/519528>.
Rysunek 38: <http://ok.ya1.ru/uploads/posts/2014-03/1393722553_comix_06.jpg>.
Rysunek 39: <http://ruforum.mt5.com/threads/925-finansovie-karikaturi-portala-mt5?p=8901790>.
Rysunek 40: <http://banana.by/engine/print.php?newsid=192342>.
Rysunek 41: <http://valenik.ru/vsesvit/tema/p/painter/e/1/elkin.html>.
Rysunek 42: <http://blog.workmakler.com/uploads/fotos/elkin/part_2/0108.jpg>.
Rysunek 43: <http://d3.ru/comments/237817>.
Rysunek 44: <http://www.prdesign.ru/text/2014/putincartoon.html>.
Rysunek 45: <http://pda.anekdot.ru/caricatures/top_day/2011-02-13>.
Rysunek 46: <http://ex.by/12476-yumornye-karikatury-22-17-shtuk.html>.
Rysunek 47: <http://tezadu.oo3.co/karikaturi/karikaturi-medvedej.php>.
Rysunek 48: <http://ru.loolz.org/index.php?title=Файл:Demotivator-Russkij-medved-16.jpg>.

HISTORIA
ИСТОРИЯ
HISTORY

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 457–473

THE WOŁODKOWICZ FAMILY IN THE HISTORY OF BELARUS[1]

VIKTOR V. HRYBKO

Ivansk Secondary School (ГУО Иванская ДССШ Чашникского района)
Sportivnaya St. 30a, 211153 Ivansk, the Chashniki district, Vitebsk region, Belarus
e-mail: hrybko@mail.ru
(received 7.05.2014; accepted 30.11.2014)

Abstract

This article is dedicated to the history of the Wołodkowicz family. The Wołodkowicz contribution to economic development of our Chashniki region was immense and, therefore, it is noteworthy to have a brief look at the history of this distinguished and rich, but unfairly forgotten family. From the end of the XVIII century Tadeusz Wołodkowicz, *krawdzi of the Minsk Voivodship* purchased Ivansk and the neighboring villages. From that time and until the 1917 October Revolution Chashniki district was a domain of one of the branches of this family line whose representatives settled down in Ivansk. The Wołodkowicz family had a reputation for being true patriots and fighters for the independence of their homeland. The family of Wołodkowicz was also renowned for their religiousness and benevolence. After the October Revolution the Wołodkowicz immigrated to Poland, and then fate scattered the members of this family throughout the world. I think the history of their genealogy will be interesting to the readers of this magazine.

Key words

The Wołodkowicz family, Chashniki, Iwansk, The Wołodkowicz palace-and-park ensemble, history.

[1] I'm very grateful to Martin and Izabella Hus for their support, co-operation and encouragement.

Резюме

Род Володковичей в истории Беларуси и Чашниччины

Эта статья посвящена истории иванской ветви рода Володковичей, которые внесли значительный вклад в историю, экономику, общественную жизнь и культуру не только Чашникского района, но и Великого княжества Литовского и Речи Посполитой. Представители этого шляхетского рода, которые впервые упоминаются в исторических документах с XV века, занимали различные государственные должности в Великом княжестве Литовском на протяжении нескольких веков. Володковичи также известны как меценаты, высокообразованные люди, патриоты своей Родины. С конца XVIII века они приобрели Чашники, Иванск и ещё десяток деревень в нашем районе, создали дворцово-парковый ансамбль в Иванске. Описание дворцово-паркового ансамбля в Иванске, история и судьба некоторых представителей этого рода после Октябрьской революции, когда они были вынуждены эмигрировать в Польшу, также даны в этой статье. Полагаю, статья будет интересна всем любителям истории.

Ключевые слова

Володковичи, Иванск, Чашники, дворцово-парковый ансамбль, род, история.

From the end of the XVIII century Tadeusz Wołodkowicz (Volodkovich), purchased Iwansk (Ivansk) and the neighboring villages. From that time and until the 1917 October Revolution the Czaszniki (Chashniki) district became a domain of one of the branches of this family line whose representatives settled down in Iwansk. The Wołodkowicz contribution to economic development of our region was immense and, therefore, it is noteworthy to have even a brief look at the history of this distinguished and rich, but unfairly forgotten family. Polish researchers of the history of gentry's families are of the opinion that the Wołodkowicz family originates from Lithuania[2] from a certain Wołodko[3].

Others argue that their kin comes from Grand Duke Witold, brother of the king Władysław Jagiełło, and by family legendry, the family descends from Genghis Khan himself.

The first name mentioned in historical documents is Stanisław Wołodkowicz, the owner of the estate of Shteklin near Minsk. These documents date back to 1435. In the XV century historical sources mention three other representatives of this family: Mikołaj (1476), Zenka (1495) and Niekrasz (1499)[4]. In the XVI century, the members

---

[2] We have in mind annalistic Lithuania, part of which in Middle Ages covered the territory of modern Western Belarus.

[3] K. Pulaski. *Kronika polskich rodów szlacheckich Podola, Wołynia i Ukrainy. Monografie i wzmianki*. T. 1. Brody: Feliks West, 1911, p. 236–238; А.П. Сапунов. *Витебская старина*. Т. 4. Санкт-Петербург 1885, p. 281.

[4] A. Wołodkowicz. *Wołodkowiczowie herbu Radwan. Studium Genealogiczne*. Ottawa 1978, p. 2.

of the Wołodkowicz family occupy high positions in the Great Duchy of Lithuania administration. Thus, Marcin Wołodkowicz was the ambassador of the Great Duchy of Lithuania in Moscow in 1573. From 1573 he was the Minsk Judge and from 1588 was the Minsk governor[5].

In the 30–60s of the XVI century another representative of this very large and branched family was the provincial governor (*wojewoda*) of Nowogródek, Krzysztof Wołodkowicz. At the same time, Chryzostom Wołodkowicz was the Minsk vice-judge and Fyodor was a territorial scriber[6].

The Acts of Vilnius Archeographical Commission contain a document related to substitution by Mateusz Wołodkowicz of his own lands with the lands of the crown peasants of Eyragolsk district[7]. Crown peasants were the state or crown property. And the king could sell, give as a present or exchange them. The land was not the property of those crown peasants, they only lived and worked on it. Whole villages could be sold, presented and exchanged with all their inhabitants and the land. Earlier they belonged to the Crown and now to a new owner — a feudal lord.

The judges in this legal case were two other members of the Wołodkowicz family: Stanislaw and Mikołaj. The same document mentions Zofia, the widow of Piotr Wołodkowicz, who wheedled "two services of people and two wastelands" from her father-in-law before his death[8].

In the XVII century the Wołodkowicz family became far more numerous and branched. They resided in the Nowogródek (Novogrudak) and Minsk districts, taking different public positions there. Thus, from the end of the XVI and the whole first half of the XVII centuries Adam Wołodkowicz was the Minsk governor and his brother, Marcin, took the position of territorial judge in Minsk from 1619 to his death. At the same time he was the founder of a monastery in Grozovo, the present-day Kopyl district. After Marcin's death the position of Minsk judge came to his nephew Janusz Wołodkowicz who was in office from 1653. In 1652 Martin's elder son was the Kovno *podczaszy*[9] and his middle son, Teodor, was a judge and consequently, a territorial scriber in Minsk. The youngest son, Krzysztof, was the provincial governor of Nowogródek from 1658[10].

The Wołodkowicz were educated people of their time. One of the representatives of the family, Krzysztof Wołodkowicz, wrote *The history of Infland war*, *Life of prince Casimir* and *On incorporation of the Inflants by Sigismund August*. The Wołodkowicz family agnates had repute for their handsomeness. Thus, the above-mentioned Krzysztof was so good-looking that even the sultan of Ottoman Empire ordered to paint his portrait, he hang the portrait in the sultan's palace in Istanbul[11].

---

[5] A. Wołodkowicz. *Wołodkowiczowie herbu Radwan...*, p. 3.

[6] *Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией*. Т. 24. Вильня: Типография А.Г. Сыркина, p. 81–86.

[7] Ibidem, p. 146–147.

[8] Ibidem, p. 116–117.

[9] *Podczaszy* — deputy cup-bearer.

[10] A. Wołodkowicz. *Wołodkowiczowie herbu Radwan...*, p. 3–5.

[11] J. Wołodkowicz. *Ze wzmagań na dawnych rubieżach Rzeczypospolitej. Wspomnienia z 1863 roku i lat następnych*, p. 281 (typescript).

The Wołodkowicz family was also renowned for their religiousness and benevolence. For example, at the beginning of the XVII century Grzegorz Wołodkowicz founded a monastery in Novodvortsi. In Grozovo, with Wołodkowicz money a seven-dome church of St. Nikolas was built. Marcin Wołodkowicz was the founder of the monastery in the above-mentioned Grozovo in the first half of the XVII century[12]. Four of his ten children chose serving to God as their life goal. Thus, his son Andrzej was a canon of Vilnia, a prior of Virgin Mary church, Jacub was the rector of the Polotsk Jesuit Collegium, and his daughters, Tekla and Klara were nuns in a Basilian monastery in Minsk. This tradition was continued by the grandsons and grand-grandsons of Marcin Wołodkowicz: grandson Michał was a founder of the Carmelite church in Minsk and his daughter Hanna under the name of mother Teresa was the abbotess of Benedictine monastery in Minsk. Felicjan Wołodkowicz (1697–1778) was even the Metropolitan of Kiev from 1762. One of the representatives of the Wołodkowicz family, Konstanty, donated a large sum of money to the Jagiellonian University in Cracow for poor students and even organized a dormitory "bursa" for them. Therefore, all the Wołodkowicz's had an opportunity to study in this university for free[13].

The members of the Wołodkowicz family also had a reputation for being true patriots and fighters for the independence of their homeland. A very interesting fact is related to the personality of Stanisław Wołodkowicz. During the 1654–1667 war between the Tsardom of Muscovy and the Polish-Lithuanian State he served as captain in Vitebsk Voivodship and defended Vitebsk. However, he was captured in 1655 and with a group of commoners and nobles exiled to Kazan, where he spent 8 years in captivity. Stanisław was one of the 59 exiled, who even there, in the remote captivity of hundreds of miles away from home, collected the sejmik which denounced those of his countrymen who had sold the country by swearing allegiance to the tsar of Muscovy and fleeing from persecution and terror had switched from Catholicism to Orthodoxy. With the hope to return to their homeland one day, those 59 people at their sejmik in Kazan expelled the apostates from nobility brotherhood and forbade them from holding any positions in the Commonwealth. Stanisław also stood for that verdict[14].

The founder of the French line of the Wołodkowicz family, Henry (1765–1825), took part in the 1794 uprising led by Tadeusz Kościuszko. He was wounded, emigrated to France, and even from there he continued to fight for the revival of the former Polish-Lithuanian State. First, he served in the French army, was a general, commanded a brigade, and from 1806 he was appointed commander of the Polish Legion. Henry Wolodkowicz knew Napoleon personally and was his aide-de-camp for a certain period of time. For his courage and heroism in the war of 1812 he was awarded the "Legion d'honneur" and his name "Henry" is immortalized on the Triumphal Arc in Paris. Henry Wolodkowicz participated in the Napoleonic war with Russia, was captured and exiled to Siberia. After having received amnesty he moved to St. Petersburg, where he died in 1825[15].

---

12 E. Morawska-Wołodkowicz. *Wspomnienia z Iwanskiem w tle*, p. 3–4, (typescript).

13 Ibidem, p. 5.

14 Б. Пэндзіх. *Паміж раем і клаакай*. "Беларускі гістарычны агляд" 1998, № 12, p. 411–412.

15 A. Wołodkowicz. *Wołodkowiczowie herbu Radwan...*, p. 9.

Henry's son, Joseph, also participated in the War of 1812 and was killed near Smolensk. Like his father, he was awarded the "Legion d'honneur". The French line of the Wołodkowicz have used a double surname, Pairier-Wolodkowicz[16] since 1903.

Another offspring of the Wołodkowicz family, Alexander, (1806–1861), was born in Iwansk. During the rebellion of 1830–1831 he headed the rebels in Vileika district. After the defeat of the uprising he emigrated to France and served the French Ambassador in Sweden. However, he retained love for his homeland for the rest of his life. He was buried in Paris, but in accordance with his will his heart was brought home and placed in the church in Radoszkowice (Radoshkovichi) which was the ancestral tomb of the Wołodkowicz family[17].

Michał Wołodkowicz (1735–1760)

These were some details about several prominent representatives of this family. Perhaps, the only exception was Michał Wołodkowicz (1735–1760), who his contemporaries called one of the most notorious "orgies", brawlers and boozers. He, however, was notable for extraordinary physical force and courage and went to fight a bear alone armed with a wooden fork only. He was mentioned in the poem *Pan Tadeusz* by A. Mickiewicz, who wrote that "both gentry and magnates at sejmik and even judges from the Tribunal trembled", before Michał Wołodkowicz[18].

However, that same Tribunal sentenced him to death: he was shot on February 12, 1760. His adventures and punishment were described in detail by a well-known Belarusian researcher, ardent proponent of our past Adam Maldis in his book *How our ancestors lived in the XVIII century*. Bad temper and viciousness of Michał are seen from one episode given by the above-mentioned A. Maldis:

> One day Michał Wołodkowicz went to the cathedral in Minsk. A well-known priest Oblachinski from Nesvizh was talking. He talked about the effect of alcoholism on people's behavior and the examples he gave were a true copy of Michał's behavior. The latter decided to take revenge. In a week's time, when Oblachinski entered the pulpit: "amidst general silence suddenly from outside strange music could be heard: something rang, jingled, muttered, blared, peeped, and laughed with a very exotic voiced"[19].
> All the people poured out of the church. The priest went out too. The square was filled with a crowd. In the middle of the crowd bears, monkeys and specially-dressed gypsies were dancing under the sounds of music. And above them all, on a tall cart towered Michał Wołodkowicz. He was sitting on the wine barrel surrounded by his team treating views and listeners with wine encouraging them to a funny game. Oblachinski immediately dispersed the crowd and threatened Wołodkowicz: "The time will come and God will punish you![20].

---

16 Ibidem, p. 9–10.

17 *Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich*. T. 3. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1883, p. 20.

18 А. Міцкевіч, *Пан Тадэвуш*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1985, p. 192.

19 А. Мальдзіс. *Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі*. Мінск: Лімарыус, 2001, p. 202.

20 Ibidem, p. 203.

On February 1, 1760, Michał imbibed a lot of alcohol while treating guests and in this condition went to the court. There he found the deputies in the meeting room and ordered to bring wine into the room and treat the court members... And as long as it was customary to invite into the chamber drummers and trumpeters of Tribunal infantry to loudly announce toasts during the drinking party, Wołodkowicz this time too wanted them in the room and asked the Tribunal vice-speaker Morikoni to order to have them in the room. When the vice-speaker rudely rejected the drunken Wołodkowicz, saying this delegation sounded a kind of a lazy-bone's manner, Wołodkowicz grew angry, took his sabre and assaulting no one, was cutting off the lighted candles, then driven mad cut the table with the sabre very close to vice-speakers arm. He slightly damaged the crucifix, which was next to him. When Morikoni bent, he pulled the cloth off the table, and threw it upon the vice-speaker with the intention to hack him defenseless. But that very moment Dłuski, the Lida deputy grabbed Wołodkowicz' flap and the latter was immediately slashed on the hand. Dłuski tried to run away, however, Wołodkowicz chased him and already pressed him into a corner and would have killed him on the spot, if not defended by Morikoni, who seized Wołodkowicz' waist and pulled his sword from his hand, which dropped in the middle of the room"[21].

Michał quieted for a moment and begged not to punish him. But when Dłuski began to complain about his hand cut to the bone for nothing, the rowdy gave him a fist in the face. In the process of reading the verdict, Wołodkowicz was cursing everybody terribly. After the court session was closed he called on the guardhouse forcing trumpeters and drummers to go with him. Out in the street, he came across some Dominicans who were walking with a stretcher for a deceased. Wołodkowicz grabbed the stretches from the monks, ordered the musicians to play a funeral march, while he sang. Then he came to the apartment of Dłuski and, having found nobody in, broke the windows[22].

On Feb. 12, 1760, at the sitting of the tribunal Morikoni demanded death penalty for Michał Wołodkowicz, giving him no right for a counsel. Half of the deputies voted for the proposal, others opposed. When they began to write the decree, Michał initially intended to pull the verdict out of the book and then attempted to run away through a window. But in no time the Tribunal infantry broke into the room and seized Wołodkowicz; putting his hands shackled and hauling off to prison, where his feet were immediately chained and his waist was chained to the wall. According to A. Maldis, by law the verdict ought to be carried out in three days. However, then the news came to Minsk that Karol Radziwiłł was heading to save Wołodkowicz[23], and that his troops were already in Koidonavo. Therefore, a few hours after the court sitting the prisoner appeared to the priest, who advised him to repent. But Michał felt that it was a bad joke. Finally, about two o'clock in the morning the soldiers of Tribunal infantry appeared. From six bullets four hit Wołodkowicz chest, two reflected from the metallic medallion, which he wore around his neck. Then the officer to it finishes off shot in the ear. The news of the death of Michał Wołodkowicz spread throughout

[21] Ibidem, p. 204.

[22] Ibidem, p. 206

[23] Michał was a friend and relative of Karol Radziwiłł.

the country and got into foreign newspapers. Some condemned the deceased, others fiercely defended[24].

The Wołodkowicz family in the history of Czaszniki district

In 1774 Tadeusz Wołodkowicz purchased Iwansk and the neighboring villages. From that time Iwansk became the main, even though not the oldest, domain of one of the branches of this family. When Tadeusz Wołodkowicz died in 1776 Iwansk was inherited by his brother Wincenty (1761–1838), chamberlain of king Stanislaw August and Marshal of the nobility of the Borisov district.

During the Napoleonic war of 1812 with Russia, he, like most Polish nobility, supported and welcomed Napoleon who had promised to recover the Polish-Lithuanian State after the victory over Russia. Wincenty Wołodkowicz headed the Borisov district committee and signed the "Appeal of Provisional Government of Borisov County of accession to the Warsaw Confederation". It was he who gathered and passed to his direct descendants Dakshnyani and Markov in Vileyka county, township Czaszniki, Iwansk and Koptsevichi in the Lepel district, Salamyarechcha, Vayshnarova, Padalyanka and Staroe Selo in Minsk county as well as Nizgaradok in Borisov county[25]. However, in the a document by Józef Wołodkowicz (1875–1956), the son of the last owner of Iwansk Wincenty (1846–1927), affirms that Dakshnyani, Salamyarechcha, Smalyantsi and Slobodka belonged to Ignacy's brother Józef, who died in 1883 and only after his death the estates were inherited by his nephew, Ignacy's son Wincenty (1846–1927)[26].

In 1820 Wincenty Wołodkowicz built a winery Plant (Distillery) in Iwansk, where he employed 5 workers. This was the first enterprise in the Czaszniki district. Production of vodka has apparently been quite lucrative at all times, as in 1834, Wincenty Wołodkowicz built another winery in the village of Harakova and in 1835 in Smalyantsi. Each of these enterprises employed 3 workers[27].

Owing to the fortune which steadily favored the Wołodkowicz', as well as business grip and entrepreneurship, until the end of the XIX century they gathered more than twenty villages and settlements. After Wincenty, Iwansk with the surrounding lands and villages, as well as Czaszniki, Smalyantsi and all of the above mentioned villages were inherited by his son Emanuel (1805–1852) who used the name Ignacy and who was married twice: first, to Princess Wiktoria Drucka-Lubecka, and after her death in 1841, he married her sister, Princess Alina. From his second marriage Emanuel had three children: Maria (1844–1855), Wincenty (1846–1927) and Jadwiga (1848–1854). In 1840 Emanuel (Ignacy) built a brewery in Czaszniki. The last owner of all this wealth was Ignacy Wołodkowicz's son, Wincenty (1846–1927)[28].

---

24 А. Мальдзіс. *Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі...*, p. 206.

25 *Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией*. Т. 37. Вильня: Типография А.Г. Сыркина, p. 199.

26 J. Wołodkowicz. *Ze wzmagań na dawnych rubieżach Rzeczypospolitej...*, p. 40.

27 *Памятная книга Витебской губернии на 1866 г.* Витебск, 1866, p. 156.

28 R. Aftanazy. *Dzieje Rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej*. Wrocław: Ossolineum, 1991, p. 235.

Ignacy was a real Polish patriot and a devoted catholic. In 1840 the local authority intended to close the Catholic Church of Jesus Christ and change it into a Russian Orthodox church because there was not a Russian Orthodox church in Czaszniki at that time because the old one had burnt down. To prevent the capture of the Catholic Church of Jesus Christ, Ignacy founded on his own account the Russian Orthodox Church of Transfiguration in 1843 which has remained till our days[29]. In the Catholic Church of Jesus Christ there was a well-known miraculous statue of Jesus Christ. Believers from far away came to the church to worship this statue. But when the church of Jesus Christ was nevertheless changed into a Russian Orthodox church in 1868, the statue was moved to Iwansk and was placed in the local chapel. After the October Revolution the statue disappeared and its destiny is unknown[30]. Wincenty was married to Zofia baroness Hartingh, who in the in 1843 maternal line came from the family of Drucki-Lubecki. Through their wives the Wołodkowicz were also in kinship with such well-known families as the Pac, Wańkowicz and Tyszkiewicz. Wincenty and Zofia had eight children: Józef (1875–1956), Michał (1877–1878), Gustaw (1880–1933), Ignacy (1882–1944), Hieronim (1885–1953), Maria (1887–1967), Kazimierz (1889–1967) and Henryk (1893–1934).

Wincenty employed home teachers from Germany and France to teach the children German and French. All the children received college. Maria, who studied medicine in Switzerland, became the first certified woman doctor of Polish origin. Wincenty Wołodkowicz bought for his daughter a children's hospital in Vilnius where she worked until the end of her life[31].

Józef, the eldest son of Wincenty and Zofia, married against his parents' wish a local girl, "from a humble background", who worked as a governess. For this, angry Wincenty deprived the elder son of the right to possess the presidency to the family nest — Iwansk, which passed to his second son, Gustaw. Later, having softened, Wincenty passed into Joseph's possession the estate Staroe Selo together with the surrounding farms[32].

In 1917 the Wołodkowicz estates (Czaszniki, Koptsevichi, Hatsyanava, Fedzki, Tovpentsy, Iwansk, Naviny, Vishanki, Pachaevichi, Demidovichi, Prystoi, Medvedsk, Krasnitsa, Punki, Smalyantsi, Staroe Selo, Salamyarechcha, Krasnoe Selo, Dakshnyani, Imsharki) made about 100 thousand hectare of land, forests and lakes.

In 1886 W. Wołodkowicz founded a paper mill "Skins" next to Czashniki (now the paper mill "Krasnaya Zvezda") and a brick works in Iwansk. The Wołodkowicz family also owned numerous mills (in Smalyantsi and Vishkavichi, a windmill in Ivansk, including mills operating by animal power in Iwansk and Czaszniki, which were later transferred to steam traction), a saw-mill, brew houses, as well as a glass factory[33].

Wincenty Wołodkowicz had his famous stable of trotters (about sixty horses) in Iwansk. He was very fond of black horses with white "stars" on the forehead. Trained

---

29 J. Wołodkowicz. *Ze wzmagań na dawnych rubieżach Rzeczypospolitej...*, p. 45.

30 Ibidem, p. 46.

31 E. Morawska-Wołodkowicz. *Wspomnienia z Iwańskiem w tle...*, p. 4.

32 Ibidem, p. 5.

33 *Памятная книга Витебской губернии на 1865 г.* Витебск, 1865, p. 213.

grooms dressed in white looked after them. The horses took prizes at the races in Moscow and St. Petersburg. The owner bought them all over Europe and even in the United States. In addition to these sixty trotters, the estate had about other forty horses, which for one reason or another were flanged and could not participate in races and were used on the farm. After the revolution, when the Wołodkowicz family was forced to flee, Wincenty arrived in Warsaw in a carriage at the head of his herd of horses, which he himself drove out from Iwansk. Wincenty could not keep his horses in Warsaw so he sold them to individuals and to stables.

After some time Wincenty and Zofia Wołodkowicz moved to Bydgoszcz, a city in western Poland, where they spent the rest of their life hoping to return to their beloved Iwansk. After they died they were buried in the cemetery in Bydgoszcz. In the same crypt their three sons: Gustaw, Henryk and Józef were buried[34].

The last owner of Iwansk, Wincenty Wołodkowicz, was an honorary member of the Vitebsk Noble Assembly from the Lepel district. He also was a member of the county committee on the needs of the agricultural industry. He paid much attention to putting into effect the economic achievements of agricultural science and best practices[35].

On flood plain meadows in Iwansk racy trotters and cattle were bred. Fed bulls were taken for sale to Riga on big boats along the rivers Ulla and Western Dvina. In all the estates the economy was conducted carefully and cautiously. A land-reclamation team worked to drain wetlands[36].

The following is an abstract from *Geographical Dictionary of Kingdom of Poland* published in 1883 in Warsaw about the Iwansk estate of Wołodkowicz:

> At present Iwansk and the neighboring folvarks of Noviny and Vishenki belong to Wincenty Wołodkowicz. He also owns a borough of Czaszniki with the farm of Alinpol. The telegraph line Czaszniki — Dvinsk runs through Iwansk. There is an old wooden chapel built by the Jesuits. The sandy and marshy ground was conveyed through the efforts of the owners to the best condition in the neighborhood. Field reclamation and skillful use of agricultural machinery raise the culture of the local economy. Steam engines are used everywhere: at a mill, sawmill, distillery, brick factory, threshing mill. Brood cows and horses are bead here. The estate Iwansk includes Koptsevichi, Demidovichi Vostrau, Punki, Tovpentsy, Krasnitsa, Medvedsk, Fedzki, Hatsyanava and Pristoye decently. Throughout the summer the villagers are engaged in floating timber to Riga. Shortage of labor has a harmful effect on the state of agriculture and human well-being...[37].

The discipline at the estate was very strict, the owner especially disliked manifested drunks who he fired immediately having felt the smell of alcohol. He liked to appear with surprise inspections where it was least expected[38].

---

34 E. Morawska-Wołodkowicz. *Wspomnienia z Iwańskiem w tle...*, p. 6.

35 *Витебская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности*. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1903, p. 330.

36 *Памяць. Чашніцкі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі*. Рэдкал. М.Ц. Дробыш і інш., уклад. Н.Т. Кіндзяева, маст. Э.Э. Жакевіч. Мінск: Беларуская навука, 1997, p. 103–104.

37 Ibidem, p. 103–104.

38 E. Morawska-Wołodkowicz. *Wspomnienia z Iwańskiem w tle...*, p. 7.

Unfortunately, at present there is no trace of the former brick factory which produced bricks of very good quality of various sizes and shapes, and from the distillery remain dilapidated warehouses.

Wincenty Wołodkowicz was a true philanthropist and Iwansk became known in Belarus as an island of Polish culture. With his own money he taught young people at the university and invited teachers from Poland and opened a Polish school in Iwansk, which acted illegally. The documentation and account books were also in Polish[39].

Wincenty and Zofia Wołodkowicz had a rather unusual, day and night schedule. They went to bed somewhere around ten o'clock in the morning, woke up about six o'clock, had breakfast, going about their business, and had dinner around midnight. This routine was violated only in extreme cases for very important guests who came to him in Iwansk.

After the October Revolution the Wołodkowicz immigrated to Poland, and then the fate scattered the members of this family throughout the world.

The Wołodkowicz palace-and-park ensemble

On purchasing Iwansk at the end of the XVIII century, the Wołodkowicz family decided to settle down here permanently. At the turn of the XVIII–XIX centuries the Wołodkowicz built a single-storey mansion. It was a strongly protruding rectangle which rested upon a tall basement with rooms with square windows.

The facade of the building had two identical porticos, each of which consisted of four columns. The simple walls were embellished with large windows divided into eight square parts. The pile was covered with smooth dual-slope shingled roof. The Wołodkowicz family lived in this building until the end of the XIX century. It had twelve rooms[40].

In the late XIX and early XX centuries the Wołodkowicz built a new large two-storey mansion next to the old one, reinforced with counterforces at the sides. The new mansion was built primarily for storing the ever-growing collection and family heirlooms. They were collected by several generations and mostly by Wincenty Wołodkowicz, the last owner of Iwansk. A huge dining-room at the elevated first floor of the new palace was panelled with oak and resembled a refectory. The walls were covered with family portraits of different quality. Among the paintings done by home-grown artists there were also valuable works. The family collection was stored in the arched cellars of the palace. One of the halls with oak cabinets attached to the wall and reaching the ceiling was designed for the library and family archives. Most books in the library were bound in leather. The archieves, apart from family documents, contained materials on the history of the Commonwealth, especially those relating to its north-eastern lands. It stored a considerable part of the archives of the Polotsk Jesuits, correspondence of crown vice-chancellor Hieronim Radziewski with King Jan Kazimierz, letters of Marina Mniszek to her husband False-Dmitry, several letters of Bar-

[39] M. Jałowiecki. *Na skraju Imperium*. Warszawa: Czytelnik, 2003, p. 178.

[40] R. Aftanazy. *Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej*. Wrocław: Ossolineum, 1991, p. 235–236.

bara Radziwiłł, autographs of King Zygmund August, awards and privileges of Stefan Batory, letters of Prince Mikołaj Radziwiłł the Orphan as well as the correspondence between Infland Master Wilhelm Furstenberg and his successor Gotthard Kettler from the times of secularization of the Order. The library and archives were arranged and catalogued before World War I by the Krakow historian Ivan Dombrowski. *(Unfortunately after the October Revolution the library and the archives disappeared and there is not any information what happened with them).* In another room on the same floor precious porcelain was kept. The Wołodkowicz family had Saxon china-wear, as well as the Sevres vases brought from France in the XVIII century. The third room was a kind of treasure-room. Here the Wołodkowicz stored mainly old silver, among which were large heraldic trays, baskets of very fine lacework, silver and golden candlesticks. On the walls were ancient weapons including carabellas (sables) decorated with silver, gold, rubies and other precious stones. But let's give the floor to M. Jałowiecki, a relative of the Wołodkowicz family who visited Iwansk in 1914:

> Two locks opened and I stopped in astonishment, because never in my life had I seen such an amount of silver! There was a huge heraldic tray of lace work. In the huge wooden chests were hundreds of knives, spoons, forks, tea-spoons, dozens of silver plates and saucers, and on shelves there were beautiful silver candelabrums with pedestals that represented the Greek gods and goddesses.
> Driven into the wall at special hooks hang sabers, framed in the skin of lizards, wrought in silver and gold with rubies on the hilts. Here, there was also a collection of Slutsk belts by masters Jan Madzharski and Pavel Yakubovich, and a collection of Oriental carpets[41].

The fields of Iwansk in the vicinity of Czaszniki were the site of two great battles: the 1564 battle of Ulla and the battle of Russian troops under the command of Wittgenstein to the French units under the command of Marshal Oudinot.[42]

Having excavated the old battlefields Wincenty Wołodkowicz gathered damaged cones, bent armor, rusty swords, spears, curve oriental sabres, stone and cannon balls, arrows, buttons with Napoleonic and Russian eagles, broadswords of French dragoons, Polish cavalry sabers, metal plates of French soldiers tricron hats, etc. Each of these collections had a separate room. Thus, one could assert that the palace of the Wołodkowicz family in Iwansk was a kind of cultural-historical center in Czaszniki district at that period of time.

The first floor also had a huge living-room and guest-rooms. On the second floor of the palace housed the children and tutors with the governesses, who were invited from England, France and Germany. The yard was electrified. It was a great rarity in the early XX century, especially in rural areas. In the 90s of the XIX century Wincenty Wołodkowicz laid a phone line from the estate of Iwansk to the paper mill. It was the first telephone line in Czaszniki district[43].

What happened to the library, achieves, museum exhibits and other historical riches after the October Revolution is unfortunately unknown. The local history museum in the Iwansk secondary school stores the village soviet (local council) documenta-

---

41 M. Jałowiecki. *Na skraju Imperium...*, p. 187–188.

42 Incidentally, the same M. Jałowiecki argues that both of these battles occurred in the same place.

43 E. Morawska-Wołodkowicz. *Wspomnienia z Iwańskiem w tle...*, p. 7.

tion for the last three months of 1924 (certificates, fact sheets, documented requests of local population to provide them with firewood or forest plot, etc). Some of such certificates are written on the sheets torn from account books of the Iwansk estate of the Wołodkowicz family. On one of them there is even the handwritten signature of Wincenty Wołodkowicz which dates back as far as 1865! After the 1917 October Revolution the estate of the Wołodkowicz family was nationalized and on its basis the Bolsheviks created a commune named "The Red Fighter". The commune members in the palace, where the village soviet was located, most probably "made use" of the Wołodkowicz family achieves. One can hardly imagine how many valuable historical sources and documents from the Wołodkowicz archive were destroyed in those days... Perhaps part of the archive is stored somewhere in the various archives and libraries in the former Soviet Union, waiting for their researcher. During the Civil War, General A. Zhirkevich, who once worked at the Vilnius Museum of Antiquities, came across the archive of the Jesuit college of Polotsk in the storeroom of the town of the Simbirsk. Perhaps it was part of the archive stored in the Wołodkowicz palace in Iwansk and during the mess and rigors of the Civil War somehow it got into Simbirsk?

In the process of work on this paper I came across an article by the Vitebsk scholar A.M. Podlipsky mentioning that some pieces of Wincenty Wołodkowicz museum exhibits, one way or the other, got into the collection of a well-known collector, V.P. Fedorovich[44].

From another source, I learned that the collection of portraits of the Wołodkowicz family was in a private collection of another famous Vitebsk collector, A.P. Brodovsky. After the October Revolution, this collection became the basis for the Vitebsk Provincial Museum. The portraits of the Wołodkowicz, alongside with other exhibits of Vitebsk museum, most likely were brought out during the Great Patriotic War (the Second World War) in Saratov, where the museum collection was placed. Not all exhibits are known to have been given back. Perhaps the portraits of the Wołodkowicz family are still in Saratov[45].

From documents by Józef it appears that part of the furniture and precious porcelain from Iwansk was removed to Minsk. Beautiful silver candelabrums and a lot of silver tableware turned out to be in Vitebsk. The family icon of the Blessed Virgin which was inherited from generation to generation turned out to be in Vitebsk too[46].

Only God knows how many interesting and valuable documents, items and evidences have disappeared because of human indifference and ignorance in our crazy and insane age! One can only imagine how far richer and more interesting our history would be if we handled it with more respect and affection!

During the Great Patriotic War the palace housed a police garrison. In March 1943, the partisans of Zvonov attachment of the partisan brigade "Dubava" made an attempt to defeat this garrison, but the thick walls and good position of the palace allowed the

---

44 А.М. Падліпскі. *Заснавальнік Віцебскага музея*, "Помнікі гісторыі і культуры Беларусі" 1980, No 2, p. 19–20.

45 А.А. Букіна. *Музей А. Брадоўскага ў Віцебску*, "Віцебскі сшытак" 2000, No 4, p. 201–205.

46 J. Wołodkowicz. *Ze wzmagań na dawnych rubieżach Rzeczypospolitej...*, p. 66.

Polizei repel the attack. During the battle the palace caught fire and burned down from inside and remained up to the 1960s of the XX century.

Soon the order was given to dismantle the palace. There is a unique photograph of the palace in the museum during its destruction in the 70s of the last century.

Thus, gradually over several years, the palace, which required only a major overhaul, was almost completely destroyed. Only the back cornerpillar which the vandals could not break down remains.

Next to the palace there was a lodge for servants with a big dining-room for the workers employed by Wołodkowicz. This lodge also had two stories with a vast canteen and a hall.

Residents of Iwansk lived in the building until the early 70s of the XX century. Then they moved into new houses built by the collective-farm, and the lodge was gradually declining and crumbling. The palace was surrounded by a large picturesque park with lawns, flower beds, lime-tree alleys and a greenhouse to grow "oversees flowers". In the middle of the park there was a gazebo surrounded by pine trees, the paths were strewn with broken red brick. The park was planted with larches, mulberries, elms, oaks, lindens and other trees. On the outskirts of the park near the artificial pond there was a chapel. Near the park there was a big hippodrome where aristocratic-breed trotters were trained. Near the palace were outbuildings: stables, barns, a barn-floor, a smithy, an ice-room (a room to store bacon and meat). Nearby, there was a distillery, which was founded in 1820. After the October Revolution it was closed. After the Second World War there was a collective-farm sawmill. Then the building of the distillery was dismantled, with only two warehouse premises left which were used for a jointer's shop and a warehouse.

The chapel was also destroyed, the gravestones stolen, the pond turned into a mud puddle. Unfortunately, until today from a perfectly well-cared-for and picturesque palace – and – park ensemble only the lodge has been preserved. However, it is gradually crumbling and the park is running wild and losing its original appearance. All the rest was destroyed in the 50–70-s of the XX century.

A quite detailed description of the Iwansk estate of the Wołodkowicz family was left by Nina Vasilevna Fedzko, a resident of the village of Iwansk who was born in 1927 and the memories of whom I put down as far as in 2001:

> I remember well the yet undamaged palace and the park. Near the landowner's pond there was a brick gate – central entrance to the estate from which a brick fence came – a fencing around the entire park. Near the pond the landlord's bath-house stood, which the partisans burned down during the war in an assault on the police garrison located in the palace. Opposite the pond, where is now the complex (a big collective cattle-farm), there was a huge two-storey barnyard for keeping grain and seeds. One could even enter the second floor with horses. Horse carts with full sacks of barley, wheat, oat and other grains drove to the second floor from which the workers pored them out into the compartments which had holes at the first floor to pour the grain and fill the sacks when needed. Next to the barnyard were two stables. Near the stables was a huge room for hay – the floor. There also were several outbuildings, which purpose I do not remember. On the way to Selets near the distillery was a settlement which was called Ignatavka. Close to the pond there is a huge, apparently, landowner's, bee yard, the honey from which was stored in the former landowner's chapel which was nearby. Today nothing remains

> apart from one plate and the entrance into the vault beneath. In the park there was a huge brick house with three apartments. Under the house there was a basement. The house was destroyed after the war and today no trace remains.
> Another thing I remember is that not far from the Burdytsk pond, on the road to the brick factory, stood the landowner's brick barn and a wooden house next to it. Nearby were eight farms, which before the war had been taken to the commune, because their owners were dispossessed. I remember that from the brick factory to the Burdytsk pond was a road, which was called Vysokaya. I also remember my parents told that near the palace sir Wołodkowicz had a glass greenhouse with overseas plants and flowers. Nearby the landowner had an orchard (I remember it well too, since with other children I went in for apples and pears). Near the two-story lodge, which is preserved until today, there was a smithy. It was dismantled quite recently, in our time. ...The distillery was across the road from which now only two warehouses remain. The very same distillery had a huge brick chimney. The distillery was closed immediately after the revolution, and what was in it before the war I do not remember, but after the war, it housed the collective-farm sawmill for a long time. Then the premise was relocated and the saw-mill was closed. This is all I remember about the former palace and the park.

In the mid-90's a businessman from Minsk bought the dilapidated lodge, re-roofed it, installed frames and mended the broken windows. He started other recovery efforts, hoping to make a shop and cafe in it, as well as accommodation for his family. But something went wrong; he left Iwansk without completing a good deed. Again everything went into decline. I noticed an interesting trend that is inherent to all obsessed with local loreand which was confirmed by my fellow historians from other corners of the Vitebsk region: first, you are looking for an interesting fact, an exhibit, some information, the history, and then all of this, so to speak, begins to "seek" you. This happened more than once in my work, too... Late in the autumn of 2009, a Roman Catholic priest from Czaszniki, Andrzej, came to my school. He was sent to me by the staff of the Czaszniki museum. He told me, that on behalf of the Polish journalist Gizela Chmielewska from Bydgoszcz, he wanted to find out if any trace of the Wolodkowicz family on Czaszniki land remained. It turned out that she was exploring the history of the Wołodkowicz family in cooperation with the granddaughter of Wincenty Wołodkowicz, the last owner of Iwansk, the daughter of his son Gustaw Elżbieta, who lives in Warsaw! Priest Andrzej took pictures of the section of the museum dedicated to the history of the Wołodkowicz family and sent them to Poland. Then I received an e-mail letter from ...Holland!

It turns out that Elżbieta's daughter, Izabella, lives with her family in Holland and on behalf of Elżbieta she was willing to correspond with me to share information. We started to exchange e-mail letters. They provided me with very valuable information, which extended my knowledge about the history of the family of Wołodkowicz, their life and destiny in the twentieth century. This includes the memories of M. Jałowiecki who in 1914 visited Iwansk and gave a detailed description of the palace, as well as customs and the way of life of Wołodkowicz in Iwansk[47], and the memories of her family, and the history of Elżbieta herself, as well as several valuable photographs. I sent them the information that aroused great interest with them, since they could not even imagine that the Wołodkowicz family had left a trace in Czaszniki

[47] M. Jałowiecki. *Na skraju Imperium...*

district. From them I learned about the fate of the family of Gustaw, one of the sons of Wincenty and Zofia, who would have been the next owner of the Iwansk estate.

After the October Revolution Gustaw left for Poland with his wife countess Izabella Morsztyn and his parents.

Elżbieta Wołodkowicz (Dzierzykraj-Morawska by marriage), daughter of Gustaw was born in a villa near Warsaw May 30, 1924. Apart from her, Gustaw had four more children: Wincenty (1919–1944), Paweł (1921–1980), Helena (1922–1994) and Kazimierz (1926–1953) Wołodkowicz. To keep the family, worked as a chemical engineer in a laboratory in Warsaw (he was a chemist by education). This work reduced his days as it was related with harmful chemicals. He died in 1933. The children went to boarding school and spent the rest of their time at the estates of their relatives, among others at Hroszowka and Snow in present day Belarus.

Being true patriots, the family of Gustaw took part in the fight against the Nazis during the Second World War. Thus, Gustaw's wife Izabella, who during the occupation lived in Warsaw, hid in her home Jewish children who had escaped from the Warsaw ghetto. After the war she was awarded by the Israeli organization Yad Vashem. The award was received by her daughter, Elżbieta, because her mother had died by that time. Gustaw's sons participated in the resistance movement. Wincenty was heavily involved in helping Jewish children to escape from the Warsaw ghetto and was also the editor of an underground newspaper in Warsaw and perished during the Warsaw uprising of 1944.

After the war the life of the family was not easy. Elżbieta worked for some time in a shoe factory to earn some money, and in her spare time she made shoes for her relatives and friends. Her brothers, Paweł and Kazimierz, who did not accept the new government, and, at all that, were members of the Territorial Army ("Armia Krajowa") during the war, were under the supervision of the Polish secret police. They were about to be arrested, but they fled abroad. In 1953 Kazimierz died tragically in Canada while hunting and Paweł lived in the UK, where he died in 1980[48].

Gradually the situation improved due to support from relatives living abroad. Elżbieta's husband Franciszek Dzierżykraj-Morawski became the first Polish Ambassador in the Netherlands in the 1990s after the political change in Poland. They have two children: a son Robert (single) and a daughter Isabella (Hus by marriage). Izabella and her husband Martin live in the Netherlands and they have three children: two sons, Vincent and Thomas, and a daughter Izabella.

Finally, 4–5 May 2010 Elżbieta Wołodkowicz-Morawska, her son Robert and her daughter Izabella with her family visited the Czaszniki District. They attendeded the paper mill, where a warm welcome was organized for them. Then of course they called on Iwansk, where they visited the remains of the palace and the park ensemble of their ancestors, went on tour to the school museum.The excursion was begun with a performance on the cymbals of the famous "Ogiński Polonaise". Unforgettable were the tears of joy and at the same time pain in the eyes of the descendants of the owners of Iwansk, who after so many years returned to their roots, to their heritage, to the fatherland! This polonaise, although called the "Farewell to the Fatherland", was, as

[48] E. Morawska-Wołodkowicz. *Wspomnienia z Iwańskiem w tle...*, p. 8.

I said to the honorable guests, a symbol of returning to their homeland. They were very touched by the fact that the memory of their ancestors is preserved, and respected in Ivansk. The meeting was a very exciting and emotional experience. I will always remember as Mrs. Elżbieta Wołodkowicz-Morawska with a trembling hand stroked the remains of a wall of the former palace where her ancestors lived, and under the pouring rain knelt on the spot where the family vault — chapel used to stand and from which only one tombstone remained. And it is hurtful, shameful and sad for what people have done, because "they don't know what they do", as written in the Bible. Forgive us, O God! Since people did without knowing what they do before and do now! Even that small piece that remained of the former palace and park ensemble is still crumbling, cracking and being soiled. So much good did this family do for the history of our country that they deserve much more respect and attention.

References

Aftanazy R. *Dzieje Rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej*. Wrocław: Ossolineum, 1991.

Jałowiecki M. *Na skraju Imperium*. Warszawa: Czytelnik, 2003.

Morawska-Wołodkowicz E. *Wspomnienia z Iwanskiem w tle*. Typescript.

Pulaski K. *Kronika polskich rodów szlacheckich Podola, Wołynia i Ukrainy. Monografie i wzmianki*. T. 1. Brody: Feliks West, 1911.

Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. 3. Warszawa: nakł. Filipa Sulimierskiego i Władysława Walewskiego, 1883.

Wołodkowicz A. *Wołodkowiczowie herbu Radwan. Studium Genealogiczne*. Ottawa 1978.

Wołodkowicz J. *Ze wzmagań na dawnych rubieżach Rzeczypospolitej. Wspomnienia z 1863 roku i lat następnych*. Typescript.

Żychlinski T. *Złota księga szlachty Polskiej*. T. 3. Poznań: Jarosław Leitgeber, 1885.

Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией. Т. 11. Вильня: Типография А.Г. Сыркина, 1887.

Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией. Т. 24. Вильня: Типография А.Г. Сыркина, 1897.

Акты, издаваемые Виленской Археографической Комиссией. Т. 37. Вильня: Типография А.Г. Сыркина, 1912.

Букіна А.А. *Музей А. Брадоўскага ў Віцебску*, "Віцебскі сшытак" 2000, No 4, p. 201–205.

Витебская губерния. Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Санкт-Петербург: Типография В. Киршбаума, 1903.

Мальдзіс А. *Як жылі нашы продкі ў XVIII стагоддзі*. Мінск: Лімарыус, 2001.

Міцкевіч А. *Пан Тадэвуш*. Мінск: Мастацкая літаратура, 1985.

Падліпскі А.М. *Заснавальнік Віцебскага музея*, "Помнікі гісторыі і культуры Беларусі" 1980, No 2, p. 19–20.

Памятная книга Витебской губернии на 1865 г. Витебск, 1865.

Памятная книга Витебской губернии на 1866 г. Витебск, 1866.

Памятная книга Витебской губернии на 1900 г. Витебск, 1900.

Памяць. Чашніцкі раён: гісторыка-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. Рэдкал. М.Ц. Дробыш і інш., уклад. Н.Т. Кіндзяева, маст. Э.Э. Жакевіч. Мінск: Беларуская навука, 1997.

Пэндзіх Б. *Паміж раем і клаакай*. "Беларускі гістарычны агляд" (Belarussian Historical Review) 1998, Т. 5. Сш. 2 (9). [Online] <http://www.belhistory.eu/barbara-pendzix-pamizh-raem-i-klaakaj-abo-yak-mog-bachyc-svayo-mesca-%D1%9E-gramadstve-meshchanin-vkl-xvii-st/> (10.08.2014).

Сапунов А.П. *Витебская старина*. Т. 4. Санкт-Петербург, 1885.

Studia Rossica Gedanensia, 1/2014, 474–489

PETERSBURSKIE LATA „MARSKIEGO" — MARSZAŁKA CARLA GUSTAFA EMILA MANNERHEIMA — W FIŃSKIEJ POWIEŚCI PAAVO RINTALI *MOJA BABCIA I MANNERHEIM*

BOLESŁAW MROZEWICZ

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Wydział Neofilologii, Instytut Językoznawstwa
Zakład Filologii Ugrofińskiej
Collegium Novum, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska
e-mail: bmrozewicz@gmail.com
(nadesłano 4.12.2014; zaakceptowano 21.12.2014)

Abstract

The Petersburg years of ‚Marski' — Marshall Carl Gustaf Emil Mannerheim — in the Finnish novel of Paavo Rintala *My Grandmother and Mannerheim*

The article concentrates on presenting a literary picture of the Marshall of Finland C.G.E. Mannerheim from the time of his service in the Tsar's army in Petersburg, which was created by of the most prominent Finnish writers after World War II in his trilogy *My Grandmother and Mannerheim*. The writer tries to settle with the myth of Marshall Mannerheim which was created in the awareness of the Fins starting from his return to Finland from Russia in 1917 and participation in the 1918 civil war (he was the commander-in-chief of the new-born Finnish army). It was then when the former Tsarist officer and general for the first managed to save the independence of the country, which had been regained only a few months before. In the first part of the trilogy, which is the object this analysis, Rintala concentrates on a period which was very important for the formation of Mannerheim's personality during his stay in Saint Petersburg — in the Mikolayevska School of Cavalry and his officer's service in the Tsar's personal guard. The article stresses those moments in the novel, which in the

literary picture created by the writer were to demythicize the figure of the future Marshall and give him features of and ordinary human being. As Rintala stresses it, the formation of these qualities of character which contributed to the future military and political carrier of Mannerheim took place during the years of his stay and service in Petersburg.

Key words

Mannerheim, Paavo Rintala, Finland, Finnish literature, trilogy, Saint Petersburg, a Russified Fin.

Abstrakt

Artykuł koncentruje się na ukazaniu literackiego wizerunku marszałka Finlandii C.G.E. Mannerheima z okresu jego służby w armii carskiej w Petersburgu. Bohater utworu wykreowany został przez Paavo Rintalę, jednego z najbardziej znaczących fińskich prozaików po II wojnie światowej, w jego trylogii *Moja babcia i Mannerheim*. Pisarz usiłuje w swojej powieści rozprawić się z mitem marszałka Mannerheima, jaki rodził się w świadomości Finów, począwszy od chwili jego powrotu do ojczyzny z Rosji w 1917 roku i udziału w fińskiej wojnie domowej w 1918 roku (stanął na czele tworzonej armii fińskiej). Wówczas po raz pierwszy dawnemu carskiemu oficerowi i generałowi udało się uratować uzyskaną kilka miesięcy wcześniej niepodległość kraju. Rintala w pierwszej części trylogii, będącej przedmiotem analizy, koncentruje się na ważnym dla kształtowania osobowości Mannerheima okresie pobytu w Petersburgu — w Mikołajewskiej Szkole Kawalerii oraz w służbie oficerskiej w przybocznej gwardii cara (carów). Artykuł podkreśla te momenty w powieści, które w literackim wizerunku służyły demitologizacji postaci przyszłego marszałka i nadaniu mu właściwości zwyczajnego człowieka. Proces kształtowania tych cech (głównie wolicjonalnych) — jak akcentuje Rintala — przyczyniających się do godnej uwagi kariery wojskowej (a później politycznej), przypada na ważne dla rozwoju osobowego Mannerheima lata służby wojskowej i życia towarzyskiego w Petersburgu.

Słowa kluczowe

Mannerheim, Paavo Rintala, Finlandia, literatura fińska, trylogia, Petersburg, zruszczony Fin.

Powieść Paavo Rintali, jednego z najbardziej rozpoznawalnych fińskich pisarzy po II wojnie światowej, pt. *Moja babcia i Mannerheim* (*Mummoni ja Mannerheim*, 1960), jest pierwszą częścią trylogii poświęconej całokształtowi życia fińskiego marszałka Carla Gustafa Emila Mannerheima, który w świadomości Finów stał się niemal legendarną postacią. Do cyklu należą także powieści *Moja babcia i marszałek Mannerheim* (*Mummoni ja marsalkka*, 1961) oraz *Moja babcia i opowieści marskiego* (*Mummoni ja*

marskin tarinat, 1962). Trylogia wpisuje się w nurt „rozrachunkowy" w literaturze fińskiej po II wojnie światowej[1]. W przeciwieństwie do innych pisarzy usiłujących rozprawić się w swojej twórczości jedynie z wojenną i powojenną przeszłością, Paavo Rintala podejmuje w swojej trylogii temat — dyskutowanych w Finlandii w latach pięćdziesiątych i sześćdziesiątych — mitów narodowych, w tym także tych najnowszych, które zrodziły się na gruncie fińskim i utrwalane były m.in. przez oświatę oraz oficjalną propagandę w (pod)świadomości Finów. Jednym z nich był mit „starego marszałka" — „starego Marskiego" („vanha Marski") Carla Gustafa Emila Mannerheima, jednej z najwybitniejszych postaci w najnowszej historii Finlandii[2]. Historię życia Mannerheima wykorzystuje pisarz do przedstawienia palących problemów swojej ojczyzny, począwszy od uzyskania po raz pierwszy niepodległości przez Finlandię w 1917 roku, poprzez międzywojnie, okres tragicznych „fińskich wojen" 1939–1944 (wojna zimowa, kontynuacyjna, lapońska), po lata powojenne, gdy ponownie trzeba było budować „nową" niezawisłość kraju.

Zadaniem funkcjonującego w świadomości Finów od połowy XIX wieku mitu Runebergowskiego oraz nowego mitu narastającego wokół osoby Mannerheima w latach II wojny światowej i w okresie powojennym (szczególnie lata 40. i 50.) była konsolidacja społeczeństwa fińskiego wokół określonych, znanych z twórczości Johana Ludviga Runeberga i innych pisarzy fińskich wartości, które stawiały sobie za cel budzenie i umacnianie w Finach przede wszystkim patriotyzmu[3]. Usiłowano uporać się szczególnie z narodowym rozdarciem po wojnie domowej z 1918 roku oraz z nastrojem ogólnego przygnębienia w dziedzinie społecznej i politycznej po dwóch przegranych wojnach z Rosją Sowiecką (wojna zimowa IX.1939 – III.1940 i wojna kontynuacyjna VI.1941 – VIII.1944)[4]. Osoba, sposób myślenia i zachowanie Mannerheima ucieleśniały te cechy osobowościowe oraz wartości, które potrzebne (i konieczne) były do scalania narodu i do kształtowania jednolitych postaw w mieszkańcach Finlandii w odniesieniu do

---

[1] Prawdziwy i rzetelny nurt rozrachunkowy z niedawną przeszłością („fińskie catharsis") zapoczątkowuje w Finlandii właściwie powieść Väinö Linny *Żołnierz nieznany* (*Tuntematon sotilas*, 1954) opisująca wydarzenia tzw. wojny kontynuacyjnej (1941–1944). Temat ten podejmowany jest następnie w trylogii *Tu, pod Gwiazdą Polarną* (*Täällä Pohjantähden alla*, 1959–1962), która koncentruje się na panoramicznym obrazie ludu fińskiego począwszy od końca wieku XIX po 50. lata XX stulecia. V. Linna w swoich powieściach podejmuje także polemikę z utartymi „fińskimi mitami", z mitem prostego Fina oraz z mitem bohaterskiego fińskiego żołnierza propagowanym usilnie w Finlandii od czasów dziewiętnastowiecznego romantycznego pisarza Johana Ludviga Runeberga.

[2] W 2004 roku przeprowadzono w Finlandii ankietę, w której zapytano, kto jest najwybitniejszą postacią (Finem) w historii tego kraju. Zdecydowanie większość ankietowanych opowiedziała się za osobą C.G.E. Mannerheima, podkreślając jego zasługi dla kraju, szczególnie jako męża opatrznościowego, który dzięki swojej postawie i posunięciom politycznym jako regent państwa, marszałek armii oraz prezydent kraju zdołał uratować niezawisły byt Finlandii. Por. B. Mrozewicz. *Obrachunek z mitem Fina w twórczości Väinö Linny i Paavo Rintali*. Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2004, s. 203–228.

[3] Na ten temat szerzej B. Mrozewicz. *Obrachunek z mitem Fina*..., s. 33–68.

[4] Por. B. Mrozewicz *Obrachunek z mitem Fina*..., s. 71–106; O. Jussila, S. Hentilä, J. Nevakivi. *Historia polityczna Finlandii 1809–1999*. Kraków: Universitas, 2001, s. 198–235; B. Szordykowska. *Historia Finlandii*. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2011, s. 287–303.

własnego kraju — i to nie tylko w sytuacjach zagrożenia czy w kryzysu ekonomicznego, politycznego lub społecznego. Do tworzenia mitu starego marszałka w narodzie fińskim w decydującym stopniu przyczyniły się kręgi akademickie. Począwszy od 1919 roku to głównie Uniwersytet w Helsinkach partycypował nieprzerwanie w promowanie jego osoby[5]. W nim upatrywano przede wszystkim męża opatrznościowego, który był w stanie powstrzymać nawałnice, kilkakrotnie grożące wymazaniem Finlandii z mapy Europy, szczególnie w roku 1939 i 1944[6]. Mannerheim spełnił oczekiwania Finów — mimo słabego uzbrojenia wojska fińskiego oraz znacznej przewagi materiałowej i liczebnej armii sowieckiej w wojnie zimowej — żołnierz fiński wykazał się pod jego dowództwem bohaterstwem, a także walorami, które w tym czasie na całym świecie były podziwiane i utrwaliły określony obraz żołnierza fińskiego (oraz samego marszałka)[7]. Z jednej strony można dostrzec w tym obrazie zakorzeniony w świadomości Finów, propagowany w literaturze, oświacie i prasie fińskiej wizerunek obywatela-cywila — „wytrwałego, pracowitego, cierpliwego,[8] małomównego Fina", a z drugiej strony — „wytrwałego, walecznego, bohaterskiego i miłującego swój kraj zarówno prostego żołnierza jak i oficera fińskiego", jaki znany jest z kart *Opowieści chorążego Stoola* J.L. Runeberga[9].

---

[5] Tytuł doktora *honoris causa* Wydziału Filozoficznego Uniwersytetu w Helsinkach otrzymał Mannerheim wraz z przedstawicielem ówczesnego rządu i parlamentu fińskiego — P.E. Svinhufvudem. To zaszczytne wyróżnienie miało uhonorować Mannerheima za jego zasługi militarne w wojnie domowej oraz w tworzeniu i umacnianiu wolnej, białej i niepodległej Finlandii. Po raz pierwszy w historii uniwersytetu tytuł taki przyznano za „dokonania społeczne". Por. L. Kolbe. *Marski — Ihminen.* [W:] *Mannerheim. Sotilas ja ihminen.* Red. K. Sillanpää och H. Westermarck. Helsinki: Yliopistopaino, 1992, s. 90.

[6] Por. E.–K. Aronen *Yksinäinen ratsastaja*. „Helsingin Sanomat. Kuukausiliite". Kesäkuu, 2002, s. 64. Aronen cytuje historyka i członka Akademii Fińskiej — doc. Marii Lähteenmäki, według której znaczenie Mannerheima w tym czasie [1939 r. — przyp. B.M.] nabrało wagi symbolu. W krytycznym momencie potrzebny był w Finlandii ktoś, kto posiadałby jakieś wyraziste oblicze, jakąś osobowość. Któż z ówczesnych polityków [fińskich — przyp. B.M.] mógł być w takim stopniu poważany? Jej zdaniem Mannerheim swoje życie kształtował z niezwykłą godnością. Także przywódca socjaldemokratów fińskich Väinö Tanner, który jeszcze w 1931 roku przeciwny był kandydaturze Mannerheima na stanowisko przewodniczącego Komitetu Obrony, zmienił całkowicie swoje negatywne nastawienie do jego osoby.

[7] Na świecie (szczególnie w Niemczech) walczących w wojnie zimowej Finów określano terminem „Heldenvolk". Wizerunek prostego żołnierza fińskiego w relacjach z frontu fińsko-sowieckiego pokrywał się w znacznym stopniu z obrazem wykreowanym przez Runeberga. Zob. m.in. *Schicksalsschwere Zeiten. Marschall Mannerheim und die deutsch-finnischen Beziehungen 1939–1945*. Hrsg. von A. Jäntti. Berlin: Marion Holtkamp, 1997, s. 18.

[8] Mannerheim uczył się takiej postawy jako kadet w okresie swojej „świadomej nauki" w Petersburgu w Mikołajewskiej Szkole Dragonów, szczególnie jednak w czasie I wojny światowej (Polska, Rosja, Rumunia) w obliczu niekompetencji i braku odpowiedniego zaangażowania rosyjskich oficerów w walkę oraz po 1917 roku w Finlandii, gdy zmuszony był walczyć z politykami i przedstawicielami rządu fińskiego o wprowadzanie reform (głównie w armii), które miały wzmocnić obronność kraju. Por. m.in. C.G.E. Mannerheim. *Wspomnienia.* Przeł. K. Szelągowska. Wstęp i przypisy M. Kopczyńskiego. Seria Pamiętniki. Warszawa: Editions Spotkania, 1996.

[9] Mit prostego Fina, który walcząc z nie zawsze przyjazną człowiekowi przyrodą wytrwale i cierpli-

Ważne dla kształtowania charakteru przyszłego oficera carskiego (porucznika, pułkownika i generała), marszałka Finlandii i przywódcy politycznego kraju są lata jego pobytu w Sankt Petersburgu: jest to czas nauki w Mikołajewskiej Szkole Oficerskiej Kawalerii w tym mieście (1887–1889)[10] oraz trwająca zaledwie półtora roku służba oficerska jako korneta w 15 Aleksandryjskim Pułku Dragonów zwanym "huzarami śmierci" w Kaliszu. Po powrocie do ówczesnej stolicy Rosji służył w gwardii przybocznej cara Mikołaja II, gdzie zdołał nawiązać ważne dla swojego rozwoju osobowościowego i zawodowego kontakty z dworem carskim oraz ze środowiskiem arystokracji petersburskiej. Jako dowódca jednego z oddziałów gwardii przybocznej uczestniczył w koronacji cara Mikołaja II w Moskwie w 1896 roku odgrywając jedną z kluczowych ról w zapewnianiu bezpieczeństwa dla ceremonii[11], by następnie, po krótkim epizodzie służby w stajniach carskich (był cenionym znawcą koni oraz znakomitym jeźdźcem nagradzanym w wielu konkursach hippicznych)[12], powrócić w 1903 roku do czynnej służby w armii rosyjskiej. Ważna dla późniejszego mitu Mannerheima jest jego rodząca się w tym czasie świadomość, że jeżeli chce się w życiu osiągnąć sukces zawodowy, mieć powodzenie w sferze prywatnej, by być w określony sposób postrzeganym zarówno w armii, jak i w sferach wyższych, należy pracować nad swoim wizerunkiem[13].

---

wie pracuje na swoim kawałku ziemi i podejmuje z miłości do ojczyzny walkę w jej obronie, wykreował w XIX wieku w swojej twórczości szwedzkojęzyczny fiński poeta narodowy — J.L. Runeberg. Por. m.in. B. Mrozewicz *Obrachunek z mitem Fina...*, s. 33–41; 50–68; M. Klinge. *Runebergs två fosterland*. Borgå: Werner Söderström Oy, 1983.

[10] Nagrodą za ukończenie prestiżowej Szkoły Kawalerii („Ukończenie Szkoły Kawalerii w Rosji może być dziełem przypadku ... znam młodych oficerów, którzy odesłani zostali ze szkoły tuż przed końcowymi egzaminami tylko dlatego, że jednemu profesorowi nie podobało się, że stojąc w dwuszeregu wyglądali gorzej od swoich kolegów..." — cyt. za R. Brantberg. *Tsaarin upseeri*. Tampere: Revontuuli 2003, s. 11) była możliwość wstąpienia do dywizji Kawalerii Gwardii i pozostanie w Sankt Petersburgu oraz przebywanie (służba) w bliskości rodziny carskiej. Otwierało to też przed Mannerheimem sposobność nawiązywania kontaktów z przedstawicielami arystokracji rosyjskiej. Plany te potraktowane zostały przez rodzinę jako nierealne mrzonki, gdyż gwardziści stawali się częścią elitarnej jednostki głównie ze względu na swój status majątkowy. Por. J. Clements. *Mannerheim. Prezydent, żołnierz, szpieg*. Przeł. D. Kurdwanowska, P. Gebethner Zakrzewo: Wydawnictwo Replika 2010, s. 29–30.

[11] Zob. J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 44–46. W tym czasie na przedmieściach Moskwy, w tłumie oczekującym na „darmowe prezenty", „mityczne skarby" od nowego cara, wybuchła panika, w której stratowano ponad tysiąc osób, a 1300 zostało poważnie rannych. Zawiadomiony Mannerheim wyruszył natychmiast z żołnierzami gwardii na miejsce: „Galopowaliśmy przez całą Moskwę, i jak tylko dotarliśmy do celu na naszych spienionych koniach, zobaczyliśmy cara i carycę bladych i pełnych powagi ..." — cyt. za C.G.E. Mannerheim. *The Memoirs of Marshal Mannerheim*. London: Cassel, 1953, s. 11.

[12] Wojskowi przełożeni zauważyli talent jeździecki i duże zdolności Mannerheima związane z treningiem i hodowlą koni — dlatego podniesiony został wkrótce do prestiżowej rangi naczelnego koniuszego odpowiedzialnego za wszystkie stajnie cara oraz za organizację podróży (przemieszczania się) rodziny carskiej w Petersburgu i okolicach. Por. J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 47 i nast.

[13] Zob. P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim*. Helsinki: Otava, 1980, s. 163–166. Gdy w kontekście wojny domowej Mannerheim pojawił się na fińskiej arenie politycznej w 1918 roku, był dla szerokie-

Paavo Rintala opisując w swojej powieści życie Mannerheima, a szczególnie jego młodzieńcze lata w Rosji, poddaje gruntownej analizie wizerunek marszałka kształtowany przez ówczesną opinię publiczną i rozpowszechniany przez środki przekazu. W świadomy sposób usiłuje „zbadać", w jakim stopniu mit „starego marszałka" zgodny jest z żywą postacią, próbuje uwypuklić te momenty w jego rozwoju, które miały być ripostą na zarzuty kontestujących lewicujących środowisk akademickich o opcji komunistycznej w Finlandii w latach sześćdziesiątych[14], że Mannerheim w powstałym „oficjalnym", heroizującym micie (akceptowanym jednak przez większość narodu w trudnym okresie zimnej wojny, gdyż sytuacja Finlandii była nadal niejasna)[15], zatracał (zatracił) stopniowo cechy człowieka. Powieść ta jest w fińskiej literaturze pięknej do dzisiaj najważniejszym utworem, który w analitycznym obrazie stawia sobie za zadanie „odbrązowienie" mitu Mannerheima i stworzenie nowego — literackiego — wizerunku. Dlatego pojawiają się w opowieści nowe aspekty osobowości bohatera, ukazane zostają przyczyny i okoliczności podejmowanych decyzji oraz postaw „Marskiego", silne i słabe, pozytywne i negatywne strony jego osobowości. Wyraźne jest

---

go ogółu społeczeństwa fińskiego postacią niemalże nieznaną, Finem mówiącym po szwedzku, który w armii carskiej dosłużył się generalskich epoletów. Dla samego Mannerheima było to jak zrządzenie opatrzności, że po rozpadzie Rosji carskiej i zwolnieniu (wyrzuceniu) go z armii w 1917 roku znalazł dla siebie pole do dalszej działalności — i to w kraju, którego istnienia jako samodzielnej politycznej jednostki jeszcze niedawno w ogóle nie brał w rachubę. Swoje losy i karierę wojskową wiązał raczej z armią carską, w której konsekwentnie, świadomie krok po kroku, uzyskiwał coraz wyższe stopnie. Brakowało w tym czasie, jak wskazuje na to pisarz w trylogii, całkowicie myślenia o Finlandii jako przyszłym samodzielnym bycie politycznym i kulturowym. Dlatego m.in. przez wielu Finów o opcji patriotycznej i narodowej był posądzany o zruszczenie. W tzw. „okresie fińskim", począwszy od 1918 roku aż niemalże do swojej śmierci w 1951 roku, Mannerheim pracował więc usilnie nad tym, by dla następnych pokoleń pozostawić inny wizerunek swojej osoby niż ten z 1918 roku. Podobnie, jak w środowisku arystokratycznym Sankt Petersburga, w bardzo przemyślany sposób wykorzystywał wiele okazji do tego, by tworzyć odpowiedni, „zaprojektowany" przez siebie obraz własnej osoby. Päiviö Tommila w przyczynku pt. *Mannerheim ja Suomi ennen vuotta 1918* mówi np. wręcz o wyłonieniu się Mannerheima dla fińskiej społeczności niejako z zupełnej ciemności — zob. w dziele *Mannerheim. Sotilas ja ihminen*. Red. K. Sillanpää och H. Westermarck. Helsinki: Yliopistopaino, 1992, s. 7–9. Patrz także wstęp polskiego wydania C.G.E. Mannerheim. *Wspomnienia*..., s. 6 i nast. Por. też M. Białokur. *Mannerheim a Polska. Przyczynek do biografii marszałka Finlandii*. „Zeszyty Historyczne" 2001, nr 136. Paryż; E.-K. Aronen. *Yksinäinen ratsastaja*. „Helsingin Sanomat. Kuukausiliite". Kesäkuu 2002 [Wiadomości z Helsinek. Dodatek miesięczny. Czerwiec 2002], s. 64; V. Meri. *Suurmiehen luonne*. [W:] *Mannerheim. Sotilas ja ihminen*. Red. K. Sillanpää och H. Westermarck. Helsinki 1992, s. 108–118.

[14] Ataki lewicy odwoływały się przede wszystkim do wydarzeń z 1918 roku, „niedemokratycznych" postaw Mannerheima w międzywojniu oraz metod dowodzenia w czasie „wojen fińskich". Por. E.-K. Aronen. *Yksinäinen ratsastaja*..., s. 64 oraz C.G.E. Mannerheim. *Wspomnienia*..., s. 6 i nast.

[15] Mannerheim twierdził w 1948 roku, że polityka Rosji Sowieckiej zmierzała do totalnej bolszewizacji Finlandii. *Wspomnienia* miały uczulić świat zachodni na niezwykle trudną sytuację Finlandii w czasie wojny i po jej zakończeniu. Wypowiedź Mannerheima, że „moim obowiązkiem jest przedstawić moje wspomnienia politycznemu i politykującemu światu" nabierają w tym kontekście określonego znaczenia. Zob. A. Paasonen. *Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehena*. Helsinki: Weilin Göös, 1974, s. 158 i nast.

dążenie pisarza do stworzenia obiektywnego, a równocześnie kompleksowego, „nowego", „ludzkiego" wymiaru w wizerunku Mannerheima. „Nowy Marski" miał w zamierzeniach Rintali stać się bardziej zrozumiały i bliższy współczesnemu Finowi. Ale także ten nowy, dążący do realizmu wizerunek nie do końca spełnił oczekiwania wielu Finów i wywołał w Finlandii burzliwą dyskusję społeczną (szczególnie atakowany był Rintala przez wspomniane już kręgi „rewolucjonizujących i maoizujacych" studentów) przyczyniając się mimowolnie — jakby na ironię losu — do ożywienia mitu i postrzegania Mannerheima w nowym świetle.

W swojej trylogii P. Rintala koncentruje się na kilku wybranych aspektach osobowości marszałka (żołnierz, dowódca, obywatel, zwykły człowiek), które stały się częścią mitu, a które w jego ujęciu miały zyskać nowy „wyjaśniający", tłumaczący postępowanie Mannerheima charakter. Poprzez dobór określonych zdarzeń z życia bohatera pisarz zmierza do ukazania tych momentów i uwarunkowań, które miały decydujący wpływ na jego wychowanie, kształtowanie się światopoglądu, dorastanie do pewnych zadań i umiejętności podejmowania decyzji w życiu osobistym, w carskiej armii oraz w fińskim okresie swojego życia i działalności. Pisarz wykorzystuje historię życia Mannerheima, by przy pomocy środków literackich ukazać jego słabe i mocne strony. Fikcja literacka pozwala mu w subiektywny sposób (dążąc jednocześnie do obiektywizmu) „dopowiedzieć" wzmiankowane w dostępnych źródłach informacje o jego osobie, ubogacić je o domniemane, powstałe w wyobraźni pisarza elementy służące ściśle określonemu celowi. Celem tym jest stworzenie wizerunku, z którego wyraźnie wyłania się człowiek o niewątpliwie ogromnych zasługach dla kraju, a jednocześnie człowiek z „normalnymi ludzkimi" słabościami i przywarami. Nie umniejsza to w żaden sposób jego wielkości, gdyż właśnie to dopełnienie czyni Mannerheima bliższym przeciętnemu człowiekowi, powoduje, że dzięki ukazanym niedostatkom staje się bardziej „swojski". Rintala podkreśla w wielu miejscach trylogii, że swoją pozycję i dokonania zawdzięcza bohater określonym cechom charakteru, nad którymi zaczął pracować już we wczesnej młodości (tj. poczynając od przełomowego czasu nauki w Mikołajewskiej Szkole Kawalerii).

Pierwsza część trylogii poświęcona jest w pierwszym rzędzie przedstawieniu kariery wojskowej Mannerheima w armii carskiej i zdobywaniu w tym czasie wiedzy oraz umiejętności potrzebnych przyszłemu żołnierzowi, oficerowi i dowódcy. Nie mniej ważne w tym opisie są obrazy ukazujące życie prywatne głównego bohatera, ściśle powiązane ze służbą wojskową i życiem towarzyskim w kręgach arystokracji Petersburga. Obrazy te miały stworzyć inny wymiar jego osobowości, a jednocześnie stać się integralną częścią mitu człowieka umiejętnie reagującego na różne, często zaskakujące sytuacje, zręcznie poruszającego się także na gruncie politycznym.

Opis barwnej historii życia Mannerheima rozpoczyna P. Rintala w chwili, gdy bohater, pragnąc zostać wojskowym, w wieku czternastu lat trafia do fińskiej szkoły kadetów w Hamina (Fredrikshamn). Jest to w jego życiu stosunkowo krótki, lecz ważny epizod, który kończy się w 1886 roku relegowaniem niesfornego ucznia (Mannerheim podawał ten fakt jako polubowną ugodę między dyrekcją szkoły a jego wujem

Albertem) za niesubordynację i lekceważenie dyscypliny szkolnej[16]. Pisarz nie opisuje szczegółowo wykroczeń kadeta, które przyczyniły się do jego wydalenia, lecz skupia się bardziej na przedstawieniu atmosfery panującej w szkole, opisując ją z perspektywy ucznia. Słowa, które Mannerheim już od samego początku w szkole nieustannie słyszy i które mają odtąd wyznaczać bieg życia kadeta i które często pojawiają się w późniejszym życiu wojskowym to: „nie wolno, nie wolno"[17]. Przyzwyczajony w życiu rodzinnym do dość dużej swobody myślenia i działania bohater ma ogromne trudności z zaakceptowaniem znacznego ograniczenia wolności osobistej. Nowa sytuacja, której nieodłączną częścią jest, m.in. upokarzanie przez starszych kadetów, powoduje, że wyciąga jednakże odpowiednie wnioski, procentujące w przyszłości — by zachować swoją wewnętrzną (przynajmniej częściową) autonomię, należy w określony sposób reagować na warunki, w jakich się człowiek znalazł i szukać odpowiedniego, optymalnego dla niego rozwiązania.

Mimo swoich młodzieńczych wybryków Mannerheim był świadomy tego, co chciał w życiu robić. Niefortunna przygoda ze szkołą kadetów w Hamina utwierdziła go w przekonaniu, że jedyną (dla niego) możliwością zrobienia kariery w życiu[18] jest bycie oficerem w armii carskiej — i to bycie oficerem kawalerzystą, „ponieważ tylko kawalerzysta jest [może być — przyp. B.M.] prawdziwym oficerem"[19]. Mannerheim twierdził w swoim otoczeniu szkolnym, że to on dobrowolnie odszedł ze szkoły, by móc zapisać się do szkoły oficerskiej w stolicy Rosji[20]. Rintala podkreśla w powieści zmianę, jaka dokonuje się wówczas w myśleniu bohatera: czas wybryków należy do przeszłości. Ich miejsce zaczyna zajmować sfera wolicjonalna. Mannerheim zaczyna sobie zdawać sprawę z wagi odpowiedniego traktowania przyszłej drogi życiowej. Już na tym etapie życia — jak podkreśla pisarz — główny bohater świadomie wyznacza sobie pierwszy główny cel: zdobycie w ciągu dwóch lat oficerskich epoletów w prestiżowej Mikołajewskiej Szkole Kawalerzystów w Sankt Petersburgu. Wymagało to od niego — oprócz bycia studentem i odpowiedniego przygotowania w zakresie języka rosyjskiego na Uniwersytecie w Helsinkach — zmiany w postępowaniu. By móc awansować w strukturach wojskowych, musiał nauczyć się poskramiać swoją krnąbrność i temperament. Mannerheim był bardzo pojętnym uczniem i już po kilku tygodniach pobytu w Sankt Petersburgu zorientował się, że w zdobycie awansu musi zaangażować całą swoją osobę — konieczne są nie tylko bardzo dobre wyniki w nauce i służbie w armii (szkole wojskowej),[21] ale także budowanie relacji z otoczeniem. Już wtedy wie,

---

16 C.G.E. Mannerheim. *Wspomnienia...*, s. 19–20; J. Screen. *The Years of Preparation*. London: C. Hurst & Co, 1970, s. 24.

17 Zob. P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim*. Helsinki: Otava, 1980, s. 7.

18 Pod wpływem swojego wujka — Adolfa Erika Nordenskiölda, słynnego pod koniec XIX wieku podróżnika, Mannerheim jako chłopiec marzył o tym, by podobnie jak on żeglować po morzach świata, i nosił się przez pewien czas z zamiarem zostania marynarzem. W chwili przymusowego opuszczenia Haminy jego myślenie uległo gruntownej zmianie. Zaczął myśleć o karierze w armii carskiej. Por. R. Lehmusoksa R. *Dining with Marshal Mannerheim*. Helsinki: Ajatus Kirjat, 2005, s. 35; C.G.E. Mannerheim. *The Memoirs of Marshal Mannerheim...*, s. 4.

19 P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 23.

20 J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 25.

21 Mannerheim odkrył w szkole dość szybko swój talent i zamiłowanie do jazdy konnej. W tej dzie-

że nie chce całe życie być tylko „zwykłym" oficerem, który swoje życie spędzi w jakimś zapadłym garnizonowym miasteczku na obrzeżach imperium carskiego wypełniając rutynowo swoje obowiązki i stopniowo awansując w strukturach carskiej armii:

> (...) Mannerheim chce być wyjątkiem. Zdaje sobie sprawę z tego, że jemu będzie trudniej niż jakiemuś synowi bogatego księcia. Jest tylko biednym, zwykłym i nieznanym baronem z odległej głuszy leśnej. Nie ma znajomości i potężnych popleczników. Ale ma coś, czego nie posiada żaden syn książęcy: przybywa ze skromnego świata i dąży do czegoś wielkiego. (...) W Petersburgu wszystko jest większe niż w Hamina. Szkoła jest wytworna, nauczyciele posiadają dużą wiedzę i umiejętności, oraz ogładę. Adepci pochodzą ze wszystkich stron Rosji i są potomkami szlachetnych rodów. Jednostka wojskowa to kawalerzyści, gatunek broni zarezerwowany dla panów. Tu wszystko jest większe niż w Finlandii. Panowie są wspanialsi. A chłop i nieoświecony lud głupszy i biedniejszy. On, Mannerheim chce być pilny i sumienny. Musi dążyć do czegoś wielkiego. Musi poznać bogatych i pilnych młodzieńców, tak samo pracowitych jak on sam, ale którzy są potomkami szlachetnych i bogatych rodów[22].

Świadomie więc zaczyna w swoim wojskowo-szkolnym środowisku w Petersburgu szukać osób, które pochodzą z wyższych, wytwornych petersburskich sfer lub są w nich przyjmowane, a które umożliwiłyby mu stopniowe nawiązywanie kontaktów ze sferami towarzyskimi. Rodzina (wuj Albert) wielokrotnie daje mu w wyraźny sposób do zrozumienia, że winien ograniczać wydatki[23] i pomyśleć o materialnym zabezpieczeniu swojej przyszłości. Pierwszym serdecznym przyjacielem Gustafa Karłowicza Mannerheima jest Mikołaj Dymitrycz, syn generała Dymitrycza. Łączy ich — oprócz służby w kawalerii — wspólne zainteresowanie końmi. Obaj są entuzjastami i osobiście troszczą się o przydzielone im do nauki jazdy konie. Często bywają w domu Mikołaja lub ich wspólnego przyjaciela Pawła, potomka rodziny książęcej, gdzie wspólnie zgłębiają w dostępnych im książkach tajniki bycia prawdziwym kawalerzystą. W ich umysłach tworzy się wyidealizowany wizerunek oficera-kawalerzysty, który będzie miał znaczący wpływ na postrzeganie przez Mannerheima przez całe życie roli, jaką ma do spełnienia żołnierz i przyszły dowódca:

> (...) Niech żyją kawalerzyści!, wykrzykują w swoich myślach. Wierzą, że jeszcze nadejdą czasy, gdy kawaleria stanie się najważniejszym rodzajem broni. Nawet jeśli nie umniejsza się przy tym zasług artylerii. (…) Oficer kawalerii to wzór prawdziwego nowoczesnego mężczyzny. Kawalerzysta to zdaniem młodych adeptów niezrównany w niczym gentelman. Kawalerzysta jak należy. I takimi kawalerzystami chcą w przyszłości zostać. Oficerami, którzy potrafią jeździć na koniu, walczyć oraz znają na wylot swego najlepszego, równorzędnego w walce przyjaciela: szlachetnej krwi rumaka. Będą oficerami, którzy opowiadać się będą po stronie słabych i uciśnionych i nie pozwolą relegowanym ze służby zagubionym hulakom na łamanie prawa i zakłócanie porządku. (…) Chcą być pierwsi a paradach, pierwsi też na polu bitwy. Taki jest prawdziwy kawalerzysta. Gdy od prawdziwego kawalerzysty żąda się największego poświęcenia, to z uśmiechem na ustach spina

---

dzinie zaczął odnosić sukcesy i wyróżniać się na tle klasy — także jego zachowanie i maniery należały do wyróżniających. Por. V. Meri. *Suomen Marsalkka.* Porvoo: Werner Söderström Oy, 1988, s. 142; J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 26.

22 P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 24.

23 R. Lehmusoksa. *Dining with Marshal Mannerheim.* Helsinki: Ajatus Kirjat, 2005, s. 56; J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 26–27; P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 42–43.

> szlachetnego rumaka ostrogami i wymachując ciężką szablą idzie na śmierć za żyjące w nim ideały oraz za cara. Pokazuje, jak umiera dżentelmen. (...) Taki oficer to prawdziwy światowiec. Tylko oficer-kawalerzysta potrafi być dżentelmenem, nie oficer piechoty czy artylerii. Zwykłych oficerów w Rosji jest cała masa[24].

Po ukończeniu szkoły Mannerheim przeżywa jednakże swoje pierwsze poważniejsze rozczarowanie. Mimo iż był jednym z najlepszych uczniów w Mikołajewskiej Szkole Kawalerii, nie został powołany do oddziałów gwardii cesarskiej. Przyjęty został natomiast przyjaciel Mannerheima, Paweł, który sam miał ponosić koszty służby (traktowane jako zaszczyt). Z tej okazji wydał w mieszkaniu swojego wujka przy ulicy Zachariewskiej przyjęcie, na którym pojawiły się wszystkie hrabianki, które poznali w ciągu dwóch lat nauki. Rintala podkreśla w powieści, że Mannerheim uczy się sztuki przyjmowania porażek w swoim życiu:

> Tylko on, Gustaw Karłowicz, przeżywa swój zawód. Nie został przyjęty do gwardii cesarskiej. Bo pochodzi z Finlandii, nie ma znanego nazwiska, jest niezamożnym baronem z mało znaczącego kraju. Ale promienieje, tak jak i inni. W ciągu tych dwóch lat zaczął uczyć się, że jeżeli się chce odnieść sukces w tym mieście, nigdy nie należy pokazywać swojego wnętrza. Zawsze trzeba być człowiekiem promiennym, radosnym, w dobrym nastroju. To jest trudne miasto. Tu zawsze trzeba mieć uśmiech na ustach[25].

Zgodnie z przyjętą taktyką, będącą następnie strategią całego życia, Mannerheim w rozmowie z księżniczką i hrabiankami, nieznającymi jego sytuacji (m.in. materialnej)[26] i beztrosko zachęcającymi go do pójścia drogą Pawła, zachowuje zimną krew. Lecz w jego wnętrzu wrą emocje. Wie bowiem, że musi opuścić Petersburg, by udać się następnego dnia w podróż do miejsca swojej służby w Kaliszu. Nie wie też, kiedy będzie mu dane wrócić. A to jest jego zamiarem i marzeniem. Udaje mu się te plany zrealizować dzięki koneksjom mieszkającej w Petersburgu, obracającej się w otoczeniu carycy, matki chrzestnej, Alfhildy, oraz za sprawą grona wpływowych przyjaciół[27].

Po powrocie w 1891 roku Mannerheim nawiązuje natychmiast kontakt z Pawłem. Może też na początku liczyć na jego pomoc, mieszkać w mieszkaniu jego wujka. Jest to pomoc znacząca, gdyż służba w gwardii carskiej — jak podkreśla w powieści kilkakrotnie Rintala — jest wyróżnieniem, zaszczytem, za które gwardzista musi zapłacić sam. Dla bohatera powieści zaczyna się okres, który — oprócz dalszej kariery w armii carskiej, w najbliższym otoczeniu samego imperatora — wyznacza dalszy bieg jego prywatnego życia.

> Mieszka u Pawła. Tu są przyjaciele, tu są znajomi i wszelakie możliwości. Tu można dysponować swoją osobą, jak tylko się to da. Na zawody jeździeckie przychodzi śmietanka towarzyska Petersburga. Książęta interesują się grą w polo i można z nimi nawiązać znajomość. Hrabinie organizują przyjęcia i wystawiają sztuki teatralne. I bale. (…)

---

24 P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 27.

25 P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 28–29.

26 Wuj Albert, który łożył do tej pory na utrzymanie siostrzeńca, oznajmił, że po ukończeniu Szkoły Kawalerii nie będzie go mógł dalej wspierać finansowo. Dwudziestoletni Mannerheim miał od tej chwili sam zarobić na swoje utrzymanie. Szerzej na ten temat zob. V. Meri. *Suomen Marsalkka...*, s. 147.

27 P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 29; J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 31–32.

> Nadal z Pawłem są przyjaciółmi. Rośnie grono nowych znajomych. Konie łączą. (…) Łączą ich też kręgi towarzyskie. Są młodymi, ambitnymi oficerami. Chętniej biorą udział w organizowanych przez księżne wieczory niż w oficerskich popijawach w regimencie. Chętniej wybierają udział w grze *oiseau vole* z księżniczkami niż włóczenie się po burdelach Petersburga[28].

Pisarz wprowadza czytelnika stopniowo w atmosferę, w jaką zanurzają się młodzi, eleganccy, szarmanccy oficerowie gwardii carskiej. Gdy bohater powieści z szablą w ręku stoi przy wejściu do salonu Pałacu Zimowego w jasnoniebieskim paradnym mundurze gwardzisty, gdzie pełni służbę wartowniczą podczas carskiego balowego koncertu, widzi i czuje, że oczy wielu gości skierowane są na jego osobę. Rintala podkreśla, że dla Mannerheima i jego kolegów najważniejszym elementem „organizującym" życie bogatych sfer towarzyskich są zainteresowania skupione wokół koni i jeździectwa:

> Konie są pasją, wokół której koncentruje się wszelkie życie towarzyskie oraz doświadczonych w swoim zawodzie oficerów [kawalerzystów — przyp. B.M.]. Tak było już zawsze. Z tego zrobił się już zwyczaj. Oficerowie, którzy przestawali z najwykwintniejszymi kobietami, mieli do czynienia z najszlachetniejszymi rumakami. Kobiety i rumaki. (…) Kobiety zawsze w tym biorą udział. *La Pointe de la sauce*: rumaki i kobiety. Jest to drogi styl życia. Za wszystko trzeba zapłacić z własnej kieszeni. Beztroskie życie, jeśli ojciec jest w stanie za wszystko zapłacić. (…) Ale nie wszyscy ojcowie mogą to uczynić. (…) W każdym razie nie jego ojciec[29].

W sferę myśli Mannerheima pisarz na tym etapie jego drogi wpisuje projekcję myśli, w których pojawiają się wyobrażone sugestie ojca bohatera mające ukierunkować działanie i myślenie syna, by zatroszczył się o zabezpieczenie swojego materialnego bytu:

> Jeśli chcesz pozostać w gwardii. Pomyśl. Wiesz przecież, że jesteś wspaniałym oficerem. Łatwy więc będzie dla ciebie bogaty ożenek i kontynuowanie życia gwardzisty. Ja już nie będę w stanie posyłać ci większych sum. Mam długi. Nie jesteśmy rosyjskimi książętami.

Rintala zmienia w powieści perspektywę, przesuwa pewne akcenty — wiadomym jest, że to nie ojciec wspierał finansowo bohatera, lecz jego wuj Albert, który przejął nad nim opiekę po śmierci matki Heleny. Stało się to krótko po bankructwie i ucieczce ojca z kochanką do Paryża[30].

Mannerheim i jego przyjaciele wkrótce okazują się mile widzianymi, wręcz nieodzownymi gośćmi salonów towarzyskich, gdzie pojawiało się nieustannie wiele bogatych panien na wydaniu. Starsze damy towarzystwa przyglądały się natomiast pilnie młodym wymuskanym, „promiennym" oficerom i korzystały z tworzonych z rozmysłem okazji, by aranżować przyszłe małżeństwa.

Mannerheim poznaje w kręgach towarzyskich Petersburga swoją przyszłą małżonkę Anastazję[31]. Małżeństwo to miało zapewnić bohaterowi stabilizację materialną

---

[28] P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 42.

[29] P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 46.

[30] J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 23–24.

[31] Nie jest do końca jasne, w jaki sposób Mannerheim poznał Anastazję. Być może narzędziem była tu znowu matka chrzestna Gustafa, Alfhilda, która „spowodowała", że jej chrześniak natknął się

i miało pozwolić na pozbycie się trosk finansowych, z którymi był tak boleśnie konfrontowany. Pisarz rozbudowuje w powieści ten wątek w stopniu znacznie wykraczającym poza znane fakty źródłowe. Motyw ten pojawia się na wielu stronach powieści, ukazując równocześnie w barwny sposób dylematy bohatera, jego wysiłki zachowania wewnętrznej autonomii i wolności w podejmowaniu decyzji dotyczących relacji z kobietami (wyboru przyszłej żony), atmosferę panującą w tym czasie w Sankt Petersburgu w wyższych sferach towarzyskich oraz w najbliższym otoczeniu cara. Opis Paavo Rintali stoi niejako w opozycji do opisu Mannerheima, który potraktował ten interesujący dla czytelnika motyw w swoich *Wspomnieniach* w sposób nader lakoniczny:[32]

> O moim prywatnym życiu w tym czasie należy wspomnieć, że w 1892 roku ożeniłem się z panną Anastazją Arapow. Była ona córką Mikołaja Arapowa, zmarłego generała majora Cesarskiej Eskorty, który również służył w kawalergardzie[33].

W literackiej wersji tego ważnego w życiu Mannerheima epizodu mamy do czynienia z obszernym opisem, który można podzielić na kilka części. Jest w nim przygotowanie, w którym pisarz umieszcza splot okoliczności, zmuszających bohatera do przeprowadzki z domu, gdzie dotychczas mieszkał (powrót do Petersburga księcia, wujka jego przyjaciela Pawła) do nowego mieszkania w rodzinie Arapowów. Będący w trudnej sytuacji (także materialnej) Mannerheim traktuje propozycję innego serdecznego kolegi Piotra (Pierre'a) Arapowa, by zamieszkał u niego, niejako jako dar z nieba. Pisarz wybiera tu swoje rozwiązanie — niezgodne z faktami historycznymi, lecz hipotetycznie możliwe — by ukazać moment spotkania Gustafa i Anastazji. W powieści, w nowym miejscu zamieszkania bohatera, główną osobą zabiegającą o „zdobycie" młodego, przystojnego, lecz biednego oficera dla Anastazji nie jest matka chrzestna Mannerheima, Alfhilda. Patronką tego związku staje się Azinka, matka Piotra, a jednocześnie siostra zmarłego Arapowa, bogatego ojca Anastazji i młodszej Zofii, nad którymi ciotka przejmuje teraz opiekę. Z chwilą przeprowadzki rozpoczyna się niejako druga, dla czytelnika niezwykle fascynująca, pełna napięcia część, w której rozgrywa się „walka o Mannerheima". Azinka, którą syn prosi o pozwolenie, by młody carski oficer-kawalerzysta ze znakomitymi perspektywami na zrobienie kariery w armii, fiński baron Gustaf Mannerheim zamieszkał w ich domu, natychmiast upatruje w tym szansy na realizację swoich planów związanych z wydaniem za mąż bratanic[34]. Rozpoczyna się gra (intryga), dzięki której dwoje młodych ludzi ma się do siebie zbliżyć. Anastazja znajduje dość szybko upodobanie w Gustafie, zakochuje się w nim. Próbuje

---

niejako „przypadkiem" na bogatą dziedziczkę majątku Arapowów. Por. J. Clements. *Mannerheim. Prezydent...*, s. 36–36. Rintala wybiera w powieści inny scenariusz.

[32] Uwagi o swoim małżeństwie z Anastazją Arapow umieścił Mannerheim na wyraźne życzenie redaktora Heikkiego Reenpää z helsińskiego wydawnictwa Otava, który podczas przygotowywania dzieła do druku poprosił, by wniósł do swych wspomnień także coś z życia prywatnego, gdyż takie są oczekiwania fińskiego czytelnika. Por. V. Meri V. *Aus dem Sturm in die Stille — Carl Gustav Mannerheim in der Schweiz.* [W:] *Bausteine. Die Schweiz und Finnland im Spiegel ihrer Begegnungen*. „Jahrbuch für deutsch-finnische Literaturbeziehungen" 1991, nr 23, Helsinki, s. 108; B. Mrozewicz. *Obrachunek z mitem Fina...*, s. 203.

[33] C.G.E. Mannerheim. *Wspomnienia...*, s. 9; 396.

[34] P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 48–51.

także podczas licznych spotkań (przyjęcia, bale, wieczorki w różnych domach arystokracji petersburskiej) zwrócić na siebie jego uwagę. Mannerheim szybko orientuje się, że za tym wszystkim stoi Azinka. Równocześnie odczuwa, że cała sytuacja, w jakiej się znalazł, jest dla niego mało komfortowa, że stanowi zagrożenie dla jego wolności osobistej. Pisarz podkreśla, że to on sam chce decydować o swoim losie, to on chce być tym, który dokonuje wyboru życiowej partnerki. Nie chce być bezwolnym narzędziem w cudzych rękach, potulnie i bezwarunkowo podporządkowującym się narzuconym mu normom postępowania. Rintala wykorzystuje literacki obraz, by uwypuklić wolicjonalne cechy charakteru swojego bohatera. Przeciwstawia sobie dwa silne charaktery: z jednej strony arystokratka, hrabina Azinka, która zazwyczaj osiąga to, co sobie zaplanowała, a z drugiej Gustaf, który na tym etapie życia już wie dokładnie, jak ma ono wyglądać i nie pozwala, by inni nim sterowali. Wie też, jakie musi podejmować działania. Silna wola i autonomia w działaniu Mannerheima to stałe elementy mitu, jaki później zrodził się wokół jego osoby. Dlatego główny bohater, który szybko przejrzał grę Azinki, próbuje odzyskać kontrolę nad biegiem wydarzeń i zaczyna unikać bezpośrednich spotkań z Anastazją. Azinka jest mądrą kobietą i pojmuje w lot zdystansowane postępowanie Mannerheima — wie, że tylko odpowiednia taktyka może przynieść określony skutek. Dlatego pozornie wycofuje się wraz z Anastazją z gry, pozwala bohaterowi nabrać przeświadczenia, że to on jest zwycięzcą , że to on kontroluje sytuację i decyduje ostatecznie o swoim życiu.

> Postanawia walczyć. On sam chce sterować wydarzeniami, wokół których obraca się jego życie. Tak jak sterował nimi do tej pory.
> Od tej chwili pokazuje na każdym kroku, że Anastazja go w ogóle nie obchodzi.
> Często w zdecydowany sposób odrzuca zaproszenia Azinki na obiadki. Wie, że zwycięży.
> Czasami zgadza się na wypicie z nimi porannej kawy, zgadza się też na udział w tych samych spotkaniach towarzyskich co Anastazja. Wie, że to Azinka w wyraźny sposób starała się o to, by go zapraszano na te same przyjęcia. Dlatego czasami w nich uczestniczy. Anastazja wodzi za nim cielęcym wzrokiem. A on zdaje się tego nie zauważać.
> Zwyciężył. I rozkoszuje się swoim zwycięstwem.
> Udaje mu się, tak jak potrafi, kontrolować bieg wydarzeń, które są jego udziałem.
> To dodaje mu odwagi. Jest pierwszym oficerem, który poniżył Azinkę, sprawił, że jej plany zostały zniweczone[35].

Równocześnie wie, że bogaty posag przeznaczony dla Anastazji jest dla niego przynętą, która pracuje cały czas w jego podświadomości. W powieści Rintali słowa ojca są jak bumerang, który nieustannie wraca do bohatera: „Jeśli pragniesz pozostać w gwardii … życie w gwardii jest drogie, a my nie należymy do bogatych …”[36] Dlatego trzeba wyczekać sposobnej chwili. Dlatego Anastazja nie demonstruje już tak ostentacyjnie swoich uczuć (mimo swojego — jak ukazuje pisarz w powieści — zakochania) na licznych przyjęciach i balach towarzyskich[37], gdzie się spotykają. Potrafi na widok Gusta-

---

[35] P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 52.

[36] Tamże, s. 52; por. s 46.

[37] Gustaf Mannerheim dzięki rodzinie Arapow zyskał możliwość poznawania coraz bogatszych kręgów w Sankt Petersburgu. Dlatego jednym z możliwych powodów jego zdystansowanej postawy wobec zalotów Anastazji był fakt, iż miał większe niż dotychczas możliwości dokonywania wyboru

fa poskramiać swoje reakcje. I wreszcie następuje ostatnia odsłona gry, której finału Mannerheim nie był w stanie przewidzieć, a która jest dla niego samego zaskoczeniem. Cierpliwość hrabiny Azinki została nagrodzona — czas (wyczekiwania) upłynął i „nadeszła jego pełnia"[38]. Dojrzały owoc miał sam wpaść do koszyka Azinki i Anastazji. Hrabina aranżuje spotkanie młodych sam na sam w swoim domu.

> — O, Anastazja, jak miło widzieć panią.
> — Tak, ja ... hrabina prosiła powiedzieć, że się spóźni … prosiła, abym przeprosiła … zaraz tu będzie … już wyjechała z domu księżnej Karpatiewej … dorożka zaraz będzie przed drzwiami … tak, że mam nadzieję, że … nie jest pan, szanowny baronie, zawiedziony.
> Gustaw Karłowicz spostrzega, że Anastazja w czasie mówienia coraz bardziej zbliża się do niego. Jest coraz bliżej. Mannerheim robi krok do tyłu. A Anastazja zbliża się jeszcze bardziej. Mannerheim cofa się dwa kroki. Teraz dopiero spostrzega suknię Anastazji. (…) Gustaw po raz pierwszy zauważa ponętność ramion i szyi. Czuje ciało Anastazji, która stoi tak blisko. Czuje zapach perfum[39].

Jest to moment, w którym na scenie wydarzeń pojawia się hrabina, przypadkowo stająca się świadkiem bliskości młodych. Dla Azinki jest to sytuacja prowokująca dalszy bieg wydarzeń. Po takiej scenie Mannerheim nie ma odwrotu, jako oficer kawalerii nie może sprzeniewierzyć się kodeksowi moralnemu oraz honorowemu i zmuszony jest poprosić o rękę Anastazji.

Pisarz zwraca w powieści uwagę na to, że Mannerheim mimo założenia rodziny nie czuje się do końca pokonany. Bogaty ożenek zabezpiecza mu byt materialny, może dalej służyć w gwardii carskiej w pałacu, może brać udział w konkursach hippicznych, może nadal korzystać w całej rozciągłości z tego, co oferuje życie towarzyskich sfer Petersburga — od tej chwili nie jest już jednak traktowany jako ubogi oficer z biednej Finlandii, lecz jako pełnoprawny członek arystokratycznych kręgów. Dzięki nowym znajomościom przed Mannerheimem otwiera się możliwość szybszego awansu i zrobienia kariery w armii carskiej. Dla pisarza istotnym jest także fakt, że spotyka się także z osobami o kosmopolitycznych zapatrywaniach, które z pewnym zdystansowaniem odnoszą się do cara i formy sprawowanej przez niego władzy. Mimo bezwarunkowej wówczas jeszcze lojalności Mannerheima wobec przełożonych i gotowości do walki w obronie cara, pisarz wskazuje na zalążki rodzącego się w bohaterze krytycznego myślenia ukierunkowanego przede wszystkim na relacje panujące w armii i aparacie państwowym. Rozwój tego myślenia można zaobserwować przede wszystkim w czasie wojny japońskiej oraz I wojny światowej. A procentować będzie już w „czasie fińskim", w międzywojniu i podczas II wojny światowej.

Ważny dla kształtowania się osobowości Mannerheima „czas petersburski" to przede wszystkim czas jego nieustannych zabiegów o swój wizerunek, który miał mu pomóc w zrobieniu kariery w armii carskiej. Rintala pokazuje w przekonywujący sposób w swojej trylogii, że z jednej strony nie był to łatwy czas, a z drugiej na tyle

---

kandydatek do ożenku. Pragnął też zyskać na czasie, by móc w spokoju rozejrzeć się wokół siebie. „A potem dopiero zakochać się i pozostać w gwardii. Por. P. Rintala P. *Mummoni ja Mannerheim...*", s. 52.

38 Por. P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 54.

39 P. Rintala. *Mummoni ja Mannerheim...*, s. 55–56.

decydujący, że Mannerheim zdołał wykształcić w sobie te cechy, które stały się fundamentem jego przyszłych działań i zachowań. To właśnie w petersburskim okresie obracając się w kręgach szkoły wojskowej, arystokracji rosyjskiej, w najbliższym otoczeniu cara, dzięki licznym przyjaźniom i znajomościom nabył ogłady oraz (dzięki silnej woli, jak również samozaparciu) zdobył te umiejętności, wykształcił te przymioty, które pozwoliły mu awansować w strukturach Imperium Rosyjskiego, gdzie uzyskał stopień pułkownika, a później generała. Po powrocie z Rosji do Finlandii w 1917 roku, po Rewolucji Październikowej (wyrzucony z armii), wykorzystał w znakomity sposób wszystkie nabyte w okresie rosyjskim umiejętności, stając na czele armii oraz państwa fińskiego i przyczyniając się tym samym trzykrotnie do uratowania niepodległości kraju[40].

Paavo Rintala usiłuje w powieści w obiektywny sposób przedstawić pozytywne i negatywne strony osobowości Mannerheima. Pokazuje, że mimo iż był takim samym człowiekiem jak każdy z nas, umiał w pełni wykorzystać daną mu przez historię szansę, potrafił umiejętnie wykorzystać sprzyjające życiowe okoliczności. W twórczy sposób reagował na różne sytuacje oraz szukał korzystnych rozwiązań, nie zaniedbując przy tym jednocześnie troski o kreowanie wizerunku własnej osoby. Dzięki temu stał się wielkim człowiekiem, wokół którego narosła legenda. Autor zadbał jednak, by niemal mityczne cechy Marskiego miały w jego literackim wizerunku racjonalne wytłumaczenie.

Bibliografia

Aronen E.–K. *Yksinäinen ratsastaja*. „Helsingin Sanomat. Kuukausiliite". Kesäkuu 2002.

Białokur M. *Mannerheim a Polska. Przyczynek do biografii marszałka Finlandii.* „Zeszyty historyczne" 2001, nr 136, Paryż.

Brantberg R. *Tsaarin upseeri*. Tampere: Revontuuli, 2003.

Clements J. *Mannerheim. Prezydent, żołnierz, szpieg*. Przeł. D. Kurdwanowska, P. Gebethner Zakrzewo: Wydawnictwo Replika, 2010.

Jussila O., Hentilä S., Nevakivi J. *Historia polityczna Finlandii 1809–1999*. Kraków: Universitas, 2001.

Klinge M. *Runebergs två fosterland*. Borgå: Werner Söderström Oy, 1983.

Kolbe L. *Marski — Ihminen.* [W:] *Mannerheim. Sotilas ja ihminen.* Red. K. Sillanpää och H. Westermarck. Helsinki: Yliopistopaino, 1992.

Lehmusoksa R. *Dining with Marshal Mannerheim.* Helsinki: Ajatus Kirjat, 2005.

Mannerheim C.G.E. *The Memoirs of Marshal Mannerheim*. London: Cassell, 1953.

Mannerheim C.G.E. *Wspomnienia*. Przeł. K. Szelągowska. Wstęp i przypisy M. Kopczyńskiego. Seria Pamiętniki. Warszawa: Editions Spotkania, 1996.

Meri V. *Suomen Marsalkka.* Porvoo: Werner Söderström Oy, 1988.

Meri V. *Aus dem Sturm in die Stille — Carl Gustav Mannerheim in der Schweiz.* [W:] *Bausteine. Die Schweiz und Finnland im Spiegel ihrer Begegnungen*. „Jahrbuch für deutsch-finnische Literaturbeziehungen" 1991, nr 23, Helsinki.

Meri V. *Suurmiehen luonne*. [W:] *Mannerheim. Sotilas ja ihminen.* Red. K. Sillanpää och H. Westermarck. Helsinki: Yliopistopaino, 1992.

[40] B. Mrozewicz *Obrachunek z mitem Fina*..., s. 203 i nast.

Mrozewicz B. *Obrachunek z mitem Fina w twórczości Väinö Linny i Paavo Rintali.* Poznań: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, 2004.

Paasonen A. *Marsalkan tiedustelupäällikkönä ja hallituksen asiamiehena*. Helsinki: Weilin Göös, 1974.

Rintala P. *Mummoni ja Mannerheim.* Helsinki: Otava, 1980.

Screen J. *The Years of Preparation*. London: C. Hurst & Co, 1970.

Schicksalsschwere Zeiten. Marschall Mannerheim und die deutsch-finnischen Beziehungen 1939–1945. Hrsg. von A. Jäntti. Berlin: Marion Holtkamp, 1997.

Szordykowska B. *Historia Finlandii*. Warszawa: Wydawnictwo Trio, 2001.

Tommila P. *Mannerheim ja Suomi ennen vuotta 1918.* [W:] *Mannerheim. Sotilas ja ihminen.* Red. K. Sillanpää och H. Westermarck. Helsinki: Yliopistopaino, 1992.

Vlasov J. *Mannerheim Pietarissa 1887–1904*. Jyväskylä: Gummerus, 1994.

RECENZJE
РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

А. М. Подшивайлова
Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе

Киев: Издательско-полиграфический центр
«Киевский университет», 2013, 431 с.
(получено 30.06.2014; принято 30.06.2014)

Актуальные проблемы современной лингвистики переходят в область междисциплинарных исследований, образуя новую область знаний. Одно из постоянно развивающихся в настоящее время направлений этого знания — политическая лингвистика. Монография А.М. Подшивайловой помогает выделить следующие признаки современного этапа развития этого лингвистического направления: 1) глобализация (расширение географии исследований, освоение методологий, методики тем, недоступных ранее); 2) расширение сферы научных интересов, внимание к новым проблемам и аспектам взаимодействия языка, власти и общества (таким, например, как дискурс терроризма, политкорректность, социальная толерантность); 3) самостоятельность, наличие собственных традиций, научных школ и методик.

В свете вышесказанного вполне естественно, что большое внимание в рецензируемой монографии уделяется прежде всего теоретическим аспектам исследования. Так, первая глава — *Понятие манипулятивного воздействия* — посвящена рассмотрению воздействующего потенциала слова в научных исследованиях; воздействию и влиянию как основополагающим понятиям, которыми оперирует автор монографии; разграничению определений манипуляции, манипулирования и манипулятивного воздействия; противопоставлению манипулятивного и актуализирующего воздействия; исследованию соотношения мифа и манипулятивного воздействия и, наконец, описанию структуры манипулятивного воздействия. Исходя из теоретических положений А.М. Подшивайловой, можно сделать вывод, что основными целями манипулятивного воздействия являются: а) побуждение читателей к выработке нужного в определенной общественно-политической ситуации мнения, а затем — к совершению определенных действий (голосование, митинг, подписывание писем-обращений и т. д.); диффамация политических противников; б) информирование читателей о событиях политических, экономических, культурных, спортивных и т.п. Цели эти определяются «высшей целью» политики, которой является борьба за власть.

Во второй главе монографии — *Феномен политического дискурса* — исследуется политический дискурс в лингвистических исследованиях; взаимодействие политического дискурса и средств массовой информации; рассматриваются границы политического дискурса; проявления политического дискурса в кинопродукции; виды политического дискурса в средствах массовой информации

(в частности, выделяются: дискурс власти, оппозиционный дискурс, дискурс «иной / третьей силы»); анализируется тоталитаризм как политическое явление и его воплощение в языке прессы, в частности, аббревиатура как маркер языка тоталитаризма. Особенно ярко представлена в этом разделе монографии стратегия усиления в оппозиционном дискурсе, направленная на подчеркивание негативных сторон тех или иных общественно-политических фактов и явлений.

В третьей главе, одной из самых значимых в исследовании, — *Составляющие манипулятивного воздействия*, — представлены слухи и их отражение в средствах массовой информации; комическое в политическом дискурсе; страх и воздействие посредством нагнетания страха; число в политическом дискурсе. С ней тесно связана четвертая глава монографии — *Элементы манипулятивного воздействия в русскоязычных средствах массовой информации Украины*», — поскольку в ней описаны конкретные речевые средства воздействия, благодаря которым воплощаются на практике составляющие манипулятивного воздействия, перечисленные в предыдущей главе, направленные на адресата воздействия. Так, среди элементов манипулятивного воздействия А.М. Подшивайлова выделяет имплицитную информацию; взаимодействие экспрессивов и речевых штампов в средствах массовой информации; номинирование в процессе воздействия; метафоричность сообщений средств массовой информации; выбор языка сообщения: использование двуязычия предполагаемого реципиента с целью воздействия; невербальные элементы в процессе воздействия в русскоязычных печатных средствах массовой информации Украины. Эти две главы исследования позволяют сделать основополагающие как теоретические, так и практические обобщения. Так, при манипулятивном воздействии чрезвычайно важно соблюдать:

1) принцип доступности, поскольку сложные идеи, пусть и играющие значительную роль, массовой аудиторией не воспринимаются; с лингвистической точки зрения принцип доступности для массового восприятия проявляется в использовании большого количества бытовых метафор, экспликативных (разъясняющих) фраз, повторов фактической информации, отступлений в виде примеров «из жизни», максимально усваиваемых простых синтаксических конструкций;

2) принцип целесообразности, поскольку значимыми для массового сознания могут быть только идеи, непосредственно связанные с повседневными потребностями людей, их привычками и образом жизни; принцип целесообразности тесно связан с принципом доступности, однако если последний тесно связан с формой подачи информации и ее вербального оформления, то принцип целесообразности больше касается непосредственного содержания того или иного сообщения;

3) ожидание осуществления социального идеала, который является воплощением осмысления исторического будущего в массовом сознании; при этом определенные общественно-политические взгляды и действия представляются как инструмент достижения социального идеала, а соответствующие взгляды оппонентов – как нечто препятствующее ему, не желающее его осуществления.

В экспериментальной пятой главе — *Методы исследования манипулятивного воздействия* – автор монографии описывает границы и возможности эксперимента в исследовании манипулятивного воздействия на массовую аудиторию; анализирует возможности метода коалиционного проектирования в политическом дискурсе; проводит исследование составляющих и элементов манипулятивного воздействия в диахроническом аспекте. Особенно хотелось бы выделить размышления автора о бинарности мышления и оценки, свойственных массовому сознанию. В реальности человек всегда имеет возможность выбора промежуточного звена («серое» в оппозиции «черное – белое»; «оба правы – оба виноваты» в оппозиции «прав – виноват»). По сути, механизм манипуляции сводится в данном случае к формированию у широких масс единственно возможной «программы» выбора оценки: «мы» — это хорошо, правильно, полезно (защита, стабильность, покой, возможность удовлетворения любых потребностей), «они» — плохо, неправильно, вредно (угроза, тревога, невозможность удовлетворения даже самых элементарных потребностей).

В *Послесловии* подводятся общие итоги исследования и формулируются важнейшие выводы, к которым пришел автор рецензируемой работы.

Автор монографии свободно владеет специальной научной литературой, самостоятелен в своих суждениях и выводах и тем самым проявляет себя как профессиональный исследователь в избранной им области. Исследование проведено на свежем и интересном фактическом материале, а его интерпретация, безусловно, вызовет большой интерес коллег-филологов.

Следует отметить, что, при всестороннем анализе манипулятивного воздействия в политическом дискурсе, А.М. Подшивайлова не ограничивается современной русскоязычной прессой Украины. Здесь следует выделить раздел второй главы монографии *Проявления политического дискурса в кинопродукции*, посвященный экранизации трилогии Дж. Р.Р. Толкиена *Властелин колец*, в которой автор совершенно справедливо видит ряд разнообразных элементов политического дискурса и соответствующим образом эти элементы анализирует, а также раздел пятой главы *Исследование составляющих и элементов манипулятивного воздействия в диахроническом аспекте*, в котором с точки зрения манипулятивного воздействия блестяще проанализирована переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского (последнего можно охарактеризовать как первого диссидента Руси в изгнании). Безусловно, такие не относящиеся непосредственно к русскоязычной прессе Украины «вкрапления» делают исследование более объемным и убедительным.

Однако следует указать автору на некий «фактологический перекос», присутствующий в монографии. А.М. Подшивайлова много внимания уделяет — и совершенно справедливо — тоталитаризму, при котором манипулятивное воздействие на личность переходит всякие границы и становится если не истинным, «материальным», то, безусловно, моральным преступлением перед людьми. Однако следует отметить, что и демократическая, «свободная» пресса также не лишена соответствующих средств воздействия. Хотелось бы, чтобы в будущем автор исследования с таким же блеском и в том же ключе проанализировал, например, предвыборные обещания кандидатов в президенты Укра-

ины и комментарии соответствующих партийных газет (поскольку каждый потенциальный президент Украины — это еще и представитель определенной украинской политической партии). Очевидно, такое исследование также получилось бы актуальным и весьма поучительным.

Таким образом, монография А.М. Подшивайловой *Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе* представляет собой оригинальное, глубокое, богатое теоретическими установками и фактической базой, законченное исследование. Она написана прекрасным, богатым, выразительным языком, с полным соблюдением принципа научности и научных достижений современной русистики. Рецензированное исследование, безусловно, станет незаменимым пособием как для студентов-филологов, так и для будущих журналистов. Книгу с интересом прочтут ученые-филологи, занимающиеся сходной проблематикой, а также читатели-нефилологи, которые так или иначе систематически подвергаются манипулятивному воздействию, особенно в средствах массовой информации.

АНТОНИНА ГРИГОРАШ

Национальный педагогический университет имени М.П. Драгоманова
Институт иностранной филологии, Кафедра русского языка
ул. Пирогова 9, 01030, г. Киев, Украина
e-mail: lyuda789@rambler.ru

Жанна Сладкевич
Политический фельетон в свете теории речевого воздействия

Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, 522 ss.
(nadesłano 19.11.2014; zaakceptowano 19.11.2014)

Recenzowana monografia zasługuje na pewno na miano potrzebnej i ważnej zarówno w obszarze badań językoznawczych, jak i w dziedzinie dziennikarstwa. Jej Autorka wychodzi ze słusznego założenia, iż każda informacja, zakodowana w języku, jest tekstem, który posiada określoną funkcję, przez którą należy rozumieć tę jego cechę, jaką jest wywoływanie efektu komunikacyjnego, czyli określonej zaplanowanej reakcji adresata.

Monografia Pani Żanny Sładkiewicz ma charakter interdyscyplinarny, dotyczy bowiem zagadnień lingwistycznych, szczególnie w obszarze pragmatyki języka, komunikacyjnych, kulturowych oraz socjologicznych. Przyjęcie takiego oglądu, problemu badawczego, zaproponowanego w tytule pracy, wymagało od Autorki ścisłości w definiowaniu aparatu pojęciowego, wykorzystywanego w toku pracy. Z zadaniem tym Autorka poradziła sobie bardzo dobrze.

Lektura monografii pozwala stwierdzić, iż Pani Żanna Sładkiewicz ma świadomość wielobiegunowej analizy zaproponowanego przez nią materiału empirycznego. Najważniejszą zaletą Autorki jest jednak to, iż w analizie rosyjskich i polskich tekstów felietonów politycznych nie traci z pola widzenia aspektu lingwistycznego. Język jako obiekt badawczy jest cały czas obecny, zarówno w założeniach metodologicznych, jak i w jego opisie.

Wychodząc z fundamentalnego dla pragmatyki językowej przekonania, bo przecież recenzowana praca zdecydowanie mieści się w nurcie badań pragmalingwistycznych, że wypowiedzi nie tylko znaczą, ale przede wszystkim będąc aktami komunikacji, oddziałują na ich odbiorcę, w wypowiedzi, której reprezentantem gatunkowym jest felieton, Pani Żanna Sładkiewicz wyodrębnia jej trzy elementy składowe: 1. Przedmiot wypowiedzi, 2. Podmiot, będący kreatorem wypowiedzi i 3. Kompozycyjną strukturę wypowiedzi, której celem jest utrzymanie uwagi odbiorcy tekstu, a także oddziaływanie na niego, a w efekcie wywołanie w nim reakcji (lub nie) na akt komunikacji, zaproponowany w aspekcie zawartości treściowej i poprzez dobór środków językowych.

W takim właśnie porządku Żanna Sładkiewicz proponuje układ kompozycyjny recenzowanej monografii. Rozdział I ma charakter teoretyczny. Poruszone w nim zostały pojęcia dyskursu w opozycji do pojęcia tekstu oraz problem dyskursu perswazyjnego, będącego osią analizy felietonu jako gatunku dyskursu politycznego i publicystycznego. W rozdziale II Autorka skupia uwagę na zagadnieniu prezentacji przedmiotu w tekście felietonu poprzez różnorodne propozycje jego dyskredytacji w celu osiągnięcia podważenia autorytetu obiektu dyskredytacji. W tym celu Autorka analizuje następujące taktyki komunikacyjne i językowe środki ich realizacji: wartościowanie,

zarzuty, obelgi, dyskredytacje kompetencji zawodowej i obywatelskiej, deprecjację przeciwnika, trawestację ideologemów i mitologemów, a także absurd językowy jako środek dyskredytacji rzeczywistości politycznej. Rozdział III monografii skonstruowany został zgodnie z przyjętym przez Autorkę założeniem, iż tekst felietonu tworzą trzy komponenty. Są nimi: podmiot prowadzący narrację, obiekt interpretacji satyrycznej i odbiorca (czytelnik), będący uczestnikiem przestrzeni komunikacyjnej. W tej części monografii Autorka skupiła swoją uwagę na podmiocie prowadzącym narrację w formie felietonistycznej, eksplikując przyjęte przez niego strategie i stosowane środki językowe. Należą do nich: taktyka integracji, solidaryzacja, taktyka dystansowania się, samobiczowania, deprecjacja wizerunku narratora, taktyka esktrapolacji obcych poglądów. Żanna Sładkiewicz skupia uwagę także na strategii fascynacji jako zabiegu wywoływania wrażenia na odbiorcy tekstu poprzez zastosowanie środków stylistycznych w funkcji perswazyjnej i manipulacyjnej. Autorka słusznie podkreśla, iż dla omawianego gatunku tekstu ważniejsza jest ocena i interpretacja, dlatego też nie rażą użyte w tekście środki językowe o silnym zabarwieniu emocjonalnym i te, które służą uatrakcyjnieniu tekstu. Łamanie reguł językowych, oryginalność, nie zawsze w dobrym stylu, są po to, żeby — jak podkreśla Autorka — pozyskać uwagę czytelnika.

W rozdziale IV poruszony został problem kompozycji tekstu felietonu ze szczególnym zaakcentowaniem prze Autorkę realizacji zjawiska strategii fatycznej w aspekcie językowo-retorycznym oraz wizualno-graficznym.

Tę ciekawą pod względem teoretycznym i empirycznym pracę wzmacniają wartościowe, klarowne wnioski, które Autorka proponuje na zakończenie każdego rozdziału monografii.

Omawiana praca stanowi niewątpliwie ciekawą i śmiałą propozycję w obszarze coraz częściej podejmowanych badań w zakresie złożonych kwestii w dziedzinie językoznawstwa pragmatycznego. Czyta się ją z zainteresowaniem ze względu na jej walor intelektualny, a także pasję, konsekwencję oraz poczucie odpowiedzialności, z jakim Pani Żanna Sładkiewicz pokonuje złożone problemy w obszarze komunikacji międzyludzkiej na przykładzie wybranego jej gatunku — felietonu. Czytelnik otrzymał monografię wartościową i na pewno inspirującą do dalszych badań.

Nasuwa mi się tylko jedna uwaga na temat recenzowanej monografii, a mianowicie taka, iż na gruncie polskiej pragmalingwistyki i studiów dziennikarskich spełniłaby ona swoją rolę w zdecydowanie większym stopniu, gdyby została zredagowana po polsku albo gdyby jej Autorka umieściła w pracy rozbudowane streszczenie w języku polskim.

ANDRZEJ SITARSKI

Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu
Wydział Neofilologii, Instytut Filologii Rosyjskiej
Collegium Novum, al. Niepodległości 4, 61-874 Poznań, Polska
e-mail: andrzej-sitarski@wp.pl

Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej.

Red. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał.
Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013,
318 ss. + tablice.

(nadesłano 21.11.2014; zaakceptowano 21.11.2014)

Tom *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej* zadedykowano Pani Profesor Janinie Bartoszewskiej z okazji Dostojnego Jubileuszu Urodzin oraz 45-lecia pracy naukowo-dydaktycznej na Uniwersytecie Gdańskim, w tym — 25-lecia kierowania Katedrą Językoznawstwa Wschodniosłowiańskiego i Translatoryki. Redaktorki tomu podkreśliły, że Profesor Bartoszewska „położyła niekwestionowane zasługi dla rozwoju gdańskiej rusycystyki i slawistyki. Może poszczycić się licznymi, ważkimi dokonaniami nie tylko na niwie naukowej i dydaktycznej, ale również w budowaniu postaw i wartości gwarantujących naukowy obiektywizm i etyczną niezależność".

Tom ten został przygotowany przez Grono Przyjaciół, którzy zechcieli się podzielić swoim dorobkiem naukowym w ramach danego opracowania, by uczcić i upamiętnić wyjątkowy moment w życiu człowieka i jego kariery naukowej. Stał się on zbiorem artykułów filologicznych, przede wszystkim rusycystycznych, które ze względu na rozpiętość zainteresowań Autorów trzeba było pogrupować i zakwalifikować — nie bez trudu i koniecznych uproszczeń — do odpowiednich działów.

Redaktorki monografii zdecydowały się na złoty, bo trójczłonowy, podział pracy. Opierając się na właściwościach słowa, które uczyniły centralną konstrukcją swego tomu, wyodrębniły trzy dziedziny, w jakich najbardziej aktywizuje się wiedza o naturze wyrazu: aspekt fonetyczny, leksykalny i stylistyczny. Dlatego pierwszy dział zatytułowały *Od dźwięku*, drugi — *Do słowa*, a trzeci — *I jeszcze dalej*, przez co w sposób oryginalny i interesujący wskazały na naturalne nieustanne wynikanie, ciągłość i przenikanie się wielorakich oraz różnorodnych aspektów, gdy chodzi o badania nad funkcjonowaniem mowy od strony teoretycznej i praktycznej, w komunikacji potocznej i komunikacji artystycznej.

Dział *Od dźwięku* zawiera pięć tekstów. Rozpoczyna go wypowiedź Katarzyny Wojan *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej — aż do analizy homomorficznej i z powrotem do dźwięku.* Z kolei Norajr Ter-Grigorjan postawił pytanie, związane ze spółgłoskami przydechowymi: *Аспираты в современной русской речи — фикция или реальность?* Natomiast Ewa Konefał poruszyła problem, z którym na co dzień borykają się nie tylko tłumacze: *O systemach konwersji rosyjskich znaków cyrylickich na znaki łacińskie.* Ku kwestiom komputerowym poprowadził Czytelnika Jurand B. Czermiński, który powiązał prosty instrument użytkowy z relacjami świata, oferując tekst *Klawiatura homofoniczna — narzędzie komunikacyjne globalnej wioski.* Pierwszy dział tomu

jubileuszowego zamyka wypowiedź Radosława Kalety z obszaru komparatystycznego: *O białorusko-polskiej homonimii międzyjęzykowej w europejskim kontekście.*

Dział drugi — *Do słowa* — zgromadził osiem tekstów. Dział rozpoczął Jan Wawrzyńczyk wypowiedzią-apelem, sygnalizując problem, który ujął następująco: *O fotorejestrację agnonimów słownikowych języka rosyjskiego.* Marek A. Iwanowski przywiódł Czytelnika ku „mistyce", „dydaktyce" i „wychowaniu", gdyż Autor zatytułował swój śledczy tekst następująco: *Na tropie przekornego ducha leksykografii.* Z kolei Walerij Mokijenko podzielił się refleksją z obszaru językoznawstwa kognitywnego i zaproponował artykuł pod nazwą *Концепт «дружба» в зеркале русской идиоматики.* Agnieszka Spagińska-Pruszak w błyskotliwej analizie semantycznej przedstawiła leksykalną pozycję kota w trzech językach słowiańskich: *„Kot" we frazeologii polskiej, rosyjskiej i chorwackiej.* Włodzimierz Wysoczański podjął temat należący do podsystemu języka naturalnego i zaoferował tekst *Uczucia z grupy 'radość' w wybranych odmianach substandardowych języka.* Również mistyczny nastrój, nawet znacznie bardziej ezoteryczny od poprzedniego, zawitał w erudycyjnym artykule Krystyny Szcześniak, która napisała intrygującą rozprawkę o naturze drzewa tradycyjnie kojarzonego z kobiecością: *Brzoza — drzewo nostalgicznie wpisujące się w ludowe 'lekarowanie' słowiańskie.* Z tym botaniczno-medycznym tematem wiąże się następny tekst napisany przez Wandę Stec: *Lokalizacja geograficzna utrwalona w nazwach roślin leczniczych.* Dział drugi zamyka wypowiedź Magdaleny Jaszczewskiej zatytułowana *Wybrane paremie polskie i wątki kulturowe związane z adwentem.*

Dział trzeci — *I jeszcze dalej* — oferuje Czytelnikowi siedem tekstów. Zgromadzone tutaj wypowiedzi otwiera artykuł Grzegorza Ojcewicz *O filologii śledczej, czyli tajemnica śmierci Gajany Kuźminy-Karawajewej — córki św. Matki Marii (Skobcowej)*, lokujący się w ramach nowej subdyscypliny filologicznej, jaką jest filologia śledcza. Ze współczesności ku nieco odleglejszej przeszłości językoznawczej przenosi nas artykuł Doroty Żyłko, która udanie wyeksponowała translatorskie losy klasycznej triady, wskazującej na wzajemne relacje pomiędzy mową i językiem: *Uwagi o polskich i rosyjskich przekładach Saussure'owskiej triady langue–parole–langage.* Anna Hau w artykule *Język ojczysty a tożsamość narodowa* podniosła ważny problem natury lingwistycznej i socjologicznej. Z kolei Alesia Narloch zaproponowała rozważania na temat graficznego oddziaływania na odbiorcę za pomocą szczególnych kompozycji znakowych: *«Пере'загрузка» — игра с графикой в названиях газетных рубрик (на материале газеты «Власть»).* Po niej Magdalena Chojnacka przybliżyła lingwistyczną problematykę emotywną: *Личностно-аффективные обращения в современном русском языке.* Zagadnienie publicystyki felietonowej w powiązaniu z intertekstualnością i strategią fascynacji zademonstrowała z przekonaniem Żanna Sładkiewicz w artykule *Интертекстуальность фельетонной публицистики в свете стратегии фасцинации.* Dział trzeci zamyka interesująca analiza fragmentu rzeczywistości z obszaru polityki i sztuki konwersacji ujęta w artykule Urszuli Patockiej-Sigłowy: *Strategie konwersacyjne w dialogu (na podstawie wywiadu Adama Michnika z Władimirem Putinem).*

Dwadzieścia artykułów, które znalazły się w trzech wymienionych powyżej działach, uzupełniają trzy inne ważne elementy strukturalne monografii. Są nimi: *Tabula gratulatoria*, *Od Redaktorek* oraz aluzyjna — w sensie nawiązania do klasyki radziec-

kiej i książki Aleksieja Tołstoja *Droga przez mękę* — wypowiedź Marceliny Grabskiej *Droga przez naukę,* w której po przyjacielsku, ciepło i rzeczowo Profesor Grabska prześledziła ścieżkę kariery naukowej Szanownej Jubilatki. To wartościowe naukowo opracowanie i zarazem świadectwo przyjaźni, jaką obdarzyli Autorzy Panią Profesor Janinę Bartoszewską, ma swój kolejny wymiar: po *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej* pojawił się nowy czwarty człon, kreślący obiecującą perspektywę ludzką oraz badawczą: ku uniwersalistycznym horyzontom. Tego właśnie — docierania do uniwersalistycznych horyzontów i ich osiągania — nieustannie Dostojnej Jubilatce i Szanownemu Gronu Autorskiemu szczerze życzę.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor Emeritus
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,
Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

Rosja w krysztale. Rozważania, fakty, miraże.
Россия в хрустале. Размышления, факты, миражи.

Red. Diana Oboleńska, Urszula Patocka-Sigłowy,
Katarzyna Arciszewska, Karolina Rutecka.
Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, 476 ss.

(nadesłano 24.11.2014; zaakceptowano 24.11.2014)

Rosja w krysztale. Rozważania, fakty, miraże to drugi gdański tom jubileuszowy, o którym mam przyjemność się wypowiedzieć i ocenić. Podobnie, jak poprzednia monografia uczelniana, poświęcona Profesor Janinie Bartoszewskiej, obecne *opus magnum* również jest dedykowane zasłużonemu i długoletniemu Pracownikowi naukowo-dydaktycznemu Uniwersytetu Gdańskiego, Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi, historykowi i krytykowi literatury rosyjskiej, teoretykowi i praktykowi przekładu artystycznego — Postaci bardzo dobrze znanej w krajowym i międzynarodowym środowisku filologicznym, od 1974 roku związanej zawodowo z Wybrzeżem i gdańską Alma Mater.

Kluczem kompozycyjnym omawianego tomu — od poziomu najbardziej zewnętrznego, czyli tytułu, do poziomu wewnętrznego, czyli strefy tekstowej — uczyniono osobliwe ciało stałe, do jakich należy kryształ. Redaktorki monografii przypomniały w *Słowie wstępnym* o jego wyjątkowej strukturze i właściwościach oraz tradycyjnym łączeniu kryształu ze światem ezoteryki i magii. Zabieg ten był w ocenie Piszących potrzebny i właściwy, ponieważ wyeksponowanie cech tego ciała stałego — jego wyjątkowej struktury i zdolności do załamywania światła w połączeniu z jego rozszczepianiem — dyskretnie implikuje „magiczność" zgromadzonego w tomie materiału i umożliwia przedstawienie wielu, różnych punktów widzenia na dawną i obecną Rosję.

Posłużenie się symboliką kryształu uzasadnia jednocześnie wielokierunkowość zamieszczonych w książce tekstów, wśród których znalazły się nie tylko artykuły literaturoznawcze, językoznawcze i translatologiczne, lecz także kulturowe, socjologiczne i historyczne, wszystkie one bowiem w sposób naturalny korespondują z wieloma zainteresowaniami naukowymi Jubilata. Tak więc, jak niejednoznaczna jest pod bardzo wieloma względami sama Rosja, tak samo liczne są dziedziny nauki i życia, które z pasją badał, z zaciekawieniem poznawał i wciąż wytrwale studiuje Profesor Apanowicz.

Zgodnie z zapowiedzią Redaktorek tomu monografia *Rosja w krysztale. Rozważania, fakty, miraże* rzeczywiście odsłania zjawiska i fakty, które są zarazem odkrywaniem niekiedy mało lub w ogóle nieznanych szerszemu gronu odbiorców wymiarów kultury i rzeczywistości rosyjskiej, zwłaszcza tych (wymiarów) o znamionach uniwersalistycznych. Zamieszczone w tomie prace ujawniają przy okazji nie tylko naukowe, lecz także osobiste doświadczenia badaczy, co czyni niektóre wypowiedzi bardzo prywatnymi,

a przez to szczerymi i wzbogacającymi naszą wiedzę o Franciszku Apanowiczu, której próżno by długo szukać nawet ze złotym kagankiem w źródłach biograficznych.

Na podobieństwo kryształowej kuli, która za każdym razem tworzy niepowtarzalne obrazy, wykorzystując refleksy świetlne, książka została podzielona na cztery części zwane tutaj — konsekwentnie, pozostając w poetyce krystalograficznej — odbiciami. Poprzedza je wstęp zatytułowany *O Jubilacie*, w którym znajdujemy wszystko, co jest niezbędne do poznania człowieka godnego tomu jubileuszowego, przede wszystkim dane dotyczące kariery naukowej Jubilata. Następnie pojawiają się cztery odbicia niczym cztery znaki, kreślące w duchowej i kulturowej przestrzeni wieków, punkty graniczne kwadratowego portalu, przez który musiały przejść myśli wielu autorów, którzy zadedykowali swoje wypowiedzi Profesorowi Apanowiczowi.

Na *Odbicie pierwsze* złożyło się dwanaście artykułów literaturoznawczych. Halina Chałacińska i Paulina Bogusz-Tessmar przedstawiły tekst *Newski Prospekt, „gogolowski symbol podrabianego świata" wobec propozycji czytania „Martwych dusz"*. Grigorij Piewcow przybliżył *Образ Богородицы в поэзии Александра Блока.* Iwona Anna NDiaye, kontynuując linię modernistyczną, przybliżyła złożony i wciąż intrygujący świat Wielemira Chlebnikowa, publikując materiał pod tytułem *„Poezja powinna naśladować malarstwo...". Twórczość Wielimira Chlebnikowa (1885–1922)*. W tym samym kręgu tematycznym Srebrnego Wieku mieści się kolejny artykuł, którego autorką jest Janina Sałajczykowa. Jej tekst został poświęcony wybitnemu poecie, prozaikowi i krytykowi literackiemu, sympatyzującemu z futuryzmem i akmeizmem, Gierogijowi Iwanowowi (1894–1958): *Gieorgij Iwanow — krytyk literacki.* Diana Oboleńska zaproponowała odmienny obszar problematyczny od poprzednich i wpisała myśl zachodnią w tradycję rosyjską: *Idee Zachodu na gruncie rosyjskim. Kompozycja sceniczna „Żółty dźwięk" Wasyla Kaudyńskiego.* O *Semantyce przestrzeni miejskiej w twórczości Andrieja Płatonowa* opowiedział przekonująco Tadeusz Bogdanowicz, a Lola Zvonarieva zaproponowała klimaty emigracyjne: *Апология эмиграции Романа Гуля, Сергея Голлербаха, Ренэ Герра: стратегия защиты.* Z kolei Elżbieta Biernat nawiązała do wiedzy zawartej w źródłach prywatnych pisarza i przedstawiła rzecz pod tytułem *Rosja w „Dziennikach" Jarosława Iwaszkiewicza.* Pole komparatystyczne zagospodarowała Anna Majmieskułow, pisząc artykuł *Уроки Шекспира в русском поле (стихотворение Иосифа Бродского „Колокольчик звенит...", 1965),* a Irena Fijałkowska-Janiak powiodła czytelników ku kulturowej hippice, nawiązując do cytatu znanej piosenki z końmi w roli głównej: *„Tylko koni, tylko koni żal". Konie w literaturze.* Katarzyna Arciszewska podzieliła się refleksjami na temat *33 mgnień szczęścia. Obraz Rosji w opowiadaniach Ingo Schulze*, natomiast Halina Waszkielewicz na zakończenie pierwszego odbicia interesująco zarysowała *Powietrzną trylogię Diny Rubiny.*

W *Odbiciu drugim* ukazały się cztery różnorodne odsłony tematyczne: muzyczna, graficzna, malarska i kinowa. Małgorzata Matecka nawiązała do ojczystych źródeł, inspirujących wybitnych muzyków rosyjskich XIX/XX wieku zwanych Grupą Pięciu: *Konteksty kulturowe w twórczości kompozytorów potężnej gromadki — Aleksander Borodin, Nikołaj Rimski-Korsakow, Modest Musorgski.* Grażyna Bobilewicz zajęła się postacią artysty grafika i myśliciela, Jurija Seliwiorstowa (1940–1990), oraz jego oryginalnym łączeniem filozofii ze sztuką, ujmując problem następująco: *Filozofia i sztuka. Myśl rosyjska w grafice Jurija Iwanowicza Seliwiorstowa.* Natomiast Zofia Krasnopol-

ska-Wesner zaproponowała dość rzadko podejmowany w dyskusji naukowej wątek kulturowy i napisała o *Obliczach perwersji w malarstwie rosyjskim srebrnego wieku.* Na zakończenie odbicia drugiego Liliana Kalita odkryła wciąż mało znane szczegóły z biografii wybitnej postaci rosyjskiej emigracji pierwszej fali, Marka Ałdanowa (1889–1957): *Nieodwzajemniona miłość: Mark Ałdanow i kino.*

Odbicie trzecie ma cechy translatorskie, translatologiczne i ezoteryczne. Są tutaj zgromadzone cztery teksty. Należą one do moich ulubionych w tej książce, lecz nie z uwagi na samouwielbienie, ponieważ odnajduję między nimi także własne prace, lecz głównie z tej przyczyny, że opublikowano tutaj fragmenty książki Piotra Uspienskiego o tarocie. Manewr, na który zdecydowały się redaktorki tomu, zaliczam do odważnych i jednocześnie słusznych, choć, być może, w dobie agresywnych i irracjonalnych napaści na obecność „różdżkarstwa" w nauce, jego przeforsowanie wcale nie musiało należeć do łatwych zadań. *Odbicie trzecie* otwiera tłumaczenie jednej z ostatnich miniatur prozatorskich Iwana Bunina *Bernard w* przekładzie Grzegorza Ojcewicza. Po nim następuje — ważna wypowiedź Piotra Demianowicza Uspienskiego: *Symbole Tarota (fragment)*, którą ze znawstwem opracowała, przełożyła i skomentowała Monika Rzeczycka. Anna Bednarczyk poruszyła niezmiennie ważna kwestię w translatologii i zilustrowała ją wierszem Mariny Cwietajewej: *Потенциальность перевода (на примере одного стихотворения Марины Цветаевой).* Te część odbicia zamyka wspomnieniowa narracja Grzegorza Ojcewicza poświęcona warsztatowi przekładowemu Jubilata: *Sztuka translatorska Franciszka Apanowicza na przykładzie twórczości poetyckiej Piotra Kotowa.*

Odbicie czwarte zgromadziło osiem tekstów. Ich odległość tematyczna od trzech pozostałych odbić uniemożliwiła, jak sądzę, włączenie do jednego z trzech wcześniejszych działów. Tutaj funkcjonują na zasadzie pełnej autonomii, dotykając najrozmaitszych kwestii, dla których wspólnym mianownikiem pozostaje Rosja. Najpierw Zbigniew Opacki nawiązał do relacji *Między urzędnikiem a inteligentem. Kwestia statusu społecznego profesora uniwersytetu w Rosji w XIX i na początku XX wieku.* Po nim Wasilij Szczukin przedstawił świat rosyjskiego miasta w artykule: *Мир русского города. Исторические заметки.* Z kolei Dorota i Bogusław Żyłkowie przypomnieli o słynnej szkole semiotycznej, reprezentowanej przez Jurija Łotmana, w tekście zatytułowanym *Проблема устность/письменность в культорологической концепции Ю.М. Лотмана.* Katarzyna Vitkovska nawiązała do kwestii kobiecości, zderzając poglądy tradycyjne ze współczesnymi: *Stare i nowe oblicza rosyjskiego feminizmu.* O niektórych problemach kobiet na rosyjskim rynku pracy doniosła Urszula Patocka-Sigłowy: *Женщина на российском рынке труда: избранные проблемы.* Swego rodzaju ciekawostki natury lingwistycznej i kulturowej zawiera wypowiedź Zoi Nowożenowej pod intrygującym tytułem: *Что (и как) у русских по-польски?* Przedostatni w odbiciach czwartych artykuł, napisany przez Piotra Fasta, mógłby z powodzeniem zasilić odbicie trzecie, gdyż wpisuje się w konteksty translatologiczne i mówi o najnowszej literaturze rosyjskiej w polskich tłumaczeniach: *Новейшая русская литература в польских переводах. Odbicie czwarte* zamykają uwagi Alicji Pstygi pod nazwą: *Współczesna Rosja w polskim dyskursie medialnym (na podstawie wypowiedzi prasowych Wacława Radziwinowicza).* Monografię wieńczy *Aneks*, w którym pieczołowicie zebrano i zaprezentowano dorobek naukowy oraz literacki Profesora Apanowicza

Omówiony i pozytywnie oceniony tom jubileuszowy, przygotowany przez przyjaciół i uczniów Franciszka Apanowicza, stał się — jak tego pragnęły redaktorki tomu — prawdziwym „przyczynkiem do dalszych refleksji na temat Rosji, inspiracją do badania kultury, tradycji historii, współczesności i duchowości tego fascynującego, wciąż przeobrażającego się, na nowo definiującego się kraju". I stało się tak zapewne nie tylko za sprawą grona piszących, ale także niewidocznego oddziaływania samego kryształu, wzmacniającego przecież siłę myśli i intencji, oraz towarzyszącej mu nieodłącznie magii.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Profesor Emeritus
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie,
Wyższa Szkoła Policji w Szczytnie, Polska
e-mail: gojcew@poczta.onet.pl

Iwan Bunin. Wciąż smutno wierzę w swoje szczęście...

Red. Iwona Anna NDiaye i Grzegorz Ojcewicz.
Seria Luminarze Rosyjskiej Emigracji.
Olsztyn: Instytut Słowiańszczyzny Wschodniej WUM, 2013, 471 ss.

(nadesłano 30.12.2014; zaakceptowano 30.12.2014)

Książka, o której mowa, ukazała się w 2013 roku w 60. rocznicę śmierci i 80. rocznicę otrzymania przez Iwana Bunina literackiej nagrody Nobla. To niezwykle interesująca publikacja, która łączy aspekt naukowy, popularno-naukowy i literacki, stając się dzięki temu pracą popularyzującą twórczość rosyjskiego noblisty, a jednocześnie pomocną dla badaczy tej twórczości. Słowa te odnoszą się znowu do kilku sfer zainteresowań badawczych, książka zawiera bowiem zarówno wypowiedzi jej bohatera — Bunina oraz jego żony i bliskich mu osób, jak i teksty wspomnieniowe. Mieszczą się w niej tłumaczenia prozy, ale również poezji noblisty. Odnajdziemy tu także obszerną polską bibliografię naukową (*Buniniana*) oraz źródłową (*Alfabetyczny spis utworów*). Cały tom poświęcony Buninowi podzielony został na części, które kolejno realizują wspomniane aspekty zainteresowań jego redaktorów. I.A. NDiaye i G. Ojcewicz piszą o tym we wstępie, objaśniając swoją motywację. Tak subiektywnie nacechowane podejście do pracy redaktorskiej spowodowało, że prezentowany zbiór stał się wyraziście autorskim, twórczym dziełem dwojga redaktorów. W tym miejscu pozwolę sobie krótko scharakteryzować poszczególne części tej pracy, uwzględniając przy tym uwagi zawarte we wstępie redakcyjnym.

Zbiór otwiera część zatytułowana *Ustami Buninów*, w której odnajdujemy najważniejsze teksty Iwana Bunina: o misji rosyjskiej emigracji oraz mowa noblowskiej, wspomnienia Wiery Muromcewej-Buninej, a także fragmenty dzienników. Część ta, podobnie jak i druga, pozwala czytelnikowi „umiejscowić" dla siebie rosyjskiego noblistę, przede wszystkim w sferze politycznej i prywatnej.

Podobną funkcję pełni część druga, w której Bunina poznajemy poprzez wspomnienia rosyjskich emigrantów. Czytelnik znajdzie w niej zarówno odniesienia do jego twórczości (np. Borys Zajcew, V. Nabokov), pozna preferencje twórcze (np. Nina Berberowa), jak i do prywatnego życia (np. Galina Kuzniecowa). W tej części pracy ważną poznawczą rolę odgrywa także zamieszczona obok wspomnień korespondencja.

Drobnym mankamentem w części drugiej jest, z mojego punktu widzenia, brak konsekwencji w polskim przekładzie imion „bohaterów" — Bunin występuje tu jako Jan lub Iwan, Galina Kuzniecowa pozostaje Galiną i Galą, ale okazuje się też Haliną (Halą). Nie jest to jednak uwaga merytoryczna.

Dwie pierwsze części pracy w naturalny sposób prowadzą do trzeciej, która zawiera wypowiedzi współczesnych badaczy twórczości Bunina o jego emigracyjnej poezji

(J. Brzykcy) i prozie (T. Marzenko), jak również o ich recepcji w Polsce (G. Ojcewicz, I.A. NDieye). Wspomnienia o człowieku i literacie przekształciły się tu w naukowe rozważania o twórczości noblisty i jej przyjęciu w Polsce.

Kolejne części pracy wydają się logicznym następstwem poszukiwań jej redaktorów-autorów. Są to polskie przekłady poezji i opowiadań Iwana Bunina. Na uwagę zasługuje fakt, że wszystkie tłumaczenia są nowe, a także poprzedzenie ich wersją oryginalną. Pozwala to czytelnikowi, nieznającemu języka rosyjskiego, zapoznać się z twórczością noblisty, a znającym rosyjski — porównać wariant wyjściowy i docelowy. W przypadku niektórych wierszy można również zbadać synchroniczną serię translatorską, na którą składają się dwa różne przekłady zamieszczone w książce. Istnieje też możliwość porównania przekładów nowych, wykonanych na potrzeby tomu i wcześniejszych. Niektóre zaprezentowane przekłady są w moim przekonaniu kontrowersyjne, tym bardziej więc warto się z nimi zaznajomić i samemu przekonać o ich wadach oraz zaletach.

Szczególną uwagę wypada natomiast zwrócić na część VI zatytułowaną *Buniniana* i VII — *Alfabetyczny wykaz utworów Iwana Bunina*. Obie tworzą ważne uzupełnienie całości. Dzięki nim badacze twórczości Bunina zyskali obszerną informację o materiałach bibliograficznych i źródłowych. Warto zauważyć zarówno wyodrębnienie w bibliografii źródeł polskojęzycznych, jak i wyróżnienie w alfabetycznym spisie utworów powstałych na emigracji, co znacznie ułatwia poszukiwania.

Ciekawym dodatkiem są również fotografie Bunina, które znalazły miejsce w końcowej części książki i wieńczą ją szczególnym faktograficznym, a zarazem artystycznym akcentem.

Uważam, że ta wartościowa lektura winna znaleźć się na półkach czytelników zainteresowanych twórczością Bunina, literacką emigracją rosyjską i przekładem literackim, którym rosyjski noblista też się zajmował.

ANNA BEDNARCZYK

Uniwersytet Łódzki
Wydział Filologiczny, Instytut Rusycystyki
ul. Pomorska 171/173, 90-236 Łódź, Polska
e-mail: anbednar@o2.pl

BIBLIOGRAFIE
BIBLIOGRAPHIES
БИБЛИОГРАФИИ

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRAC PROFESORA FRANCISZKA APANOWICZA

Rozprawy i monografie naukowe

Franciszek Apanowicz. *Zagadnienia poetyki „powieści-bajki" Michała Priszwina*. Polska Akademia Nauk. Komitet Słowianoznawstwa. Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk — Łódź: Zakład Narodowy im. Ossolińskich — Wydawnictwo Naukowe PAN, 1988, ss. 108. ISBN 83-04-02734-8.

Franciszek Apanowicz. *„Nowa proza" Warłama Szałamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej*. Rozprawy i Monografie. Uniwersytet Gdański. Nr 227. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996, ss. 198. ISBN 83-7017-683-6.

Franciszek Apanowicz. *„Nowa proza" Warłama Szałamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej*. Rozprawy i Monografie. Uniwersytet Gdański. Nr 227. Dodruk. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 198. ISBN 83-7017-683-6.

Franciszek Apanowicz. *Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина*. Biblioteka Przeglądu Rusycystycznego. Nr 7. Katowice: Śląsk, 2002, ss. 174. ISBN 83-7164-331-4.

Leksykografie

Franciszek Apanowicz, Bogdan Nesterowicz. *Polsko-rosyjski słownik wyrazów obcych (= Польско-русский словарь иностранных слов)*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2005, ss. XXVII, [1], 328. ISBN 83-7326-234-2.

Redakcja naukowa monografii wieloautorskich

Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku (= Русская литература конца XIX — начала XX веков). Materiały z konferencji naukowej zorganizowanej na Uniwersytecie Gdańskim. Red. Franciszek Apanowicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2001, ss. 254. ISBN 83-7326-039-0.

История в зеркале литературы и литературоведения. Сборник докладов Международной научной конференции, август 2001, г. Гданьск. Отв. ред. сост. Лола Звонарёва, Франтишек Апанович. Орг. Российский центр науки и культуры в Варшаве. Российский центр науки и культуры в Гданьске. Институт славянской филологии Гданьского университета. Гданьск — Варшава: Грант, 2002, ss. 440. ISBN 83-910391-3-7.

Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechnej (= Окно в Европу. Культурный облик Петербурга и его роль в мировой истории). Materiały międzynarodowej konferencji, która odbyła się na Uniwersytecie Gdańskim, 5–6 czerwca 2003 roku. Red. Franciszek Apanowicz, Zbigniew Opacki. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006, ss. 336. ISBN 83-7326-379-9.

Wokół wizji i fascynacji Srebrnego Wieku. Red. Franciszek Apanowicz, Monika Rzeczycka, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, ss. 249. ISBN 978-83-7326-557-8.

Studia i artykuły

Franciszek Apanowicz. *Z problematyki filozoficznej twórczości Michała Priszwina lat 1918 – 1941*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1975, nr 5. Gdańsk, s. 3–21.

Franciszek Apanowicz. *Uwagi o zasadach funkcjonowania schematu fabularnego bajki magicznej w „Łańcuchu Kościeja" Michała Priszwina*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1977, nr 7. Gdańsk, s. 5–17.

Franciszek Apanowicz. *„Nauka czytania" według Priszwina*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1981, nr 10. Gdańsk, s. 5–9.

Franciszek Apanowicz. *Wokół struktury czasu i przestrzeni w „Łańcuchu Kościeja" Michała Priszwina*. [W:] *Teoria literatury*. Red. Janina Sałajczykowa. Seria Skrypty Uczelniane. Uniwersytet Gdański. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1983, s. 93–115.

Franciszek Apanowicz. *Portret bohatera a model człowieka w prozie fabularnej Michała Priszwina okresu porewolucyjnego*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1984, nr 12. Gdańsk: Uniwersytet Gdański, s. 5–21.

Franciszek Apanowicz. *Proza eksperymentalna Michała Priszwina w oczach badaczy jego twórczości*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1986, nr 15. Gdańsk, s. 111–127.

Franciszek Apanowicz. *Gry narracyjne Michała Priszwina. O strukturze wypowiedzi w „powieściach--bajkach"*. „Slavia Orientalis" 1989, nr 1–2, s. 53–76. ISSN 0037-6744.

Франтишек Апанович. *Перечитывая заново*. [W:] *Всесоюзный Лермонтовский праздник поэзии*. Специальный номер. Пятигорск: «Кавказская здравница», 1989, s. 9–10.

Franciszek Apanowicz. *Wyjątek w powszechnie obowiązującej regule. Próba interpretacji semantycznej „Korzenia życia" Michała Priszwina*. [W:] *Analizy i interpretacje. Skrypt do ćwiczeń ze wstępu do literaturoznawstwa i historii literatury rosyjskiej*. Red. Janina Sałajczyk. Seria Skrypty Uczelniane. Uniwersytet Gdański. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1989, s. 92–113. ISBN 83-7017-352-7.

Franciszek Apanowicz. *Człowiek i przyroda w prozie Michała Priszwina — szkic zagadnienia*. „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia Filologiczne. Filologia Rosyjska" 1991, nr 13. Seria Studia Filologiczne. Nr 33. Wyższa Szkoła Nauczycielska w Bydgoszczy. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uczelniane WSP, s. 77–114. ISSN 0239-5029.

Franciszek Apanowicz. *Uwagi o fenomenologii przemocy w prozie Warłama Szałamowa*. [W:] *Literatura i słowo wczoraj i dziś. Piśmiennictwo rosyjskie a państwo totalitarne. Materiały z konferencji naukowych (10–11 czerwca, 17 grudnia 1992 r.)*. Red. Antoni Semczuk, Wanda Zmarzer. Instytut Rusycystyki. Warszawa: Studio AWP, 1993, s. 188–193.

Franciszek Apanowicz. *Od baśni do utopii. Topos drogi w twórczości Michała Priszwina*. „Zeszyty Naukowe Uniwersytetu Opolskiego. Filologia Rosyjska" 1994, nr 33. Opole: Wydawnictwo Uniwersytetu Opolskiego, s. 95–99. ISSN 1425-3410.

Franciszek Apanowicz. *W poszukiwaniu prawdy artystycznej. Wizja literatury Warłama Szałamowa*. [W:] *Pejzaż od nowa malowany. Szkice o literaturze rosyjskiej XX wieku*. Red. Janina Sałajczykowa. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1994, s. 85–119. ISBN 83-7017-540-6.

Franciszek Apanowicz. *Warłama Szałamowa reportaż ze świata umarłych*. [W:] *Sylwetki współczesnych pisarzy rosyjskich*. Red. Piotr Fast, Lucyna Rożek. Katowice: Śląsk, 1994, s. 133–152. ISBN 83-85831-38-X.

Franciszek Apanowicz. *Klęska wartości. Uwagi o Władzy i Sile u Warłama Szałamowa*. „Studia Litteraria Polono-Slavica" 1996, nr 2. Polska Akademia Nauk. Instytut Slawistyki. Red. nacz. Andrzej Drawicz. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1996, s. 59–69. ISSN 1231-8922.

Franciszek Apanowicz. *„Ma voix aigre et fausse..."."Sherry brandy" Warłama Szałamowa — tekst, metatekst, intertekstualność*. [W:] *Pisarze nowi, zapomniani, odkrywani na nowo*. Red. Piotr Fast, Anna Skotnicka-Maj. Prace Naukowe Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach. Nr 1613. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 1996, s. 107–115. ISBN 83-226-0726-1.

Franciszek Apanowicz. *„Opowiadania kołymskie" Warłama Szałamowa*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 4, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 8–10. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *Wielki gniew — biografia Warłama Szałamowa w perspektywie autorskiego mitu kreowanego*. [W:] *W kręgu literatury rosyjskiej I*. Red. Elżbieta Biernat. Seria Rozprawy i Monografie. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996, s. 176–208. ISBN 83-7017-674-7.

Францишек Апанович. *Филиппика против Силы. Об одной философской проблеме в прозе Варлама Шаламова*. [W:] *Шаламовский сборник*. Вып. 2. Сост. Валерий Васильевич Есипов. Вологда: Грифон, 1997, s. 157–171.

Францишек Апанович. *О семантических функциях интертекстуальных связей в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова*. [W:] *IV Международные Шаламовские чтения. Москва, 18–19 июня 1997 г. Тезисы докладов и сообщений*. Ред. А. Кичатова. Москва: Республика, 1997, s. 40–52. ISBN 5-250-02659-1.

Францишек Апанович. *«Игра с жанром» в творчестве Михаила Пришвина*. [W:] *Михаил Пришвин и русская культура XX века. Сборник статей*. Ред. Наталья Петровна Дворцова, Л. А. Рязанова. Тюмень: Вектор Бук, 1998, s. 99–113.

Францишек Апанович. *Интертекстуальный диалог как структурообразующий фактор в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова*. [W:] *Взаимодействие литератур в литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики. Материалы Международной научной конференции. В двух частях*. Ред. Татьяна Евгеньевна Автухович. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 1998. Ч. 2, s. 369–377.

Францишек Апанович. *Проклятый вопрос Росии «народ — интеллигенция — революция» в дневниках Михаила Пришвина*. [W:] *Материалы международной научной конференции «М.М. Пришвин и русская культура»*. Ред. Наталья Петровна Дворцова, Л. А. Рязанова. Елец: Елецкий государственный педагогический институт, 1998, s. 3–5.

Францишек Апанович. *Образ Троицы в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова*. [W:] *W kręgu literatury rosyjskiej. 2*. Red. Tadeusz Bogdanowicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1999, s. 131–148. ISBN 83-7017-889-8.

Franciszek Apanowicz. *Между автобиографией и сказкой, О жанровой специфике «Кащеевой цепи» Михаила Пришвина*. „Przegląd Rusycystyczny" 2000, nr 4 (92), s. 24– 6. ISSN 0137-298X.

Franciszek Apanowicz. *Okruchy zwierciadła na gościńcach i bezdrożach Rosji. Uwagi o prozie Michaiła Wellera.* „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2000, nr 4, Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 9–10. ISSN 0860-8091.

Францишек Апанович. *Раскрепощение сознания, или «Русские мифы» Юрия Дружникова*. [W:] *Феномен Юрия Дружникова. Россия и Польша на пороге XXI века*. Отв. ред. Лола У. Звонарёва. Варшава — Москва — Рязань: Пресса, 2000, s. 122–141. ISBN 5-86122-022-0.

Францишек Апанович. *Эволюция вспять. От человека к обезьяне. Образы революции и народа в творчестве И. Бунина и М. Пришвина первых десятилетий XX в.* „Alma Mater. Вестник высшей школы" 2001, nr 1. Москва, s. 33–37.

Францишек Апанович. *«Ярость гориллы». Народ и революция в творчестве Ивана Бунина и Михаила Пришвина десятых — начала двадцатых годов*. [W:] *Наследие И.А. Бунина в контексте русской культуры. Материалы международной научной конференции, посвященной 130-летию со дня рождения писателя. (Воронеж – Елец, 26-30 сентября 2000 года)*. Ред. Анжелика Александровна Дякина. Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2001, s. 10–24. ISBN 978-5-900130-89-4.

Францишек Апанович. *Между Китеж-градом и «словом правды» России. Заметки о духовных поисках Михаила Пришвина*. [W:] *Гуманизм и духовность в образовании. Научные труды Второй международной научной конференции*. Ред. Василий Васильевич Рыжов. Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический имени Н.А. Добролюбова, 2000, s. 225–231. ISBN 5-85839-090-0.

Францишек Апанович. *Метаморфозы или метастазы. Роман в творчестве М. Пришвина и В. Шаламова.* [W:] *Кризис или метаморфозы. Судьба романа на рубеже эпох. На материале романа Юрия Дружникова «Ангелы на кончике иглы» и других произведений современной литературы. Сборник статей*. Отв. научн. ред. Лола У. Звонарёва, Веслава Ольбрых. Варшава: Slavica Orientalia — Москва: Интерконтакт-фонд, 2001, s. 37–52. ISBN 83-910391-1-0.

Franciszek Apanowicz. *От кащеевой цепи к корню жизни*. „Slavia Orientalis" 2001, L, nr 4, s. 415–439. ISSN 0037-6744.

Franciszek Apanowicz. *Skąd się wzięły ślady kopyt*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2001, nr 2 (60), Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 6–9. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *Dokąd prowadzą ślady kopyt (o polskich przekładach pewnego wiersza Osipa Mandelsztama)*. [W:] *Przekład w historii literatury.* Red. Piotr Fast, Katarzyna Żemła. Seria Studia o Przekładzie. Nr 12. Katowice: Śląsk, 2002, s. 73–86. ISBN 83-7164-306-3.

Францишек Апанович. *Между Европой и «страной непуганых птиц»*. [W:] *Михаил Пришвин. Актуальные вопросы изучения творческого наследия. Материалы научной конференции, посвященной 129-летию со дня рождения писателя*. Вып. 1. Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Елец, 2002, s. 3–21. ISBN 5-94809-043-4, 9785948090436.

Franciszek Apanowicz. *Проверка лагерем. Варлам Шаламов о русском национальном менталитете.* „Przegląd Rusycystyczny" 2002, nr 4 (100), s. 31–47. ISSN 0137-298X.

Franciszek Apanowicz. *Слово в интертекстуальном диалоге — и перевод. О переводе одного слова в рассказе Г. Херлинга-Грудзинского «Клеймо»*. [W:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Zbiór referatów wygłoszonych przez polskich i zagranicznych językoznawców podczas międzynarodowej konferencji „Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza", która odbyła się w dniach 19 i 20 października 2000 roku. Red. Alicja Pstyga, Krystyna Szcześniak. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2002, s. 276–284. ISBN 83-7326-040-4.

Францишек Апанович. *Сошествие в ад. Образ Троицы в «Колымских рассказах»*. [W:] *Шаламовский сборник*. Ред. Валерий Васильевич Есипов. Вып. 3. Вологда: Грифон, 2002, s. 129–143. ISBN 5-87913-031-2.

Францишек Апанович. *Виза из позавчера в сегодня. Россия в произведениях Юрия Дружникова о Пушкине и в судьбе автора*. [W:] *История в зеркале литературы и литературоведения. Сборник докладов Международной научной конференции, август 2001, г. Гданьск*. Отв. ред. сост. Лола Звонарёва, Франтишек Апанович. Орг. Российский центр науки и культуры в Варшаве. Российский центр науки и культуры в Гданьске. Институт славянской филологии Гданьского университета. Гданьск — Варшава: Грант, 2002, s. 210–227. ISBN 83-910391-3-7.

Францишек Апанович. *И. Бунин в Польше. История восприятия*. „Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания" 2003. Вып. 20. Воронеж, s. 62–74. ISBN 5-86211-042-9.

Францишек Апанович. *Между небом и землей. Библейские мотивы в поэзии Н.С. Гумилева*. [W:] *Jewish-Polish and Jewish-Russian Contacts*. Ed. by Wolf Moskovich and Irena Fijałkowska-Janiak. The Hebrew University of Jerusalem. Center or Languages and Literatures, Gdańsk University. Institute of Slavic Philology. Series Jews and Slavs. Vol. 11. Jerusalem: Hebrew University of Jerusalem — Gdańsk: Gdańsk University, 2003, s. 218–238. ISBN 965-834-152-3.

Franciszek Apanowicz. *Между прорубленным окном и захлопнутой дверью. Проблема России и Европы в русской мысли XIX столетия*. [W:] *W kręgu literatury rosyjskiej. 3*. Red. Elżbieta Biernat. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2003, s. 25–42. ISBN 83-7326-113-3.

Францишек Апанович. *На скрещении культур. Заметки об африканской теме в лирике Николая Гумилева*. [W:] *Серебряный век. Диалог культур. Сборник научных статей по материалам Международной научной конференции, посвященной памяти професоора С.П. Ильева*. Отв. ред. Нина Михайловна Раковская. Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова. Филологический факультет. Кафедра мировой литературы. Одесса: Аспропринт, 2003, s. 259–268.

Franciszek Apanowicz. *Народная жертва. Образ революции в повести М. Пришвина «Мирская чаша»*. [W:] *Literatura rosyjska na rozdrożach dwudziestego wieku. Materiały Międzynarodowych Konferencji Naukowych, 26–27 października 2000 r. i 25–26 października 2001 r.* Red. Wiktor Skrunda. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Seria Studia Rossica. Nr 12. Warszawa: Wydawnictwo „Studia Rossica", 2003, s. 31–42. ISBN 83-917819-0-9.

Franciszek Apanowicz. *Структура слова и художественная семантика в ранней лирике Константина Дмитриевича Бальмонта*. [W:] *Wokół struktury słowa*. Red. Alicja Pstyga. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2003, s. 139–152. ISBN 83-7326-166-4.

Францишек Апанович. *Эволюция образа Всечеловека в творчестве Михаила Пришвина*. [W:] *Философия космизма и русская культура. Материалы международной научной конференции «Космизм и русская литература. К 100-летию со дня смерти Николая Федорова» (23–25 октября 2003 г.)*. Ред. Корнелия Ичин. Белград: Издательство филологического факультета, 2004, s. 251–262. ISBN 86-80267-72-4.

Franciszek Apanowicz. *Język więźniów Gułagu i jego funkcje w prozie łagrowej Aleksandra Sołżenicyna i jej polskich przekładach*. [W:] *Socjologiczne aspekty przekładu*. Red. Piotr Fast. seria Studia o Przekładzie. Nr 16. Katowice — Warszawa: Śląsk, 2004, s. 77–91. ISBN 83-7164-418-3.

Францишек Апанович *Парадокс созидания — разрушения. О романе «Котлован» Андрея Платонова*. [W:] *Десять лучших русских романов XX века*. Ред. Лола У. Звонарёва. Москва: Луч, 2004, s. 38–66. ISBN: 5-88915-005-7.

Францишек Апанович. *Параметры современного города в ранней лирике Владимира Маяковского*. „Rossica Olomucensia" 2004, XLII, 1 část. Ročenka katedry slavistiky Filozofické fakulty

Univerzity Palackého. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, s. 215–221. ISBN 80-244-0830-9.

Franciszek Apanowicz. *Sztuka chodzenia po linie. Przypadek Nikołaja Erdmana.* „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2004, nr 3–4, Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 12–14. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *Путешествие к истокам культуры. Заметки об особенностях построения хронотопа в путевых поэмах Ивана Бунина «Тень птицы»*. „Przegląd Rusycystyczny" 2005, nr 1, s. 21–32. ISSN 0137-298X.

Францишек Апанович. *Виза для Пушкина. Отечество в трилогии Юрия Дружникова «Узник России» и в судьбе автора.* [W:] Зоя Борисовна Михайлова. *Юрий Дружников. Творчество, биография, судьба. Библиографический указатель. Дружников в интерпретации литературной критики*. Ульяновск: Печатный двор, 2005, s. 349–368. ISBN 5-7572-0147-9.

Franciszek Apanowicz. *Петербург, «осударева дорога» и планетный путь Всечеловека в художественном видении мира Михаила Пришвина*. [W:] *Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechnej (= Окно в Европу. Культурный облик Петербурга и его роль в мировой истории). Materiały międzynarodowej konferencji, która odbyła się na Uniwersytecie Gdańskim, 5–6 czerwca 2003 roku*. Red. Franciszek Apanowicz, Zbigniew Opacki. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2006, s. 301– 311. ISBN 83-7326-379-9.

Францишек Апанович. *Свидетельство даурской лиственницы. О некоторых аспектах образа России в творчестве Варлама Шаламова.* [W:] *Образы России в отечественной и мировой словесности, истории, культуре. Материалы Международной научной конференции*. Редкол. Л.Г. Дорофеева, Н.П. Жилина, Б.Н. Тарасов и др. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2006, s. 117–133. ISBN 978-5-88874-790-2.

Францишек Апанович. *«Внутренняя связь явлений» в поэтической картине мира Осипа Мандельштама*. „Rossica Olomucensia" 2006, XLIV, 2 část, Ročenka katedry slavistiky Filozofické fakulty Univerzity Palackého. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, s. 347–352. ISBN 0139-9268.

Franciszek Apanowicz. *Карта России и проблема самосознания русских. К вопросу о символической географии.* [W:] *Polacy — Rosjanie. Wzajemne relacje (= Поляки — русские. Взаимоотношения)*. Materiały z debaty 18 października 2006. Oprac. red. Aleksandra Kminikowska, Elżbieta Pękała. Gdańsk: Nadbałtyckie Centrum Kultury, 2007, s. 205–216. ISBN 978-83-919189-8-2.

Franciszek Apanowicz. *Литература после конца лагерей по Варламу Шаламову*. [W:] *Wielkie tematy kultury w literaturach słowiańskich. 7*. Cz. 1. Zespół red. Miłosz Bukwalt, Tadeusz Klimowicz, Manuela Maciołek, Agnieszka Matusiak, Sylwia Wójtowicz. Acta Universitatis Wratislaviensis. No 2970. Seria Slavica Wratislaviensia. Nr 143. Wrocław: wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2007, s. 243–251. ISBN 978-83-229-2875-2.

Franciszek Apanowicz. *Mapa Rosji a problem samoświadomości Rosjan. Z zagadnień geografii symbolicznej*. [W:] *Polacy — Rosjanie. Wzajemne relacje (= Поляки — русские. Взаимоотношения)*. Materiały z debaty 18 października 2006. Oprac. red. Aleksandra Kminikowska, Elżbieta Pękała. Gdańsk: Nadbałtyckie Centrum Kultury, 2007, s. 27–37. ISBN 978-83-919189-8-2.

Францишек Апанович. *На низшей ступени унижения. Образ женщины в творчестве В. Т. Шаламов.* [W:] *К столетию со дня рождения Варлама Шаламова. Материалы конференции, посвященной столетию со дня рождения Варлама Шаламова*. Конс. В.Т. Шаламов. Международная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения В. Т. Шаламова (18–19 июня 2007 года). Ред. Ирина Павловна Сиротинская. Москва: Типография «DerDeeDas Group», 2007, s. 33–39. ISBN 5-87579-104-7.

Францишек Апанович. *Образы естественного откровения Бога в лирике Ивана Бунина*. [W:] *Духовные начала русского искусства и образования. Материалы VII Международной научной конференции «Духовные начала русского искусства и образования» («Никитские чтения»), Великий Новгород, 9–14 мая 2007 года. Посвящается 950-летию Остромирова Евангелия*. Ред. Александр Васильевич Моторин. Федеральное агентство по образованию. Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого. Международная академия наук педагогического образования. Новгородская епархия Русской Православной Церкви. Великий Новгород: Новгородский Государственный Университет им. Ярослава Мудрого, 2007, s. 302–310. ISBN 978-5-89896-333-0.

Францишек Апанович. *Путь к свету. О духовных поисках в «Тени птицы» И.А. Бунина*. [W:] *Феномен русской духовности. Словесность, история, культура. Материалы международной научной конференции, Калининград, октябрь 2006 г.* Ред. Людмила Григорьевна Дорофеева. Калининград, Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2007, s. 102–112. ISBN 978-5-88874-801-5.

Францишек Апанович. *Следы жизни в прахе веков. О своеобразии художественного мира в лирике И.А. Бунина*. [W:] *Серебряный век. Диалог культур. Сборник научных трудов. Статьи по материалам Международной научной конференции, посвященной памяти проф. С.П. Ильева, 26–27 октября 2006 г.* Ред. Нина Михайловна Раковская. Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова. Одесса: Астропринт, 2007, s. 347–358. ISBN 978-966-318-762-4.

Franciszek Apanowicz. *Заметки о символике пространства в повести Андрея Платонова «Котлован»*. [W:] *Literatury i języki wschodniosłowiańskie z perspektywy początku XXI wieku*. Red. Andrzej Ksenicz, Bazyli Tichoniuk. Zielona Góra: Oficyna Wydawnicza Uniwersytetu Zielonogórskiego, 2007, s. 95–102. ISBN 978-83-7481-99-9.

Franciszek Apanowicz. *Замечания об образе автора в письмах Варлама Шаламова Борису Пастернаку*. [W:] *Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich*. Red. naukowa Alicja Wołodźko-Butkiewicz, Ludmiła Łucewicz. Materiały z drugiej konferencji z cyklu „Ego-dokument i literatura", kwiecień 2007. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Seria „Studia Rossica" XIX, Warszawa: Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2007, s. 375–384. ISSN 0239-3506.

Franciszek Apanowicz. *Ład i chaos. Próba lektury wiersza Anny Achmatowej*. [W:] *Wokół wizji i fascynacji Srebrnego Wieku*. Red. Franciszek Apanowicz, Monika Rzeczycka, Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2008, s. 222–236. ISBN 978-83-7326-557-8.

Franciszek Apanowicz. *Między grą a tajemnicą (Próba interpretacji polskich przekładów wiersza Wielimira Chlebnikowa*. [W:] *Sztuka przekładu — interpretacje*. Red. Piotr Fast, Alina Świeściak, przy współpracy Agaty Olszty. Seria Studia o Przekładzie. Nr 26. Katowice: Wydawnictwo Naukowe „Śląsk" — Częstochowa: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Lingwistycznej, 2009, s. 71–83. ISBN 978-83-7164-606-5.

Францишек Апанович. *Прибранный рай. Поэзия Н.С. Гумилева*. „Вышгород. Литературно-художественный общественно-публицистический журнал" 2009, № 1–2, Таллинн. Эстония, s. 196–206.

Францишек Апанович. *Черты петербургского мифа в прозе Михаила Пришвина*. [W:] *Балтийский регион. Миф в языке и культуре. Материалы международной научной конференции, 8 октября 2010 г., Гданьск.* Ред. Геннадий Иванович Берестнев. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, 2010, s. 167–177. ISBN 978-5-9971-0135-0.

Franciszek Apanowicz. *Между авангардом и постмодернизмом. Заметки о творчестве Всеволода Некрасова.* [W:] *Pochwała różnorodności*. Red. Halina Waszkielewicz. Seria Rosja — myśl,

słowo, obraz. T. XVI. Kraków: Wydawnictwo Collegium Collumbinum, 2010, s. 25–36. ISBN 978-83-7624-017-6.

Franciszek Apanowicz. *Przestrzeń Rosji w przestrzeni poetyckiej Josifa Brodskiego i Jurija Kuzniecowa*. [W:] *Mistrzowi i Przyjacielowi. Pamięci Profesora Zbigniewa Barańskiego*. Red. Anna Paszkiewicz, Elżbieta Tyszkowska-Kasprzak, Wiesława Zybura. Uniwersytet Wrocławski. Instytut Filologii Słowiańskiej. Wrocław: Wydawnictwo GAJT, 2010, s. 53–65. ISBN 978-83-88178-94-8.

Францишек Апанович. *Точка и круг. Ипостаси образа Родины в лирике Юрия Кузнецова*. „ЛитЭра. Литературный альманах" 2010, № 5: Поэзия, проза, публицистика. Симферополь Издательство «Доля», s. 488–498. ISBN 978-966-366-384-5.

Францишек Апанович. *Заметки об образе библейского Адама в стихотворениях Николая Гумилева*. „Записки филиала РГГУ в г. Великий Новгород". Выпуск 8: *Историко-культурный и экономический потенциал России. Наследие и современность. Материалы международной научно-практической конференции*. Филиал РГГУ в г. Великий Новгород. Великий Новгород: Типография «Виконт», 2010, s. 196–201. ISBN 978-5-94914-039-0.

Францишек Апанович. *Между свидетельством и искусством. «Воспоминания (о Колыме)» и «Колымские рассказы» Варлама Тихоновича Шаламова*. „Муза. Между-народный литературный альманах". Выпуск 18. Москва: «Муза творчества», 2011, s. 389–410. ПИ № 77-7878.

Францишек Апанович. *О некоторых особенностях образа России в стихотворениях Юрия Поликарповича Кузнецова*. [W:] *Юрий Кузнецов и Россия*. Сост. Галина Николаевна Дубинина (Литинститут), Евгений В. Богачков (ИМЛИ). Москва: Издательство Литературного института им. А. М. Горького, 2011, s. 154–168. ISBN 5-70-0-0120-0.

Францишек Апанович. *Образы пространства России в стихотворениях Иосифа Бродского*. [W:] *Историко-культурный и экономический потенциал России. Наследие и современность*. Отв. ред. Е.М. Краснопевцев. Материалы Второй Международной конференции. Великий Новгород: Издательский Дом МПА, 2011, s. 131–142. ISBN 978-5-94914-039-0.

Franciszek Apanowicz. *Rosja w pryzmacie poetyckim Jurija Kuzniecowa*. [W:] *Współczesne badania nad kulturą, literaturą i językiem rosyjskim*. Red. Dorota Paśko-Koneczniak. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2012, s. 181–193. ISBN 978-83-231-2805-2.

Apanowicz Franciszek. *Uwagi o motywie miasta w poezji Andrzeja Krzysztofa Waśkiewicza*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2012, nr 3 (121), Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 10–12. ISSN 0860-8091.

Францишек Апанович. *Система рассказчиков в „Колымских рассказах" Варлама Шаламова*. [W:] *Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сборник трудов международной научной конференции, Москва–Вологда, 16–19 июня 2011 года*. Сост. и ред. Сергей Михайлович Соловьев. Москва: Литера, 2013, s. 228–236. ISBN 978-5-904729-73-8.

Franciszek Apanowicz. *Pod prąd czy z prądem? Uwagi o życiu i twórczości Gleba Glinki*. [W:] *Od modernizmu do postmodernizmu. Literatura rosyjska XX i XXI wieku. Tom jubileuszowy dedykowany profesor Halinie Waszkielewicz*. Red. Anna Skotnicka, Janusz Świeży. Seria Rosja — Myśl — Słowo — Obraz. T. XVII. Kraków: Scriptum, 2014, s. 307–323. ISBN 978-83-64028-47-2.

Franciszek Apanowicz. *Между поэтикой и поэзией. Несколько замечаний о стихах Глеба Глинки*. „Studia Rossica Gedanensia" 2014, nr 1. Uniwersytet Gdański. Wydział Filologiczny. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Gdańsk.

Streszczenia, komunikaty i tezy

Franciszek Apanowicz. *„Колымские рассказы" Варлама Шаламова как художественное целое. Этика смерти и воскрешения.* [W:] *Нормы человеческого общения. Тезисы докладов международной научной конференции (6–18 сентября* 1997*).* Нижний Новгород 1997, s. 113–114. ISBN 5-88267-098-5.

Franciszek Apanowicz. *Слово — диалог — перевод*. [W:] *Leksyka w komunikacji językowej. Materiały konferencji międzynarodowej (Gdańsk — Łączyno, wrzesień 1998).* Red. Marcelina Grabska, Joanna Korzeniewska-Berczyńska. Uniwersytet Gdański. Instytut Filologii Słowiańskiej. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, s. 15–16. ISBN 83-86230-46-0.

Franciszek Apanowicz. *Замечания об образе автора в письмах Варлама Шаламова*. [W:] *Dzienniki, notatniki, listy pisarzy rosyjskich (= Дневники, записные книжки, письма русских писателей). Druga konferencja z cyklu Ego-dokument i literatura. Tezy referatów*. Red. Grzegorz Szymczak. Instytut Rusycystyki Uniwersytetu Warszawskiego. Warszawa: Wydawnictwo „Studia Rossica" 2007, s. 87–88. ISBN 83-921254-7-9.

Franciszek Apanowicz. *Память и художественная структура. «Воспоминания о Колыме» и «Колымские рассказы» Варлама Шаламова*. [W:] *Международная конференция «Маргиналии 2010. Границы культуры и текста». Каргополь (Архангельская область России), 25–27 сентября 2010 г. Тезисы докладов*. Ред. Михаил Юрьевич Михеев, Александр Геннадьевич Кравецкий. Москва: Издательство Московского государственного университета, 2010, s. 11–13.

Franciszek Apanowicz. *Между поэтикой и информацией. Заметки о документальном начале в стихах Петра Котова*. [W:] *Маргиналии — 2014. Границы культуры и текста. Елец (Липецкой области России), 5–7 сентября. Тезисы докладов*. Москва: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Научно-исследовательский вычислительный центр, 2014, s. 11–12.

Sprawozdania

Franciszek Apanowicz. *Dekada MAPRIAŁ w Gdańsku*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1976, nr 6, Gdańsk.

Franciszek Apanowicz. *Sprawozdanie z konferencji naukowej pt. „Literatura rosyjska przełomu XIX–XX wieku"*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1980, nr 9, Gdańsk.

Recenzje publikowane

Franciszek Apanowicz. Rec.: *Е.В. Волкова. Трагический парадокс Варлама Шаламова.* Москва: Ресбублика, 1998. „Przegląd Rusycystyczny" 1999, nr 3–4 (87–88), s. 147–150. ISSN 0137-298X.

Franciszek Apanowicz. Rec.: *Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре (Публикации и исследования).* Вып. 2. Ред. сост. В.Г. Белоус. Санкт-Петербург: Глаголъ, 1998. „Przegląd Rusycystyczny" 2000, nr 1, s. 129–132. ISSN 0137-298X.

Franciszek Apanowicz. Rec.: *Synteza myśli Bachtinowskiej (B. Żyłko. Michaił Bachtin. W kręgu filozofii języka i literatury. Rozprawy i Monografie. Uniwersytet Gdański, 197. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1994)*, „Przegląd Rusycystyczny" 2000, nr 1, s. 124–126. ISSN 0137-298X.

Franciszek Apanowicz. Rec.: *А. Большакова. «Нация и менталитет. Феномен деревенской прозы XX века». Москва: Комитет по телекоммуникациям и спедствам массовой информации Правительства Москвы, 2000.* „Przegląd Rusycystyczny" 2004, nr 1 (105), s. 119–122. ISSN 0137-298X.

Franciszek Apanowicz. Rec.: *Лола Звонарёва. В поисках ключа к бессмертию. Статьи. Эссе. Рецензии. Рязань: Издательство «Старт» 2008.* „Przegląd Rusycystyczny" 2010, nr 3 (131), s. 92–94. ISSN 0137-298X.

Franciszek Apanowicz. Rec.: *Повтор в художественном тексте. Powtórzenie w tekście artystycznym*. Red. Anna Majmieskułow, Beata Trojanowska. Bydgoszcz: Wydawnictwo Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego, 2012. „Slavia Orientalis" 2012, z. 4, s. 536–540. ISSN 0037-6744.

Artykuły popularnonaukowe

Adam Ciszek (pseudonim). *Głos z otchłani*. „Podpunkt. Gdańskie Zeszyty Literackie" 1989, Gdańsk; [s.n.], s. 76–78.

Францишек Апанович. *Он видел Котлас и Воркуту*. „Литературные вести" 2002, nr 84, октябрь, s. 6–7.

Franciszek Apanowicz. *Historia spełnionych marzeń*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne " 2004, nr 5, Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 12–13. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *Stulecie Warłama Szałamowa*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2007, nr 4 (98), Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 14–18. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *Mon General — między literaturą a historią*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2011, nr 2 (114), Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 13–15. ISSN 0860-8091.

Artykuły publicystyczne

Franciszek Apanowicz. *Szeroki świat rosyjskiej książki dla dzieci*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1999, nr 4–5, Gdańsk — Sopot: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 23–24. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *„Tym, którzy nie wrócili...*". „Forum Pomorskie" 2004, sierpień — wrzesień, s. 16–17.

Przekład naukowy

Dymitr Lichaczow. *Arcydzieło literatury staroruskiej*. Przeł. Franciszek Apanowicz [W:] *Słowo o wyprawie Igora*. Przeł. Julian Tuwim. Wstępem opatrzył Dymitr Lichaczow. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1985, s. 5–9.

Eleazar Mieletinski. *Semantyczna organizacja narracji w mitach a problem katalogu semiotycznego motywów i fabuł*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Pamiętnik Literacki" 1991, z. 1, s. 261–271. ISSN 0266-4399.

Aleksandr Dmitrijewicz Duliczenko. *Odnaleziony rękopis pierwszej gramatyki języka kaszubskiego Floriana Ceynowy*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Pomerania" 1996, nr 4, s. 31–33. ISSN 0238-9045.

Siergiej Jackiewicz. *Problem przemocy wśród dzieci i młodzieży na Białorusi*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Przemoc dzieci i młodzieży w perspektywie polskiej transformacji ustrojowej*. Red. Jan Papież, Andrzej Płukis. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 1998, s. 173–179. ISBN 83-7174-103-0.

Siergiej Jackiewicz, *Problem przemocy wśród dzieci i młodzieży na Białorusi*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Przemoc dzieci i młodzieży w perspektywie polskiej transformacji ustrojowej*. Red. Jan Papież, Andrzej Płukis. Wyd. 2. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 1999, s. 173–179. ISBN 83-7174-103-0.

Siergiej Jackiewicz. *Edukacja regionalna i wielokulturowa na pograniczu białorusko-litewsko-polskim*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Edukacja regionalna mniejszości narodowych i etnicznych. Z wybranych rozwiązań edukacyjnych Białorusinów, Fryzów, Niemców, Sami i Kaszubów.* Red. Kazimierz Kossak-Główczewski. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1999, s. 41–53. ISBN 83-7017-832-4.

Siergiej Jackiewicz. *Edukacja regionalna i wielokulturowa na pograniczu białorusko-litewsko-polskim*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Ars Educandi" 2000. T. 2, Gdańsk, s. 205–216. ISSN 1230-607X.

Siergiej Jackiewicz. *Problem przemocy wśród dzieci i młodzieży na Białorusi*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Przemoc dzieci i młodzieży w perspektywie polskiej transformacji ustrojowej*. Red. Jan Papież, Andrzej Płukis. Wyd. 3. Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2000, s. 173–179. ISBN 83-7174-471-4.

Irena Kadulska. *Полоцкая академия как культурный центр Восточной окраины 1812–1820 (Резюме)*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Irena Kadulska. *Akademia Połocka. Ośrodek kultury na Kresach 1812–1820*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, s. 300–306. ISBN 83-7326-238-5.

Przekład epistolografii

Piotr Kotow. *W obozowym szpitalu i w Adaku. Wspomnienia z łagrów*. Przeł. Franciszek Apanowicz, Jerzy Gurbisz. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, ss. 123, [3]. ISBN 83-64460-20-2.

Przekład krótkich utworów epickich

Włodzimierz Bill-Biełocerkowski. *Stary Chile.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Gorzki smak morza. Antologia rosyjskiej noweli morskiej 1917–1977.* Wybór, przedmowa i noty biograficzno-bibliograficzne Janina Sałajczyk. Seria Światowa Proza Morska. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1982, s. 216–230. ISBN 83-215-5767-8.

Gieorgij Chalilecki. *Praktyka morska.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Gorzki smak morza. Antologia rosyjskiej noweli morskiej 1917–1977.* Wybór, przedmowa i noty biograficzno-bibliograficzne Janina Sałajczyk. Seria Światowa Proza Morska. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1982, s. 288–298. ISBN 83-215-5767-8.

Jurij Iwanow. *Czy minęły już czasy żaglowców?* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Gorzki smak morza. Antologia rosyjskiej noweli morskiej 1917–1977.* Wybór, przedmowa i noty biograficzno-bibliograficzne Janina Sałajczyk. Seria Światowa Proza Morska. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1982, s. 395–433. ISBN 83-215-5767-8.

Wiktor Ustiancew. *Rodzina.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Gorzki smak morza. Antologia rosyjskiej noweli morskiej 1917–1977.* Wybór, przedmowa i noty biograficzno-bibliograficzne Jani-

na Sałajczyk. Seria Światowa Proza Morska. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1982, s. 447–467. ISBN 83-215-5767-8.

Warłam Szałamow. *Sherry brandy (poeta umiera)*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Literatura na Świecie" 1989, nr 5–6 (214–215), s. s. 187–193. ISSN 0324-8305.

Warłam Szałamow. *Mleko skondensowane*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Literatura na Świecie" 1989, nr 5–6 (214–215), s. 194–199. ISSN 0324-8305.

Warłam Szałamow. *Cisza*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Literatura na Świecie" 1989, nr 5–6 (214–215), s. 200–208. ISSN 0324-8305.

Tatiana Isajewa. *Mon General*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2011, nr 2 (114), Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 16. ISSN 0860-8091.

Przekład bajek i opowieści ludowych

O Mądrej Wasylisie. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 5–21. ISBN 83-215-9853-6.

Siedmiu Szymonów. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 22–28. ISBN 83-215-9853-6.

Szczęśliwy dzień, nieszczęsna noc. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 29–37. ISBN 83-215-9853-6.

Strzelec Andriej. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 38–55. ISBN 83-215-9853-6.

O dzielnym żołnierzu. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 65–70. ISBN 83-215-9853-6.

Córka węglarza. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 71–74. ISBN 83-215-9853-6.

Niedźwiedź, lew, dwa psy i gołąb. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 75–84. ISBN 83-215-9853-6.

Słowo droższe niż złoto. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 85–91. ISBN 83-215-9853-6.

Sól. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 92–95. ISBN 83-215-9853-6.

Kucharczyk Iwan. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 104–116. ISBN 83-215-9853-6.

Podziemna Orda. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *W krainie Władcy Mórz. Rosyjskie bajki i opowieści ludowe*. Wybór Piotr Kotow. Przekł. i adaptacja Franciszek Apanowicz, Bogusław Żyłko. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 117–128. ISBN 83-215-9853-6.

Przekład poezji

Ojfa Piotr. *Żyjemy z prędkością światła…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Leningradzkie motywy*. Słowo wstępne i wybór tekstów Janina Sałajczykowa. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1977, s. 32.

Ojfa Piotr. *Im do starości bliżej…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] *Leningradzkie motywy*. Słowo wstępne i wybór tekstów Janina Sałajczykowa. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1977, s. 33.

Piotr Kotow. *Dni są krótsze, coraz dłuższe noce…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Z tamtego brzegu*. Wyboru dokonał Zbigniew Szymański. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1980, s. 97. ISBN 83-215-9155-8.

Piotr Kotow. *Dzisiejszy świat burzliwy jest jak morze*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Z tamtego brzegu*. Wyboru dokonał Zbigniew Szymański. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1980, s. 30. ISBN 83-215-9155-8.

Piotr Kotow. *Lubię, kiedy się morze burzy…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Z tamtego brzegu*. Wyboru dokonał Zbigniew Szymański. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1980, s. 99. ISBN 83-215-9155-8.

Piotr Kotow. *Pierwszy śnieg.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Z tamtego brzegu*. Wyboru dokonał Zbigniew Szymański. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1980, s. 98. ISBN 83-215-9155-8.

Piotr Kotow. *Wiersze nie tylko z nieba do nas schodzą…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Z tamtego brzegu*. Wyboru dokonał Zbigniew Szymański. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1980, s. 84. ISBN 83-215-9155-8.

Piotr Kotow. *Wczesną wiosną*... Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Ślady*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Jan Misiek. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986, s. 7. ISBN 83-215-9199-X.

Piotr Kotow. *Jeden nie chciał z wiatrem płynąć*... Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Ślady*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Jan Misiek. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986. ISBN 83-215-9199-X.

Piotr Kotow. *Morze*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Ślady*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Jan Misiek. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986. ISBN 83-215-9199-X.

Piotr Kotow. *Świetlistość przebudzonych pól*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Ślady*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Jan Misiek. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986. ISBN 83-215-9199-X.

Piotr Kotow. *Wylew Wisły*. Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Ślady*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Jan Misiek. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1986. ISBN 83-215-9199-X.

Piotr Kotow. *Idzie wiosna radosna.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Stara pieśń*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 35–37, ISBN 83-215-9225-2.

Piotr Kotow. *Jeden nie chciał z wiatrem płynąć….* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Stara pieśń*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 9, ISBN 83-215-9225-2.

Piotr Kotow. *Przebiśnieg.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Stara pieśń*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 33, ISBN 83-215-9225-2.

Piotr Kotow. *Świetlistość przebudzonych pól.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Stara pieśń*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Il. Sławomir Jezierski. Gdańsk: Wydawnictwo Morskie, 1988, s. 23, ISBN 83-215-9225-2.

Piotr Kotow. *Dwie niedźwiedzice.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Gdańsk: Oficyna „Kształt", 1989, s. 49.

Piotr Kotow. *Ja pragnę…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Gdańsk: Oficyna „Kształt", 1989, s. 25.

Piotr Kotow. *O piękności.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Gdańsk: Oficyna „Kształt", 1989, s. 101.

Piotr Kotow. *Pieśń (Dedykowane Adamowi Deweckiemu).* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Gdańsk: Oficyna „Kształt", 1989, s. 95.

Piotr Kotow. *Spotkałem, Polsko…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Gdańsk: Oficyna „Kształt", 1989, s. 125.

Piotr Kotow. *Tundra.* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Gdańsk: Oficyna „Kształt", 1989, s. 37.

Piotr Kotow. *Pamiętasz, jak jodły płakały…* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Aleksander Widyński. Wydanie pierwsze dwujęzyczne. Gdynia: Poligraf, 1994, s. 105. ISBN 83-901469-0-8.

Piotr Kotow. *Spotkałem tam całkiem niemało….* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Aleksander Widyński. Wydanie pierwsze dwujęzyczne. Gdynia: Poligraf, 1994, s. 117. ISBN 83-901469-0-8.

Piotr Kotow. *Stołypinowski wagon i żelazne kraty….* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Widziałem Kotłas i Workutę*. Z ros. przeł. Franciszek Apanowicz et al. Oprac. graf. Aleksander Widyński. Wydanie pierwsze dwujęzyczne. Gdynia: Poligraf, 1994, s. 65. ISBN 83-901469-0-8.

Piotr Kotow. *Stołypinowski wagon i żelazne kraty...* Przeł. Franciszek Apanowicz. [W:] Piotr Kotow. *Wiersze z Gułagu*. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1996, s. 13.

Wsiewołod Niekrasow. *Antywiersz.* Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 21. ISSN 0860-8091.

Wsiewołod Niekrasow. *Fraza muzyczna*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 21. ISSN 0860-8091.

Wsiewołod Niekrasow. *Przyczyna śmierci….* Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 21. ISSN 0860-8091.

Wsiewołod Niekrasow. *Tak…* Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 21. ISSN 0860-8091.

Wsiewołod Niekrasow. ~~*Życie jako przyczyna życia….*~~ Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 21. ISSN 0860-8091.

Jan Satunowski. *Ni mniej ni więcej…* Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, s. 21. ISSN 0860-8091.

Jan Satunowski. *Niech mi nikt nie mydli oczu…* Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, s. 21. ISSN 0860-8091.

Jan Satunowski. *Posłuchaj bajeczki, dziecino*... Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, s. 21. ISSN 0860-8091.

Jan Satunowski. *Rzepka*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, s. 21. ISSN 0860-8091.

Jan Satunowski. *Wszystko można powiedzieć wierszem…* Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1996, nr 3, s. 21. ISSN 0860-8091.

Daniel Charms. *Wszystko mnie mierzi…* Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1999, nr 3 (49), Gdańsk — Sopot: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 9. ISSN 0860-8091.

Piotr Kotow. *Spotkałem tam całkiem niemało*... Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2000, nr 6, Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 25. ISSN 0860-8091.

Piotr Kotow. *Stołypinowski wagon*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2000, nr 6, Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 25. ISSN 0860-8091.

Przekład dramatu

Nikołaj Erdman. *Intermedia do spektaklu wg tragedii Williama Szekspira „Hamlet"*. Przeł. Franciszek Apanowicz. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 2004, nr 3–4 (79–80), Gdańsk — Słupsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 9–10. ISSN 0860-8091.

Przekład teatralny

Wiersze Włodzimierza Wysockiego w przekładzie Franciszka Apanowicza i Stanisława Ulaszka do sztuki teatralnej *Archeologia* Aleksieja Szipienki. Reżyseria i scenografia André Hübner Ochodlo. Przeł. Jan Gondowicz. Muzyka Leszek Możdżer. Lato Teatralne Sopot' 2000. Teatr Atelier im. Agnieszki Osieckiej w Sopocie. Prapremiera 12.08.2000.

Przekład filmowy

Underground Sankt-Petersburga [film TVP o sztuce drugiego obiegu w Leningradzie]. Przeł. Franciszek Apanowicz. Scenariusz i realizacja Joanna Cichocka-Gula, Joanna Strzemeczna-Wielczyk. Gdańsk: TVP 3, 1999.

Blizna. Zamach na generała Pinocheta [film fabularny]. Przeł. Franciszek Apanowicz. Reżyseria Sebastian Alarcon. Gdańsk: Studio TV, 1998.

Własna twórczość poetycka

Franciszek Apanowicz. *Zło*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1995, nr 3, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 18. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *Życie*. „Autograf: literatura, sztuka, krytyka, życie społeczne" 1995, nr 3, Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, s. 18. ISSN 0860-8091.

Franciszek Apanowicz. *Śmierć*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 2.

Franciszek Apanowicz. *Zielony*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 3.

Franciszek Apanowicz. *„Na początku było słowo... ”*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 4.

Franciszek Apanowicz. *Ojczyzna*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 5.

Franciszek Apanowicz. *Erotyk*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 6.

Franciszek Apanowicz. *Lęk wysokości*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 8.

Franciszek Apanowicz. *Święty Jerzy i smok*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 10.

Franciszek Apanowicz. *Tamten poranek*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 12.

Franciszek Apanowicz. *Pytanie*. [W:] *Lęk wysokości*. Seria Biblioteka Rękopisów. Nr 55. Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki. Gdańsk: Gdańskie Towarzystwo Przyjaciół Sztuki, 1998, s. 14.

Prace dedykowane Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi

Rosja w krysztale. Rozważania, fakty i miraże (= Россия в хрустале. Размушления, факты и миражи). Tom poświęcony Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi. Red. Diana Oboleńska, Urszula Patocka-Sigłowy, Katarzyna Arciszewska i Karolina Rutecka. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, ss. 476. ISBN 978-83-7865-184-0.

Lucyna Kapała. *O Jubilacie*. [W:] *Rosja w krysztale. Rozważania, fakty i miraże (= Россия в хрустале. Размушления, факты и миражи). Tom poświęcony Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi*. Red. Diana Oboleńska et al. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, s. 9–15. ISBN 978-83-7865-184-0.

Grzegorz Ojcewicz. *Sztuka translatorska Franciszka Apanowicza na przykładzie twórczości poetyckiej Piotra Kotowa*. [W:] *Rosja w krysztale. Rozważania, fakty i miraże (= Россия в хрустале. Размушления, факты и миражи). Tom poświęcony Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi*. Red. Diana Oboleńska et al. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, ss. 413–321. ISBN 978-83-7865-184-0.

Dorobek naukowy i literacki prof. Franciszka Apanowicza. [W:] *Rosja w krysztale. Rozważania, fakty i miraże (= Россия в хрустале. Размушления, факты и миражи). Tom poświęcony Profesorowi Franciszkowi Apanowiczowi*. Red. Diana Oboleńska et al. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, s. 465–476. ISBN 978-83-7865-184-0.

Opracowała
KATARZYNA WOJAN
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRAC PROFESOR JANINY BARTOSZEWSKIEJ

Rozprawy i monografie naukowe

Янина Бартошевска. *Русское письмо и произношение (сопоставительно с польским) и трудности русского письма для поляков*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук 10.02.01. Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Ленинград 1977, ss. 207 (на правах рукописи).

Янина Бартошевска. *Русское письмо (сопоставительно с польским) и трудности русского письма для поляков*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени кандидата филологических наук. Ленинградский государственный университет им. А.А. Жданова. Ленинград 1977, ss. 20.

Янина Бартошевска. *Взаимовлияние письма и произношения (русско-польские соотношения)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук 10.02.01. Ленинградский государственный университет. Ленинград 1989, ss. 237 (на правах рукописи).

Янина Бартошевска. *Взаимовлияние письма и произношения (русско-польское соотношения)*. Автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора наук. Ленинградский государственный университет. Ленинград 1989, ss. 32.

Janina Bartoszewska. *Фонетическая система современного русского языка в её сравнении с польским и белорусским языками*. Rozprawy i Monografie. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1995, ss. 131, [1]. ISBN 83-7017-572-4.

Janina Bartoszewska. *Русская орфография в контексте других славянских яыков (польский, украинский, белорусский)*. Rozprawy i Monografie. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996, ss. 124. ISBN 83-7017-636-4.

Janina Bartoszewska. *Графика восточнославянских и польского языков*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, ss. 156. ISBN 83-7326-227-X.

Leksykografie

Janina Bartoszewska, Manfred Niemeyer. *Kleines Verwaltungswörterbuch Deutsch-Polnisch, Polnish--Deutsch (= Mały słownik administracyjny niemiecko-polski, polsko-niemiecki)*. Greifswald: Ernst--Moritz-Arndt-Universität Greifswald. Institut für Slawistik, 2000, ss. 144. ISBN 3-86006-141-0.

Skrypty

Janina Bartoszewska, Magdalena Jaszczewska, Urszula Patocka. *Современный русский язык. Фонетика, фонология, орфоэпия, орфография*. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2000, ss. 111. ISBN 83-7017-916-9.

Redakcja naukowa monografii wieloautorskich

Współzależność języków słowiańskich. Aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny. Red. Janina Bartoszewska i Marcelina Grabska. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 295. ISBN 83-7017-808-1.

Frazeologia słowiańska i inne płaszczyzny systemu językowego. Red. Janina Bartoszewska, Walerij Mokijenko, Harry Walter. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, ss. 295. ISBN 83-7326-219-9.

Studia i artykuły

Янина Бартошевска. *Ошибки на письме у поляков, связанные с особенностями польского произношения согласных звуков*. [W:] *Проблемы сопоставительного изучения польского и русского языков*. Ред. Юзеф Лавничак. Зелёна Гура: Высшая педагогическая школа, 1985, s. 75–82.

Янина Бартошевска. *О ведущем принципе русской орфографии.* „Język Rosyjski" 1986, nr 3, s. 158–160. ISSN 0137-7647.

Янина Бартошевска. *Ошибки на письме у поляков, связанные с влиянием польской графики*. [W:] *Проблемы конфронтативного языкознания*. Ред. Юлиян Скорек. Высшая педагогическая школа в Зелёной Гуре. Зелёна Гура: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1986, s. 75–81.

Янина Бартошевска. *Дифференциальные признаки польских и русских согласных фонем*. „Język Rosyjski" 1986, nr 4, s. 217–221. ISSN 0137-7647.

Янина Бартошевска. *Трудности слогового принципа русской графики при усвоении русского языка.* „Język Rosyjski" 1987, nr 2, s. 96–100. ISSN 0137-7647.

Janina Bartoszewska. *Некоторые проблемы обучения русскому произношению поляков в высших учебных заведениях.* [W:] *Z aktualnych studiów rusycystycznych. Językoznawstwo i glottodydaktyka. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Olsztyn 30.V–1.VI 1985 r*. Red. nauk. Wanda Zmarzer. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Olsztynie. Olsztyn: Wydawnictwa Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1987, s. 241–247. ISBN 83-85010-29-7.

Janina Bartoszewska, Grzegorz Ojcewicz. *O specyfice tak zwanej wymowy moskiewskiej i leningradzkiej w aspekcie glottodydaktycznym.* „Język Rosyjski" 1988, nr 3, s. 148–152. ISSN 0137-7647.

Janina Bartoszewska. *Усвоение соотношения букв и звуков*. „Język Rosyjski" 1990, nr 4, s. 180–183. ISSN 0137-7647.

Янина Бартошевска. *Редуцированные гласные в современном русском языке*. „Вестник Ленинградского университета. Философия, политология, теория и история социализма, социология, психология, право". Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1991, s. 89–97.

Янина Бартошевска. *Внепарные согласные фонемы*. [W:] *Национально-культурный компонент в тексте и в языке. Тезисы международной научной конференции. Минск, 5–7 ок-*

тября 1994 г. Отв. ред. Светлана Михайловна Прохорова. Белорусский государственный университет. Минск: Універсітэцкае, 1994, s. 101–103.

Janina Bartoszewska. *Звуко-буквенные соотношения и их учёт при усвоении русского текста*. [W:] *Русский текст в свете языковых и социокультурных новаций (= Tekst rosyjski w świetle innowacji językowych i socjokulturowych). Материалы международной научно-методической конференции (Варшава, 18–19 мая 1995 г.). Новое в русском языке и методике его преподавания.* Red. nauk. i oprac. Siergiej Chwatow, Tomasz Miedziński. Rosyjski Ośrodek Nauki i Kultury — Polskie Towarzystwo Rusycystyczne. Olsztyn: Wydawnictwo Art, 1995, s. 18–24.

Янина Бартошевска. *Особенности обозначения мягкости согласных на письме в русском и польском языках.* [W:] *Орфография, грамматика*, Санкт-Петербург 1995, s. 48–54.

Янина Бартошевска. *Прописная буква в именах собственных в русском и польском письме. Названия исторических событий и происшествий.* [W:] *Актуальные проблемы лингвистической семантики и типологии литературы. Материалы международной научной конференции, посвященной 50-летию образования Калининградской области 26–28 апреля 1996 г.* Калининград — Зеленоградск. Под ред. С.С. Ваулиной, В.И. Грешных. Калининград: Издательство Калининградского государственного университета, 1997. ISBN 5-88874-067-5.

Янина Бартошевска. *Безударный вокализм как фактор отражения культуры иноязычного общения.* „Rossica Olomucensia" (1995) XXXIV. Ročenka katedry rusistyky na Filozofické fakultě Univerzity Palackého. Olomounc: Univerzity Palackého, 1997. ISBN 978-80-244-4077-4.

Janina Bartoszewska. *Корреляция согласных фонем по твёрдости/мягкости в русском и польском языках.* [W:] *Słowo. Tekst. Czas. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 4–5 czerwca 1996.* Red. Michaił Aleksiejenko. Uniwersytet Szczeciński. Instytut Filologii Słowiańskiej. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1997, ss. 303–309.

Янина Бартошевска. *Общие проблемы графического освоения лексики бизнеса.* [W:] *Die Herausbildung kommunikativer und fachlicher Kompetenz im fachsprachlicher Russischunterricht.* Berlin 1997, s. 46–49.

Janina Bartoszewska. *Общие и специфические проблемы фонетической транскрипции при обучении русскому языку.* [W:] *Współzależność języków słowiańskich. Aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny*. Red. Janina Bartoszewska i Marcelina Grabska. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 42–49. ISBN 83-7017-808-1.

Janina Bartoszewska, Magdalena Jaszczewska. *Проблема твёрдости/мягкости согласных фонем в заимствованных словах в современном русском языке.* [W:] *Współzależność języków słowiańskich. Aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny*. Red. Janina Bartoszewska i Marcelina Grabska. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 73–79. ISBN 83-7017-808-1.

Janina Bartoszewska. *Тенденции нормирования заимствованной лексики в русском языке (произношение твёрдых согласных перед [e]).* [W:] *Słowo, tekst, czas. Materiały z II Międzynarodowej Konferencji Naukowej, Szczecin, 16–17.10.1997.* Red. Michaił Aleksiejenko, Edward Siekierzycki. Uniwersytet Szczeciński. Instytut Filologii Słowiańskiej. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 1998, s. 293–297.

Янина Бартошевска. *Восприятие некоторых русских согласных фонем в иностранной аудитории.* [W:] *Hörverstehen im modernen Russischunterricht.* Sprachenzentrum, Berlin 1999, s. 48–54.

Janina Bartoszewska. *Специфика языковой нормы и её стилистические потенции в процессе обучения русскому языку.* [W:] *Słowo, tekst, czas. Materiały IV Międzynarodowej konferencji naukowej (Szczecin 21–22 października 1999 r.).* Red. Michaił Aleksiejenko. Uniwersytet Szczeciński. Instytut Filologii Słowiańskiej. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2000, s. 243–247.

Янина Бартошевска. *Проблемы произношения некоторых русских речевых единиц в польской аудитории*. [W:] *IX Международная научно-методическая конференция из цикла «Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка» (Варшава, 16–17 мая 2002 г.)*. Редкол. Игорь Львович Тетерев, Томаш Медзинский. Международная ассоциация преподавателей русского языка и литературы МАПРЯЛ. Варшава: Artico Artur Rubin, 2002, s. ISBN 83-916372-2-0.

Janina Bartoszewska. *Способы графической передачи твёрдости/мягкости согласных в восточнославянских и польском языках*. [W:] *Polsko-wschodniosłowiańskie powiązania kulturowe, literackie i językowe. Materiały z V Międzynarodowej Konferencji Naukowej („Perkoz" k. Olsztynka, 7–9 X 1993)*. T. 2: *Językoznawstwo i translatoryka*. Red. Albert Bartoszewicz. Studia i Materiały. Nr 59. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Olsztynie. Olsztyn: Wydawnictwa Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1995, s. 37–42.

Janina Bartoszewska, Urszula Patocka. *Tendencje przekładu abrewiatur i akronimów Unii Europejskiej (na materiale języka polskiego, rosyjskiego i angielskiego)*. [W:] *„Słowa, słowa, słowa"… w komunikacji językowej II*. Materiały międzynarodowej konferencji „Leksyka w komunikacji językowej II, Gdańsk — Stawiska, 8–12 września 2001 r. Red. Marcelina Grabska. Gdańsk: Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, s. 137–146. ISBN 83-88829-96-3.

Janina Bartoszewska. *Специфика передачи орфоэпических вариантов на письме*. [W:] *Wschód — Zachód. Słowiańsko-germańskie badania literaturoznawcze, językoznawcze i glottodydaktyczne na przełomie milenium*. Red. Marzena Rycielska, Grażyna Lisowska. Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku. Słupsk: PAP, 2002. ISBN 83-88731-51-3.

Янина Бартошевска. *Некоторые вопросы соотношения устной и письменной форм языка*. [W:] *Žmogus kalbos ėrdveje. Mokslinų straipsnių rinkinys*. Nr 3 (1). Vilniaus Universitetas. Kauno Humaritaninis Fakultetas. Sociokultūrinių Tyrimų Institutas. Kaunas 2003, s. 554–558. [Dokument elektroniczny — dysk optyczny CD-ROM]. ISBN 9986-19-611-6.

Janina Bartoszewska. *Специфика передачи орфоэпических вариантов на письме*. [W:] *Wschód — Zachód. Dialog języków i kultur w kontekście globalizacji*. Referaty IV Międzynarodowej Konferencji Naukowej „Wschód — Zachód", która odbyła się w dniach 18–19 września 2003 r. w Pomorskiej Akademii Pedagogicznej w Słupsku. Red. Zoja Nowożenowa, Grażyna Lisowska. Pomorska Akademia Pedagogiczna w Słupsku. Słupsk: Wydawnictwo Pomorskiej Akademii Pedagogicznej, 2004, s. 189–192. ISBN 83-88731-64-5.

Янина Бартошевска. *Специфика современного русского безударного вокализма и его трудности усвоения в Польше*. [W:] *«Мова и культура»*. Серія «Філологія». Наукове видання. Випуск 8. Том V. Частина друга: *Національни мови и культури в їх специфіці та взаємодії*. Институт філології Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Київ: Видавничий Дім Дмитра Бураго, 2005, s. 27–31.

Janina Bartoszewska, Ewa Konefał. *Problemy przekładu rosyjskich neologizmów prasowych na język polski na tle stopnia ich stabilizacji w systemie językowym*. [W:] *Е.Ф. Карский и современное языкознание. Материалы X международных Карских чтений, 16–17 мая 2005 г.* Ч. 1. Под ред. М.И. Конюшкевич, Н.С. Гребенщикова, А.В. Никитевич. Гродно: Гродненский государственный университет имени Янки Купалы, 2005, s. 253–258.

Janina Bartoszewska. *От русский тостов и анегдотов к спиртным напиткам*. „Słupskie Prace Filologiczne. Seria Neofilologia" 2006, Nr 3. Pomorska Akademia Pedagogiczna. Słupsk: Wydawnictwo Uczelniane Pomorskiej Akademii Pedagogicznej, s. 45–49. ISSN 1643-4676.

Янина Бартошевска, Эва Конефал, Уршула Патоцка. *Некоторые замечания о современном жаргоне*. „Languages & Literatures". Вып. 23. Тюменский государственный университет. Институт гуманитарных наук. Кафедра английского языка совместно с „Международный научно-образовательный центр изучения языков и дискурсов" и „Научно-образова-

тельный центр по изучению диалектов, фольклора, этнолектов и социолектов". [Online:] <http://frgf.utmn.ru/mag/23/57>.

Recenzje publikowane

Janina Bartoszewska. Rec.: Маргарита Ивановна Матусевич. *Современный русский язык. Фонетика. Учебное пособие для педагогических институтов*. Москва: Просвещение, 1976, ss. 588. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego. Filologia Rosyjska. Uniwersytet Gdański" 1970, s. 173–174.

Varia

Янина Бартошевска. *К 70-летию В.Ф. Ивановой*. „Вестник Ленинградского университета". Ленинградский государственный университет имени А.А. Жданова. Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1990, s. 8–9.

Prace dedykowane Profesor Janinie Bartoszewskiej

Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej. Red. nauk. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013 + CD-ROM: Jurand B. Czermiński, *Klawiatura homofoniczna (suplement)*, ss. 326. ISBN 978-83-7865-118-5.

Marcelina Grabska. *Droga przez naukę*. [W:] *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej*. Red. nauk. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, ss. 13–18. ISBN 978-83-7865-118-5.

Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. *Jubileusz Profesor Janiny Bartoszewskiej.* „Gazeta Uniwersytecka" Pismo Społeczności Akademickiej Uniwersytetu Gdańskiego 2014, nr 1 (140), styczeń — luty. Gdańsk, s. 16. ISSN 1689-4723.

Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. *Jubileusz Profesor Janiny Bartoszewskiej.* [W:] *Wydarzenia. Seminaria. Konferencje*. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Wydział Filologiczny. Uniwersytet Gdański. [Online] <http://fil.ug.edu.pl/wydzial/instytuty_i_katedry/instytut_filologii_wschodnioslowianskiej/wydarzenia_seminaria_konferencje> (3 kwietnia 2014, godz. 10.33).

Marcelina Grabska. *Laudacja Jubilatki wygłoszona przez prof. dr hab. Marcelinę Grabską*. [W:] *Wydarzenia. Seminaria. Konferencje*. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej. Wydział Filologiczny. Uniwersytet Gdański. [Online] <http://fil.ug.edu.pl/sites/default/files/_nodes/strona-filologiczny/13291/files/bartoszewska_jubileusz2.pdf> (3 kwietnia 2014, godz. 10.33).

Grzegorz Ojcewicz. Rec.: *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej.* Red. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, ss. 326. [W:] „Studia Rossica Gedanensia" 2014, nr 1.

Opracowała
KATARZYNA WOJAN
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRAC PROFESOR MARCELINY GRABSKIEJ

Rozprawy i monografie naukowe

Marcelina Grabska. *Teoria i praktyka sprawności czytania rosyjskich tekstów specjalistycznych młodzieży technikum*. Niepublikowana rozprawa doktorska napisana pod kierunkiem profesora Ludwika Grochowskiego. Wydział Humanistyczny Uniwersytet Gdański. Gdańsk 1981, ss. 681 (na prawach rękopisu).

Марцелина Грабска. *Русскоязычный потенциальный словарь в языковом сознании польских учащихся (теоретическое и экспериментально-эмпирическое исследование)*. Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора педагогических наук. ВАК 13.00.02. Министерство образования Российской Федерации. Институт русского языка им. А.С. Пушкина. Москва 1994, ss. 45.

Марцелина Грабска. *Русскоязычный потенциальный словарь в языковом сознании польских учащихся (теоретическое и экспериментально-эмпирическое исследование)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора педагогических наук, научный консультант член корреспондент Российской академии образования, доктор филологических наук, профессор Ольга Даниловна Митрофанова. ВАК 13.00.02. Министерство образования Российской Федерации. Институт русского языка им. А.С. Пушкина. Москва 1994, ss. 372 (na prawach rękopisu).

Marcelina Grabska. *Сопоставительно-ассоциативный контекст русскоязычного потенциального словаря поляков (теоретические и эмпирические исследования)*, Rozprawy i Monografie. Uniwersytet Gdański. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1996, ss. 249. ISBN 83-7017-677-1.

Podręczniki

Marcelina Grabska. *Praktyczna gramatyka języka rosyjskiego dla Polaków*. Gdańsk: Phantom Press International, 1994.

Redakcja naukowa monografii wieloautorskich

Współzależność języków słowiańskich. Aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny. Red. nauk. Marcelina Grabska, Janina Bartoszewska. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 295. ISBN 83-7017-808-1.

Leksyka w komunikacji językowej. Materiały konferencji międzynarodowej (Gdańsk — Łączyno, wrzesień 1998). Red. nauk. Marcelina Grabska, Joanna Korzeniewska-Berczyńska. Uniwersytet Gdański. Instytut Filologii Słowiańskiej. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, ss. 215. ISBN 83-86230-46-0.

„Słowa, słowa, słowa"... w komunikacji językowej. Red. nauk. Marcelina Grabska. Gdańsk: Zakład Poligrafii Fundacji Uniwersytetu Gdańskiego, 2000, ss. 376. ISBN 83-86230-81-9.

„Słowa, słowa, słowa"... w komunikacji językowej II. Materiały międzynarodowej konferencji *Leksyka w komunikacji językowej II*, Gdańsk-Stawiska 8–12 września 2001 r. Red. nauk. Marcelina Grabska. Gdańsk: Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, ss. 494. ISBN 83-88829-96-3.

Балтийский регион. Миф в языке и культуре. Материалы международной научной конференции 8 октября 2010 г. Гданьск. Под. ред. Г.И. Берестнева. Редакционная коллегия М. Грабска и др. Российский государственный университет им. Иммануила Канта — Гданьский университет. Калининград: Издательство Российского государственного университета им. Иммануила Канта, ss. 234. ISBN 978-5-9971-0135-0.

„Słowa, słowa, słowa"... w komunikacji językowej III. Red. nauk. Marcelina Grabska. Gdańsk: Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego, 2011, ss. 306. ISBN 978-83-7531-144-0.

„Mówimy, jak mówimy…". Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne. Red. nauk. Marcelina Grabska, Żanna Sładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, ss. 255. ISBN 978-83-7865-251-9.

„Mówimy, jak mówimy..." Gdzie ukryta jest potoczność? Red. nauk. Marcelina Grabska, Żanna Sładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015 (w druku).

Studia i artykuły

Marcelina Grabska, Teresa Szymanik. *Ogólne założenia gabinetu języka rosyjskiego w szkole*.„Język Rosyjski" 1977, nr 5, s. 202–205. ISSN 0137-7647.

Marcelina Grabska. *Zagadnienia czytania rosyjskich tekstów specjalistycznych z punktu widzenia ich specyfiki*. [W:] *Kształtowanie umiejętności receptywnych w nauczaniu języka rosyjskiego. Zbiór artykułów i rozpraw*. Red. nauk. Antoni Paliński. Rzeszów: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1979, s. 99–127.

Marcelina Grabska. *Dystrybucja leksyki w tekstach naukowych w świetle badań statystycznych*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska" 1984, nr 13. Gdańsk: Uniwersytet Gdański, s. 99–110.

Marcelina Grabska. *Mowa wewnętrzna w procesie czytania w badaniach radzieckich*. „Przegląd Rusycystyczny" 1984, nr 3, s. 171–179. ISSN 0137-298X.

Marcelina Grabska. *Próba określenia stopnia trudności językowej tekstu (na przykładzie rosyjskich tekstów specjalistycznych)*. „Przegląd Rusycystyczny" 1984, nr 1–2, s. 241–254. ISSN 0137-298X.

Marcelina Grabska. *Sprawność czytania rosyjskich tekstów specjalistycznych przez uczniów technikum (w świetle badań)*. „Zeszyty Naukowe Wydziału Humanistycznego Uniwersytetu Gdańskiego. Filologia Rosyjska" 1984, nr 12, Gdańsk, s. 71–79.

Marcelina Grabska. *Gatunki stylu naukowego i dobór tekstów ćwiczeniowych do pracy z uczniami technikum II*. „Język Rosyjski" 1985, nr 3, s. 146–150. ISSN 0137-7647.

Marcelina Grabska. *O pewnych właściwościach stylu naukowego.* „Język Rosyjski" 1985, nr 2, s. 67–72. ISSN 0137-7647.

Marcelina Grabska. *Kształtowanie domysłu językowego przy czytaniu rosyjskich tekstów specjalistycznych*. [W:] *Z aktualnych studiów rusycystycznych. Językoznawstwo i glottodydaktyka. Materiały z Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Olsztyn, 30.V–1.VI 1985 r*. Red. nauk. Wanda Zmarzer. Olsztyn: Wydawnictwa Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1987, s. 247–249. ISBN 83-85010-29-7.

Marcelina Grabska. *Słownik potencjalny i jego identyfikacja (w świetle badań empirycznych)*. „Przegląd Rusycystyczny" 1988, nr 3–4, s. 168–184. ISSN 0137-298X.

Marcelina Grabska, Ludwik Grochowski, Zenon Harczuk. *Развитие и состояние методики преподавания русского языка в польской школе*. „Język Rosyjski" 1988, nr 4, Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, s. 217–222. ISSN 0137-7647.

Marcelina Grabska. *Teoretyczne podstawy lingwistyki tekstu i percepcja treści rosyjskich tekstów specjalistycznych*. [W:] *Sprawność czytania i słuchania w nauczaniu języków obcych*. Red. nauk. Antoni Paliński. Rzeszów: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1989, s. 235–264.

Marcelina Grabska. *Z badań nad rozwojem domysłu językowego*. [W:] *Sprawności receptywne w nauczaniu języka rosyjskiego w polskim audytorium*. Red. nauk. Antoni Paliński. Rzeszów: Wydawnictwo Uczelniane Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1989, s. 49–59.

Marcelina Grabska, Ludwik Grochowski, Zenon Harczuk. *Научные исследования и концепции в области методики преподавания русского языка в Польше*. „Acta Universitatis Wratislaviensis. Slavica Wratislaviensia" LV, nr 1131, Wrocław 1990, s. 139–156. ISSN 0137-1150.

Marcelina Grabska. *Виды «подсказок» и эффект идентификации слов потенциального словаря*. „Przegląd Rusycystyczny" 1990, nr 1–4, s. 31–39. ISSN 0137-298X.

Marcelina Grabska. *Факторы детерминирующие понимание незнакомой лексики польскими учащимися*. [W:] *Оптимизация обучения русскому языку в иноязычной аудитории*. Red. nauk. Antoni Paliński. Rzeszów: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej, 1992, s. 59–77.

Marcelina Grabska. *Чтение русских специальных текстов в средней профессиональной школе (методическая концепция)*. „Studia Rossica Posnaniensia" 1993, vol. XXVI, s. 207–213. ISSN 0081-6994.

Марцелина Грабска, Э. Родак. *К определению состава основного словарного фонда русского языка (лингвометодический аспект)*. „Вестник Харьковского политехнического института" 1994, № 19, вып. I, s. 23–32. ISSN 2079-0031.

Марцелина Грабска. *Лексическое сходство русского и польского языков и степень его восприятия поляками (в свете эмпирических исследований)*. „Русский язык за рубежом" 1994, № 3, s. 64–70. ISSN 0131-615X.

Marcelina Grabska. *Активный и пассивный словари – лингвистическая и лингводидактическая интерпретации*. [W:] *Nowe tendencje w nauczaniu języków obcych. Materiały Sympozjum*. Międzynarodowe Sympozjum. Białystok 23–25.09.1994. Polskie Towarzystwo Neofilologiczne. Centralny Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli. Studium Języków Obcych Akademii Medycznej w Białymstoku. Białystok 1995, s. 49–51.

Marcelina Grabska. *Языковая догадка, контекстная догадка и потенциальный словарь (взаимоотношение понятий)*. [W:] *Tekst i słownik w nauczaniu języka i literatury rosyjskiej. Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej. Opole, 20–21 września 1994 r.* Red. nauk. Wojciech Chlebda. Opole: Uniwersytet Opolski. Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej, 1995, s. 331–334. ISBN 83-9-2795-1-7.

Марцелина Грабска. *Потенциальный словарь учащихся. Принципы его описания и классификации*. [W:] *Vocabulum et Vocabularium. Сборник научных трудов по лексикографии*. Под ред. Владимира В. Дубичинского. Вып. II. Харьков 1995, s. 16–26. ISSN 0453-79998.

Marcelina Grabska. *Характеристика ошибок, возникших при опознании слов потенциального словаря.* „Studia Rossica Posnaniensia" 1995, vol. XXVI, s. 287–295. ISSN 0081-6994.

Марцелина Грабска. *Опознавательные характеристики формальных корневых польско-русских эквивалентов*. [W:] *Slavica Quinqeecclesiensia. Материалы III Международной Конференции «Теория и практика преподавания славянских языков»*. Ред. Lendvai Endre. Pécs 1996, s. 127–133. ISSN 0583-5356.

Marcelina Grabska. *Неизученные слова текста — факторы и условия их семантизации*. „Zeszyty Naukowe Wyższej Szkoły Pedagogicznej w Rzeszowie. Seria Filologiczna. Dydaktyka" 1997, nr 4. Red. Antoni Paliński, Rzeszów, s. 41–51. ISSN 0867-0757.

Marcelina Grabska. *Характеристики образа слова, влияющие на опознание неизученной лексики русского языка*. [W:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка (= Nowe elementy teorii i praktyki opisu i dydaktyki nauczania języka rosyjskiego)*. Редколл. Николай Исаев, Елена Исаева, Томаш Медзиньский. Российский центр науки и культуры в Варшаве. Польское общество русистов. Варшава: Издательство Перспективы-Пресс, 1997, s. 43–49. ISBN 83-87170-21-6.

Марцелина Грабска. *Натуральный потенциальный словарь польских учеников — его объём и характер*. [W:] *Vocabulum et Vocabularium. Сборник научных трудов по лексикографии*. Под ред. Владимира В. Дубичинского. Харьков — Гродно 1998, s. 87–90. ISSN 0453-79998.

Марцелина Грабска. *Психосемантические характеристики русско-польских лексических параллелей*. [W:] *Vocabulum et Vocabularium. Сборник научных трудов по лексикографии*. Под ред. Владимира В. Дубичинского. Вып. VI. Харьков 1998, s. 44–47. ISSN 0453-79998.

Marcelina Grabska. *Семантические микросистемы многозначных слов и возможность опознавания их поляками*. „Kieleckie Studia Rusycystyczne". T. 8. Red. Andrzej Jankowski, Kazimierz Luciński. Kielce: Wydawnictwo Wyższej Szkoły Pedagogicznej im. Jana Kochanowskiego, 1998, s. 303–308. ISSN 0239-538X.

Марцелина Грабска. *Словообразовательные характеристики и их опознание поляками в неизученных русских производных словах (в свете эмпирических исследований)*. [W:] *Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. Материалы VI Международной научной конференции. Гродно, 28–29 мая 1998 г.* Под ред. С.А. Емельяновой. Гродно: Гродненский государственный университет им. Янки Купалы, 1998, s. 185–193.

Marcelina Grabska. *Специфика адаптации русских заимствованных слов и их опознавание поляками*. [W:] *Współzależność języków słowiańskich. Aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny*. Red. nauk. Marcelina Grabska, Janina Bartoszewska. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 1998, s. 218–232. ISBN 83-7017-808-1.

Марцелина Грабска. *Психосемантические механизмы идентификации русских слов поляками*. [W:] *Тверская психолингвистическая школа. Воспоминания о будущем*. Сост. С.В. Лебедева, И.Л. Медведева, Е.Ю. Мягкова, Т.Ю. Сазонова. Курск: Курский государственный педагогический университет, 1999. ISBN 5-88313-178-6.

Marcelina Grabska. *Тестирование лексики. Метод оценки результатов*. [W:] *Новое в теории и практике описания и преподавания русского языка (Материалы научно-методической конференции, проходившей 6–7 мая 1999 г. в Варшаве) (= Nowe elementy teorii i praktyki opisu i dydaktyki nauczania języka rosyjskiego (Materiały konferencji naukowo-metodycznej w Warszawie 6–7 maja 1999 r. Ed. VI)*. Вып. VI. Редколл. Николай Исаев, Елена Исаева, Томаш Медзиньский. Российский Центр Науки и Культуры в Варшаве. Польское Общество Русистов. Ассоциация Сотрудничества Польша–Восток. Warszawa: Artico Teresa Rubin, 1999, s. 69–73. ISBN 83-912328-0-8.

Marcelina Grabska. *Asocjacyjny portret MĘŻCZYZNY*. [W:] *„Słowa, słowa, słowa"... w komunikacji językowej*. Red. nauk. Marcelina Grabska. Gdańsk: Zakład Poligrafii Fundacji Uniwersytetu Gdańskiego, 2000, s. 335–348. ISBN 83-86230-81-9.

Marcelina Grabska. *Ja-koncepcja, czyli leksykalny autoportret MĘŻCZYZNY*. [W:] *Słowo, tekst, czas. Materiały V Międzynarodowej Konferencji Naukowej (Szczecin, 8–9 czerwca 2000 roku)*. Red.

nauk. Michaił Aleksiejenko. Uniwersytet Szczeciński. Instytut Filologii Słowiańskiej. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2001, s. 179–188. ISBN 83-7241-135-2.

Marcelina Grabska. *MATKI i ŻONY, czyli stereotypy ról w asocjacyjnym obrazie kobiety.* [W:] *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza*. Red. nauk. Alicja Pstyga, Krystyna Szcześniak. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2002, s. 190–201. ISBN 83-7326-040-4.

Марцелина Грабска. *Проявление Я-идеального в самооценке женщины (на материале ассоциативного эксперимента)*. „Веснік Віцебская дзяржаучага универсітета" 2002, № 4, s. 49–55.

Marcelina Grabska, Franciszek Grabski. *Zbiory rozmyte (próba określenia zastosowań w lingwistyce)*. [W:] „*Słowa, słowa, słowa*"... *w komunikacji językowej II*. Red. nauk. Marcelina Grabska. Gdańsk: Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, s. 103–110. ISBN 83-88829-96-3.

Marcelina Grabska. *Русская женщина — НЕЖНОСТЬ, КРАСОТА, польская женщина – MATKA, ŻONA (ассоциативный портрет)*. [W:] „*Słowa, słowa, słowa*"... *w komunikacji językowej II*. Red. nauk. Marcelina Grabska. Gdańsk: Fundacja Rozwoju Uniwersytetu Gdańskiego, 2004, s. 393–410. ISBN 83-88829-96-3.

Marcelina Grabska. *Właściwości nieznanych słów i modele ich rozpoznawania*. [W:] *Glottodydaktyczne i kulturowe aspekty komunikacji językowej. Księga jubileuszowa poświęcona 70-leciu Profesor Krystyny Iwan*. Red. nauk. Krystyna Janaszek, Roman Gawarkiewicz. Seria Rozprawy i Studia. Uniwersytet Szczeciński. Szczecin: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Szczecińskiego, 2004, s. 51–64. ISBN 83-7241-407-6.

Marcelina Grabska. *Antycypacja i inferencja w potocznym odbiorze tekstu. Rozważania teoretyczne*. [W:] „*Mówimy, jak mówimy...*" *Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne*. Red. nauk. Marcelina Grabska, Żanna Sładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, s. 48-57. ISBN 978-83-7865-251-9.

Marcelina Grabska. *Inferencja i antycypacja — wpływ na odbiór tekstu. Badania empiryczne*. [W:] „*Mówimy, jak mówimy...*" *Komunikacja w języku potocznym: podejście interdyscyplinarne*. Red. nauk. Marcelina Grabska, Żanna Sładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2014, s. 57-69. ISBN 978-83-7865-251-9.

Marcelina Grabska. *Antycypacja i potoczny odbiór tekstu. Rozważania teoretyczne*. [W:] „*Mówimy, jak mówimy...*" *Gdzie ukryta jest potoczność?* Red. nauk. Marcelina Grabska, Żanna Sładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015 (w druku).

Marcelina Grabska. *Antycypacja i linearny proces odbioru tekstu. Badania empiryczne*. [W:] „*Mówimy, jak mówimy...*" *Gdzie ukryta jest potoczność?* Red. nauk. Marcelina Grabska, Żanna Sładkiewicz. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015 (w druku).

Streszczenia i komunikaty

Marcelina Grabska. *Об одном критерии типологии потенциального словаря*. [W:] *Лингвистические, психологические и педагогические основы интенсификации обучения русскому языку студентов-славян. Материалы научно-методической конференции*. Uniwersytet Gdański. Instytut Filologii Słowiańskiej. Gdańsk, 20–24.05.1988. Gdańsk: Uniwersytet Gdański, 1989, s. 19 (na prawach rękopisu).

Марцелина Грабска. *Виды «подсказок» и эффект идентификации слов потенциального словаря*. [W:] *Русский язык и литература в общении народов мира. Проблемы функционирования и преподавания. Доклады и сообщения (Круглый стол)*. Москва: Издательство Русский язык, 1990, s. 24–25. ISBN 5-200-01337-2.

Марцелина Грабска. *Опознавательные характеристики формальных корневых польско-русских эквивалентов*. [W:] *Теория и практика преподавания славянских языков. Сборник тезисов. Печ, 26–27 апреля 1996 г.* Печ: Университет г. Печ (Венгрия), 1996, s. 26–27.

Marcelina Grabska. *Podstawowe problemy kształtowania rosyjskojęzycznego słownika potencjalnego polskich uczniów*. [W:] *Materiały Międzynarodowej Konferencji Naukowej „Języki obce w systemie edukacyjnym"*. Polskie Towarzystwo Neofilologiczne. Centralny Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli. Białystok — Supraśl, 13–15.06.1996, s. 37–38.

Marcelina Grabska. *Wyznaczniki leksykalne konceptu MĘŻCZYZNA*. [W:] Red. nauk. Marcelina Grabska. *Leksyka w komunikacji językowej. Materiały Konferencji Międzynarodowej*. Gdańsk 1998, s. 66–67. ISBN 83-86230-46-0.

Recenzje publikowane

Marcelina Grabska. Rec.: Antoni Paliński, *Sprawność czytania w nauczaniu języka rosyjskiego*. Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1983. [W:] „Język Rosyjski" 1985, nr 5, s. 305–306. ISSN 0137-7647.

Varia

Z Ziemi Kościerskiej. Zeszyty Regionalne. Przewodnicząca Kolegium Redakcyjnego Marcelina Grabska. Kościerska Fundacja Nauki i Kultury. Pelplin: Wydawnictwo Diecezji Pelplińskiej „Bernardinum", 2002–.

Marcelina Grabska. *Gdańska rusycystyka na Wybrzeżu. Historia, ludzie, myśl*, „Побережье. Русско-польские образовательные и культурные связи" (= „Wybrzeże. Polsko-rosyjskie kontakty edukacyjne i kulturalne"). Ред. Владимир Грешных. Российский государственный университет им. Иммануила Канта. Калининград: Фонд Русский Мир. Гданьск: Гданьский университет, 2011, s. 9–13. ISBN 978-83-7531-139-6.

Marcelina Grabska. *Gdańska rusycystyka — rozwój i kierunki badań*. [W:] *Tradycje gdańskiej humanistyki*. Red. Józef Borzyszkowski, Cezary Obracht-Prondzyński. Instytut Kaszubski. Gdańsk 2008, s. 162–191. ISBN 978-83-89079-97-8.

Marcelina Grabska. *Zakład Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka*. [W:] *Uniwersytet Gdański 1970–2010*. Red. Anna Paner, Arnold Kłonczyński. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytet Gdańsk, 2010, s. 269–273. ISBN 978-83-7326-693-3.

Marcelina Grabska. *Droga przez naukę*. [W:] *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej*. Red. nauk. Katarzyna Wojan, Ewa Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, s. 13–18. ISBN 978-83-7865-118-5.

Księga jubileuszowa dedykowana Profesor Marcelinie Grabskiej

Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów. Red. nauk. Katarzyna Wojan, Żanna Sładkiewicz i Anna Hau, przy udziale Katarzyny Wądołowskiej-Lesner. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2015.

Opracowała
KATARZYNA WOJAN
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

BIBLIOGRAFIA WYBRANYCH PRAC MAGISTER TERESY SZYMANIK

Artykuły naukowe

Marcelina Grabska, Teresa Szymanik. *Ogólne założenia gabinetu języka rosyjskiego w szkole*.„Język Rosyjski" 1977, nr 5, s. 202–205. ISSN 0137-7647.

Teresa Szymanik. *Dydaktyczna funkcja książek nauczyciela do podręczników języka rosyjskiego*. „Przegląd Rusycystyczny" 1978, z. 3. ISSN 0137-298X.

Teresa Szymanik. *Funkcjonalność pomocy naukowych. Stan obecny i wnioski na przyszłość.* [W:] *Teoria i praktyka nauczania języka rosyjskiego. Materiały z krajowej konferencji metodologicznej.* Red. naukowa Władysław Figarski, Tomasz Wójcik. Wyższa Szkoła Pedagogiczna w Kielcach. Kielce: Wyższa Szkoła Pedagogiczna, 1979.

Przekład archiwalny

Stanisław Bogdanowicz. *Akta biskupa Edwarda Aleksandra Władysława hrabiego O'Rourke w Rosyjskim Państwowym Archiwum Historycznym w Sankt Petersburgu (= Акты епископа Едуарда Александра Владислава графа О'Рурке в Русском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге).* Przeł. z jęz. ros. i na jęz. ros. Teresa Szymanik i Elżbieta Skupińska-Dybek. Pelplin: Bernardinum, 1999, 184 ss. ISBN 83-87668-41-9.

Recenzje

Teresa Szymanik. Rec.: Mieczysław Dziekoński. *Książka nauczyciela do podręcznika A. Machalskiej: „Русский язык dla klasy III liceum ogólnokształcącego".* Warszawa: Wydawnictwa Szkolne i Pedagogiczne, 1974, ss. 184.

Prace niepublikowane

Teresa Szymanik. *Tendencje rozwojowe programów i obecnie obowiązujące programy dla szkoły podstawowej.* Praca niepublikowana. Instytut Filologii Rosyjskiej. Uniwersytet Gdańsk. Gdańsk 1975.

Teresa Szymanik. *Opracowywanie pytań z zakresu wymagań funkcjonalno-przestrzennych i technicznych pochodnych do sposobów organizacji procesu dydaktycznego w budynku szkolnym*. Praca niepublikowana Instytut Filologii Rosyjskiej. Uniwersytet Gdańsk. Gdańsk 1976.

Teresa Szymanik, Marcelina Grabska. *Analiza i model pomieszczeń do nauczania języków obcych*. Praca niepublikowana. Instytut Filologii Rosyjskiej. Uniwersytet Gdańsk. Gdańsk 1976.

Teresa Szymanik. *Wzorce programów modeli podręczników języka rosyjskiego dla klas I-IV liceum ogólnokształcącego*. Praca niepublikowana. Instytut Filologii Rosyjskiej. Uniwersytet Gdańsk. Gdańsk 1977.

Opracowała
KATARZYNA WOJAN
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny
Pracownia Leksykograficzno-Bibliograficzna
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

KRONIKA
ХРОНИКА
CHRONICLE

JUBILEUSZ 70-LECIA
PROFESORA FRANCISZKA APANOWICZA

W roku akademickim 2013/2014 Jubileusz siedemdziesięciolecia obchodził prof. zw. dr hab. Franciszek Apanowicz, wybitny historyk i krytyk literatury rosyjskiej, teoretyk i praktyk przekładu literackiego, ceniony nauczyciel akademicki, organizator życia uczelnianego, członek redakcji czasopism naukowych, międzynarodowych stowarzyszeń naukowych, organizator konferencji o zasięgu międzynarodowym, aktywny uczestnik regionalnego życia kulturalnego.

Droga naukowa Profesora związana jest od początku z Uniwersytetem Gdańskim. Tu w roku 1974 ukończył studia rusycystyczne i rozpoczął pod opieką naukową prof. dr hab. Janiny Sałajczykowej pracę nad dysertacją doktorską na temat twórczości wybitnego prozaika rosyjskiego XX wieku — Michała Priszwina. Obronił ją uzyskując stopień doktora nauk humanistycznych w 1983 roku. Rozprawa, uznana przez recenzentów za wyróżniającą się, została opublikowana w uzupełnionej wersji w wydawnictwie Ossolineum w 1988 roku pod tytułem *Zagadnienia poetyki „powieści-bajki" Michała Priszwina*. Była to — należy podkreślić — pierwsza próba zbadania specyficznie Priszwinowskiego, nazwanego „powieścią-bajką", gatunku łączącego formy literackie i folklorystyczne. Współtworzą go, jak pokazuje autor pracy, elementy tradycji powieści realistycznej od jej postaci klasycznej po realizm socjalistyczny lat trzydziestych i czterdziestych, elementy skazu literackiego oraz bajki magicznej. Ich oryginalna synteza dała nową jakość literacką.

Do spuścizny Priszwina powraca Profesor Apanowicz w kolejnych latach, sukcesywnie rozszerzając pole badawcze, zespalając orientacje metodologiczne, uelastyczniając narzędzia analizy, rozbudowując konteksty interpretacyjne. Od roku 1983 opublikował ponad 20 poświęconych jej artykułów, studiów, referatów w języku polskim i rosyjskim. Sytuują one ich autora wśród najwybitniejszych Priszwinologów, cenionych zarówno w polskim jak i zagranicznym środowisku slawistycznym.

Kolejny etap biografii naukowej Jubilata wypełniają wieloletnie gruntowne studia nad twórczością Warłama Szałamowa. Ich rezultatem jest opublikowana w 1996 roku w Wydawnictwie Uniwersytetu Gdańskiego rozprawa habilitacyjna *„Nowa proza"*

Warłama Szałamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej. Otoczone legendą pisarstwo Szałamowa, przede wszystkim jego *Opowiadania kołymskie*, torowało sobie wówczas drogę do czytelnika. Waga tematu ukierunkowała jego ogląd jako przede wszystkim świadectwa o imperium łagrowym. Nowatorstwo sztuki pisarskiej Szałamowa wprawdzie dostrzegano, pozostawało ono jednak na marginesie głównego nurtu dociekań badaczy. Autor *Opowiadań kołymskich* chciał być wszakże nie jedynie Świadkiem, lecz Świadkiem — Artystą, który nie tylko przekazuje treść doświadczenia z „poza-człowieczeństwa", jak je nazwał, ale który tworzy nowy język dla tego, co jeszcze nie opisane, co umyka nazwaniu, co nie mieści się w opowieści.

Profesor Apanowicz, znowu jako pierwszy, podjął zadanie odczytania tego języka, a więc skonstruowania modelu poetyckiego „nowej prozy". Opisał jej składniki, rodzaje wiążących je zależności, hierarchię, zasadę integrującą. Odkrył nowe, Szałamowowskie sposoby konstruowania tekstu o świecie umarłych i nowe formy komunikacji z czytelnikiem.

Pionierska, odkrywcza, ogromnie wartościowa monografia Profesora o Szałamowie wywołała zrozumiałe zainteresowanie. Wobec szybkiego wyczerpania nakładu wkrótce została wznowiona oraz uhonorowana Nagrodą Literacką Wojewody Gdańskiego, jako jedyna zresztą w historii tej nagrody książka rusycystyczna.

Kolejnym osiągnięciem naukowym Profesora Apanowicza jest praca *Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина* opublikowana w 2002 roku. Autor powraca do — obejmującej półwiecze — twórczości Priszwina skupiając się tym razem na jej warstwie ideowo-filozoficznej. Wykazuje, że tytułowa opozycja pojawia się już w najwcześniejszych utworach i na pierwszych stronicach zapisów dziennikowych i absorbuje pisarza do końca życia.

Wielki spór o Rosję, jej miejsce wobec Wschodu i Zachodu, tożsamość, misję itd. toczący się od co najmniej XVIII wieku, szczególnie rozgorzał na początku wieku XX, angażując całą elitę intelektualną i artystyczną. Priszwin, zaprzyjaźniony z jej wybitnymi przedstawicielami (D. Mereżkowskim, W. Rozanowem, A. Błokiem, Iwanowem-Razumnikiem), był aktywnym uczestnikiem tej debaty. „Rosyjska idea" w rozmaitych konkretyzacjach (postęp — tradycja, cywilizacja — natura, inteligencja — lud itd.) wyrażana pośrednio, w prozie artystycznej bądź bezpośrednio, w sformułowaniach dyskursywnych w dziennikach, pozostaje trwałym i bardzo ważnym elementem Priszwinowskiego universum.

Odczytane i wyeksplikowane w monografii wartości ideologiczne pomnażają wartość całościową dzieła Priszwina, przywracając należną rangę pisarzowi redukowanemu dotąd do roli „piewcy przyrody". Znowu zatem mamy do czynienia z przedsięwzięciem oryginalnym, nowatorskim, zagospodarowującym niezbadany obszar badań, przeciwstawiającym się ustabilizowanym sądom.

Образы России… uzyskały nagrodę Rektora Uniwersytetu Gdańskiego I stopnia. Jest to także książka „profesorska"; Franciszek Apanowicz tytuł profesora otrzymał w 2004 roku.

Dorobek naukowy Jubilata obejmuje, oprócz omówionych trzech autorskich monografii, *Polsko-rosyjski słownik wyrazów obcych*, opracowany wspólnie z dr Bogdanem Nesterowiczem, redakcję czterech książek naukowych oraz ponad osiemdziesiąt artykułów (w tym większość w języku rosyjskim) opublikowanych w czasopismach

naukowych i pracach zbiorowych w Polsce, Rosji, Czechach, Serbii, na Białorusi i Ukrainie. Rejestr ich problematyki jest ogromnie zróżnicowany. Mieści w sobie zjawiska dotyczące literatury i kultury rosyjskiej od początku XX wieku po dzień dzisiejszy, prozę i poezję, filozofię, kwestie duchowości i samoświadomości rosyjskiej, relacje „Polska — Rosja". Zagadnienia te rozpatrywane są w różnych perspektywach (procesu historycznego, historyczno- i teoretycznoliterackiego, indywidualności pisarskiej, odbiorcy itd.).

W ostatnich latach Profesor koncentruje uwagę na twórczości poetów współczesnych: J. Brodskiego, J. Kuzniecowa, W. Niekrasowa (wcześniej wiele miejsca poświęcił poetom „srebrnego wieku": I. Buninowi, N. Gumilowowi, A. Achmatowej, O. Mandelsztamowi, K. Balmontowi). Interesują go zjawiska nowe, od niedawna rozpoznawane, instalujące się dopiero w życiu literackim.

Profesor wielokrotnie występował z referatami podczas konferencji naukowych w różnych uczelniach w kraju i za granicą — w Rosji, Serbii, Czechach, na Ukrainie, Białorusi a także we Francji.

Jako tłumacz ma na swoim koncie przekłady poezji i prozy artystycznej oraz literaturę naukową.

Uczestniczy w pracach Komitetu Słowianoznawstwa Polskiej Akademii Nauk, Międzynarodowego Towarzystwa Buninowskiego *Association des Amis d`Ivan Bounin* z siedzibą w Paryżu i Komisji Przekładoznawczej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów w Lublianie oraz wchodzi w skład redakcji czasopism naukowych: „Przegląd Rusycystyczny", „Acta Neophilologica", „Русское обозрение" i „Studia Rossica Gedanensia".

Profesor Apanowicz, świetny nauczyciel akademicki, prowadził wszystkie rodzaje zajęć — ćwiczenia, konwersatoria, wykłady kursowe i monograficzne, seminaria magisterskie i doktoranckie, obejmujące historię literatury wszystkich epok, teorię literatury, kulturę Rosji, kulturoznawstwo, translatorykę.

Profesor wypromował kilkudziesięciu magistrów i czterech doktorów.

Za osiągnięcia dydaktyczne otrzymał dwukrotnie Nagrodę Rektora Uniwersytetu Gdańskiego oraz prestiżową nagrodę Nauczyciel Roku 2008 im. Krzysztofa Celestyna Mrongowiusza. Odznaczony został nadto Medalem Komisji Edukacji Narodowej i Złotym Krzyżem Zasługi.

Inny wymiar Jego aktywności to sprawy organizacyjne uczelni. W ciągu trzech kadencji pełnił funkcję prodziekana, a w latach 2004–2007 — dyrektora Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej. Zreorganizował wtedy strukturę Instytutu poprzez powołanie Zakładu Translatoryki i Komunikacji Międzykulturowej oraz doprowadził, we współpracy z Instytutem Historii Uniwersytetu Gdańskiego, do uruchomienia nowego makrokierunku — rosjoznawstwa.

Nawiązał współpracę z Rosyjskim Uniwersytetem Państwowym im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie, obejmującą m.in. wymianę studentów i naukowców.

Uczestniczył w pracach grupy ekspertów przy Uniwersyteckiej Komisji Akredytacyjnej i dwukrotnie przewodniczył zespołowi oceniającemu przy tej Komisji. Był członkiem Senatu Uniwersytetu Gdańskiego oraz kilku senackich komisji, a także przewodniczącym i członkiem Komisji ds. Przewodów Doktorskich na macierzystym wydziale.

Dodajmy ponadto funkcje przewodniczącego Komitetu Okręgowego Olimpiady Języka Rosyjskiego w Województwie Pomorskim i wiceprzewodniczącego Zarządu Regionalnego Stowarzyszenia Współpracy „Polska — Wschód".

Wielokrotnie uczestniczył w organizacji konferencji naukowych w kraju i za granicą. Jest współtwórcą międzynarodowej konferencji naukowej *Гданьские чтения*, odbywającej się rokrocznie od czternastu lat w Gdańsku, międzynarodowej konferencji *Взаимодействие литератур в мировом литературном процессе. Проблемы теоретической и исторической поэтики* w Uniwersytecie Grodzieńskim, międzynarodowej konferencji naukowej z okazji 300-lecia Petersburga — *Okno na Europę. Zagadnienie tożsamości kulturowej Petersburga*, międzynarodowego sympozjum „Okrągły Stół", organizowanego wraz z Państwową Akademią Kultury Słowiańskiej w Moskwie pt. *Główne kierunki najnowszych badań nad kulturą słowiańską*, międzynarodowej konferencji *Literatura rosyjska przełomu XIX wieku*, organizowanej cyklicznie przez Zakład Historii Literatury Rosyjskiej (obecna nazwa: Katedra Rosjoznawstwa, Literatury i Kultury Rosyjskiej) Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego.

Profesor Apanowicz włącza się chętnie w rozmaite formy szeroko rozumianego życia naukowo-kulturalnego poza kręgiem akademickim. Współpracuje z Nadbałtyckim Centrum Kultury, Gdańskim Towarzystwem Przyjaciół Sztuki, Rosyjskimi Ośrodkami Nauki i Kultury w Warszawie i Gdańsku i innymi placówkami, popularyzując literaturę i kulturę rosyjską. Brał udział w organizacji II Międzynarodowego Festiwalu Literatury „Europejski Poeta Wolności" (Gdańsk 2012). Publikował w cenionym gdańskim czasopiśmie „Autograf", poświęconym zagadnieniom literatury, sztuki, krytyki i życia społecznego.

Profesor Apanowicz, związany od tylu lat z Instytutem, jest zaprzyjaźniony z większością z nas — współpracowników. Doświadczamy w tej przyjaźni nieodmiennie Jego życzliwości, uczynności, oparcia, a nierzadko przewodnictwa. A młodsza generacja — uważnego, przychylnego towarzyszenia w dojrzewaniu i rozwoju naukowym, ale także partnerskiego traktowania i okazywania dumy z jej osiągnięć.

Szanownemu Jubilatowi składamy najserdeczniejsze gratulacje i życzenia zdrowia, radości, pomyślności.

LUCYNA KAPAŁA
Uniwersytet Gdański, Polska
e-mail: lucyna.kapala@gmail.com

POTRÓJNY JUBILEUSZ
PROFESOR JANINY BARTOSZEWSKIEJ

14 listopada 2013 roku na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego miało miejsce niecodzienne i szczególnie uroczyste wydarzenie — odbyło się seminarium naukowe z okazji potrójnego Jubileuszu Pani Profesor UG, dr hab. Janiny Bartoszewskiej: 70-tych urodzin, 45-lecia pracy naukowo-dydaktycznej oraz 25-lecia pełnienia funkcji kierownika Zakładu Języków Wschodniosłowiańskich (w późniejszym okresie — Katedry Językoznawstwa Wschodniosłowiańskiego i Translatoryki).

Słowo jubileuszowe wygłosiła prof. UG, dr hab. Marcelina Grabska — ówczesna Dyrektor Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej, z referatami wystąpili prof. dr hab. Jan Wawrzyńczyk, prof. dr hab. Krystyna Szcześniak, prof. dr hab. Marian Szczodrowski, prof. UWM, dr hab. Grzegorz Ojcewicz, dr inż. Marek Iwanowski i dr Jurand Czermiński. W trakcie seminarium zorganizowanego przez Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego dokonano uroczystego wręczenia Jubilatce dedykowanego Jej tomu prac *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej* pod redakcją Katarzyny Wojan i Ewy Konefał, opublikowanego w Wydawnictwie Uniwersytetu Gdańskiego. Księga Pamiątkowa ofiarowana Dostojnej Jubilatce, wybitnej znawczyni rosyjskiej oraz kontrastywnej fonetyki, fonologii, grafemii i ortoepii, zawiera zbiór prac naukowych 21 autorów pochodzących z różnych ośrodków akademickich. Warto zauważyć, że są to autorzy szczególni, w tomie tym bowiem, jak piszą Redaktorki, „zamieszczono teksty specjalistyczne z szeroko rozumianej dziedziny filologii i językoznawstwa, dedykowane Pani Profesor Janinie Bartoszewskiej przez Jej przyjaciół, współpracowników oraz uczniów”[1]. Szerokie grono Przyjaciół nikogo nie powinno dziwić, gdyż Pani Profesor jest osobą wyjątkową — nie tylko cenionym i uwielbianym przez studentów nauczycielem akademickim oraz znanym i docenianym w kraju i za granicą naukowcem, ale także wspaniałym człowiekiem — dobrym, serdecznym, skromnym, z poczuciem humoru i niewyczerpaną werwą. Dlatego uznaliśmy, że Czytelnikom pierwszego numeru czasopisma „Studia Rossica Gedanensia” konieczne jest przybliżenie sylwetki i osiągnięć Szanownej Jubilatki, dziś już przebywającej na zasłu-

[1] E. Konefał, K. Wojan. *Od Redaktorek*. [W:] *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej*. Red. K. Wojan, E. Konefał. Gdańsk: Wydawnictwo Uniwersytetu Gdańskiego, 2013, s. 11.

żonej emeryturze, tym niemniej wciąż obecnej w naszych sercach i stanowiącej dla nas niekwestionowany autorytet — moralny i naukowy.

Pani Profesor Janina Bartoszewska, absolwentka dwóch renomowanych zagranicznych uniwersytetów (Moskiewskiego i Leningradzkiego), swoje życie — zarówno osobiste, jak i zawodowe — związała z Gdańskiem i Uniwersytetem Gdańskim. To tu przepracowała aż 43 lata i poprzez aktywną działalność naukowo-dydaktyczną znacznie przyczyniła się do rozwoju gdańskiej rusycystyki. Dorobek naukowy Pani Profesor jest niezwykle bogaty — obejmuje ponad 50 publikacji naukowych, w tym 5 pozycji książkowych (autorskich), 3 książki redagowane, kilkadziesiąt artykułów naukowych i innych opracowań z zakresu językoznawstwa. Szczegółowy opis dorobku oraz przebieg kariery naukowej Jubilatki został przedstawiony przez prof. Marcelinę Grabską we wspomnianym powyżej tomie prac *Od dźwięku do słowa i jeszcze dalej* — w artykule zatytułowanym „Droga przez naukę", bibliografia wybranych publikacji opracowana przez dr hab. Katarzynę Wojan jest dostępna na str. 527–531 niniejszego czasopisma. Z pełną odpowiedzialnością można stwierdzić, że osiągnięcia naukowe Pani Profesor Janiny Bartoszewskiej zapewniły jej duże uznanie i wysoką pozycję w kręgach specjalistów — językoznawców rusycystów wielu europejskich ośrodków akademickich. W Polsce natomiast książki Jej autorstwa na stałe weszły do kanonu podręczników akademickich na kierunku filologia rosyjska. W trakcie pracy zawodowej na Uniwersytecie Gdańskim Pani Profesor Janina Bartoszewska uczestniczyła w licznych konferencjach i sympozjach naukowych w Polsce i za granicą, odbyła także staże naukowe krajowe i zagraniczne, na których zgłębiała wiedzę językoznawczą i prezentowała osiągnięcia badawcze. Sama również organizowała i współorganizowała konferencje naukowe na naszej uczelni, tym samym przyczyniając się do jej rozwoju oraz popularyzacji nauki.

Niezmiernie ważnym kryterium w ocenie zawodowej każdego pracownika naukowego jest umiejętność wdrażania do procesu dydaktycznego wyników jego badań naukowych. W oparciu o opracowane przez siebie podręczniki i autorskie programy zajęć Pani Profesor Janina Bartoszewska prowadziła liczne wykłady oraz ćwiczenia z przedmiotów językoznawczych, na których w niezwykle przystępny sposób potrafiła przekazać słuchaczom meandry wielu badanych przez nią skomplikowanych zagadnień, m.in. z dziedziny gramatyki rosyjskiej. Nie tylko przyuczała studentów do pracy naukowej, ukierunkowywała na samokształcenie, ale również wspierała ich w realizacji życiowych dążeń i celów, kształtując przy tym postawy etyczne i aktywność prozawodową młodych ludzi. Nie wyolbrzymiając można powiedzieć, że dydaktyka była Jej prawdziwą pasją zawodową. Byli studenci zapamiętają Panią Profesor jako znakomitego Wykładowcę, który całe serce wkładał w prowadzone zajęcia, oraz wymagającego, ale zarazem życzliwego i obiektywnego egzaminatora. Jak sami mówili podczas seminarium, naprawdę wiele Jej zawdzięczają.

W czasie 45-letniej pracy naukowo-dydaktycznej Pani Profesor Janina Bartoszewska wykazała się nadzwyczajną pracowitością, dzięki czemu wykształciła („wychowała") wielu filologów – specjalistów w zakresie językoznawstwa rosyjskiego i porównawczego. Pod jej kierownictwem wykonano ponad 200 prac dyplomowych (magisterskich), była recenzentem kilkuset prac magisterskich i licencjackich, wypromowała siedmiu doktorów nauk humanistycznych w zakresie językoznawstwa, zrecenzowała liczne prace doktorskie, kilka rozpraw habilitacyjnych, wiele monografii naukowych wieloautorskich i zbiorów artykułów pokonferencyjnych.

Pani Profesor Janina Bartoszewska z wielkim oddaniem i zaangażowaniem pełniła także funkcje administracyjne na uczelni. Jako kierownik jednostki organizacyjnej Uniwersytetu Gdańskiego (zakładu, a następnie katedry) przejawiała godne podziwu poczucie odpowiedzialności za zespół, którym kierowała, i z którym współpracowała. Posiadane przez Nią niezbędne na tym stanowisku kompetencje interpersonalne, umiejętność nie tylko słuchania, ale i słyszenia innych, sprawiedliwego traktowania wszystkich pracowników oraz zdolność empatii pozwalały Jej nie tylko sprawnie zarządzać personelem i doskonale organizować jego pracę, ale także inicjować i podtrzymywać przyjazne relacje z innymi. Zawsze dbała o to, aby w miejscu pracy panowały pozytywne emocje i twórcza atmosfera. Jako kierownik oraz nauczyciel akademicki Pani Profesor była osobą niezwykle lubianą i szanowaną, stanowiąc niekwestionowany autorytet zawodowy i wzorzec etyczny.

Wspaniałe poczucie humoru, optymizm, niespożyta energia, i, jak się wydaje, pewien dystans do siebie samej, na co dzień pomagały Jej czerpać satysfakcję z życia i pracy zawodowej. Cechowała ją przy tym duża wrażliwość — nigdy nikomu nie odmówiła pomocy w trudnych sytuacjach. Służyła cenną radą i dawała wsparcie duchowe, poświęcając wiele czasu na rozmowę z każdym, kto zwrócił się do Niej ze swoim problemem, i starając się udzielić realnej pomocy. Warto podkreślić, że Pani Profesor Janina Bartoszewska to osoba o silnym charakterze i niezłomnych zasadach moralnych. W trudnym okresie PRL-u nie bała się prezentować swych opinii, przez co dla niektórych mogła być osobą niewygodną. Ani wówczas, ani później nie rozpieszczano Jej nagrodami i odznaczeniami.

Gdy zaczynałam pisać ten biogram, moją intencją było przede wszystkim zilustrowanie przebiegu kariery naukowej, osiągnięć w pracy dydaktycznej i działalności organizacyjnej Szanownej Jubilatki, dzięki którym jest Ona słynnym w kraju i poza jego granicami naukowcem, wybitną specjalistką w swojej dziedzinie. Ale ten bilans skłonił ku głębszej refleksji — przecież nie samą pracą żyje człowiek. Pani Profesor Janina Bartoszewska jest także szczęśliwą żoną, matką dwóch synów, babcią trojga uwielbianych przez Nią wnucząt — po prostu wspaniałą Kobietą. To zupełnie inny aspekt Jej życia, aspekt jakże ważny, a może najważniejszy.

Szanowna Pani Profesor!

W imieniu swoim oraz Zespołu Redakcyjnego czasopisma „Studia Rossica Gedanensia" pragnę złożyć Pani wyrazy głębokiego szacunku i poważania, a także wdzięczności za okazaną pomoc i wsparcie w pracy zawodowej, za kierunek rozwoju naukowego, jaki nam Pani wytyczyła oraz wzór postępowania w życiu, jaki nam Pani dała swoją postawą nauczyciela i wychowawcy. Proszę przyjąć życzenia jak najlepszego zdrowia, siły ducha, wiele szczęścia i czerpania codziennej radości z życia. Życzymy Pani Profesor dużo czasu dla siebie i rodziny, wypoczynku, błogiego spokoju i beztroski, oddania się swoim pasjom, realizacji niespełnionych dotąd marzeń i planów, w tym odbycia jeszcze wielu wspaniałych podróży. Serdeczne gratulacje z okazji przejścia na emeryturę!

WANDA STEC
Uniwersytet Gdański, Wydział Filologiczny, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: wanda.stec@ug.edu.pl

PROFESOR MARCELINA GRABSKA. JUBILEUSZ 50-LECIA PRACY DYDAKTYCZNEJ ORAZ 40-LECIA PRACY NAUKOWEJ

Ziemia Kaszubska jest małą Ojczyzną Marceliny Grabskiej, Profesora nadzwyczajnego Uniwersytetu Gdańskiego. Urodziła się w Więzownie 10 kwietnia 1947 roku, a w Kościerzynie ukończyła Szkołę Podstawową (1960) i Liceum Ogólnokształcące (1964). Podjęła studia na filologii rosyjskiej w Wyższej Szkole Pedagogicznej w Gdańsku, uzyskując magisterium na Uniwersytecie Gdańskim w 1971 roku

Pracę zawodową jako nauczyciel języka rosyjskiego rozpoczęła w Szkole Podstawowej w Gniazdowie (1964/1965), kontynuując ją w szkołach zawodowych i podstawowych (1965–1968), Technikum Ekonomicznym w Kościerzynie (1968–1971) i Technikum Tworzyw Sztucznych w Gdyni (1971–1975).

W roku 1975 została zatrudniona w Instytucie Filologii Rosyjskiej na Wydziale Humanistycznym Uniwersytetu Gdańskiego i rozpoczęła pracę naukową w Zakładzie Metodyki Języka Rosyjskiego na stanowisku asystenta (1975–1977), starszego asystenta (1977–1982), adiunkta (1982–2001) i profesora nadzwyczajnego Uniwersytetu Gdańskiego (2001). Od 1993 roku pełni funkcję kierownika Zakładu Dydaktyki Języka Rosyjskiego (obecnie Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka), a w okresie 1999–2005 dyrektora Instytutu Filologii Słowiańskiej oraz 2008–2013 dyrektora Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej.

Na Uniwersytecie Gdańskim obroniła pracę doktorską na temat *Teoria i praktyka sprawności czytania rosyjskich tekstów specjalistycznych młodzieży technikum* (1981). Rozprawa składa się z dwóch części, z których pierwsza pt. *Teoretyczne podstawy nauki czytania tekstów specjalistycznych* przedstawia szeroko rozumianą specyfikę tekstów specjalistycznych, ich właściwości stylistyczne, leksyko-semantyczne i morfologiczne terminów, opisuje grupy syntaktyczne, specyfikę wypowiedzenia w planie aktualnego podziału zdania i prawidłowości struktury tekstu w świetle teorii lingwistyki tekstu. Ponadto rozpatruje umiejętności czytania w świetle teorii percepcji tekstu, a proces czytania traktuje jako akt komunikacji językowej, którego celem jest uzyskanie informacji zawartej w tekście. W części drugiej pt. *Kształtowanie umiejętności czytania ro-*

syjskich tekstów specjalistycznych w szkolnej praktyce prezentuje Autorka wyniki badań nad umiejętnością czytania (percepcji) tekstów specjalistycznych, przeprowadzonych wśród młodzieży technikum i liceum ogólnokształcącego. Istotę tego procesu stanowią zarówno rozumienie leksyki, jak i rozumienie informacji zawartych się w tekstach rosyjskojęzycznych.

Marcelina Grabska, świadoma dalszego poszerzania i pogłębiania wiedzy, przywiązuje wielką wagę i do nieprzerwanego procesu kształcenia, i systematycznego procesu samokształcenia. Odbywa więc staże naukowe w Instytucie Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego (1978), Instytucie Języka Rosyjskiego im. A. S. Puszkina w Moskwie (1980 i 1989), Uniwersytecie Szczecińskim (1983), Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu (1987), podczas których ma możność poznania charakteru prac naukowo-badawczych prowadzonych w wymienionych ośrodkach akademickich.

Przedmiotem Jej własnej eksploracji podczas odbywania staży były następujące zagadnienia: 1) skonkretyzowanie problematyki badawczej w zakresie czytania rosyjskojęzycznych tekstów specjalistycznych i przeprowadzenie badań empirycznych w szkołach średnich, 2) przygotowanie koncepcji pracy doktorskiej, uwzględniającej psychologiczne teorie percepcji i rozumienia informacji tekstowych oraz 3) wyjaśnianie kwestii domysłu językowego i słownika potencjalnego.

W latach 1990–1994 odbyła staż habilitacyjny w Instytucie Języka Rosyjskiego im. A.S. Puszkina w Moskwie, gdzie habilitowała się w 1994 roku na temat *Rosyjskojęzyczny słownik potencjalny w świadomości językowej Polaków (badania teoretyczne i empiryczne)*. Przedmiotem tej rozprawy jest rosyjski słownik potencjalny Polaków, a w szczególności prezentowanie i interpretowanie psycholingwistycznych mechanizmów rozpoznawania nieznanych słów oraz lingwistycznych uwarunkowań ich semantyzacji. Autorka rozpatruje formalno-semantyczne właściwości rosyjskich i polskich słów pochodnych, wieloznacznych, zapożyczeń itp. w procesie ich semantyzacji przez polskiego odbiorcę, a także dokonuje klasyfikacji słów na podstawie kryterium łatwości/trudności ich semantycznego dekodowania. Na uwagę zasługuje uściślenie kryteriów klasyfikacji słów słownika potencjalnego oraz na prześledzenie psychologicznych mechanizmów rozpoznawania nieznanych słów, co w konsekwencji pozwoliło na opracowanie psycholingwistyczngo modelu, uwzględniającego tzw. uniwersalne (głęboka predykacja, probabilistyczna prognoza, kontrola itd.) i indywidualne (asocjacje, subiektywna intropatia, wybór jednostki identyfikacyjnej i in.) mechanizmy świadomości językowej.

Dociekliwość badawcza i prace naukowo-badawcze Profesor Marceliny Grabskiej skupiają się na wybranych zagadnieniach glottodydaktycznych, lingwistycznych i psycholingwistycznych.

W dziedzinie glottodydaktyki zajmuje się problematyką nauczania języka rosyjskiego jako obcego w szkole średniej (technikum), w szczególności zaś sprawnościami i umiejętnościami czytania tekstów w języku ojczystym i obcym, czytaniem jako aktu komunikacji, opanowaniem leksyki obcojęzycznej i leksykograficznymi zagadnieniami glottodydaktyki.

Z kręgu lingwistyki tekstu wybiera i rozpatruje następujące kwestie: specyfikę stylu naukowego, aktualny podział zdania, kwantyfikatywne właściwości leksyki i tekstu, historyczne rosyjsko-polskie międzyjęzykowe oboczności, słowotwórcze modele, przejścia semantyczne i rosyjsko-polskie paralele leksykalne oraz zbiory rozmyte.

Na gruncie psycholingwistyki rozważa aspekty czytania, specyfikę rozumienia nieznanej leksyki obcojęzycznej, pojęcie domysłu językowego i domysłu kontekstowego, określa asocjacyjny rosyjskojęzyczny słownik potencjalny Polaków, asocjacje leksykalne wyrażenia osobowości, socjo- i psycholingwistyczne aspekty Ja-koncepcji, asocjacyjny obraz konceptów: kobieta i mężczyzna.

Wyróżnić należy aktywność naukową, dydaktyczną i organizacyjną Profesor Marceliny Grabskiej.

Na Jej dorobek naukowy składają się: 10 książek (w tym 1 autorska monografia w języku obcym, 1 podręcznik i 8 redakcji naukowych tomów), 55 artykułów (28 w języku obcym), referaty na konferencjach (ponad 40, w tym 8 zagranicznych), recenzje prac doktorskich i habilitacyjnych (6), redakcje czasopism (3), recenzje wydawnicze (15), raporty i ekspertyzy (15) oraz realizacja 11 grantów. Wypromowała 4 doktorów, około 300 magistrów i ponad 50 licencjatów. Uczestniczyła w zagranicznych, międzynarodowych i ogólnopolskich konferencjach/sympozjach/kongresach: Rzeszów 1976, 1986, 1987, 1989; Olsztyn 1985; Sosnowiec 1987; Wrocław 1987; Gdańsk 1988, 2000, 2003, 2006, 2012; Magdeburg 1989; Moskwa 1990, 1996; Poznań 1990, 1992, 1997, 1999; Bydgoszcz 1997; Opole 1994, 2004; Białystok 1994, 1996; Ałuszta 1995; Pecs 1996; Gdańsk — Jurata 1995; Grodno 1997, 1998; Gdańsk — Łączyno 1998; Kielce 1995, Warszawa 1997, 1997; Szczecin 2000; Gdańsk — Stawiska 2001; Gdańsk — Ryn 2002; Gdańsk — Garczyn 2003, Gdańsk — Jastrzębia Góra 2008.

Jest członkiem Charkowskiego Towarzystwa Leksykograficznego, Rady Kościerskiej Fundacji Nauki i Kultury, przewodniczącą Komitetu Redakcyjnego *Z Ziemi Kościerskiej. Zeszyty Regionalne*, członkiem Zespołu Redakcyjnego almanachu *Побережье. Русско-польские образовательные и культурные связи* (Kaliningrad 2011), założycielem i przewodniczącą Rady Naukowej czasopisma *Studia Rosssica Gedanensia*; była członkiem Zespołu Oceniającego Uniwersyteckiej Komisji Akredytacyjnej — specjalność: filologia rosyjska (2001–2002).

Odbywała i prowadzi na Uniwersytecie Gdańskim zajęcia z metodyki nauczania języka rosyjskiego, proseminarium i seminarium magisterskie oraz zajęcia konwersatoryjne z glottodydaktyki, psycholingwistyki i leksykografii, seminarium doktoranckie, wykłady monograficzne z glottodydaktyki, teorii tekstu, teorii przekładu, zagadnień lingwistyki stosowanej, seminarium dyplomowe licencjackie, zajęcia z informatyki dla humanistów.

Współuczestniczy na Wydziale Filologicznym Uniwersytetu Gdańskiego w organizacji *Szkoły Polsko-Rosyjskiej* wraz z Urzędem Miejskim w Gdańsku i Uniwersytetem Warszawskim (2011).

Bierze udział w pracach Zespołu Kierunkowego Filologii Rosyjskiej Centralnego Ośrodka Metodycznego Studiów Nauczycielskich przy Wyższej Szkole Pedagogicznej w Krakowie (1985–1986), a także w kursie podwyższenia kwalifikacji nauczycieli rusycystów w Instytucie Języka Rosyjskiego im. A. S. Puszkina w Moskwie (1988).

W ramach współpracy z Państwowym Uniwersytetem im. Immanuela Kanta w Kaliningradzie uczestniczyła w przygotowaniu i przeprowadzeniu edycji konkursu *Dyktando* z języka rosyjskiego, Międzynarodowej Olimpiady Języka Rosyjskiego, Literatury i Kultury Rosji, organizacji Międzynarodowej Konferencji Naukowej na temat *Region Bałtycki: mit w literaturze i kulturze* (Gdańsk — Kaliningrad 2010), opracowaniu, edycji i redakcji zbioru artykułów: *Побережье: русско-польские образовательные и культурные связи* (*Wybrzeże: stosunki rosyjsko-polskie w zakresie edukacji i kultury*, Kaliningrad 2011).

Przygotowała zbiór materiałów naukowo-dydaktycznych w wersji elektronicznej (zajmujący ponad 1000 GB) na potrzeby Instytutu; są to filmy dokumentalne (historyczne, kulturoznawcze, publicystyczne, edukacyjne itp.), filmy rosyjskie (klasyka i współczesność), muzyka rosyjska (klasyczna i popularna), audycje radiowe (reportaże, spektakle, edukacyjne), audio-książki, e-biblioteki (teksty literackie, publicystyczne, naukowe itp.), a także opracowała filmy dydaktyczne do przedmiotu *Informatyka dla humanistów* (*Korpusy języka polskiego* i *Korpusy języka rosyjskiego*).

Docenić trzeba Jej prace w przygotowaniu umów międzynarodowych o współpracy naukowo-dydaktycznej z Zakładem Dydaktyki Języka Rosyjskiego, Instytutem Języka Rosyjskiego im. A.S. Puszkina w Moskwie i Instytutem Filologii Słowiańskiej UG, Katedrą Językoznawstwa Ogólnego i Słowiańskiego Państwowego Uniwersytetu Grodzieńskiego im. Janki Kupały i Zakładem Dydaktyki Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego, Państwowym Charkowskim Uniwersytetem Politechnicznym i Zakładem Dydaktyki Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Słowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego.

Organizuje i współorganizuje międzynarodowe sympozja, konferencje i seminaria: *Лингвистические, психологические и педагогические основы интенсификации обучения русскому языку студентов-славаян* (Gdańsk 1988), *Aktualne problemy nauczania języka rosyjskiego* (Gdańsk 1993), *Problemy glottodydaktyki i zmiany językowe we współczesnym języku rosyjskim* (Gdańsk 1994), *Współzależność języków słowiańskich (aspekt lingwistyczny i glottodydaktyczny)* (Jurata 1995), *Zasady nauczania komunikatywnego w programach nauczania języka rosyjskiego studentów-filologów* (Gdańsk 1998), *Leksyka w komunikacji językowej* (Gdańsk — Łączyno 1998), *Socjolingwistyczna sytuacja języka rosyjskiego w Ukrainie* (Gdańsk 1998), *Pozycja języka rosyjskiego w byłym ZSRR i na świecie* (Gdańsk 1999), *Leksyka w komunikacji językowej II* (Gdańsk — Stawiska 2001), *Akredytacja, standardy, organizacja studiów rusycystycznych Polsce II*, (Gdańsk — Garczyn 2003), *Leksyka w komunikacji językowej III* (Gdańsk — Jastrzębia Góra 2008), *Specyfika nauczania języka obcego (rosyjskiego) w różnych środowiskach narodowo-kulturowych* (Gdańsk 2010).

Z wyszczególnionych danych i ich charakterystyk jawi się obraz osiągnięć naukowych, zaangażowania dydaktycznego oraz dokonań organizacyjnych Profesor Marceliny Grabskiej na rzecz Uniwersytetu Gdańskiego. W pracy naukowo-badawczej daje się poznać jako wnikliwy pracownik akademicki, Jej zajęcia dydaktyczne cechują się kreatywnością i wywołują zainteresowanie wśród studentów. W podejmowaniu zadań i wykonywaniu powinności organizacyjnych widać skrupulatność i precyzję. Takim postępowaniem zaskarbiła sobie powszechne uznanie i należny szacunek.

Szanownej Jubilatce i Drogiej Pani Profesor wyrażamy serdeczną wdzięczność za trud, który nie poszedł na marne, za owocny wysiłek umysłowy i fizyczny słowami szczerych życzeń.

Plurimos annos ... plurimos!

MARIAN SZCZODROWSKI
Profesor Emeritus, Uniwersytet Gdański, Polska
e-mail: m.szczodrowski6@upcpoczta.pl

JUBILEUSZ 40-LECIA PRACY DYDAKTYCZNEJ MAGISTER TERESY SZYMANIK

Magister Teresa Szymanik, z wykształcenia filolog rusycystka, glottodydaktyk, metodyk, pedagog, urodziła się 8 września 1949 roku w Szerszuliszkach na Wileńszczyźnie, w majątku szlacheckim rodu herbu litewskiego Komar. Tam też uczęszczała do polskiej szkoły. Na Pomorze przybyła wraz z rodziną w końcu lat 50. na fali przesiedleń ludności polskiej z Kresów Wschodnich. Magisterium uzyskała w Uniwersytecie Gdańskim w 1972 roku, broniąc pracy *Analiza i ocena* wzorców *gramatyczno-składniowych w podręcznikach dla klas I–IV liceum ogólnokształcącego*, napisanej pod kierunkiem znanego glottodydaktyka, jednego z nestorów metodyki nauczania języka rosyjskiego — prof. dra hab. Ludwika Grochowskiego. W tym samym roku rozpoczęła karierę dydaktyczną w szkolnictwie szczebla średniego w Gdańsku, gdzie z sukcesem nauczała języka rosyjskiego licealistów oraz uczniów prestiżowych techników (zasadniczo X Liceum Ogólnokształcącego i Zespołu Szkół Morskich).

Jako nauczyciel akademicki Magister Teresa Szymanik w Uniwersytecie Gdańskim przepracowała 40 lat. W 1974 roku została zatrudniona w Zakładzie Metodyki Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Rosyjskiej na Wydziale Humanistycznym Uniwersytetu Gdańskiego na stanowisku asystenta (1974–1977). Następnie była kolejno na stanowiskach: starszego asystenta (1977–1981), wykładowcy (1981–1986), starszego wykładowcy (1986–2014). Ostatnie dwie dekady pracowała w Zakładzie Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka kierowanym przez prof. UG dr hab. Marcelinę Grabską, z czasem przekształconym w Katedrę.

Zanim Jubilatka całkowicie poświęciła się dydaktyce akademickiej, całą swą energię skierowała na rozwój naukowy. W planach miała przygotowanie rozprawy doktorskiej nt. edukacji w zakresie języka rosyjskiego w polskim systemie oświaty obejmującym szkoły dziesięcioletnie. Niestety, zebrane przez Nią materiały naukowo-metodyczne nie doczekały się stosownej aplikacji, bowiem ówczesny proces dynamicznego wdrażania nowego systemu edukacyjnego został niespodziewanie zaniechany, niwecząc włożony weń wieloletni trud Doktorantki.

Magister Teresa Szymanik doskonaliła się na polu naukowym i zawodowym. W latach 1979–1980 odbyła staż naukowy pod kierunkiem prof. dra hab. Fraciszka Gruczy w Instytucie Lingwistyki Stosowanej w Uniwersytecie Warszawskim. Występowała z wieloma referatami naukowymi, uczestnicząc aktywnie w konferencjach, m.in. w Sesji Naukowej z okazji X-lecia Rusycystyki Gdańskiej (Gdańsk 1974), III Międzynarodowym Kongresie MAPRYAL (Warszawa 1975), Konferencji Metodologicznej *Teoria i Praktyka nauczania języka rosyjskiego* (Kielce 1980); wielokrotnie brała też udział (w latach 1976–1986) w konferencjach metodycznych dla nauczycieli języka rosyjskiego, organizowanych na terenie województwa gdańskiego przez Ośrodek Doskonalenia Nauczycieli, regularnie wygłaszając dla tegoż grona referaty i efektywnie integrując środowisko. Jubilatka opublikowała kilka artykułów naukowych (m.in. w takich uznanych branżowych czasopismach naukowych, jak „Przegląd Rusycystyczny", „Język Rosyjski", oraz w tomach pokonferencyjnych). Jest Ona także autorką lub współautorką (współpraca z Marceliną Grabską) szeregu prac, analiz i ekspertyz, dotyczących tendencji rozwojowych programów nauczania języka rosyjskiego w szkole podstawowej i średniej, organizacji procesu dydaktycznego w budynku szkolnym, analizy i modelu pomieszczeń do nauczania języków obcych, opracowań poświęconych wzorcowym programom modeli podręczników języka rosyjskiego jako obcego na poziomie licealnym etc. Opracowywała i modyfikowała programy nauczania języka rosyjskiego na różnych etapach, zarówno dla potrzeb akademickich, jak i instytucji oświatowych niższego szczebla. Opiniowała niejednokrotnie materiały dydaktyczne, m.in. *Książkę nauczyciela do podręcznika A. Machalskiej: Русский язык dla klasy III liceum ogólnokształcącego* autorstwa Mieczysława Dziekońskiego (Warszawa 1974).

W kręgu zainteresowań Magister Teresy Szymanik — już dojrzałego filologa — znalazł się także przekład archiwalny. Podjęła się Ona (wspólnie z dr Elżbietą Skupińską-Dybek) niełatwego zadania, a mianowicie przekładu dawnych *Akt biskupa Edwarda Aleksandra Władysława hrabiego O'Rourke w Rosyjskim Państwowym Archiwum Historycznym w Sankt Petersburgu*, finalnie opracowanych przez proboszcza Bazyliki Mariackiej w Gdańsku — ks. infułata Stanisława Bogdanowicza. Książka ta ujrzała światło dzienne w 1999 roku w Pelplinie, w uznanym Wydawnictwie Diecezji Pelplińskiej „Bernardinum". Tłumaczone dokumenty związane były z niezwykłą postacią ks. Edwarda O'Rourke'go — polskiego biskupa rzymskokatolickiego, hrabiego rosyjskiego, administratora apostolskiego Wolnego Miasta Gdańska (1922–1926), biskupa diecezjalnego gdańskiego (1926–1938). Tym samym — poprzez przekład cennych zagranicznych akt archiwalnych — Pani Szymanik istotnie przyczyniła się do rozwoju nauki polskiej w kilku jej obszarach: historiografii (dzieje Gdańska), historii Kościoła polskiego, w szczególności gdańskiego, archiwistyki i biografistyki, a także do popularyzacji dokonań zeń związanych.

Magister Teresa Szymanik nigdy nie zaniedbywała obowiązków metodyka-praktyka. Regularnie podejmowała prace na rzecz Punktu Konsultacyjnego dla Nauczycieli Języka Rosyjskiego w Gdańsku, Sopocie i Gdyni, pełniła funkcję konsultanta ds. metodyki w ramach kursu języka rosyjskiego dla dorosłych zorganizowanego przez Klub Międzynarodowej Prasy i Książki w Gdańsku. Od początku swego zatrudnienia aż do momentu przejścia na zasłużoną emeryturę, co nastąpiło z niniejszym rokiem akademickim, Magister Teresa Szymanik była głównym organizatorem i kierownikiem

praktyk pedagogicznych (nauczycielskich) w Instytucie Filologii Rosyjskiej/Słowiańskiej w Uniwersytecie Gdańskim. Trzeba podkreślić, iż funkcja ta była niezmiernie odpowiedzialna, czaso- i pracochłonna, momentami wręcz katorżnicza. Było to zajęcie wymagające od koordynatora anielskiej zgoła cierpliwości, profesjonalizmu, zmysłu organizacyjnego, umiejętności pracy w zespole, otwartości, a także — kultury i taktu. Pani Szymanik ze stoickim spokojem, zdarłszy niejedne damskie obcasy, przemierzała setki kilometrów po całym województwie gdańskim, potem pomorskim, niekiedy wędrując nawet aż na Warmię, by dotrzeć do — niegdyś bardzo licznej — braci studenckiej, młodych adeptów zawodu. Gorliwie sprawdzała tysiące kart studenckich konspektów i dzienników praktyk, indywidualnie i z szacunkiem ustosunkowując się do każdego zdania ich autorów. W nie zawsze wdzięczną rolę wizytatora Pani Teresa angażowała się w najwyższym stopniu i z wielką pasją, co było zauważane nie tylko przez innych nauczycieli, ale też władze poszczególnych placówek szkolnych na terenie województwa gdańskiego, w których te praktyki odbywały się. Świadectwem uznania dla trudu ponoszonego przez Magister Szymanik, postrzeganej jako wyjątkowo utalentowany i taktowny metodyk i nauczyciel, były liczne listy z podziękowaniami za rzetelną i efektywną współpracę kierowane do samej Organizatorki oraz władz Jej macierzystego Instytutu. Wielokrotnie też była Ona egzaminatorem podczas egzaminów wstępnych na kierunek filologia rosyjska w macierzystym Instytucie, tworząc sympatyczną aurę.

Teresa Szymanik zawsze przejawiała dużą aktywność na niwie zawodowej, co wypływało z Jej poczucia obowiązku, misji społecznej, charakterystycznej dla „cechu", jaki reprezentowała. Przez okres niespełna dwóch kadencji (lata 90) pełniła ważną funkcję przewodniczącej Oddziału Gdańskiego Polskiego Towarzystwa Rusycystycznego, co świadczy o uznaniu i szacunku środowiska rusycystycznego. Swego czasu była członkiem Towarzystwa Przyjaźni Polsko-Radzieckiej oraz Związku Nauczycielstwa Polskiego. Obecnie należy do NZZ „Solidarność".

Teresa Szymanik była zawsze cenionym pracownikiem, dydaktykiem, metodykiem. W Instytucie Filologii Rosyjskiej, później przemianowanym na Instytut Filologii Słowiańskiej, ostatecznie — Wschodniosłowiańskiej, prowadziła — niezwykle kompetentnie, rzetelnie i z sukcesem — zajęcia z metodyki nauczania języków obcych oraz praktycznej nauki języka rosyjskiego. Wyspecjalizowała się w nauczaniu języka rosyjskiego na I roku studiów filologicznych w grupach rozpoczynających naukę od poziomu zerowego. Jej zajęcia były starannie przygotowane pod względem metodycznym, wzbogacane własnymi materiałami dydaktycznymi i oparte na programach autorskich. Do swych obowiązków nauczyciela akademickiego Jubilatka podchodziła niezwykle odpowiedzialnie, skrupulatnie, ale też z zamiłowaniem. Zdobyte w szkole cenne doświadczenie dydaktyczno-metodyczne, a także — co niebagatelne — psychologiczne i komunikacyjne (dobry kontakt z młodzieżą) zagwarantowało wysoką efektywność zajęć w tym złożonym, napiętnowanym różnorakimi trudnościami, procesie nauczania języka rosyjskiego od podstaw w audytorium akademickim. Jej dzieło i fachowość były przez lata doceniane zarówno przez studentów, jak i samych przełożonych. Godzi się wspomnieć o niebywałej wręcz życzliwości i empatii, jaką Jubilatka zawsze obdarzała swoich podopiecznych, także na późniejszych etapach ich drogi zawodowej — większa część młodszej kadry naukowo-dydaktycznej, tworzącej nasz

Instytut w obecnym kształcie, przewinęła się przez szkołę Pani Magister Szymanik; po dziś dzień śmiało udajemy się do Niej po radę, i to nie tylko natury *stricte* metodycznej.

W języku łacińskim *magister* znaczy 'mistrz, nauczyciel'. Pani Magister Teresa Szymanik była — i jest nadal — naszą Mistrzynią. Z czasów studenckich zapamiętałam Ją jako doskonałego, o szlachetnym obliczu wykładowcę, metodyka i glottodydaktyka; zapamiętałam wzorcową postawę Osoby hospitującej zajęcia prowadzone w ramach szkolnych praktyk — ogromnie przyjaznej, empatycznej, chętnie służącej swą wiedzą i doświadczeniem, a ponadto wyjątkowo pięknie i promieniście uśmiechniętej. Piszę te słowa z perspektywy już 30 lat, jakie upłynęły od momentu pierwszego kontaktu z Mistrzynią. Teraz, gdy stałam się Jej młodszą koleżanką i współpracownikiem, miałam zaszczyt poznać Ją bliżej. Odkryłam w Niej niezmierzone pokłady emanującej pozytywnej energii, moralności, dobroci, serdeczności i szczerej chęci niesienia pomocy innym w sytuacjach życiowych trudnych, silnie stresujących. W moich — a zapewne nie tylko moich — oczach jest Wielką Humanistką, troszczącą się o potrzeby, godność i rozwój drugiego człowieka. Jest świetnym Belfrem, do którego obecności w murach naszej *Alma Mater* będziemy tęsknić. Uwielbiamy Jej specyficzny, lekko kresowy akcent, charakterystyczny dla wileńskich elit intelektualnych.

Reasumując, do szczególnych zasług Pani Magister Teresy Szymanik należy zaliczyć Jej sumienną i owocną pracę z wieloma pokoleniami rusycystów, zaangażowanie w ich rozwój, istotny dorobek metodyczno-pedagogiczny, a także wieloletnią służbę prowadzoną w Uniwersytecie Gdańskim i instytucjach oświatowych na terenie województwa gdańskiego.

Za osiągnięcia dydaktyczne Magister Teresa Szymanik trzykrotnie otrzymała Nagrodę Rektora Uniwersytetu Gdańskiego (1976, 1981, 1989). W 2008 roku została odznaczona przez Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej Medalem Złotym za Długoletnią Służbę.

Szanownej Jubilatce składamy życzenia wszelkiej pomyślności!

Ad multos annos!

KATARZYNA WOJAN
Uniwersytet Gdański
Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: finkw@univ.gda.pl

СЛОВО О РУССКОМ ДИКТАНТЕ

По инициативе директора Института восточнославянской филологии проф. Марцелины Грабской в 2007 году в Гданьском университете открылся новый проект, адресованный лицеалистам Поморского воеводства, изучающим русский язык. Проект получил название *Диктант по русскому языку* (Русский диктант) и очень быстро вырос в циклическое мероприятие, к участию в котором со временем подключились и студенты. В настоящее время Диктант проводится в двух группах — лицеалистов и студентов. Проект с самого начала был рассчитан на сотрудничество двух вузов — Гданьского университета и Балтийского федерального университета им. И. Канта (Калининград). Основным организатором мероприятия, при поддержке руководства Гданьского университета и Института восточнославянской филологии, стала Кафедра прагматики коммуникации и аквизиции языка (ГУ), соорганизатором — Кафедра славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта.

Мероприятие носит конкурсный характер, лауреаты получают ценные награды и дипломы. Участие в организации призов для лауреатов принимают руководство Гданьского университета, Консульство РФ в Гданьске, Российский центр науки и культуры (РЦНК) в Гданьске, польские издательства языкового и образовательного профиля.

За годы существования Конкурса его подготовкой занимались многие преподаватели Кафедры прагматики коммуникации и аквизиции языка: мгр Люцина Щуковска, к.ф.н. Катажина Вондоловска-Леснер, мгр Малгожата Мартишевска, к.ф.н. Татьяна Копац, к.ф.н. Иоанна Мампе. С российской стороны в проведении диктанта участвовали к.ф.н. Наталья Лихина, д.ф.н. Наталья Бабенко, к.ф.н. Татьяна Цвигун, к.ф.н. Ирина Лукьяненко, к.ф.н. Ольга Вертинская — все они сотрудники Кафедры славяно-русской филологии БФУ им. И. Канта.

Диктант по русскому языку (Русский диктант) стал для участников праздником русского слова, возможностью заглянуть на золотые страницы русской литературы и попробовать свои силы в русской орфографии и грамматике на примере шедевров. По традиции подбором текстов для диктанта занимаются преподаватели из Калининграда. Обычно такие тексты бывают связаны с какой-либо годовщиной из мира литературы. Например, в последние годы конкурсанты отметили юбилеи двух книг Ивана Тургенева (150-летие романа *Отцы и дети* и 160-летие *Записок охотника*), а также 200-летие со дня рождения Михаила Лермонтова. Написание диктанта предваряется просмотром пре-

зентаций, знакомящих участников обеих групп с выбранным сочинением или автором, что несомненно помогает сосредоточиться на характерной лексике и особенностях языка конкретного писателя.

Конкурс сопровождается фото- и книжными выставками, концертами, показами кинофильмов. Молодежь имеет дополнительную возможность соприкоснуться с русским языком в общекультурном контексте.

Заинтересованность Диктантом с течением лет значительно возросла. В 2007 году в мероприятии прияли участие 60 учащихся трёхградских лицеев, а в 2014 участников было в три раза больше, включая студентов не только русской филологии, но и россиеведения. Для многих лицеалистов Диктант стал решающим моментом в выборе направления дальнейшей учебы, что свидетельствует о важности данного мероприятия для промоции Института восточнославянской филологии, а в конечном итоге — Гданьского университета.

В 2016 году Русский диктант отметит свое десятилетие. Это лучшее свидетельсто притягательности мероприятия для всех заинтересованных русским языком, литературой и культурой. Мы надеемся, что вложенные в процесс организации Конкурса усилия не останутся напрасными, и инициатива проф. М. Грабской и далее будет собирать единомышленников под крылом Института восточнославянской филологии.

TATIANA KOPAC
Uniwersytet Gdański, Polska
Uniwersytet Gdański
Wydział Filologiczny, Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej
Katedra Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka
ul. Wita Stwosza 55, 80-952 Gdańsk, Polska
e-mail: tankop@wp.pl

О AUTORACH
ОБ АВТОРАХ
ABOUT AUTHORS

O AUTORACH

FRANCISZEK APANOWICZ

Prof. zw. dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; prof. senior Uniwersytetu Gdańskiego; historyk i krytyk literatury rosyjskiej, autor pierwszych w Polsce monografii o Michaile Priszwinie i Warłamie Szałamowie oraz wielu artykułów o poezji rosyjskiej XX wieku, teoretyk i praktyk przekładu literackiego; członek Komitetów Redakcyjnych czasopism naukowych („Przegląd Rusycystyczny", „Acta Neophilologica", „Русское обозрение", „Studia Rossica Gedanensia", „Слово.ру.Балтийский акцент", „Литературные знакомства"), członek Komisji Przekładoznawczej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów w Ljubljanie (od 2003 roku); członek prezydium Komitetu Słowianoznawstwa PAN (od 2011 roku); aktywny uczestnik regionalnego życia kulturalnego. B. dyrektor Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego (2004–2007); b. prodziekan ds. studiów zaocznych Wydziału Historyczno-Filologicznego (1999–2005) oraz b. prodziekan ds. kształcenia Wydziału Filologicznego Uniwersytetu Gdańskiego (2008–2011). Dorobek obejmuje 8 książek, 100 artykułów naukowych, popularnonaukowych i publicystycznych, artykuły z dziedziny historii literatury rosyjskiej, przekładu literackiego i poetyckiego oraz własną twórczość literacką (11 wierszy). Najważniejsze monografie to *Zagadnienia poetyki „powieści-bajki" Michała Priszwina* (Wrocław 1988), *„Nowa proza" Warłama Szałamowa. Problemy wypowiedzi artystycznej* (Gdańsk 1996/1998), *Образы России и Европы в прозе и дневниках Михаила Пришвина* (Katowice 2002), *Polsko-rosyjski słownik wyrazów obcych* (współautor Bogdan Nesterowicz, Gdańsk 2005). Laureat Nagrody Literackiej Wojewody Gdańskiego (1997) i kilku nagród rektorskich, w tym za całokształt osiągnięć naukowych, dydaktycznych i organizacyjnych (2014).

ANNA BEDNARCZYK

Prof. dr hab. nauk humanistycznych, przekładoznawstwo, literaturoznawstwo. Kierownik Zakładu Literatury i Kultury Rosyjskiej Uniwersytetu Łódzkiego. Badaczka kulturowych aspektów przekładu, przede wszystkim tłumaczenia melicznego oraz powiązań między asocjacjami a decyzjami i dominantami tłumacza, a także rosyjskiej poezji współczesnej. Autorka ponad 100 publikacji naukowych, w tym 6 książek, m.in.: *Wysocki po polsku. Problematyka przekładu poezji śpiewanej* (Łódź 1995), *Wy-*

bory translatorskie. Modyfikacja tekstu literackiego w przekładzie i kontekst asocjacyjny (Łask 2005), *W poszukiwaniu dominanty translatorskiej* (Warszawa 2008), *Поэзия Сибири на переломе эпох (очерки о романтике и политике)* (Łódź 2012) i jedynego w Polsce skryptu elektronicznego *Podstawy teorii przekładu* (Łódź 2009). Członek Komisji Przekładoznawczej Międzynarodowego Komitetu Slawistów. Członek redakcji i rad programowych kilku serii oraz czasopism naukowych, w tym „Między Oryginałem a Przekładem".

TATIANA V. CHERKES / ТАТЬЯНА ВЛАДИМИРОВНА ЧЕРКЕС / ТАЦЦЯНА УЛАДЗІМІРАЎНА ЧАРКЕС

Starszy wykładowca w Katedrze Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Lingwistycznych w Grodzieńskim Uniwersytet Państwowym im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś). Autorka szeregu artykułów z zakresu glottodydaktyki, m.in. *Трудности обучения научному стилю речи и конспектированию на этапе предвузовской подготовки* (2014), *Экскурсии как вид внеаудиторной деятельности в обучении РКИ* (2014).

LYUDMIL I. DIMITROV / ЛЮДМИЛ ИВАНОВ ДИМИТРОВ

Dr hab. nauk filologicznych, literaturoznawstwo; profesor w Katedrze Literatury Rosyjskiej Wydziału Filologii Słowiańskich w Uniwersytecie Sofijskim im. Św. Klemensa z Ochrydy (Bułgaria), specjalista w zakresie literatury rosyjskiej XIX wieku; wykładowca historii dramaturgii rosyjskiej XIX wieku i teatrologii w College'u Teatralnym im. L. Groysa (Theatrical College „L. Groys"). Wieloletni lektor języka bułgarskiego, literatury i kultury bułgarskiej w Uniwersytecie Lublańskim (Słowenia); doświadczenie zawodowe zdobyte w uniwersytetach w Nottingham (Wielka Brytania), w Weronie (Włochy), Uniwersytecie Łódzkim (Polska). Współtwórca programów magisterskich *Русская литература, культура и художественный перевод* и *Литература, кино и визуальная культура* na Uniwersytecie Sofijskim. Autor lub współautor wielu monografii, m.in. *„Четвероевангелие" от Пушкин. Опит за изучение на драматургичния цикъл „Малки трагедии"* (София 1999), *Да бъдеш шут в играта на съдбата. Руската драматургия от XIX век. Херменевтика на канона* (Sofia 2006), podręczników akademickich, m.in. *Руска литература XIX и XX век. Университетски учебник* (Płowdiw 2002), zbiorów prac i antologii, rozmówek *Slovensko-bolgarski in bolgarsko-slovenski priročnik* (Lublana 2010), ponad 250 artykułów naukowych i studiów, przekładów naukowych i literackich z języka rosyjskiego, angielskiego, słowiańskiego, serbskiego, chorwackiego. Uczestniczył w licznych międzynarodowych i narodowych projektach oraz ponad 60 forach związanych z literaturą, teatrem i kinematografią Rosji, Bułgarii i innych krajów słowiańskich. Publikuje w Rosji, Polsce, Czechach, Słowacji, Turcji, Włoszech, Serbii, Słowenii, Rumunii i in. Członek rzeczywisty Stowarzyszenia Tłumaczy Bułgarskich oraz bułgarskiego oddziału PEN Clubu.

YURY FEDORUSHKOV / ЮРИЙ ФЕДОРУШКОВ

Dr nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt w Zakładzie Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Rosyjskiej w Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Prowadzi badania w zakresie leksykologii współczesnej (neologizacja słownictwa rosyjskiego), leksykografii komputerowej (ekscerpcja danych z korpusów) oraz semantyki leksykalnej (graficzna wizualizacja danych). Autor monografii *Ekscerpcja wyrazów cudzysłowowych z tekstów prasy rosyjskiej* (Warszawa 2009), współautor kilku słowników, m.in. *Названия женщин. Дополнительный словарь* (Warszawa 2006), *Словарные агнонимы русского языка* (Warszawa 2007). Tłumacz języka polskiego i rosyjskiego.

SVETLANA A. GORSKAYA / СВЕТЛАНА АЛЬБЕРТОВНА ГОРСКАЯ / СВЯТЛАНА АЛЬБЕРТАЎНА ГОРСКАЯ

Dr nauk filologicznych, językoznawstwo; docent, zastępca kierownika Katedry Języka Rosyjskiego w Grodzieńskim Uniwersytet Państwowym im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś), metodyk. Interesuje się fonologią, leksykologią, lingwistyką kognitywną, dialektologią, komparatystyką. Autorka lub współautorka wielu prac, w tym podręczników: *Русский язык. Фонетика. Словообразование. Учебник для школ...* (Mińsk 1998), *Русский язык. Орфография. Пунктуация. Лексика и фразеология. Пособие для поступающих в вузы* (Grodno 2004), *Лексика. Фразеология. Лексикография. Практикум по курсу «Современный русский язык» для студентов* (Grodno 2009). Jako pierwsza na Wydziale Filologicznym (1996) zaimplementowała technologie innowacyjne do procesu dydaktycznego; współtwórczyni programu dydaktycznego do fonetyki. Aktywnie współpracuje z instytucjami upowszechniającymi naukę języka rosyjskiego.

ANTONINA M. GRIGORASH / АНТОНИНА МИХАЙЛОВНА ГРИГОРАШ

Dr nauk filologicznych, językoznawstwo; docent w Katedrze Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Obcej w Narodowym Uniwersytecie Pedagogicznym im. M.P. Dragomanowa w Kijowie (Ukraina). Autorka licznych prac poświęconych frazeologii rosyjskiej, także w aspekcie kontrastywnym, m.in. *Фразеология и стиль* (Kijów 1991), *Семантика фразеологии русского языка в сопоставлении с украинским* (Kijów 1991), *Структурный анализ фразеологии русского языка в сопоставлении с украинским. Учебное пособие* (Kijów 1992), *Фразеологические инновации в современной публицистике Украины (на материале русскоязычной и украиноязычной прессы 1990-х — 2000-х годов)* (Kijów 2008), *Филология с географией (на материале современной русскоязычной прессы Украины). Словарь географических перифраз* (Kijów 2012); współautorka podręczników: *Местоимение. Наречие. Служебные слова. Предлог, союз и частица. Междометие. Обобщение заданий по морфологии* (Kijów 2002), *Простое предложение. Главные и второстепенные члены предложения* (Kijów 2003).

VIKTOR V. HRYBKO / ВИКТОР ВИЛЬГЕЛЬМОВИЧ ГРИБКО / ВІКТАР ВІЛЬГЕЛЬМАВІЧ ГРЫБКО

Mgr, krajoznawca, nauczyciel Szkoły Średniej w Iwańsku (rejon czaśnicki, Białoruś); autor programu zajęć fakultatywnych z krajoznawstwa rejonu czaśnickiego i podręcznika dla szkół średnich *Наша Чашніччына* (Mińsk 2007) oraz monografii *Іванск і ваколіцы. Гісторыка-краязнаўчы нарыс* (Mińsk 2011).

LUCYNA KAPAŁA

Dr nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; emerytowany st. wykładowca w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej w Uniwersytecie Gdańskim. Zainteresowania naukowe — literatura rosyjska XIX i XX wieku, w szczególności twórczość M. Leskowa, A. Puszkina, A. Czechowa, A. Riemizowa, P.I. Mielnikowa-Pieczerskiego; zajmowała się także teorią literatury, rosyjską filozofią religijną, kulturą Rosji. Autorka monografii *Opowiadania i opowieści satyryczne Mikołaja Leskowa. Zagadnienia poetyki* (Wrocław 1986), redaktorka lub współredaktorka książek: *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku* (Gdańsk 1995), *Literatura rosyjska przełomu XIX i XX wieku. Poszukiwania, eksperymenty, re-wizje* (Gdańsk 2008), publikacje ok. 20 artykułów naukowych, m.in. w „Studia Rossica Posnaniensia", „Studia z Filologii Rosyjskiej i Słowiańskiej", „Przegląd Humanistyczny", „Scottish Slavonic Review", „Jews and Slavs", w tomie pokonferencyjnym *Anton P. Čechov — Philosophische und religiöse Dimensionen im Leben und im Werk* (München 1997).

TATIANA M. KOLYADICH / ТАТЬЯНА МИХАЙЛОВНА КОЛЯДИЧ

Dr hab. nauk filologicznych, literaturoznawstwo; profesor w Katedrze Literatury Rosyjskiej XX–XXI wieku i Dziennikarstwa w Państwowym Moskiewskim Uniwersytecie Pedagogicznym (Rosja). Autorka i współautorka ponad 180 prac naukowych i metodycznych, w tym monografii: *Воспоминания писателей XX века. Проблемы поэтики жанра* (Moskwa 1998), *Русский детский фольклор* (Moskwa 2003), *Русская проза конца XX века* (Moskwa 2005), *Образ Древней Руси в современной прозе* (Moskwa 2010), *Проза XXI века. От Аксенова до Глуховского* (Moskwa 2010), *Русская проза XXI века в критике* (Moskwa 2010/2013). Jej zainteresowania naukowe obejmują poetykę gatunku, prozę współczesną, folklor dziecięcy. Członek licznych stowarzyszeń, m.in. Związku Literatów Federacji Rosyjskiej, Związku Dziennikarzy FR, Międzynarodowej Federacji Dziennikarzy, Międzynarodowego Związku Tłumaczy i Związku Tłumaczy FR. Publikuje przekłady pod pseudonimem Sergey Fedorov (Сергей Федоров); przetłumaczyła 30 książek. Laureatka licznych nagród i konkursów naukowych, m.in. nagrody *Открытая книга России* (2011). Przejawia dużą aktywność ekspercką.

TATIANA KOPAC

Mgr muzykologii; dr nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; starszy wykładowca w Zakładzie Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej w Uniwersytecie Gdańskim; lektor Akademii Muzycznej im. S. Moniuszki w Gdańsku; członek Pracowni Badań Nad Akwizycją i Nauczaniem Ję-

zyków Obcych oraz Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej; redaktor Wydawnictwa Uniwersytetu Gdańskiego oraz „Studia Rossica Gedanensia". Zainteresowania naukowe — literatura rosyjska XIX–XX wieku, metafizyczny aspekt sztuki i kultury, historia i filozofia Rosji, idee w Rosji, dyskurs eseistyczny, relacja literatura — muzyka, język — muzyka, przekład tekstów z dziedziny humanistyki, leksyka specjalistyczna (kultura, sztuka, nauki społeczne). Autorka siedmiu publikacji naukowych, m.in. artykułów: *Миф Вагнера и Андрей Белый. Вариации на тему* (2008), *Музыка и речь* (2014); tłumaczka; posiada doświadczenie translatorskie w zakresie przekładu naukowego.

PIOTR KOPROWSKI

Dr nauk humanistycznych, historia; adiunkt w Instytucie Historii na Wydziale Historycznym Uniwersytetu Gdańskiego, członek Pracowni Historii Rosji i Europy Wschodniej; humanista, historyk idei, poeta. Zainteresowania naukowe — historia Kościoła rzymskokatolickiego (XX w.), rosyjska myśl społeczno-filozoficzna XIX wieku, polska i europejska myśl filozoficzna XX wieku, współczesna polska edukacja w kontekście przemian cywilizacyjno-kulturowych, psychologia humanistyczna. Autor około 40 prac naukowych, w tym monografii: *W kręgu romantyzmu. Kształtowanie się struktur światopoglądowych Iwana Turgieniewa* (Gdańsk 2008), *Pozytywista, ale jaki? Światopogląd Iwana Turgieniewa w latach 1848–1883* (Gdańsk 2009); publikował m.in. w Cambridge Scholars Publishing (*Homo Viator. Janusz Pasierb on East Central European Intellectual Identity, East Central Europe in Exile*. Vol. 1: *Transatlantic Migrations.* Ed. A. Mazurkiewicz. Newcastle upon Tyne 2013), na łamach czasopism: „Slavia Orientalis", „Przegląd Wschodnioeuropejski", „Studia Historica Gedanensia", „Studia Redemptorystowskie", „Ateneum Kapłańskie" i in. W 2014 roku debiut poetycki — tomik wierszy *Czekając na Słońce* (Pelplin 2014).

LUDMILA V. KUSHNINA / ЛЮДМИЛА ВЕНИАМИНОВНА КУШНИНА

Dr hab. nauk filologicznych, specjalność: teoria języka; profesor w Katedrze Języków Obcych, Lingwistyki i Przekładu w Permskim Narodowym Politechnicznym Uniwersytecie Badawczym (Rosja), translatolog i lingwosynergetyk; teoretyk i metodolog kształcenia zawodowego w zakresie przekładu oraz komunikacji międykulturowej; twórczyni szkoły naukowej — *współoddziaływanie języków i kultur w przestrzeni przekładowej — podejście gestaltowo-synergetyczne*; autorka pojęcia „czasoprzestrzeń przekładowa" (*переводческий хронотоп*). Problematyka badawcza: przekład jako system synergetyczny, pedagogika synergetyczna, teoria harmonizacji przekładu, ekologia przekładu, kognitywne aspekty przekładu, dyskurs translatoryczny, czasoprzestrzeń przekładowa jako sposób odzwierciedlenia przekładowego obrazu świata, relacje: język — kultura — osobowość, osobowość komunikacyjna tłumacza, harmonia międzykulturowa, harmonia w systemie oceny jakości przekładu ustnego. Autorka monografii: *Динамика переводческого пространства. Гештальтсинергетический подход* (Perm 2003), *Языки и культуры в переводческом пространстве* (Perm 2004), *Теория гармонизации. Опыт когнитивного анализа переводческого пространства* (Perm 2009), współautorka książek: *Основы межкультурной коммуни-*

кации. Учебное пособие для переводчиков (Perm 2009), *Практикум по лингвистическому анализу текста* (Perm 2009), *Синергетическая педагогика* (Perm 2011).

LUDMIŁA ŁUCEWICZ

Prof. zw. dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; kierownik Zakładu Kulturologii Wschodnioeuropejskiej w Instytucie Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego. Specjalizuje się w badaniach historii literatury rosyjskiej XVIII–XXI wieku; obiekt zainteresowań stanowią relacje między literaturą i filozofią rosyjską, sacrum w literaturze, psałterz jako źródło inspiracji poetyckiej, proza autobiograficzna, antropologia kultury. Autorka siedmiu monografii, dwóch podręczników, ponad 200 publikacji naukowych, m.in. *„Серебряный век" русской поэзии* (Kiszyniów 1994), *„Стихи мои, спокойно расскажите про жизнь мою…". Очерк жизни и творчества Сергея Есенина* (Kiszyniów 1995), *Псалтырь в ранней древнерусской книжности и литературе XVII в.* (Kiszyniów 2000), *Стихотворные переложения псалмов XVIII в.* (Kiszyniów 2001), *Стихотворные переложения псалмов последней трети XVIII в.* (Kiszyniów 2002), *Псалтырь в русской поэзии. Монография* (Sankt Petersburg 2002), *Русская псалтырная поэзия XVIII века. Стихотворные переложения псалмов* (Kiszyniów 2004), *Память о псалме. Sacrum/profanum в современной русской поэзии* (Warszawa 2009), *Ф.И. Дмитриев-Мамонов. Псалтирь, переложенная на оду* (oprac., słowo wstępne, komentarz; Sankt Petersburg 2006).

ALINA M. MELEROVICH / АЛИНА МИХАЙЛОВНА МЕЛЕРОВИЧ

Dr hab. nauk filologicznych, językoznawstwo; profesor w Katedrze Języka Rosyjskiego w Kostromskim Państwowym Uniwersytecie Pedagogicznym im. N.A. Niekrasowa (Rosja), kierownik laboratorium naukowego *Русская и сопоставительная фразеология и фразеография.* Autorka ponad 100 prac naukowych, m.in. *Проблема семантического анализа фразеологических единиц современного русского языка* (Jarosław 1979); znaczna część publikacji we współautorstwie z V.M. Mokijenko, m.in. *Фразеологизмы в русской речи. словарь* (Moskwa 1997), *Фразеологизмы в русской речи. Словарь* (Moskwa 2001), *Семантическая структура фразеологических единиц современного русского языка* (Kostroma 2008), *Современная русская фразеология (семантика-структура-текст)* (Kostroma 2011), *Фразеология в русской поэзии. Проспект учебного фразеологического словаря* (Kostroma 2013).

LEYLA YU. MIRZOEVA / ЛЕЙЛА ЮРЬЕВНА МИРЗОЕВА

Dr hab. nauk filologicznych, językoznawstwo, język angielski; profesor w Katedrze Pedagogiki i Dyscyplin Socjologicznych na Wydziale Jurysprudencji i Nauk Socjologicznych Uniwersytetu im. Süleymana Demirela w Ałmaty (Kazachstan). Autorka książki *Языковая оценочность как фактор перевода* (Saarbrücken 2012), w której podejmuje tematykę ewaluacji językowej jako kategorii lingwistycznej i przekładoznawczej oraz problematykę badawczą semantyki nacechowanej podczas preprzekładowej analizy tekstu. Obiekt badań stanowi lingwostylistyczna analiza tekstu oraz eksplikowany w przekładzie potencjał nacechowania jednostek językowych.

VALERIJ M. MOKIENKO / ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВИЧ МОКИЕНКО

Dr hab. nauk filologicznych, językoznawstwo; profesor w Katedrze Filologii Słowiańskiej na Wydziale Filologicznym Petersburskiego Uniwersytetu Państwowego (Rosja); b. dyrektor, a obecnie profesor Instytutu Slawistyki w Uniwersytecie im. Ernsta Moritza Arndta w Greifswaldzie (Niemcy); wykładowca na wielu światowych uniwersytetach; doctor honoris causa Uniwersytetu im. Palackiego w Ołomuńcu; inicjator i przewodniczący Komisji Frazeologicznej przy Międzynarodowym Komitecie Slawistów, członek licznych międzynarodowych i zagranicznych stowarzyszeń naukowych, m.in. European Society of Phraseology „Europhras"; popularyzator nauki; laureat licznych nagród; odznaczony wieloma medalami uczelni zagranicznych. Zainteresowania naukowe i pedagogiczne: slawistyka (rusycystyka, bohemistyka, ukrainistyka), etnolingwistyka, językoznawstwo porównawcze i dialektologia słowiańska, leksykologia i leksykografia ogólna i słowiańska, frazeologia i onomastyka, translatologia, frazeologia i paremiologia historyczno-etymologiczna. Autor lub współautor ponad 700 prac, w tym około 60 książek (monografii, słowników, podręczników), m.in. *В глубь поговорки* (Moskwa 1975 i nast. wyd.), *Чешский язык* (Leningrad 1978), *Славянская фразеология* (Moskwa 1980/1982), *Образы русской речи* (Leningrad 1986/1999), *Словарь русской бранной лексики (матизмы, обсценизмы, эвфемизмы с историко-этимологическими комментариями)* (Berlin 1995), *Фразеологизмы в русской речи. Словарь* (Moskwa 1997/1999), *Вместе. Russisch. Sekundarstufe II* (Berlin 1998), *Толковый словарь языка Совдепии* (Sankt Petersburg 1998/2005), *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник* (Sankt Petersburg 1998/2001/2005), *От Авося до Ятя. Почему так говорят? Справочник по русской идиоматике* (Sankt Petersburg 1998/2003), *Большой словарь русского жаргона* (Sankt Petersburg 2000), *Rosyjsko-polski słownik skrzydlatych słów* (Łask 2003), *Словарь сравнений русского языка* (Sankt Petersburg 2003); niektóre z nich przetłumaczone na język galicyjski. Redagował wiele znaczących monografii z teorii lingwistyki. Publikuje w prestiżowych czasopismach, m.in. „Вопросы языкознания", „Советское славяноведение" („Славяноведение"), „Филологические науки", „Русская речь", „Мовознавство", „Slavia", „Revue des Etudes Slaves", „La Langue Russe", „Russistik", „Proverbium".

BOLESŁAW MROZEWICZ

Dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; literatura i kultura fińska, historia literatury fińskiej; prof. nadzw. Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu oraz Wyższej Szkoły Techniczno-Humanistycznej „Kadry dla Europy" w Poznaniu, dydaktyk języka niemieckiego. Literaturoznawca, znawca XX-wiecznej prozy fińskiej; badacz twórczości Joela Lehtonena, Fransa Eemila Sillanpää, Väinö Linny, Paavo Rintali, Veijo Meriego i Sofi Oksanen. Teoretyk i praktyk przekładu artystycznego tekstów z języka fińskiego i niemieckiego na język polski oraz z języka polskiego na język niemiecki. Autor ponad 60 publikacji. W dorobku naukowym znajduje się m.in. monografia o micie (prostego) Fina w twórczości Johana Ludviga Runeberga, V. Linny i P. Rintali pt. *Obrachunek z mitem Fina w twórczości Väinö Linny i Paavo Rintali* (Poznań 2004), artykuły dotyczące wybranych zagadnień literatury fińskiej od XIX

po XXI wiek (publikacje w „Folia Scandinavica Posnaniensia") oraz liczne przekłady monografii historycznych z zakresu historii starożytnego Rzymu, historii Niemiec XIX i XX wieku na język niemiecki i język polski.

NATALIA G. MUZYCHENKO / НАТАЛЬЯ ГРИГОРЬЕВНА МУЗЫЧЕНКО / МУЗЫЧЭНКА НАТАЛЛЯ РЫГОРАЎНА

Dr nauk filologicznych, językoznawstwo; docent w Katedrze Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Lingwistycznych w Grodzieńskim Uniwersytecie Państwowym im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś), językoznawca, glottodydaktyk. Autorka artykułów naukowych z zakresu metodyki nauczania języka rosyjskiego. Praca doktorska nt. *Наименования рельефа местности в русском языке. Статика и динамика семантической структуры* (Grodno 2007).

ALESIA NARLOCH

Dr nauk humanistycznych, językoznawstwo, specjalność: komparatystyka słowiańska; b. lektorka języka białoruskiego w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Interesuje się funkcjonowaniem łacinki w języku rosyjskim i białoruskim; rozprawa doktorska nt. *Латиница в русском и белорусском письме* (Gdańsk 2012); autorka szeregu artykułów z zakresu grafemiki.

ANDRZEJ NARLOCH

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt habilitowany w Zakładzie Języka Rosyjskiego Instytutu Filologii Rosyjskiej w Uniwersytecie im. Adama Mickiewicza w Poznaniu, zastępca dyrektora Instytutu. Interesuje się zagadnieniami współczesnych tendencji rozwoju języka rosyjskiego oraz polsko-rosyjskich kontaktów językowych w aspekcie porównawczym. Autor monografii: *Активизация субстантивных предложных словосочетаний в современном русском языке* (Poznań 2011) i *Цветообозначения в русском и польском языках. Структурно-семантический, терминологический и когнитивный аспекты* (Poznań 2013). Tłumacz języka polskiego i rosyjskiego w zakresie przekładu tekstów technicznych. Prowadzi m.in. warsztaty tłumaczeniowe dla studentów.

GRZEGORZ OJCEWICZ

Dr hab. nauk humanistycznych, literaturoznawstwo, historia Średniowiecza; b. prof. nadzw. Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie i Wyższej Szkoły Policji w Szczytnie. Filolog śledczy, znawca życia i twórczości Iwana Bunina, Sergiusza Jesienina, św. Matki Marii z Paryża; literaturoznawca, badacz XX-wiecznej emigracji rosyjskiej. Teoretyk i praktyk przekładu artystycznego oraz specjalistycznego (policyjno-prawniczego). Autor ponad 360 publikacji. W dorobku naukowym znajduje się m.in. nowatorska monografia o Jarosławie Mogutinie *Skazani na trwanie* (Olsztyn 2007) oraz przekład tomu poetyckiego Borysa Popławskiego *Automatyczne wiersze* (Olsztyn 2009). Pomysłodawca i współautor nagrodzonej przez MSWiA książki z obszaru filologii śledczej *Zabójstwo Sergiusza Jesienina* (Szczytno 2009). Członek Polskiej Akademii Nauk. Redaktor naczelny czasopisma naukowego „Acta Neophilologica"

(2005–2013). Współredaktor i współautor olsztyńskiej serii naukowej „Luminarze Rosyjskiej Emigracji".

SIARHEI A.PADSASONNY

Dr nauk humanistycznych, literaturoznawstwo; adiunkt w Zakładzie Kulturoznawstwa Stosowanego Instytutu Lingwistyki Stosowanej w Uniwersytecie Warszawskim. Znawca literatury rosyjskiej, twórczości Fiodora Dostojewskiego; literaturoznawca, badacz literatury rosyjskiej XIX wieku, kwestii rosyjskiej mentalności, kultury, rosyjskiej myśli filozoficzno-religijnej. Autor 32 publikacji naukowych w Polsce, Rosji, Białorusi. W dorobku naukowym znajduje się monografia *Грех по Достоевскому* (Mińsk 2007). Redaktor naczelny Działu Informacji Telewizji Biełsat (TVP S.A.); dziennikarz, twórca ponad 1000 reportaży o tematyce politycznej, społecznej, kulturowej; przeprowadził setki wywiadów ze znanymi politykami, naukowcami, ekspertami; pracował jako reporter w Rosji, Białorusi, Ukrainie, Polsce, Niemczech, Szwecji.

NEONILA PAWLUK

Mgr filologii rosyjskiej; nauczycielka; doktorantka w Zakładzie Literatury i Kultury Rosyjskiej XX–XXI wieku Instytutu Filologii Słowiańskiej w Uniwersytecie Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie; buninolog. Główne tematy badawcze: ciało i cielesność, relacja Ja–Ty, proksemika i transgresja cielesności. Przygotowuje rozprawę doktorską nt. *Ciało i transgresja cielesności w emigracyjnej twórczości Iwana Bunina*. Autorka 7 publikacji z zakresu antropologii literatury.

EKATERINA A. ROVBA / ЕКАТЕРИНА АЛЕКСАНДРОВНА РОВБА / КАЦЯРЫНА АЛЯКСАНДРА РОЎБА

Mgr filologii, specjalność: lingwistyka stosowana i matematyczna; wykładowca w Katedrze Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Lingwistycznych na Wydziale Filologicznym Grodzieńskiego Uniwersytetu Państwowego im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś). Przedmiot zainteresowań naukowych stanowi lingwistyka korpusowa oraz lingwodydaktyka.

MAGDALENA RYBCZYŃSKA

Mgr, lingwistyka stosowana, język rosyjski i angielski (specjalizacja tłumaczeniowa); absolwentka Uniwersytetu Kazimierza Wielkiego w Bydgoszczy oraz Wyższej Szkoły Bankowej w Toruniu; studia podyplomowe w zakresie tłumaczeń ekonomiczno-prawnych w biznesie (język angielski); doktorantka na Wydziale Humanistycznym UKW w Bydgoszczy. B. lektor języka angielskiego w Bydgoskiej Szkole Wyższej; posiada doświadczenie zawodowe jako analityk finansowy. Interesuje się lingwistyką stosowaną rosyjsko-angielską. Przygotowuje rozprawę doktorską nt. *Przesunięcia semantyczne w angielskich zapożyczeniach leksykalnych (na podstawie rosyjskiego języka Internetu)*. Autorka kilku publikacji, m.in. artykułu *Adaptacja morfologiczna anglicyzmów w języku rosyjskim* („Przegląd Rusycystyczny" 2013, nr 4).

INNA YU. SAMOYLOVA / ИННА ЮРЬЕВНА САМОЙЛОВА

Dr nauk filologicznych, językoznawstwo; docent, kierownik Katedry Języka Rosyjskiego Jako Obcego i Dyscyplin Językoznawczych w Grodzieńskim Uniwersytet Państwowym im. Janki Kupały w Grodnie (Białoruś). Autorka monografii: *Динамическая картина мира И. Бродского. Лингвистический аспект* (Grodno 2007) oraz licznych prac nt. języka Josifa Brodskiego.

OLGA F. SHATALOVA / ОЛЬГА ФЁДОРОВНА ШАТАЛОВА / ВОЛЬГА ШАТАЛАВА ФЁДАРАЎНА

Dr nauk socjologicznych; wykładowca w Kolegium Białoruskim, Wydział Historii Najnowszej Białorusi w Mińsku (Białoruś). Zainteresowania naukowe obejmują problematykę białoruskiej kultury ludowej w aspekcie diachronicznym, przestrzeni socjokulturowej włościan białoruskich, tożsamości narodowej w świetle badań historii mówionej, religijnych wyobrażeń XIX-wiecznych chłopów białoruskich; poruszane tematy: „swoje" i „cudze" w pamięci kulturowej, kwestie żydowskie w społeczności chłopskiej. Autorka artykułów w języku angielskim, polskim, rosyjskim i białoruskim; publikacje w tomach zbiorowych w Niemczech, Polsce, Rosji, a także na łamach pism: „Studia Białorutenistyczne", „Acta Albaruthenica", „Российско-польский исторический альманах".

TATIANA G. SHCHEDRINA / ТАТЬЯНА ГЕННАДЬЕВНА ЩЕДРИНА

Dr hab. nauk filozoficznych; profesor w Katedrze Filozofii w Państwowym Moskiewskim Uniwersytecie Pedagogicznym (Rosja); wiceprzewodnicząca Rady Naukowej ds. Filozofii Wychowania i Problemów Metodologii Badań w Rosyjskiej Akademii Wychowania. Zainteresowania naukowo-badawcze związane z filozofią i metodologią Gustawa Szpeta, obejmują zagadnienia tekstologii w badaniach historyczno-filozoficznych, filozofii kultury, „wyrażenia" w lingwistyce i „filozofii słowa", epistemologii w twórczości Szpeta, wewnętrznej forma muzyki, przekładu jako problemu historyczno-kulturowego. Główny postulat badawczy: rozpatrywanie kwestii fenomenologicznych sformułowanych w *Явление и смысл* (Moskwa 1914) Szpeta w kontekście tzw. *archiwum epoki*, tj. z uwzględnieniem dziedzictwa epistolarnego, dzienników, a także ówczesnych recenzji tego dzieła. Autorka lub współautorka kilkudziesięciu artykułów naukowych, wielu monografii, m.in. *Архив эпохи. Тематическое единство русской философии* (Moskwa 2008), *Истоки культурно-исторической психологии. Философско-гуманитарный контекст* (we współaut., Moskwa 2010), redaktorka prac: *Философское наследие Густава Шпета. У истоков семиотики и структурализма* (Moskwa 2010), *Шпет Г.Г. Философская критика. Отзывы, рецензии, обзоры* (Moskwa 2010), *Шпет Г.Г. Философия и наука. Лекционные курсы* (Moskwa 2010), *Густав Шпет. Философ в культуре. Документы и письма* (Moskwa 2012), *Густав Шпет и шекспировский круг. Письма. Документы. Переводы* (Moskwa — Sankt Petersburg 2013).

ANDRZEJ SITARSKI

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo, prof. nadzw. Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza w Poznaniu i Wyższej Szkoły Języków Obcych w Świeciu n/Wisłą; językoznawca specjalizujący się w zakresie leksykologii rosyjskiej i polskiej, semantyki kognitywnej oraz teorii i praktyki przekładu. Autor około 80 publikacji, w tym monografii: *Польская и русская терминология в свете словообразовательного и лексического явлений* (Poznań 1991), *Структура и функционирование наречий в русском языке новейшего времени* (Poznań 2001). W dorobku przekładoznawczym znajduje się m.in. tłumaczenie na język polski powieści monograficznej Galiny Wiszniewskiej — *Galina — historia mojego życia* (Poznań 2000). Jest także autorem kilku kursów języka rosyjskiego dla odbiorcy polskiego, m.in. *Rosyjski w 3 miesiące* (Poznań 2002). Członek Kolegium Redakcyjnego czasopism naukowych — „Acta Polono-Ruthenica" i „Zeszytów Naukowych Wyższej Szkoły Języków Obcych w Świeciu".

ŻANNA SŁADKIEWICZ / ЖАННА СЛАДКЕВИЧ

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt habilitowany, od 2014 roku kierownik Katedry Pragmatyki Komunikacji i Akwizycji Języka w Instytucie Filologii Wschodniosłowiańskiej Uniwersytetu Gdańskiego. Założycielka i kierownik Pracowni Badań Nad Rosyjskim Językiem Potocznym, członek Pracowni Badań Nad Socjolingwistycznymi Aspektami Języka, członek Rady Naukowej „Studia Rossica Gedanensia". Opublikowała ponad 50 prac naukowych z zakresu językoznawstwa rosyjskiego, słowiańskiego, komunikologii, komunikologii porównawczej, pragmalingwistyki, frazeologii. Wydała rozprawę habilitacyjną *Политический фельетон в свете теории речевого воздействия* (Gdańsk 2013). Współautorka podręcznika akademickiego: *Ćwiczenia z fonetyki języka rosyjskiego dla początkujących* (Gdańsk 2014), autorka i współredaktorka monografii: *„Mówimy, jak mówimy…". Komunikacja w języku potocznym. Podejście interdyscyplinarne* (Gdańsk 2014), *„Mówimy, jak mówimy..." Gdzie ukryta jest potoczność?* (Gdańsk 2015), *Imiona komunikacji językowej, czyli demakijażowanie sensów* (Gdańsk 2015).

WANDA STEC

Dr nauk humanistycznych, językoznawstwo; adiunkt w Katedrze Językoznawstwa Wschodniosłowiańskiego i Translatoryki Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej w Uniwersytecie Gdańskim; b. zastępca Dyrektora Instytutu ds. Naukowych; kilkunastoletnie doświadczenie w pracy na stanowiskach urzędniczych i kierowniczych w polskich urzędach państwowych i jednostkach samorządu terytorialnego; czynny tłumacz języka rosyjskiego: od 1997 (nieprzerwanie) tłumacz przysięgły; tłumacz konferencyjny (symultaniczny i konsekutywny); członek Bałtyckiego Stowarzyszenia Tłumaczy; b. członek i tłumacz Komisji ds. Pracy i Polityki Społecznej w rządowo-samorządowej Polsko-Rosyjskiej Radzie ds. Współpracy. Zainteresowania naukowe obejmują językoznawstwo konfrontatywne polsko-rosyjskie (leksykologia, semantyka, słowotwórstwo), w tym badania porównawcze słownictwa specjalistycznego (terminologii i nomenklatury), w szczególności nazw roślin leczniczych, a także praktykę przekładu tekstów specjalistycznych. Autorka ponad 20 publikacji naukowych

z zakresu językoznawstwa; ponadto współautorka podręcznika *Zatrudnienie socjalne. Informacja o regulacjach prawnych oraz standardy usług świadczonych przez Centra Integracji Społecznej* (Ministerstwo Polityki Społecznej RP, Warszawa 2004). Artykuły naukowe i prace m.in. na łamach pism: „Przegląd Rusycystyczny", „Studia Wschodniosłowiańskie", „Acta Polono-Ruthenica", „Przegląd Wschodnioeuropejski", „Czasopismo Aptekarskie", „Rocznik Elbląski", w serii „Prace Komisji Językoznawczej Bydgoskiego Towarzystwa Naukowego", „Паланістыка = Полонистика = Polonistyka", także za granicą (Ukraina, Łotwa). Bogaty dorobek przekładowy, w tym publikacje tłumaczeń opracowań historyczno-naukowych, edukacyjnych, turystycznych i prasowych.

KRYSTYNA SZCZEŚNIAK

Prof. zw. dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; profesor w Katedrze Slawistyki w Uniwersytecie Gdańskim; b. kierownik Katedry; specjalistka w dziedzinie onomastyki, fitonimii, językoznawstwa ogólnego, języka religii i kulturoznawstwa (w tym świata zamów); obszar badań naukowych obejmuje pogranicza (kultur, języków, czasowe, religijne, mniejszości językowe), zwłaszcza teren byłych Prus Wschodnich i ukochane Mazury, a także Słowiańszczyznę Zachodnią, Południową i Wschodnią. Autorka ponad 100 publikacji naukowych, w tym trzech monografii: *Nazwy miejscowości byłych powiatów oleckiego i gołdapskiego* (Gdańsk 1994), *Toruńska teka Marcina Giersza. Analiza materiału onomastycznego* (Gdańsk 1994), *Świat roślin światem ludzi na pograniczu wschodniej i zachodniej Słowiańszczyzny* (Gdańsk 2008/2013). Redaktor lub współredaktor naukowy książek: *Tematy. Księga jubileuszowa w 70. rocznicę urodzin Profesora Leszka Moszyńskiego* (Gdańsk 1998), *Słowo z perspektywy językoznawcy i tłumacza* (Gdańsk 2002), *Rośliny w języku i kulturze* (Gdańsk 2011), *Przeszłość i teraźniejszość języków słowiańskich* (Poznań 2009). Członek Polskiego Towarzystwa Językoznawczego, Towarzystwa Miłośników Języka Polskiego, Komisji Językoznawczej Bydgoskiego Towarzystwa Naukowego. Recenzent czasopism naukowych „Acta Baltico-Slavica" i „Rozprawy Komisji Językowej ŁTN".

MARIAN SZCZODROWSKI

Prof. zw. dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo stosowane; germanista, filolog klasyczny, glottodydaktyk; profesor senior Uniwersytetu Gdańskiego; b. kierownik Katedry Filologii Germańskiej (1994–1996), b. kierownik Zakładu Teorii Komunikacji Obcojęzycznej w Instytucie Filologii Germańskiej (1995–2010); b. dziekan Wydziału Filologiczno-Historycznego Uniwersytetu Gdańskiego (2002–2005); obecnie zatrudniony w Ateneum — Szkole Wyższej w Gdańsku. Problematyka badawcza obejmuje zagadnienia z zakresu glottodydaktyki obcojęzycznej: procesy receptywnego, reproduktywnego i produktywnego opanowywania języków obcych; glottokodematyki obcojęzycznej: procesy kodowania obcojęzycznych informacji przez nauczającego i ich bezpośrednie przekazywanie do uczącego się oraz przebiegające w nim procesy dekodowania i zakodowywania nowo prezentowanych struktur informacji w obcojęzycznym magazynie-mechanizmie, funkcjonowanie intraindywidualngo subukładu sterowniczego i samosterowalnego nadawcy, interindywidualnego subukładu

sterowniczego i samosterowalnego na odcinku nadawca — odbiorca, intraindywidualnego subukładu sterowniczego i samosterowalnego odbiorcy oraz subukładu kontrolnego od sekundarnego nadawcy do sekundarnego odbiorcy. Autor 5 monografii: *Modele konfiguracji materiału językowego w planie lingwistyczno-dydaktycznym* (Warszawa — Poznań 1977), *Statyczne i dynamiczne struktury języka w aspekcie glottodydaktycznym* (Szczecin 1988), *Steuerung fremdsprachlicher Kommunikation* (Gdańsk 2001), *Glottokodematyka a nauka języków obcych* (Gdańsk 2004), *Fremdsprachliche Lehr-Lern--Vorgänge im kodematischen Blickfeld* (Gdańsk — Sopot 2009) oraz grubo ponad 100 innych publikacji naukowych (podręczników, monografii wieloautorskich, artykułów, recenzji).

SVETLANA A. VERGEENKO / СВЕТЛАНА АНАТОЛЬЕВНА ВЕРГЕЕНКО / ВЯРГЕЕНКА СВЯТЛАНА АНАТОЛЬЕЎНА

Dr nauk filologicznych, folklorystyka; docent w Katedrze Kultury Białoruskiej i Folklorystyki na Wydziale Filologicznym Homelskiego Uniwersytetu Państwowego im. Franciszka Skaryny (Białoruś). Autorka i redaktorka ponad 60 prac naukowych dotyczących aktualnych problemów folklorystyki, w tym monografii: *„На моры-акіяне, на востраве Буяне…" (лекавыя замовы Гомельшчыны)* (Гомель 2009), *Фалькларыстыка. Замовы. Практычны дапаможнік для студэнтаў спецыяльнасці 1-21 05 01 „Беларуская філалогія"* (Homel 2011), *Матывы беларускіх лекавых замоў. Структурна-функцыянальны аспект (на матэрыялах фаль-клору Гомельшчыны* (Homel 2012).

NATALIA V. VOLODINA / НАТАЛЬЯ ВЛАДИМИРОВНА ВОЛОДИНА

Dr hab. nauk filologicznych, literaturoznawstwo; profesor w Katedrze Filologii Narodowej i Komunikacji Stosowanych Instytutu Humanistycznego w Czerepowieckim Uniwersytecie Państwowym (Rosja). Specjalistka w zakresie literatury rosyjskiej XIX wieku, historii rosyjskiej krytyki literackiej i teorii literatury; główne kierunki badań: konceptosfera literatury rosyjskiej, europeizm rosyjski, memuarystyka, biografie pisarzy. Autorka ponad 100 artykułów; w jej dorobku znajduje się 8 podręczników akademickich i 3 monografie: *Литературная критика как фактор культуры* (Sankt Petersburg 1993), *Литературный герой как читатель* (Czerepowiec 1997), *Майковы. Преданья русского семейства* (Sankt Petersburg 2003), *Концепты, универсалии, стереотипы в сфере литературоведения* (Moskwa 2010/2014).

JAN WAWRZYŃCZYK

Prof. dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; rusycysta, polonista; profesor zwyczajny senior Uniwersytetu Warszawskiego (Instytut Lingwistyki Stosowanej). Zainteresowania naukowe: gramatyka i leksyka rosyjska, leksykografia języka polskiego, leksykografia dwujęzyczna, rosyjsko-polskie językoznawstwo konfrontatywne, chronologizacja słownictwa polskiego schyłku XVII — pocz. XXI wieku, bibliografia słowiańska, bibliometria. Dorobek naukowy obejmuje ponad 200 publikacji, w tym 50 pozycji książkowych; ważniejsze książki: *Polszczyzna, jaką znamy. Nowa sonda słownikowa* [we współaut. z A. Bogusławskim] (Warszawa 1993), *Słownik bibliograficz-*

ny języka polskiego. T. 1–10 (Warszawa 2000–2012), *Inny ‚Doroszewski'* (Łask 2010), *Słownictwo nowopolskie. Redatacje* (Warszawa 2011), *O stronie ruscorporainpoland.pl* (Warszawa 2014), *Fotocytatografia polska. Koniec XVIII — początek XXI w.* T. 1. (Warszawa 2014). Autor i redaktor wielu znaczących opracowań leksykograficznych z zakresu słownikarstwa polsko-rosyjskiego, twórca nowych nurtów w leksykografii.

MAJA WIĘCKOWSKA

Mgr filologii rosyjskiej, literaturoznawstwo; absolwentka Uniwersytetu Warszawskiego; doktorantka w Instytucie Komunikacji Specjalistycznej i Interkulturowej na Wydziale Lingwistyki Stosowanej Uniwersytetu Warszawskiego; zainteresowania naukowe — życie i twórczość Iwana Bunina.

KATARZYNA WOJAN

Dr hab. nauk humanistycznych, językoznawstwo; absolwentka Uniwersytetu w Turku (Finlandia), studia fennistyczne; adiunkt habilitowany w Katedrze Języków Wschodniosłowiańskich i Translatoryki Instytutu Filologii Wschodniosłowiańskiej w Uniwersytecie Gdańskim; współpracuje z Katedrą Skandynawistyki; lektorka języka fińskiego. Założycielka i kierownik Pracowni Leksykograficzno-Bibliograficznej oraz Pracowni Języka Fińskiego; redaktor naczelny „Studia Rossica Gedanensia"; członek międzynarodowych towarzystw naukowych (m.in. European Acoustics Association i Polskiego Towarzystwa Akustycznego). Współpracuje z Centre for International Mobility/Finnish Studies at Universities abroad w Helsinkach. Autorka, współautorka lub współredaktorka ponad 100 prac z zakresu leksykologii słowiańskiej, ugrofińskiej, komparatystyki lingwistycznej, leksykografii przekładowej, historii leksykografii, bibliografistyki, przekładoznawstwa, akustyki mowy, w tym 10 monografii, m.in. *Wstęp do badań wieloznaczności leksemów w ujęciu kontrastywnym* (Gdańsk 2010), *Przypadkowe i nieprzypadkowe wędrówki leksemów* (Gdańsk 2010), *Rosyjskie leksemy homonimiczne w teorii językoznawczej i praktyce leksykograficznej* (Gdańsk 2011), leksykografii: *Język rosyjski w polskiej leksykografii przekładowej. Bibliografia słowników za lata 1795–2005* (Gdańsk 2006), *Słownik homonimów leksemowych języka rosyjskiego z polskimi ekwiwalentami tłumaczeniowymi* (Gdańsk 2011), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe lingwistyczne i encyklopedyczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2013), *Język angielski w polskiej leksykografii. Słowniki przekładowe terminologiczne wydane w latach 1782–2012* (Gdańsk 2014). Autorka pierwszej polskojęzycznej monografii o języku fińskim: *Zrozumieć język fiński* („Speculum Linguisticum", vol. II, Warszawa 2014) oraz pierwszego dużego słownika polsko-fińskiego: *Polsko-fiński tezaurus tematyczny*. T. 1: *Ziemia i Kosmos* (Gdańsk 2012). Znaczna część prac poświęcona badaniom homonimiki leksemowej w aspekcie relacji języków: polski-rosyjski, polski-fiński, rosyjski-fiński. Twórczyni szkoły metodologiczno-badawczej w zakresie *homonemiki międzyjęzykowej*. Posiada dorobek w dziedzinie przekładu literackiego na język fiński (publikacja w „Parnasso").

Opracowała Katarzyna Wojan